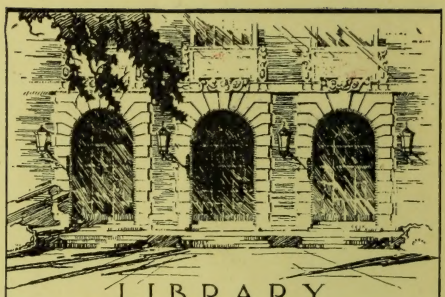
95
P-19
123529

ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ
БИБЛИОТЕКА
№
ЗЕМСКАЯ

152-131 153-154



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
[redacted]
891.705
RUS
1902
no.1

483

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 27 1987
JUL 14 1987

L161—O-1096

„НОВАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ,

ЕГО НАСЕЛЕНІЕ И МИНЕРАЛЬНЫЯ БОГАТСТВА.

91 + IV стр.

Н. А. Дьячковъ.

Цѣна 15 коп.

ИСТОРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЖИЛИЩА

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Съ рисунками въ текстѣ и сравнительной таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологическомъ порядкѣ, на отдѣльномъ листѣ, 200 стр.

Цѣна 50 коп.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой *Индо-Китая* и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 к.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 170 стр. Ц. 30 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой.* 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ моргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблицей діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Круппа*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Бытовые очерки. Въ мастерской. *И. А. Данилина.* Преступники. *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Петръ Розеггеръ. **Разсказы.** (Изъ жизни штрійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ. Государственное устройство. Экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой.* 135 стр. Ц. 25 к.

Д. Н. Мамин-Сибирякъ. **Башка.** (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

А. И. Эртель. **Офицерша. Подъ шумъ вьюги.** 77 стр. Ц. 15 к.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ.

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго, Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
Владиміра Соловьева	„	философіи.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 67-й полутомъ (Трумъ—Углеродистый кальцій).

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1 При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 10 вып. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной).

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.

ствомъ богатыхъ купчиковъ, если тѣ—студенты или бывшіе студенты. Они къ нему относились всегда съ шутливымъ снисхожденіемъ, по своему дружили съ нимъ, но не любили его «превыспренности», не вдавались съ нимъ въ споры, до которыхъ онъ большой охотникъ. Ѣздаковъ, еще въ послѣднюю ихъ встрѣчу, сказалъ ему:

— Ты братъ, Павликъ, великій франтъ. Только другіе франтятъ рейтузами и бобрами, а ты интеллигентный франтъ, все прикидываешь на себя разныя моды: то пессимистъ, то соціологъ, то анархистъ, а то такъ и ерундистъ! Это съ тебя, голубчикъ, слиняетъ, когда ты начнешь просто жить, а не предаваться забавамъ головастика.

Ему бы слѣдовало тогда осадить Ѣздакова, а онъ промолчалъ, только усмѣхнулся.

. . . . . .

— Ваши развѣ въ Москвѣ остались?—спросилъ его драгунъ.

Онъ у нихъ бывалъ, студентомъ, на вечерахъ, но что-то давно не показывался.

— Мы тутъ, въ Паркѣ,—отвѣтилъ Кардуевъ.

— И никуда не двинетесь? На воды, на море?

— Не знаю... Кажется, мама собирается съ сестрой въ Біаррицъ. Я не поѣду,—выговорилъ онъ рѣшительно.—Останусь здѣсь. Можетъ, съѣзжу въ Крымъ.

— А за границу, значитъ, не тянетъ?—спросилъ его юнкеръ.

Отъ того сильно пахло спиртомъ. Его красное, потное лицо налилось, точно яблоко, и свѣтлые усы задорно торчали, завитые вверхъ, по прусскому образцу.

— Павликъ насчетъ заграницы блязированъ?—спросилъ своимъ обычнымъ тономъ Ѣздаковъ, кивнувъ на него головой.—Съ европеизмомъ слабо?

— Слабо?—подхватилъ Шивскій.—Ха-ха! А выпить рѣшительно отказываешься?

— Видишь... я пью,—указалъ Кардуевъ на бутылку зельтерской воды.

— Это гадость! Ну, хоть подбавь стоющаго вина!

И онъ подлилъ ему въ стаканъ изъ бутылки шампанскаго.

Кардуевъ чувствовалъ, что онъ никакъ не подходитъ къ этому подгулявшему обществу. Навѣрно, у нихъ шла, до него, шумная бесѣда. Разумѣется, «врали»... Женщины, лошади, «тотошка», кутильные анекдоты съ циническимъ букетомъ, особенно ему противнымъ.

Ему показалось даже, что тѣ двое, статскій и юнкеръ, уже взглядывали на него съ такимъ выраженіемъ, что, молъ, зачѣмъ только Ѣздаковъ и Шивскій окликнули этого тошнаго «ломаку».

Онъ зналъ, что его почти вездѣ считаютъ «ломакой». Въ такомъ духѣ прохаживается на его счетъ и Ѣздаковъ.

Смотритъ онъ «ломакой» и «рисовальщикомъ» оттого, что не можетъ надѣвать на себя личины, поддѣлываться подъ тонъ и «содержимое» ихъ разговоровъ, особенно, когда они нараспашку, въ холостой компаніи, и пары вина и ликеровъ ходятъ въ ихъ мозгу.

Вотъ ужъ года два, по крайней мѣрѣ, какъ онъ страдаетъ отъ нестерпимой низменности разговора вездѣ и у всякаго рода его знакомыхъ: дома, за столомъ, и на пріемахъ, у дамъ и мужчинъ, у молодыхъ людей и у барышенъ, у военныхъ и студентовъ.

Къ студентамъ онъ съ каждымъ днемъ дѣлался требовательнѣе... и дошелъ до того, что въ аудиторіяхъ, въ курилкѣ, въ шинельной или въ театрѣ, когда встрѣчался съ однокурсниками, почти что ничего не говорилъ.

И всѣ давно считаютъ его или ломакой, или чваннымъ бариномъ, или фатишкой, «интеллигентнымъ франтомъ», по выраженію Ѣздакова.

— Такъ, значитъ, съ Европой у Павлика слабо?—переспросилъ Шивскій и переглянулся съ остальными двумя.

Въ его взглядѣ Кардуевъ успѣлъ подмѣтить полупьяное выраженіе.

«Онъ, молъ, у насъ чудаковатъ, а главное, ломается и недурно было бы сбить съ него форсу!»

Обидчивость съ годами не пропадала въ немъ, хотя онъ съ нею и боролся. Вотъ и тутъ онъ уже испытывалъ чувство, похожее на то, что васъ начнутъ по обнаженному отъ кожи тѣлу трогать.

— Стало, извѣрился въ Европу?—спросилъ Ѣздаковъ и потрепалъ его по плечу, жестомъ выпускного воспитанника, подшучивающаго надъ третьеклассникомъ.

— Причемъ тутъ Европа?—отвѣтилъ Кардуевъ съ легкимъ движеніемъ плечъ.

— Да вотъ не тянетъ же туда...

— Куда?—остановилъ Кардуевъ.—На воды, на морскія купанья? Что я тамъ забылъ? Достаточно наглядѣлся я на всякое растакверство...

— Растакверство! Ха-ха!—подхватилъ юнкеръ и опрокинулъ себѣ въ горло рюмку розоваго ликера, точно рюмку водки.

— Всѣ мы растакверы,—протянулъ Ѣздаковъ,—когда попадаемъ въ Европу. Для насъ выдумано и это прозвище...

— Для кого для насъ?—опять остановилъ его Кардуевъ.—Я въ это сословіе не записывался. Да и зачѣмъ ходить такъ далеко? Развѣ

здѣсь, на Ходынкѣ, въ дни скачекъ, не такое же сплошное растаквер-ство, только поплоше сортомъ, чѣмъ въ Остенде и въ Біаррицѣ?

— Ты... полегче Павликъ!—крикнулъ ему драгунъ.—Здѣсь три представителя благороднаго спорта. И цѣлыхъ четыре—нашей все-общей подруги тотошки!

Юнкеръ и статскій—Кардуевъ уже забылъ ихъ фамиліи—захо-хотали и, какъ ему показалось, особенно глупо, даже для захмѣ-лѣвшихъ.

— Нѣтъ... вчера какъ... на «Гусынѣ» промахнулись!—вскри-чалъ юнкеръ, всталъ, поднесъ къ себѣ свѣчу, закурилъ и опять грузно опустился на стулъ.—Промахнулись... только не я. Мнѣ го-ворятъ: «Темляковъ... ставь на Гусыню два дублона».

«Дублонъ!—повторилъ про себя Кардуевъ.—Что это такое?»

Онъ не зналъ, что въ этой компаніи «дублономъ» зовутъ, съ нѣ-которыхъ поръ, золотой въ пятнадцать рублей.

— И не поставилъ. Нужды нѣтъ, что самые коренные лошадят-ники ставили. И первый... какъ бишь его?—пьянѣющимъ голосомъ спросилъ юнкеръ у драгуна.

— Кто? Говори толкомъ!

— Да вотъ... тотъ. Ахъ, Господи!

— Отшибло память?—спросилъ съ юморомъ Ѣздаковъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, отшибло. Сѣдой... бельомъ! Ахъ, ты, канальство! Во второй ложѣ сидѣлъ... ежели считать отъ старта. Съ семействомъ. И другъ дома... тотъ... какъ бишь его, строитель... подрядчикъ... однимъ словомъ, сихъ дѣлъ мастеръ.

— Темляковъ! У тебя начинаетъ прилипать языкъ!—кинулъ ему драгунъ.

— Нѣтъ еще... А на фамиліи память и безъ того у меня не пер-вый сортъ... Ну, да вы всѣ знаете. Рыжеватый... еще пробриваетъ себѣ верхнюю губу. Ты, Ѣздаковъ, первый долженъ знать его. И ты, Шивскій. И барина знаете. Можетъ, и бываете у нихъ.

— Да ты роди, наконецъ, фамилію!—крикнулъ драгунъ.

— Фамилія... самая хамская. Но онъ, слышно, въ трехъ мил-ліонахъ. И давно уже другомъ... въ томъ домѣ. Мамап еще на поло-женіи чуть не красавицы... хотя и дочкѣ ужъ навѣрно за двадцать. Еще такой носъ у матери... самой грузинской породы. Она княжна родомъ.

— Фамиліи тоже не спрашивай у тебя, Темляковъ?—крикнулъ драгунъ.

— Вродѣ Чавадзе, Шуршидзе... Но вотъ это ни на что не по-

хоже, что я барина-то... самаго коренаго лошадятника забылъ... Дай Богъ памяти!

Юнкеръ поднялся и его туго обтянутые бедра подъ короткими фалдами мундира круто выдались, точно сейчасъ разорвутся его рейтузы по шву.

Онъ налилъ себѣ опять розоваго ликера, хлопнулъ и, поднимая руку, крикнулъ:

— Эврика! Кардуевъ—фамилія барина... мужа той грузинки, бывшей красавицы. А другъ дома самый что ни на есть патентованный... Фа-фа-фартовъ! Вотъ и схватилъ за хвостъ эту хамскую фамилію!

Ѣздаковъ и Шивскій переглянулись.

Кардуевъ наклонилъ голову и весь точно застылъ.

Въ первыя секунды ему показалось, что все это подстроено нарочно.

Вѣдь одинъ изъ его товарищей громко окликнулъ его, перегнувшись надъ балясинами терассы: «Кардуевъ».

Юнкеръ какъ ни выпилъ, но долженъ былъ слышать. И, наконецъ, ихъ знакомили.

Но тутъ онъ вспомнилъ, и также быстро, что ему назвали фамиліи тѣхъ двухъ молодыхъ людей и подъемъ нервовъ заставилъ эти фамиліи выскочить у него въ головѣ: Темляковъ—юнкеръ и Арнухинъ—статскій.

Но его никто не назвалъ: ни Ѣздаковъ, ни Шивскій.

И всетаки онъ обомлѣлъ, не зная, что ему дѣлать: сейчасъ же осадить этого юнкера, произвести скандалъ, ударить его, вызвать или также стремительно уйти?

Не все ли равно: зналъ этотъ юнкеръ, что онъ Кардуевъ—сынъ того барина и той «бывшей» красавицы, или нѣтъ?

Фактъ оставался неизмѣннымъ. Первый попавшійся пошлякъ,—а юнкеръ этотъ несомнѣнный пошлякъ,—можетъ и трезвый бухнуть то же самое, т.-е. что у его матери есть другъ—милліонщикъ, «самый что ни на есть патентованный».

Ѣздаковъ пожелалъ замять этотъ «инцидентъ». Изъ всѣхъ четверыхъ онъ былъ самый трезвый.

Но и онъ и Шивскій переглянулись между собою совершенно особенно.

Значитъ, и они думаютъ тоже, и разсказываютъ, при случаѣ, и когда подшучиваютъ надъ нимъ—особенно Ѣздаковъ—то считаютъ его дуракомъ, который ничего не понимаетъ, или «гнуснецомъ», который все понимаетъ и отмалчивается.

Товарищи замѣтили, что Кардуевъ сильно поблѣднѣлъ, а потомъ щеки его стали краснѣть.

— И вотъ, значитъ, у меня оказалось верхнее чутье... Первый спортсменъ—этотъ... бельомъ.

— Мы уже слышали! — остановилъ его Ѣздаковъ и опять переглянулся съ Шивскимъ. — Павликъ... позволь мнѣ подлить тебѣ вина?

— Спасибо... Мнѣ пора.

Кардуевъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и, не подавая никому руки—двинулся съ террасы черезъ залу, въ ту минуту пустую, къ передней.

За нимъ побѣжалъ Ѣздаковъ.

— Павликъ! Павликъ!—звалъ онъ его сзади, догналъ и взялъ за локоть.—Одну минуту! Такъ нельзя...

Онъ увлекъ его въ уголъ, гдѣ эстрада для цыганъ и небольшой балкончикъ.

— Прощай!—выговорилъ Кардуевъ, уже овладѣвшій собою.

— Прости... пожалуйста... Ты видишь, этотъ Темляковъ пьянъ. И на его болтовню нельзя же обращать вниманія.

— Я вѣдь и не сдѣлалъ ничего такого.

— Понимаю! Тебя это рѣзнуло. Но пожалуйста, на насъ съ Шивскимъ не будь въ претензіи. Мы никакъ же не могли ждать ничего подобнаго. Наконецъ... возьми то въ соображеніе, что онъ могъ и не знать, кто ты. Кажется, ни я, ни Шивскій, когда васъ знакомили—не назвали тебя.

— Это все равно,—съ чуть замѣтной дрожью выговорилъ Кардуевъ. — Но скажи, еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, какъ бы ты поступилъ? А?

— Я не знаю. Это зависитъ отъ темперамента. Можетъ, засвѣтилъ бы ему пощечину.

— Видишь!

— Но если ты желаешь—мы заставимъ его сейчасъ же извиниться передъ тобой. Вернись. Я тебѣ ручаюсь!

— Не нужно.

— Наконецъ, и я, и Шивскій къ твоимъ услугамъ. Темляковъ проспится, и мы, отъ твоего имени, можемъ потребовать отъ него...

— Чего? Сатисфакціи? Вѣдь ты самъ же говорилъ, что онъ не зналъ—кто я.

— Мало ли что! Ты нашъ товарищъ, можно даже сказать однокашникъ, а онъ такъ... рейтузникъ. И даже сегодня примазался къ

намъ. Онъ совсѣмъ не нашего общества,—прибавилъ при этомъ Ѣздаковъ, выпятивъ нижнюю губу.

— Позволь мнѣ самому разсудить какъ и что̀,—выговорилъ поспѣшно Кардуевъ, поднимаясь со стула, куда его усадилъ товарищъ.

— Только ты, Павликъ, ради Бога, не будь въ претензіи на насъ. Мы тутъ... какъ куръ во щи.

— Хорошо, хорошо! Напрасно безпокоишься.

— Еще разъ... мы съ Шивскимъ въ твоемъ распоряженіи. Адресъ его я тебѣ доставлю.

Ѣздаковъ остановилъ его въ дверяхъ передней.

— А лучше—плюнуть. Пустая болтовня пьянаго юнкеришки! И больше ничего... Ты здѣсь въ Паркѣ?... Гдѣ?...

Кардуевъ почти нехотя назвалъ дачу.

— А! Знаю! Туда къ Разумовскому, на дворѣ... съ колоннами? Ты, пожалуйста, Павликъ! Sans rancune!

«Оставь ты меня въ покоѣ»!—чуть не крикнулъ Кардуевъ и сбѣжалъ со ступенекъ крыльца.

Швейцаръ въ поддевкѣ и съ голубымъ воротомъ рубашки, подалъ ему велосипедъ. Онъ вскочилъ на сидѣнье и однимъ взмахомъ вылетѣлъ изъ воротъ.

II.

Велосипедъ несся точно на крыльяхъ.

Стало замѣтно темнѣть по шоссе, между двумя опушками лѣса.

Кардуевъ хотѣлъ утишить свое волненіе тѣлесной усталостью. Онъ все увеличивалъ скорость и навѣрно она уже равнялась двадцати верстамъ въ часъ.

Вѣтерокъ врывался ему въ уши. Головѣ дѣлалось свѣжѣе; но она не переставала перебирать—все въ одну и ту же сторону.

То, что случилось въ ресторанѣ—нельзя уже никакими силами измѣнить.

Пьяненькій юнкеръ, проспавшись, и даже сегодня, если онъ къ ночи совсѣмъ не свалится, а отрезвится—готовъ будетъ извиниться.

Но въ чемъ? Онъ не зналъ, что студентъ — изъ той семьи, про которую онъ такъ говорилъ? Положимъ—онъ «возьметъ свои слова назадъ» и попроситъ «предать ихъ забвенію».

«Что же однако измѣнится?»—спрашивалъ себя Кардуевъ.

По понятіямъ той компаніи—и, перваго, Ѣздакова—слѣдуетъ потребовать «сатисфакціи»; даже и отъ захмѣлѣвшаго пошляка

Это можно сдѣлать завтра. Но *должно* ли?

Ѣздаковъ бы, пожалуй, тутъ же «засвѣтилъ» ему—и тогда дуэль сдѣлалась бы неизбѣжной.

Боится онъ смерти?

Этотъ вопросъ онъ задаетъ себѣ не въ первый разъ. Никто не можетъ сказать, что онъ не трусъ, пока не поглядитъ прямо въ глаза смерти, а онъ въ такомъ положеніи не бывалъ.

Дуэль—варварство и нелѣпость; но въ томъ воздухѣ пошлости и подлыхъ сдѣлокъ съ совѣстью, гдѣ все вокругъ него барахтается, она, всетаки, «расчищаетъ воздухъ».

При немъ много разъ употребляли это выраженіе—«расчищаетъ воздухъ» и онъ не помнитъ, чтобы хоть разъ сталъ горячо возражать; а онъ вѣдь «возражатель», какъ его зоветъ все тотъ же Ѣздаковъ, еще съ гимназическихъ годовъ.

И цѣпляться за жизнь, только чтобы оставаться въ живыхъ—какая гнусность!

На это онъ не способенъ, и—какъ ему думалось—давно уже не способенъ.

Стало, надо поступить такъ: не требовать банальныхъ извиненій, потому что это ничего не измѣнитъ, а просто передать вызовъ, не принимая никакихъ оправданій.

Ему припомнилось слышанное когда-то отъ одного учителя, бывшаго дерптскаго студента, что тамъ хмѣль не принимается, какъ смягчающее обстоятельство.

Онъ даже и забылъ,—перебирая все это на лету велосипеда,—поставить вопросъ: на чемъ же онъ будетъ драться? Онъ совсѣмъ не стрѣлокъ, охоты не признаетъ; но онъ, еще гимназистомъ, забавлялся, стрѣляя въ цѣль изъ пистолета и духового ружья, и сколько помнитъ—набилъ себѣ руку. Его учили и фехтовать и онъ недурно владѣлъ рапирой, всего какихъ-нибудь года полтора назадъ.

«Это подробности»—беззвучно выговорили его губы.

Но если послать вызовъ, значитъ надо будетъ, этимъ самымъ, признать, что въ болтовнѣ юнкера было нѣчто, прямо оскорбительное для чести его матери, а потомъ и отца.

Только *для нихъ,* и *за нихъ;* но не для него, потому что юнкеръ дѣйствительно не зналъ, что тутъ сидитъ ихъ сынъ.

Будь это простое вранье, совершенный вздоръ, да еще отъ захмѣлѣвшаго юнкера—можно бы было «съ честью» удовольствоваться извиненіемъ.

А тутъ—совсѣмъ не вранье... и не пьяная только болтовня.

Юнкеръ, въ пошлыхъ выраженіяхъ, «ляпнулъ» то, что повторяютъ въ Москвѣ долгіе годы, что каждый игрочекъ въ «тотошку»,—

лорнируя ложи, говорилъ, десятки разъ, когда показывалъ, кивкомъ головы, на ложу Кардуевыхъ.

И Фартовъ для всѣхъ нихъ «самый патентованный другъ дома», т.-е. возлюбленный, на особыхъ правахъ.

Этой правды нельзя выѣсть никакой крѣпкой водкой изъ того, что̀ говорятъ въ Москвѣ больше десяти лѣтъ, не вытравить ему—сыну—изъ своего душевнаго «я».

Судьба точно съ умысломъ подослала ему сегодня юнкера въ узѣйшихъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ со шпорами, чтобы поставить ребромъ дилемму для его сыновней совѣсти.

«Что-нибудь да надо сдѣлать!» — повторялъ онъ, путаясь въ своихъ выводахъ. Головой можно было вывернуться изъ такого «инцидента» и такъ, и этакъ; но тамъ, на днѣ души, лежитъ что-то, требующее исхода, и непремѣнно *одного* какого-нибудь.

Но развѣ онъ не зналъ или, по малой мѣрѣ, не догадывался, что у нихъ въ домѣ давно идетъ все то же, съ тѣхъ поръ, должно быть, какъ онъ родился?

Помнитъ онъ себя лѣтъ съ семи—довольно ясно; нѣкоторыя сцены, картинки, даже разговоры—вполнѣ отчетливо.

И всегда былъ дядя «Арди»—такъ звали Фартова, когда говорили про него и онъ самъ пріучился такъ его звать: «Арди»—отъ имени Ардальонъ.

Полнымъ именемъ его зовутъ Ардальонъ Силычъ—«хамское имя отчество»—сказалъ бы Ѣздаковъ, допускающій только настоящія дворянскія имена.

Какой же порядочный человѣкъ будетъ прозываться по батюшкѣ «Силычъ»?

Да и фамилія... Фартовъ... Почему не Фертовъ? И что это значитъ? Каждая фамилія должна же имѣть смыслъ на какомъ-нибудь языкѣ.

Вотъ ихъ фамилія—Кардуевы—ничего не значитъ по-русски, если не отъ слова «кардъ» или «кардовать»; но они татарскаго рода и по-татарски корень, навѣрно, что-нибудь да значитъ.

А то Фартовъ? Только съ годъ назадъ онъ сталъ читать запоемъ очерки каторжной жизни, на Сахалинѣ, и увидалъ слово «фартъ», имѣющее тамъ совершенно опредѣленный смыслъ, на жаргонѣ колодниковъ.

И тогда его чувство къ Ардальону Силычу было уже теперешнее.

«Каторжный!» — точно обрадовался онъ.— И ему тотъ звукъ «фартъ» додѣлалъ всю физіономію друга ихъ дома.

Онъ строитель и учредитель и вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ

считается «на Москвѣ» самымъ солиднымъ по этой части. Про него говорятъ, что онъ въ «двухъ милліонахъ» собственныхъ денегъ, если не больше.

Можно ли нажить ихъ честно, въ такой короткій срокъ? И не есть ли всякая спекуляція—организованное воровство? Другимъ—каждому дай заработать пятакъ, а себѣ положи въ карманъ десять рублей.

Но не это одно ставило между ними что-то вродѣ перегородки—съ того возраста, когда онъ началъ всматриваться въ то, какъ живутъ его родители.

Ардальонъ Силычъ всегда былъ съ нимъ очень ласковъ, ровенъ и привѣтливъ; съ нимъ только говорилъ особымъ тономъ, шутилъ, обо всемъ спрашивалъ, втирался къ нему въ душу.

Но и эта постоянная ласка, баловство, игрушки, сласти и такіе цѣнные подарки, какъ лошадка-пони, лодка, а позднѣе велосипедъ, цѣнная библіотека въ шкапѣ изъ рѣзнаго дуба, всякіе увражи и коллекціи—не дѣйствовали на него, съ тѣхъ поръ, какъ онъ понялъ и окончательно убѣдился, какое положеніе этотъ Ардальонъ Силычъ занимаетъ въ домѣ.

Еще гимназистомъ, въ выпускномъ классѣ, онъ далъ понять матери своей, что не желалъ бы принимать такихъ подарковъ отъ Фартова... «отъ посторонняго человѣка», какъ онъ назвалъ его въ этомъ разговорѣ съ матерью.

Та какъ-то странно стѣснилась, а потомъ начала упрекать его въ жесткости, назвала «неблагодарнымъ мальчикомъ», удивилась—какъ онъ можетъ такъ относиться къ Ардальону Силычу.

У него тогда чуть не слетѣлъ съ губъ вопросъ:

— Да кто же онъ мнѣ, мама? Отецъ родной, что ли?

«Крестный» она его не называла, хотя прямѣе всего было бы тогда напомнить о томъ, что онъ «духовный» сынъ Фартова.

И такъ вотъ идетъ больше двухъ лѣтъ. Столкновеній не было. «Ардальонъ» (такъ онъ его зоветъ про себя) зачуялъ что-то, особенно послѣ того, какъ мать ему передала нежеланіе «Павлика» принимать отъ него цѣнные подарки.

По случаю вступленія его въ студенты чего бы тотъ ему не поднесъ! Но дѣло ограничилось только однимъ дорогимъ изданіемъ ко дню его рожденія. Не принять было бы черезчуръ неловко.

И тонъ его измѣнился. «Приставаній» больше не было съ разными «интимностями». Онъ продолжалъ говорить ему «ты» и звать «Павликъ», какъ и всѣ въ домѣ. Прежде, самъ Павелъ говорилъ ему «ты», «дядя Арди»; но перешелъ на «вы» подросткомъ, такъ по

пятнадцатому году, а студентомъ и подавно. Онъ всегда особенно отчетливо произноситъ: «Ардальонъ Силычъ».

Но дѣло вѣдь не въ томъ, не въ Фартовѣ, если его взять, какъ самостоятельную личность... не будь тутъ его положенія въ домѣ, которое извѣстно всему городу.

Снова красное и потное лицо юнкера, когда онъ болталъ о скачкахъ и тотализаторѣ—всплыло передъ нимъ.

Тотъ знаетъ даже, что мать его—грузинскаго рода княжна, что она «бывшая красавица» и все остальное...

И это «остальное» длится, по крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ.

«Можетъ и больше?»— въ первый разъ спросилъ себя Кардуевъ и такъ же захолодѣлъ, какъ и тамъ, на террасѣ ресторана, хотя весь онъ былъ въ испаринѣ отъ ѣзды.

Онъ убавилъ ходу, поѣхалъ шагомъ, вбирая всей грудью лѣсной духъ—запахъ листьевъ и хвои, который доносился до него съ обѣихъ сторонъ дороги.

Перешло уже за половину десятаго.

Ѣхать дальше? Куда? До самаго Разумовскаго?

Онъ повернулъ домой, подчиняясь смутному желанію очутиться вотъ сейчасъ тамъ, на дачѣ, гдѣ навѣрно онъ застанетъ всѣхъ на балконѣ или въ саду, въ бесѣдкѣ, за чаемъ. И навѣрно «Ардальонъ» уже тамъ. Онъ пріѣзжаетъ обыкновенно или къ обѣду, или послѣ девяти, когда дѣла въ городѣ задержатъ его.

Еще кто-нибудь изъ знакомыхъ отсюда же или изъ-подъ Разумовскаго, изъ Ховрина, изъ Владычнаго.

Разговоръ—общій, шумный, всегда о «злободневныхъ» вещахъ.

Самое это слово «злободневный» ненавистно ему. Никогда у нихъ въ домѣ не бываетъ никакого разговора на такія темы, на какія—для него—только и стоитъ «перетирать языкъ». Ни одной идеи, кромѣ разныхъ «штучекъ», вычитанныхъ изъ газетъ, или изреченій особой житейской мудрости. И хлесткія слова всѣ произносятъ въ ихъ особенномъ, московскомъ смыслѣ изъ жаргона тѣхъ людей, изъ которыхъ составляется «tout Moscou», Москва скачекъ, первыхъ представленій, разныхъ открытій и освященій, сезоновъ въ Крыму, на Кавказѣ, въ Парижѣ, въ Біаррицѣ, въ Монте-Карло, въ Остенде—вездѣ, гдѣ «развалъ» франтовства и азартной игры.

И всѣ они, отецъ, мать—мать въ особенности—сестра его Лена—на годъ его старше—и разумѣется, «милѣйшій Ардальонъ Силычъ»—считаютъ себя умнѣйшими москвичами, настоящими сливками общества, людьми съ высокимъ умѣньемъ «жить», съ рѣдкимъ тактомъ и «savoir vivre» и на чисто-дворянскій ладъ, и въ смѣшан-

гусѣ, какъ Ардальонъ—сынъ почетнаго гражданина и дворянки изъ губернской чиновничьей семьи.

Для его родителей первѣе всего—чтобы все было «корректно», безъ сучка и задоринки, гладко, мило и благородно. Ихъ наполняетъ увѣренность въ томъ, что ихъ домъ—и зимой, и лѣтомъ, и въ Москвѣ, и гдѣ бы то ни было, въ Россіи и за границей—самый пріятный домъ, гдѣ умѣютъ принимать, гдѣ всѣмъ ловко и удобно, гдѣ ѣда, питье, зимніе вечера, лѣтнія прогулки на дачѣ, игра—все выходитъ такъ «круглó», ласково и прилично.

И они оба знаютъ, что никто не станетъ говорить про нихъ худо, толковать о томъ, что дѣлается въ ихъ интимной жизни. Съ какой стати? Развѣ они способны чѣмъ-нибудь скандализовать людей ихъ круга? Домъ ихъ—гостепріимный и пріятный; но никакой распущенности у нихъ не видно. Нина Георгіевна никогда не забываетъ—какого она рода. Ея родители считали себя потомками мингрельскихъ царей, по женской линіи.

У ней и за большимъ столомъ, и въ болѣе тѣсномъ кружкѣ—никогда ни одного скабрезнаго анекдота, ничего показывающаго, что мужчины смотрятъ на нихъ, какъ на чету виверовъ съ сомнительной репутаціей.

Какъ чету, какъ супружество—ихъ можно было бы поставить въ образецъ.

Во-первыхъ, какой блистательный подборъ: она была красавицей, онъ тоже славился своимъ благообразіемъ. У него тогда еще значились прекрасное родовое имѣнье и конный заводъ. Княжна была тоже не безприданница, кончила съ шифромъ въ институтѣ, съ превосходной родней и въ старо-московскомъ дворянскомъ обществѣ. Ея мать, по себѣ, была чистая москвичка, не титулованная, но очень сановитаго рода, изъ котораго одинъ изъ царей взялъ себѣ жену.

Со стороны, если не быть москвичемъ или человѣкомъ мелкой подозрительности, Фартовъ—старый другъ обоихъ, на «ты» съ мужемъ, ведетъ себя всегда—при гостяхъ и при дѣтяхъ—въ полной мѣрѣ безупречно, особенно съ Ниной Георгіевной. Она ему говоритъ «мой другъ»—при постороннихъ, при мужѣ и дѣтяхъ.

Словомъ, согласное, прочно усѣвшееся супружество. Вотъ зимой, передъ Рождествомъ, они будутъ справлять свою серебряную свадьбу. Вся Москва всколыхнется—и дворянская, и купеческая—тутъ постарается «другъ»—и заставятъ всю залу и столовую золотыми и серебряными вещами, цвѣточными подношеніями и художественными альбомами. И будетъ великое ликованіе, и застольные краснобаи про-

изнесутъ нѣсколько спичей, гдѣ четверть вѣка супружеской *примѣрной* жизни превознесутъ на разные лады.

Помнитъ ли онъ, за послѣдніе пятнадцать лѣтъ—хотя бы какую-нибудь сцену и еще менѣе схватку, какія бываютъ въ любой семьѣ? Никогда, ничего. Все тотъ же милый, безъ слащавости, душевный тонъ между отцомъ и матерью.

Она его «Лёля»—«Лёва»; онъ ее «Ниночка». И всегда, съ утра, одѣтъ изящно, какъ молодой человѣкъ. Врядъ ли жена видѣла его хоть разъ въ халатѣ, съ тѣхъ поръ, какъ у каждаго своя спальня; а общей спальни онъ у нихъ не помнитъ, и въ раннемъ дѣтствѣ.

Льва Павловича можно принять скорѣе за спокойнаго ухаживателя—до такой степени онъ галантенъ съ своей женой.

«Вся» Москва знаетъ и про него то, что онъ самъ бы назвалъ: «un secret de Polichinelle». У него давнишняя и стойкая репутація любителя женщинъ. Но все это—довольно корректно, тамъ, гдѣ-то, въ мірѣ легкихъ и доступныхъ похожденій.

Про него мужчины говорятъ, какъ про образцоваго джентльмена и по этой части. Какъ въ картахъ, тотализаторѣ—онъ проигрываетъ съ постоянной «милой» усмѣшкой, желая неизмѣнно быть тѣмъ, что французы называютъ «un beau joueur», такъ и въ дѣлѣ своихъ уклоненій отъ супружеской вѣрности онъ никогда бы себѣ не позволилъ «нечистоплотной» связи: завести, на сторонѣ, второе семейство, имѣть незаконныхъ дѣтей, сдѣлаться рабомъ эротическаго старчества.

«Jamais de la vie»!

Это для него только извѣстный видъ «ухода за собой», средство «не опускаться», а быть и въ сорокъ восемь лѣтъ, и совсѣмъ сѣдымъ—еще «très désirable».

А съ «другомъ дома» онъ, должно быть, давно помирился.

Они—насколько Павелъ помнилъ себя—всегда были такими же пріятелями, какъ и теперь.

Когда для него стало ясно, какое положеніе занимаетъ въ домѣ Фартовъ, въ первые дни онъ бѣгалъ отца и была такая минута—онъ могъ пойти къ нему и сказать:

«Ты знаешь кто Фартовъ, и миришься съ этимъ».

Но потомъ онъ сталъ умнѣе, хотя и не такой же «умный», какъ его сестра Лена. Та все прекрасно понимаетъ и поставила себя въ домѣ какъ нельзя лучше. Отецъ всегда ее баловалъ, а мать точно побаивается ея; никогда она ей не сдѣлаетъ ни малѣйшаго замѣчанія. Съ Фартовымъ она обращается, какъ съ богатымъ родственникомъ, принимаетъ отъ него всякаго рода «аттенціи», цѣнные подарки,

ѣздитъ на его рысакахъ и въ то же время нисколько въ немъ не заискиваетъ.

Много разъ ему хотѣлось вызвать ее на разговоръ, но онъ боялся чего-то. Должно быть, того, что пришлось бы послѣ такого разговора совсѣмъ разойтись съ сестрой.

Они—точно съ двухъ разныхъ планетъ по своимъ взглядамъ на жизнь, симпатіямъ и вкусамъ.

Лена никого умнѣе собя не признаетъ и смотритъ на отца и мать сверху внизъ. Фартовъ для нея не авторитетъ; но она его ставитъ всетаки выше, потому что онъ—«жохъ»—милліонщикъ, разбогатѣвшій своимъ умомъ и ловкостью. Теперь, къ двадцать второму году жизни, у ней сложилась своя житейская философія, и съ высоты ея она глядитъ на такого, какъ онъ, «пустого малаго».

Это ея выраженіе. «Пустой» онъ, въ ея глазахъ, потому что думаетъ и чувствуетъ «по книжкѣ»—воображаетъ себя «позитивнымъ мыслителемъ», «соціологомъ», и «марксистомъ», и даже «анархистомъ»—все это разомъ. А въ сущности смѣшной «идеалистъ-головастикъ»—опять ея же выраженіе.

Она «книжекъ» не боится, но обо всемъ судитъ и рядитъ, на все у нея есть готовые ярлыки и оцѣнки. А всего-то кончила курсъ въ частномъ пансіонѣ и нигдѣ больше не училась. Но она поставила себя такъ, что ее всѣ слушаютъ, точно она и въ самомъ дѣлѣ «ума палата».

И всѣ четверо: мать, отецъ, другъ дома и дочь—чрезвычайно какъ спѣлись. Настоящій «квартетъ». Вотъ и сейчасъ они сидятъ за чайнымъ столомъ. Елена Львовна разливаетъ, споритъ съ Фартовымъ или кого-нибудь или что-нибудь отдѣлываетъ—все равно: знакомую, или то, что прочла, или туалеты барынь, или манеру играть піаниста, котораго слышала въ послѣдній разъ на Сокольничьемъ кругу, или петербургскаго тенора изъ Акваріума.

Мать тихо улыбается и изрѣдка вставитъ фразу. Отецъ ходитъ вокругъ стола, куритъ и также улыбается. Фартовъ сосредоточенно смотритъ въ свой стаканъ съ подстаканникомъ, если не споритъ съ Леной, или ѣстъ простоквашу, или малину съ густыми сливками, ѣстъ жадно и немножко, при этомъ, посапываетъ.

Сейчасъ и заворотъ къ ихъ дачѣ. Онъ еще замедлилъ ходъ.

И передъ нимъ опять всталъ вопросъ:

Какъ же быть? Оставить то, что онъ слышалъ на террасѣ ресторана «безъ послѣдствій», или... или, не соглашаясь ни на какія извиненія, послать юнкеру вызовъ?

Отвѣта—прямого, такого отвѣта, который бы вылетѣлъ изъ груди, самъ собою—не было въ немъ, и ему стало гадко за самого себя.

Если онъ и не трусъ, то значитъ онъ успѣлъ уже самъ уйти по уши въ болото, гдѣ такъ хорошо и его родителямъ, и его высокоумной и не пасующей ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ сестрицѣ—Еленѣ Львовнѣ.

III.

Надо было проѣхать мимо рѣшотки двора. Домъ стоитъ нѣсколько въ глубинѣ.

Еще не совсѣмъ смерклось. Лампъ еще не зажигали ни въ залѣ, ни въ гостиной. Навѣрно, сидятъ на балконѣ, за чайнымъ столомъ.

Онъ въѣхалъ во дворъ и повернулъ налѣво, въ открытую калитку сада. На крыльцо никто не вышелъ изъ прислуги.

По узковатой аллеѣ акацій проѣхалъ онъ сначала вглубь сада, тамъ слѣзъ съ велосипеда и, держа его одной рукой, прошелъ боковой дорожкой до круглой площадки, густо обсаженной липами.

Тамъ онъ присѣлъ на зеленый диванчикъ, а велосипедъ прислонилъ къ дереву.

Усталость только теперь почувствовалъ онъ, когда сѣлъ на садовый диванъ. Болѣе двадцати верстъ сдѣлалъ онъ въ разныхъ направленіяхъ. Онъ протянулъ ноги и весь потянулся.

И такъ ему захотѣлось сейчасъ же перестать быть «на яву», чтобы все кругомъ скрылось и онъ самъ потерялъ сознаніе.

Но ни заснуть, ни даже задремать онъ не былъ бы въ состояніи. Подняться къ себѣ, въ мезонинъ и лечь на кушетку, и такъ «проваляться» до поздняго часа? Онъ можетъ это сдѣлать и его никто бы и не увидалъ съ балкона. Но это малодушно!

Отъ жизни все равно не уйдешь! Она надвинется своимъ чередомъ, не справляясь съ твоими чувствами и идеалами.

До него стали доноситься голоса. Онъ узналъ голосъ Лены—рѣзкій и низковатый, точно голосъ гимназиста, у котораго будетъ черезъ два года баритонъ.

А вотъ сейчасъ Фартовъ выговорилъ свое неизбѣжное:

«Обязательно»!...

Еще чьи-то голоса, женскіе. Кажется, ихъ два, не больше.

Елена Львовна кого-то отдѣлываетъ «подъ орѣхъ». Раздаются взрывы смѣха. Она въ ударѣ. Отецъ, конечно, ходитъ поодаль, ласково посматриваетъ на нее и на гостей и глазами говоритъ:

«Вотъ какая у меня дочь умница. Ей пальца въ ротъ не клади».

Они всѣ спѣлись. Имъ прекрасно живется. А онъ давно уже «чужакъ». Поди онъ сейчасъ туда и, еслибъ не было посторонних, «ляпни», что ему предстоитъ дуэль съ какимъ-то юнкеромъ изъ-за чести матери.

Какъ бы онъ всѣмъ имъ показался глупъ! Какая чудовищная нелѣпость: нарываться на такую исторію! Кто его просилъ соваться?

И вѣдь такъ бы оно и было, даже и безъ громкаго скандала, если въ городѣ заговорятъ о томъ, что у молодого Кардуева вышла исторія съ юнкеромъ Темляковымъ изъ-за репутаціи матери.

Въ эту минуту ему такъ тяжко; а они тамъ, за чайнымъ столомъ—какъ всегда—идутъ полнымъ ходомъ, и то, что сболтнулъ подгулявшій юнкеръ, имъ всѣмъ прекрасно извѣстно, не только его родителямъ и другу дома, но и сестрицѣ его, Еленѣ Львовнѣ, и тѣмъ дамамъ, что пьютъ съ ними чай, и всѣмъ тѣмъ гостямъ, какіе еще подойдутъ или подъѣдутъ въ этотъ вечеръ.

Изъ-за чего же онъ будетъ соваться? И что онъ исправитъ, отъ чего очиститъ доброе имя своихъ родителей?

«Нелѣпо»!—почти вслухъ выговорилъ онъ.—И въ душѣ его не раздавалось ни одного негодующаго возгласа въ отвѣтъ на этотъ выводъ.

Нелѣпо и безплодно! Еслибъ онъ даже схватился за шансъ смертнаго исхода дуэли, то и тогда она будетъ такой же нелѣпой и безплодной; а для нихъ—безъ толку скандальной.

Покончить съ собою онъ не собирался. Онъ безъ малѣйшаго сочувствія смотритъ на нынѣшнія самоубійства. Игрѣ въ пессимизмъ онъ никогда не предавался и не считалъ себя даже въ правѣ уходить изъ жизни потому только, что ему не достался кушъ въ лотереѣ.

Стало—надо на все махнуть рукой?

И ему припомнилась тутъ одна смѣшная фраза изъ какой-то купеческой комедіи.

«Оставь втунѣ, пренебреги!»

«Оставить втунѣ»,—значитъ, идти туда на балконъ, попросить себѣ стаканъ чаю, участвовать въ общемъ разговорѣ, пріятно улыбаться, дѣлать видъ, что ему ничего не извѣстно, или ему ни до чего нѣтъ дѣла; что онъ считаетъ—какъ и всѣ такіе, какъ его родители—ихъ жизнь самой порядочной, пріятной, тонкой, во всѣхъ смыслахъ завидной.

Этого не будетъ! Что бы ни вышло у него съ тѣмъ юнкеромъ, но теперь онъ не можетъ уже жить въ домѣ такъ, *какъ* онъ жилъ до сихъ поръ.

— Павликъ, ты тутъ?—окликнула его сестра, съ балкона.

Онъ медленно поднялся и вошелъ на дорожку.

— Я здѣсь,—отвѣтилъ онъ.

Сестра перевѣсилась немного черезъ перила балкона. На столѣ, вправо, за угломъ, стояли двѣ лампы, съ цвѣтными абажурами.

— Ты что же спрятался? Иди пить чай. Здѣсь Щекаловы.

— Я усталъ... и мнѣ надо переодѣться.

— Совсѣмъ не явишься?

— Не знаю.

— Софи желаетъ съ тобой бесѣдовать. Они тебя видѣли. Не ловко.

— Я очень усталъ,—повторилъ онъ, и повелъ велосипедъ по той же аллеѣ акацій, по которой въѣхалъ въ садъ.

Что-то еще сказала его сестра, но онъ не разобралъ.

Велосипедъ онъ оставилъ внизу, въ широкихъ сѣняхъ, и, по боковой лѣстницѣ, поднялся въ свое помѣщеніе.

Оно состояло изъ передней и двухъ комнатъ, одна—его кабинетъ съ широкимъ балкономъ, подъ маркизой.

Было еще настолько свѣтло, что онъ могъ легко различать предметы.

Томленіе въ мышцахъ отъ скорой ѣзды овладѣло имъ сильнѣе. Не хотѣлось двинуть ни рукой, ни ногой. А всего больше не хотѣлось идти туда, внизъ, къ нимъ.

Но его не оставятъ въ покоѣ.

Мать, да и самостоятельная Елена Львовна, всегда стоятъ за соблюденіе правилъ о порядочности, особенно въ томъ, что относится до пріема гостей.

Его видѣли. Дѣвица Щекалова желаетъ съ нимъ бесѣдовать; а онъ не хочетъ носу показать.

Этого никакъ нельзя, если не объявить, что онъ нездоровъ.

Вотъ сейчасъ пришлютъ лакея звать его. Сама Лена къ нему не поднимется. Она для этого слишкомъ «первый нумеръ» въ домѣ.

«Первымъ нумеромъ» прозвалъ ее онъ же. Она это знаетъ и, кажется, прозвище очень понравилось и ей, и родителямъ, и Фартову.

Если попасть къ нимъ свѣжему человѣку, незнающему еще никого въ глаза, когда садятся обѣдать или ужинать,—то за хозяйку примутъ навѣрно ее—Лену.

Она всѣхъ разсаживаетъ, начиная съ родителей.

— Ты, пàпка—сюда! Мàмка, ты тамъ садись, около madame Щекаловой. Вы, Ардальонъ Силычъ, рядомъ съ Лили.

Эти дѣтскіе слова «папка», «мамка»—совсѣмъ уже нейдутъ къ ея рослой, грудастой фигурѣ, головѣ и манерамъ молодой дамы, а не

дѣвицы; но она такъ привыкла, и безцеремонность этихъ звуковъ придавала ей еще большій вѣсъ.

И за всѣмъ она слѣдитъ: что ѣдятъ, какъ ѣдятъ, какъ подаютъ, чего нехватаетъ, и что нужно вынесть, и что подать.

Все это по инстинкту властолюбія и авторитета.

А мать улыбается и говоритъ всѣмъ любезности.

И прислуга боится только одну «барышню», а не барыню или барина. Когда нужно сдѣлать «окрикъ» или кого разнести «съ трескомъ»—это беретъ на себя Елена Львовна.

Нѣтъ, онъ не пойдетъ къ нимъ. Скажетъ, что слишкомъ утомился или вернулся съ несносной мигренью. Она у него бываетъ чуть не каждую недѣлю, и зимой, и лѣтомъ.

Всего лучше было бы раздѣться.

Онъ быстро всталъ, снялъ съ себя китель, переложилъ въ спальню, надѣлъ лѣтнюю тужурку и, безъ галстука, легъ опять на кушетку въ кабинетѣ.

Невыносимо было бы, для него, въ ту минуту—глядѣть одновременно и на Фартова, и на мать, и на отца, особенно если у нихъ тамъ идетъ веселый разговоръ, та «сорочья болтовня»—его выраженіе,—безъ которой они не могутъ продышать одного дня.

Чьи-то шаги, довольно тяжелые, и со скрипомъ подошвъ.

Посланецъ Елены Львовны или матери.

— Павликъ! Ты здѣсь?—окликнулъ Фартовъ.

Притвориться спящимъ было бы всего легче; но вѣдь «Ардальонъ» войдетъ сюда и будетъ приставать.

Онъ не отвѣтилъ. Шаги приближались. Изъ спальни Фартовъ крикнулъ:

— Гдѣ ты? На балконѣ, что ли?

Какъ вульгаренъ показался ему самый звукъ его голоса, его архимосковское, полукупеческое произношеніе. Особенно это «што ли» отзывалось «хамомъ»—какъ сказалъ бы Ѣздаковъ, и былъ бы совершенно правъ.

— Здѣсь я,—наконецъ, отозвался онъ, не вставая съ кушетки.

— Голу́ба! Что съ тобою?

И это ужасное московское ласкательное слово «голу́ба!» Что за хамство! Не простое, а сугубое, и какъ онъ его нестерпимо мажетъ.

Въ дверяхъ встала плотная фигура Фартова, отдѣляясь на фонѣ спальни, гдѣ было вдвое темнѣе, чѣмъ въ кабинетѣ.

Онъ на полголовы ниже отца, плечистый, складъ у него купеческій, похо́жъ на артельщика или конторіста: курчавая, свѣтлорыжая голова, короткая шея, лицо красное, лоснится, при дневномъ свѣтѣ,

въ мелкихъ веснушкахъ, носъ широкій, верхняя губа пробрита, по-американски, и подстриженная короткой «лопаткой» борода.

На немъ смокингъ и бѣлый двубортный жилетъ съ круглымъ вырѣзомъ. Въ полутемнотѣ блеснули брильянтики на запонкахъ.

«И это немалое хамство!»—выговорилъ Павелъ про себя.

— Лежишь? Нездоровится?

Фартовъ присѣлъ на край кушетки.

Отъ него несло всегда сильнѣйшими духами, какой-то смѣсью изъ шипра, peau d'Espagne и еще чего-то.

На его щекахъ, около крыльевъ носа, залегли мелкія капельки пота. Эту потливость Павелъ давно подмѣтилъ въ немъ, и она дѣлала ему еще противнѣе наружность «Ардальона»—въ общемъ довольно благообразную.

— Нездоровится?—повторилъ Фартовъ участливо и положилъ свою правую руку на его голову.

Это прикосновеніе было Павлу физически непріятно.

Руки у «Ардальона» съ широкими пальцами, на суставахъ рыжеватые волоски, и на трехъ пальцахъ перстни.

— Усталъ я очень.

— Наѣздился на своей вертушкѣ?

«Вертушкой» Фартовъ называлъ велосипедъ. И на все у него были свои «рядскія» словечки.

— Да, дѣлалъ большіе концы,—нехотя отвѣтилъ Павелъ.

— Голова небось?—также заботливо выговорилъ Фартовъ.

— И голова не свѣжа.

— Внизъ не сойдешь?

— Скажите, тамъ, что мнѣ нездоровится.

— Мама будетъ встревожена. Просто скажу, что усталъ, и вся недолга.

— Какъ желаете.

Фартовъ обернулся къ нему всѣмъ лицомъ.

— Знаешь что, Павликъ? Тебѣ бы не слѣдовало киснуть здѣсь... все лѣто. Отчего ты не хочешь съ нашими дамами въ Біаррицъ? Онѣ мнѣ сказывали, что ты наотрѣзъ отказался провожать ихъ.

— Не наотрѣзъ... А надоѣло мнѣ торчать тамъ... на этой вѣчно одной и той же пляжѣ.

— Это вѣрно! Пріѣлась она-таки порядочно. Ну, хвати въ другое мѣсто. Выбирай любое. Хоть въ Скандинавскія страны. Нынче такіе рундрейзе есть къ сѣверному полюсу. Пріятное катанье, и не такъ, чтобы сверхъестественно дорого... А?

— Съ куками! Попасть въ ихъ компанію!

— Не одни ку́ки. Можно и по другому устроить. Ты въ этомъ году совсѣмъ захирѣлъ... И безъ того здоровье не важное. Мигрень всегдашняя... Тебѣ нуженъ просторъ. На палубѣ быть недѣлями, и чтобы тебя обдувало. Не хочешь пускаться въ море—побѣгай по Волгѣ взадъ и впередъ, разика по два, отъ Астрахани до Твери и обратно... А?

— Не знаю,—протянулъ Павелъ.

— Еслибъ у меня не мои дѣла я бы махнулъ съ тобою. Какъ разъ вчера видѣлъ рекламы. Всячески можно проѣхать... и отъ нѣмцевъ... Или сначала побывать въ Швеціи. Изъ Петербурга—пріятная прогулка. А теперь у насъ жарища будетъ. И теперь уже до 24 градусовъ въ тѣни. А черезъ недѣлю и за 30 Реомюръ махнетъ, навѣрняка!

Эти послѣднія два слова «махнетъ» и «навѣрняка» рѣзнули Павла.

Какъ это мать—нарядная и высокостильная—могла остановить свой выборъ на такомъ господинѣ?

Въ ея домѣ онъ, до сихъ поръ—фальшивая нота. Всѣ передъ нимъ лебезятъ, потому что онъ — милліонщикъ; но онъ не перестаетъ быть разночинцемъ.

Онъ и по-французски не рѣшится произнести ни одной фразы.

За этими брезгливыми мыслями всплылъ опять вопросъ:

Какъ же быть? Вызвать или оставить втунѣ?

И какъ бы нарочно Фартовъ—онъ закурилъ папиросу и отошелъ къ окну, чтобы не дымить,—сказалъ другимъ тономъ:

— А внизу тамъ, дамы разъѣхались насчетъ той петербургской исторіи.

— Какой?

— Ты навѣрно читалъ... Щекаловы знали этого кирасира. Онъ московскій. У него здѣсь старуха мать.

— Кто такой?—почти съ сердцемъ остановилъ Павелъ.

— Какъ бишь его... Усиковъ. Фамилія смѣшная. Но говорятъ—старо-дворянская. Я въ этихъ тонкостяхъ не спеціалистъ.

— Дуэль?—точно выпалилъ студентъ.

— А то какъ же? Наповалъ.

— Офицеры?

— Да. И стрѣлялись на той дорогѣ, гдѣ погибъ и Пушкинъ. Да и причина-то очень сходная.

— Изъ-за жены?

Голосъ у Павла даже немного перехватило, отъ скрытаго волненія.

— Да... Ты, значитъ, не слѣдилъ?

— Нѣтъ.

— Изъ-за жены,—выговорилъ Фартовъ и покосилъ ртомъ, выпуская дымъ.

Павлу видно было его лицо, въ полоборота.

— Любовника вызвалъ?

— Это старуха надвое еще сказала. Сплетни были... А главное, гдѣ-то при немъ... какой-то подгулявшій господинъ—не зная кто онъ—хватилъ что-то насчетъ жены и того... товарища... Они въ одномъ полку сначала были.

— Только изъ-за этого?

— Вѣдь это, душа моя, въ какой часъ и на какомъ человѣкъ взводѣ. Можетъ, были подозрѣнія, какъ и у Александра Сергѣевича Пушкина. А жена-то, говорятъ, замертво упала, когда его привезли. И слухъ былъ, что собралась совсѣмъ идти къ тому господину и всадить ему пулю... да слегла. Увезли, слышь, за границу. Чуть не рехнулась!

— Значитъ, изъ-за пустой болтовни?

— Очевидно... Но болтовня болтовнѣ рознь.

«Какъ!—мысленно вскричалъ студентъ. Даже по пустому подозрѣнію, а можетъ и съ полной вѣрой въ то, что жена ему вѣрна—первый попавшійся офицеръ пошелъ на смерть! А я? У меня не подозрѣніе... а полная увѣренность, и про мою мать всякій пьяный юнкеръ у Яра, въ Мавританіи или въ какомъ-нибудь притонѣ—будетъ безнаказанно говорить, что она на содержаніи у милліонщика!»

Юнкеръ этого не сказалъ, но кому же въ Москвѣ не извѣстно, что Фартовъ много разъ выручалъ его отца?... Имѣнье-то, орловское, гдѣ заводъ, два раза шло подъ молотокъ... и уцѣлѣло... конечно, на деньги «Ардальона».

Все это прошлось въ его головѣ быстро-быстро, въ нѣсколько секундъ.

Онъ приподнялся на кушеткѣ.

— Ардальонъ Силычъ,—заговорилъ онъ, странно мѣняя тонъ,—вы какъ бы поступили въ такомъ случаѣ?

— Я-то?... На это, голубчикъ трудно отвѣтить... такъ сказать теоретически. Надо быть въ кожѣ дѣйствующаго лица.

— Однако? Дали бы пощечину нахалу?

— Болѣе, чѣмъ вѣроятно.

— Стало, должны были бы выходить на барьеръ?

— Это само собою.

— Или, можетъ, и прямо потребовали бы взять слова назадъ?

— Это, милый, слишкомъ ужъ миндально. Когда тебя всего пе-

редернетъ, надобна другая отдушина. Да и что такое извиненіе? По жалуй, на другой день, нахалъ проспится и скажетъ: я былъ невмѣняемъ! А вотъ я тебя протрезвлю на барьерѣ!

— И убили бы горемъ жену?

— Штука обоюдоострая.

— А еслибъ вмѣсто жены была ваша мать?—выговорилъ, послѣ маленькой паузы, Павелъ, стараясь сказать это какъ можно проще.

— Тѣмъ паче! Ну, да отъ этого насъ Богъ миловалъ? Такъ ты не сойдешь?

— Не сойду.

— Коли утомился, раздѣвался бы. А я тебѣ пришлю простокваши. Чудесная!

Онъ потрепалъ его по плечу и грузно выдвинулся изъ комнаты.

«Тѣмъ паче!—прошептали вздрагивающія губы Павла. «Тѣмъ паче!»

IV.

Прошло около двухъ сутокъ.

На дачѣ Кардуевыхъ было совсѣмъ тихо. Господа уѣхали въ какой-то лѣтній театръ.

Павелъ цѣлый день пропадалъ, дома не обѣдалъ и вернулся, когда уже никого не было, около восьми часовъ.

Ходилъ онъ—въ своемъ кителѣ—по аллеѣ акацій, съ опущенной головой, точно разговаривалъ самъ съ собою, дѣлая, минутами, движенія то одной, то другой рукой.

Пріѣхалъ домой на извозчикѣ и сказалъ лакею, что къ нему долженъ быть гость — «господинъ Ѣздаковъ» и чтобы его провели въ садъ.

Сдѣлавъ конца три по аллеѣ взадъ и впередъ, Павелъ посмотрѣлъ на часы.

Было семь минутъ девятаго.

И минуты черезъ три онъ уже заслышалъ шумъ дрожекъ.

Это, навѣрное, Ѣздаковъ. Дрожки ѣхали съ той стороны двора.

Дѣйствительно, извозчичья пролетка показалась въ воротахъ, ему было видно наискось черезъ низкій деревянный частоколъ сада.

Ѣздаковъ былъ весь въ темномъ, въ крылаткѣ съ бархатнымъ воротникомъ и въ высокой поярковой шляпѣ.

«Какъ торжественно!»—подумалъ Кардуевъ и прошелъ тотчасъ же къ той круглой площадкѣ, обсаженной липами, гдѣ сидѣлъ третьяго дня, по возвращеніи изъ парка.

Лакей довелъ гостя до калитки.

Слышно было, какъ онъ ему сказалъ:

— Павелъ Львовичъ въ аллеѣ... или тамъ вонъ, въ круглой бесѣдкѣ.

Кардуевъ поспѣшилъ навстрѣчу товарищу.

— А! Ты здѣсь! Здравствуй!—окликнулъ его Ѣздаковъ, чуть-чуть приподнявъ шляпу.

— Можете идти!—отпустилъ лакея Павелъ.

Товарищъ не назвалъ его «Павликъ», какъ всегда.

И тонъ у него былъ другой. Лицо спокойное, но безъ той усмѣшки, съ которой онъ привыкъ говорить съ нимъ.

Они тутъ только пожали другъ другу руку.

— Хочешь въ комнаты?—спросилъ Павелъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь ты одинъ?

— Одинъ!

— Ваши не скоро вернутся?

— Они только что уѣхали въ театръ.

Эти короткіе отвѣты и вопросы звучали также особенно, съ какимъ-то налетомъ серьезности. Такъ говорятъ только въ рѣшительныя минуты.

— Пойдемъ туда... въ глубь, — пригласилъ Кардуевъ, взялъ Ѣздакова за руку, выше локтя, и повелъ его внизъ по аллеѣ акацій.

Шаговъ черезъ двадцать они повернули вправо, подъ прямымъ угломъ и прошли до конца короткой дорожки, гдѣ росли кусты малины и ежевики.

— Вотъ тамъ сядемъ!—пригласилъ Кардуевъ.

Низкая скамья стояла подъ двумя рябинами, которыя переплелись стволами и похожи были на одно дерево.

Кардуевъ подождалъ, пока его товарищъ не закуритъ.

Молчаніе продолжалось съ полминуты. Оно тоже было особенное.

Закуривъ папиросу, Ѣздаковъ сѣлъ въ полоборота къ Кардуеву.

— Все улажено?—спросилъ Кардуевъ.

— Кажется, все... Только можно ли сказать улажено?—выговорилъ Ѣздоковъ и усмѣхнулся.

— Ну, конечно. Я не совсѣмъ удачно выбралъ слово. Но все будетъ такъ, какъ переговорено?

— Все.

— Въ шесть часовъ?

— Ровно. Безъ малѣйшей просрочки.

— Съ той стороны также одинъ... секундантъ?

— Темляковъ хотѣлъ было двоихъ... Еще какого-то военнаго; но я настоялъ. Какъ тогда было насъ четверо...

— Значитъ... тотъ... штатскій? Какъ бишь его фамилія?

— Арнухинъ. Не скоро запомнишь. Мнѣ сдается, что ихъ первоначальное прозвище было Карнаухины. Они *како* выкинули и второго *азъ*. Есть вѣдь фамилія... и кажется дворянская... Оплеухины. Они тоже съ аза, а не съ она пишутся. Такъ выходитъ... благороднѣе. Ха-ха!

Павелъ думалъ, слушая его:

«Ѣздаковъ—вѣренъ себѣ. У него во всемъ шутливый юморъ, отзывающійся Сивцевымъ Вражкомъ и Старой Конюшенной».

— Вотъ насчетъ эскулапа трудненько было. Всѣ на дачѣ. И въ такую рань кого же подымешь? Особенно изъ тузовъ. Ему надо встать въ началѣ пятаго, если онъ и въ городѣ живетъ, гдѣ-нибудь на Смоленскомъ или на Плющихѣ. Да и то опоздаетъ.

Для Кардуева вопросъ объ «эскулапѣ»—только подробность, вродѣ шафера на свадьбѣ. Развѣ не все равно?

Рана смертельна, тогда не нужно никакой помощи, а легкая—тогда что же это? Все равно, что ничего. Тогда надо все начинать сызнова, если быть послѣдовательнымъ.

— Ассистента... заполучили. Шивскаго пріятель. Хорошій малый... и не хамъ. Готовится на каѳедру хирургіи.

— Чего же лучше,—выговорилъ Кардуевъ.

— И при немъ будетъ состоять Шивскій. Не какъ секундантъ, а вродѣ тоже ассистента. Тѣ на это согласились. Онъ очень огорчался, что не попадетъ.

— На такое зрѣлище?

— Нѣтъ, ты напрасно, Кардуевъ. Шивскій—кутила-мученикъ; но у него душа порядочнаго человѣка. И тебя онъ любитъ. А главное — онъ себя считаетъ немножко виновнымъ... во всемъ этомъ инцидентѣ.

— Это почему?

— Видишь... онъ такъ разсуждаетъ. Пригласилъ юнкера онъ—это первое. А главное — онъ былъ въ такомъ же подпитіи, какъ и Темляковъ. Будь онъ трезвъ, онъ бы не далъ тому докончить своей болтовни и по первому абцугу осадилъ бы его.

— Это тонкости.

— Надо уважать... такое чувство.

— Конечно,—выговорилъ Кардуевъ безъ всякаго выраженія.

До сихъ поръ онъ сидѣлъ съ поникшей головой.

Онъ ее поднялъ и поглядѣлъ на товарища.

ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ БИБЛІОТ... №

— Мнѣ совѣстно, что я васъ впутываю.

— Ну, это пустяки. Къ кому же бы обратился? Особенно въ такомъ случаѣ. Съ твоей стороны, Павликъ, это уже душевное ковырянье. Ха-ха! По-нѣмецки Grübelei.

Ѣздаковъ помолчалъ и, стряхивая пепелъ съ папиросы, спросилъ:

— Ты, надѣюсь, дома больше не упражнялся?

И онъ дополнилъ жестомъ.

— Съ какой стати!

— Шивскій говоритъ, что у тебя прицѣлъ вѣрный; только спокойствія нѣтъ передъ тѣмъ, какъ спускать курокъ. Ну, да это спокойствіе нужно гораздо больше, если стрѣлять въ противника одному, а тутъ вѣдь вы разомъ будете подходить къ барьеру... Я самъ не испытывалъ; но думаю а ргіогі, что такъ можно менѣе волноваться.

— Не все ли равно!

Кардуевъ даже махнулъ рукой.

— Какъ же все равно?—живѣе остановилъ Ѣздаковъ. Ты такъ говоришь не изъ фанфаронства, надѣюсь.

— Почему же фанфаронство?

— Но согласись... ты требовалъ: настаивать на такихъ драконовскихъ условіяхъ. Вѣдь не зря же! Стало, ты желаешь уложить своего соперника.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Что-жъ... ты будешь стрѣлять на воздухъ?

— Не на воздухъ, а какъ умѣю.

— Простое чувство самосохраненія подскажетъ, что надо мѣтить въ врага половчѣе и не дать ему убить себя.

— Вопросъ удачи!

— Прекрасно... но если ты, въ эту минуту, не рисуешься... а я не хочу это допускать, то у тебя къ тому, кого ты вызвалъ на такихъ условіяхъ, нѣтъ, кажется, никакого непримиримаго чувства?

— Его личность безразлична... Вдобавокъ, онъ былъ пьянъ.

— Стало, это вродѣ наказанія? Или острастки, чтобы другимъ не было повадно? Что-жъ! Я это понимаю, Кардуевъ.

Они разомъ взглянули другъ на друга.

Въ глазахъ Ѣздакова Павелъ прочелъ дополненіе его фразы:

«Впередъ, чтобы никто при тебѣ не смѣлъ прохаживаться насчетъ любовныхъ дѣлъ твоей матери».

— Я это понимаю,—повторилъ Ѣздаковъ.—Но вѣдь нельзя же идти на вѣрную смерть.

— Почему же нельзя?

— Тогда лучше сдѣлать это въ тиши кабинета.

— Ты это серьезно говоришь?—спросилъ Кардуевъ и взялъ товарища за руку.

Точно такая мысль приходила ему въ ночь, послѣ «исторіи» и разговора съ Фартовымъ.

И доводы *за* такой исходъ припомнились ему теперь. Одинъ изъ нихъ казался ему самому очень вѣскимъ.

«Самоубійство не вызвало бы никакой огласки. Мало ли какіе бываютъ мотивы... у нынѣшней молодежи. А теперь уже нѣсколькимъ извѣстно, какой мотивъ заставилъ его послать вызовъ юнкеру».

— Ты спрашиваешь: серьезно ли?—повторилъ Ѣздаковъ.—Разумѣется, не на вѣтеръ. Но я еще разъ скажу, Кардуевъ, стóитъ ли?

— Что стóитъ ли?

— Да всю эту процедуру продѣлывать? Вѣдь другой на мѣстѣ Темлякова просто бы отказался. И никто бы не могъ его назвать пошлякомъ. Онъ вѣдь, дѣйствительно, не зналъ, кто ты. И вина тутъ моя.

— Вотъ еще виноватый!

— Вина бóльшая, чѣмъ та, какую за собой считаетъ Шивскій. Я не назвалъ тебя еще разъ тѣмъ двоимъ, когда знакомилъ васъ. Онъ не зналъ... И тебѣ извѣстно, какъ онъ повелъ себя? Полное извиненіе, письменное, протоколъ... что угодно. И сейчасъ же заявилъ: «я, господа, не трусъ и считаюсь въ училищѣ изъ первыхъ стрѣлковъ. Если вашему товарищу угодно во что бы то ни стало, я къ его услугамъ. Но чему же поможетъ—одному изъ насъ свалиться или обоимъ разомъ?» Согласись... это логично... и порядочно. Ты, Павликъ, въ этихъ вопросахъ могъ бы положиться на мою оцѣнку.

Ѣздаковъ поглядѣлъ на него вбокъ.

«Мой культъ порядочности ты, молъ, знаешь, небось?»

Не сразу отвѣтилъ Кардуевъ.

— Все это прекрасно... и тутъ не во мнѣ дѣло. Я уже говорилъ тебѣ, что никакого лично-злобнаго чувства къ нему не имѣю. Много ходитъ по Москвѣ господъ куда хуже. Для меня, повторяю, личность его безразлична.

— Другими словами, ты изъ-за принципа...

— Громкихъ словъ я не люблю, ты знаешь, Ѣздаковъ.

— Какъ же иначе понимать?

— По другому я поступить не могу. Я все перебралъ, что только могъ. Разумѣется, если прикладывать только логическій аршинъ, то выйдетъ, пожалуй, нелѣпо. Но каждый по своему понимаетъ.

Онъ опять прикоснулся къ рукѣ товарища.

— Мнѣ трудно... я не умѣю высказываться... вылить все, что на душѣ перебывало и оставило послѣ себя горечь.

— Я и не навязываюсь, Кардуевъ. Это твое интимное дѣло. Но я, по-товарищески, долженъ былъ поднять еще разъ принципіальный вопросъ.

Кардуевъ молчалъ.

— Чѣмъ бы ни кончилась ваша встрѣча завтра,—развѣ вы оба останетесь безъ царапины—привезутъ тебя оттуда—чего я никакъ тебѣ не желаю—мертваго или тяжко раненаго, можетъ выдти нѣчто для тебя совсѣмъ уже нежелательное.

И взглядъ Ѣздакова досказалъ:

«Весь городъ заговоритъ о мотивѣ дуэли».

Кардуевъ чуть не воскликнулъ:

«Что же ты не договариваешь?»

Но ему мозгъ его, здравый смыслъ и даже то чувство, которое потянуло его къ дуэли, кричали:

«Твой товарищъ тысячу разъ правъ! Ты будешь виновникомъ ненужнаго скандала. Всѣ давно помирились съ тѣмъ, что у васъ дѣлается въ домѣ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ, а теперь всѣ загалдятъ заново. И ко всему прочему будутъ называть твою мать убійцей своего родного сына».

Онъ почувствовалъ, какъ у него лобъ сталъ вдругъ влажнымъ.

У него нашлось бы что отвѣтить Ѣздакову. Но выговорить все это вслухъ, онъ считалъ профанаціей своего чувства. Пускай оно сойдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу и черезъ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца забудется.

— Своя рука—владыка,—сказалъ Ѣздаковъ съ легкимъ пожиманіемъ плечъ.

Эта поговорка сейчасъ напомнила Павлу «Ардальона». Тотъ ее постоянно употребляетъ и кстати, и некстати.

Мысль о Фартовѣ разомъ окрасила все въ особый, для него жуткій колоритъ.

— Значитъ... завтра... ровно въ шесть?—спросилъ Кардуевъ, вставая и совсѣмъ другимъ голосомъ.

— За тобой не заѣзжать? Ты меня найдешь тамъ, на опушкѣ лѣса, гдѣ валъ... по ту сторону... у трехъ бревенъ. Ты сейчасъ узнаешь мѣсто.

— Еще бы! Я два раза оглядѣлъ его сегодня.

— А теперь мой совѣтъ: спросить себѣ чего-нибудь закусить въ твою комнату. Твой будильникъ хорошо дѣйствуетъ?

— Хорошо.

— Заведи его на половину пятаго. И когда проснешься, непремѣнно выпей рюмку коньяку и закуси. Натощакъ не ходи! Постой!— остановилъ Павла Ѣздаковъ.—Какъ бы кто изъ людей не увидалъ... Кучеръ... Встревожатся!

— Не можетъ этого быть!—отозвался Павелъ съ увѣренностью. Я часто выѣзжаю въ началѣ седьмого часа. А это будетъ въ половинѣ шестого. Больше двадцати минутъ ходьбы тутъ нѣтъ. Съ собою я ничего не беру.

— Коньяку непремѣнно.

— Вотъ это скорѣе будетъ подозрительно. Я никогда не спрашиваю себѣ ничего... спиртного въ комнату.

— Какъ знаешь... Мое дѣло дать тебѣ добрый совѣтъ. А теперь... прощай, Павликъ... До свиданія!—выговорилъ онъ быстро, точно спохватившись, что слово «прощай» неумѣстно въ канунъ дуэли, которая можетъ кончиться весьма печально.

— Подвези меня... къ большой аллеѣ.

— Неужели ты куда-нибудь?—спросилъ Ѣздаковъ и повелъ тревожно бровями.

— Нѣтъ... погуляю. Въ лѣсу уже темно. Ты въ городъ?

— Въ городъ.

— Вотъ и подвези меня.

Они сѣли въ пролетку на дворѣ и до той большой аллеи, гдѣ Кардуевъ слѣзъ, все время молчали.

— До свиданія!—сказалъ Ѣздаковъ, подавая ему руку.

Павелъ сошелъ на шоссе и крѣпко пожалъ ее.

Стемнѣло. По парку тускловато горѣли фонари. Павелъ двигался медленно по тротуару широкой аллеи. Издали доносился шумъ колесъ и топотъ лошадей; но гуляющихъ въ этой части парка было очень мало. Ему попалась всего одна пара: дама въ темной накидкѣ съ пожилымъ господиномъ въ золотыхъ очкахъ.

То, что онъ не могъ или не хотѣлъ высказать товарищу, то опять наполнило его душу.

Все равно! Какой бы исходъ ни былъ у этого поединка, онъ не попятится назадъ. Это не упорство, не мальчишескій задоръ. Будь что будетъ! Смерть... или тяжкая болѣзнь. Все лучше, чѣмъ выносить такую безпробудную нравственную пошлость. Отъ новой такой «исторіи» онъ не избавленъ и на будущее время. И мотивъ его вызова огласится, если она кончится плохо для него или для того, ни въ чемъ, въ сущности, неповиннаго юнкера. Тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ, хоть разъ въ жизни глаза раскроются у нихъ... у всѣхъ, съ кѣмъ судьба связала его узами крови... и семейнаго позора.

«Но вѣдь ты идешь на убійство? Считаешь юнкера невиновнымъ, а сбираешься убить его?» спросилъ онъ себя и захолодѣлъ.

— Этого не будетъ!—вслухъ выговорилъ онъ, остановясь—и даже взялся за стволъ дерева.

Мѣтить онъ не станетъ, настолько онъ будетъ владѣть собою, чтобы знать, куда направить выстрѣлъ.

Если затѣянное имъ и «безумно», безъ него онъ задохнется и постыдно убѣжитъ.

Громко перевелъ онъ дыханіе и ускорилъ шагъ по направленію къ главной улицѣ, въ сторону театра.

V.

Голубоватый свѣтъ стоитъ въ спальнѣ мезонина, отъ цвѣтныхъ сторъ.

Дверь въ кабинетъ отворена.

Больной уже второй день какъ чувствуетъ себя лучше. Температура спала, аппетитъ есть; пульсъ почти что нормальный и «тонъ» сердца приподнялся, послѣ нѣсколькихъ капель *строфантуса*.

Въ спальнѣ тепло, но не душно.

Около кровати пожилая сидѣлка. У ней въ рукахъ работа. Она нѣтъ-нѣтъ подниметъ голову и вглядывается въ лицо больного.

Павелъ давно не спитъ. Вѣроятно, теперь уже девятый часъ; но въ домѣ—полная тишина. Внизу еще не поднимались. Всѣ они тамъ и отецъ, и мать, и сестра—привыкли вставать поздно, и на дачѣ немногимъ раньше, чѣмъ въ городѣ.

— Вамъ угодно что-нибудь?—чуть слышно спросила сидѣлка.

— Нѣтъ... ничего.

— Какъ себя чувствуете, Павелъ Львовичъ?

— Совсѣмъ хорошо.

— Почивали вы крѣпко.

Ему сдѣлалось совѣстно, что вотъ эта немолодая женщина и на видъ совсѣмъ не такого цвѣтущаго здоровья, должна была всю ночь высидѣть около него.

— А вамъ бы соснуть,—сказалъ онъ, поднимая голову.

— Говорить докторъ запретилъ. Я свою порцію возьму,—добродушно сказала сидѣлка и, отложивъ работу къ столику, встала.

— Развѣ нужно лѣкарство?

— Докторъ говорилъ... дождаться его, если вы будете себя лучше чувствовать... Температурку позвольте.

Она взяла термометръ и вставила его подъ лѣвую мышку больного.

Лицо совсѣмъ безкровное, даже и на бѣломъ фонѣ подушки. Подъ глазами—темнота; но сегодня явился уже нѣкоторый блескъ въ зрачкахъ.

Обѣ руки лежатъ поверхъ плотнаго пикейнаго одѣяла. Онъ можетъ ими свободно дѣйствовать; но повернуться ему еще больно.

Пуля засѣла около берцовой кости правой ноги; но не глубоко. Вынуть ее не было трудности. Но онъ потерялъ много крови. Молодой врачъ тамъ, на мѣстѣ дуэли, немного растерялся въ первую минуту, и перевязалъ слишкомъ поспѣшно. Кровотеченіе возобновилось, какъ только его привезли домой.

Въ домѣ еще спали. Съ перепугу всѣ потеряли головы, кромѣ однако Елены Львовны. Она осталась вѣрна себѣ. Врача она сейчасъ же послала къ ихъ знакомому, извѣстному хирургу.

Этотъ «милѣйшій Иванъ Петровичъ», какъ его звали всѣ въ домѣ, и Павлу всегда очень нравился. Онъ и его лѣчитъ отъ разныхъ мелкихъ болѣзней, отъ панариція и какого-то неважнаго нарыва.

Вотъ онъ долженъ скоро быть, не позднѣе десяти.

— Вамъ умыться?—спросила сидѣлка.

— Подожду Ивана Петровича. А чаю нельзя?

— Надо бы воздержаться, Павелъ Львовичъ.

— Чего же бы?

— Молока можно.

— Я лучше подожду. А вы бы пошли... вамъ надо освѣжить лицо и напиться чаю... Мнѣ ничего не нужно... пока.

— Можетъ... повернуться?

— Нѣтъ... не сейчасъ.

— Позвольте... записать температуру.

Сидѣлка повернула термометръ къ свѣту такъ, чтобы столбикъ ртути вышелъ отчетливо.

— На двѣ десятыхъ ниже,—весело выговорила она.

— Сколько же?

— Всего-то тридцать шесть и пять десятыхъ.

— Ну и прекрасно.

Когда она, записавъ температуру, вышла изъ спальни, Павелъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, полузакрылъ глаза и попробовалъ вытянуть здоровую ногу.

Въ правой больной не ощутилось боли; но онъ побоялся двинуть ею.

Во всемъ тѣлѣ чувствовалъ онъ пріятную слабость. И голова была слабая, но ясная. Настроеніе—совершенно пассивное.

Его не наполняла радость, что онъ остался живъ; но не было и

желанія умереть, какъ въ первыя минуты, тамъ, въ лѣсу, послѣ обморока, и здѣсь, когда ему стали прикладывать къ носу хлороформъ.

И то, что вышло какую-нибудь недѣлю назадъ, уже отошло въ даль и представлялось въ особомъ освѣщеніи, въ образахъ, точно въ камерѣ - обскурѣ, не вызывая уже ничего скорбнаго, вообще ничего чисто-личнаго.

Вотъ теперь ему пришло на умъ, что та лужайка, гдѣ они стрѣлялись съ юнкеромъ, очень похожа на лужайку, съ лучомъ солнца на знаменитой картинѣ Рѣпина—«Дуэль». И онъ вспомнилъ какое-то письмо изъ Венеціи, онъ тогда былъ еще гимназистомъ, гдѣ разсказывалось: какъ публику вводилъ въ обманъ этотъ яркій свѣтъ; погода стояла хмурая и дождливая. Подойдетъ группа, и сейчасъ всѣ головы къ стеклянному потолку, думая, что выглянуло солнце.

Когда онъ упалъ, то ассистентъ также всталъ на колѣни, какъ тотъ военный докторъ, что у Рѣпина. И противникъ его, юнкеръ—также подбѣжалъ и схватилъ его за руку и онъ, передъ тѣмъ какъ лишился чувствъ, отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Вотъ ихъ разставили секунданты, каждаго около дерева, и повторили команду: при третьемъ хлопаньи въ ладони, сняться съ мѣста и идти къ барьеру или стрѣлять съ мѣста.

Отчетливо вспомнился ему тотъ моментъ, когда онъ, съ взведеннымъ курокомъ, сдѣлалъ первый шагъ.

Рука не дрожала; но въ груди онъ распознавалъ звукъ учащеннаго сердцебіенія.

Онъ уже рѣшилъ выстрѣлить вправо или влѣво. Фигура противника, въ рубашкѣ и рейтузахъ, выдѣлялась на фонѣ опушки—стройная, но такая банальная, юнкерская. Ничего онъ къ нему не чувствовалъ и никогда еще, въ его молодой жизни, не сознавалъ онъ въ такой осязательной формѣ—что̀ значитъ исполнять свой нравственный долгъ.

И, прежде чѣмъ онъ спустилъ курокъ, его точно что толкнуло въ ногу, и безъ всякой боли, въ первыя секунды. Онъ хотѣлъ идти дальше; но правая нога у него подвернулась и онъ упалъ на лѣвый бокъ.

Секунданты выскочили изъ своихъ засадъ, и кто-то, кажется, самъ юнкеръ крикнулъ испуганно и зычно:

— Доктора, доктора!

Послѣ того онъ впалъ въ безпамятство.

И минута пробужденія выплыла въ его головѣ такъ рельефно, точно въ хорошей панорамѣ.

Онъ лежитъ у дерева. Спиной его прислонили къ стволу. Лужайка та же, но не съ той стороны. Солнечный лучъ играетъ дальше отъ того мѣста, куда его перенесли въ тѣнь и что-то подъ него подостлали.

Вотъ тогда ему захотѣлось уснуть навѣки. Онъ думалъ, что пуля проникла въ пахъ, или выше, въ животъ.

Какъ бы хорошо было уйти изъ жизни безъ страданій, безъ тѣхъ ужасныхъ болей, которыя заставляли Пушкина грызть подушку.

И въ ту же секунду, когда онъ лежалъ у дерева, ему вспоминался весь разговоръ съ Фартовымъ про петербургскую дуэль, на томъ почти самомъ мѣстѣ, гдѣ стрѣлялся и Пушкинъ съ своимъ лютымъ врагомъ, похитившимъ у него честь жены.

И все это уже *было*, и больше не вернется. Но то, что вызвало дуэль—осталось. И конца ему не предвидится.

По лѣстницѣ скорые шаги и шуршанье юбки.

«Это нашъ первый нумеръ», шутливо подумалъ Павелъ, узнавъ походку сестры.

До сегодня ему было запрещено говорить. Сестра по нѣсколько разъ приходила и вела себя какъ «распорядительница», его ни о чемъ не спрашивала, тихо кидала вопросы сидѣлкѣ и, при докторѣ, освѣдомлялась о разныхъ вещахъ дѣловымъ тономъ.

Въ томъ, какъ она выговаривала: «Здравствуй, Паша»! «Молчи, Паша!»—слышались болѣе мягкія ноты.

Вошла Лена. Она остановилась сначала въ дверяхъ и заглянула въ спальню. Сейчасъ же на лбу у ней показались двѣ прямыя морщины. Братъ понялъ, что онѣ значатъ.

«А гдѣ же сидѣлка? Почему ея нѣтъ?»

— Здравствуй, Лена!—еще слабымъ голосомъ окликнулъ онъ ее.—Войди. Я не сплю.

— Ты одинъ?

— Я попросилъ сидѣлку пойти умыться и выпить чаю.

— Хорошо. Только, пожалуйста, не говори.

Въ свѣтѣ отворенной двери Лена и въ невысокой комнатѣ казалась очень рослой. Она была ниже брата; но темное платье дѣлало ее на полголовы выше. Батистовая рубашка, шелковый кушакъ и полосатая юбка въ обтяжку,—все было подобрано къ лицу и придавало особую свѣжесть ея нѣсколько смуглому овалу брюнетки съ крупными, правильными чертами.

Она была вся въ отца. Густую косу, еще безъ ондуляціи, она зачесывала крутымъ пучкомъ и открывала лобъ, спуская на уши двѣ широкихъ и длинныхъ пряди.

Эту прическу она привезла въ прошломъ году изъ-за границы и отецъ называлъ ее «à la Cléo Mérode».

Лена подошла къ изголовью.

— Ну какъ, Паша? Лихорадитъ?

— Нисколько.

— Ставили температуру?

— Ставили.

Онъ сказалъ сколько.

— Есть аппетитъ?

— Есть.

— Хорошо. Больше нельзя говорить.

— Отчего.

— Ты знаешь самъ отчего.

Она прошла въ кабинетъ, тамъ что-то переставила и открыла одну половинку двери на балконъ.

Можно было немного провѣтрить комнаты безъ опасности для больнаго. И Павелъ, чуть-чуть улыбаясь, слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлала сестра, отмѣчая ея корректную разсудительность.

Лена обращалась съ нимъ, *для нея*—гораздо мягче, чѣмъ онъ могъ ожидать. Она одна и сохраняла полную выдержку и къ остальнымъ относилась точно старшая къ дѣтямъ, въ особенности къ Нинѣ Георгіевнѣ.

У той, въ первый день, какъ привезли Павла, были два истерическихъ припадка. Отецъ тоже чуть не упалъ въ обморокъ. Но въ полномъ отчаяніи прискакалъ Фартовъ. Его не пустили къ Павлу. Онъ заплакалъ на ея рукахъ и она должна была отпаивать его валерьяной и гофманскими каплями.

И только вчера она позволила ему подняться наверхъ, вмѣстѣ съ матерью, но ни подъ какимъ видомъ не разговаривать съ больнымъ.

Брату ея въ эту минуту почти забавно было видѣть ее въ роли главной распорядительницы, дающей тонъ всему дому, и въ обычное время, и въ такіе вотъ чрезвычайные дни.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, своеобразная дѣвица и что изъ нея выйдетъ за хозяйка дома! Должно быть, мужчины всѣ раскусили, что у такой особы непремѣнно очутишься въ роли «принца-консорта» одно изъ любимыхъ прибауточныхъ словечекъ ихъ отца.

Требованія, какія Елена Львовна предъявила бы претенденту на ея руку,—отбили бы у многихъ охоту. А она безъ «хартіи» не лишитъ себя дѣвичьей свободы и нимало не торопится выходить замужъ, и совсѣмъ безпощаднымъ образомъ отдѣлываетъ «les petites

cruches»—барышень, готовыхъ выскочить за кого угодно, только бы не оставаться въ дѣвицахъ.

— Иванъ Петровичъ скоро долженъ быть,—сказала Лена тономъ полувопроса и, сдѣлавъ ему знакъ пальцемъ, чтобы онъ не трудился ей отвѣчать, вышла на площадку.

Она заслышала по лѣстницѣ шаги сидѣлки.

О чемъ-то онѣ говорили. Лена притворила дверь, и онъ не могъ разобрать о чемъ. Вѣроятно, спрашивала, какъ онъ провелъ ночь, чтобы ей самой обстоятельно все доложить доктору. Она вела себя такъ, точно главная отвѣтчица за все—она, а остальные члены семьи—не въ счетъ. Такъ къ ней относился и «милѣйшій Иванъ Петровичъ», и Павелъ слышалъ вчера, какъ тотъ сказалъ ей въ кабинетѣ:

— Вы, Елена Львовна, настоящая мать-командирша. Вамъ бы завѣдывать отрядомъ.

— Для этого нужно призваніе, а у меня его нѣтъ.

Докторъ пріѣхалъ минутъ черезъ пять, когда Лена только что сошла внизъ. Поднявшись съ нимъ опять къ больному, она, тономъ настоящаго ассистента въ клиникѣ, доложила ему обо всемъ, указывая на сидѣлку, которая только кивала головой и повторяла.

— Такъ точно, совершенно вѣрно!

Во время осмотра она перешла въ кабинетъ и оттуда раза два спрашивала: не надобно ли еще чего-нибудь для перевязки?

Широкое лицо милѣйшаго Ивана Петровича лоснилось и сѣрые ласковые глаза блестѣли. Онъ нашелъ состояніе Павла «превосходнымъ». Рана шла «своимъ порядкомъ», сердце «вело себя исправно», и онъ позволилъ ему «сложить молчанія печать», но только въ гомеопатическихъ дозахъ.

Весь языкъ доктора состоялъ изъ такихъ стереотипныхъ кусочковъ, и безъ своего жаргона онъ былъ немыслимъ.

— Латинской кухней пичкать васъ, младой вьюноша, не будемъ, а пропишемъ единственное питье... съ зельтерской пополамъ.

— Какое?—все тѣмъ же дѣловымъ тономъ освѣдомилась Елена Львовна.

— «Вдовы Кликò и де-Моэта благословенное вино!» — продекламировалъ докторъ своимъ пріятно-хриповатымъ голосомъ.—Великій Пушкинъ да будетъ нашимъ руководителемъ! Кликò слишкомъ сладко и можетъ горячить, а къ Моэту мы прибавимъ его теперешняго коллегу, Шандона—и выйдетъ марка, которую каждый можетъ пить.

— Moët et Chandon?—вопросительно выговорила Лена.

Ей были всѣ фирмы отчетливо знакомы. Дома онѣ всѣ водились и приказанія отдавала буфетчику она же.

— Только не frappé?—сказала она увѣренно.

— Съ кусочкомъ льду. Пускай отхлебнетъ разика три-четыре въ день.

Докторъ присѣлъ на край постели и потрепалъ больного по плечу.

— Молода! Въ Саксоніи не была! А въ общемъ должно благодарить боговъ за то: какъ удачно та штучка, которую Суворовъ называлъ «дурой»—выбрала себѣ мѣсто! Лежите смирненько. Завтра, о ту же пору—заѣду, и, если все такъ же пойдетъ, получите кое-какія послабленія! A rivederci!

Онъ всегда прощался по-итальянски.

На площадкѣ докторъ что-то говорилъ съ сестрой и съ сидѣлкой. Обѣ онѣ спустились съ нимъ внизъ.

Павелъ прекрасно понималъ, какую «линію» всѣ съ нимъ ведутъ. До сихъ поръ никто не заикнулся о томъ—изъ-за чего онъ приготовилъ такой сюрпризъ своимъ домашнимъ; только докторъ вчера прошелся насчетъ «пережитка средневѣковыхъ ордàлій», но не позволилъ себѣ ни одной нескромной фразы.

Лена доводитъ это до высшаго предѣла; точно будто ея младшій братъ слетѣлъ съ велосипеда, при крутомъ спускѣ, и переломилъ себѣ щиколку.

Отецъ и мать появлялись на двѣ-на три минуты.

Мать позволила было себѣ возгласъ:—Mon enfant! Tu nous tues!

Но Елена Львовна не дала ей докончить.

А отецъ цѣловалъ его въ лобъ, вздыхалъ и, уходя, шепотомъ говорилъ:

— Ничего, Паша, до свадьбы заживетъ.

И вчера во взглядѣ его еще непоблекшихъ глазъ бывшаго гусара онъ подмѣтилъ выраженіе:

«Ты молодцомъ! Не побоялся юнкера. И ловко все обработалъ!»

Но неужели никто до сихъ поръ не догадывается—что за мотивъ этой дуэли?

Хорошо, если такъ. А если узнали или предполагаютъ? Не они, то Фартовъ!

Павлу кажется, что именно онъ первый обо всемъ пронюхалъ.

Очень можетъ быть—и докторъ кое-что уже знаетъ.

VI.

Лена хотѣла пройти въ спальню Нины Георгіевны и, если та проснулась—сказать ей, что Пашѣ «совсѣмъ лучше» и докторъ говоритъ, что дня черезъ два его можно уже посадить въ кресло.

Съ ней столкнулся на нижней площадкѣ Фартовъ.

Онъ былъ весь въ че-су-чѣ и только что пріѣхалъ.

— Такъ рано?—спросила его Лена, подавая ему руку.

Отъ него пы́шило и лицо было влажно.

— Развѣ вы пѣшкомъ?

— На велосипедѣ. Поднялся рано. Ну, какъ нашъ больной?

Фартовъ спросилъ это вполголоса и съ тревогой въ глазахъ.

«Исторія» съ Пашей «передернула» его—ея выраженія больше, чѣмъ отца; только вчера онъ немного успокоился.

Почему-то Лена находила это, про себя, совершенно понятнымъ.

— Сегодня... хорошо.

— Лучше вчерашняго?—порывисто выговорилъ Фартовъ, даже захлебнулся отъ радостнаго чувства.

— Гораздо. Температура—нормальная. Сердце также.

— Въ добрый часъ! Позвольте ручку.

Онъ наклонился и громко чмокнулъ.

Руку онъ у ней давно цѣлуетъ; но больше при гостяхъ.

— Можно къ нему... на минутку?

— Лучше, Ардальонъ Силычъ, не сейчасъ. Ему теперь надо умыться и перемѣнить бѣлье. Вы развѣ торопитесь?

— Нѣтъ. Я нарочно пораньше. Ваши еще почиваютъ?

Отца и мать Лены онъ всегда называлъ «ваши».

— Мама, кажется, проснулась, а отецъ еще въ объятіяхъ Морфея.

— Ну, и слава Богу. Значитъ, успокоился насчетъ виновника... переполоха.

Конецъ фразы онъ произнесъ съ характернымъ встряхиваніемъ головы, которое Павелъ находилъ также «хамскимъ».

— Не пройдемся ли на воздухъ?—предложила она.

— На террасѣ? Въ саду уже печетъ.

Они вышли на балконъ, гдѣ стояла тѣнь, и стали потихоньку прохаживаться поперекъ къ окнамъ залы.

У Лены уже давно установился съ Фартовымъ тонъ, какъ съ родственникомъ, безъ особой фамильярности. Такъ она обращалась бы и съ какимъ-нибудь бывшимъ своимъ учителемъ или товарищемъ отца по военной службѣ.

Она знала, что онъ имѣетъ къ ней «решпектъ» и ни въ чемъ не осмѣлится пойти противъ нея. Никогда не позволитъ онъ себѣ и никакой шуточки. Свѣжій человѣкъ нашелъ бы, что онъ какъ будто подражаетъ ея отцу во всемъ, что касается Елены Львовны, только безъ его влюбленности въ дочь.

Если ему надо подѣйствовать на Нину Георгіевну, онъ это дѣлаетъ почти всегда черезъ Лену. Мать ее побаивается.

— Больше припадковъ не будетъ, надо надѣяться? — сказалъ Фартовъ, взглянувъ на нее вбокъ.

— У мамы? Съ какой же стати, теперь... когда уже ровно никакой опасности? Пускай полежитъ... Иванъ Петровичъ надѣется, что черезъ недѣлю онъ уже будетъ ходить безъ палки.

— Дай-то Господи!

Этотъ возгласъ былъ совсѣмъ купеческій.

Но въ немъ опять задрожала струна нѣжности къ Павлу.

Лена ни отъ кого ничего не знала вѣрнаго о томъ, *изъ-за чего* братъ стрѣлялся съ какимъ-то юнкеромъ. Только вчера она услыхала фамилію: Темляковъ.

Никакихъ Темляковыхъ у нихъ среди московскихъ знакомыхъ, ни въ дворянскомъ кругѣ, ни среди коммерсантовъ.

Первый попавшійся юнкеръ! И вышелъ какой-то скандалъ въ ресторанѣ—она уже знала въ какомъ, и знала отъ нея же и Фартовъ: это тотъ ресторанъ, гдѣ они слышали цыганъ недавно, послѣ обѣда, который давалъ Ардальонъ Силычъ.

Кое-что говорилъ и отецъ. Въ клубѣ слухъ разнесся на другой же день; нѣкоторые его пріятели давали чувствовать отцу, что имъ извѣстенъ исходъ дуэли. Они справлялись о здоровьѣ его сына и на дачу стали приходить депеши.

Но разспрашивать самого Павла, было бы порядочной «гадостью», какъ уже выразилась Елена Львовна.

Она чуяла, что Фартову сильно хотѣлось знать настоящую причину, что онъ, какъ будто, боится чего-то. И она сама смутно догадывалась—чего именно.

Они не были настолько близки другъ къ другу, чтобы дѣлиться между собою своими интимными чувствами и мыслями. Лена—раньше Павла—прекрасно понимала, кто такой, въ ихъ домѣ, этотъ Ардальонъ Силычъ и, въ первое время, въ ней такое открытіе вызывало брезгливое чувство. Но чувство это никогда не доходило до того, какъ Павелъ относился къ «Ардальону».

У ней не было, на эту тему, ни одного «принципіальнаго» раз-

говора съ братомъ; да она врядъ ли и знала: какая внутренняя работа происходитъ въ немъ, не со вчерашняго дня.

Навѣрное, милѣйшій Иванъ Петровичъ, что-нибудь успѣлъ разболтать—именно ему, Фартову; но конечно—не отцу. И ей онъ только сегодня сдѣлалъ намекъ, который она не вполнѣ поняла; а переспрашивать его не хотѣла.

— Весьма странно,— заговорилъ Фартовъ, взглянувъ опять на Лену вбокъ и продолжая ходить по террасѣ,—какъ Павликъ попалъ въ кутящую компанію. Съ его-то, можно сказать, монашескимъ родомъ жизни...

— Случайно... Его товарищъ Ѣздаковъ былъ тутъ же.

— Совсѣмъ особая статья, Елена Львовна, — живо возражалъ Фартовъ.—Тотъ—франтъ, на скачкахъ всегда, и въ компаніи такихъ же господчиковъ. Я его намедни... перехватилъ... когда онъ являлся.

— И зондировали?—спросила Лена съ удареніемъ.

— Желалъ... Но у нихъ, должно быть, такой пароль. Вѣдь онъ былъ секундантъ. Онъ же и привезъ Павлика. Я его порядочнымъ манеромъ приперъ.

— Вы мнѣ въ первый разъ это говорите, Ардальонъ Силычъ.

Лена довольно строго остановила на немъ взглядъ своихъ круглыхъ глазъ съ толстоватыми вѣками.

— Не хотѣлъ, безъ надобности, смущать. Да ничего я настоящаго и не выудилъ. Юнкеръ выпилъ больше другихъ, что-то «бухнулъ»,—онъ такъ выразился,—а Павелъ не стерпѣлъ.

— И тотчасъ же вызвалъ его?—подсказала Лена.

— Нѣтъ. Не тотчасъ же, а послалъ Ѣздакова. И вотъ—тутъ опять довольно-таки странная подробность...

— Какая же?

Щеки Лены стали розовѣть.

— Павликъ не принялъ никакихъ извиненій. А тотъ готовъ былъ написать извинительное письмо. И даже Ѣздаковъ прибавилъ: это у него, такъ сказать, вырвалось: юнкеръ не зналъ—кто Павликъ, какъ его фамилія... и Ѣздаковъ, нѣкоторымъ образомъ, обвиняетъ себя, что онъ, когда ихъ знакомилъ, еще разъ явственно не назвалъ его.

Фартовъ помолчалъ.

— Тутъ есть.. другая подкладка, — заговорила первая Лена и приложила палецъ къ нижней губѣ по своей привычкѣ.

— Обязательно!

— Тотъ... юнкеръ... не зналъ его фамиліи. Стало, онъ сказалъ что-нибудь оскорбительное для него лично...

— Это невѣроятно, дорогая Елена Львовна... Что можно сказать про Павлика? Развѣ какая нелѣпая, ни съ чѣмъ не суразная сплетня. Тогда является такое соображеніе...

Фартовъ остановился и сталъ выкладывать по пальцамъ свои доводы.

— Допустимъ... это было оскорбленіе. Ну, чего же сильнѣе было бы, еслибъ вдругъ такой подгулявшій милостивый государь сказалъ, что студентъ Кардуевъ — извѣстный на Москвѣ Альфонсъ! Ха, ха! Или шулеръ! Его уличили въ передергиваньи.

— Это Пашу-то!

И Лена тихо засмѣялась.

— Не правда ли: чудовищно? Но могло случиться... Мнѣ самому передавали, лѣтъ этакъ шесть назадъ, слухъ про меня, что я пью мертвую... запираюсь по недѣлямъ и меня лѣчитъ отъ запоя... извѣстный спеціалистъ. Есть милашки, которые только и дѣла дѣлаютъ, что такія кружева плетутъ.

— Могъ выйти споръ?

— Нѣтъ, спора никакого не было. Ѣздаковъ бы сказалъ это. Для него оно бы выгоднѣе, разъ онъ умалчиваетъ о самой сути. Но положимъ, Павликъ услыхалъ бы что-нибудь подобное. Мы вѣдь его съ вами довольно знаемъ. Онъ,—прежде всего—умница.

«Умницей» Лена не считала брата въ такой степени, какъ себя; но она не стала возражать.

— А главное, онъ, на рѣдкость, совѣстливый. Нутряной малый, не по лѣтамъ вдумчивый... и въ высокой степени гуманный. Однимъ словомъ, по ученому выражаясь, альтруистъ.

Все это Фартовъ выговорилъ съ особаго рода дрожью въ голосѣ. Хвалить Павла онъ могъ во всякое время; но теперь въ его голосѣ звучали почти умиленныя ноты.

Лена ничего не возразила и на это.

— Можно, пожалуй, находить характеръ, у него, неровнымъ... онъ не любезенъ, не желаетъ нравиться никому; но я говорю о душѣ. Все вѣдь, дорогая Елена Львовна, въ человѣкѣ одно съ другимъ связано. Услыхалъ онъ что-нибудь чудовищное про себя: я за него поручусь... за его, такъ сказать, психологію. Это слишкомъ нелѣпо, черезчуръ дико! За это будетъ онъ вызывать, да еще на такую дуэль... съ барьеромъ, на нѣсколько шаговъ?! Ни подъ какимъ видомъ! Много-много онъ заставилъ бы извиниться, да и то врядъ ли! Пьяный юнкеръ! Это слишкомъ низменно для него. И опять же намъ

съ вами извѣстно — какъ онъ смотрѣлъ всегда на всякое ухарство. Дуэль онъ спеціально отрицалъ.

— Мало ли что!—отозвалась Лена.

— Не могу я его считать настолько флюгеромъ. Нѣтъ-съ!— вскричалъ, какъ бы обидѣвшись, Фартовъ.— Словомъ, тутъ не за себя онъ дѣйствовалъ.

— А за кого же?—въ упоръ спросила его Лена.

Она и сама догадывалась, что Павликъ счелъ своимъ долгомъ отвѣтить вызовомъ на оскорбленіе, направленное на какое-нибудь изъ самыхъ близкихъ ему лицъ.

Тоже думалъ и Фартовъ въ ту минуту; только не рѣшался сразу поставить вопросъ ребромъ.

Кто же эти близкіе? Ихъ всего четверо: отецъ, мать, сестра и Фартовъ.

Но себя Лена сейчасъ же выгородила. Она не допускала, чтобы какой-то тамъ пьяный юнкеръ «прошелся» на ея счетъ.

— Вы спрашиваете: за кого?—потише выговорилъ Фартовъ и немного потушился.— Навѣрняка трудно сказать. Но что же другое предположить?

— Я не знаю.

Ленѣ захотѣлось сказать, что съ его стороны почти что безтактно такъ все это перетряхать и допытываться, да и рискованно, именно ему, какъ «другу дома».

— Можетъ какая... тайная любовь?—также тихо промолвилъ Фартовъ.

— У Паши?

— Какъ же за это поручиться, Елена Львовна? Онъ не Сердечкинъ—это вѣрно, но я считаю его весьма и весьма способнымъ страстно увлечься. Знаете... какъ французская пословица говоритъ: ищите женщину! Въ восьми случаяхъ на десять—не ошибетесь какъ въ уголовной практикѣ, такъ и въ такихъ исторіяхъ, которыя кончаются дуэлью.

Ихъ обоихъ тревожило сходное чувство, но изъ различныхъ источниковъ.

Фартову Павелъ, его личность, его душевная жизнь были гораздо дороже, чѣмъ Ленѣ. Она испугалась, когда того привезли, она не настолько считаетъ себя «сушкой», чтобы быть совершенно равнодушной къ тому, чѣмъ вызвана эта исторія и что она можетъ еще дальше повлечь за собою, но она должна быть въ домѣ главою, которая все направляетъ въ извѣстномъ смыслѣ. Она не позволитъ никому надѣлать глупостей, болтать или безъ толку волноваться.

— Знаете что, Ардальонъ Силычъ!—начала Лена другимъ тономъ.—Мнѣ кажется, самое лучшее было бы оставить это. И безъ того мама черезчуръ волнуется. Теперь Паша внѣ всякой опасности, да ея и не было даже и въ первый день.

— Однако... еслибъ на два вершка выше, воспаленіе брюшины могло быть. Мнѣ это самъ Иванъ Петровичъ сказалъ.

— Мало ли что! Въ жизни и все такъ. Ударить перочиннымъ ножемъ въ грудь, гдѣ артерія, и вы изойдете кровью.

— Кто споритъ!

— Наконецъ... это личное дѣло Павла. Если его секундантъ не хотѣлъ сказать ни вамъ, ни мнѣ настоящій поводъ дуэли, значитъ, его просилъ объ этомъ самъ Павелъ.

— Кто же споритъ!—повторилъ Фартовъ, какъ бы немного пристыженный.—Не у всѣхъ такая натура и голова, какъ у васъ, Елена Львовна... и то сказать.

— Къ чему тутъ имѣть необыкновенную голову? Мнѣ кажется, это такъ ясно и просто. И если мама будетъ васъ допрашивать, надо ей поставить это на видъ. Отецъ гораздо благоразумнѣе.

— Левъ Павловичъ... вспоминая свои молодые гусарскіе годы, смотритъ на это гораздо легче. Тогда вѣдь выходили исторіи, можно сказать, не за понюхъ табаку.

— И прекрасно, что онъ не придаетъ большого значенія самому мотиву.

— Въ его время кто-нибудь косо поглядѣлъ на васъ, сидя въ томъ же ресторанѣ, ну и кончено. Знаете какъ у Щедрина... поручикъ Живновскій?

Лена взглядомъ остановила его, давъ ему этимъ взглядомъ понять, что ему всего менѣе слѣдуетъ «прохаживаться», хотя бы и въ добродушномъ тонѣ, надъ ея отцомъ.

До сихъ поръ онъ никогда себѣ этого и не позволялъ, въ ея присутствіи.

— Я только къ слову... Извините, я васъ задержалъ. Вы хотѣли къ Нинѣ Георгіевнѣ. Обрадуйте ее, Иванъ Петровичъ зря не будетъ болтать. А мнѣ позвольте взглянуть хоть однимъ глазкомъ на нашего больного. Я его не утомлю.

— Подите къ нему,—разрѣшила Елена.

— Вы къ maman, а я къ папа, тоже съ добрыми вѣстями. Онъ, навѣрно, уже поднялся. Спасибо вамъ, дорогая.

Неизвѣстно, за что поблагодарилъ онъ ее и, взявъ руку, поцѣловалъ такъ же крѣпко, какъ и въ первый разъ.

Лена поглядѣла ему вслѣдъ, на его «плебейскую» широкую спи-

пу и всю его «обывательскую» фигуру въ че-су-чѣ, и все тотъ же вопросъ всплылъ въ ея уравновѣшенной головѣ: «могла ли ея мать сдѣлать такой выборъ, еслибъ тутъ не замѣшались милліоны Фартова?»

VII.

У Льва Павловича была просторная спальня, съ однимъ итальянскимъ окномъ, и небольшой кабинетъ.

Окно выходило въ садъ, рядомъ съ балкономъ.

Въ спальнѣ помѣщался, за ширмами, и шкапъ для душа. Онъ бралъ его каждое утро, иногда и еще разъ передъ обѣдомъ, въ большіе жары.

Въ обѣихъ комнатахъ не выводился освѣжающій запахъ пульверизаціи изъ фіалковой воды. Левъ Павловичъ самъ этимъ занимался по нѣсколько разъ въ день. Пульверизаторъ былъ особенный, съ насосомъ, изъ граненаго хрусталя.

Когда Фартовъ вошелъ въ спальню, гдѣ кровать стояла въ темноватомъ альковѣ, за ширмами дѣйствовалъ душъ.

— Кто тамъ?—окликнулъ Кардуевъ-отецъ.

— Это я, Левъ, продолжай!

— А-а! Какъ рано пожаловалъ! Жарко, небось?

— Порядочно припекаетъ.

— Неужели пѣшкомъ?

— На велосипедѣ.

— Полезно! Полезно, братецъ! Давно пора. Садись, кури! Я сейчасъ готовъ.

Фартовъ сѣлъ въ кресло у окна и закурилъ.

Его покоробило то, что Левъ Павловичъ ничего не спросилъ его о Павликѣ. Точно будто въ домѣ нѣтъ серьезно-больного. И этотъ больной *считается* его сыномъ.

И никогда Кардуевъ-отецъ не показывалъ вида, что онъ хоть мало-мальски задумался надъ этимъ вопросомъ.

Для него все, какъ и быть слѣдуетъ, «честно-благородно».

Но всетаки же Павликъ ему не чужой, и онъ поблѣднѣлъ и чуть не лишился чувствъ, когда его привезли изъ лѣсу; Фартову это говорила Елена Львовна.

Но что же съ него требовать? «Легкая особа!»—такъ Фартовъ давнымъ-давно прозвалъ его.

Не злой, даже добрый и мягкій, обидѣть никого не можетъ, но все по немъ скользитъ.

Ужъ на что преклоняется передъ своей дочерью—Еленой Львовной, а случись съ ней что-нибудь въ такомъ же родѣ, онъ разревется и будетъ дня два ходить, какъ въ воду опущенный, а потомъ и опять начнетъ въ зеркало поглядывать, гладить усы и гребеночкой заносить волосы на уши.

— Вотъ я и готовъ!

Левъ Павловичъ вышелъ изъ-за ширмъ въ мохнатомъ пеньюарѣ, полосами, и въ свѣтлыхъ туфляхъ, на босу ногу.

Онъ былъ на цѣлую голову выше Фартова, держался прямо, худой въ тѣлѣ, съ маленькими ногами, которыми щеголялъ особенно. Изъ брюнета онъ превратился въ «сѣдушку» уже больше пяти лѣтъ назадъ. «Сѣдушкой» его зовутъ дамы полусвѣта, изъ его старыхъ пріятельницъ.

Онъ носилъ длинные усы, которые только слегка чернилъ, брился и чесался такъ, какъ чесались въ его очень молодые годы, съ проборомъ почти по срединѣ головы и съ зачесами на виски, вродѣ «à la mougik».

Въ эту минуту волосы его не были еще приведены въ порядокъ и усы растрепались; онъ ихъ тоже, немножко по старинному, смазывалъ венгерской помадой и вытягивалъ въ ниточку, что отзывалось концемъ второй имперіи, когда онъ только что былъ произведенъ въ корнеты гусарскаго полка.

— Ты позволишь... я буду облачаться при тебѣ, Ардальонъ.

Онъ всегда такъ звалъ Фартова. Отъ него пошло это и къ дѣтямъ, и у Павла пріобрѣло особый смыслъ и произносилось извѣстнымъ звукомъ.

— Сдѣлай одолженіе.

Левъ Павловичъ сталъ надѣвать бѣлье въ альковѣ, послѣ того, какъ еще разъ растеръ себѣ грудь мохнатымъ полотенцемъ.

— Что же ты не спросишь про Пашу?—не вытерпѣлъ Фартовъ.

— Да развѣ ты его уже видѣлъ?

— Не видалъ... но мнѣ Елена Львовна сказывала.

— Ему лучше, голубчикъ! Мнѣ вчера Иванъ Петровичъ доскопально заявилъ. Навѣрно, сегодня и совсѣмъ хорошо.

— Не дурно! Бога гнѣвить нечего. Но все-таки нужна осторожность.

— Главное, чтобъ не давать ему говорить. Я вчера нарочно не хотѣлъ его безпокоить.

«Нарочно! Знаемъ мы тебя!» подумалъ Фартовъ.

— Спокойствіе... Чтобы не двигался. Шампанскаго ему надо,

бульону... ѣда не горячительная. Вѣдь рана самая пустячная. Такія ли бываютъ?

— Пустячная!—почти крикнулъ Фартовъ и завозился въ креслѣ.—Однако, еслибъ на два сантиметра выше, дѣло бы дрянь!

— Вотъ еще хватилъ! Будь это въ дѣлѣ, отмѣтили бы: «легко раненый».

— Однако... могъ кровью изойти. Перевязка-то первая... не ахти какая искусная была.

— Такъ это, милый другъ, ужъ докторишка сплоховалъ по причинѣ своей юности. У меня товарищъ былъ... ему зубъ выдернули, такъ онъ совсѣмъ чуть Богу душу не отдалъ. Полковой фельдшеръ рвалъ.

На свѣжее бѣлье Левъ Павловичъ накинулъ опять мохнатый пеньюаръ и присѣлъ въ кресло, противъ Фартова, съ пріятнымъ вздохомъ облегченія, и закурилъ папиросу.

— Все это... вопросъ одной недѣли,—заговорилъ онъ.—Не хорошо только, что онъ мать такъ напугалъ. Она все еще не можетъ придти въ себя, какъ слѣдуетъ. Могъ бы хоть кого-нибудь предупредить.

— Кого же?

— Да перваго тебя, если ужъ онъ боялся, что я разстрою его дуэль.

— Какъ будто ты не былъ самъ молодъ.

— И даже стрѣлялся еще юнкеромъ.

— Стало быть...

— Но всетаки у нынѣшней молодежи особая какая-то скрытность. Не допускаютъ никого до своего «я». Точно оно святыня какая-то! И никто не достоинъ ихъ довѣрія!

— Это, пожалуй, и вѣрно, вообще, — поспокойнѣе замѣтилъ Фартовъ.—Но въ данномъ случаѣ никто не станетъ предупреждать... родныхъ. Пріятелей, да. Такъ вѣдь у него былъ же секундантъ...

— И секундантъ тоже все... ежится.

— Въ какомъ же смыслѣ?

— Кажется... роднымъ-то можно бы было сказать настоящую причину?

— На это онъ не имѣлъ права,—возбужденно выговорилъ Фартовъ.—Припомни, если ты самъ бывалъ секундантомъ.

— Бывалъ. И цѣлыхъ два раза, уже офицеромъ.

— Съ какой же стати ты будешь разсказывать то, что положено хранить въ тайнѣ!

— Въ тайнѣ? Ха-ха! Все равно узнается... не нынче, завтра.

Ужъ и теперь у насъ въ клубѣ всѣмъ извѣстно. И меня ужъ вчера счетомъ десять человѣкъ спрашивали.

— Глупо дѣлали... и безтактно.

— Прямо, съ бацу! Разумѣется... сначала о здоровьѣ Паши... И всякая штука! Одинъ прямо сказалъ: «Не можетъ быть, чтобы вы, Левъ Павловичъ, даже не догадывались, изъ-за чего вашъ сынъ вызвалъ того... какъ бишь его?»

— Темлякова.

— Ну, да. И на такихъ условіяхъ? Прямо на смертельный бой!... А кто его знаетъ? Нашего Павлика? Онъ нутрякъ... все въ себѣ хоронитъ... Однако одно прекрасно извѣстно, что юнкеръ видѣлъ его въ первый разъ и даже не зналъ, какъ его фамилія.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— И секундантъ не отрицаетъ, и докторъ черезъ ассистента слышалъ.

Левъ Павловичъ всталъ и отошелъ къ туалетному столу, покрытому всевозможными флаконами, щетками и пилками.

За своимъ туалетомъ онъ просиживалъ по получасу и дольше, и Фартову приводилось надъ нимъ подшучивать.

— Пожалуйста, не стѣсняйся, Левъ. Наводи красоту.

— Только, братецъ, и утѣшенія осталось, что приводить себя въ болѣе благообразный видъ, чтобы не пугать никого.

— Чего же тебѣ пугать? Ты еще, во всѣхъ статьяхъ, бельомъ.

— Знаешь, какъ маркеры въ трактирахъ острятъ: *былъ гевезенъ да выскочилъ.*

Любовныя похожденія Кардуева были всегда извѣстны Фартову, и не такъ еще давно онъ выручилъ его изъ одной весьма непріятной исторіи. Какая-то пѣвичка изъ Яра настолько увлекла Льва Павловича, что онъ выдалъ ей нѣсколько векселей. Съ этими документами явился къ нему, до срока, какой-то «прапорщикъ запаса» и сталъ требовать немедленной уплаты, грозя произвести скандалъ.

Левъ Павловичъ не на шутку встревожился, и выручать его пришлось Фартову. Тотъ повелъ дѣло съ «натискомъ» настоящаго дѣловаго человѣка, и шантажистъ стушевался.

Оба эти пріятеля давнымъ давно какъ бы заключили между собою договоръ насчетъ своихъ взаимныхъ отношеній. Но до сихъ поръ Фартовъ не увѣренъ: Нина Георгіевна находится ли съ мужемъ своимъ только въ фиктивномъ сожительствѣ или... исполняетъ отъ времени до времени свои супружескія обязанности?

Ни въ первые годы ихъ связи, ни позднѣе она не допускала его до такихъ вопросовъ или до проявленій ревности, во вкусѣ героевъ

французскихъ эротическихъ романовъ. Она такъ сумѣла себя поставить, что онъ и теперь не осмѣлился бы позволить себѣ какой-нибудь намекъ или маленькую нескромность.

Мужъ ея велъ себя съ нимъ гораздо проще и откровеннѣе. Онъ давнымъ давно показываетъ ему, что все прекрасно понимаетъ и никакихъ претензій не заявляетъ.

Фартовъ увѣренъ, что самъ Левъ Павловичъ не способенъ пользоваться своими правами мужа; но такая дама, какъ Нина Георгіевна, чтобы имѣть всегда козырь въ супружеской игрѣ—способна дѣлать видъ, что она принуждена признавать права своего мужа.

И всетаки онъ ее болѣе уважалъ именно за это, за умѣнье поддержать декорумъ; а на Льва Павловича смотрѣлъ со смѣсью благодушнаго пріятельства съ презрительнымъ снисхожденіемъ.

Сегодня Кардуевъ казался ему особенно похожимъ на старую кокотку. И его легкій нравъ проявлялъ себя уже слишкомъ откровенно, особенно въ исторіи съ Пашей.

— Такъ ты еще не видалъ Павла?—спросилъ Левъ Павловичъ, зачесывая себѣ серебряной щеткой волосы на виски.

— Вотъ отъ тебя подымусь.

— Только пожалуйста, Ардальонъ, не позволяй ему много говорить.

— Не безпокойся. Кажется, ты знаешь, какъ я люблю твоего сына.

— Ты слишкомъ носишься съ нимъ... Ардальонъ. Вотъ и въ этой исторіи. Мальчики изъ за чего то... повздорили... Наговорили другъ другу дерзостей... Ну, чего тутъ добираться непремѣнно самой сути?...

— Не понимаю, какъ ты такъ говоришь!

Фартовъ всталъ и началъ грузно ходить по комнатѣ, слегка отдуваясь, что у него всегда выходило, когда онъ взволнуется.

— Да чего же тутъ не понять, голубчикъ?

— Воля твоя! Еслибъ я былъ на мѣстѣ родителей, особенно на мѣстѣ отца, меня бы это мозжило. Сынъ выросъ, вполнѣ молодой человѣкъ... личность...

— Ну, личность... а потомъ что?—перебилъ Кардуевъ и сталъ выщипывать себѣ волоски изъ правой ноздри.

— Ну да, личность. И у него своя внутренняя жизнь. А я ничего про нее не знаю.

— Кто же въ этомъ виноватъ, любезный другъ? Не мы съ Ниной Георгіевной. Ни дочь, ни сынъ, надѣюсь, не могутъ пожаловаться. Мы всегда были имъ друзьями. Ни въ чемъ не задергивали. Полная свобода... И полное довѣріе. Какъ будто ты этого не знаешь!

— Превосходно! Однако, фактъ налицо. Пашу могли привезти съ дуэли умирающимъ... и онъ отправился бы на тотъ свѣтъ и унесъ бы съ собою тайну.

— Глупости!—вскричалъ Кардуевъ и обернулся къ Фартову лицомъ.—Это, братъ, по-французски называется: chercher midi à quatorze heurès!

— Нужды нѣтъ!

— И вотъ ты... всегда съ нимъ возился... больше всѣхъ насъ... и желалъ ему въ душу влѣзть...

— Это выраженіе ты оставь при себѣ.

— Ну, назови какъ знаешь! Я говорю не въ осужденіе тебѣ. И что же? Онъ откровененъ съ тобой? Добился ты того, чтобы онъ былъ съ тобой, какъ съ лучшимъ своимъ другомъ?

— Если этого нѣтъ, то я самъ виноватъ.

— Напрасно! А вѣрнѣе то, что Павелъ изъ тѣхъ натуръ, что чѣмъ ты его ни корми—онъ все въ лѣсъ глядѣть будетъ.

— У Павла—благороднѣйшій характеръ... А только онъ,—я замѣчаю,—вотъ уже второй годъ, какъ поглощенъ чѣмъ-то.

— Коли у тебя есть охота, Ардальонъ, проникай въ эти юдольфскія тайны, даю тебѣ carte blanche!

Быть можетъ, впервые Фартовъ заслышалъ въ тонѣ своего пріятеля Кардуева нотки, какихъ онъ не подмѣчалъ у него—точно тотъ желаетъ его поддразнить тѣмъ, что Павелъ всетаки не поддается ему, какъ онъ объ этомъ ни хлопочетъ, сколько лѣтъ, чуть не съ самаго рожденія мальчика.

До сихъ поръ никогда, ни малѣйшимъ намекомъ Левъ Павловичъ не давалъ понять, что ему извѣстна настоящая правда насчетъ того—чей сынъ Павликъ.

И у Нины Георгіевны, до настоящей минуты, нѣтъ подозрѣнія въ томъ, что онъ можетъ это предполагать. А она, конечно, не такая особа, чтобы въ чемъ-нибудь себя выдать. Съ какой же стати дала бы она противъ себя такого «козыря» мужу, даже еслибъ онъ и помирился съ тѣмъ, какое положеніе занялъ въ домѣ Фартовъ?

Это—его дѣло. Значитъ, онъ и самъ знаетъ себѣ цѣну и настолько порядоченъ, чтобы не дѣлать никакихъ исторій и вести себя, какъ воспитанный человѣкъ, сознающій, что онъ передъ женой гораздо больше виноватъ и сталъ измѣнять ей со второго года супружества.

«Et avec qui? Avec des créatures!»

Она такъ должна выражаться про себя, но въ интимныхъ разговорахъ съ другими, она никогда не оставляла снисходительно-шутливаго тона, когда рѣчь заходила о Львѣ Павловичѣ и его «нравахъ».

«Однако, что же это я?» далъ на себя окрикъ Фартовъ.

Что бы тамъ ни явилось въ тонѣ Льва Павловича «заднимъ числомъ», ему самому ни въ какомъ разѣ не слѣдуетъ «вистовать», а надо все такъ же зорко слѣдить за собою, какъ онъ это дѣлалъ въ теченіе двадцати лѣтъ.

Онъ обязанъ этимъ передъ женщиной, которой столько же лѣтъ вѣренъ и душой, и тѣломъ.

— Ничего не подѣлаешь, любезный другъ,—сказалъ Кардуевъ уже другимъ тономъ.—Чужая душа—потемки, и о Павликѣ это слѣдуетъ сказать больше, чѣмъ о комъ-нибудь.

— Спорить не буду!

Поглядѣвъ на часы, Фартовъ бросилъ окурокъ папиросы и отошелъ къ двери.

— Я поднимусь къ нашему больному.

— Ступай! Я послѣ чаю заверну. И пожалуйста, братецъ, оставь ты свое глубокомысленное ковырянье въ чужомъ нутрѣ.

— До свиданія!

VIII.

— Павликъ! Это я!—крикнулъ Фартовъ, поднявшись по крутой лѣстницѣ на площадку.

Больной лежалъ въ постели, прислонившись къ высоко взбитымъ подушкамъ. Онъ только что выпилъ молока и бульону. Сидѣлки въ спальнѣ не было—она относила внизъ посуду.

— Ну, какъ ты? Молодцомъ?

Фартовъ не могъ скрыть своего радостнаго волненія и, присаживаясь на край постели, сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая обнять больного одной рукой.

Павелъ не поддался на эту ласку.

Но онъ видѣлъ, что на рыжеватыхъ рѣсницахъ «Ардальона» заблестѣли слезинки.

Еслибъ онъ поддался тому же настроенію, онъ могъ бы, пожалуй, самъ расплакаться.

Ему стало вдругъ очень неловко. Всего менѣе желалъ бы онъ чувствительной сцены съ «Ардальономъ».

И съ какой стати тотъ позволяетъ себѣ такое нѣжничанье? Никогда онъ его къ этому не поощрялъ, а въ послѣднее время—и подавно!

— Молодцомъ! Иванъ Петровичъ очень доволенъ. Мнѣ говорила Лена. Теперь только лежи смирно. Ногой-то вотъ этой не дрягай! Ха-ха!

Слова такъ и рвались изъ толстыхъ губъ Фартова. Всего его какъ-то поводило; даже пальцы съ волосками на суставахъ вздрагивали.

— Ничего... я не жалуюсь,—почти нехотя выговорилъ Павелъ.

— Ахъ, Павликъ, Павликъ! Милый ты мой!

Фартовъ не выдержалъ и заплакалъ.

И это было такъ внезапно и порывисто, что Павелъ впервые смутился. Ему стало какъ бы совѣстно за этого плотнаго «мужичину», который, точно нервная барыня, ударился вдругъ въ слезы.

— Что вы, Ардальонъ Силычъ?—вырвался у него возгласъ.

— Безталанный ты мой!

Фартовъ также порывисто обнялъ обѣими руками голову Павла и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ лобъ.

— Живи ты! Живи! И знай, что у тебя есть такой... другъ, какъ Ардальонъ Фартовъ.

Можетъ быть, онъ застыдился своихъ слезъ, всталъ, прошелся взадъ и впередъ, отеръ глаза платкомъ и вернулся опять къ постели.

Онъ присѣлъ уже не на кровать, а на стулъ сидѣлки.

— Извини... Я не желаю тебя волновать. Знаешь, родной мой, у насъ нервы-то всѣ эти дни... были надерганы. Я это говорю не въ осужденіе тебѣ, Павликъ. Пожалуйста, не подумай.

Павелъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ на эти «изліянія», которыя продолжали казаться ему неловкими и ненужными, почти смѣшными.

Онъ лежалъ съ полузакрытыми вѣками и когда поднялъ ихъ и его взглядъ остановился на лицѣ Фартова,—онъ вдругъ нашелъ, рѣшительно въ первый разъ въ своей жизни, что въ наружности «Ардальона» есть что-то общее съ его обликомъ.

Лицо—широкое, и глаза другого цвѣта, складъ всего туловища не тотъ; но что-то есть и, прежде всего—бѣлокурость и очертаніе черепа.

Да и есть ли хоть малѣйшее сходство между нимъ и отцомъ или матерью? Оба—брюнеты. Мать—съ чистымъ грузинскимъ профилемъ. На нее не похожа и Лена; зато она—вылитый отецъ, только плотнѣе сложеніемъ.

Въ кого же онъ блондинъ и такого же «чухонистаго» вида?

И его изумило тутъ же, что никогда этотъ вопросъ не всплывалъ передъ нимъ, до этой самой минуты.

— Мнѣ сестра твоя сдѣлала внушеніе, чтобы тебѣ ни подъ какимъ видомъ не давать говорить. Ты помолчи, Павликъ, и меня прости... за то, что я возбужденъ... отъ радости. А вѣдь теперь можно

сказать—попади пуля двумя сантиметрами выше—шутка была бы плохая, да и кровью могъ изойти, дорогой.

Павелъ слушалъ его, опять полузакрывъ вѣки, и спрашивалъ себя: развѣ можно такъ радоваться, если нѣтъ кровной связи съ тѣмъ, кто остался въ живыхъ, а могъ бы погибнуть?

Этотъ новый вопросъ смутилъ его гораздо сильнѣе. Имъ начала овладѣвать тревога. Присутствіе Фартова становилось почти невыносимымъ; но онъ не рѣшался сказать ему:

«Уйдите! Оставьте меня!»

— Да, милый! Полеживай себѣ. Читать небось—тоже не рекомендуютъ? А то мы охотно бы чередовались съ Леной. Она до четырехъ, а я потомъ. А лучше—изгнать чтеніе. Сейчасъ начнетъ голова играть... особенно газеты... всякая штука. Теперь вотъ въ Китаѣ... такія трагедіи собираются. Всего можно ждать. Эти самые—большіе кулаки... Вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Еслибъ имъ всѣмъ раздать магазинки, да обучить верховой ѣздѣ—такъ они насъ бы всѣхъ въ Европѣ перебили. Вѣдь это саранча! Четыреста милліоновъ!

«Господи! Какъ онъ болтаетъ!»—чуть не вслухъ вырвалось у Павла.

А Фартову все сильнѣе хотѣлось дать почувствовать, что онъ не ставитъ ему въ упрекъ—какъ сдѣлалъ это отецъ, хоть и не прямо—то, что онъ скрытничалъ и «угостилъ» своихъ такимъ «сюрпризомъ».

— Пущай ихъ! Мы—русскіе—вѣдь тутъ не причемъ. Это все разные миссіонеры нахозяйничали... Только бы у насъ дома все было по добру, по здорову! А что такая бѣда стряслась съ тобою, Павликъ... значитъ ты не могъ иначе поступить. Мало ли что! И у отца была дуэль. Онъ мнѣ сейчасъ сказывалъ... еще въ юнкерахъ. А вѣдь мы знаемъ, какія у господъ военныхъ бывали исторіи... Такъ, здорово живешь! Какъ нѣмцы говорятъ: *міръ нихтсъ—дюръ нихтсъ*.

«Что ему нужно?—воскликнулъ про себя Павелъ.—Это невозможно!»

— Только... еслибъ фатеръ твой что-нибудь сказалъ такое—ты оставь втунѣ!

«Оставь втунѣ!»—повторилъ Павелъ и ему вспомнилась эта купеческая фраза изъ того вечера, когда въ душѣ его—впервые—разыгралась буря.

Прежде Фартовъ не называлъ Льва Павловича «фатеромъ». Откуда вдругъ такое прибауточное слово? Точно онъ хотѣлъ дать ему понять, что тотъ, кого онъ считаетъ отцомъ—такъ себѣ, посторонній человѣкъ и что бы онъ ни говорилъ—это одни пустыя слова, а настоящая кровная связь соединяетъ только ихъ обоихъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Павелъ почуялъ, что къ щекамъ его прилило и сердце начало учащенно биться.

Рой вопросовъ вдругъ налетѣлъ на него; но онъ не могъ бы заговорить, даже еслибъ и не выполнялъ роль выздоравливающаго, которому докторъ рекомендовалъ не разговаривать.

Еще одна такая фраза Ардальона—и онъ не выдержитъ.

Фартовъ всталъ и пододвинулся къ его изголовью.

— Вонъ у тебя... и румянецъ проступилъ... Павликъ. Значитъ, кровь стала правильнѣе обращаться. Тебя вѣдь шампанскимъ поятъ. Давали уже?

— Нѣтъ,—точно сквозь зубы выговорилъ Павелъ.

— Пріятный режимъ! Куда лучше латинской кухни. Ха-ха. Это тебѣ въ отплату за то, что ты больно ужъ постничать сталъ насчетъ крѣпкихъ напитковъ. Такъ нельзя! Развѣ въ толстовцы записался? Только одно и есть настоящее вино, которое веселитъ сердце человѣка. Остальное все только такъ... Видѣлъ ты безграмотное объявленіе: «Замѣненное средство тресковаго жира»—вмѣсто: «средство, замѣняющее жиръ»! Такъ и остальныя вина. Слыхалъ я отъ кого-то, что Викторъ Гюго называлъ рейнвейнъ—различные сорта уксуса. И это вѣрно! Ха-ха! Ну, до свиданія, милый. Прости, что заболтался. Я на радостяхъ!

И опять онъ обнялъ его за шею и чмокнулъ въ лобъ.

— Фатеръ... когда откушаетъ чай—поднимется къ тебѣ. Помни мои слова... Оставь втунѣ, ежели онъ что... не по шерсти тебѣ скажетъ.

Грузные шаги Фартова смолкли. Поднялась вслѣдъ затѣмъ сидѣлка и, заглянувъ въ дверь, спросила:

— Павелъ Львовичъ, вамъ ничего не угодно? Я на минутку отлучусь.

— Ничего, ничего!—нервно отвѣтилъ Павелъ и чуть не крикнулъ:—«Оставьте меня въ покоѣ, Бога ради»!

Онъ завозился и тотчасъ же ощутилъ жгучую рѣзь въ больной ногѣ.

Это заставило его откинуть голову на подушку и воздержаться отъ всякаго движенія.

Съ закрытыми глазами лежалъ онъ опять блѣдный, трепетный. Особая нервная дрожь овладѣвала имъ, а въ душѣ началась новая буря.

Для него теперь ясно, какъ день, что Ардальонъ—его отецъ. Чувство выдало его.

Развѣ мыслимъ былъ бы такой порывъ во всякомъ другомъ чело-

вѣкѣ, даже и очень добромъ? Правда, онъ для него сынъ любимой женщины, его фактической жены; но этого всетаки недостаточно.

Да и что видѣлъ Фартовъ отъ него, и отъ мальчика, и отъ подростка, и отъ молодого человѣка? Онъ не могъ не сознавать, какое чувство онъ возбуждаетъ.

И не взирая на такую отчужденность сохранить въ себѣ подобное—можно прямо сказать—страстное чувство.

Это даетъ только инстинктъ или убѣжденіе въ томъ, что онъ отецъ.

Стало, и мать увѣрила его въ этомъ! Да и какъ же могло быть иначе?!

Только онъ глупый «нутрякъ», какъ его зоветъ Левъ Павловичъ, не зачуялъ своей кровной связи съ Ардальономъ, даже послѣ того, какъ его подозрѣнія насчетъ роли Фартова въ домѣ перешли въ увѣренность.

Но тогда всѣ это знаютъ: и номинальный отецъ, и сестра?

Ну, да, знаютъ. И давнымъ давно помирились съ такимъ естественнымъ, ординарнымъ фактомъ.

Знаетъ и городъ, та «вся» Москва, гдѣ господа Кардуевы купаются, какъ въ своей родной стихіи. Знаютъ, конечно, и его товарищи, Ѣздаковъ и Шивскій. И каждый изъ нихъ, когда онъ затѣялъ дуэль съ юнкеромъ, могъ ему сказать «изъ дружбы»:

«Не хорохорься, Павликъ! Вѣдь ты только подводишь своихъ родителей. Вѣдь всѣмъ же прекрасно извѣстно, что ты—сынъ Фартова, а ты полѣзъ драться на смерть оттого только, что Темляковъ, не зная тебя въ лицо, повторилъ давнишнюю московскую молву о томъ, что Фартовъ—другъ вашего дома».

И выходитъ, что эта дуэль, куда онъ вложилъ всю свою душу—колоссальная глупость, мальчишество, не имѣющее себѣ никакого оправданія! Онъ вдвойнѣ осрамилъ и мать, и номинальнаго отца даже и теперь, когда остался живъ.

А убей его юнкеръ! Вѣдь все бы разнеслось еще быстрѣе, и стали бы говорить, что онъ погибъ, изъ-за чести матери, которую собрался защищать двадцать лѣтъ послѣ того, какъ она родила его, его самого, отъ Фартова.

— Ха, ха, ха!—вдругъ неудержимо захохоталъ онъ и его всего начало поводить. Въ груди сперло дыханіе и въ икрахъ онъ ощутилъ приступъ судорогъ.

Припадокъ былъ внезапный и быстрый. Онъ поборолъ его. Ему сдѣлалось вдругъ стыдно за самого себя.

Точно какая барыня истеричка!

Нервное, дрянное тѣло не выдержало. Неужели и нравственно онъ не совладаетъ съ своимъ запоздалымъ открытіемъ?

И все еще онъ такъ глупъ и наивенъ, что продолжаетъ изумляться. Какъ будто оно не въ порядкѣ вещей.

Что же тутъ удивительнаго, что отъ связи мужчины и женщины—молодыхъ и здоровыхъ—произойдетъ чадо. И это чадо—онъ. И сколько есть такихъ чадъ любви. Ими кишитъ Воспитательный домъ.

И чѣмъ всѣ эти «воспитомки» и «воспитомцы» хуже его? А они мрутъ сотнями и потомъ должны жить съ клеймомъ незаконныхъ. Бьется весь свой вѣкъ, отданный въ домъ мастеровыхъ, поденщиковъ и много-много пріемный сынъ какихъ-нибудь чухонъ или подмосковныхъ мужиковъ.

А онъ передъ закономъ и обществомъ—сынъ столбового дворянина, Льва Павловича Кардуева, и супруги его, урожденной княжны Шиканидзе.

Чего же ему больше? Не все ли ему равно, кто фактически его отецъ? И какъ же это доказать безповоротно? Не даромъ вѣдь во Франціи законъ не допускаетъ разыскивать своего настоящаго отца, даже и дѣтямъ, рожденнымъ отъ матерей-дѣвицъ, а подавно такимъ, какъ онъ.

Да, если вѣрить романистамъ и драматургамъ, такъ двѣ трети дѣтей рождены—въ законныхъ бракахъ—отъ любовниковъ ихъ матерей, а не отъ номинальныхъ отцовъ.

Тяжкая оторопь, чуть не перешедшая въ сильный истерическій припадокъ, смѣнилась почти злорадымъ чувствомъ чего-то похожаго на радость... освобожденія.

Довольно ковырять въ своемъ нутрѣ! Долой всякіе возвышенные запросы! Все это—сантиментальщина и непростительная глупость.

Чѣмъ же онъ-то, Павелъ Кардуевъ, по имени своего «фиктивнаго» отца, виноватъ, что та семья, гдѣ онъ родился—выработала себѣ особый кодексъ морали? Развѣ они спрашивали его согласія, производя на свѣтъ? Думали они о томъ, каково ему будетъ, когда онъ все пойметъ? Они и теперь не догадываются, изъ-за чего это Павликъ — такой «головастикъ»—и вдругъ повздорилъ на кутежномъ обѣдѣ, въ трактирѣ, съ юнкеромъ. Они знали только себя, только свое тѣло и его уходъ, только свое дворянское жупрство, и никакихъ у нихъ уколовъ совѣсти не было, нѣтъ, да и не будетъ.

Еще всѣхъ ихъ едва ли не выше Ардальонъ. Онъ вотъ уже двадцать лѣтъ «воздѣлываетъ» въ себѣ нѣжнаго незаконнаго отца. Его онъ дѣйствительно любитъ и всегда любилъ; да любовь-то его не грѣла и не радовала, потому что была отравлена сначала какимъ-то инстинктив-

нымъ предубѣжденіемъ, а потомъ сознаніемъ, что у его матери два мужа и что всѣ трое барахтаются въ такой грязи; а сестра его это знаетъ и сохраняетъ свою образцовую уравновѣшенность.

«И прекрасно! И прекрасно!—повторяли беззвучно поблѣднѣвшія губы Павла. Все какъ и быть слѣдуетъ, и я былъ великій глупецъ съ моей дурацкой дуэлью и нелѣпой истерикой».

Съ лѣстницы донеслись мужскіе шаги.

«Это Левъ Павловичъ!»—сказалъ онъ про себя.

Слово «отецъ» онъ уже не могъ употребить наединѣ съ своей совѣстью.

И тотчасъ же онъ закрылъ глаза, натянулъ на себя одѣяло и притворился спящимъ.

Левъ Павловичъ осторожно вошелъ и остановился въ дверяхъ.

Сидѣлка поднималась слѣдомъ и остановилась на площадкѣ, тотчасъ за нимъ.

— Ну, какъ, Паша?—окликнулъ Кардуевъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.—Совсѣмъ хорошо?

Павелъ не раскрывалъ глазъ.

— Должно, започивали,—тихо подсказала сзади сидѣлка.

— Кормили его?—также тихо спросилъ Левъ Павловичъ.

— Какъ же, кушали съ аппетитомъ... молоко, бульонъ.

— Шампанское давали?

— Нѣтъ. Съ утра докторъ не приказывалъ, а вотъ попозднѣе.

— Спитъ. Ну, и прекрасно.

Плотно къ постели Левъ Павловичъ не подошелъ и, поглядѣвъ въ раскрытую дверь, постоялъ нѣсколько секундъ и на цыпочкахъ вышелъ.

На немъ былъ стильный фланелевый костюмъ, отъ Сиже, и розоватый галстучекъ.

IX.

Время туго близится къ обѣду. Очень душно, даже на террасѣ, гдѣ подъ спущенной маркизой, въ соломенныхъ креслахъ, сидятъ у столика Нина Георгіевна и Лена. Дочь читаетъ вслухъ матери англійскій романъ; мать вышиваетъ по канвѣ, безъ пялецъ.

Чтеніе идетъ вяло. Лена обыкновенно произноситъ по-англійски съ большой увѣренностью, точно выпаливаетъ слова, и вообще очень франтитъ своимъ акцентомъ; а тутъ она глотаетъ слова такъ, что мать ея далеко не все схватываетъ.

Обѣ уже въ туалетахъ; переодѣлись около часа назадъ.

Нина Георгіевна вся въ бѣломъ, съ кружевной бертой, съ полупрозрачнымъ корсажемъ и въ широкомъ кушакѣ viel or. Къ кушакамъ съ металлическими пряжками у ней есть чисто-восточная склонность. Но вообще она одѣвается оригинально и очень стильно. Дочь ея—такая же франтиха, утрируетъ англійскій жанръ и все у ней выходитъ рѣзче и жестче. Втайнѣ, она завидуетъ матери, но увѣряетъ себя, что это уже «vieux jeu»—одѣваться такъ, какъ ея мать.

Вотъ и сегодня у ней слишкомъ рѣзкаго рисунка кофточка, въ обтяжку, при полосатой юбкѣ. Ея формы слишкомъ выступаютъ впередъ. Фигура у ней давно уже дамская, а не дѣвическая.

Рядомъ съ дочерью мать нисколько не теряетъ, а даже выигрываетъ.

У Нины Георгіевны тонкій грузинскій профиль. Чистота линій сохранилась на рѣдкость. Овалъ лица нѣсколько удлиненный, щеки еще тверды и слегка только освѣжены косметикомъ. Темно-каріе, ласковые глаза съ блескомъ, смягченнымъ длинными рѣсницами. Брови она чуть-чуть подводитъ, также, какъ и губы. Зубы блестятъ и въ нихъ только два заднихъ—въ верхней челюсти—вставные.

И талія у ней у́же, чѣмъ у дочери, на четыре сантиметра. Издали—въ театрѣ, на скачкахъ, ей нельзя дать больше тридцати лѣтъ. И ея темнорусые волосы, природно-волнистые, до сихъ поръ безъ сѣдины. И второго подбородка еще не растетъ. Шея плотная, но форма груди болѣе тонкая, чѣмъ у Лены.

У Нины Георгіевны выраженіе лица всегда одно и то же, мягкая усмѣшка, съ прищуренными глазами, безмятежная мимика женщины, сумѣвшей прожить двадцать пять лѣтъ въ полномъ и безспорномъ обладаніи того, что̀, у англичанъ, фотографы называютъ: «a professional beauty».

Врядъ ли кто-нибудь изъ домашнихъ слыхалъ, какъ она кричитъ на кого-нибудь или вообще раздражается, поднимаетъ голосъ. Никогда ея личная мимика не нарушила ея благообразія, обратившагося въ поговорку.

«Писаная красавица»: такъ про нее говорятъ въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она вѣнчалась съ Львомъ Павловичемъ въ церкви Большого Вознесенія, причемъ какой-то репортеръ вспомнилъ, что вѣнчанье Пушкина было въ томъ же приходѣ и невѣста Кардуева, судя по портретамъ Гончаровой, никакъ не менѣе красива, чѣмъ та, кого выбралъ себѣ въ подруги жизни самъ Александръ Сергѣевичъ.

— Ecoute, Лена...—прервала чтеніе Нина Георгіеевна, положивъ работу на столикъ и подавшись впередъ.

Лена опустила томикъ Таухница на колѣна и вопросительно взглянула на мать.

— Ты была у Поля послѣ завтрака?

— Была.

— Какъ ты его находишь? Мнѣ кажется... лѣченіе его идетъ прекрасно. Но у него черезчуръ большая нервность. Онъ могъ бы немножко больше взять себя въ руки. Enfin, prendre sur soi même,— пояснила она французской фразой.

— Иванъ Петровичъ сегодня недоволенъ его общимъ состояніемъ.

— Но, наконецъ, что же у него? Лихорадки нѣтъ?

— Температура... обыкновенная. Но сердце слабо. Онъ вернулся опять къ страфантусу.

— Къ чему?— переспросила Нина Георгіевна и повела одной бровью.

— Такія капли.

— Какое-нибудь модное средство?

— Сильное средство... больше двухъ капель не даютъ. Отъ Паши ничего толкомъ не добьешься, но сидѣлка говорила, что онъ спитъ очень тревожно, и даже вскрикиваетъ во снѣ.

— Онъ всегда былъ нервнымъ, съ дѣтства.

Нина Георгіевна прищурила оба глаза, глядя вдаль, на деревья сада.

— И аппетитъ вдругъ пропалъ. Что ему ни даютъ, ни до чего не дотрогивается. Право, точно онъ желаетъ извести себя голодомъ.

— Quelle idée!

И глубокіе, но мало выразительные глаза Нины Георгіевны остановились на лицѣ дочери какъ бы съ легкимъ упрекомъ: какъ могла она допустить такую мысль.

Точно будто Полю житья нѣтъ въ домѣ, гдѣ онъ росъ на полной свободѣ, гдѣ его никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ, гдѣ отецъ никогда на него не прикрикнулъ, а Фартовъ обожаетъ его.

Наверхъ, къ больному, Нина Георгіевна поднимается два раза въ день—послѣ своего утренняго чая и подъ вечеръ. Сегодня она пришла къ Полю въ ту минуту, когда сидѣлка начала дѣлать перевязку и испуганно удалилась.

Видѣть кровь или рану, гной—она не можетъ и какъ бы въ принципѣ не допускаетъ, что ея прекрасное тѣло могло бы быть жертвой чего-нибудь подобнаго.

Ея подругу четыре года ѣлъ ракъ на груди. Она не могла ѣздить къ ней изъ-за одного запаха. Что она сама, какъ женщина, можетъ

кончить такой же болѣзнью, Нина Георгіевна не допускала даже и въ минуты хандры. А хандрила она только когда ей нездоровилось и нельзя было ни выѣзжать, ни выходить къ гостямъ.

— Съ какой стати?—заговорила она потише.—Лѣчатъ его прекрасно. Все идетъ правильно.

— Можетъ это... не отъ раны... а что-нибудь... enfin il y a quelque chose qui le travaille.

— Что же такое?

— Я не знаю. И еслибъ стала его спрашивать, онъ отвѣтилъ бы мнѣ, какъ всегда... какъ-нибудь вычурно. А то такъ и просто ничего не скажетъ.

Нина Георгіевна повела своими скульптурными плечами.

— Мы невиноваты. Онъ самъ наскочилъ на какую-то глупую исторію.

— Про которую мы, въ сущности, ничего не знаемъ,—выговорила точно про себя Лена.

— Une querelle d'allemands! — произнесла мать ея, красиво поведя ртомъ.

— On ne le sait pas,—возразила дочь съ удареніемъ.

Она какъ бы хотѣла подразнить мать.

— Я не понимаю, — заговорила Нина Георгіевна, озираясь на дверь въ гостиную, — почему Ардальонъ Силычъ такъ волнуется. Чуть не плачетъ каждый день...

Взглядъ дочери остановилъ ее.

Ей едва ли не впервые показалось, что этотъ взглядъ особенный, какъ будто въ немъ вопросъ.

«Почему же *тебя* это такъ удивляетъ, мамка?»

Сегодня Лена ни разу не назвала ее «мамка». И вообще съ «исторіи» Павлика она измѣнила тонъ съ родителями, что не укрылось и отъ Нины Георгіевны, вообще мало обращавшей вниманія на что-либо, что можетъ ее заставить задуматься.

— Право, онъ только разстраиваетъ Поля...— выговорила она, усмѣхнувшись вбокъ.

Такая боковая усмѣшка чуть-чуть кривила ей губы.

— Можетъ быть,—кратко отозвалась дочь.

— Отцомъ твоимъ я гораздо болѣе довольна. Онъ ничего не преувеличиваетъ. И тобой я довольна... Я и говорю вчера Фартову: берите примѣръ съ Лены. И она любитъ по своему брата; но не теряетъ головы и не желаетъ невозможнаго. Полю надо отлежаться. Не можетъ же онъ теперь же кататься на велосипедѣ.

— Да... но вотъ что, мама. Что-то есть... enfin quelque chose qui le travaille. А онъ скрытный. Пріятеля у него нѣтъ...

— А Ѣздаковъ? Его секундантъ!

— Я не знаю... можно ли его назвать другомъ Паши. Тотъ навѣрно, кое-что знаетъ, но не скажетъ.

— Mais enfin quoi? Ты тоже вродѣ Ардальона Силыча... начинаешь... какъ отецъ говоритъ: chercher midi à quatorze heures.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣтила Лена и закусила нижнюю губу.— Это его дѣло. И я допытываться не буду. Но если докторъ недоволенъ его нервами—на это есть причина. И не угрызенія совѣсти. Вѣдь онъ даже не задѣлъ юнкера и, кажется, стрѣлялъ на воздухъ.

— Кто это сказалъ?

— Ахъ, мама! Ты же это слышала. Ѣздаковъ проговорился доктору.

— Какой же во всемъ этомъ смыслъ?

Нина Георгіевна выпятила слегка нижнюю губу.

— Ахъ, мама! Разные бываютъ случаи. Можетъ, самъ Паша сознавалъ, что его противникъ ни въ чемъ не виноватъ. Вѣдь онъ самъ вызвалъ... и на такихъ жестокихъ условіяхъ.

— Тогда зачѣмъ же драться!

— Les hommes sont si bêtes!—со вздохомъ выговорила Лена съ такимъ жестомъ правой руки, который говорилъ:

«На его мѣстѣ я бы сумѣла выйти цѣлой и невредимой».

— Dieu sait ce que c'est!—вымолвила, покачавъ живописной головой, Нина Георгіевна и опять принялась за шитье.

— Продолжать?—спросила дочь.

— Пожалуйста. Много до конца?

— Чего? Главы?

— Да.

— Нѣтъ.

Лена перелистовала.

— Всего три листка.

— Пожалуйста.

Ни чтица, ни слушательница не помнили хорошенько, что было раньше. Лена стала читать громче и скорѣе. Мать не принуждала себя слушать внимательнѣе; но у нея не выходило изъ головы то, что она сейчасъ сказала.

«Поль выстрѣлилъ на воздухъ».

Что же это за исторія? И кто же, наконецъ, объяснитъ ее?

Но напрягаться она не любила. И безъ того лобъ ея сталъ влаженъ; а до этого допускать себя нельзя, даже и дома.

Она взяла со стола свой платокъ и приложила его очень осторожно ко лбу.

Можетъ быть, къ обѣду Левъ Павловичъ привезетъ гостя. Навѣрно, будетъ и Фартовъ. Утромъ онъ не пріѣзжалъ узнать о здоровьѣ своего «любимца»; навѣрно задержало что-нибудь экстренное. Но онъ не выдержитъ до вечера.

— Вотъ и Арди!—прервала свое чтеніе Лена.

Во дворъ въѣхалъ экипажъ.

— А почему же не отецъ?—спросила Нина Георгіевна.

— Это коляска парой, а папа вернется на извозчикѣ.

Нина Георгіевна сейчасъ же вынула откуда-то маленькое зеркальце въ оправѣ изъ слоновой кости и поправила себѣ прическу и кружевной воротникъ.

— Гостей больше не будетъ? — полувопросительно вымолвила Лена, встала и прошла въ гостиную.

Свое вышиванье мать ея взяла со столика и стала снова работать, взглядывая въ сторону двери, куда вышла Лена.

Она знала, что дочь не вернется съ Фартовымъ. Эта деликатность могла бы стѣснять ее; но это дѣлалось всегда съ такимъ тактомъ, что нельзя было не цѣнить его.

Лена уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ она въ домѣ «первый нумеръ»—держала себя, какъ особа, которая не желаетъ выдумывать разныхъ «щекотливостей» и признаетъ тотъ statu quo, какой сложился въ домѣ.

До сихъ поръ ей нечего раскаиваться въ этомъ умѣньи держать себя. Ея мать не могла бы и желать ничего лучшаго. И если кто изъ ея дѣтей не умѣетъ себя какъ слѣдуетъ держать съ Фартовымъ, то это именно Паша—предметъ нѣжности самого Ардальона Силыча.

Такъ и вышло: Фартовъ показался въ дверяхъ одинъ, безъ Лены.

Непзмѣнно онъ подходилъ къ Нинѣ Георгіевнѣ, низко наклоняясь, высоко поднималъ ея правую руку—она много выше его—и два раза цѣловалъ ее, придерживалъ потомъ въ своей рукѣ и глядѣлъ на нее непзмѣнно преданнымъ и влюбленнымъ взглядомъ.

Такъ было продѣлано и въ этотъ разъ.

Такой же неизмѣнной улыбкой награждала своего преданнаго друга Нина Георгіевна и останавливала свой прищуренный взглядъ на его головѣ. Лицо она рѣдко видѣла, а только курчавую шевелюру Ардальона Силыча.

Но на этотъ разъ ей бросилась въ глаза какая-то необычайная измятость и блѣдность его лица. Обыкновенно его румянецъ бывалъ слишкомъ ярокъ, и она, — въ интимности, — не разъ совѣтовала

ему носить съ собою маленькую круглую табакерку съ пудрой и пуховкой.

— Вы... не совсѣмъ здоровы, мой другъ? — заботливо спросила она.

— Нѣтъ, слава Богу, ничего.

— Но у васъ лицо...

— Что такое?

— Точно вы всю ночь не спали. Право!

Фартовъ не сразу отвѣтилъ и прошелся раза два по балкону, постоялъ у перилъ и когда вернулся, то сѣлъ противъ нея, уперевъ ладони въ колѣни.

— Пашѣ... хуже? Мнѣ сейчасъ сказала Лена.

— Ахъ, мой другъ! Пожалуйста, успокойтесь. Ничего особеннаго.

— Однако, и докторъ...

— Нервность. Отъ лежанья... Больше ничего. Вы были у него?

— Лена нашла, что лучше его не безпокоить. Я не рѣшился.

Нина Георгіевна протянула ему руку.

— Вы тоже... точно нервная молодая дама. Какъ не стыдно.

— Простите. Но я за него очень боюсь, очень!

Голосъ его дрогнулъ.

И глаза его, уже полные слезъ, уставились на нее.

Не въ первый уже разъ она могла прочесть въ нихъ вопросъ:

«Вѣдь это... *мой* сынъ? *Мой?* Вы это сами прекрасно знаете! Сынъ нашей любви?!»

— Прошу васъ, Арди... успокойтесь. Если не для меня, не для насъ всѣхъ... то хоть для него самого.

Фартовъ вынулъ изъ бокового кармана смокинга цвѣтной шелковый платокъ и обвелъ имъ лобъ; потомъ тревожно оглянулся на дверь.

— Лена не войдетъ,—тихо вымолвила Нина Георгіевна.

Онъ пододвинулся къ ней, въ бокъ отъ стола.

— Не знаю... можетъ быть, лучше ничего не говорить вамъ...

— Что такое?

И ея гримаса добавила:

«Если это что-нибудь непріятное, то зачѣмъ вы меня тревожите?»

— Я дѣйствительно не спалъ всю ночь.

— Что-нибудь дѣловое? Какой-нибудь крахъ... Нынче только того и ждать.

— Крахъ! Ни, Боже мой! А если и крахъ, то совсѣмъ не такого свойства.

— Ужъ лучше говорите.

Легкая краска проступила сквозь тонкій слой розоватой пудры на щекахъ Нины Георгіевны.

— Въ городѣ уже разсказываютъ о настоящемъ мотивѣ дуэли Павлика... Лучше мнѣ предупредить васъ... на тотъ случай, если до Левушки что-нибудь косвенно дойдетъ.

Между собою они часто называли мужа: «Левушка».

— Ахъ, Боже мой! Да не все ли равно! Это уже позади. Онъ оправляется. Право, такъ всю душу у насъ вытянутъ!...

— Позвольте,—онъ остановилъ ее жестомъ руки,—говорятъ— и мнѣ сообщилъ это человѣкъ весьма ко мнѣ расположенный...

— Говорятъ?—подтолкнула она.

— Тотъ юнкеръ, не зная въ лицо Павлика, изволилъ выпалить что-то приблизительно такое, про вашу ложу на скачкахъ: вотъ молъ, madame Кардуева, а вотъ другъ дома Фартовъ, и еще что-то посильнѣе. Больше ничего. Павликъ тотчасъ же оставилъ эту компанію, а потомъ послалъ вызовъ юнкеру.

— Сплетни!

— Не думаю, Нина. И даже больше скажу: ничего другого и быть не могло. Я себѣ это представляю и для меня все ясно, до послѣдней подробности.

— Ну, и пускай!

Нина Георгіевна не докончила и опустила голову.

Во дворъ, въ эту минуту, въѣхала пролетка съ Львомъ Павловичемъ.

X.

Смеркалось. На той самой круглой площадкѣ, обсаженной липами, куда Павелъ пошелъ, вернувшись домой въ вечеръ его «исторіи», сидѣли на двухъ концахъ скамьи Фартовъ и Левъ Павловичъ.

Оба курили молча, и у обоихъ былъ разстроенный видъ, особенно у Фартова.

Во время обѣда вышла тревога. Сбѣжала сверху сидѣлка, вся перепуганная. Съ больнымъ сдѣлался обморокъ, и она еле привела его въ чувство.

Нина Георгіевна и Лена тотчасъ же поднялись въ мезонинъ. Фартовъ ускакалъ за докторомъ и привезъ не Ивана Петровича—тотъ уѣхалъ куда-то за Кунцево,—а перваго попавшагося, взялъ его въ аптекѣ, на Тверской, изъ дежурства врачей,—молодого человѣка, на видъ весьма приличнаго.

Тотъ нашелъ перебои въ сердцѣ, сильнѣйшую анемію и еще что-

то «весьма серьезное» въ нервномъ состояніи больного, обѣщалъ заѣхать въ десятомъ часу и, когда узналъ, кто его лѣчитъ, просилъ объяснить «многоуважаемому Ивану Петровичу»—почему былъ онъ привезенъ сюда.

Нина Георгіевна лежитъ у себя съ мигренью; Лена, то и дѣло, переходитъ отъ матери къ брату.

Обморокъ не повторился; но слабость большая. Фартовъ, поднявшись тотчасъ наверхъ,—четверть часа назадъ,—заглянулъ тихонько въ дверь и испугался,—такимъ мертвеннымъ показался ему видъ Павлика. Когда онъ сбѣжалъ внизъ,—на немъ лица не было. Левъ Павловичъ заставилъ его выпить рюмку коньяку и повелъ его въ садъ, гдѣ они сначала ходили по аллеѣ акацій.

Вдругъ имъ стало тяжко разговаривать. Даже и такой неунывающій вивёръ, какъ Левъ Павловичъ, чувствовалъ совершенно новую неловкость и тревогу.

За жизнь Павла онъ не боялся. «Брендить»,—одно изъ его любимыхъ словечекъ,—онъ не любилъ ни за другихъ, ни за самого себя. Но тутъ что-то выходило особенное. Не отъ одной раны Павликъ такъ плохъ, а онъ чего-то другого. Онъ видитъ также, въ какомъ состояніи его пріятель Фартовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ его брачная жизнь сложилась такъ, какъ она безмятежно протекала двадцать лѣтъ, онъ не считалъ нужнымъ ставить себѣ вопросъ: чей же собственно сынъ Павликъ: его или Фартова? Его не смущало разительное несходство мальчика, или, лучше сказать, бьющее въ глаза сходство съ Ардальономъ Силычемъ. Все это онъ какъ бы впередъ допускалъ, и между нимъ и женой не было никогда споровъ, ни одного кисло-сладкаго слова на эту тему. И ни одной сцены, въ теченіе двадцати лѣтъ.

Какъ «порядочный» человѣкъ, разъ онъ самъ, до сближенія жены съ его пріятелемъ, разрѣшилъ себѣ «на вино и елей», то было бы «великимъ хамствомъ» дѣлать исторіи вродѣ того, чтобы не согласиться признавать сына своимъ.

Во-первыхъ, доказать это было бы невозможно; да и съ какой стати производить скандалъ, разъ онъ желаетъ всегда и во что-бы то ни стало сохранить семью, дружбу со своей женой, имѣть при себѣ любимую дочь, и такую «умницу», какъ Лена. Да и мальчишку онъ, съ самаго его появленія на свѣтъ, всегда жалѣлъ. Павликъ былъ чахлый, часто болѣлъ, оказался чрезвычайно способнымъ, вдобавокъ «образцоваго» поведенія. Особой ласки онъ отъ него не видалъ никогда, прозвалъ его «нутрякъ» и на этомъ успокоился. Но считалъ и считаетъ его, до сей минуты, какъ бы законнымъ своимъ

сыномъ и безъ всякой борьбы сдѣлаетъ его наслѣдникомъ родовой вотчины, не обидитъ его и передъ сестрой, несмотря на то, что онъ «Ардальонычъ», а Лена—«Львовна».

Точно также и съ Фартовымъ у него не было никакого «принципіальнаго» объясненія за цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Онъ благодаренъ Ардальону за то, что тотъ велъ себя всегда съ крайней деликатностью, даромъ, что онъ «полухамскаго» рода и видомъ тоже—далеко не «принцъ крови».

Въ первое время его,—красавца и джентльмена,—покалывало то, что его жена, великолѣпная Нина Георгіевна, не захотѣла выбрать что-нибудь болѣе соблазнительное. Но Ардальонъ вошелъ въ домъ черезъ него же, выручилъ его изъ денежной петли и превратился сразу въ раба его жены, который и до сегодня такъ же тронутъ ея выборомъ, какъ и двадцать лѣтъ назадъ.

Словомъ, все сложилось, какъ должно быть между «порядочными» людьми. Семейный очагъ стоялъ твердо; не только снаружи, но и внутри дома все шло мирно, съ полной терпимостью и пониманіемъ.

И вдругъ эта дуэль Павлика, и то, что въ немъ *теперь* происходитъ!...

За обѣдомъ Левъ Павловичъ замѣтилъ, что жена чѣмъ-то разстроена, хотя и старается сохранить на губахъ свою обычную улыбку. И Фартовъ возбужденъ, взглядываетъ на нее, какъ будто желая попросить у нея прощенія за что-то.

Лена, ту не проведешь! Понимаетъ это и тоже какая-то нервная, что на нее совсѣмъ непохоже.

У Фартова съ Ниной Георгіевной навѣрно было объясненіе передъ самымъ обѣдомъ. Конечно, не свои отношенія они перебирали; между ними нѣтъ ревности, да и никогда не было, насколько онъ могъ замѣчать. Тутъ опять Павелъ, его дуэль, а главное, подкладка этой исторіи.

Самого Льва Павловича начало покалывать то, что онъ всетаки законный отецъ молодого человѣка и ничего вѣрнаго не знаетъ. А между тѣмъ, кое-кто изъ клубскихъ пріятелей давали ему понять, что они не хотятъ быть нескромными, почему ни о чемъ подробно его и не разспрашиваютъ, такъ какъ подкладка дуэли — весьма деликатнаго свойства.

Но заговорить самому вотъ теперь съ Фартовымъ,—чувствуется внутри какая-то задержка.

Фартовъ всталъ и прошелся взадъ и впередъ по площадкѣ.

— Иванъ Петровичъ, поди, на цѣлую ночь закатился! Такая незадача!—воскликнулъ онъ, махнувъ рукой.

— Ничего такого опаснаго не случилось.

— Чего же тебѣ еще? Обморочное состояніе... перебои въ сердцѣ? Ты взгляни на него: краше въ гробъ кладутъ.

— Ну, ужъ и въ гробъ!

Кардуевъ тоже всталъ.

— Хочешь еще пройтись?— предложилъ онъ, взявъ Фартова подъ локоть.

Они вышли въ аллею.

— Послушай, голубчикъ,—началъ Кардуевъ другимъ тономъ,— Нина и передъ обѣдомъ чѣмъ-то разстроилась. А тутъ еще этотъ обморокъ. Но ничего вѣдь не могло же и выйти серьезнаго... между вами?—съ нѣкоторымъ усиліемъ добавилъ онъ.—Ты слишкомъ ее любишь... и оберегаешь ея спокойствіе, пожалуй, больше всѣхъ насъ въ домѣ.

Фартовъ смотрѣлъ въ другую сторону и, молча, выпускалъ дымъ сигары.

— Я не требую отъ тебя отчета...—продолжалъ Кардуевъ, какъ бы нѣсколько обиженно.—Но, кажется, чего же намъ скрытничать другъ передъ другомъ?

И онъ отнялъ свою руку и, остановившись, подался назадъ къ дереву.

— Желаешь правды?—отрывисто спросилъ Фартовъ и, повернувшись лицомъ, плотно къ нему подошелъ.

— Если можешь, скажи! Это было... ваше личное дѣло... или все насчетъ Павлика и его исторіи? Особенно обезпокоиться ты не могъ до обѣда.

— Ну да... Я не хотѣлъ тебѣ говорить, да и нельзя было. Можетъ быть, я поступилъ глупо, безтактно... Но надо же намъ, и тебѣ не менѣе, чѣмъ Нинѣ Георгіевнѣ, знать настоящую правду.

— Какая подкладка у дуэли?

— Да, подкладка,—повторилъ Фартовъ, — если тебѣ угодно такъ назвать. Мое сердце чуяло, и что оно чуяло, то такъ и вышло.

— Въ чемъ же дѣло?

Кардуевъ взялъ его подъ руку и заставилъ повернуться къ дальнему концу аллеи. Въ ней было уже довольно темно.

— Въ чемъ же дѣло?

Фартовъ повторилъ ему, съ дрожью въ голосѣ, то, что уже сказалъ, передъ обѣдомъ, женѣ его.

— Вотъ что!—возбужденно воскликнулъ онъ.—Больше ничего! Теперь выругай меня за то, что я не воздержался.

— Любезный другъ,—медленно заговорилъ Кардуевъ,— тебѣ

слѣдовало сказать это мнѣ... и никому больше. Какъ же ты, съ своей преданностью Нинѣ Георгіевнѣ, могъ пойти на это?

— Какъ? Не хочу себя выгораживать. Вырвалось!... Наболѣло! Но послушай, Левъ Павловичъ,—онъ взялъ Кардуева за кисть руки,—все равно не нынче-завтра это дошло бы до васъ обоихъ.

— Кто же былъ бы такимъ непорядочнымъ?

— Я не знаю. Вотъ видите, и я оказался, какъ ты любишь выражаться, хамомъ... Такъ и другіе, безъ всякаго ехидства, могутъ проговориться.

Кардуевъ два раза щелкнулъ языкомъ, что у него являлось при какой-нибудь досадной неудачѣ.

— Конечно, теперь уже не вернешь,— вымолвилъ онъ, бросая окурокъ папиросы на землю.—Впрочемъ, и то сказать, разъ оно извѣстно, мы не можемъ же оставаться въ невѣдѣніи.

Фартовъ также бросилъ сигару недокуренной, всталъ передъ Кардуевымъ и взялъ его за обѣ руки.

— Да, но ты пойми, Левъ Павловичъ! Не въ насъ съ тобой тутъ дѣло, не въ одномъ, наконецъ, невозмутимомъ спокойствіи Нины Георгіевны. Вы оба, и она, и ты, понимаете же наконецъ, какая бѣда стряслась надъ вашимъ сыномъ? Ты, небось, теперь не скажешь, что тутъ такъ, мальчишеская схватка. Неужели тебѣ невдомекъ, какой ударъ прямо въ грудь получилъ ни въ чемъ неповинный Павликъ?

— Онъ долженъ былъ...

— Что?—почти закричалъ Фартовъ. — Доканчивай! Что долженъ былъ сдѣлать, по твоему, Павелъ?

У него дрогнули его полныя губы.

— Мало ли что какой нахалъ брехнетъ... Разъ я почитаю моихъ родителей...

— Левушка! Побойся Бога!—крикнулъ Фартовъ и, не выпуская его руки, посадилъ его на скамью.—Побойся Бога! Что ты говоришь?... Да будь на его мѣстѣ одинъ изъ насъ, и въ его лѣта, и съ его чуткой, если хочешь, болѣзненно-чуткой душой! Еслибъ мы преклонялись передъ нашей матерью и считали ее святой женщиной, все равно, ни одинъ бы изъ насъ не стерпѣлъ такой выходки... Ты первый, можетъ, схватилъ бы за горло наглеца.

— Было бы лучше, еслибъ и Павелъ это сдѣлалъ.

— А вотъ онъ почему-то не полѣзъ драться. И въ этомъ-то вся и суть. Ударъ былъ вдвое больнѣе, потому что...

Онъ запутался.

— Почему?—подтолкнулъ Кардуевъ и поглядѣлъ на него.

— Почему? Почему? А потому, любезный другъ, что онъ давно подозрѣваетъ, больше двухъ лѣтъ. Я видѣлъ это. Никогда-то онъ не льнулъ ко мнѣ... Тебѣ это прекрасно извѣстно. Но съ нѣкоторыхъ поръ, да можно сказать, съ поступленія въ студенты, между мной и собою онъ точно вырылъ какую яму...

Ему трудно было продолжать. Онъ быстро поднялся, точно желая скрыть свое волненіе.

Кардуевъ остался сидѣть на скамейкѣ, съ опущенной головой, упершись ладонями въ колѣни.

— Мало ли что!—глухо вырвалось у него.—Дѣти не судьи своихъ родителей.

— Ха-ха! Вотъ оно что!

Фартовъ присѣлъ къ нему и взялъ его правой рукой за спину.

— Не судьи! Онъ и не судитъ. Онъ не являлся ни къ тебѣ, ни къ матери своей въ роли судьи. Онъ не грубилъ вамъ, не дѣлалъ злобныхъ намековъ, но вотъ уже больше года, какъ онъ отдѣлилъ себя отъ васъ стѣной. О себѣ я ужъ и не говорю! Я не имѣю никакихъ правъ. И если я теперь такъ съ тобою говорю, ты воленъ принимать это какъ тебѣ угодно. Можешь вызвать меня. Только больно глупо будетъ намъ съ тобой стрѣляться... И за что же?

— Какой вздоръ ты говоришь!—вырвалось у Кардуева.

— Пойми же, Левъ Павловичъ! Живую душу мы загубили.

— Мелодрама!

— Что?—крикнулъ Фартовъ.

— Мелодраму сочиняешь!

— Да, живую душу загубили. И я вижу, онъ не переживетъ.

— Вотъ еще!

— Не переживетъ!—продолжалъ Фартовъ, все сильнѣе.—Не выдержитъ такая натура, какъ у него. Да еслибъ онъ и остался въ живыхъ, все равно разбито въ немъ все.

— Какъ же тутъ быть?—спросилъ Кардуевъ, и тонъ его вопроса показался Фартову почти чудовищнымъ.

— Ха-ха! Ты это спросилъ, Левъ Павловичъ, точно будто дѣло идетъ о протестованномъ векселѣ. Перехвати деньжонокъ и бѣда проскочитъ.

— Постой! Какъ же надо было поступить, по-твоему? Ты Богъ знаетъ до чего договорился. Когда малому минуло шестнадцать лѣтъ, призвать его и отдать ему на судъ вопросъ поведенія его родителей? Опомнись!

— Я не знаю!—почти съ плачемъ возразилъ Фартовъ.—Но это только начало... только начало. И удивляются, послѣ того, что про-

исходятъ, сплошь и рядомъ, трагедіи. Ни съ того, ни съ сего—бацъ! въ себя, или пропадетъ безъ вѣсти. Влюбился, или продулся въ карты? Какъ бы не такъ! По капелькамъ дошелъ до краха всего своего существа.

Левъ Павловичъ поглядѣлъ на пріятель вбокъ съ особой миной. Своимъ взглядомъ онъ хотѣлъ его образумить и дать ему понять, что нельзя такъ зарываться, что если онъ и правъ, по-своему, то никакъ *ему* не слѣдовало бы выступать съ подобными обличительными рѣчами.

Но Фартовъ не замѣтилъ этого взгляда. Онъ весь вздрагивалъ и не въ состояніи былъ сдержать себя.

— Будь у него силы,—говорилъ онъ прерывисто,—сойди онъ оттуда, съ мезонина, сюда, онъ въ правѣ былъ бы крикнуть намъ: «А! милые мои, вы только о себѣ, о своихъ чувствахъ и утѣхахъ изволили думать, а чѣмъ это отзовется во мнѣ, когда я все пойму и когда мнѣ въ лицо бросятъ вотъ такія слова о моей матери, объ этомъ вы не подумали! Я остался живъ, но я искалъ смерти!»

— Кто тебѣ это сказалъ?—глухо крикнулъ Кардуевъ.

— А то какже? Онъ стрѣлялъ на воздухъ. И потребовалъ самыхъ убійственныхъ условій. А ты думалъ что?

Фартовъ не могъ дольше говорить, всталъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ.

Изъ полутемноты отдѣлилась фигура лакея.

— Что нужно?—окликнулъ его первый Кардуевъ.

— Докторъ пріѣхалъ, Левъ Павловичъ.

— Какой?

— А что сегодня были.

— Хорошо. Ступай.

И оба, молча, побрели по аллеѣ, одинъ за другимъ.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СПРУТЪ.

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ **Франка Норриса.**

Главныя дѣйствующія лица романа.

Магнусъ Деррикъ («Хозяинъ»), владѣлецъ ранхо Лосъ-Муэртосъ.
Анни Деррикъ, жена Магнуса Деррика.
Лейманъ Деррикъ, *Херранъ Деррикъ,* } сыновья Магнуса Деррика.
Бродерсонъ, *Остерманъ,* } друзья и сосѣди Магнуса Деррика.
Анникстеръ, владѣлецъ ранхо Квинъ-Себъ.
Хильма Три.
Гензлингеръ, издатель газеты *Меркурій,* желѣзн.-дор. органа.
С. Берманъ, представитель тихо-океанской и юго-западной жел. дор.
Презлей, protégé Магнуса Деррика.
Веннеми, пастухъ.
Анжелъ Веріенъ.
Отецъ Сарріа, священникъ миссіи.
Дайкъ, отставной машинистъ.
М-съ Дайкъ, его мать.
Сидней Дайкъ, его дочь.
Керехеръ, содержатель питейнаго дома.
Хувенъ, арендаторъ Деррика.
М-съ Хувенъ, его жена.
Минна Хувенъ, его дочь.
Сидерквистъ, фабрикантъ и кораблестроитель.
М-съ Сидерквистъ, его жена.
Гарнетъ, *Дебней,* *Кистъ,* *Четернъ,* } фермеры долины Санъ-Іоакина.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Сейчасъ за питейнымъ домомъ Керехера, на дорогѣ, шедшей къ югу отъ Бонневиля и отдѣлявшей ранхо Бродерсона отъ Лосъ-Муэртоса, Презлей вдругъ услыхалъ слабый и продолжительный паровой свистокъ, со стороны желѣзнодорожныхъ магазиновъ около Бонневильскаго депо. Уходя изъ дому въ это утро, онъ забылъ свои часы и теперь не могъ рѣшить, обозначаетъ ли свистокъ двѣнадцать часовъ или часъ дня. Утромъ Презлей собрался сдѣлать длинную прогулку по окрестностямъ, частью пѣшкомъ, частью на велосипедѣ, а теперь оказывается пришелъ полдень, а онъ почти еще не началъ дороги. Когда онъ выходилъ изъ дому послѣ чаю, м-съ Деррикъ попросила его съѣздить въ Бонневилль за письмами и онъ не могъ отказать ей въ этомъ.

Онъ крѣпче ухватился за пробковыя ручки—дорога была въ ужасномъ состояніи послѣ недавняго своза жатвы—и ускорилъ ходъ велосипеда.

Все равно который теперь часъ: онъ не останется завтракать въ усадьбѣ, а поѣдетъ сразу въ Гуадалаяру и спроситъ себѣ испанскій обѣдъ у Солотари, какъ хотѣлъ сдѣлать сперва.

Въ этомъ году немного хлѣба пришлось перевозить. Половина пшеницы на ранхо Бродерсона пропала и самъ Деррикъ собралъ немногимъ больше, чѣмъ на сѣмена къ зимнему посѣву. Но дороги все-таки пришли въ жалкое состояніе, а за послѣдніе мѣсяцы сухой погоды слой пыли утолстился настолько, что Презлею не разъ приходилось слѣзать съ велосипеда и идти пѣшкомъ.

Это было во второй половинѣ сентября, въ самомъ концѣ сухого времени года, а все графство Тулари, все огромное пространство Санъ-Жоакинской долины, въ сущности вся Калифорнія высохла какъ кость, припеклась, поджарилась, сморщилась послѣ четырехъ мѣсяцевъ безоблачнаго неба, когда день тянулся какъ сплошной полдень и солнце, до бѣла раскаленное, пылало надъ долиной отъ Берегового Кряжа на западѣ до подножьевъ Сіерры на востокѣ.

Когда Презлей подъѣзжалъ къ тому мѣсту, гдѣ начиналась такъ называемая Нижняя дорога, проходившая черезъ ранхо Лосъ-Муэртосъ и шедшая въ Гуадалаяру, онъ увидѣлъ одинъ изъ резервуаровъ для орошенія, большую деревянную башню, окованную желѣзомъ, которая неуклюже торчала при дорогѣ на четырехъ подпоркахъ. Со дня ея постройки всѣ торговцы и лавочники Банневилля употребляли ее для объявленій. Она стояла на межѣ, и съ этого мѣста бѣлыя буквы

надписей видны были за цѣлыя мили. У резервуара стояла колода, и Презлей, которому хотѣлось пить, рѣшилъ остановиться на минуту.

Онъ остановился у резервуара и прислонилъ велосипедъ къ изгороди. Два человѣка, въ бѣлыхъ штанахъ, красили что-то на резервуарѣ, сидя на подвижныхъ доскахъ, крючками подвѣшенныхъ къ крышѣ. Они красили объявленіе, которое было почти кончено и гласило: «С. Берманъ, недвижимое имущество, заклады, Главная улица, Бонневилль, противъ почты». На колодѣ, гдѣ поили лошадей, въ тѣни башни, виднѣлась другая, свѣже-выкрашенная надпись: «С.-Берманъ имѣетъ сообщить *вамъ* нѣчто».

Когда Презлей выпрямился, напившись изъ деревяннаго желобка колоды, на поворотѣ Нижней дороги показалась повозка для орошенія.

Пара муловъ и пара лошадей, бѣлыхъ отъ пыли, лѣниво тащили ее по бороздамъ черепашьимъ шагомъ, а на высокихъ коргахъ возсѣдалъ подъ желтымъ полотнянымъ верхомъ Хувенъ, одинъ изъ арендаторовъ Деррика, нѣмецъ, котораго всѣ называли Бисмаркомъ. Это былъ маленькій, легко раздражавшійся человѣкъ, съ вѣчными жалобами и безконечнымъ потокомъ исковерканныхъ англійскихъ рѣчей.

— А, Бисмаркъ!—сказалъ Презлей, когда Хувенъ остановилъ свою упряжку у колоды.

— Вы-то der Mensch, кого я ищу, мистеръ Презлей,— отвѣчалъ тотъ, привязывая вожжи.

— Одну минутку ждите, а? Я имѣю разговоръ mit васъ.

Презлею хотѣлось уѣхать. Опять терять время, такъ и день пройдетъ. Онъ не имѣлъ никакого отношенія къ управленію ранхомъ. Если Хувенъ хочетъ спросить у него какого-нибудь совѣта, это будетъ напрасный трудъ. Ему были невыразимо ненавистны всѣ эти неуклюжіе, грубые рабочіе фермъ и мелкіе арендаторы, вѣчно загрязненные землей, на которой они работали.

— Только говорите скорѣе, Бисмаркъ,—рѣзко отвѣтилъ онъ.— Я и безъ того опоздалъ къ обѣду.

— So! Двѣ минуты и я буду mit вы. Онъ подвелъ водопроводную трубу къ отверстію бочки своей телѣги и дернулъ цѣпь, отпускавшую воду.

— Скажите-ка,—началъ онъ.—Скажите, я долженъ имѣть разговоръ mit вы. Вы человѣкъ, который я долженъ видѣть. Скажите, Керехеръ сказалъ мнѣ dis morgen... что мистеръ Деррикъ будетъ всю чортову ранхо самъ работать будущій Jahr. Не надо арендаторъ. Керехеръ, онъ мнѣ сказалъ, всѣ арендаторъ получатъ отставка. Мистеръ Деррикъ самъ работать будетъ весь ранхо, а? Меня, и тоже получу also der отставка, а? Вы слыхалъ объ эти вещи?

— Поговорите объ этомъ съ самимъ Деррикомъ или съ Херраномъ, Бисмаркъ,—прервалъ Презлей, стараясь освободиться.—Это меня совершенно не касается.

Но отъ Хувена нельзя было такъ легко отдѣлаться. Онъ безъ сомнѣнія, все утро обдумывалъ свою рѣчь, подыскивалъ слова, приготовлялъ фразы.

— Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ онъ,—мнѣ нужно остаться на der Platz, семь Jahr я остался. Мистеръ Деррукъ не будетъ хочетъ, чтобы меня на порогъ указать. Далѣе, кто будетъ всѣ канава беречь? Вы имъ скажите: Бисмаркъ хочетъ быть на der Platz. Вы имѣете сила у хозяина. Вы говорили ему ein gutes Wort для меня.

— Херранъ имѣетъ вліяніе на своего отца, Бисмаркъ,—отвѣчалъ Презлей. — Попросите Херрана похлопотать за васъ и все устроится.

— Sieben Jahr, я остался,—протестовалъ Хувенъ.—И кто будетъ канава беречь, und alle скотина управлять?

— Ну, вотъ и поговорите съ Херраномъ,—отвѣчалъ Презлей, собираясь сѣсть на свой велосипедъ.

— Und die трубы, починка!—закричалъ Хувенъ, внезапно вспоминая позабытый аргументъ. Ach die трубы, линіи у ручья, миссіи, und der водоемъ для этотъ скотъ? Онъ *самъ* будетъ ихъ дѣлать? можетъ ли быть?... Я не думаю.

— Ну, вотъ съ Херраномъ объ этомъ поговорите.

Вода въ бочкѣ палилась до краевъ и сбѣгала по бортамъ съ пріятнымъ плескомъ. Вниманіе Хувена было отвлечено въ эту сторону. Презлей сѣлъ на велосипедъ.

— Я имѣю разговоры съ Херраномъ, — кричалъ Хувенъ ему вслѣдъ.—Не будетъ дѣлать эта мистръ Деррикъ сама, ach nein! Я остался на ранхо управлять эта скотина.

Онъ снова влѣзъ на козлы, пробрался подъ верхъ и погоняя лошадей звонкимъ хлопаньемъ длиннаго кнута, повернулся къ рабочимъ, еще занятымъ краской буквъ, и заявилъ имъ не безъ опаски:

— Sieben Jahr; да серъ, sieben Jahr, я былъ на этотъ ранхо!... Трогай! Ну, ты мулища! Хупъ!

Тѣмъ временемъ Презлей свернулъ на Нижнюю дорогу. Здѣсь дорога была лучше. Послѣ оросительной телѣги Хувена пыль прилегла, и черезъ нѣсколько минутъ онъ подъѣхалъ къ дому, обнесенному бѣлымъ частоколомъ съ нѣсколькими клумбами цвѣтовъ и рощицей евкалиптовыхъ деревьевъ. На лужайкѣ съ одной стороны дома онъ увидѣлъ Херрана, занятаго постановкой автоматической поливки. Въ тѣневой сторонѣ, у воротъ лежали двѣ или три борзыя

часть своры употреблявшейся для выслѣживанія кроликовъ, и Годфрей, дорогая охотничья собака Херрапа.

Презлей объѣхалъ домъ и засталъ Херрапа у колоды, съ которой садились на лошадей. Херранъ былъ младшій сынъ Магнуса Деррика, красивый малый, двадцати трехъ или двадцати пяти лѣтъ. Онъ имѣлъ ту же пріятную манеру держать себя, которой отличался его отецъ, походилъ на него и тѣмъ, что имѣлъ носъ крючкомъ. Онъ былъ блондинъ; постоянное пребываніе на солнцѣ вмѣсто того, чтобъ смуглить его кожу, только усиливало яркую окраску щекъ. Его желтые волосы слегка вились, закручиваясь впереди на вискахъ.

Рядомъ съ нимъ Презлей представлялъ рѣзкій контрастъ. Презлей казался болѣе смѣшаннаго происхожденія, казался натурой болѣе сложной, темпераментомъ болѣе тонкимъ. Онъ до того выгорѣлъ на солнцѣ, что сдѣлался почти коричневымъ. У него были темно-каріе глаза, а лобъ его былъ лбомъ интеллигента—высокій и широкій, съ несомнѣнной печатью чего-то, что указывало на культуру не только его самого, но и многихъ поколѣній до него. Ротъ и подбородокъ заставляли предполагать натуру тонкую и въ высокой степени чувствительную; тонкія губы сходились неплотно, небольшой подбородокъ нѣсколько убѣгалъ назадъ. Чувствовалось, что утонченность Презлея была достигнута въ ущербъ силѣ, что онъ нервенъ, вдумчивъ, что его умственная жизнь совсѣмъ не была результатомъ внѣшнихъ впечатлѣній и ощущеній, но скорѣе результатомъ мыслей и разсужденій, зарождавшихся внутри его. Несмотря на болѣзненную чувствительность ко всѣмъ, онъ было мало склоненъ дѣйствовать подъ вліяніемъ такихъ ощущеній, не по лѣни, а просто по нерѣшительности. Можно было предвидѣть, что въ нравственномъ отношеніи онъ принадлежалъ къ разряду людей, которые избѣгаютъ зла по хорошему вкусу, недостатку рѣшимости и повода. У него былъ темпераментъ поэта и когда ему казалось, что онъ размышляетъ, онъ обманывался,—въ такихъ случаяхъ онъ только мечталъ.

Восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ ему грозила чахотка, и онъ воспользовался приглашеніемъ Магнуса Деррика, чтобы пріѣхать въ сухой и ровный климатъ Санъ-Жоакина на неопредѣленный срокъ. Ему было тридцать лѣтъ. Онъ кончилъ курсъ со всевозможными почестями въ одномъ восточномъ колледжѣ, гдѣ со страстью занимался литературой и особенно поэзіей.

У него была завѣтная мечта писать стихи. Но до сихъ поръ его работа была урывочная и эфемерная: замѣтка то здѣсь, то тамъ, которую читали, цѣнили и забывали. Онъ искалъ сюжета, чего-нибудь великолѣпнаго; онъ не зналъ хорошенько чего; какой-нибудь обшир-

ной, громадной темы, героической, ужасной, которую можно развить въ громовой рядъ гекзаметровъ.

Но что бы онъ ни написалъ, Презлей рѣшилъ, что поэма его должна относиться къ Западу, этой міровой границѣ романтизма, гдѣ новая раса, новый народъ—стойкій, храбрый и страстный—строилъ государство; гдѣ шумная жизнь бѣжала, какъ огонь отъ зари до зари, первобытная, грубая, честная и безстрашная. Нѣчто, по его мнѣнію, было уже сдѣлано, чтобы уловить эту жизнь на лету, но ея настоящій поэтъ еще не народился. Нѣкоторыя мѣстныя попытки,—говорилъ онъ себѣ, только дали тонъ. Онъ искалъ настоящаго діапазона, великой пѣсни, которая охватила бы собою цѣлую эпоху, полную эру, голосъ цѣлаго народа, въ которую народъ вложился бы цѣликомъ — люди и ихъ легенды, ихъ фольклоръ, ихъ битвы, ихъ любовь и развратъ, ихъ прямой грубый нравъ, ихъ стоицизмъ въ несчастіи, ихъ приключенія, ихъ сокровища, найденныя въ одинъ день и проигранныя въ одну ночь, ихъ непосредственный сырой говоръ, ихъ великодушіе и жестокость, героизмъ и животность, благочестіе и безвѣріе, самопожертвованіе и непристойность; каждая группа въ своей обстановкѣ; долина, равнина и горы; ранхо, желѣзная дорога и мина—все это со всѣми основными чертами и шипами каждой коммуны отъ Дакотаса до Мексики, отъ Винипега до Гвадалупы, собранное вмѣстѣ, слитое вмѣстѣ, сплоченное и скованное вмѣстѣ въ единую могучую пѣснь—пѣснь Запада.

Когда Херранъ подошелъ, Презлей подалъ ему пачку писемъ и газетъ.

— Вотъ почта. А теперь я поѣду.

— Но обѣдъ готовъ,—сказалъ Херранъ,—мы сейчасъ сядемъ.

Презлей покачалъ головой.

— Нѣтъ, я тороплюсь. Я, можетъ, найду что-нибудь поѣсть въ Гвадалаярѣ. Меня цѣлый день не будетъ дома.

Онъ замѣшкался, подвинчивая ослабѣвшую гайку на переднемъ колесѣ; Херранъ, узнавъ почеркъ отца, быстро вскрылъ конвертъ и пробѣгалъ глазами страницы письма.

— Хозяинъ возвращается,—воскликнулъ онъ,—завтра утромъ съ раннимъ поѣздомъ. Хочетъ, чтобъ я встрѣтилъ его въ экипажѣ въ Гвадалаярѣ. И...—воскликнулъ онъ, стискивая зубы и продолжая читать,—мы проиграли процессъ!

— Какой процессъ? Ахъ, да, насчетъ тарифа?

Херранъ кивнулъ головой, его глаза блеснули, лицо внезапно вспыхнуло.

«Ульетинъ постановилъ рѣшеніе вчера,—продолжалъ онъ чи-

тать.—Онъ, Ульетинъ, утверждаетъ, что «тарифъ на зерно, пониженный по новымъ таблицамъ, сведется на конфискацію собственности и что на такомъ основаніи желѣзная дорога не можетъ быть эксплуатирована съ законной прибылью. Такъ какъ онъ не имѣетъ законодательной власти въ этомъ случаѣ, онъ можетъ только возстановить тарифъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до пониженія цѣнъ коммиссіей; такъ и постановляется». Это опять нашъ другъ С. Берманнъ,—прибавилъ Херранъ, стиснувъ зубы.—Онъ все время торчалъ въ городѣ, пока составлялась новая таблица цѣнъ. Законная прибыль, законная прибыль! А можемъ ли мы сѣять пшеницу съ законной прибылью при тарифѣ въ четыре доллара съ тонны за подвозъ, на двѣсти миль отъ воднаго пути и при цѣнѣ на пшеницу въ восемьдесятъ семь центовъ? Почему сразу не схватить насъ за горло съ пистолетомъ въ рукахъ и не сказать: «отдавайте все!» — да и дѣло съ концомъ.

Онъ ударилъ каблукомъ въ землю и сразу повернулся къ дому, ругаясь шепотомъ.

— Кстати,—завричалъ ему вслѣдъ Презлей,—Хувенъ хочетъ васъ видѣть. Онъ спрашивалъ меня о рѣшеніи хозяина обходиться безъ арендаторовъ въ этомъ году. Хувенъ хочетъ остаться, чтобы продолжать канализацію и присматривать за скотомъ.

Херранъ, думая совсѣмъ о другомъ, кивнулъ, желая сказать, что онъ понялъ. Презлей подождалъ, пока онъ войдетъ въ домъ, чтобъ не показаться равнодушнымъ къ его тревогѣ, потомъ вскочилъ на велосипедъ и быстро поѣхалъ по направленію Гвадалаяры.

Эти дѣла, эти вѣчныя яростныя пререканія между фермерами Санъ-Жоакина и желѣзно-дорожной компаніи юга-запада и Тихаго океана раздражали его и надоѣдали ему. Его не интересовали эти вещи. Онѣ не принадлежали къ его міру. Въ картинѣ громаднаго романтическаго Запада, которую онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи, эти разногласія давали тонъ рѣзкой окраски, которая никакъ не вмѣщалась въ общій планъ полной гармоніи. Все это было матеріально, жалко и безнадежно обыденно. Но какъ онъ ни старался закрывать на все это и глаза, и уши, оно оставалось, держалось. Романъ казался полнымъ до этого пункта, здѣсь онъ обрывался, становился реальностью, грубой, непріятной и устойчивой. Чтобы быть правдивымъ,—а это онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ,—онъ не могъ игнорировать этого вопроса. Вся благородная поэзія Ранхо-долины казалась ему искаженной, испорченной существованіемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Его сердце рвалось къ народу, а его пишущая рука наталкивалась на неопрятнаго маленькаго голландца, къ кото-

рому невозможно было относиться серьезно. Онъ искалъ настоящаго романа и въ концѣ-концовъ находилъ цѣны на хлѣбъ и несправедливые тарифы.

— Но матеріалъ *здѣсь*,—бормоталъ онъ, проѣзжая по мосту черезъ Брадерсову рѣчку.—Романъ, настоящій романъ гдѣ-то здѣсь! И я когда-нибудь его найду.

Онъ окинулъ взглядомъ вокругъ себя, какъ бы ища вдохновенія.

Кругомъ все совершенно плоско. Во всѣхъ направленіяхъ все видно на цѣлыя мили разстоянія. Жатва только что окончилась. На землѣ не осталось ничего, кромѣ соломы. Исключая каменнаго дуба у жилища Хувена, нигдѣ ни клочка зелени. Грязно-желтая солома; земля—прожженная, сморщенная и сухая, скучно-бурая. По краямъ дороги пыль лежитъ густымъ сѣрымъ слоемъ, а съ обѣихъ сторонъ ея, вытягиваясь къ горизонту, обращаясь на разстояніи въ простую черточку, бѣжитъ безпредѣльная параллель проволочнаго забора. И это все. Это раскаленная синева неба, да постоянное перелетанье зноя.

То было переходное время года, когда не было ни дождя, ни вѣтра, ни роста, ни жизни; даже солома не имѣла силы гнить. Одно солнце двигалось.

Къ двумъ часамъ дня Презлей доѣхалъ до жилища Хувена,—двѣ, три деревянныя постройки, заполоненныя собаками. Вокругъ безцѣльно бродили свиньи. Около гумна, подъ навѣсомъ, лежала сломанная сѣялка, покрытая ржавчиной. Но надъ всѣмъ этимъ ширился въ гордомъ великолѣпіи каменный дубъ—самое большое дерево во всемъ округѣ. Сѣрые букеты омелы и гирлянды ползучаго моха свѣшивались съ его ствола. На одной изъ нижнихъ вѣтокъ висѣлъ четырехугольный ящикъ съ проволочными стѣнками, въ которомъ Хувенъ держалъ мясо.

У Презлея было теперь двѣ дороги на выборъ. Конечной цѣлью его были истоки рѣчки Бродфсона среди холмовъ на восточной сторонѣ ранхо Квинъ-Себъ. Направляясь вдоль рва, онъ могъ сократить дорогу. Когда онъ проѣзжалъ мимо дома, м-съ Хувенъ вышла на порогъ дома; за ея юбку держалась ея младшая дочь Хильда, одѣтая мальчикомъ. Въ окошко видно было Минну, старшую дочь, очень хорошенькую дѣвушку, любовныя дѣла которой составляли постоянный предметъ разговора всего Лось-Муэртоса. М-съ Хувенъ была увядшая, безцвѣтная женщина среднихъ лѣтъ, не представлявшая ни малѣйшей черты, по которой ее можно было бы отличить отъ тысячи другихъ женщинъ ея класса. Она кивнула Презлею, глупо глядя на него изъ-подъ руки, которой защищала глаза отъ свѣта.

ъ
а-
зз-
отъ
па-
во-
на-
али
ью и
такое
брать,
зводить
тъ сей-
зарабо-
съ нимъ.
ристально
о повертыва-
ъ Дайкъ.
арычалъ онъ.—
десяти лѣтъ и ни
хъ... Отлично они
ѣ у нихъ нѣтъ бо-
олѣе того, я не при-
тоялъ за нихъ... сто-
аете, и они знаютъ, что
ѣздъ по расписанію съ
е наскочу ли я на мину; и
мнѣ золотые часы... Чтобъ
ами! Мнѣ нужна простая спра-
теперь, когда настаютъ тяжелыя
ванье, что они дѣлаютъ? Сдѣлали
и они человѣка, который стоялъ за
ихъ на службѣ? Нѣтъ! Они урѣзали

мое жалованье такъ же, какъ жалованье послѣдняго мальчишки, который дворъ мететъ... Урѣзали меня, послушайте только, наравнѣ съ людьми, которыхъ они занесли на *черный листъ* стачечниковъ, которыхъ взяли вновь на службу, потому что у нихъ нехватало рукъ. Я пошелъ къ нимъ, да, пошелъ; пошелъ въ главную контору и вернулся съ носомъ. Я имъ сказалъ, что изъ уваженія къ самому себѣ не могу дѣлать первоклассной работы за третьестепенную плату. А они мнѣ отвѣтили: «Что-жъ, м-ръ Дайкъ, вы сами знаете, что вамъ остается сдѣлать». Я и зналъ... я сказалъ: позвольте мнѣ отставку, и они дали, такъ дали, какъ будто обрадовались, что могутъ отдѣлаться отъ меня... Такъ вотъ какъ, Презлей! Вотъ вамъ калифорнская желѣзнодорожная компанія Тихаго океана и Юго-Запада. Я теперь дѣлаю послѣднюю смѣну.

— Постыдно!—объявилъ Презлей. Его интересъ оживился теперь, когда дѣло коснулось одного изъ его друзей.—Это постыдно, Дайкъ. Но, слушайте,—прибавилъ онъ,—это не лишаетъ васъ возможности работать. Есть и другія желѣзныя дороги въ Штатѣ.

Дайкъ потиралъ свое колѣно сжатымъ кулакомъ.

— Назовите одну?

Презлей молчалъ. На запросъ Дайка не было отвѣта. И разговоръ ихъ умолкъ. Презлей барабанилъ пальцами по ручкѣ скамьи и раздумывалъ объ этой несправедливости; Дайкъ смотрѣлъ вдаль на поля и грызъ трубку.

— Такъ вотъ я и отправляюсь на отдыхъ,—замѣтилъ Дайкъ помолчавъ, его гнѣвъ нѣсколько успокоился.—Мы съ братомъ займемся хмѣлемъ. Я кое-что отложилъ за эти десять лѣтъ и можно надѣяться заработать денегъ.

Презлей снова сѣлъ на велосипедъ и поѣхалъ молча по пустыннымъ улицамъ падающаго и умирающаго мексиканскаго города. Было время полуденнаго сна, сіесты. Кругомъ ни души. Дѣлъ въ городѣ вообще не дѣлалось—онъ находился слишкомъ близко отъ Бонневиля. До проведенія желѣзной дороги, когда главной промышленностью страны было скотоводство, тутъ кипѣла блестящая жизнь. Теперь городокъ умиралъ. Бакалейная лавка, два питейные дома, гостиница на углу стараго Плаца, да лавки, гдѣ продавались мексиканскіе «curios» для случайныхъ туристовъ, пріѣзжавшихъ съ востока посѣтить миссію Санъ Жуана,—вотъ и всѣ учрежденія, удовлетворявшія дѣятельность города.

У Солотари, въ ресторанѣ на Плаца, Презлей нашелъ долго ожидаемый мексиканскій обѣдъ—яичницу въ испанско-мексиканскомъ стилѣ, friwles и tartillas, салатъ и стаканъ бѣлаго вина. Въ углу

комнаты два молодые мексиканца, изъ которыхъ одинъ былъ поразительно красивъ на мелодраматическій ладъ своей расы, и столѣтній старикъ, самый древній человѣкъ города, невѣроятно дряхлый, пѣли нескончаемую любовную пѣсню подъ аккомпанементъ гитары и гармоники.

Презлей очень интересовался испано-мексиканцами—вырожденными, живописными, порочными и романтическими. Въ Гвадалаярѣ ихъ еще оставалось нѣсколько человѣкъ. Они переходили изъ питейнаго дома въ ресторанъ, изъ ресторана на Плаца: послѣдніе остатки другого поколѣнія, говорившіе о другомъ порядкѣ вещей, совершенно праздные, одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ они жили, наслаждаясь папиросами, гитарой, стаканомъ мескаля и сіестой. Старецъ помнилъ еще Фремопа, правителя Альварадо, бандита Іезусъ Тежеда, и тѣ дни, когда Лосъ-Муэртосъ былъ грандствомъ, настоящимъ испанскимъ княжествомъ, и когда не было ни одной загороди отъ Визаліа до Фрезно. И теперь Презлей воспользовался этимъ случаемъ, угостилъ старца мескалемъ и вызвалъ его на разговоръ о вещахъ, которыя тотъ помнилъ. Они говорили по-испански.

— Въ тѣ времена грантомъ Лосъ-Муэртоса управлялъ де-ла-Куэста,—сказалъ старикъ,—знатный, важный человѣкъ. Онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими людьми и кромѣ его слова никакого не было закона. О пшеницѣ тогда еще никто и не думалъ, можете быть увѣрены. Въ тѣ времена былъ одинъ скотъ—овцы, лошади, быки... быковъ не много. Деньги-то были рѣдки, но ѣды было много всегда и одежды достаточно для всѣхъ, и вина... ахъ, да, ушатами... и оливковаго масла тоже, у отцовъ миссіонеровъ все это было. Да, и пшеница была всетаки, теперь я вспомнилъ, только очень мало... на сѣверномъ полѣ миссіи тамъ, гдѣ теперь Сѣменной ранхо... тамъ были пшеничныя поля и виноградникъ, все на миссіонерской землѣ. Пшеница, оливки и вино... все это отцы сажали, чтобы имѣть все нужное для св. таинствъ: хлѣбъ, масло и вино, понимаете? Я помню какъ де-ла-Куэста женился. Онъ никогда не видѣлъ молодой дѣвушки, а только ея миніатюрный портретъ, написанный,—онъ поднялъ одно плечо,—не помню кѣмъ. Маленькая такая штучка—на ладонь укладывалась. Вотъ и влюбился онъ въ этотъ портретъ и рѣшилъ жениться. Устроилось дѣло между нимъ и родителями дѣвушки. Пришло время де-ла-Куэстѣ ѣхать въ Монтерей къ невѣстѣ и жениться, какъ глядь! Іезусъ Тежеда напалъ на мелкихъ фермеровъ около Террабелла. Не время было де-ла-Куэстѣ отлучаться, вотъ и послалъ онъ своего брата Эстебана въ Монтерей, чтобы онъ женился на дѣвушкѣ по его порученію. И я поѣхалъ съ Эстебаномъ.

Насъ былъ отрядъ почти въ сто человѣкъ. Де-ла-Куэста послалъ невѣстѣ лошадь бѣлую, совершенно бѣлую, а сѣдло было красной кожи, а уздечка, пряжки, все, что изъ металла, было чистаго серебра. Ну, вотъ въ миссіи Монтерея была свадьба и Эстебанъ, отъ имени своего брата, обвѣнчался съ невѣстой! Ѣдемъ мы назадъ, а де-ла-Куэста выѣхалъ намъ навстрѣчу. Его отрядъ встрѣтился съ нашимъ въ Агата досъ Палосъ. Никогда я не забуду лица де-ла-Куэста, когда онъ посмотрѣлъ на дѣвушку. Такъ кинулъ взглядомъ и нѣтъ ничего, вотъ *такъ*,—онъ щелкнулъ пальцами.—Никто этого не видѣлъ, кромѣ меня, а я стоялъ рядомъ. Только обмануться нельзя было: не понравилась де-ла-Куэстѣ дѣвушка.

— А она что?—спросилъ Презлей.

— Она никогда ничего не знала. Ахъ, онъ былъ необыкновенный человѣкъ, де-ла-Куэста. Онъ всегда обращался съ ней, какъ съ королевой. Не было мужа болѣе преданнаго, болѣе почтительнаго... Но любовь?—старецъ поднялъ вверхъ подбородокъ и многозначительно прищурилъ глаза.—Любви тамъ не было. Это я могъ бы сказать. Ихъ опять перевѣнчали въ миссіи Санъ-Жуанъ-де-Гвадалаяра, въ *нашей* миссіи, и цѣлую недѣлю городъ Гвадалаяра пировалъ. Бой быковъ былъ на Плаца, вотъ на этой самой, пять дней подъ рядъ, и каждому своему старшему арендатору де-ла-Куэста далъ по лошади, да бочку сала, унцъ серебра и полунца золотого песку. То было времячко! То была веселая жизнь! А это,—онъ сдѣлалъ презрительный жестъ лѣвой рукой,—это глупость одна.

— Это вѣрно,—замѣтилъ Презлей задумчиво, обезкураженный всѣмъ слышаннымъ. Всѣ его сомнѣнія, вся его нерѣшительность вернулись къ нему. Никогда ему не найти сюжета для своей большой поэмы. Теперь жизнь безцвѣтна. Романтизмъ умеръ. Онъ родился слишкомъ поздно. Онъ не хотѣлъ писать о прошломъ. Онъ стремился къ реальному, къ вещамъ видѣннымъ. А какъ согласовать реальность съ романтизмомъ? Онъ всталъ, надѣлъ шляпу и предложилъ старцу папироску. Тотъ взялъ папиросу съ видомъ знатнаго вельможи и протянулъ свою роговую табакерку. Презлей покачалъ головой.—Я родился слишкомъ поздно для этого,—объявилъ онъ,—для этого и для многаго другого. Adios.

— Вы сегодня путешествуете, сеньоръ?

— Такъ маленькую прогулку дѣлаю по странѣ, чтобы мускулы размять,—отвѣчалъ Презлей.—Я ѣду въ Квинъ-Себъ, въ горную часть за миссіей.

— А, въ ранхо Квинъ-Себъ. На этой недѣлѣ тамъ овцы пасутся.

Солотари, содержатель ресторана, пояснилъ:

— Молодой Анникстеръ продалъ свою солому на корню тѣмъ овчарамъ,—онъ указалъ на востокъ на передовые холмы Сіерры.— Съ воскресенья пастухъ спустился... Ловкій малый этотъ молодой Анникстеръ. Получаетъ деньги за свою солому, которую иначе ему пришлось бы сжечь, кстати и землю свою удобряетъ, потому что овцы переходятъ съ мѣста на мѣсто. Настоящій янки этотъ Анникстеръ, парень теплый.

Презлей снова сѣлъ на велосипедъ и, оставляя за собою ресторанъ и Плаца, поѣхалъ по главной улицѣ спящаго города, улицѣ, которая дальше переходила въ дорогу, шедшую на сѣверъ черезъ хмѣльники, ранхо Квинъ-Себъ къ миссіи Санъ-Жуанъ.

Усадебный ранхо Квинъ-Себъ помѣщался на маленькомъ треугольникѣ, ограниченномъ съ юга желѣзной дорогой, съ сѣвера рѣчкой Бридерсона, а съ востока хмѣльниками и землями миссіи. Во всѣхъ направленіяхъ его пересѣкали то ровъ Хувена, то ирригаціонная канава, то дорога, по которой ѣхалъ теперь Презлей. Въ центрѣ стоялъ домъ Анникстера и житницы, надъ которыми высилась скелетоподобная вышка артезіанскаго колодца, которая должна была снабжать водою ирригаціонный ровъ. Дальше теченіе рѣчки Бридерсона обозначалось красивой линіей сѣро-зеленыхъ ивъ, а къ сѣверу на отлогихъ холмахъ виднѣлась деревня—миссія Санъ-Жуана Гвадалаярскаго, ея колокольня, красная черепичатая крыша и группа грушевыхъ деревъ, которыя росли въ ея саду.

Когда Презлей подъѣхалъ къ дому, его хозяинъ, Анникстеръ, лежалъ въ гамакѣ у входной двери, подъ пологомъ отъ москитовъ, и читалъ Давида Копперфильда и ѣлъ черносливъ.

Анникстеръ, владѣлецъ Квинъ-Себа, около четырехъ тысячъ акровъ хорошей земли и жирной глины, былъ моложе Презлея и также получилъ высшее образованіе. Это былъ высокій худощавый мужчина; онъ могъ бы казаться моложе своихъ лѣтъ, если бы не особый отпечатокъ мужественности, который налагали на него выдававшаяся нижняя губа и широкій подбородокъ, раздѣленный глубокой выемкой. Университетское образованіе скорѣе его зачерствило, чѣмъ утончило. Онъ все еще принадлежалъ къ числу людей прямыхъ до дерзостей, грубыхъ въ выраженіяхъ, нетерпимыхъ въ мнѣніяхъ и полагающихся только на себя. Тѣмъ не менѣе онъ отличался удивительнымъ умомъ и большой практической ловкостью. Онъ былъ страшно работящъ, не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій и требовалъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ такой же энергіи. Онъ одинаково пользовался и общимъ довѣріемъ, и общей нелюбовью. Въ него два раза стрѣляли — одинъ разъ изъ засады на Остермановскомъ ранхо, и въ другой разъ въ него

выстрѣлилъ рабочій, котораго онъ сбросилъ съ платформы сѣялки за большую небрежность. Въ колледжѣ онъ изучалъ спеціально финансы, политическую экономію и сельское хозяйство. Окончивъ курсъ одимъ изъ первыхъ, онъ получилъ еще дипломъ инженера. Потомъ ему вдругъ пришло въ голову, что практическое знаніе законовъ необходимо для современнаго фермера. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ работу, которую дѣлаютъ въ три года, готовясь къ экзамену на званіе адвоката. У него былъ свой собственный характерный методъ работы. Онъ резюмировалъ всѣ учебники въ короткія замѣтки, потомъ развѣшивалъ эти замѣтки по стѣнамъ своей комнаты, затѣмъ въ однихъ панталонахъ, съ дешевой сигарой во рту и заложивъ руки въ карманы, ходилъ вокругъ комнаты, вглядываясь въ замѣтки, запоминая, обдумывая. Въ промежуткахъ онъ пилъ черный кофе безъ сахара. Когда время экзаменовъ наступило, онъ выдержалъ первымъ и заслужилъ общую похвалу всѣхъ своихъ экзаменаторовъ. Сейчасъ послѣ экзамена онъ слегъ отъ нервнаго истощенія: его желудокъ «расшатался», онъ чуть не умеръ въ своей меблированной комнатѣ въ Сакраманто, упрямо отказываясь обращаться къ докторамъ, которыхъ величалъ шайкой шарлатановъ, и лѣчился самъ рекламными лѣкарствами, пичкаясь противопеченочными пилюлями и черносливомъ.

Послѣ болѣзни онъ сдѣлалъ путешествіе въ Европу, чтобы поправиться окончательно. Онъ хотѣлъ пробыть въ Европѣ годъ, но вернулся въ концѣ шестой недѣли, громя злоупотребленія европейской кухни. Почти все это время онъ провелъ въ Парижѣ. Изъ этого путешествія онъ привезъ только два сувенира: гальванизированный крючокъ для счетовъ и пустую птичью клѣтку, которая ему ужасно нравилась.

Онъ былъ богатъ. Годъ передъ тѣмъ умеръ его отецъ, вдовецъ, составившій состояніе на спекуляціяхъ землей, и Анникстеръ, единственный его сынъ, получилъ все наслѣдство.

Къ Презлею Анникстеръ чувствовалъ большое почтеніе, глубоко цѣня въ немъ человѣка, который можетъ находить риѳмы, и ссылался на него всегда, когда дѣло шло о литературѣ. Не подлежало, конечно, сомнѣнію, что въ поэзіи мало толку, а что касается романовъ, то, по его мнѣнію, на свѣтѣ были только одни романы Диккенса. Все остальное—куча лжи. Но все равно, безъ ума цѣлую поэму не настрочишь. Не всякій можетъ сриѳмовать «мечъ» и «сѣчь» да еще найти въ этомъ смыслъ! Конечно, не всякій.

Его отношеніе къ Презлею было единственное. Ни въ какихъ обстоятельствахъ Анникстеръ не принималъ никогда ничьихъ мнѣній безъ возраженія. Въ разговорѣ съ нимъ было почти невозможно вы-

сказать какое-нибудь утвержденіе, какъ бы банально оно ни было, которое онъ принялъ бы безъ измѣненія или открытаго противорѣчія. У него была страсть къ ожесточенному спору. Онъ могъ спорить о какомъ угодно предметѣ человѣческаго знанія: отъ астрономіи до тарифа, отъ доктрины предопредѣленія до роста лошади. Онъ никогда не признавалъ своей ошибки, и если его прижимали къ стѣнѣ аргументомъ, онъ ограждалъ себя замѣчаніемъ: да, все это очень хорошо; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это такъ, а въ другихъ это не такъ. Презлей часто удивлялся своей дружбѣ съ Анникстеромъ, говоря себѣ, что между ними нѣтъ ничего общаго. Презлей былъ единственный человѣкъ, съ которымъ Анникстеръ ни разу не поссорился. Оба друга были діаметрально противоположны по темпераментамъ: Презлей былъ ровенъ, Анникстеръ—вспыльчивъ; Презлей былъ неисправимый мечтатель, нерѣшительный, недѣятельный, съ большой наклонностью къ меланхоліи; молодой фермеръ былъ дѣловой человѣкъ, рѣшительный, боевой, единственнымъ отношеніемъ котораго къ своей внутренней сущности былъ болѣзненный анализъ уклоненій желудка. И всетаки эти два человѣка всегда встрѣчались съ удовольствіемъ, принимали живое участіе въ дѣлахъ другъ друга, часто дѣлая большія усилія, чтобы оказать другъ другу хоть ничтожную услугу.

Какъ послѣднюю характеристику Анникстера, надо прибавить, что онъ провозглашалъ себя женоненавистникомъ, безъ всякой другой причины, кромѣ своей крайней неловкости въ женскомъ обществѣ. Бабы! Чушь! Хорошее занятіе для мужчины терять время и деньги въ ферлакурствѣ съ бабами... Нѣтъ, покорно благодарю, онъ этимъ заниматься не намѣренъ, съ вашего позволенія. Только разъ у него была любовная исторія съ застѣнчивымъ маленькимъ существомъ, работницей въ красильнѣ въ Сокраменто, съ которой онъ познакомился неизвѣстно какъ. Когда онъ вернулся въ ранхо, они переписывались, причемъ Анникстеръ писалъ на машинѣ и никогда не подписывался, да кромѣ того снималъ копіи съ своихъ писемъ и держалъ ихъ у себя. Ловка будетъ та баба, которая его опутаетъ!... Но вдругъ на него нашелъ паническій ужасъ, онъ вообразилъ, что компрометируетъ себя, что заходитъ слишкомъ далеко и сразу порвалъ всѣ сношенія. Послѣ этой единственной исторіи онъ былъ свободенъ. Ни съ какими юбками онъ путаться не будетъ. Рѣшительно не намѣренъ.

Когда Презлей подошелъ къ двери, ведя свой велосипедъ, Анникстеръ извинился, что не можетъ встать, увѣряя, что у него немедленно дѣлаются боли, какъ только онъ поднимается.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Такъ маленькую прогулку,—отвѣчалъ Презлей.—Какъ идутъ дѣла на ранхо?

— Скажите-ка,—замѣтилъ Анникстеръ, не отвѣчая на вопросъ,—что это я слышалъ, будто Деррикъ собирается прогнать своихъ арендаторовъ и обрабатывать Лосъ-Муэртосъ самъ... обрабатывать *всю* свою землю.

Презлей сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Я самъ все утро только что и слышу. Должно быть, это такъ.

— Хм! — проговорилъ Анникстеръ, выплевывая черносливную косточку.— Поклонитесь отъ меня Магнусу Деррику и скажите ему, что онъ дуракъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Мнѣ кажется, что Деррикъ воображаетъ, что онъ все еще роетъ свою мину и что зерно можно добывать изъ земли тѣмъ же способомъ, какъ золото. О, пусть себѣ продолжаетъ! и пусть самъ увидитъ, куда это его приведетъ... Отлично! Вотъ онъ, вашъ западный фермеръ!—воскликнулъ онъ съ сердцемъ.—Вытягиваетъ изъ земли послѣднія кишки, заработайте ее до смерти, не давайте ей отдохнуть! Никогда не мѣняйте посѣва, а когда почва истощена въ конецъ, тогда садитесь и войте, настали молъ тяжелыя времена.

— Я предполагаю, что Магнусъ находитъ, что земля довольно отдохнула за эти два сухіе года,— замѣтилъ Презлей. — Въ сущности онъ въ эти два года почти не дѣлалъ посѣвовъ. Земля долго отдыхала.

— О, да, это красиво сказано,—возразилъ Анникстеръ, не желая объясняться.—Въ нѣкоторомъ отношеніи земля, пожалуй, и отдохнула, а въ другомъ отношеніи не отдохнула.

Но Презлей, имѣя аргументъ, воздержался отъ отвѣта, желая идти дальше.

— Я оставлю здѣсь не надолго свой велосипедъ, Бекъ,—сказалъ онъ, — если вы ничего противъ этого не имѣете. Я хочу пойти къ источнику, а дорога туда плохая.

— Оставайтесь обѣдать на возвратномъ пути,—сказалъ Анникстеръ.—Будетъ дичь на жаркое. Одинъ изъ рабочихъ убилъ лань въ холмахъ на прошлой недѣлѣ. Это не по сезону—ну, ничего. Это я могу ѣсть. Будьте здѣсь къ шести часамъ.

— Хорошо, можетъ быть, останусь, спасибо,—отвѣчалъ Презлей уходя.

Презлей ушелъ, но Анникстеръ кричалъ ему вслѣдъ со ртомъ, набитымъ черносливомъ:

— Посмотрите на стадо овецъ по дорогѣ. Оно тамъ, на востокѣ

отъ дороги, за полмили отсюда. Я увѣренъ, что вы сроду не видали такого большого стада овецъ. Вы могли бы написать объ немъ поэму. Барашки—травки, пастушекъ—солнечный денекъ! Поняли?

За Бродерсоновой рѣчкой, куда Презлей подошелъ пѣшкомъ, снова открывалось обширное пространство печальной, бурой земли, покрытой соломой. Къ востоку оно тянулось, казалось—безконечно плоское, тоскливое, выжженное, раскрываясь подобно гигантскому свертку до неяснаго мерцанія далекаго горизонта; изрѣдка одинокіе каменные дубы нарушали мрачное однообразіе картины. Но къ западу отъ дороги почва становилась неровной и поднималась постепенно въ холмы, на вершинѣ которыхъ теперь виднѣлась старая миссія и окружавшія ее грушевыя деревья.

За миссіей дорога заворачивала къ востоку и шла черезъ Сѣменной ранхо. Но Презлей свернулъ съ дороги и шелъ прямо по полямъ. Никакихъ тропинокъ не было. Раскаленный, молчаливый дискъ солнца все еще медленно катился; трудно было идти по неровной вспаханной землѣ. Начался подъемъ на первые отроги холмовъ, мѣстность становилась волнистой, и вдругъ, поднявшись выше, Презлей наткнулся на овецъ. Онъ уже миновалъ большую часть стада, скрытую отъ него неровностью почвы. Теперь, оглядываясь назадъ, онъ видѣлъ его ясно въ узкой впадинѣ между собой и линіей рѣчки. Края стада находились отъ него не ближе какъ на двѣсти ярдовъ, но въ обманчивомъ трепетаніи горячаго воздуха казалось, что конецъ стада находится уже на цѣлыя мили разстоянія. Овцы были скучены въ видѣ цифры 8—два большія стада соединялись между собою узкимъ—и шли къ югу, медленно передвигаясь, пощипывая солому на ходу. Сотни, сотни и сотни сѣрыхъ, круглыхъ спинъ, совершенно схожихъ между собою, тѣсно сжатыхъ, копошащихся, живыхъ сплошь покрывали землю. Это былъ уже не агломератъ особей, а масса компактная, устойчивая, медленно ползущая, масса грубая, точно семья грибовъ, внезапно разросшихся по всѣмъ направленіямъ. Отъ нея исходилъ скучный рокотъ, неясный, нечленораздѣльный, подобный звуку отдаленнаго прибоя, а весь окружный воздухъ былъ пропитанъ тяжелымъ, теплымъ аммоніачнымъ запахомъ тысячи скученныхъ тѣлъ.

Всѣ краски картины были пасмурны—бурая земля, выцвѣтшая желтизна мертвой соломы, миріады сѣрыхъ волнующихся спинъ. Только на отдаленномъ концѣ стада виднѣлась единственная рѣзкая черта, горная картинка — неподвижный, высокій пастухъ стоялъ, облокотясь на пустую колоду, одинокій, величавый, внушительный.

Презлей смотрѣлъ на стадо нѣсколько минутъ. Онъ собрался уходить, но съ нимъ произошло нѣчто странное... Сперва ему показа-

лось, что кто-то зоветъ его по имени... Онъ остановился, прислушался... Ни звука кругомъ, кромѣ неопредѣленнаго ропота стада. Потомъ, когда прошло это первое впечатлѣніе, ему показалось, что кто-то манитъ его. Ничто не шевельнулось; кромѣ одинокой фигуры за стадомъ кругомъ не было ни души. Онъ снова двинулся въ путь, но пройдя нѣсколько шаговъ, оглянулся. Неизвѣстно почему онъ поглядѣлъ на пастуха, потомъ остановился и снова началъ смотрѣть. Не назвалъ ли его пастухъ? Презлей зналъ, что онъ не слыхалъ никакого голоса. Вдругъ все его вниманіе сосредоточилось на этой отдаленной фигурѣ. Онъ защитилъ рукою глаза отъ солнца и смотрѣлъ. Несомнѣнно, пастухъ зоветъ его. Черезъ нѣсколько секундъ онъ снова пошелъ впередъ. Отдаленное черное пятно оживилось. Презлей видѣлъ какой-то манящій жестъ. Если этотъ человѣкъ не манилъ его раньше, онъ несомнѣнно манитъ его теперь. Безъ малѣйшаго колебанія и чрезвычайно заинтересованный происшедшимъ, Презлей круто повернулъ и пошелъ къ пастуху, удивляясь по дорогѣ, что онъ такъ послушно повинуется этому призыву.

Пастухъ также шелъ навстрѣчу Презлею, сопровождаемый одной изъ своихъ собакъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались другъ къ другу, Презлей старался припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого человѣка раньше. Это, должно быть, было давно, въ одинъ изъ его первыхъ пріѣздовъ въ ранхо. Несомнѣнно, что наружность пастуха ему знакома и чѣмъ яснѣе онъ его видѣлъ, тѣмъ несомнѣннѣе ему становилось, что онъ знаетъ его.

Пастухъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. Онъ былъ строенъ, но очень худъ. Его коричневые панталоны были засунуты въ сапоги со шнуровками; талію обхватывалъ широкій патронташъ, но безъ патроновъ; сѣрая фланелевая рубаха открывалась на загорѣлой, красной груди. Онъ шелъ безъ шляпы. Его волосы были очень черны и длинны, прямые тонкіе волосы острой бородки росли прямо изъ впалыхъ щекъ. Онъ очевидно всегда ходилъ безъ шляпы, потому что лицо его потемнѣло отъ загара какъ лицо индѣйца, стало красновато-смугло, совершенно отлично отъ оливковой смуглости Презлея. Для болѣзненной остроты Презлеевской наблюдательности общее впечатлѣніе этого лица было глубоко интересно, оно поражало своей необычайностью. Живому воображенію Презлея оно рисовалось какъ лицо аскета, отшельника, молодого ясновидца. Таковы должны были быть полувдохновленные пастухи еврейскихъ легендъ, молодые пророки Израиля, обитатели пустыни, жившіе въ одной непрерывной грёзѣ, бесѣдовавшіе съ Богомъ, одаренные странными способностями...

Вдругъ, на двадцати шагахъ разстоянія отъ пастуха, Презлей сразу остановился, не спуская съ него глазъ.

— Веннеми!—воскликнулъ онъ.

Пастухъ подошелъ, протягивая ему руку съ улыбкой, и сказалъ:

— Я зналъ, что это вы! Когда я увидѣлъ васъ на холмѣ, я васъ позвалъ.

— Но не словами,—отвѣчалъ Презлей.—Я зналъ, что меня кто-то зоветъ. Я это почувствовалъ. Какъ это я не вспомнилъ, что вы можете дѣлать эти вещи...

— Мнѣ всегда удается. Это очень помогаетъ съ овцами.

— Съ овцами?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Я не знаю хорошенько, какъ... Мы еще не понимаемъ этихъ вещей. Но бываютъ времена, когда мнѣ стоитъ закрыть глаза и прижать кулаки къ вискамъ, чтобы удержать на мѣстѣ цѣлое стадо въ теченіе минуты. А можетъ быть это одно воображеніе, кто знаетъ?... Очень пріятно опять повидать васъ... Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ? Два, три года тому назадъ... почти пять лѣтъ.

Это было раньше. Презлей и Веннеми видѣлись на очень короткій срокъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ одно изъ періодическихъ возвращеній пастуха въ ту часть страны. Они провели вмѣстѣ недѣлю. Потомъ Веннеми исчезъ такъ же таинственно, какъ явился. Однажды утромъ Презлей проснулся и увидѣлъ, что Веннеми ушелъ. Такимъ образомъ Веннеми поступалъ въ теченіе шести лѣтъ. Онъ жилъ гдѣ-то въ неизвѣстности, — никто никогда не зналъ гдѣ именно, — но гдѣ-то въ пустынѣ, въ горахъ, на пространствѣ обширнаго и невѣдомаго юго-запада, дикаго, необычнаго. Проходило три, четыре, пять лѣтъ, пастуха почти забывали, потому что никогда никакого слуха о немъ не доходило до Лосъ-Муэртоса. Его никто не зналъ. Въ этой части страны у него было всего три друга: Презлей, Магнусъ Деррикъ и священникъ миссіи Санъ-Джуана Гвадалаярскаго—отецъ Сарріа. Для всѣхъ онъ оставался загадкой и жизнь его была кому реальностью, кому—легендой. Годы ничуть не измѣняли его. Презлей зналъ, что ему теперь около тридцати шести лѣтъ, но со дня ихъ первой встрѣчи лицо и вся наружность пастуха остались такими же, на его взглядъ. И теперь Презлей смотрѣлъ на то же лицо, видѣнное имъ когда-то въ первый разъ, много лѣтъ тому назадъ... То было лицо, отмѣченное невыразимой грустью, смертельнымъ горемъ, съ печатью чего-то трагическаго, давно прошедшаго, но еще живого. Презлей говорилъ самому себѣ, что невозможно долго смотрѣть въ глаза Веннеми и не

знать, что это человѣкъ потрясенный, разбитый и что жизнь его остановилась внезапно въ яростный моментъ своего развитія.

Друзья сѣли рядомъ на колоду и смотрѣли на движущееся стадо, пасшееся на пшеничной соломѣ; оно медленно передвигалось къ югу.

— Откуда вы пришли теперь?—спросилъ Презлей.—Гдѣ вы жили это время?

Веннеми указалъ неопредѣленнымъ жестомъ на югъ и на востокъ.

— Тамъ, на югѣ, очень далеко отсюда. Такъ много мѣстъ видѣлъ, что ужъ и не помню всего. Въ этотъ разъ я прошелъ длинный, длинный путь... Былъ въ Аризонѣ, въ Мексикѣ, а потомъ въ Утахѣ и Невадѣ, шелъ куда глаза глядятъ, наудачу. Прежде прошелъ въ Аризону черезъ Монументъ Пасъ, а потомъ къ югу черезъ Навайосъ, перевалившись за хребетъ Ага-Тіа-Нидль—огромное лезвіе красныхъ скалъ, которыя выскакиваютъ изъ пустыни какъ ударъ ножа... Потомъ черезъ Мексику, черезъ весь Юго-Западъ; потомъ опять вернулся къ большому округу черезъ Чихуахуа и Альдама въ Ларедо, Торреонъ и Альбукверкъ. А оттуда черезъ плато Ункомпохгре прошелъ въ Уинтасъ и, наконецъ, уже совсѣмъ на западъ въ Колифорнію черезъ Неваду и въ долину Санъ-Жоакина.

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, его голосъ становился все монотоннѣе, глаза неподвижнѣе; онъ продолжалъ говорить точно въ полуснѣ, мысленнымъ взоромъ снова глядя на пустыню, на красныя скалы, на пурпурныя горы, на бѣлый, какъ проказа, слой щелочей, на всю дикую, великолѣпную суровость Лонгъ-Треля.

Онъ совсѣмъ забылъ о Презлеѣ въ эту минуту, но и Презлей съ своей стороны слушалъ его только наполовину. Возвращеніе Веннеми напомнило ему ужасную драму, которая искалѣчила душу Веннеми, сдѣлала изъ него скитальца, бѣгущаго отъ людей, одинокаго обитателя пустыни.

Веннеми былъ, какъ это ни покажется страннымъ, человѣкомъ съ университетскимъ образованіемъ, очень обширной начитанностью; онъ по своей волѣ усвоилъ себѣ образъ жизни отщепенца. Темперамента во многихъ отношеніяхъ схожаго съ темпераментомъ Презлея, Веннеми обладалъ способностями, которыя встрѣчаются не часто. Жизнь среди природы развила въ этомъ прирожденномъ поэтѣ большую чуткость къ красотѣ и почти ненормальную способность чрезмѣрно сильно и глубоко чувствовать и счастіе, и горе. Онъ никогда не забывалъ. Восемнадцати-девятнадцати лѣтъ, въ самый переходный и впечатлительный періодъ своей жизни, онъ встрѣтилъ Анжель Веріенъ. Презлей помнилъ только, что это была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, необычайно красивая, которая жила съ пожи-

лой теткой на Сѣменномъ ранхо, за миссіей. Въ эту минуту онъ припоминалъ ея наружность—пряди золотистыхъ волосъ спускались прямо съ двухъ сторонъ лица, образуя трехугольникъ на кругломъ бѣломъ лбѣ; удивительные глаза фіолетово-голубые съ тяжелыми вѣками, наружные углы которыхъ приподнимались къ вискамъ, придавая лицу странное, восточное выраженіе, поражающее, чарующее. Онъ припоминалъ египетскую полноту ея губъ, странное колебательное движеніе головы на тонкой шеѣ, какъ у змѣи въ сидячемъ положеніи. Никогда онъ не встрѣчалъ такой блистательной красоты, никогда не видѣлъ красоты такой странной, смущающей, выходящей изъ всѣхъ обычныхъ представленій. Не удивительно, что Веннеми любилъ ее и и что любовь его была страстная, сильная, сдѣлавшаяся частью его самого. Анжель любила его также. Это была одна изъ тѣхъ легендарныхъ страстей, которыя встрѣчаются иногда—идиллія, не затронутая цивилизаціей, самопроизвольная, какъ ростъ деревьевъ, естественная, какъ паденіе росы, сильная, неизмѣнная, какъ горы.

Во время своей встрѣчи съ Анжель Веннеми жилъ въ ранхо Лосъ-Муэртосъ. Онъ проводилъ тамъ вакаціи, все время работая на открытомъ воздухѣ: пасъ скотъ, собиралъ сѣно; съ киркой въ рукахъ и динамитной трубкой, рылъ канавы четвертаго участка ранхо, иногда чинилъ проволочныя загороди, вообще помогалъ во всемъ, всюду приносилъ пользу. Эта жизнь нравилась ему. Такимъ образомъ, онъ стоялъ близко къ природѣ, жилъ полною жизнью, работая среди рабочихъ, наслаждаясь простыми удовольствіями, здоровый духомъ и тѣломъ.

Каждый вечеръ послѣ ужина онъ сѣдлалъ лошадь и ѣхалъ къ саду старой миссіи. Стѣна изъ необожженнаго кирпича, которая когда-то отдѣляла садъ миссіи отъ Сѣменного поля, давно развалилась, и граница между двумя землями обозначалась только линіей старыхъ грушевыхъ деревьевъ. Подъ этими деревьями его ждала Анжель, и здѣсь они просиживали цѣлый жаркій, тихій вечеръ, смотрѣли, какъ мѣсяцъ встаетъ за холмами предгорья, слушали журчаніе воды въ поросшемъ мохомъ фонтанѣ сада и рѣшительное кваканье большихъ лягушекъ, которыя жили въ сыромъ сѣверномъ углу ограды. Цѣлое лѣто очарованіе этой удивительной любви, чистой и незапятнанной, наполняло ихъ жизнь своей прелестью. Лѣто прошло, настало время жатвы и тоже прошло. Ночи стали очень темны. Подъ густой тѣнью грушевыхъ деревьевъ они уже не видѣли другъ друга. Встрѣчаясь на свиданіи, Веннеми находилъ ее ощупью. Они говорили мало. Когда его руки находили ея теплое тѣло, онъ обнималъ ее и губами искалъ ея губъ. И вотъ настала ночь, когда трагедія внезапно налетѣла изъ мрака съ неожиданностью взрыва.

Впослѣдствіи невозможно было опредѣлить, какъ это случилось. Въ душѣ Анжель навсегда осталось лишь чувство омерзительнаго пятна, страшнаго безчестья, смутнаго, но ужаснаго стыда. Очевидно, за ними наблюдали, потому что преступный планъ удался слишкомъ хорошо. Въ одну изъ темныхъ, безлунныхъ ночей Анжель, придя подъ черную тѣнь грушеваго дерева, нашла тамъ съ виду знакомую фигуру, ее ожидающую. Ничего не подозрѣвая, она отдалась въ объятія кого-то... Веннеми, пришедшій черезъ нѣсколько минутъ, наткнулся на ея распростертое, безчувственное тѣло подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ.

Кто былъ другой? Анжель отнесли полуживую, въ бреду, домой, а Веннеми съ ножомъ и револьверомъ наготовѣ рыскалъ по всѣмъ окрестностямъ, какъ волкъ. Онъ былъ не одинъ. Вся страна встала, какъ одинъ человѣкъ, въ ярости, пораженная ужасомъ. Отряды милиціи образовывались одинъ за другимъ, высылались и возвращались, не найдя даже указаній. Ни на кого не ложилось ни тѣни подозрѣнія. Этотъ другой исчезъ въ непроницаемой тайнѣ. Такъ это и осталось: его никогда не нашли, объ немъ никогда ничего не слыхали. Но легенда сложилась о ночномъ хищникѣ, который налетаетъ изъ мрака, появляется и исчезаетъ въ одно мгновеніе, оставляя за собою смерть, ярость и неумирающую скорбь. Въ томъ же году Анжель умерла послѣ родовъ.

Ребенка взяли на воспитаніе родныя Анжель, а Анжель похоронили въ саду миссіи около старыхъ, сѣрыхъ солнечныхъ часовъ. Веннеми присутствовалъ на похоронахъ, наполовину только понимая, что происходитъ. Въ послѣднюю минуту онъ выступилъ впередъ и долго смотрѣлъ на мертвое лицо, обрамленное золотыми прядями волосъ, которыя образовывали трехугольникъ на кругломъ, бѣломъ лбѣ; снова глядѣлъ на закрытые глаза съ углами, приподнятыми къ вискамъ, восточные, странные, на губы съ египетской полнотой, на нѣжную, тонкую шею, длинныя, худыя руки, потомъ вдругъ ушелъ. Послѣдніе комья земли еще падали въ могилу, когда онъ скакалъ уже очень далеко по направленію къ пустынѣ.

Два года объ немъ не было ничего извѣстно. Всѣ предполагали, что онъ убилъ себя. Но о самоубійствѣ онъ не думалъ. Онъ скитался въ Аризонѣ, жилъ въ глуши, въ пустынѣ, жизнью отщепенца, кочевника, аскета. Но сердце его цѣликомъ осталось въ маленькомъ гробу сада миссіи. Когда-нибудь онъ долженъ былъ вернуться туда, и однажды его снова увидѣли въ Санъ-Жоакинѣ. Священникъ, отецъ Сарріа, возвращаясь отъ больного, въ Бонневилѣ встрѣтилъ его на верхней дорогѣ.

Пока Презлей вспоминалъ все это, Веннеми продолжалъ говорить. Презлей все же былъ не вполнѣ невнимателенъ. Память возстановляла подробности драмы жизни пастуха, а другая часть мозга воспринимала картину за картиной, которыя вызывались монотоннымъ потокомъ рѣчи Веннеми. Музыка непривычныхъ именъ, которыми пестрился разсказъ, будила воображеніе поэта. Презлей имѣлъ страсть къ звучнымъ, выразительнымъ именамъ. По мѣрѣ того, какъ они выступали и исчезали въ однообразномъ полуголосѣ Веннеми, подобно второстепеннымъ нотамъ гармоніи, онъ слушалъ, упоенный ихъ звучностью. Новайо, Квійотоа, Угентаха, Сонора, Ларедо — становились для него символами. Его Западъ приходилъ, развертываясь передъ его умственнымъ взоромъ: открытые, знойные круги пустыни; столъ, какъ огромный алтарь, сіяющій пурпуромъ въ царственномъ закатѣ; молчаливыя гигантскія горы, отважная, суровая жизнь одинокихъ городовъ, потерянныхъ и забытыхъ тамъ, далеко, за горизонтомъ... И вдругъ его большая поэма, его Пѣснь Запада, снова воскресла въ его воображеніи. Онъ еще не владѣлъ ею, но она была тутъ, около него; еще мгновеніе и онъ схватитъ ее.

— Да, да! — воскликнулъ онъ, — я все это вижу... Пустыню, горы — все дико, первобытно, незатронуто... Какъ бы я хотѣлъ быть съ вами. Я, можетъ быть, осуществилъ бы свою идею...

— Вашу идею?

— Идею большой поэмы Запада. Вотъ что я хочу написать. О! вложить все это въ гекзаметры! Взять сильную, желѣзную ноту... спѣть огромную, страшную пѣснь, пѣснь Народа, предвѣстниковъ народнаго владычества!

Веннеми понялъ его сразу. Онъ кивнулъ головой серьезно.

— Да, она тамъ. Это жизнь, примитивная, простая, настоящая жизнь, страстная и бурная. Да, тамъ есть эпопея.

Презлей уловилъ это слово. Оно никогда не приходило ему въ голову.

— Эпопея, да, эпопея, вотъ именно. Я ищу эпопеи. И *какъ* ищу! Вы не знаете какъ. Иногда это просто агонія. Часто, часто я чувствую ее, вотъ тутъ, сейчасъ, на кончикахъ своихъ пальцевъ, но никогда не могу уловить ее вполнѣ. Я родился слишкомъ поздно. О, если бы вернуться къ первобытному, ясному видѣнію вещей! Видѣть, какъ видѣлъ Гомеръ, какъ видѣли поэты Нибелунговъ! Жизнь тутъ, такая же, какъ была, и поэма здѣсь. Мой Западъ здѣсь, первобытная, эпическая жизнь здѣсь, здѣсь у насъ подъ руками — въ пустынѣ, въ горахъ, на ранхо, всюду отъ Виннипега до Гвадалупы. Недостаетъ

человѣка, поэта. Воспитаніе отстранило насъ отъ всего этого. Намъ это недоступно. Въ насъ есть разладъ.

Веннеми слушалъ его до конца; его серьезное, грустное лицо было задумчиво и внимательно, потомъ онъ всталъ.

— Я иду въ миссію,—сказалъ онъ,—повидаться съ отцомъ Сарріа. Я еще не видѣлъ его.

— А овцы?

— Собаки ихъ постерегутъ, а я скоро вернусь. Кромѣ того, у меня здѣсь есть подпасокъ... Онъ тамъ, на той сторонѣ стада... отсюда его не видно.

Презлей удивился, что стадо оставляется подъ такимъ слабымъ надзоромъ, но ничего не сказалъ, и они пошли вдвоемъ черезъ поле къ церкви миссіи.

— Ну, да, она тутъ... ваша эпопея,—сказалъ Веннеми.—Только зачѣмъ писать? Отчего не *пережить* ее? Броситься въ сердце пустыни, погрузиться въ великолѣпіе солнечнаго заката.

— Какъ сдѣлали вы, напримѣръ?

Веннеми кивнулъ утвердительно.

— Нѣтъ, этого я не могъ бы сдѣлать,—заявилъ Презлей.—Я хочу идти назадъ, но не такъ далеко, какъ вы. Я чувствую, что долженъ пойти на компромиссъ. Я долженъ найти выраженіе. Я не могъ бы такъ затеряться въ вашей пустынѣ. Если бы ея безпредѣльность наводила на меня грусть, или красота ея прельщала меня, или ея одиночество подавляло меня, я старался бы припоминать свои впечатлѣнія. Иначе я бы задохнулся.

— Всякому своя дорога,—замѣтилъ Веннеми.

Миссія Санъ-Жуана, построенная изъ бураго необожженнаго кирпича, покрытаго желтой штукатуркой, во многихъ мѣстахъ уже обвалившейся, стояла на вершинѣ отлогаго холма и фасадомъ была обращена къ югу. Слѣва къ ней прилегала крытая колоннада, вымощенная круглымъ, краснымъ, давно вытертымъ кирпичомъ, на которую выходили двери покинутыхъ келій; ихъ когда-то занимали монахи. Крыша была сдѣлана изъ полуцилиндрическихъ черепицъ. Корпусъ самой церкви соприкасался съ колоннадой подъ прямымъ угломъ и въ мѣстѣ ихъ пересѣченія находилась колокольня, гдѣ висѣли три надтреснутые колокола—даръ короля Испаніи. За церковью находился садъ и кладбище, возвышавшіеся надъ Сѣменнымъ ранхомъ.

Презлей и Веннеми прошли вдоль колоннады до послѣдней двери у самой колокольни. Веннеми дернулъ за ремешекъ, висѣвшій наружу изъ дыры, и гдѣ-то внутри зазвонилъ колокольчикъ. Вокругъ ца-

рила воскресная тишина и покой. Только временами слышалось журчаніе невидимаго фонтана, да воркованіе голубей въ саду.

Дверь открылъ отецъ Сарріа. Это былъ низенькій человѣкъ, нѣсколько полный, съ гладкимъ, лоснящимся лицомъ. На немъ была довольно грязная ряса, туфли и старый, синій охотничій картузъ съ изорваннымъ козырькомъ. Онъ курилъ дешевую сигару, очень толстую и черную.

Отецъ Сарріа сразу узналъ Веннеми, и лицо его засіяло удовольствіемъ и удивленіемъ. Казалось, онъ никогда не перестанетъ жать обѣ руки Веннеми; онъ отпускалъ одну изъ нихъ только для того, чтобы дружески похлопать Веннеми по плечу. Онъ говорилъ безостановочно, наполовину по-испански, наполовину по-англійски.

Вотъ онъ и вернулся, этотъ огромный малый, загорѣлый, какъ индѣецъ, стройный, какъ индѣецъ, съ черными, какъ у индѣйцевъ, волосами. И нисколько не перемѣнился, ни чуточки. Хоть бы борода подросла. Ахъ, бездѣльникъ! Никогда не дастъ знать, а такъ, прямо, какъ съ неба свалится. Что и говорить—отшельникъ! Живетъ въ пустынѣ, какъ св. Іеронимъ. Что тамъ въ Аризанѣ—левъ его кормитъ, или воронъ? Во всякомъ случаѣ Господь Богъ ему жиру не прибавилъ... А вотъ кстати онъ, отецъ Сарріа, только что сѣлъ обѣдать, и саладъ приготовилъ изъ собственнаго латука. Можетъ, они оба останутся обѣдать, а?...

Презлей отказался. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что Сарріа и Веннеми желаютъ переговорить о вещахъ, ему чуждыхъ. Возможно, что Веннеми проведетъ всю ночь у великаго алтаря церкви.

Часъ спустя, около четырехъ часовъ пополудни, Презлей дошелъ до источника въ сѣверной части Квинъ-Себъ ранхо, служившаго ему цѣлью съ ранняго утра. Мѣстечко это было не лишено прелести. Множество каменныхъ дубовъ осѣняло каньонъ и Бродерсонову рѣчку—здѣсь лишь крошечный ручеекъ, вытекавшій изъ источника—распространяя въ воздухѣ нѣкоторую прохладу. Это былъ одинъ изъ немногихъ источниковъ влаги, уцѣлѣвшихъ отъ засухи прошлаго года.

Презлей вошелъ на самый высокій холмъ, откуда открывался видъ на пятьдесятъ-шестьдесятъ миль разстоянія, и закурилъ трубку. Онъ курилъ около часа, не думая ни о чемъ, поддаваясь пріятному чувству слабой усталости, дремотѣ, лежа удобно на землѣ, слабо согрѣваемый лучами солнца, проходившими сквозь листву дубовъ, убаюканный табакомъ и немолчнымъ журчаніемъ ручья. Мало-по-малу самочувствіе его притупилось, обрывки мыслей двигались все медленнѣе; сознаніе суживалось въ одну точку, животное, сидѣвшее въ

немъ, вытянулось, замурлыкало. Онъ и не спалъ, и не бодрствовалъ, а просто замеръ, впалъ въ состояніе фавна, сатира.

Черезъ нѣкоторое время онъ приподнялся, перемѣнилъ положеніе и, вынувъ изъ кармана маленькое изданіе Одиссеи, началъ читать. Онъ дочиталъ до мѣста, гдѣ, послѣ того какъ ни одинъ изъ жениховъ не можетъ натянуть лукъ Улисса, его съ насмѣшкой подаютъ самому Улиссу. И въ одно мгновеніе Презлей снова сталъ поэтомъ, его нервы завибрировали, ожили для всякаго ощущенія, отзывались на всякое впечатлѣніе. И желаніе творчества родилось внутри его. Его собственные гекзаметры бурно зазвучали у него въ мозгу. Уже давно онъ не «чувствовалъ своей поэмы»,—такъ онъ называлъ это ощущеніе съ такой силой. Въ эту минуту онъ видѣлъ его.

Безъ сомнѣнія, разговоръ съ Веннеми возбудилъ его въ такой степени. Разсказъ о Лонсъ-Трэлѣ съ его пустыней, горами, обитателями скалъ, развалинами, оставшимися отъ ацтековъ; его краски, движеніе, романтизмъ—все это проходило въ его головѣ картина за картиной. Эпопея проносилась передъ нимъ пышной фееріей. И снова онъ глядѣлъ кругомъ, какъ бы ища вдохновенія, и снова не находилъ его... Онъ всталъ и началъ осматриваться.

Какъ съ верхушки башни, Презлей видѣлъ всю страну подъ ногами. Солнце начинало садиться, и все, что находилось въ предѣлахъ его зрѣнія, подернулось золотымъ отблескомъ.

Воображенію, возбужденному безпредѣльностью видимаго, громадные ранхо казались лишь преддверіемъ, незначительной подробностью... За тонкой линіей горизонта, за этимъ изгибомъ земного шара находились другія ранхо, такія же обширныя, а за ними другія и еще другія... безконечныя пространства множились, удлинялись, становились все громаднѣе, громаднѣе. Все гигантское протяженіе долины Санъ-Жоакина раскрывалось передъ умственнымъ взоромъ, титаническое, изсѣченное зноемъ, дрожащее и трепещущее подъ краснымъ окомъ солнца. Время отъ времени слабое дуновеніе южнаго вѣтра пробѣгало по поверхности пропеченной и пустой земли, усиливая тишину, подчеркивая покой. Казалось, что земля испускала долгій вздохъ глубокой усталости.

О, вотъ она, его эпопея, его вдохновеніе, его западъ, его громовые гекзаметры! Внезапный подъемъ, чувство радости, физическаго возбужденія какъ бы приподняло Презлея отъ земли. Словно съ высокой точки надъ землею онъ какъ бы охватывалъ вселенную, весь порядокъ вещей. Онъ былъ ошеломленъ, оглушонъ, пораженъ, его болѣзненно-впечатлительная душа опьянѣла отъ отравы безпредѣльности. И опять громадныя идеи, для которыхъ нѣтъ словъ, толпились

въ его мозгу. Страшные, безформенные образы, неясныя фигуры, гигантскія, чудовищныя, искаженныя вихремъ вились въ его воображеніи.

Онъ пошелъ домой, все еще погруженный въ свою грёзу, спустился съ холма и, оставляя Гвадалаяру далеко влѣво, взялъ напрямки черезъ Квинъ-Себъ. Онъ шелъ быстро прямо по жниву, мысли все еще кружились у него въ головѣ.

Еще никогда онъ не подходилъ такъ близко къ настоящему вдохновенію, какъ тамъ, на вершинѣ холма. И даже теперь, когда вечерняя заря догорала, когда широкое пространство долины было уже скрыто отъ глазъ, оно не покидало его. Теперь къ нему тѣснились подробности, составныя части его поэмы, признаки и символы Запада. Всѣ они были здѣсь, онъ находился съ ними въ соприкосновеніи цѣлый день. Де-ла-Куэста, получившій грандство отъ испанской короны, имѣвшій право жизни и смерти; романтизмъ его свадьбы, бѣлая лошадь съ краснымъ сѣдломъ и серебряной уздечкой, на которой ѣхала невѣста; бои быковъ на Плаца; дары золотомъ, серебромъ, лошадьми и саломъ... И странная исторія Веннеми, трагедія его любви; Анжель Веріенъ съ ея удивительной прелестью; египетская полнота ея губъ, приподнятые углы глазъ цвѣта фіалки, — странныхъ, восточныхъ; ея бѣлый лобъ, виднѣвшійся треугольникомъ изъ-подъ золотыхъ прядей волосъ; тайна *Другого;* смерть Анжель въ моментъ рожденія ребенка... и бѣгство Веннеми въ пустыню и Лонсъ-Трэль. И миссія съ ея треснувшими колоколами, обвалившимися стѣнами, старыми солнечными часами, фонтаномъ, садами... И монахи миссіи, священники, отцы, впервые раздѣлывавшіе пшеницу, масло, вино, чтобы получить необходимые элементы Таинства — тройственность огромныхъ производствъ, вышедшихъ изъ религіознаго обряда.

И какъ бы въ отвѣтъ на свои мысли Презлей услышалъ звонъ колокола въ миссіи. То былъ *de Profundis,* отзвукъ Стараго Міра, средневѣковой Европы, звучавшій здѣсь, въ этой новой землѣ, непривычный и странный для нашего времени.

Стемнѣло. Презлей ускорилъ шагъ. Онъ дошелъ уже до линіи загородей Квинъ-Себъ ранхо. Все затихло. Звѣзды показались. Кругомъ ни звука, кромѣ *de Profundis*, все еще звучавшаго вдали. Черезъ большіе промежутки великая земля вздыхала задумчиво во снѣ. Всюду царило чувство совершеннаго мира, покоя и безопасности; казалось, что ненарушимое счастіе и довольство снисходило отъ звѣздъ, какъ благословеніе. Красота поэмы, ея идиллія ласкала Презлея. Наконецъ, онъ охватитъ свою пѣснь во всей полнотѣ!

Внезапно наступилъ перерывъ. Презлей перелѣзъ черезъ загородь

Квинъ-Себъ ранхо, за которымъ шелъ ранхо Лосъ-Муэртосъ, но между ними пролегала желѣзная дорога. Онъ едва поспѣлъ отскочить въ сторону, когда, потрясая землю, около него съ грохотомъ пронесся локомотивъ, наполняя воздухъ чадомъ горячаго масла, пыхая дымомъ и искрами; его огромный, циклопическій красный глазъ бросалъ далеко впередъ ослѣпительный блескъ; онъ пролетѣлъ съ внезапнымъ раскатомъ глухого грома, продолжая наполнять ночь устрашающимъ стукомъ своихъ желѣзныхъ подковъ.

Презлей теперь вспомнилъ. Это долженъ быть тотъ пассажирскій локомотивъ, про который ему говорилъ Дайкъ, отцѣпленный послѣ происшествія на Бекерсфильдскомъ участкѣ, и для пропуска котораго весь путь до Фрезно оставался свободнымъ.

Не успѣлъ Презлей опомниться отъ этого внезапнаго вторженія, земля еще колыхалась, рельсы звучали, а машина была уже далеко, вызывая по всей долинѣ отзвуки своей бѣшеной скачки. На короткое мгновеніе она загрохотала глухо по мосту черезъ Бродерсонову рѣчку, потомъ кинулась въ траншею, блескъ ея огней исчезъ во мракѣ, громовой стукъ сразу притупился, превратясь въ отдаленный гулъ. Вдругъ все замолкло. Машина проѣхала.

Но въ то время, какъ замолкъ шумъ локомотива, Презлей услышалъ неясные, жалобные звуки, поднимавшіеся по слѣду машины. То были крики агоніи, плачевные стоны нестерпимой боли, жалкіе, надрывающіе душу.

Крики эти слышались невдалекѣ. Онъ сбѣжалъ на полотно, пошелъ впередъ и вскорѣ остановился, неподвижно прикованный видомъ земли и рельсовъ вокругъ себя.

Какимъ-то образомъ стадо овецъ — стадо Веннеми — набрело на брешь въ проволочной загороди справа отъ дороги и вышло на полотно. Часть его переходила рельсы какъ разъ въ моментъ проѣзда локомотива. Впечатлѣніе получалось невыразимое. Это была бойня, рѣзня невинныхъ. Желѣзное чудовище врѣзалось въ середину толпы овецъ, безпощадное, неумолимое. Направо и налѣво отъ полотна по всей ширинѣ дороги были расшвырены тѣла; спины были переломаны объ столбы загороди, мозги вышиблены; прижатыя къ колючкамъ проволоки, наткнутыя на нихъ нѣкоторыя тѣла висѣли. А подъ ногами черная кровь, слегка отблескивая свѣтомъ звѣздъ, стекала между связями на кирпичи съ продолжительнымъ сосущимъ журчаніемъ.

Презлей отвернулся, пораженный ужасомъ. Его тошнило. Онъ былъ подавленъ внезапнымъ приливомъ неудержимаго состраданія передъ этой агоніей. Прелесть вечера исчезла, и исчезло чувство мира, безопасности, покойнаго довольства окружающей природы. Ужасъ

разрушенія вдоль пути машины изгналъ всякую мысль о поэмѣ изъ его головы. Вдохновеніе разсѣялось, какъ туманъ. Вдали de Profundis уже не звонилъ.

Онъ шелъ быстро черезъ ранхо Лосъ-Муэртосъ, почти бѣжалъ, зажимая уши руками, пока не отошелъ далеко отъ мѣста бѣдствія. Тогда онъ остановился, прислушался. Опять царила ночь, глубокое, ненарушимое молчаніе.

Потомъ черезъ пространство ранхо до него долетѣлъ слабый, продолжительный свистъ машины, подходившей къ Бонневилю. И снова, и снова она свистѣла на быстромъ ходу передъ перекрестками дороги, передъ крутыми поворотами, передъ мостами. То былъ зловѣщій крикъ, хриплый, завывающій, въ которомъ слышалась угроза, вызовъ. И въ своемъ воображеніи Презлей сразу увидѣлъ скачущее чудовище, ужасъ изъ стали и пара, съ краснымъ глазомъ циклопа, летящее отъ горизонта до горизонта. Но теперь онъ видѣлъ его какъ символъ обширной власти, грубой, страшной, раскидывающей отзвуки своего громоваго грохота по всей долинѣ, оставляя кровь и разрушеніе на своемъ пути. Это Левіафанъ со стальными щупальцами, впивавшимися въ землю, бездушная сила, безсердечная власть, чудовище—колоссъ, Спрутъ...

А. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЙ ГОДЪ.

— Послушай,—сказала мнѣ жена,—мнѣ жутко...

Была лунная, зимняя полночь, а мы ночевали на хуторѣ въ Тамбовской губерніи, куда я заѣхалъ по пути въ Петербургъ съ юга, и спали въ «дѣтской», единственной теплой комнатѣ во всемъ домѣ. Открывъ глаза, я увидалъ легкій сумракъ въ этой маленькой комнатѣ, наполненной голубоватымъ свѣтомъ, полъ, покрытый попонами, и бѣлую лежанку у двери. Надъ квадратнымъ итальянскимъ окномъ, въ которое виднѣлся свѣтлый снѣжный дворъ, слегка нависала щетина соломенной крыши, серебрившаяся инеемъ. Было такъ тихо, какъ можетъ быть только въ полѣ въ зимнія ночи.

— Ты спишь,—говорила жена недовольно,— а я задремала давеча въ возкѣ и теперь не могу.

Она полулежала на большой старинной кровати въ сумракѣ у противоположной стороны и вопросительно глядѣла на меня. Когда я подошелъ къ ней и легъ, она прижалась ко мнѣ съ необычной нѣжностью.

— Слушай,— сказала она веселымъ шепотомъ,— ты не сердишься, что я разбудила тебя? Мнѣ, правда, стало жутко немного и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то очень хорошо. Я почувствовала, что мы съ тобой совсѣмъ одни въ этой заброшенной усадьбѣ, и на меня напалъ чисто дѣтскій страхъ...

Она подняла голову и прислушалась.

— Слышишь, какъ тихо?—спросила она чуть слышно.

Мысленно я далеко оглянулъ снѣжныя поля вокругъ насъ,—всюду было мертвое молчаніе русской зимней ночи, среди которой таинственно приближался новый годъ,—и мнѣ самому стало хорошо, какъ въ дѣтствѣ. Такъ давно не ночевалъ я въ деревнѣ и такъ давно не говорили мы съ женой мирно!... Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ глаза и волосы съ той спокойной и сердечной любовью, которая бы-

ваетъ только въ рѣдкія минуты, и она внезапно отвѣтила мнѣ порывистыми поцѣлуями влюбленной дѣвушки. Потомъ долго прижимала мою руку къ своей загорѣвшейся щекѣ.

— Какъ хорошо!—проговорила она со вздохомъ и убѣжденно. И помолчавъ, прибавила вдумчиво:—Да, всетаки ты единственный близкій мнѣ человѣкъ!... Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я молча пожалъ ея руку.

— Какъ это случилось?—спросила она, открывая глаза.— Выходила я не любя, живемъ мы съ тобой дурно, ты самъ говоришь, что изъза меня ты ведешь пошлое и тяжелое существованіе... И однако все чаще мы чувствуемъ, что мы нужны другъ другу. Откуда это приходитъ и почему только въ нѣкоторыя минуты?... Съ новымъ годомъ, Костя!—сказала она, стараясь улыбнуться, и нѣсколько теплыхъ слезъ упало на мою рубашку.

Положивъ голову на подушку, она заплакала, и видимо слезы были пріятны ей, потому что изрѣдка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы и цѣловала мою руку, стараясь продлить ихъ нѣжностью. Я медленно гладилъ ея волосы, давая понять, что я цѣню и понимаю эти слезы. Я вспомнилъ прошлый новый годъ, который мы, по обыкновенію, встрѣчали въ Петербургѣ въ кружкѣ моихъ сослуживцевъ-желѣзнодорожниковъ, хотѣлъ вспомнить позапрошлый и не могъ и опять подумалъ то, что часто приходитъ мнѣ въ голову: годы сливаются въ одинъ безпорядочный и однообразный годъ, полный сѣрыхъ служебныхъ дней и скучныхъ журъ-фиксовъ, умственныя и душевныя способности слабѣютъ, мелочная, подневольная жизнь все болѣе входитъ въ свои права и все болѣе неосуществимыми кажутся надежды имѣть свой уголъ, поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ или на югѣ, копаться съ женой и дѣтьми въ виноградникахъ, ловить въ морѣ лѣтомъ рыбу... Я вспомнилъ, какъ ровно годъ тому назадъ жена съ притворной любезностью заботилась и хлопотала о каждомъ, кто, считаясь нашимъ другомъ, встрѣчалъ съ нами новогоднюю ночь,—какъ она улыбалась нѣкоторымъ изъ молодыхъ гостей и предлагала загадочно-меланхолическіе тосты и какъ чужда и непріятна была мнѣ она, эта нарядная дама въ тѣсной петербургской квартиркѣ...

— Ну, полно, Оля!—сказалъ я ласково и, по возможности, безпечно.

— Дай мнѣ платокъ,—тихо отвѣтила она и по дѣтски, прерывисто вздохнула.—Я уже не плачу больше...

Я нашелъ подъ подушкой платокъ. Лунный свѣтъ воздушно-серебристой полосою падалъ на лежанку и озарялъ ее странною, яркой

блѣдностью. Все остальное было въ сумракѣ и въ немъ медленно плавалъ дымъ моей папиросы. И отъ попонъ на полу, отъ теплой, озаренной лежанки, — ото всего вѣяло глухой деревенской жизнью, уютностью родного дома...

— Ты рада, что мы заѣхали сюда?—спросилъ я невольно.

— Ужасно, Костя, рада, ужасно!—отвѣтила жена съ порывистой искренностью.—Я думала объ этомъ, когда ты уснулъ. По моему,—сказала она уже съ улыбкой,—вѣнчаться надо бы два раза. Серьезно,—какое это счастіе стать подъ вѣнецъ сознательно, пожив-ши, пострадавши съ человѣкомъ! И непремѣнно жить дома, въ своемъ углѣ, гдѣ-нибудь подальше ото всѣхъ... «Родиться, жить и умереть въ родномъ домѣ»! Вѣрно это сказано у Мопассана!

Она задумалась и опять положила голову на подушку.

— Это сказалъ Сенъ-Бевъ,—поправилъ я.

— Все равно, Костя. Я, можетъ быть, и глупая, какъ ты постоянно говоришь, но всетаки одна люблю тебя... Хочешь, пойдемъ гулять?—прибавила она, помолчавши.

— Куда?—спросилъ я удивленно.

— По двору. Я надѣну валенки, твой полушубочекъ... Развѣ ты уснешь сейчасъ?

Черезъ полчаса мы одѣлись и, улыбаясь, остановились у двери.

— Ты не сердишься?—спросила жена, взявъ меня подъ руку.

Она ласково заглядывала мнѣ въ глаза, и лицо ея было необыкновенно мило въ эту минуту, и вся она казалась такой простой и женственной въ полушубочкѣ, въ сѣрой шали, которой она по деревенски закутала голову, и въ мягкихъ валенкахъ, дѣлавшихъ ее ниже ростомъ.

Изъ дѣтской мы вышли въ коридоръ, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, и въ темнотѣ добрались до прихожей, называвшейся прежде «лакейской»... Потомъ заглянули въ залъ и гостиную... Скрипъ двери, ведущей въ залъ, раздался по всему дому, а изъ сумрака большой, пустой комнаты, какъ два огромные глаза, взглянули на насъ два высокихъ окна въ садъ. Третье было прикрыто полуразломанными ставнями.

— Ау!—крикнула жена на порогѣ.

— Не надо,—сказалъ я,—лучше посмотри, какъ тамъ хорошо.

Она притихла и мы несмѣло вошли въ комнату. Очень рѣдкій и низенькій садъ, вѣрнѣе, кустарникъ, раскиданный по широкой снѣжной полянѣ, былъ виденъ изъ оконъ, и одна половина его была въ тѣни, далеко лежавшей отъ дома, а другая, освѣщенная, четко и нѣжно бѣлѣла подъ звѣзднымъ небомъ тихой, зимней ночи. Кошка,

неизвѣстно какъ попавшая въ эти пустыя комнаты, вдругъ спрыгнула съ мягкимъ стукомъ съ подоконника и мелькнула у насъ подъ ногами, блеснувъ золотисто-оранжевыми глазами. Я вздрогнулъ, и вся таинственная жизнь необитаемаго дома, который стоялъ заброшеннымъ по моей винѣ, сразу передалась мнѣ...

Точно угадавъ мое чувство, жена опять взяла меня подъ руку.

— Ты боялся бы здѣсь одинъ?—спросила она шепотомъ.

Прижимаясь другъ къ другу, мы прошли по залу въ гостиную, къ двойнымъ стекляннымъ дверямъ на балконъ. Тутъ еще до сихъ поръ стояла огромная кушетка, на которой я спалъ, пріѣзжая въ деревню студентомъ. Казалось, что еще вчера были эти лѣтніе дни, когда мы всей семьей обѣдали на балконѣ, когда вся усадьба была полна домовитой, помѣщичьей жизнью... Теперь въ гостиной пахло плѣсенью и зимней сыростью, тяжелыя, промерзлыя обои кусками висѣли со стѣнъ... Было больно и не хотѣлось думать о прошломъ, особенно передъ лицомъ этой прекрасной, зимней ночи. Сквозь стеклянныя двери гостиной еще яснѣе, чѣмъ въ залѣ, виденъ былъ весь садъ и вся бѣлоснѣжная равнина подъ звѣзднымъ небомъ,—каждый сугробъ чистаго, дѣвственнаго снѣга, каждая елочка среди пушистой, бѣлой равнины.

— Тамъ утонешь безъ лыжъ,—сказалъ я въ отвѣтъ на просьбу жены пройти черезъ садъ на гумно. — А, бывало, я по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ зимой на гумнахъ, въ овсяныхъ ометахъ... Теперь зайцы, небось, приходятъ къ самому балкону!

Оторвавъ затѣмъ большой, неуклюжій кусокъ обой, висѣвшій у двери, я бросилъ его въ уголъ, и, точно сдѣлавъ дѣло, мы молча вернулись въ прихожую и черезъ большія, бревенчатыя сѣни вышли на морозный воздухъ. Тамъ я сѣлъ на ступени крыльца, закуривая папиросу, а жена, хрустя валенками по снѣгу, сбѣжала на сугробы и подняла лицо къ блѣдному зимнему мѣсяцу, уже низко стоявшему надъ черной и длинной избой, въ которой спалъ сторожъ усадьбы и нашъ ямщикъ со станціи.

— Мѣсяцъ, мѣсяцъ, тебѣ золотые рога, а мнѣ золотая казна!— заговорила она, кружась, какъ дѣвочка, по широкому, бѣлому двору.

Голосъ ея звонко раздался въ воздухѣ и былъ такъ страненъ въ тишинѣ этой мертвой усадьбы. Кружась, она прошла до ямщицкой кибитки, чернѣвшей въ тѣни передъ избою, и было слышно, какъ она бормотала на ходу:

Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ,

Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...

— Никогда я уже не буду гадать о суженомъ! — сказала она, возвращаясь черезъ минуту къ крыльцу и, запыхавшись и весело дыша морозной свѣжестью, сѣла на ступени возлѣ меня. — Ты не уснулъ, Костя? Можно съ тобой сѣсть рядомъ, миленькій, золотой мой?

Большая рыжая собака медленно подошла къ намъ изъ-за крыльца, съ привѣтливой снисходительностью виляя пушистымъ хвостомъ, и жена обняла ее за широкую шею въ густомъ мѣху, а собака глядѣла черезъ ея голову умными, вопросительными глазами и все также равнодушно-ласково, вѣроятно, сама того не замѣчая, махала хвостомъ. Я тоже гладилъ этотъ густой, холодный и глянцевитый мѣхъ, глядѣлъ на блѣдное человѣческое лицо мѣсяца, на длинную черную избу, на сіяющій снѣгомъ дворъ и думалъ, подбадривая себя:

— Въ самомъ дѣлѣ, неужели уже все потеряно? Мнѣ тридцать три года, черезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ пенсія, долги можно будетъ заплатить постепенно, жизнь въ Петербургѣ можно сдѣлать скромнѣй и семейнѣе, имѣніе выйдетъ изъ банка... Черезъ десять лѣтъ я буду свободенъ. Десять лѣтъ! Десять новогоднихъ ночей—и я свободенъ... Но какіе долгіе и тяжелые промежутки раздѣляютъ эти ночи!

И опять въ голову приходили воспоминанія о фальшивыхъ и шумныхъ встрѣчахъ этихъ ночей въ четвертомъ этажѣ огромнаго дома на Литейномъ, о сѣрой жизни, попрежнему начинающейся послѣ этихъ встрѣчъ въ темнотѣ, дождѣ и снѣгѣ мокраго Петербурга, о безчисленныхъ извозчикахъ и съѣсныхъ, овощныхъ и курятныхъ лавкахъ, о конкахъ и ломовыхъ на Лиговкѣ... И все это было такъ далеко отъ меня въ эту минуту и не вѣрилось, что пройдетъ эта прекрасная, зимняя ночь.

— А что-то теперь въ Петербургѣ? — сказала жена, поднимая голову и слегка отпихивая собаку.—О чемъ ты думаешь, Костя?— спросила она, приближая ко мнѣ помолодѣвшее, оживленное на морозѣ лицо.—Я думаю о томъ, что вотъ мужики никогда не встрѣчаютъ новаго года и во всей Россіи теперь мертвая тишина и всѣ давнымъ-давно спятъ...

Но говорить не хотѣлось. Было уже холодно, въ одежду отовсюду пробирался морозъ. Я закуталъ ноги полами шубы и слегка вытянулъ ихъ, а жена сѣла ко мнѣ на колѣни и, обнявшись, мы стали медленно покачиваться, какъ дѣлали это когда-то прежде. Вправо отъ насъ видно было въ ворота блестящее, какъ золотая слюда, поле,

и голая лозинка съ тонкими обледенѣвшими вѣтвями, стоявшая далеко въ полѣ, казалась сказочнымъ стекляннымъ деревомъ. Днемъ я видѣлъ тамъ остовъ дохлой коровы, и теперь собака вдругъ насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюдѣ побѣжало отъ лозинки что-то маленькое и темное,—можетъ быть, лисица,—и въ чуткой тишинѣ долго слышался замирающій, едва уловимый звукъ таинственнаго потрескиванія наста.

Наконецъ, жена спросила:

— А если бы мы остались здѣсь?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— А ты бы не соскучилась?

И какъ только я сказалъ, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здѣсь и года. Уйти отъ людей, отъ жизни, никогда не видать ничего дальше этого снѣжнаго поля, по цѣлымъ днямъ ѣсть и спать отъ скуки... Возможно ли это? Положимъ, можно заняться хозяйствомъ... Но какое же хозяйство можно завести въ этихъ жалкихъ остаткахъ усадьбы на сотнѣ десятинъ земли? И теперь почти всюду такія усадьбы,—на сто верстъ въ окружности нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы было свѣтло, весело, чувствовалось что-нибудь живое и разумное! А въ деревняхъ—голодъ...

— Но какъ же здѣсь жили твой отецъ, мать, братья?— спросила жена.

— То были, Оля, люди другого склада, — сказалъ я тихо.— Да и не было здѣсь такой глуши и запустѣнія. Мы вѣдь, въ сущности, живемъ въ полудикой снѣжной пустынѣ, гдѣ только есть оазисы... И если я нищій, и притомъ нищій, слабый духомъ, какъ и полагается русскому человѣку,—какъ не стремиться мнѣ къ этимъ всетаки люднымъ оазисамъ? А тамъ, среди этого оазиса, въ темнотѣ и тѣснотѣ Петербурга, чѣмъ я могу быть, какъ не чиновникомъ, отдающимъ всю свою жизнь нелюбимой службѣ и не знающимъ, для чего онъ существуетъ?

— Но какъ же быть, Костя?

— Не думать,—отвѣтилъ я.—Мы люди маленькіе, имя же намъ—легіонъ...

И стараясь возвратиться къ тому дѣтскому хорошему чувству, съ которымъ я проснулся, я тихо укачивалъ жену на колѣняхъ.

— Поговоримъ лучше о другихъ вещахъ,—говорилъ я, съ напускной безпечностью, медленно цѣлуя ея руки.—А потомъ въ дѣтскую и баиньки!...

Однако, засыпая подъ утро въ дѣтской и сидя на другой день въ рогожной кибиткѣ по пути на станцію, я думалъ все о томъ же.

Заснули мы крѣпко, а утромъ, прямо съ постели, нужно было собираться въ дорогу. Когда за стѣною заскрипѣли полозья и около самаго окна прошли по высокимъ сугробамъ лошади, запряженныя гусемъ, жена, полусонная, грустно улыбнулась мнѣ и чувствовалось, что ей жаль покидать эту теплую деревенскую комнату...

— Вотъ и новый годъ!— думалъ я, поглядывая изъ скрипучей, опушенной инеемъ кибитки въ сѣрое поле.—Какъ-то мы проживемъ эти новые триста шестьдесятъ пять дней?

Но мелкій лепетъ бубенчиковъ спутывалъ мысли, думать о будущемъ было непріятно и было жаль не то себя, не то покинутую усадьбу. Выглядывая изъ кибитки, я уже едва различалъ мутный, сѣросизый пейзажъ усадьбы, все болѣе уменьшающійся въ ровной снѣжной степи и постепенно сливающійся съ туманной далью морознаго туманнаго дня. Покрикивая на запиндевѣвшихъ лошадей, ямщикъ стоялъ въ козлахъ и, видимо, былъ совершенно равнодушенъ и къ новому году, и къ бѣлому пустому полю, и къ своей и нашей участи. Съ трудомъ добравшись подъ тяжелымъ армякомъ и полушубкомъ до кармана, онъ вытащилъ трубку, и скоро въ зимнемъ воздухѣ запахло сѣрой спичекъ и душистой махоркой. Запахъ былъ родной, пріятный, и меня трогали и воспоминанія о деревенскихъ суткахъ, и наше временное примиреніе съ женою, которая дремала, прижавшись въ уголъ возка и закрывъ большія, сѣрыя отъ инея рѣсницы. Но повинуясь внутреннему желанію поскорѣе забыться въ мелкой суетѣ и привычной обстановкѣ, я дѣланно-весело покрикивалъ:

— Погоняй, Степанъ, потрогивай! Опоздаемъ!

А далеко впереди уже бѣжали туманные силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль желѣзной дороги, и мелкій лепетъ бубенчиковъ такъ шелъ къ моимъ думамъ о безсвязной и безсмысленной жизни, которая ждала меня впереди...

Ив. Бунинъ.

Лилитъ *).

Faust.
Wer ist das?
Mephistopheles.
Betrachte sie genau!
Lilith ist das.
Faust.
Wer?
Mephistopheles.
Adams erste Frau.
Nimm dich in Acht vor ihren schönen Haaren,
Vor diesem Schmuck, mit dem sie einzig prangt,
Wenn sie damit den jungen Mann erlangt,
So lässt sie ihn sobald nicht wieder fahren.
Göthe, „Faust", Walpurgisnacht.

1.

Ты, веригами окованный,
Блѣдный странникъ, посмотри;
Видишь замокъ заколдованный
Въ тихомъ пламени зари?
Позабудь земныя терніи,
Жизнь—свѣтла и широка.
Надъ тобой огни вечерніе
Расцвѣтили облака.
Сводъ небесный, весь въ сіяніи,
Яркимъ пурпуромъ залитъ.
Слышишь розъ благоуханіе?...
Я—волшебница Лилитъ!

*
* *

Ты войди въ сады тѣнистые,
Въ кущи тайныя мои,
Гдѣ журчатъ потоки чистые,
Плодотворныя струи;
Гдѣ горятъ цвѣты—зажженные
Догорающимъ лучомъ,

*) Лилитъ—богиня любви и смерти; по древне-халдейскому преданію она была первой женой Адама, соблазнившей его.

Рѣютъ сны завороженные,
Вѣютъ огненнымъ мечомъ.
Гдѣ блаженное видѣніе
Усыпитъ и обольститъ
Долгимъ сномъ... безъ пробужденія.
Я—волшебница Лилитъ.

2.

Я прохожу въ убранствѣ темныхъ косъ,
Въ шелку моихъ чарующихъ волосъ;
Подвѣсками червонными звеня,
Блеститъ вѣнецъ на рожкахъ у меня *).
Прекрасна я, какъ лилія долинъ;
Какъ сельній кринъ, нарядъ богини простъ;
Но, вѣеромъ раскинувъ пышный хвостъ,
Отъ жадныхъ глазъ прикрылъ меня павлинъ,
И я, спустивъ мой поясъ золотой,
Томлю и жгу чуть видной наготой.

Отъ сладкихъ чаръ не уклоняй свой взглядъ,
Но берегись волосъ моихъ коснуться!
Не то въ тебѣ нежданно встрепенутся
Такіе сны, какихъ не замѣнятъ
Ни жизнь, ни смерть, ни рай, ни адъ,
Ни мракъ пучинъ, ни море свѣта,
Ни садъ блаженный Магомета—
Ничто, ничто не утолитъ
Раба волшебницы Лилитъ!

3.

Убаюканъ райскимъ пѣніемъ,
Въ рощѣ пальмъ уснулъ Адамъ.
Съ торжествующимъ моленіемъ
Я воззвала къ властнымъ снамъ:
«— Сны, таинственные мстители
И вершители судебъ,
Бросьте скорбныя обители,
Киньте сумрачный Эребъ.
На брегу Эфрата соннаго
Въ рощѣ пальмъ уснулъ Адамъ.

*) По ученію Каббалы и по средневѣковымъ понятіямъ Лилитъ—дьяволъ женскаго рода; на старинныхъ гравюрахъ она изображается прекрасной женщиной съ газельими рожками на лбу.

Плодъ отъ древа запрещеннаго
Я прижму къ его устамъ.
Взвѣйте знойныя видѣнія
Вкругъ кудряваго чела;
Онъ вкуситъ до пробужденія
Плодъ познанія и зла.

4.

Тихо жертвенникъ горитъ
Предъ волшебницей Лилитъ.
Слышенъ вздохъ то здѣсь, то тамъ.
Каплетъ кровь по ступенямъ.

Все туманнѣй, все блѣднѣй
Сонмы плачущихъ тѣней.
Ярче пламя, ближе адъ.
Громче возгласы звучатъ.

Теплота пурпурныхъ брызгъ,
Вакханалій дикій визгъ,
Ядъ, что въ сумракѣ разлитъ,—
Міръ волшебницы Лилитъ.

5.

Смотрю я въ даль изъ замка моего;
Мои рабы, рожденные въ печали,
Несчастные, чьихъ праотцевъ изгнали
Изъ райскихъ вратъ, не давъ имъ ничего,
Работаютъ надъ тощими снопами.
А я—смотрю изъ замка моего,
Сзываю ихъ несказанными снами.
И знаю я, что—позже иль теперь—
Они войдутъ въ отворенную дверь.

Они поютъ. Мнѣ вѣянье зефира
Доноситъ гимнъ о смерти и любви.
И любо мнѣ, властительницей міра,
Обозрѣвать владѣнія свои.
Здѣсь все—мое: лѣса, равнины, рѣки,
Все, что живетъ и зиждетъ, и творитъ,—
Весь міръ земной. И правятъ имъ вовѣки
Любовь и смерть,—могила и Лилитъ!

М. Лохвицкая.

НАШЪ СОБРАТЪ ПО ПЕРУ ОБУХОВЪ.

Разсказъ.

I.

Была вторая половина августа. Поѣздъ шелъ изъ Курска въ Москву. Въ вагонѣ третьяго класса «для некурящихъ», въ которомъ сидѣла только чистая публика, давно уже стоялъ у открытаго окна высокій господинъ лѣтъ за 30, съ темными, густыми волосами, черными, толстыми бровями и крупными, грубоватыми, но очень выразительными чертами лица. Онъ наблюдалъ прилегающую къ дорогѣ мѣстность, поля, рощи, деревни и въ то же время, какъ это видно было по созерцательному выраженію его лица, напряженно думалъ о чемъ-то, не имѣющемъ никакого отношенія къ тому, что было передъ его глазами. Наконецъ, онъ, очевидно, остановившись на какой-то мысли, отвернулся отъ окна, взялъ книгу, лежавшую на длинной лавочкѣ, занятой имъ однимъ, спряталъ ее въ чемоданъ, а оттуда вынулъ толстую, исписанную тетрадь и, усѣвшись у самаго окна, принялся перечитывать одно мѣсто въ рукописи, дѣлая поправки карандашомъ и многое вычеркивая. Потомъ положилъ рукопись на колѣно и опять задумался. Глаза его встрѣтились съ давно уже устремленными на него глазами сосѣда, сидѣвшаго на противоположной лавочкѣ, господина высокаго роста, съ длинными, сѣдыми волосами и серебристой бородой, спускавшейся до нижняго конца груди.

Странный взглядъ былъ у этого старика: маленькіе, сѣрые, широко открытые глаза его смотрѣли наивно, какъ глаза ребенка, и въ то же время въ нихъ свѣтилось что-то порывистое и упрямое.

— Извините за нескромность, позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ,—вѣжливо и какъ-то извиваясь, обратился онъ къ своему сосѣду:—судя по вашей наружности и по тому, что вы сейчасъ просматривали рукопись, я дѣлаю заключеніе, что вы литераторъ. Вѣрна

ли моя догадка? Извините, вы можете мнѣ не отвѣчать: я не имѣю никакого права спрашивать васъ, но если моя догадка вѣрна, то мнѣ пріятно было бы познакомиться съ вами... Повторяю, вы можете не отвѣчать и извините, пожалуйста.

— Да, я пописываю иногда,—отвѣтилъ исправлявшій рукопись.

— И печатаетесь?

— Да, и печатаюсь.

— Позвольте вашу фамилію?

— Калюжный.

— Калюжный!—воскликнулъ сѣдой господинъ.—Тотъ самый Калюжный, который написалъ?... (Тутъ онъ назвалъ два разсказа.)

— Да, тотъ самый.

— Батюшка, какъ же васъ не знать? Я все читаю, то-есть не буквально все, но о каждомъ писателѣ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, я имѣю понятіе. А ужъ если что появится подписанное новымъ именемъ, я сейчасъ же обязательно прочту... Да вѣдь вы—талантъ! Удивительно вы умѣете писать! Оба эти ваши разсказа произвели на меня такое впечатлѣніе, будто вы мнѣ въ голову гвоздь вбили. Удивительно сильно пишете!... Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ! Будьте знакомы! Вашъ собратъ по перу Артемьевъ Александръ Кирилловичъ,—отрекомендовался онъ, подавая Калюжному руку.—А ваше имя—отчество?

— Иванъ Андреевичъ,—отвѣтилъ Калюжный и въ свою очередь спросилъ:—А что же я вашей фамиліи не встрѣчалъ?

— А это очень просто: я проживаю въ литературѣ по подложному паспорту, сирѣчь подъ псевдонимомъ. Мое литературное имя Обуховъ. Впрочемъ, вы можете его не знать, такъ какъ я сравнительно очень рѣдко пишу: я, собственно говоря, переводчикъ,—добавилъ онъ и запнулся.

— Гдѣ же вы помѣщаете свои переводы?

Обуховъ назвалъ одинъ упорно прозябающій петербургскій журналъ, почти не извѣстный въ публикѣ.

— И теперь ѣдете въ Петербургъ?—освѣдомился Калюжный.

— Да. Но я сначала заѣду въ Москву: тамъ у меня и знакомые, и родственники, и дѣло есть. Въ Петербургѣ я буду, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ. Я самъ харьковскій, лѣто провожу на дачѣ подъ Харьковомъ, въ Основѣ, а зиму въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ, вездѣ. Люблю матушку Русь, люблю кочевать по ней. До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а не угомонился и угомонюсь только тамъ.—(Онъ показалъ пальцемъ въ полъ вагона).—А вы тоже въ Петербургъ?

— Да.

— Ну, я, когда пріѣду туда изъ Москвы, то разыщу васъ. Позволяете?

— Отчего же? но я не могу дать вамъ адреса, такъ какъ еще не знаю, гдѣ буду квартировать.

— Ничего: я васъ отыщу въ адресномъ столѣ.

Въ Москвѣ они распрощались.

II.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Калюжный поселился въ небольшой, чистенькой и уютной комнатѣ въ какомъ-то «тихомъ семействѣ», на Васильевскомъ островѣ. Жизнь вошла въ обычную колею. По утрамъ онъ сидѣлъ дома и писалъ, въ три часа уходилъ гулять и возвращался домой около пяти къ обѣду, потомъ читалъ или, если не было гостей, проводилъ вечеръ гдѣ-нибудь въ обществѣ, въ собраніяхъ и изрѣдка въ театрѣ.

Разъ, когда онъ только что кончилъ обѣдъ, къ нему пришелъ Обуховъ.

— Давно изъ Москвы? Ну, какъ тамъ?—спросилъ Калюжный.

— Дней десять уже будетъ, какъ я оттуда. Напрасно только заѣзжалъ: полтора мѣсяца прожилъ и ничего не заработалъ. Есть у меня нѣсколько рукописей-разсказовъ, премиленькія вещицы: кому ни давалъ читать, всѣ говорятъ, хорошо написаны. Что же вы думаете? Понесъ въ одну редакцію. Говорятъ: «хороши разсказы, да для насъ длинны». Понесъ въ другую. Тамъ говорятъ: «очень ужъ маленькіе для насъ». И такъ вездѣ: для однихъ очень длинно, для другихъ коротко. Всѣ хвалятъ, а никто не напечатаетъ. Нѣтъ, вы не хвалите, да напечатайте! Что мнѣ съ вашей похвалы?! Мнѣ нуженъ заработокъ! Хорошо еще, что я имѣю другія средства, а то вѣдь можно этакъ съ голоду околѣть...

— А я думалъ, что вы живете однимъ литературнымъ заработкомъ.

— Гдѣ прожить однимъ заработкомъ! У меня не такой талантъ, какъ у васъ. Я пенсію получаю: тридцать пять лѣтъ отслужилъ.

— Такъ вы отставной чиновникъ?

— А вы думали какъ? Я, батенька, въ отставку вышелъ съ чиномъ статскаго совѣтника. Вы со мной не шутите. Зато и терпѣть же не могу чиновничества!

— А служили?

— Служилъ. Гоняли меня съ мѣста на мѣсто, какъ гончія зай-

ца. Тамъ послужу немного, въ другое мѣсто переведутъ, отсюда въ третье. Такъ я тридцать пять лѣтъ кочевалъ по всей Россіи. И вездѣ, гдѣ бы ни служилъ, я велъ войну съ окружающими и этимъ неизбѣжно наживалъ себѣ враговъ... Ко мнѣ они не могли придраться: я ничего не дѣлалъ противозаконнаго, напротивъ, я указывалъ на ихъ противозаконія. Я зажималъ имъ ротъ, они молчали, но старались выжить меня... Гдѣ только не служилъ я! Вы знаете, я началъ службу военнымъ въ шестидесятомъ году. Въ отставку вышелъ чрезъ пять лѣтъ подпоручикомъ и поступилъ на гражданскую службу. Еще отдулъ тридцать лѣтъ и теперь вотъ уже третій годъ вольный казакъ. Получаю пенсію... рублей сто въ мѣсяцъ, да литературнаго заработка имѣю, въ среднемъ, рублей по пятидесяти. Съ меня этого довольно. Помогаю даже сыну и дочери: сынъ мой женился неудачно и теперь безъ мѣста; дочь вышла замужъ, а живетъ съ ребенкомъ отдѣльно отъ мужа. Жалко дѣтей...

Голосъ Обухова упалъ, лицо сдѣлалось печальнымъ и глаза замигали, будто собираясь заплакать. Онъ всталъ со стула, въ волненіи заходилъ по комнатѣ и продолжалъ:

— Несчастныя дѣти! Жалко! Они такъ же неуживчивы, какъ и я: въ ихъ жилахъ течетъ моя кровь. Нѣкоторые говорятъ, я ненормальный человѣкъ; всѣ какъ-то косо смотрятъ на меня... Тяжело живется, такъ тяжело! Если бы вы знали, сколько неудачъ, сколько огорченій испыталъ я! Вся жизнь моя состоитъ изъ непрерывной цѣпи непріятностей, разочарованій и борьбы!... Хотѣлось бы жить съ людьми мирно, какъ съ братьями. Не могу! Какъ увижу подлость, сейчасъ начнетъ меня мутить и какая-то неудержимая сила изнутри претъ, толкаетъ и будто шепчетъ мнѣ на ухо: «дай ему, подлецу, по мордѣ». И до тѣхъ поръ не успокоишься, пока не дашь. А потомъ видишь, что отъ этого дѣло нисколько не улучшилось, только у тебя прибавилось враговъ... Тяжело!... Совсѣмъ выбился изъ силъ. Гдѣ ужъ тутъ отечеству служить? Пусть работаютъ тѣ, которые помоложе. А мнѣ хотѣлось бы на старость хоть для себя пожить спокойно, да сдѣлать что-нибудь для дѣтей, устроить ихъ какъ-нибудь. Но ничего не придумаю. Вотъ только записался въ кассу взаимопомощи. Если умру, сынъ и дочь на двоихъ получатъ тысячу рублей... Ну, да я еще чувствую себя въ силахъ, хоть мнѣ и шестьдесятъ лѣтъ; поработаю, можетъ быть, что-нибудь и скоплю для нихъ. Теперь я устроился здѣсь и съ завтрашняго дня начну ходить по редакціямъ: здѣсь скорѣе помѣщу свои рукописи, чѣмъ въ Москвѣ, такъ какъ въ Петербургѣ больше газетъ и журналовъ. Заходите какъ-нибудь.

Допивши стаканъ чаю, Обуховъ ушелъ.

III.

Дней черезъ пять Калюжный собрался навѣстить его. Обуховъ жилъ на Литейномъ, въ меблированныхъ комнатахъ.

Калюжный вошелъ въ крошечный номеръ. Противъ входной двери была невысокая досчатая, крашеная подъ орѣхъ перегородка, раздѣлявшая номеръ на двѣ половины.

Тяжелая портьера, которою была завѣшена дверь въ перегородкѣ, раздвинулась, и изъ-за нея показалась сначала сѣдая голова съ длинной бородой, а потомъ и вся высокая фигура Обухова. Онъ былъ въ сильно поношенномъ пиджакѣ съ обтрепанными рукавами и въ ночной рубашкѣ, разстегнутый воротникъ которой открывалъ широкую, косматую грудь.

— А-а! Иванъ Андреевичъ! Пожалуйте! Вотъ хорошо сдѣлали, что пришли,—сказалъ онъ, провожая гостя за перегородку, въ «гостиную», такую же почти маленькую, какъ и передняя.

Здѣсь, прямо противъ входа, на маленькомъ столикѣ шумѣлъ самоваръ и стояли стаканъ и чайникъ.

— Пожалуйте, садитесь, — сказалъ Обуховъ, указывая на стулъ.—Какъ я радъ, какъ радъ, что вы пришли! Вотъ спасибо, вмѣстѣ чай будемъ пить... Послушайте, дайте другой приборъ!— крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

Человѣкъ принесъ стаканъ. Обуховъ сталъ наливать чай и говорилъ:

— Какъ же вы поживаете? Разскажите, что̀ пишете?—и, не давая Калюжному отвѣтить, продолжалъ:—Мои дѣла, слава Богу, налаживаются. Вчера я былъ въ редакціи.—(Онъ назвалъ эту редакцію).—Отдалъ рукописи двухъ разсказовъ въ собственныя руки редактора, просилъ поскорѣе прочесть и прямо объяснилъ ему, что нуждаюсь въ деньгахъ. Онъ сказалъ: «хорошо, черезъ недѣльку зайдите за отвѣтомъ. Если разсказы подойдутъ для насъ, то можно и авансъ дать». Вообще онъ человѣкъ прекрасный и ко мнѣ относится вполнѣ сочувственно... Я теперь жалѣю, что заѣзжалъ въ Москву: напрасно только тамъ время потратилъ. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: и редакцій больше, и относятся ко мнѣ лучше... Такъ-то, многоуважаемый Иванъ Андреевичъ. Значитъ, на слѣдующей недѣлѣ въ среду у меня будутъ деньги... Тогда я куплю себѣ шубу: давно пора въ отставку это осеннее пальто... Пейте съ хлѣбомъ!

Онъ взялъ лежавшій на столѣ бумажный пакетъ, вынулъ изъ него трехкопеечную булку и порѣзалъ на тоненькіе кусочки. Но Калюжный не прикасался къ нимъ, не желая оставить голоднымъ хо-

зяина. Взглядъ его привлекли двѣ небольшія книжки въ хорошихъ тиснёныхъ золотомъ переплетахъ, лежавшія одна на другой на краю стола, за которымъ онъ сидѣлъ. Ему показалось, что книжки эти нарочно положены здѣсь для того, чтобы всякій могъ разсматривать ихъ, какъ альбомъ. Онъ взялъ одну книжку и спросилъ:

— Можно?

— Пожалуйста. Это мои труды,—отвѣчалъ Обуховъ, ходя по комнатѣ со стаканомъ чаю въ рукахъ, изъ котораго онъ отъ времени до времени отхлебывалъ.

Пріятно возбужденный, обрадованный любезнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ редакціи, онъ чувствовалъ, какъ силы его крѣпнутъ, растетъ надежда на счастливое будущее и зрѣютъ широкіе планы. По временамъ онъ ставилъ стаканъ на столъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства поглаживалъ рукою животъ, будто онъ былъ вмѣстилищемъ ума и таланта, подарившаго Россіи, а можетъ быть, и всему міру эти два маленькіе томика сочиненій. «Они меня еще узнаютъ! Я имъ покажу еще себя»!—думалъ онъ. Изъ этого состоянія самодовольствія вывелъ его Калюжный вопросомъ:

— Зачѣмъ вы печатаетесь подъ псевдонимомъ, а не подъ своей фамиліей?

Обуховъ задумчиво провелъ рукою по бородѣ и отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Зачѣмъ, говорите? А вотъ зачѣмъ: когда-то давно одна барышня сказала мнѣ, что произведенія моего пера производятъ такое сильное впечатлѣніе, что будто бьютъ по головѣ обухомъ. Я и взялъ себѣ псевдонимъ «Обуховъ».

Калюжный не то серьезно, не то съ ироніей слегка кивнулъ головою и продолжалъ разсматривать изящныя книжки «трудовъ» Обухова. На заглавныхъ листахъ стояло: «Обуховъ. Разсказы и очерки. С.-Петербургъ, 1880 года». Въ оглавленіи значились такія произведенія: «Великодушный и щедрый нищій», «Несчастный студентъ», «Сестры-дуры», «Продувной торгашъ», «Геніальный мужикъ» и т. д. Одинъ разсказъ былъ помѣченъ 1863 годомъ, что̀ свидѣтельствовало о томъ, что авторъ далеко не новичокъ въ литературѣ. Калюжный начиналъ читать то одно, то другое произведеніе, но сейчасъ же бросалъ, не чувствуя охоты продолжать чтеніе. Ему не нравилось, что авторъ относится къ описываемымъ лицамъ слишкомъ пристрастно: однихъ прославляетъ и умиляется ими, другихъ всячески чернитъ, издѣвается надъ ними и поражаетъ ихъ стрѣлами своего остроумія.

— Здѣсь собрано все, что вы написали?—спросилъ онъ Обухова.

— Почти все, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ произведе-

ній. Я не изъ числа плодовитыхъ, работаю, не обременяя себя,— сказалъ Обуховъ съ выраженіемъ странной смѣси достоинства и скромности.—Это Никита Ивановичъ Кононенко пишетъ обѣими руками. Впрочемъ, онъ не пишетъ, а диктуетъ. Но у него такъ обстоятельства сложились, что ему надо много денегъ. А вотъ вамъ другой примѣръ: Павелъ Семеновичъ пишетъ мало. Но зато и пишетъ же! Я, конечно, не сравниваю себя съ нимъ, а только хочу сказать, что это еще ничего не значитъ, если человѣкъ пишетъ много или мало. Василій Ивановичъ говорилъ однажды на этотъ счетъ...

И онъ подробно разсказалъ, какъ извѣстный писатель Василій Ивановичъ, фамилію котораго, какъ своего пріятеля, онъ считалъ лишнимъ упоминать, въ присутствіи его, Артемьева, онъ же Обуховъ, и еще такихъ-то и такихъ-то лицъ, говорилъ тамъ-то то-то и то-то, а на это ему такія-то и такія лица возразили вотъ это. Онъ упоминалъ одно за другимъ имена писателей, стараясь дать понять, что всѣ эти извѣстные люди близки съ нимъ. О редакторахъ онъ тоже говорилъ, какъ о людяхъ хорошо ему знакомыхъ. И здѣсь онъ былъ до извѣстной степени правъ, такъ какъ не было редакціи, въ которой бы онъ не побывалъ много разъ, большею частію неудачно, съ своими рукописями...

IV.

Обуховъ налилъ чаю себѣ и гостю, прошелся по комнатѣ, взялъ на столѣ два номера газеты, сѣлъ на стулъ возлѣ Калюжнаго и, хлопнувъ его ладонью по колѣну, продолжалъ:

— Какъ я радъ, что вы зашли!... А знаете, батенька, у меня новость! Въ этихъ номерахъ газеты напечатанъ мой разсказъ. Больше года лежалъ онъ въ редакціи! Все говорили: вотъ напечатаемъ скоро. Наконецъ, появился, но въ какомъ видѣ! Заглавіе—не мое: это они сами придумали такое. Цѣлая первая половина разсказа выброшена и начинается онъ прямо съ середины. Вмѣсто отброшенной половины они присочинили вотъ эти строчекъ десять своихъ. Остальная половина тоже во многихъ мѣстахъ сокращена и вездѣ сдѣланы измѣненія. Конецъ отброшенъ и вмѣсто него ниписанъ другой, короче. Читаю и глазамъ не вѣрю! Я не узнаю своего разсказа! А подпись моя! Теперь спрашивается: какъ онъ смѣлъ изъ полторы тысячи строкъ сдѣлать восемьсотъ? Вѣдь это инквизиція, это пытка, издѣвательство надъ авторомъ! Смотрите, вотъ мой черновикъ: сличите его съ ихъ передѣлкою—вѣдь подобія нѣтъ! И что же вы думаете? Иду я къ нему, требую гонораръ, а онъ мнѣ:—«За что же, говоритъ,

вамъ гонораръ? Мы, говоритъ, сами передѣлали рукопись». Какъ вамъ нравится? Этакое нахальство! И онъ разсчитываетъ, что это такъ ему и сойдетъ! Нѣтъ, я его заставлю заплатить мнѣ за полныя полторы тысячи строкъ, плюсъ еще за то, что онъ испортилъ мой разсказъ!...

Обуховъ подошелъ къ столику, взялъ изъ кипы бумагъ и книгъ сложенный въ осьмушку листъ бумаги и сказалъ, подавая его Калюжному:

— Прочтите.

Тотъ взялъ листъ. Это была засвидѣтельствованная у нотаріуса довѣренность, выданная Обуховымъ какому-то адвокату на веденіе въ судѣ дѣла о взысканіи съ редактора-издателя газеты гонорара за полторы тысячи строкъ «испорченнаго» имъ разсказа и убытковъ за самую порчу.

— Желаю вамъ успѣха,—сказалъ Калюжный, прочитавъ довѣренность и возвращая ее Обухову. — Только думаю, что достигнуть его не такъ легко: надо еще доказать, что своей передѣлкой онъ испортилъ вашъ разсказъ...

— Это я докажу!— горячо заговорилъ Обуховъ, остановившись передъ Калюжнымъ и ударяя себя кулакомъ въ грудь.—То-есть, не я, а адвокатъ докажетъ. Я уже переговорилъ съ нимъ. Завтра пойду къ нему, отнесу ему довѣренность и разсказъ въ рукописи и въ печатномъ видѣ... Да, батенька, адвокатъ все это докажетъ и сдеретъ съ него!

Обуховъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, ероша волосы на головѣ и потирая руки. Калюжный читалъ рукопись разсказа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сличалъ ее съ передѣланнымъ и напечатаннымъ экземпляромъ. Наконецъ, заговорилъ, какъ-то особенно внимательно глядя на Обухова:

— Александръ Кирилловичъ, я хотѣлъ бы вамъ кое-что сказать по поводу этого разсказа...

— Сдѣлайте одолженіе, говорите,—сказалъ Обуховъ, взглянувъ на него оторопѣлыми глазами.

— Мнѣ кажется, — нерѣшительно продолжалъ Калюжный,— что... разсказъ передѣланъ удачно: отброшены совершенно ненужныя разсужденія и описанія, а оставлена только картина, недурно характеризующая описываемыхъ лицъ. Конецъ тоже удаченъ, также и заглавіе измѣнено къ лучшему. По моему, вы напрасно обижаетесь...

Удивленно смотрѣвшіе на Калюжнаго широко открытые глаза Обухова вдругъ затуманились, онъ смиренно сказалъ:

— Да, я съ вами согласенъ: все это онъ отлично сдѣлалъ! Кто

споритъ противъ этого? Только почему же онъ мнѣ гонорара не платитъ? Ну, заплатилъ бы меньше, чѣмъ слѣдуетъ, но все же надо бы заплатить. А то говоритъ: «за что же вамъ гонораръ платить?» Странно: вѣдь я же трудился, писалъ!... Знаете, Иванъ Андреевичъ,— продолжалъ Обуховъ, пройдясь по комнатѣ.—Я припомнилъ кое-что и думаю теперь, что, можетъ быть, между нами просто произошло недоразумѣніе... Когда я отдалъ ему рукопись и онъ прочелъ ее, то сказалъ, что не находитъ ее удобной для напечатанія. На мой вопросъ: почему?—онъ отвѣчалъ, что разсказъ очень растянутъ. Я ему предложилъ сократить его. Онъ сказалъ, что отъ этого едва ли что выйдетъ. Тогда я подумалъ, что, вѣроятно, онъ стѣсняется заплатить гонораръ, такъ какъ знаю, что его газетка бѣдная. Поэтому я прямо сказалъ: «Вы не думайте, что я очень интересуюсь гонораромъ. Мнѣ хочется только, чтобы разсказъ былъ напечатанъ. Можете его сокращать, передѣлывать, только напечатайте, а гонораръ—это для меня не важно. Вѣроятно, онъ такъ и понялъ мои слова, что я отказываюсь отъ гонорара. Но вѣдь я не то хотѣлъ сказать: мои слова означали, что я не гонюсь за большимъ гонораромъ; я, можетъ быть, не стою его; но дай мнѣ маленькій, дай, сколько можешь!...

— А онъ ничего не можетъ,—съ улыбкою проговорилъ Калюжный, нахмуривая свои густыя брови.

— А вѣдь правда, голубчикъ Иванъ Андреевичъ, ему нечѣмъ заплатить: у него всего десятка полтора подписчиковъ... то-есть, не буквально полтора десятка, а что-то дѣйствительно очень мало.

— И вы съ него хотите требовать судомъ?—спросилъ Калюжный.

Обуховъ растерянно и вопросительно посмотрѣлъ на него, потомъ сказалъ:

— А что, оставить развѣ?

— Бросьте вы эту затѣю!—посовѣтовалъ Калюжный.—Стоитъ возиться! Все равно ничего не получите.

Обуховъ смотрѣлъ на товарища взволнованными, прыгающими глазами. Лицо его нервно подергивалось, постоянно мѣняясь въ своемъ выраженіи, будто по немъ пробѣгали какія-то волны. Видно было, что онъ испытывалъ внутреннюю борьбу. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Да вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что же это я дѣлаю? Голубчикъ Иванъ Андреевичъ, да вы мнѣ глаза открыли! Для чего же мнѣ искать съ него судомъ? Вѣдь это нечестно: я самъ далъ ему поводъ думать, что можно напечатать безъ гонорара. Я же не хочу, чтобы было безчестно! Ну, Богъ съ нимъ, напечаталъ—и пусть его. А эту довѣренность... вотъ такъ ее, вотъ такъ, такъ...

Онъ изорвалъ бумагу въ мелкіе кусочки—и бросилъ на полъ.

— Голубчикъ Иванъ Андреевичъ, какъ я радъ, что вы зашли ко мнѣ вò-время: вы надоумили меня! Спасибо вамъ, дорогой!

Онъ обнялъ Калюжнаго и поцѣловалъ въ щеку. Потомъ быстро заходилъ по комнатѣ и отъ времени до времени говорилъ:

— Ну, напечаталъ—и Богъ съ нимъ! Эка важность! Что мнѣ его деньги! Мои дѣла, слава Богу, налаживаются. Вотъ черезъ недѣлю узнаю, что̀ будетъ съ этими двумя рукописями, которыя сегодня отдалъ. Навѣрное, онѣ будутъ напечатаны: редакторъ такъ меня принялъ... Онъ богатъ, можетъ, хорошо заплатитъ...

Обуховъ все ходилъ по комнатѣ съ высоко поднятой головой, нервно потирая руки.

Калюжный поднялся со стула и сказалъ:

— Ну, пора отправляться домой.

— Что же вы торопитесь? Голубчикъ, посидите!... А не хотите, тогда я васъ провожу. Спасибо, родной, что зашли навѣстить: вѣдь у меня никто, можно сказать, не бываетъ. Вы оживили мою унылую келью. Я такъ радъ, такъ радъ вамъ! Отъ души вамъ говорю, что я успѣлъ уже полюбить васъ. Заходите, голубчикъ, почаще!

Они вмѣстѣ вышли изъ номера. Улица была ярко освѣщена фонарями и свѣтомъ, разливавшимся изъ громадныхъ оконъ магазиновъ. По мостовой, усыпанной бурымъ снѣгомъ, изрѣзаннымъ полозьями саней и обратившимся въ песокъ, безшумно сновали туда и сюда извозчики, а по тротуарамъ въ обѣ стороны куда-то спѣшили пѣшеходы. Всюду билась полнымъ пульсомъ и кипѣла жизнь. Но въ то же время стояла поразительная тишина. Видно было, что каждый прохожій и проѣзжій думаетъ свою думу, стремится къ своей цѣли и до другихъ нѣтъ ему никакого дѣла...

Очутившись на людной столичной улицѣ, Обуховъ, какъ всегда, почувствовалъ себя жутко и болѣе одинокимъ, чѣмъ въ комнатѣ, когда оставался одинъ. Стараясь заглушить это чувство, онъ догналъ Калюжнаго, ушедшаго впередъ, взялъ его подъ руку и, поплотнѣе прижавшись къ нему, проводилъ его до самой квартиры, всю дорогу не переставая говорить. На обратномъ пути чувство одиночества и какой-то сосущей сердце тоски овладѣло имъ вполнѣ. Онъ храбрился, мысленно ободрялъ себя и шелъ быстро, быстро, будто хотѣлъ убѣжать отъ своего врага, стараясь ни о чемъ не думать и развлечься наблюденіемъ уличной жизни...

V.

Прошла недѣля. Была поздняя осень. Калюжный съ утра до половины третьяго часа, по обыкновенію, работалъ; потомъ отправился

гулять; по дорогѣ завернулъ въ библіотеку перемѣнить книги, въ четыре возратился домой и теперь, въ пятомъ часу, при огнѣ, сидѣлъ у себя въ комнатѣ и обѣдалъ. Ему вспомнилось, что редакторъ обѣщалъ Обухову дать сегодня отвѣтъ относительно рукописей. Онъ почти не сомнѣвался, что разсказы Обухова не будутъ приняты, но ему хотѣлось знать, какъ отнесся авторъ къ новой неудачѣ. Поэтому онъ рѣшилъ, что сегодня вечеромъ пойдетъ навѣстить Обухова. Но когда служанка подавала ему второе блюдо, на порогѣ комнаты появился самъ Обуховъ.

— Какъ я радъ, голубчикъ, что засталъ васъ! Думаю, куда бы убѣжать отъ самого себя,—и прямо къ вамъ, вѣдь у меня, дорогой, нѣтъ человѣка роднѣе васъ!—говорилъ онъ, обѣими руками пожимая руку Калюжнаго.

— Обѣдать хотите?—спросилъ тотъ.

— Какъ вамъ сказать, чтобы не соврать?... Я тоже обѣдаю обыкновенно въ это время. Но сегодня я не обѣдалъ, и даже, голубчикъ, забылъ объ обѣдѣ и ѣсть потребности не чувствую; мнѣ теперь не до того. Сейчасъ я отъ редактора. Вы, конечно, догадываетесь, съ какимъ отвѣтомъ...

— Отказъ?

— Конечно. Гдѣ же мнѣ тягаться съ тѣми, которые тамъ печатаются!... Если бы вы знали, дорогой, какъ меня судьба преслѣдуетъ и какъ моя жизнь тяжела, какъ тяжела!

— Не думайте объ этомъ. Вы лучше садитесь, да въ самомъ дѣлѣ пообѣдайте вмѣстѣ со мной.

Калюжный всталъ, отворилъ дверь и сказалъ горничной, чтобы подала гостю приборъ и первое блюдо.

Обуховъ мало ѣлъ и все говорилъ о томъ, чѣмъ душа болѣла.

— Такъ-то, батенька, плохо живется нашему брату. Вамъ-то ничего: у васъ талантъ огромный,—поправился онъ,—а мнѣ вотъ не везетъ... Женщины начинаютъ литературу заполонять; женщина, что ни напиши, все напечатаютъ; придетъ къ редактору, юбкою пошелеститъ—и готово. Но вѣдь не могу же я быть женщиной, не могу! И хотѣлъ бы, да не могу!... Пусть другое что, можетъ быть, и слабо, но эти вещи обѣ написаны такъ, что рѣшительно не къ чему придраться. Хуже всего, что не говоритъ даже, почему не подходятъ: не подходятъ—и конченъ разговоръ. Коротко и неясно. Куда мнѣ теперь направить эти разсказы? Рѣшительно ничего не придумаю. Пристройте вы мнѣ ихъ какъ-нибудь! Вотъ услугу окажете!

— Какъ же я могу ихъ пристроить?—пожимая плечами, сказалъ Калюжный:—вѣдь я не авторитетъ для редакторовъ. Мнѣ кажется,

что вамъ самимъ лучше хлопотать. Вѣдь я что такое? Новичокъ въ литературѣ.

— Э, батенька, не говорите: новичокъ-то вы новичокъ, да какой новичокъ! У васъ все еще впереди, на васъ возлагаютъ надежды, вы каждому редактору можете понадобиться. Въ томъ-то и сила, что вы новичокъ. А моя пѣсня спѣта. Нѣтъ, вы, если захотите, можете быть очень, очень полезнымъ мнѣ. Развѣ вотъ только не захотите...

— Съ большимъ бы удовольствіемъ, но какъ это устроить?

— А вотъ какъ: дайте мнѣ рекомендательныя письма къ тѣмъ редакторамъ, въ журналахъ которыхъ вы печатались,—и все дѣло сладится. Въ письмахъ должно быть сказано: «Мой близкій другъ Александръ Кирилловичъ Артемьевъ, печатавшійся подъ псевдонимомъ Обуховъ, далъ мнѣ прочесть свой прекрасный разсказъ подъ такимъ-то заглавіемъ и выразилъ желаніе напечатать его непремѣнно въ вашемъ журналѣ, который онъ высоко цѣнитъ и уважаетъ. Буду искренно обрадованъ и глубоко благодаренъ вамъ, если увижу это произведеніе напечатаннымъ на страницахъ вашего журнала, тѣмъ болѣе радъ, что разсказъ моего друга дѣйствительно хорошъ и можетъ служить украшеніемъ всякаго изданія». Вотъ только и всего. Другое точно такое же письмо я попрошу васъ написать къ другому редактору относительно второго моего разсказа. Въ результатѣ оба разсказа будутъ напечатаны. Клянусь вамъ, чѣмъ угодно!—закончилъ Обуховъ, хлопнувъ Калюжнаго по колѣну и вопросительно уставивъ на него свои маленькіе, сѣрые глаза.

— Если вы такъ увѣрены въ успѣхѣ, то я согласенъ сдѣлать по вашему,—сказалъ Калюжный,—но съ однимъ условіемъ: надо, чтобы разсказы ваши понравились мнѣ. Дайте я ихъ прочту.

Обуховъ какъ-то искривился въ лицѣ, будто ему сказали что-нибудь обидное, замялся и потомъ проговорилъ:

— Значитъ, вы недовѣряете мнѣ... Ну, тогда извините.

— Я вполнѣ вѣрю, что ваши разсказы нравятся вамъ. Но вѣдь авторы могутъ ошибаться. Надо, чтобы разсказы понравились и мнѣ, иначе моя похвала будетъ ложью, а я не хочу и не могу лгать.

Обуховъ съ недовольнымъ видомъ всталъ, нахмурилъ брови и заходилъ по комнатѣ. Наконецъ, сказалъ:

— Видите ли, милѣйшій Иванъ Андреевичъ, я прошу васъ оказать мнѣ по-пріятельски услугу, которая для васъ ровно ничего не стоитъ, тогда какъ для меня имѣетъ громадное значеніе, а вамъ, замѣтно, не нравится моя просьба. Тогда я, лучше всего, беру ее назадъ. Какое же въ самомъ дѣлѣ я имѣю право навязывать вамъ то, что вамъ не нравится! Вѣдь само собою разумѣется, что не могу я напи-

сать такой вещи, чтобы всѣ заговорили о ней. Но развѣ мало печатается разной дряни? А почему? Потому, что одна вещь, положимъ, понравится редактору и онъ ее печатаетъ, другая—понравилась его пріятелю, пріятель рекомендуетъ ее. Редактору она совсѣмъ не нравится, но онъ всетаки печатаетъ ее ради пріятеля. Такихъ произведеній, которыя бы всѣмъ нравились, нѣтъ и быть не можетъ, потому что одному больше нравится тыква, а другому—апельсинъ. Но вѣдь тыквы и апельсины, голубчикъ вы мой, одинаково успѣшно произрастаютъ въ садахъ и огородахъ россійской словесности,—закончилъ Обуховъ, опять садясь возлѣ Калюжнаго и хватая его рукою за колѣно съ гордой улыбкой на лицѣ.

Онъ очень былъ доволенъ, что у него неожиданно сорвалась съ языка такая остроумная фраза о тыквахъ и апельсинахъ.

— Такъ-то, дорогой мой Иванъ Андреевичъ,—продолжалъ онъ, погодя:—не геній я, но всетаки печатать меня можно. А если вы захотите, то можно и похвалить. Все зависитъ отъ вашего добраго желанія.

— Похвалить васъ, я не отказываюсь: для этого не требуется, чтобы ваши разсказы были особенно выдающимися. Надо только, чтобы мнѣ они показались удобными для напечатанія, то-есть, чтобы они не были совсѣмъ плохими. Поэтому дайте мнѣ ихъ прочесть.

— Да вѣдь, голубчикъ, разсказы оба здѣсь, со мной!—сказалъ Обуховъ, вынимая изъ бокового кармана сюртука двѣ тетрадки.—Вотъ они. Мы можемъ ихъ сейчасъ прочесть: они не велики. Хотите?

Калюжный согласился.

VI.

Обуховъ развернулъ одну изъ тетрадокъ, положилъ ее передъ собою и, облокотившись на столъ, принялся читать. Калюжный легъ на диванъ и слушалъ. Обуховъ читалъ съ чувствомъ, волнуясь и жестикулируя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ многозначительно поднималъ брови и бросалъ на Калюжнаго торжествующій взглядъ, придавая отдѣльнымъ словамъ какой-то особенный, ему одному понятный смыслъ. Онъ увлекался своимъ произведеніемъ, прислушиваясь къ собственному голосу и любуясь каждой фразой, казавшейся ему верхомъ совершенства.

Содержаніе разсказа заключалось въ томъ, что дѣвушка изъ небогатой торговой семьи, по окончаніи курса въ гимназіи, хотѣла поступить на высшіе женскіе курсы, а родители ея не желали этого и требовали, чтобы она вышла замужъ за пожилого и богатаго человѣка

ихъ круга, котораго она не любила и не могла уважать. Родители дѣвушки рисовались бездушными извергами, богатый женихъ—отвратительнымъ, чувственнымъ, а молодая дѣвица—идеальнѣйшимъ существомъ. Она много говорила хорошихъ словъ о свободѣ женщины, о ея правахъ на высшее образованіе и о равноправности ея съ мужчиною. Всѣ эти длинныя разсужденіи ея сопровождались такими же длинными разсужденіями автора. Въ концѣ-концовъ, дѣвушка уѣхала въ Петербургъ, въ надеждѣ жить своимъ трудомъ: отецъ наотрѣзъ отказался высылать ей деньги.

Дочитавъ до конца, Обуховъ торжествующе взглянулъ на Калюжнаго и сказалъ:

— Ну, какъ?

Калюжный нахмурилъ брови, подумалъ и отвѣчалъ:

— Погодите. Читайте и второй разсказъ. Тогда разомъ выскажусь объ обоихъ.

Обуховъ эту нерѣшительность Калюжнаго принялъ за желаніе его быть осторожнымъ въ похвалахъ, чтобы, чего добраго, не вскружить головы автору. Поэтому онъ съ достоинствомъ покорился и сталъ читать второй разсказъ подъ заглавіемъ: «Скотина». Въ немъ описывалась ссора двухъ посѣтителей клуба въ уѣздномъ городкѣ, изъ которыхъ одинъ назвалъ другого скотиною. Авторъ жестоко казнилъ обоихъ участниковъ ссоры. Тѣмъ и ограничивалось содержаніе этого произведенія.

— Ну, какъ?—повторилъ Обуховъ свой вопросъ, когда и этотъ разсказъ былъ прочитанъ.

Калюжный поднялся съ дивана, облокотился на столъ, и, задумчиво водя пальцемъ по скатерти, заговорилъ медленно, съ разстановкой:

— Зачѣмъ вы къ вопросу о равноправности женщины съ мужчиною относитесь такъ, какъ будто открыли Америку? Если бы вы писали это сорокъ лѣтъ назадъ, когда такіе взгляды были новостью, тогда съ вашей манерой можно было бы помириться. А въ наше время... вѣдь это избитая истина...

— Голубчикъ,—возразилъ Обуховъ,—да вѣдь я весь пропитанъ духомъ того отдаленнаго времени! Вѣдь это была лучшая эпоха и я дорожу ея традиціями!

— Прекрасно. Но не надо забывать, что то, что было новостью тогда, теперь уже стало старой истиной. Съ горячностью и такъ пространно, какъ это сдѣлано у васъ, доказывать старую, всѣмъ извѣстную истину безполезно и даже смѣшно. Выбросьте всѣ эти длинныя ненужныя разсужденія автора и героини разсказа, оставьте

только то, что необходимо для развитія фабулы, сократите разсказъ наполовину—и выйдетъ недурная вещь. Второй же вашъ разсказъ, извините за откровенность, прямо никуда не годится. Бросьте его совсѣмъ, а первый передѣлайте.

VII.

Обуховъ былъ совершенно ошеломленъ приговоромъ Калюжнаго. Совсѣмъ не того онъ ожидалъ. Удрученный, онъ съ минуту молчалъ, мрачно ходя по комнатѣ. Потомъ остановился и сказалъ:

— Такъ передѣлать, говорите, первый разсказъ?

— Да. Вѣдь это такъ легко.

— Голубчикъ, передѣлайте его вы сами! Что вамъ стоитъ посидѣть часъ-другой?

— Вотъ этой просьбы я ужъ никакъ не ожидалъ отъ васъ.

— Почему же, если, вы говорите, это вамъ не трудно сдѣлать?

— А потому, во-первыхъ, что у меня, какъ и у всякаго другого писателя, нѣтъ и не можетъ быть ровно никакой охоты заниматься передѣлкою чужого произведенія въ то время, когда есть возможность работать надъ своимъ собственнымъ. А, во-вторыхъ, какой же вамъ интересъ отдавать свой разсказъ другому для передѣлки? Какая корысть, какая честь вамъ отъ этого? Если вы писатель, художникъ, то вы, сознавъ, что въ произведеніи есть недостатки, должны чувствовать непреодолимую потребность исправить ихъ. Истинный художникъ не можетъ успокоиться, пока не устранитъ всѣхъ недостатковъ. Совершенствованіе своего произведенія даетъ ему наслажденіе и внутреннее удовлетвореніе.

Обуховъ остановился передъ Калюжнымъ.

— Да поймите вы,—страстно сказалъ онъ, прикладывая обѣ руки къ груди,—поймите, что не могу я исправлять мною написаннаго! Не могу я рѣзать свое собственное тѣло: вѣдь это моя плоть, моя кровь! — кипятился онъ, хлопая по тетради ладонью. — Каждая фраза, каждое слово здѣсь вылились изъ моей души! Какъ же я могу выбрасывать, передѣлывать, измѣнять эти слова, фразы? Что хотите, а этого я не въ состояніи!...

— Но вѣдь вы сознате, что то, на что̀ я указывалъ, дѣйствительно составляетъ недостатки вашего разсказа?—спросилъ Калюжный почти сердито.

— Да, я вамъ вѣрю, безусловно вѣрю, что это недостатки. Потому-то я и прошу васъ исправить ихъ.

— «Вѣрю»! Чудакъ вы! Я спрашиваю васъ не о томъ, вѣрите

ли вы мнѣ или не вѣрите, а о томъ, сознаете ли вы недостатки разсказа, указанные мною?

— Въ томъ-то и дѣло, голубчикъ, что я не вижу этихъ недостатковъ,—сказалъ, наконецъ, Обуховъ тихимъ голосомъ, стыдясь и морщась въ лицѣ. Мнѣ кажется, что все, написанное мною, хорошо и иначе не можетъ быть написано. Вы знаете, какъ я пишу? Я пишу, не обдумывая долго, я пишу по вдохновенію, не зная, что изъ этого выйдетъ, пишу потому, что хочется писать. Когда придетъ время для писанья, меня мутитъ, претъ, мнѣ покою не даетъ какой-то внутренній бѣсъ до тѣхъ поръ, пока я не возьмусь за перо и не вылью на бумагу всего, что волнуетъ меня. Тогда мнѣ станетъ легче. И попробуй кто-нибудь въ то время сказать мнѣ, что я не такъ написалъ, что надо то, другое исправить, передѣлать, да я слушать не захочу! То-есть, пожалуй, изъ вѣжливости я его и выслушаю, но его слова на меня не подѣйствуютъ. Да и какъ можетъ на меня кто-нибудь подѣйствовать, когда я чувствую себя въ своемъ дѣлѣ выше всѣхъ?!... Я говорю вамъ это по душѣ, говорю только вамъ по секрету, потому что полюбилъ васъ; другому не стану говорить этого: было бы смѣшно,—скороговоркой добавилъ Обуховъ.

— Но, можетъ быть, это только на первыхъ порахъ?—спросилъ Калюжный.—Вѣдь потомъ, когда вашъ пылъ немного остынетъ, когда улетучится то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго вы писали, вы просматриваете рукопись и исправляете ее?

— Просматриваю и исправляю, но какъ исправляю? Гдѣ сказуемое стояло въ концѣ предложенія, тамъ иногда я поставлю его въ серединѣ или въ началѣ; иногда одно неудачное выраженіе замѣню другимъ. Вотъ и все. Но оказывается, что вы находите это недостаточнымъ. Эти рукописи у меня окончательно отдѣланны и больше ничего я не могу въ нихъ ни убавить, ни прибавить, ни измѣнить...

— Напрасно,—сказалъ Калюжный.

Оба они чувствовали, что имъ больше не о чемъ говорить. Съ минуту длилось молчаніе. Обуховъ всталъ и подалъ Калюжному руку.

— Ну, сколько ни сиди, а домой идти надо. До свиданія. Заходите, родной, ко мнѣ,—сказалъ онъ.

Калюжный не удерживалъ его.

VIII.

Прошло съ мѣсяцъ. Былъ хорошій морозъ. Обуховъ шелъ по Невскому съ двумя книгами въ рукахъ, одѣтый въ свое сильно поношенное осеннее пальто и въ осенней шляпѣ. Издали онъ увидѣлъ Ка-

ложнаго, шедшаго ему навстрѣчу по тротуару съ противоположной стороны улицы. Странныя и противорѣчивыя чувства испыталъ онъ въ эту минуту: ему хотѣлось броситься къ Калюжному, зазвать его къ себѣ или пойти вмѣстѣ къ нему и наговориться съ нимъ досыта; но въ то же время болѣзненное чувство стыда и гордости, свойственное неудачникамъ, заставляло его съеживаться и сторониться отъ всякаго, кто, по его мнѣнію, могъ считать себя выше его. Послѣднее чувство взяло верхъ, онъ отвелъ глаза въ сторону, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Калюжнаго, и пошелъ быстрѣе. Но Калюжный также увидѣлъ его, сдѣлалъ движеніе рукою и слегка крикнулъ:

— Александръ Кирилловичъ!

Обуховъ взглянулъ въ ту сторону. Калюжный уже переходилъ черезъ улицу къ нему.

— А, Иванъ Андреевичъ!—сказалъ Обуховъ, изображая на лицѣ удивленіе отъ неожиданной встрѣчи.—А я слышу, кто-то зоветъ меня. Смотрю, а это вы... Ну, что хорошаго?

Онъ задалъ этотъ вопросъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать Калюжному: я вовсе не интересуюсь вами, но если что нужно, то я готовъ служить вамъ.

Калюжный отвѣчалъ:

— Послѣ того, какъ вы у меня были, я нѣсколько разъ собирался къ вамъ, да все что-нибудь мѣшало. Сегодня уже окончательно рѣшилъ навѣстить васъ вечеромъ. Будете дома?

Лицо Обухова сразу просіяло, сѣрые глаза засвѣтились.

— Да я, голубчикъ, всегда дома!—сказалъ онъ.—Сейчасъ это я вышелъ по дѣлу: иду въ библіотеку книги перемѣнить. Правда, отъ четырехъ до шести часовъ я обыкновенно гуляю, но за то послѣ шести всегда и обязательно дома... Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли сегодня быть у меня?

— Да, да.

— Тогда приходите, родной, послѣ шести, ну, въ шесть ровно: я раньше шести буду дома, буду ждать васъ... Какъ я радъ, что мы встрѣтились! Вы знаете, у меня нѣтъ особенно близкихъ людей, но въ васъ я вижу что-то родное... Такъ придете? Ну, вотъ, отлично: чайку напьемся, побесѣдуемъ, подѣлимся впечатлѣніями, кстати, у меня есть интересная новость... Такъ я васъ жду, дорогой!

Въ началѣ седьмого часа Калюжный вошелъ въ «келію» Обухова. На столѣ шумѣлъ самоваръ. Обуховъ ходилъ по комнатѣ въ обычномъ своемъ домашнемъ костюмѣ, т.-е. въ потертомъ пиджакѣ нараспашку и въ ночной рубашкѣ съ разстегнутымъ воротникомъ и, размахивая правою рукою, лѣвою поглаживалъ свой округленный животъ.

— А, пришли!—вскрикнулъ онъ, увидѣвъ на порогѣ Калюжнаго.—Ну, вотъ спасибо, голубчикъ! А я думаю: «что его такъ долго нѣтъ?»—но, вотъ и вы! Отлично... Ну, раздѣвайтесь, давайте ваше пальто сюда, я повѣшу. Вотъ такъ... Садитесь. Ну, какъ же вы поживаете? Разсказывайте! Что пишете?...

Но прежде чѣмъ Калюжный успѣлъ отвѣтить на послѣдній вопросъ, Обуховъ перебилъ его:

— А я вамъ сказалъ сегодня при встрѣчѣ съ вами, что у меня новость... Знаете, какая? Былъ я прошлое лѣто въ N. (онъ назвалъ одинъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ). Познакомился съ секретаремъ тамошней газеты (онъ назвалъ эту газету) и отдалъ ему свой разсказъ въ рукописи. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ мнѣ отвѣтъ, что разсказъ прочитанъ и будетъ напечатанъ въ газетѣ. Гонораръ не великъ, три копейки со строки... ну, да я плевать хотѣлъ на это... Потомъ я уѣхалъ оттуда. И только когда я былъ въ Москвѣ, передъ отъѣздомъ сюда, я узналъ, что разсказъ мой, дѣйствительно, напечатанъ. Первымъ дѣломъ, пишу въ редакцію, чтобы мнѣ выслали гонораръ и тѣ номера газеты, въ которыхъ помѣщенъ мой разсказъ. Проходитъ недѣля, другая, ничего не получаю. Тогда я пишу секретарю, съ которымъ, какъ сказалъ уже вамъ, я имѣлъ дѣло, и прошу его о высылкѣ того и другого. Ну-съ, въ скоромъ времени послѣ того я получилъ вотъ эти два номера газеты, въ которыхъ, извольте посмотрѣть, помѣщенъ мой разсказъ; но вмѣсто гонорара секретарь прислалъ мнѣ письмо. Вотъ можете прочитать его (онъ подалъ Калюжному вскрытый конвертъ): здѣсь секретовъ нѣтъ. Видите,—продолжалъ затѣмъ Обуховъ, когда Калюжный пробѣжалъ глазами письмо,—онъ обѣщаетъ мнѣ, что гонораръ будетъ высланъ послѣ, когда въ конторѣ газеты будутъ деньги. Но примите во вниманіе: съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ это письмо, проходитъ около мѣсяца, а гонорара все не присылаютъ. Тогда я пишу третье письмо, опять-таки секретарю, и уже, знаете, безъ всякаго стѣсненія, даю себѣ волю и выливаю все, что накопилось за это время на душѣ. Во-первыхъ, я ему напомнилъ, что разсказъ мною былъ отданъ ему и гонораръ мнѣ обѣщалъ онъ, слѣдовательно, на него падаетъ и отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ я обратилъ его вниманіе на то, что хотя разсказъ давно уже напечатанъ, но я и до сихъ поръ не получаю денегъ, и закончилъ письмо такими словами: «всѣ порядочные люди, если даютъ обѣщанія, то и исполняютъ ихъ. Вы дали мнѣ извѣстное обѣщаніе относительно уплаты гонорара и если вы этого обѣщанія не исполните, то я буду считать васъ потерявшимъ право называться порядочнымъ человѣкомъ». Каково-съ? Сильно написано?

Да, батенька, если ужъ меня задѣли за живое, такъ я сумѣю постоять за себя! Пусть попробуетъ привлечь меня къ отвѣтственности—ничего не выйдетъ, а вѣдь я прямо-таки назвалъ его подлецомъ!

Онъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ. Затѣмъ опять сѣлъ, взялъ въ кипѣ лежавшихъ на столѣ бумагъ другое письмо въ разорванномъ конвертѣ и продолжалъ:

— Ну-съ, и что же онъ мнѣ отвѣтилъ? Что-то ужъ очень скоро послѣ моего забористаго письма, которымъ я его, надо полагать, хорошенько приперъ къ стѣнѣ, приходитъ отъ него вотъ это слезливое и глупое посланіе, начинающееся словами «многоуважаемый» и т. д. Онъ пишетъ, что, принимая разсказъ, онъ хотѣлъ, видите ли, сдѣлать мнѣ удовольствіе и взялъ его на свою отвѣтственность, что же касается гонорара, то его онъ мнѣ не обѣщалъ и не могъ обѣщать, такъ какъ онъ не хозяинъ газеты, а лишь высказался, что, по всей вѣроятности, редакторъ согласится заплатить по три копейки со строки. Далѣе онъ упоминаетъ, что имѣлъ разговоръ по этому дѣлу съ редакторомъ, въ результатѣ котораго можетъ сказать, что если черезъ нѣкоторое время...—замѣтьте: «черезъ нѣкоторое время!»—редакція не вышлетъ мнѣ гонорара, то онъ, секретарь-то, заплатитъ мнѣ изъ своего жалованія, такъ какъ во всякомъ случаѣ онъ не желаетъ, чтобы я пересталъ считать его порядочнымъ человѣкомъ... Но теперь спрашивается: черезъ какое-жъ это «нѣкоторое время»? Часъ—нѣкоторое время, день—тоже нѣкоторое время, мѣсяцъ, годъ, сто лѣтъ—все будетъ нѣкоторое время. Просто-напросто онъ мнѣ предлагаетъ ждать до безконечности. Согласенъ, что это, можетъ быть, очень остроумно и, во всякомъ случаѣ, для нихъ въ высшей степени удобно, но для меня... Нѣтъ, слуга покорный!...

— Удивляюсь, зачѣмъ вы отдали разсказъ туда, гдѣ не платятъ,—сказалъ Калюжный.

— Ахъ, голубчикъ, это другой вопросъ! Ну, я отдалъ туда просто потому, что подошелъ случай. Теперь и самъ жалѣю, но что прикажете дѣлать? Такъ или иначе, я имѣю право требовать за свой разсказъ деньги. Но какъ вырвать ихъ изъ редакціи? Скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я... въ крайнемъ случаѣ подалъ бы въ судъ, представивъ номера газеты съ напечатаннымъ разсказомъ и письмо секретаря въ доказательство справедливости иска. Но предварительно я обратился бы въ литературный фондъ: можетъ быть, при его содѣйствіи удалось бы получить деньги и безъ суда.

— Э, батенька, это очень длинная исторія! Я избралъ другой путь, болѣе короткій и болѣе вѣрный. Я поступилъ съ нимъ по-во-

ennому. У нихъ тамъ въ N градоначальникъ. Такъ онъ этихъ газетныхъ дѣлъ мастеровъ держитъ вотъ какъ! Что прикажетъ, то они и дѣлаютъ: вѣдь власть градоначальника, батенька, почти неограниченная! И вотъ, голубчикъ, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль обратиться къ нему.

— Къ градоначальнику!—удивился Калюжный.—Да онъ не станетъ въ это дѣло вмѣшиваться! Вѣдь это до него не касается!

— Э, батенька, до него все касается! А ужъ онъ-то, во всякомъ случаѣ, до всего касается.

— Но, согласитесь, литератору въ чисто-литературномъ, хотя бы и въ денежномъ дѣлѣ, обращаться къ содѣйствію администраціи, вѣдь это не совсѣмъ красиво...

— Не въ этомъ, батенька, дѣло,—красиво или не красиво: я совсѣмъ иначе разсуждаю. Если кто-нибудь дѣлаетъ подлость, то будь это хоть распролитераторъ, я не посмотрю ни на какое профессіональное родство съ нимъ, ни на какое кумовство, а ужъ поддѣну его, такъ поддѣну, что ему тошно будетъ! И знаете, что я написалъ градоначальнику? А вотъ что!

Обуховъ взялъ на столѣ не заклеенный конвертъ, вынулъ изъ него большой листъ хорошей почтовой бумаги, исписанный красивымъ, четкимъ почеркомъ и сталъ читать:

«Милостивый государь, ваше превосходительство, Анатолій Александровичъ! Какъ чиновникъ, хотя и отставной, обращаюсь къ вамъ, какъ къ чиновнику, состоящему на службѣ, съ покорнѣйшей и усерднѣйшей просьбой. Дѣло въ слѣдующемъ».

Далѣе въ письмѣ очень подробно разсказывалось о томъ, какъ онъ, Артемьевъ-Обуховъ, отдалъ въ редакцію газеты свой разсказъ, потомъ излагалась вся переписка его съ секретаремъ редакціи и затѣмъ письмо оканчивалось такъ:

«Прилагая при этомъ два номера газеты, въ которыхъ напечатанъ мой разсказъ, и два письма секретаря редакціи, подтверждающія справедливость моего требованія, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство вызвать къ себѣ редактора вышеозначенной газеты и внушить ему, чтобы онъ уплатилъ мнѣ условленный гонораръ, по 3 копейки со строки, не заставляя меня доводить дѣло до суда. Исполнивъ эту мою покорнѣйшую просьбу, вы окажете мнѣ, какъ чиновникъ чиновнику, незамѣнимую услугу, такъ какъ въ настоящее время я крайне нуждаюсь въ деньгахъ, хотя бы въ самой незначительной суммѣ. О послѣдствіяхъ настоящей просьбы не откажите увѣдомить меня по мѣсту моего жительства. (Слѣдовалъ подробный адресъ).

«Отставной статскій совѣтникъ Александръ Кирилловичъ Артемьевъ (литературный псевдонимъ А. Обуховъ)».

— Ну, каково написано?—обратился Обуховъ къ Калюжному, окончивъ чтеніе письма.—Вы говорите, что до градоначальника это не касается. Согласенъ, что это не входитъ въ его обязанности, но въ настоящемъ случаѣ, когда къ нему обращается хотя бы и отставной, но всетаки статскій совѣтникъ, притомъ же литераторъ, онъ непремѣнно вмѣшается: вѣдь мое обращеніе польститъ ему. И знаете, что̀ онъ сдѣлаетъ? По полученіи моего письма онъ вызоветъ къ себѣ редактора и скажетъ: «Вотъ извольте прочесть, что мнѣ пишутъ». И когда тотъ прочтетъ мое письмо, онъ обратится къ нему приблизительно съ такимъ внушеніемъ: «Ну, что же вы не платите гонорара? Неужели вы хотите, чтобы всѣ ваши сотрудники обращались ко мнѣ или въ судъ? Тогда намъ придется заниматься только однѣми вашими дрязгами!» А тотъ что ему отвѣтитъ? Вѣдь отрицать долгъ онъ не можетъ: доказательства налицо. Ему остается только извиниться, объяснить замедленіе уплаты какимъ-нибудь недоразумѣніемъ и пообѣщать, что деньги онъ немедленно вышлетъ и впредь ничего подобнаго у него не будетъ случаться. Вотъ какой эффектъ произведетъ мое письмо! А мнѣ того только и надо! Послѣ этого онъ и съ другими не будетъ такъ поступать... А вы говорите—въ судъ. Судъ хорошъ съ порядочными людьми, а для такихъ артистовъ нужна палка! Вотъ я къ палкѣ и обращаюсь.

Онъ съ гордымъ видомъ прошелся по комнатѣ, затѣмъ поспѣшно положилъ письмо со всѣми приложеніями въ конвертъ, заклеилъ его, прилѣпилъ марки и, позвавъ служителя, велѣлъ отнести въ почтовое отдѣленіе и сдать заказнымъ: тамъ заказныя принимаютъ по вечерамъ отъ пяти до семи часовъ, а тогда семи еще не было.

Когда служитель ушелъ, Обуховъ, продолжая ходить по комнатѣ, задумчиво разсуждалъ:

— Завтра утромъ письмо уйдетъ изъ Питера. Черезъ три дня, самое большее, оно будетъ получено градоначальникомъ. На четвертый день онъ прикажетъ вызвать редактора. На пятый явится къ нему редакторъ. На шестой будетъ посланъ мнѣ гонораръ. Слѣдовательно, деньги я получу дней черезъ девять или, самое большее, черезъ десять. А обратиться въ судъ, сколько времени уйдетъ! Вотъ гдѣ можетъ пригодиться чинъ статскаго совѣтника! Никто, голубчикъ, болѣе меня не презираетъ своего чина, но я его не отдамъ ни за какія деньги, потому что, какъ видите, онъ мнѣ можетъ сослужить незамѣнимую услугу... Итакъ, деньги у меня будутъ числа семнадцатаго... Вѣдь, правду я говорю, голубчикъ Иванъ Андрее-

вичъ?—спросилъ онъ Калюжнаго, послѣ краткаго молчанія, остановившись передъ нимъ и схвативъ его за руку выше локтя.

При этомъ маленькіе сѣрые глаза его смотрѣли на Калюжнаго какъ-то оторопѣло и вся фигура его изображала собою большой вопросительный знакъ. Вслѣдствіе ли упорнаго скептическаго молчанія Калюжнаго или по другой какой причинѣ, въ головѣ Обухова уже зародилось сомнѣніе въ вѣрности только что произведеннаго разсчета. Онъ нуждался въ томъ, чтобы Калюжный подтвердилъ его мнѣніе. Но тотъ задумчиво отвѣчалъ, стараясь выражаться мягко:

— Конечно, можетъ случиться и такъ, какъ вы думаете, но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что градоначальникъ отвѣтитъ вамъ, что онъ не находитъ возможнымъ исполнить вашу просьбу и порекомендуетъ вамъ избрать другой путь.

— Почему?

— Да потому, что онъ не обязанъ и даже не имѣетъ права заставлять редактора или кого бы то ни было платить долгъ: это дѣло суда. Вѣдь онъ знаетъ, что если онъ, пользуясь своей властью, сдѣлаетъ такъ, какъ вы просите, то репутація его будетъ подорвана во мнѣніи того же редактора. Станетъ ли онъ жертвовать своей репутаціей ради васъ—это вопросъ.

По лицу Обухова пробѣжала какая-то тѣнь, оторопѣлые глаза его будто заволоклись туманомъ. Онъ ходилъ по комнатѣ и твердилъ въ утѣшеніе себѣ:

— Нѣтъ, я увѣренъ, градоначальникъ исполнитъ мою просьбу: какъ бы ни было, чортъ возьми, а я статскій совѣтникъ. Нельзя же вѣдь...

Они разстались, уговорившись, что когда отъ градоначальника получится отвѣтъ, то Обуховъ придетъ къ Калюжному, чтобы подѣлиться новостью.

IX.

Прошло не только десять дней, положенныхъ по разсчету Обухова, но и двѣ недѣли, а отвѣтъ отъ градоначальника не приходилъ. Обуховъ, до сихъ поръ со дня на день тревожно ожидавшій денегъ, совсѣмъ началъ терять надежду на полученіе ихъ и падать духомъ. Ему самому теперь казалось, что онъ поступилъ нехорошо и неумно, обратившись къ градоначальнику; онъ стыдился этого поступка и боялся, какъ бы о немъ не узнали другіе. Въ голову ему запало сильное подозрѣніе, что Калюжный разсказалъ всѣмъ о его странномъ способѣ взыскивать деньги и что теперь весь литературный міръ говоритъ о немъ. На улицѣ онъ какъ-то съеживался и не смо-

трѣлъ по сторонамъ, боясь, чтобы кто-нибудь не узналъ его, не спросилъ: «Ну, каковъ отвѣтъ получили отъ градоначальника?» Во время обѣда, сидя за столомъ въ кухмистерской, онъ смотрѣлъ въ тарелку, не поднимая глазъ и принявъ гордый видъ недоступности, а въ душѣ чувствовалъ себя, какъ провинившійся мальчикъ, и каждую минуту опасался, чтобы кто-нибудь не сталъ разспрашивать его о томъ, чего теперь онъ такъ стыдился. По временамъ ему казалось, что онъ сумасшедшій и что не даромъ нѣкоторые называютъ его психопатомъ, человѣкомъ ненормальнымъ: нормальные люди умѣютъ достигать той цѣли, къ которой стремятся, а онъ за что ни возьмется, все у него не клеится, и, чѣмъ болѣе хитритъ, разсчитываетъ и соображаетъ, тѣмъ вѣрнѣе только самъ себя водитъ за носъ и въ концѣ-концовъ проваливается... Вся жизнь его прошла въ смѣнѣ короткихъ свѣтлыхъ дней, часовъ или даже минутъ необузданныхъ мечтаній, смѣлыхъ замысловъ и надеждъ, во время которыхъ поднималась вся его душевная дѣятельность, тяжелыми днями неудачъ, разочарованія и отчаянія, когда ему хотѣлось бѣжать на край свѣта... И онъ дѣйствительно бѣжалъ въ такіе дни изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Кіевъ, Харьковъ, Одессу, Тифлисъ, а изъ нихъ обратно въ Москву, Петербургъ. Вездѣ онъ давалъ въ редакціи однѣ и тѣ же рукописи, на которыя неизмѣнно получалъ отказы. И только въ одномъ изъ ста случаевъ, когда онъ ужъ очень просилъ редактора какой-нибудь захудалой газетки или журнальчика, его разсказы печатались, но въ такомъ видѣ, что ихъ узнать нельзя было, да притомъ еще и безплатно... А онъ всѣми фибрами своей души жаждалъ не только живого, плодотворнаго дѣла, но и денегъ, въ которыхъ нуждался, и славы, славы—болѣе всего...

Черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки письма градоначальнику, въ одинъ изъ такихъ трудныхъ дней, когда Обуховъ не зналъ, куда бѣжать отъ самого себя, онъ явился вечеромъ къ Калюжному.

Калюжный сидѣлъ, погрузившись въ чтеніе интересной книги. Дверь его комнаты тихонько пріотворилась, и мягкій, изысканно вѣжливый голосъ спросилъ:

— Можно?

— Пожалуйте,—отвѣтилъ Калюжный.

Обуховъ вошелъ, не высоко поднявъ голову, какъ входилъ раньше, а приниженно, съежившись и, не раздѣваясь, заговорилъ тѣмъ же мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— А я къ вамъ по дѣлу... Видите ли, я послѣ завтра уѣзжаю, такъ хотѣлъ дать вамъ одно порученіе...

— Куда уѣзжаете, въ Москву?

— Нѣтъ... На нѣсколько дней, впрочемъ, остановлюсь въ Москвѣ, а потомъ поѣду дальше, хочу въ Саратовъ пробраться.

— Да вы раздѣвайтесь!—пригласилъ Калюжный.

— Я разсчитывалъ только на минутку зайти, — нерѣшительно проговорилъ Обуховъ, снимая, однако, пальто и вѣшая его на вѣшалку.—Хотѣлось передать вамъ одинъ разсказъ, не пристроите ли вы его...

— Ну, а получили вы что-нибудь отъ градоначальника?

— Не стóитъ говорить! Быть такимъ писателемъ, какъ я—это послѣднее дѣло: давно пора бы уже мнѣ оставить блажить... Если я даю вамъ пристроить этотъ разсказъ, такъ только потому, что онъ уже написанъ и хотѣлось бы за него что-нибудь получить... Впрочемъ, виноватъ, я не спросилъ, будетъ ли вамъ это порученіе по душѣ. Говорите, родной, правду, не стѣсняйтесь, если вамъ такая миссія не нравится, то я... Боже меня сохрани! Пусть лучше пропадетъ разсказъ.

Калюжный высказалъ готовность исполнить порученіе.

— Ну, спасибо, спасибо, дорогой! Вы мнѣ окажете этимъ большую услугу. Можетъ быть, вамъ удастся устроить это скорѣе, чѣмъ мнѣ. Вотъ этотъ разсказъ...

Обуховъ сталъ вынимать изъ бокового кармана сюртука бумаги, записную книжку.

— Вотъ тебѣ и на!—воскликнулъ онъ.—Я забылъ его взять. Вынулъ изъ чемодана, бросилъ на столъ, а въ карманъ забылъ положить. Ну, да я вамъ завтра утромъ... Впрочемъ, завтра мнѣ придется цѣлый день бѣгать, а вечеромъ ко мнѣ придутъ упаковщики, буду укладываться. Завтра я долженъ утромъ пойти получить свою пенсію за два мѣсяца: къ Рождеству намъ, знаете, пенсія всегда выдается за два мѣсяца, за декабрь и январь. Стало быть, завтра я буду богатъ. Теперь уже непремѣнно куплю себѣ зимнее пальто, шапку, а то неловко: одѣтъ не по сезону... Право, не знаю, когда бы мнѣ завтра занести вамъ разсказъ... Весь вечеръ уйдетъ на укладыванье.

— Тогда лучше я къ вамъ зайду,—сказалъ Калюжный.

— Голубчикъ, зайдите, если это васъ не затруднитъ! Часовъ этакъ послѣ трехъ я буду уже дома...

— Непремѣнно заверну, — повторилъ Калюжный и, подумавъ, добавилъ: — Такъ-то, значитъ, градоначальникъ не захотѣлъ пособить вамъ?...

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело!—заговорилъ Обуховъ.—Все неудачи, однѣ неудачи—цѣлую жизнь! Обиднѣе всего,

что каждый человѣкъ хоть что-нибудь беретъ за свой трудъ, а я ничего не получаю. Работаешь съ увлеченіемъ, съ любовью, душу вкладываешь въ свое дѣло, а плата за все это—нуль. Мало того, что нуль, а еще непріятности, то-есть настоящій уже минусъ. Выходитъ, что я цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ пишу и все въ убытокъ себѣ!

— Да не всегда же такъ; навѣрное, другія редакціи платили же вамъ хоть что-нибудь?

— Очень, очень мало... почти ничего не платятъ!

— Однако же, сколько вы приблизительно зарабатываете въ годъ?—спросилъ Калюжный, припоминая прежнія слова Обухова о томъ, что будто бы литературная работа даетъ ему, въ среднемъ, рублей по пятидесяти въ мѣсяцъ.

— Большею частью ничего не зарабатываю,—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ Обуховъ.—Рѣдкій годъ что-нибудь выпадетъ... За всю свою жизнь я заработалъ писательствомъ такъ мало, такъ мало, что даже невѣроятно... Вы не повѣрите... Я заработалъ меньше пятидесяти рублей,—почти шепотомъ проговорилъ онъ.

При этомъ нечаянно вырвавшемся откровенномъ признаніи Обуховъ какъ-то съежился и принялъ смиренный видъ человѣка, уличеннаго въ преступкѣ. Но въ то же время онъ сознавалъ, что «проступокъ» свой онъ совершилъ не вслѣдствіе порочности, а подъ давленіемъ какой-то внѣшней силы. Каждую минуту онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ себя во власти этой непреодолимой и непонятной силы, которая цѣлые тридцать пять лѣтъ толкала его въ литературу для того, чтобы такъ безжалостно насмѣяться надъ нимъ. Когда-то, давно, въ бурную эпоху освобожденія крестьянъ, еще юношей, только что поступивъ на службу, онъ напечаталъ въ одной провинціальной газетѣ двѣ-три обличительныя замѣтки—и рѣшилъ, что онъ литераторъ и будетъ литераторомъ до конца дней своихъ, оставаясь пока на службѣ, между прочимъ. Силою своей воли, бурной и горячей, какъ тогдашняя эпоха, онъ внушилъ себѣ эту несчастную мысль, загипнотизировалъ себя и находился въ состояніи гипноза тридцать пять лѣтъ слишкомъ.

— Да, это дѣйствительно обидно—трудиться и ничего не получать,—сказалъ Калюжный и затѣмъ, сообразивъ, какъ Обухову стыдно было сознаться въ этомъ, онъ поспѣшилъ заговорить о другомъ.

Но Обуховъ, охваченный порывомъ откровенности, перебилъ его.

— Не знаю,—сказалъ онъ,—есть ли еще на свѣтѣ другой такой неудачникъ, какъ я. И, замѣтьте, неудачникъ во всемъ—и по службѣ, и въ семейной жизни.

— А все же дослужились до статскаго совѣтника, — замѣтилъ Калюжный.

— Что статскій совѣтникъ! Я бы въ эти годы могъ быть дѣйствительнымъ тайнымъ! Да вѣдь не въ этомъ, не въ чинѣ дѣло, а въ томъ, какъ мнѣ служилось. Сколько непріятностей, интригъ, подвоховъ! Сколько силъ потрачено на борьбу съ ними! А семейная жизнь—вѣдь это сплошной адъ! Жена моя была мой первый врагъ. Она—причина всѣхъ моихъ неудачъ! Она грызла мою голову съ утра до вечера, постоянно держала меня на точкѣ кипѣнія. Могъ ли я въ этомъ состояніи спокойно писать?

— Она раздѣляла ваши литературныя стремленія? — спросилъ Калюжный.

— Она!—воскликнулъ Обуховъ.—Да она понимала въ литературѣ не больше, чѣмъ извѣстное животное въ апельсинахъ! Мы съ нею жили, какъ кошка съ собакою. Скандальное и глупое это было существо. Она была простая, необразованная женщина... Не люблю я теперь и прежде не любилъ свѣтскихъ женщинъ: все у нихъ фальшиво, и потому выбралъ себѣ простую, мѣщаночку, грамотную... Что же вы думаете? До свадьбы она смотрѣла на меня, какъ на какого божка. Я думалъ, она и всегда будетъ относится ко мнѣ съ уваженіемъ. А оказалось, она чуть не на другой день послѣ вѣнчанія заявила, что я не имѣю права ничего требовать отъ нея и даже совѣтовать ей, потому что она равноправна со мною и можетъ дѣлать, что ей вздумается... Согласенъ: она равноправна со мною, но вѣдь она глупа! Стало быть, должна же она слушать того, кто умнѣе ея. Такъ куда тебѣ! Я говорю: черно, она говоритъ: бѣло. А тамъ пошли дѣти. Я по-своему хочу воспитывать ихъ, а она по-своему—и все, замѣтьте, наперекоръ мнѣ. Тутъ ужъ настоящій адъ начался... И все это, голубчикъ, на дѣтяхъ отразилось. Если бы вы видѣли, какія они вышли нервныя, взбалмошныя! Во всемъ она виновата... А жалко дѣтей: ихъ семейная жизнь такъ же неудачна, какъ и моя. И ничего не могу придумать для нихъ!...

Обуховъ замолчалъ. Оба они задумчиво ходили по комнатѣ. Наступившую тишину нарушалъ только звукъ ихъ шаговъ, да тиканье часовъ-будильника на столѣ.

Подали самоваръ. Стали пить чай. Разговоръ принялъ другое направленіе. Было уже часовъ 10, когда Обуховъ ушелъ отъ Калюжнаго.

X.

Когда на слѣдующій день Калюжный пришелъ къ Обухову въ четвертомъ часу, то увидѣлъ у него въ номерѣ такую картину. Посрединѣ комнаты стоялъ, занимая половину номера, огромный деревянный ящикъ. Въ ящикѣ виднѣлось сѣно и около него на полу тоже лежала куча сѣна. Тутъ же стояли два человѣка высокаго роста въ черныхъ блузахъ и въ сапогахъ съ длинными голенищами, снимали висѣвшія на стѣнѣ фотографическія карточки въ рамкахъ, долго вытирали ихъ тряпками, иронически посматривая другъ на друга, потомъ заворачивали въ газетную бумагу и торжественно опускали въ пустой ящикъ. Туда же они уложили столовую лампу, нѣсколько книжекъ и альбомъ. Больше нечего было класть. Всѣ эти вещи свободно могли бы помѣститься въ небольшой ручной корзинѣ. Въ ящикѣ оставалось столько незанятаго мѣста, что въ немъ можно бы улечься не только самому Обухову, но и еще человѣкамъ шести такого же роста, какъ онъ. Упаковщики стали пустое мѣсто въ ящикѣ закладывать сѣномъ. Обуховъ важно ходилъ около нихъ, довольный, что у него сборы въ дорогу дѣлаются такъ же, какъ и у другихъ людей. Калюжный смотрѣлъ, какъ упаковщики заколачивали досками и гвоздями пустой ящикъ.

Когда работа была окончена, Обуховъ, по случаю получки пенсіи, щедро наградилъ упаковщиковъ, и они ушли съ тою же иронической улыбкою.

— Зачѣмъ вы брали этихъ людей? — спросилъ Калюжный.— Можно бы безъ нихъ обойтись. Вѣдь это лишніе расходы.

— Не люблю я возиться. Да и куда мнѣ одному съ этимъ управиться?—сказалъ онъ, указывая взглядомъ на огромный ящикъ, и продолжалъ мѣрно ходить по комнатѣ.

Въ его фигурѣ и выраженіи лица было столько достоинства и важности, что, казалось, это совсѣмъ не тотъ Обуховъ, который вчера смотрѣлъ такимъ смиреннымъ и жалкимъ неудачникомъ.

— А какую, батенька, купилъ я сегодня обновку себѣ!—сказалъ онъ, подходя къ вѣшалкѣ и хватаясь за полу новой шубы.

Калюжный послѣдовалъ его примѣру и сталъ разсматривать мѣхъ шубы. Онъ былъ, правда, красивъ, но до того плохъ, что шерсть его при самомъ слабомъ прикосновеніи къ ней пальцами выпадала.

— Чѣмъ не шуба? — сказалъ Обуховъ. — А заплатилъ всего 30 рублей!... Дешевизна!... А шапка, посмотрите, какая!

Онъ надѣлъ новую мѣховую шапку и шубу, важно прошелся въ нихъ по комнатѣ, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и проговорилъ:

— Не правда ли, это будетъ посолиднѣе, чѣмъ въ осеннемъ пальто?

Потомъ снялъ шубу и шапку и бережно опять повѣсилъ на прежнее мѣсто.

Калюжный напомнилъ о разсказѣ, за которымъ пришелъ. Обуховъ отдалъ ему тетрадку и сказалъ небрежно:

— Если пристроите, буду благодаренъ, а если нѣтъ, то я не очень и нуждаюсь въ этомъ. По пріѣздѣ въ Саратовъ я сообщу вамъ свой адресъ и вы извѣстите меня о результатѣ вашихъ хлопотъ.

— Конечно!—и Калюжный сталъ прощаться.

Обуховъ обнялъ и поцѣловалъ его. Они разстались.

XI.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Обухова Калюжный получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„Москва, 8-го декабря 1899 г.

«Дорогой и многоуважаемый собратъ Иванъ Андреевичъ! не даромъ существуетъ поговорка: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Я говорилъ вамъ, уѣзжая изъ Петербурга, что разсчитываю пробыть въ Москвѣ дня три и потомъ отправиться въ Саратовъ. Теперь раздумалъ: въ Саратовъ совсѣмъ не поѣду, а въ Москвѣ останусь до весны, потому что она на этотъ разъ оказала мнѣ болѣе гостепріимный пріемъ, чѣмъ я ожидалъ, и съ моей стороны было бы неблагодарностью не цѣнить этого; притомъ же я всегда говорилъ, что для меня, гдѣ хорошо, тамъ и отечество... Дѣла мои идутъ, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. И за то слава Богу.

Пишите мнѣ немедленно по прилагаемому ниже адресу, удалось ли вамъ пристроть мою рукопись и вообще, каковы результаты вашихъ хлопотъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ письма.

Вашъ собратъ по перу А. Артемьевъ (А. Обуховъ)».

Только за два дня до полученія этого письма Калюжному удалось отдать рукопись Обухова одному редактору. Отвѣтъ обѣщали прислать ему черезъ недѣлю. Онъ рѣшилъ ждать отвѣта для того, чтобы сообщить его Обухову, а до тѣхъ поръ не писать ему. Но прошла недѣля, а Калюжный не получалъ изъ редакціи письменнаго отвѣта. Поэтому онъ самъ зашелъ въ редакцію. Редакторъ извинился, что онъ не прочелъ рукописи, такъ какъ въ это время ему неожиданно пришлось куда-то уѣхать на нѣсколько дней, и просилъ подождать еще недѣлю. Калюжный согласился и, возвратившись домой, сейчасъ же обо всемъ написалъ Обухову. Но только что онъ успѣлъ бросить въ почтовый ящикъ письмо, какъ почтальонъ принесъ ему другое посланіе отъ Обухова, на этотъ разъ заказное. Вотъ что онъ писалъ:

„Москва, 17 декабря 1899 г.

«Многоуважаемый Иванъ Андреевичъ! Не могу понять, почему вы такъ долго не отвѣчаете мнѣ о судьбѣ моей рукописи. Неужели у васъ не найдется четверти часа свободнаго времени, чтобы удѣлить его на письмо вашему покорному слугѣ, тѣмъ болѣе, что я просилъ васъ въ своемъ письмѣ отъ 8-го декабря писать *немедленно?* Я отдалъ вамъ рукопись потому, что *считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ.* Думаю, что я не ошибся въ васъ, но не могу объяснить себѣ вашего молчанія. Если не хотите писать, то, по крайней мѣрѣ, *немедленно возвратите мою рукопись:* я не желаю, чтобы она пропала, въ особенности потому, что *другой рукописи этого разсказа у меня не имѣется.* Вы сами литераторъ и должны понимать, какъ дороги мнѣ мои творенія. Еще разъ убѣдительнѣйше, усерднѣйше и покорнѣйше прошу васъ, отвѣчайте или высылайте рукопись *немедленно,* такъ какъ я, вопреки предположеніямъ, высказаннымъ въ предыдущемъ письмѣ, въ скоромъ времени долженъ выѣхать изъ Москвы. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ *отвѣта или рукописи.*

Вашъ собратъ по перу А. Артемьевъ (А. Обуховъ»).

Не совсѣмъ понравилось Калюжному это нетерпѣливое письмо съ многими подчеркиваніями и съ выраженіемъ: «я считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ». Отвѣчать на это посланіе нечего было, такъ какъ въ только что отосланномъ письмѣ высказано уже все то, что можно было. И Калюжный рѣшилъ не писать Обухову до полученія отъ редактора окончательнаго отвѣта.

Прошла еще недѣля. Калюжный готовился отправиться въ редакцію, какъ почтальонъ принесъ ему третье письмо Обухова, открытое, исписанное очень мелкимъ, но четкимъ почеркомъ.

«Милостивый государь Иванъ Андреевичъ! Еще разъ, послѣдній разъ прошу васъ: если вы не желаете, чтобы я пересталъ считать васъ честнымъ человѣкомъ, то немедленно по полученіи этого письма *вышлите обратно мою рукопись, отвѣтственность за утрату которой падаетъ на васъ.* Высылайте на мое имя въ Кіевъ. (Далѣе слѣдовалъ подробный адресъ) и затѣмъ между нами все будетъ кончено, къ величайшему моему удовольствію. А. Артемьевъ (А. Обуховъ)».

Прочитавъ это письмо, Калюжный поспѣшилъ въ редакцію, взялъ обратно рукопись, которая была уже прочитана и забракована редакторомъ, и, возвратившись домой, отослалъ ее Обухову при слѣдующемъ письмѣ:

„С.-Петербургъ, 28 декабря 1899 г.

«Согласно вашему желанію, посылаю вамъ, Александръ Кирилловичъ, вашу рукопись, которую я только сегодня получилъ изъ редакціи Х. Редакторъ не призналъ ее удобною для напечатанія. Въ другую редакцію не отдаю потому, что вы настоятельно требуете возвратить ее вамъ. Отъ души желаю вамъ всего хорошаго, а, главное, побольше душевнаго спокойствія. И. Калюжный».

XII.

Осенью Обуховъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ, но уже не навѣщалъ Калюжнаго. Онъ нашелъ другое лицо, которому въ минуты откровенности повѣдалъ свое горе и раскрывалъ свои душевныя раны. Все чаще онъ жаловался на неудачи, на то, что литературу заполонили женщины, а противъ него какъ будто сговорились, критики и рецензенты замалчиваютъ его, а редакторы упорно отказываются печатать; даже свои братья, беллетристы, относятся къ нему враждебно, какъ къ сопернику...

Ѳ. Тищенко.

ЭЛЛЕНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ВЕЙДЕНЪ.

Габріэли Рейтеръ.

Дневникъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Фрицъ Эрдмансдёрферъ отправился на нѣсколько дней въ Гарцъ. Онъ поступалъ такъ, время отъ времени, когда чувствовалъ, что необходимо сдѣлать передышку; такое чувство всегда являлось у него какъ разъ въ надлежащій моментъ. Приходилось быть благоразумнымъ. Онъ извѣщалъ своего замѣстителя и уѣзжалъ. Часто даже компаньоны по обѣду не знали, что Фрицъ уѣхалъ изъ Берлина, и думали просто, что у него набралось много тяжелыхъ больныхъ. Практика всегда доставляла ему много хлопотъ. Но онъ стойко выдерживалъ работу и суету большого города и терпѣливо переносилъ многоразличныя жалобы своихъ паціентокъ. А это въ сущности было самое главное. Спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ самъ не долженъ быть нервнымъ.

И вотъ, наконецъ, онъ бродитъ по лѣсамъ у подножія Брокена. Уже въ день пріѣзда путешественникъ нанесъ первый визитъ старичку въ облачномъ покровѣ. Отели, палатки, автоматическіе аппараты и объявленія, которые старикъ терпѣливо и равнодушно несъ на своей головѣ, какъ великанъ побрякушки, навѣшенныя глупыми дѣтками, стояли пустыми и до смѣшного ненужными среди разгулявшагося весенняго вѣтра, шумѣвшаго на просторѣ по голымъ вершинамъ. Фрицу хотѣлось пробраться подальше, дойти до Обергарца; съ этой цѣлью онъ всталъ пораньше утромъ. Туманъ подымался изъ долинъ и длинными полосами тянулся по заросшимъ елями склонамъ горъ. Солнце поднялось надъ утренними испареніями, и блѣдные лучи пронизали молочно-бѣлыя волны. По опушкѣ блѣдно-зеленой лужайки маленькими кучками цвѣли желтые баранчики.

Фрицъ повернулъ по сырой, покрытой гнилымъ листомъ дорож-

кѣ, причудливо извивавшейся по склону горы и медленно приближавшей къ вершинѣ. Онъ представлялъ себѣ, какъ красиво смотрѣть со скалистой верхушки, выступъ которой виднѣлся еще снизу, изъ лѣсу, на побѣду солнца надъ туманами. Развѣсистые буки простирали надъ дорогой свои усѣянныя почками вѣтви. Свѣжіе листочки то здѣсь, то тамъ уже сбросили покровъ и точно зябнущія свѣтло-зеленыя бабочки покачивались на серебристо-сѣрыхъ вѣткахъ. По обрывистому краю тропинки торчали корни, увѣшанные сіяющимъ росою сѣроватымъ мохомъ.

Фрицъ Эрдмансдерферъ глядѣлъ вокругъ, глубоко вдыхалъ воздухъ и радовался. Онъ всегда поддерживалъ въ себѣ спокойную любовь къ природѣ. Ему казалось, что она должна благотворно дѣйствовать на культурнаго человѣка. Онъ соображалъ, что это за птичка поетъ. Можетъ быть, дроздъ? Здѣсь не особенно много пѣвчихъ птицъ. Буки скоро смѣнились елками и соснами, гдѣ водился только клёстъ. Клёстъ?! Фрицъ вдругъ разсмѣялся отъ изумленія; онъ остановился на мѣстѣ и сталъ прислушиваться; потомъ медленнымъ движеніемъ снялъ шляпу.

Сверху несся къ нему торжественно звучавшій женскій голосъ:

Прославь, душа моя, Творца;
Его хвалить я буду до могилы;
Пока во мнѣ еще есть жизни силы,
Пѣть буду Бога и Отца!

Фрицъ вышелъ съ тропинки на обрывистый, усѣянный камнями откосъ, откуда круто подымалась вершина, громоздя одну на другую неподвижныя груды скалъ, изъ расщелинъ которыхъ ползли скрюченныя, растрепанныя вѣтромъ ели. А высоко-высоко, наверху, на гранитной скалѣ, въ дымкѣ бѣлаго, прозрачнаго тумана, окутавшаго голубоватую гранитную глыбу, стояла поющая дѣвушка, посылая черезъ лѣса и долины во всѣ концы міра свой ликующій призывъ.

«И это еще возможно! Еще случаются подобныя встрѣчи», подумалъ Фрицъ. Онъ положительно ощущалъ, что всѣ его чувства выбиты изъ обычной колеи и въ стремительномъ восторгѣ несутся къ вершинѣ, гдѣ стоитъ, свободная какъ вѣтеръ, беззаботная дѣвушка.

Она не видала его. Ему казалось святотатствомъ нарушить ея одиночество.

Дѣвушка замолчала и спокойно смотрѣла кругомъ себя. Вдругъ она замѣтила его на откосѣ и пустила по направленію къ нему веселый припѣвъ, который подхватило и разнесло эхо.

— Холдріо-хо-хо-хойхо!—отвѣтилъ онъ ей, и съ минуту они, какъ мячами, перекидывались возгласами.

Стало свѣжо; небо заволокло тучами: надвигался дождливый день.

— Останьтесь внизу, пока я сойду; здѣсь слишкомъ мало мѣста для двоихъ!—закричала дѣвушка.

— Не могу ли я вамъ помочь?—отвѣтилъ онъ и получилъ въ награду ясную улыбку.

Минуту спустя, дѣвушка исчезла между скалами. Затѣмъ она снова вынырнула, потомъ опять скрылась, пробираясь по тропинкѣ отъ утеса къ утесу. Онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу.

Благоговѣйное настроеніе исчезло, уступивъ мѣсто любопытству и изумленію при видѣ ея прыжковъ и карапканья.

Когда они встрѣтились на полдорогѣ, онъ увидалъ блѣдное, дрогнущее существо, съ мокрыми отъ тумана, короткими, черными волосами, въ безпорядкѣ свѣсившимися на безкровное лицо. Она смотрѣла на него слегка насмѣшливо и, гордо поднявъ голову, хотѣла пройти мимо.

Онъ былъ нѣсколько разочарованъ при видѣ вздрагивающей, высокомѣрной дѣвушки; пропустилъ ее мимо, но потомъ вдругъ оглянулся и закричалъ ей вслѣдъ:

— Барышня!—и немедленно страшно разсердился на себя за банальный возгласъ.

Съ быстротою молніи оглянулась она назадъ, скорчила невѣроятную гримасу, показала ему носъ и, подобравъ платье, быстро помчалась напрямикъ по спуску, гдѣ и скрылась въ лѣсу.

Пораженный и огорченный стоялъ Фрицъ, продолжая глядѣть ей въ слѣдъ, несмотря на то, что она быстро скрылась изъ глазъ, и ему слышенъ былъ только трескъ сухихъ сучьевъ и шумъ скатывающихся у нея изъ-подъ ногъ камней, точно по кустарнику неслось спугнутое животное.

Вотъ начало удивительной исторіи, дальнѣйшее теченіе которой подробно изложено въ дневникѣ Элленъ фонъ-деръ-Вейденъ.

Но когда Элленъ обдумываетъ теперь отдѣльные этапы своего стремительнаго полета къ счастію, ей кажется скучнымъ описывать ихъ—и они представляются ей даже совсѣмъ не удивительными,—только конецъ до сихъ поръ сохраняетъ въ себѣ что-то невѣроятно неправдоподобное.

Черезъ шесть недѣль Элленъ фонъ-деръ-Вейденъ, дѣвушка, пѣвшая на склонѣ Брокена, стала женою доктора Эрдмансдёрфера изъ Берлина . . . . . .

Она сидитъ за тонконогимъ, блестящимъ, новенькимъ и, главное,

очень моднымъ письменнымъ столомъ, пощипываетъ кончиками пальцевъ губы и смотритъ въ окно на дворъ съ массою оконъ на противоположной стѣнѣ. Она принимается считать удары, которые съ тоскливымъ однообразіемъ производятъ по большому ковру двѣ дѣвушки, уже давно выколачивающія его, и ей представляется, что рука Провидѣнія неутомимо и однотонно бьетъ несчастное, безотвѣтное существо.

Вотъ остановка; а тамъ снова: бумъ-бумъ-бумъ-бумъ-бумъ. . .

. . . . . .

Помилосердуйте! Это невыносимо; я съ ума сойду!...

И такъ—въ самой покойной комнатѣ, куда не доносится уличный шумъ, «гдѣ ты можешь мечтать о лѣсной тишинѣ», какъ говоритъ Фрицъ.

Пѣвица въ верхнемъ этажѣ начинаетъ свои колоратуры... Я прекрасно знаю мѣсто, гдѣ она собьется... Ну, такъ и есть...

Ежедневно переживать страданія совершенно посторонняго человѣка, видѣть, какъ его воля борется съ отсутствіемъ способностей и не можетъ побѣдить... Мнѣ кажется, когда она, наконецъ, въ первый разъ пропоетъ безъ ошибки, я пошлю ей букетъ...

Да, нечего сказать, лѣсная тишина... Но будь же чистосердечна, Элленъ; послѣднее время ты не могла больше переносить лѣсной тишины, любимаго лѣсного уединенія... Оттого и случилось, что...

Письмо къ Терезѣ Леберъ.

Берлинъ 10 іюня.

«Тези, сознайся, ты была разочарована. Вы всѣ были разочарованы. Вмѣсто лохматаго великана, съ пламенными глазами, вмѣсто трубящаго въ рогъ лѣсничаго... Просто-напросто: докторъ Фрицъ Эрдмансдёрферъ, врачъ-практикантъ изъ Берлина. Я, какъ сейчасъ помню, слова папы, послѣ того, какъ Эрдмансдёрферъ переговорилъ съ нимъ:

— Какъ хочешь, Элленъ, а тебѣ тамъ не мѣсто. Я сказалъ ему, чтобы онъ проваливалъ ко всѣмъ чертямъ, въ свой одержимый бѣсомъ безвкусицы Берлинъ.

И физіономію, какую онъ скроилъ послѣ моего отвѣта: «Но я хочу за него замужъ, папа!»

Онъ вынулъ трубку изо рта, вытянувъ его предварительно сердито впередъ, высоко поднялъ брови, свои прелестныя, чувственныя брови, которыя я такъ люблю и, конечно, выпалилъ мнѣ прямо въ лицо одну изъ своихъ циничныхъ фразъ, которыхъ я такъ не люблю; тебѣ онѣ хорошо извѣстны,—что-то о любопытныхъ жен-

щинахъ, не желающихъ подождать... А въ заключеніе: «Не воображай, дитя, что ты его любишь! Онъ слишкомъ старъ для тебя!»

— Сорокъ, папа! Какая же это старость! Вѣдь и я ужъ не молоденькая.

Онъ расхохотался, какъ всегда хохочетъ на мои глупости.

— Я думалъ, тебѣ нравится помощникъ лѣсничаго, съ которымъ вы, дѣвчонки, всегда дурачились.

— Папа, вѣдь ему ты не отдалъ бы своей дочери?

— Съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ берлинцу.

— Папа, но меня привлекалъ только его рогъ; боюсь, что герой нашъ не умѣетъ грамотно писать

— О, грамотно писать г-нъ Фрицъ Эрдмансдёрферъ навѣрно умѣетъ; если тебѣ этого достаточно...—сердито пробормоталъ мой милый, дорогой папа, который теперь уже такъ безгранично гордъ своимъ зятемъ.

А я счастливая женщина, Тези... Даже смѣшно, я такъ безгранично счастлива, какъ только можно было мечтать дѣвушкѣ. Ну, положимъ... день свадьбы и все, что съ нимъ связано, конечно, представляетъ для каждой дѣвушки разочарованіе. Ожидаешь, что тебя подымутъ отъ земли и вознесутъ въ чудный храмъ для мистическаго богослуженія. И въ концѣ-концовъ все оказывается нѣсколько смѣшнымъ и очень мучительнымъ. Не хочу выносить сора изъ избы, дорогая Тези, я, вѣдь, замужняя женщина.

Школа брака!... Ужъ наставникъ-то у меня несомнѣнно есть: Фрицъ каждый день наставляетъ меня; мнѣ многому придется учиться, чтобы угодить ему.

Но вотъ потѣха: здѣсь каждый долгомъ считаетъ спросить меня: «Вы, конечно, очень довольны, что попали въ Берлинъ? Гарцъ даетъ такъ мало впечатлѣній»!

Тези, а весенніе вечера на лужайкѣ, позади милаго, стараго лѣсного домика; запахъ свѣжей березки, папины розы въ палисадничкѣ, за которыми онъ ухаживаетъ съ трогательной заботливостью... А наши покрытые инеемъ лѣса, наши обледенѣлыя скалы, сіяющія въ тысячѣ переливовъ! Помнишь, какъ въ метель и вьюгу твоя мамочка пришла къ намъ изъ деревни съ фонарикомъ въ рукахъ, чтобы почитать папѣ вслухъ; лихо досталось тогда новому направленію, новымъ писателямъ и художникамъ! Хотѣла бы я, чтобы всѣ берлинцы вмѣстѣ обнаружили столько остроумія, сколько извергаетъ его въ одинъ вечеръ папа, когда его задѣнетъ за живое...

Здѣсь папу еще уважаютъ; хотя уже никто не покупаетъ больше его книгъ. Когда меня представляютъ, какъ m-me Эрдмансдёрферъ,

то всегда прибавляютъ: «Дочь стараго совѣтника фонъ-деръ-Вейдена». Затѣмъ немедленно слѣдуетъ вопросъ, почему папа удалился отъ міра сего. А я не знаю, что отвѣчать.

Недавно я слышала, какъ одна дама сказала за моей спиной какому-то господину: «Ахъ, онъ еще живъ? а я думала, что его уже давно нѣтъ на свѣтѣ».

На что господинъ отвѣтилъ: «Вы правы, онъ уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ умеръ для насъ».

Господинъ оказался «извѣстнымъ критикомъ». Что-жъ? для нихъ, пожалуй...

А я лично, Тезичка, до сихъ поръ еще живу среди васъ. Здѣсь все какое-то непривычное: иной разъ мнѣ кажется, что я на маскарадномъ балу или играю на сценѣ среди чужихъ комнатъ, гдѣ только на время поставлена чужая мебель. Она даже пахнетъ магазиномъ, и ящики съ трудомъ выдвигаются.

На-дняхъ Фрицъ разлилъ кофе на новую скатерть и разсердился; онъ не могъ понять, какъ можно при этомъ смѣяться. Скатерть замыли, но на ней осталось пятно. Теперь я спокойно могу употреблять ее, не опасаясь каждую минуту испортить. Право, Тези, когда я остаюсь одна, меня пугаетъ наша мебель. Въ ея блескѣ и роскоши есть что-то угрожающее. Она стоитъ вокругъ меня, какъ символъ новой жизни, къ которой я не знаю какъ приступиться. Само собой разумѣется, что я боюсь своей прислуги. Представь себѣ, она—«совершенство». Подумай только, какое счастіе хоть въ чемъ-нибудь быть совершенствомъ! Просыпаться утромъ съ сознаніемъ: «я—совершенство»! А вечеромъ вытянуться въ постели и закрыть глаза съ мыслью: «сегодня я опять была совершенствомъ», и такъ завтра, и послѣ завтра. Развѣ это не завидно?... Знаешь ли, я чувствую антипатію къ «совершенствамъ». Я отъ души радуюсь, когда удается открыть какой-нибудь недостатокъ въ Фрицѣ. Ну, на сегодня довольно. Тезичка, Терезочка, Розочка, душа моя, когда ты пріѣдешь? Помнишь, ты обѣщала навѣстить мое молодое хозяйство. Только неблагородные люди не исполняютъ даннаго слова! Тези, мы перевернемъ Берлинъ вверхъ дномъ. Вдвоемъ—весь Берлинъ! Ахъ, Тезичка, тебѣ и во снѣ не снилось такой ужасающей громады, какъ этотъ Берлинъ! Я радуюсь при мысли о тебѣ, моя маленькая, миленькая, вкусненькая, веселенькая Тезичка! Радуюсь! Радуюсь! Привези мнѣ съ собой буковыхъ вѣтокъ и розъ изъ папинаго садика! Много, много! Цѣлую кучу!

Твоя Элленъ.

Тезичка должна пріѣхать. Должна! Я не оставлю ея мать ни на минуту въ покоѣ. Она нужна мнѣ. Иначе я взбѣшусь съ тоски. Богъ мой, передъ глазами сѣрый дворъ съ массою кухонныхъ оконъ и кухоннымъ смрадомъ... Фрицъ удивляется, что у меня нѣтъ аппетита. Какой тутъ аппетитъ, когда съ утра носомъ чуешь, что будутъ ѣсть многочисленные обитатели дома... Когда на улицѣ свѣтитъ солнце, такъ что накаляется мостовая, ко мнѣ всетаки не закрадывается ни одного луча, и только гнетущая жара проникаетъ сквозь спущенныя жалюзи, томитъ и повергаетъ въ дурное настроеніе духа; это какая-то сухая, безплодная городская жара. Зато шумъ проникаетъ ко мнѣ безпрепятственно: трескъ, звонъ, дребезжанье, топотъ и шарканье тысячъ ногъ, ежедневно спѣшащихъ мимо оконъ, назойливо врываются ко мнѣ. Въ полдень, когда суета достигаетъ своего апогея, я долго стою и наблюдаю, какъ двойною струей стремится человѣческій потокъ... Иногда это развлекаетъ; но чаще на меня нападаетъ неопредѣленный страхъ передъ тьмой мыслей и ощущеній, волнующихъ тѣхъ людей, которые кишатъ тамъ пестрыми пятнами, мелькая въ яркихъ лучахъ солнца.

Когда Фрицъ, утомленный и блѣдный, возвращается изъ клиникъ, онъ завидуетъ, что я могу сидѣть уютно въ прохладной комнатѣ. Мнѣ становится стыдно, и тогда я горячо люблю его, удивляюсь его усердію и добросовѣстности. Ему это нравится.

Завоевать себѣ въ Берлинѣ такую практику чего-нибудь да стоитъ. Нѣтъ, я серьезно думаю, что у меня необыкновенный мужъ.

Только иногда онъ меня совсѣмъ не понимаетъ, и вообще не знаетъ, какъ я смотрю на вещи. Настроеніе ему не доступно. Мы еще до нѣкоторой степени чужды другъ другу. Въ нѣжныя минуты, когда голова моя покоится у него на груди, и онъ задумчиво поглаживаетъ мнѣ волосы, я спрашиваю иногда:

— О чемъ ты думаешь?

Онъ этого терпѣть не можетъ.

— Пустяки, ни о чемъ...

А мнѣ бы хотѣлось знать. Или, если мысль неуловима, то почувствовать ее. Такъ ли онъ чувствуетъ, какъ я? Можетъ быть, слабѣе, или сильнѣе? Можетъ быть, совсѣмъ по другому? Это ужасно— быть такъ близко другъ къ другу, составлять одно и въ то же время два чуждыхъ другъ другу существа. Даже въ этомъ случаѣ быть одинокой. Непріятное одиночество—мучительное.

Такого ощущенія у него, вѣроятно, нѣтъ.

Несомнѣнно, онъ болѣе счастливъ въ тѣ минуты, когда цѣлуетъ меня. Я хочу сказать, что онъ наслаждается поцѣлуями, какъ хо-

рошимъ, изысканнымъ блюдомъ, а мнѣ всегда чего-то недостаетъ, чего-то таинственнаго, неуловимаго.

Я всегда спрашиваю себя: «Испытываешь ли ты высшее блаженство, какое способна испытать?» Затѣмъ является страхъ и отчаяніе: «Если ты этого не испытываешь и не любишь его, какъ должно любить, то вся твоя жизнь загублена».

Когда я хочу подѣлиться съ нимъ своими горестями—вѣдь долженъ же онъ знать, что со мной дѣлается—онъ улыбается и полусмущенно, полууспокоительно говоритъ:

— Не мучь себя, объ этомъ не стоитъ безпокоиться.

— О чемъ же стоитъ безпокоиться?...

Клиника! Вотъ это чего-нибудь стоитъ! И какъ Фрицъ гордится своимъ царствомъ. Онъ не могъ успокоиться, пока я не увидала клиникъ—пока не увидала его въ клиникахъ.

Въ длинномъ, бѣломъ балахонѣ онъ показался мнѣ совсѣмъ чужимъ, когда на слѣдующій день по пріѣздѣ я заѣхала за нимъ. Мнѣ прежде всего хотѣлось въ операціонный залъ; но меня не пустили. Фрицъ предусмотрительно держалъ ручку двери. Дѣвушка пронесла тазъ съ водой, гдѣ плавали куски окровавленной ваты. Я вытянула шею—мнѣ хотѣлось испытать на себѣ весь ужасъ. Фрицъ прошепталъ мнѣ:

— Ты ведешь себя, какъ подростокъ, Элленъ!

Онъ представилъ мнѣ надзирательницъ и сидѣлокъ; затѣмъ повелъ въ палаты, гдѣ лежали менѣе трудно больные. Я хорошенько не знала, о чемъ съ ними говорить, и старалась возможно любезнѣе улыбаться. Одна поразительно красивая дама съ любопытствомъ оглядѣла меня. Когда мы отошли, она протянула ко мнѣ руки и закричала:

— Ахъ, ради Бога, приходите поскорѣе опять!

На глазахъ у нея показались слезы.

— Она страшно тоскуетъ о дѣтяхъ,—прошептала надзирательница, когда мы вышли въ другую комнату.—По утрамъ у нея подушка вся мокрая отъ слезъ.

Фрицъ покачалъ головой.

— Надо будетъ ее приструнить; иначе дѣло не пойдетъ на ладъ. Мы ни на шагъ не подвинемся впередъ.

— Но, Фрицъ, вѣдь, это такъ естественно,—рѣшилась я замѣтить.

— Дитя, человѣкъ долженъ держать себя въ рукахъ.

— Послушай, я бы съ ума сошла отъ страху въ вашей клиникѣ. Увѣряю тебя; я бы сбѣжала.

— Глупышка, смотри, чтобы тебя не услыхали мои больныя.

— Несчастная дама еще долго пробудетъ здѣсь?

Фрицъ задумчиво кивнулъ головой. Вообще, онъ былъ разсѣянъ или вѣрнѣе, весь поглощенъ дѣломъ и поэтому часто не отвѣчалъ на мои многочисленные вопросы. По временамъ онъ отходилъ съ надзирательницей въ сторону и подолгу разговаривалъ съ ней.

Такимъ онъ мнѣ очень нравился. Было что-то царственное въ покойной увѣренности, съ какой онъ отдавалъ приказанія.

Онъ желалъ, чтобы я взяла на себя нѣчто вродѣ верховнаго надзора. Богъ мой, развѣ я рѣшусь когда-нибудь возразить ихъ энергичной надзирательницѣ...

— Ахъ, Фрицъ, я боюсь, что бы у тебя не пропали иллюзіи...

Въ общемъ онъ не плохого мнѣнія о людяхъ, но думаетъ, что все зло въ ложномъ воспитаніи.

Когда я еще разъ сопровождала Фрица въ клиники, то захватила для молодой дамы нѣсколько цвѣтковъ. Фрицъ занимался дѣлами, а мы болтали. Она показала мнѣ портреты своихъ дѣтей. Ея мужъ—директоръ большой машиностроительной фабрики; живутъ они, повидимому, прекрасно. Какъ бы она могла быть счастлива, а вотъ должна лежать здѣсь.

Я старалась утѣшить бѣдняжку.

Ея прекрасные каріе глаза смотрѣли на меня съ выраженіемъ, раздиравшимъ душу.

— Я никогда не поправлюсь,—быстро шептала она.—Никогда, я знаю. Докторъ не хочетъ сказать мнѣ этого прямо. Все было напрасно, всѣ ужасныя страданія... Знаете, ужасны не одни страданія—ужасна нравственная мука... постоянно переходить изъ рукъ въ руки...

Она содрогнулась и уткнула голову въ подушку.

Я сидѣла и старалась себѣ представить, что переиспытала несчастная женщина, и я поняла ее.

Деликатное, нѣжное существо. Такая distinguée и такая безпомощная...

Я внутренно содрогнулась.

— Я бы этого не вынесла. Лучше претерпѣть все, что посылаетъ судьба. Только не такой ужасъ!—заявила я рѣшительно.

Она подняла голову и поглядѣла на меня.

— Ахъ, вы еще такъ недавно замужемъ, вы не понимаете...— пробормотала она, и все ея милое личико исказилось отъ муки.—

Если я не поправлюсь, все пропало, все!—вдругъ простонала она и принялась всхлипывать; плачъ перешелъ подъ конецъ въ какое-то звѣриное рычаніе.

Я пробовала обнимать ее, цѣловала, гладила—она отталкивала меня прочь. Я подбѣжала къ звонку и позвонила; вошла надзирательница, сдѣлала строгое лицо и разбранила молодую женщину, какъ маленькаго раскапризничавшагося ребенка.

Больная кусала губы и смотрѣла на надзирательницу съ выраженіемъ ненависти и отвращенія; она вся поблѣднѣла отъ усилія овладѣть собою. Мнѣ было страшно жалко, что я позвонила.

Надзирательница увела меня прочь. Пришелъ Фрицъ.

— Что случилось?

— Опять одинъ изъ ея обычныхъ припадковъ,—сказала надзирательница такимъ тономъ, точно дѣло шло о выходящемъ изъ ряда вонъ капризѣ.

Фрицъ вздохнулъ.

— Зайду къ ней еще на минутку.

Онъ скоро вернулся; мы молча спустились по лѣстницѣ.

— Фрицъ, я тутъ ни при чемъ,—робко заговорила я.

— Знаю, знаю,—пробормоталъ онъ. — Мы съ ней совершенно безсильны. Если никого не пускать, она изнываетъ отъ скуки; допустишь посѣтителей,—она возбуждается до послѣдней возможности. Совершенно безнадежный случай.

— Фрицъ, развѣ она дѣйствительно не можетъ поправиться?

Фрицъ пожалъ плечами. Онъ не хотѣлъ говорить.

— Знаешь, дитя, поговоримъ о другомъ.

Я пробовала перемѣнить разговоръ, но дѣло не шло на ладъ.

Между тѣмъ день былъ чудный; все сіяло жизнью, блескомъ, красками; могло бы быть такъ восхитительно! Ѣхать съ любимымъ человѣкомъ въ открытомъ экипажѣ Подъ Липами! Мы сдѣлали большой крюкъ, потому что Фрицу хотѣлось подышать еще свѣжимъ воздухомъ; проѣхали черезъ Бранденбургскія ворота въ Тиргартенъ. Но меня ничто не радовало. Я все время слышала отчаянные крики больной женщины.

Я старалась себѣ представить, каковы испытываемыя ею боли, и, наконецъ, ощутила ихъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Меня это совсѣмъ разстроило.

Фрицъ разсердился и принялся бранить меня.

— Если ты будешь волноваться, я не возьму тебя больше въ клиники. Я желаю имѣть здоровую, веселую жену; понимаешь? Иначе

мнѣ не зачѣмъ было вывозить тебя изъ Гарца. Истеричекъ у меня и въ Берлинѣ достаточный выборъ.

Я обидѣлась, и мы почти серьезно поссорились. Онъ не смѣетъ запрещать мнѣ гуманныя чувства.

Утромъ я едва дождалась, чтобы Фрицъ ушелъ. Скорѣй маршъ въ дорогу, къ дѣткамъ г-жи Рендель, чтобы принести ей свѣжій поцѣлуй. Понятно, ошиблась конкой и была очень рада, когда доѣхала до извозчичьей биржи. Конокъ я никогда не постигну; на это Фрицъ пусть не надѣется.

Шумный домъ, далеко въ западномъ концѣ Берлина. Грандіозныя мраморныя колонны, лавровыя деревья внизу лѣстницы, золотыя перила—аляповато. Прявда, г-жа Рендель не сама строила домъ, даже не мужъ ея.

Я застала дѣтей не однихъ; въ дѣтской была дама, представившаяся мнѣ, какъ другъ дома; она поила дѣтей шоколадомъ. Дѣти были такъ увлечены этимъ занятіемъ, что не хотѣли ничего слышать о матери. Бонна, повидимому, обидѣлась, когда я сказала, что желала бы сообщить г-жѣ Рендель, какъ идутъ дѣла въ домѣ; она, должно быть, заподозрила, что я подослана г-жей Рендель для наблюденій. Я поскорѣе простилась. Изящная дама также поднялась и пошла со мною вмѣстѣ. Она съ большимъ интересомъ разспрашивала о больной, о ея положеніи и срокѣ возвращенія домой. Спутница наговорила мнѣ много лестнаго о Фрицѣ. По ея словамъ, всѣ удивлялись, что онъ до сихъ поръ не профессоръ. Онъ, очевидно, не желаетъ покидать Берлина, а здѣсь, конечно, трудно добиться профессуры. «Клика—всюду клика! О, вамъ предстоитъ дойти до этого горькимъ опытомъ!»

Въ дамѣ было что-то жизнерадостно-цвѣтущее. Она мнѣ очень понравилась. И притомъ какой туалетъ! Платье—дымка цвѣта геліотропъ; зонтикъ бросалъ на нее нѣжно-зеленый оттѣнокъ. Подобныя сочетанія способны приводить меня въ восторгъ.

Однако, когда я принесла г-жѣ Рендель поклоны и принялась изливать восторги по поводу ея пріятельницы, въ глазахъ ея снова явилось ужасное выраженіе,—она вскочила съ подушекъ и схватила меня за руку.

— Вотъ кто былъ тамъ! Конечно, она ходитъ туда каждый день, времени не теряетъ! А я лежу здѣсь, не смѣя двинуться съ мѣста, должна все спускать, пока, наконецъ, дѣтей отучатъ отъ меня.

— Но, дорогая моя,—старалась я утѣшить бѣдняжку,—къ чему такія черныя мысли? Точно можно двумя-тремя игрушками отучить дѣтей отъ матери.

Въ лицѣ ея появилось выраженіе ненависти, что-то черствое, что страшно портило ее.

— Вы не знаете Лину Мейеръ,—со злобой сказала она.—Вы не подозрѣваете, какъ умно идетъ она къ своей цѣли.

Она уставилась въ одну точку и показалась мнѣ въ эту минуту почти сумасшедшей. Мнѣ было страшно съ несчастной женщиной.

Я взяла ее руку и стала слегка поглаживать. Долгое время она точно не замѣчала ничего и неподвижно лежала на постели. Наконецъ, успокоилась, попросила дать лѣкарства, и мы еще немного поболтали. Она жаловалась на невнимательное отношеніе надзирательницы и выразила нѣсколько желаній. За ней нелегко ухаживать. Она страшно подозрительна и думаетъ, что каждый хочетъ причинить ей вредъ.

Надѣюсь, Фрицъ не имѣетъ затаенной мысли, что главная основа брака—«веденіе домашняго хозяйства».

Вотъ было бы разочарованіе! Въ первый разъ, когда мы позвали въ воскресенье гостей: университетскаго товарища Фрица, доктора Рихтера и ассистента изъ клиникъ, «совершенство» заставило насъ битый часъ дожидаться обѣда.

Милосердый Боже! Голосъ Фрица становился все снисходительнѣе и мягче; наконецъ, онъ началъ что-то напѣвать сквозь зубы.

Такъ поступаетъ онъ, когда мѣра его терпѣнія переполнена; онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собою и не вспылить: онъ ненавидитъ рѣзкости.

Когда около трехъ часовъ голосъ его запѣлъ, наконецъ, какъ флейта, я спросила ассистента: «Не правда ли, Фрицъ говоритъ такимъ тономъ у тяжелобольныхъ, когда нѣтъ никакой надежды?»

— Да, и тогда паціенты называютъ доктора ангеломъ!

Мы всѣ засмѣялись. Рихтеръ разсказалъ о своей дуэли, при которой Фрицъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ врача. Всю дорогу онъ имѣлъ видъ овцы, ведомой на закланіе, тогда какъ Рихтеръ отъ возбужденія громко болталъ и спорилъ. Рана была тяжелая, и Фрицъ сознавался позже, что не прозакладывалъ бы и десяти пфенниговъ за жизнь пріятеля.

Мнѣ хотѣлось узнать причину дуэли. Рихтеръ сдѣлалъ серьезное лицо и заявилъ, что такихъ исторій молодымъ дамамъ не разсказываютъ, чѣмъ еще болѣе подстрекнулъ мое любопытство. Ему только этого и надо было. Онъ мнѣ не нравится. Слишкомъ много воображаетъ о себѣ. Фрицъ стоитъ за него горой и увѣряетъ, что онъ толковый малый. Чтобы выиграть позицію, я принялась дразнить его

Фрицъ не могъ удержаться отъ смѣху.

— Плутовка,—сказалъ онъ.—На нее нельзя сердиться. За ней всегда остается послѣднее слово... Обѣщай мнѣ только, Элленъ...

— Что?

— Впередъ быть осторожнѣе.

— Не могу. Не въ моей натурѣ. Положись лучше на мое психологическое чутье.

Какъ много говоритъ походка человѣка: какъ онъ догоняетъ конку, какъ входитъ, какъ садится. Сколько въ ней сказывается утомленія, пережитыхъ невзгодъ. На-дняхъ, когда мы ѣхали съ Фрицемъ, передъ нами стояла дѣвочка съ школьной сумкой на рукѣ. Маленькая принцесса: благородный профиль, опущенныя вѣки, точно вся суета идетъ мимо, ничуть не касаясь ея. Съ какой увѣренностью вынула она свой билетъ, чтобы показать кондуктору; губки сложены пренебрежительно, выраженіе лица пожилого человѣка. Какъ она поглядѣла на меня, замѣтивъ, что я наблюдаю за ней: спокойно, презрительно, высокомѣрно... Она произвела впечатлѣніе даже на Фрица.

— Бѣдняжка,—сказалъ онъ, когда мы сошли съ конки и направились дальше.—Знаешь, имѣть такого ребенка—ужасно.

— Однако, она мила!

— Меня отталкиваетъ такая неестественная, исковерканная красота. Въ одиннадцать лѣтъ блѣдныя, нервныя руки... Наши дѣтки должны быть розовыя, неуклюжія кругляшки!

Онъ слегка прижалъ къ себѣ мою руку. Я люблю такія мимолетныя ласки. Онѣ перепадаютъ мнѣ рѣдко, зато я и цѣню ихъ, какъ драгоцѣнность.

. . . . . .

Наши дѣти...

Ночь послѣ приключенія съ молодымъ человѣкомъ я провела почти безъ сна и прислушивалась къ самой себѣ. Что значатъ такъ часто повторяющіяся со мной головокруженія?

Наши дѣти...

Порой я вся дрожу отъ страстнаго желанія; не могу дождаться его — этого счастія. Я знаю, счастіе въ этомъ, а не въ бракѣ. Хотя я и люблю Фрица. Онъ мнѣ нравится. Люблю его густые, коротко остриженные, свѣтлые волосы, мягкіе, какъ шерстка крота; пріятно проводить по нимъ рукою. Мнѣ нравится его опрятность, свѣжій запахъ его тѣла.

Богъ мой, Богъ! Счастіе?... Знаемъ ли мы, что такое счастіе, гдѣ оно, когда оно у насъ есть и когда его нѣтъ?

Мои родители не были счастливы. Но когда мать умерла, отецъ безумно горевалъ по ней. И такъ безгранично жалѣлъ. Если бы она воскресла, они стали бы снова ссориться и браниться. Я тоже вспыльчива и въ порывѣ гнѣва способна на отвратительныя грубости. Хорошо, что у Фрица много терпѣнія. Но иногда его разсудительность злитъ меня больше всякой грубости. Особенно, когда чувствую, что права я и что у него взглядъ на вещи болѣе поверхностный, чѣмъ у меня. Если онъ щадитъ меня въ это время, какъ больного ребенка,— такое отношеніе бѣситъ меня до безумія. Ужъ черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы онъ сказалъ мнѣ: «Если бы я зналъ, что ты такая горячка, ни за что не женился бы на тебѣ». Тогда я въ смущеніи разсмѣялась. Онъ влюбленъ, почти до самозабвенія. И гордится мною. Я это знаю. Этимъ признаніемъ на сегодня кончаю.

Мнѣ было немного страшновато, какое впечатлѣніе произведетъ на насъ «мой спаситель». Онъ уже заранѣе объявилъ мнѣ, что у него нѣтъ костюма для общества, а брюки онъ загибаетъ потому, что по краямъ у нихъ бахрома, на починку же въ настоящее время нѣтъ денегъ. Но онъ находитъ, что костюмъ его не лишенъ шика. Шикъ принадлежитъ къ числу его жизненныхъ идеаловъ; мнѣ же кажется, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ нѣчто другое, чѣмъ обыкновенно принято разумѣть.

Ну, слава Богу, юноша не показался Фрицу антипатичнымъ. Раза два Фрицъ не совсѣмъ осторожно пошутилъ надъ нимъ. Къ счастію, Яковъ Зивекингъ не обижается, когда надъ нимъ смѣются. Мнѣ это нравится. Въ этомъ видна независимость. По его манерѣ не стѣсняться и чувствовать себя, какъ дома, видно, что онъ изъ хорошей семьи.

— Яковъ Зивекингъ, — повторяла я нѣсколько разъ въ раздумьи. Онъ спросилъ, не чудится ли мнѣ въ этихъ звукахъ будущая знаменитость.

— Болѣе того, мнѣ чудится въ нихъ знаменитость прошедшая!— отвѣтила я и спросила,—не родственникъ ли онъ старому художнику Зивекингу.

Вотъ что! Онъ—сынъ стараго папинаго друга.

Яковъ отнесся равнодушно къ этому открытію, а я, напротивъ, почувствовала, что онъ сталъ мнѣ вдругъ гораздо ближе.

Фрицъ спросилъ юношу, почему у него такое библейское имя?

— Насъ двѣнадцать братьевъ; отецъ рѣшилъ дать намъ имена двѣнадцати апостоловъ.

— Рязвѣ онъ заранѣе зналъ, что надъ его домомъ почіетъ благодать?—спросилъ его Фрицъ.

— Очевидно, ему было откровеніе свыше,—серьезно отвѣтилъ Яковъ.

— А ваша матушка жива? Вотъ достойная-то женщина!

— Она умерла. Родила двѣнадцать сыновей и умерла.

Мы всѣ притихли. Точно надъ нами пронесся торжественный благовѣстъ и настроилъ всѣхъ на серьезный ладъ.

Немного спустя, Яковъ подошелъ къ картинѣ, висѣвшей надъ моимъ письменнымъ столомъ; она изображала Товія съ ангеломъ.

— Вотъ у васъ картинка отца!... Ну, право, какъ это плачевно.

— Послушайте, я люблю эту картинку.

— Я ее также люблю. Потому-то это и плачевно. Старикъ до сихъ поръ зарабатываетъ столько, что высылаетъ мнѣ пятьдесятъ марокъ ежемѣсячно. Я удивляюсь каждый разъ, когда получаю ихъ.

— Вы художникъ?

— Ахъ, къ сожалѣнію, еще не художникъ. Я все еще слишкомъ подражаю. Стоитъ только увидѣть что-нибудь, что мнѣ понравится, и я немедленно воспроизвожу нѣчто подобное. Въ этомъ все мое несчастіе. Художники думаютъ, что у меня врожденный талантъ къ литературѣ, а литераторы—что къ искусству. Кабы я самъ могъ разобраться, въ чемъ дѣло!

— А ваши братья гдѣ?

— Одинъ—пасторъ, другой—лейтенантъ, третій рисуетъ художественныя отрытыя письма, четвертый работаетъ въ берлинской миссіи. Остальные еще учатся. Не понимаю, чѣмъ они живутъ. Господь посылаетъ своимъ во снѣ... Если бы мнѣ пришлось вернуться домой, какъ бы чуждо я себя тамъ чувствовалъ. Между тѣмъ прошелъ только годъ съ моего отъѣзда.

— Вашъ отецъ живетъ въ Дрезденѣ?

— Да, въ Блазевицѣ. У насъ свой домъ и огородъ, овощами котораго питается семья.

Позже, когда Фрицъ обстоятельно обсудилъ съ гостемъ вопросъ о томъ, гдѣ въ Берлинѣ лучшія сигары, причемъ послѣдній обнаружилъ познанія, совсѣмъ не соотвѣтствующія его пятидесяти маркамъ мѣсячнаго содержанія, Зивекингъ прочелъ намъ нѣсколько стихотвореній, т.-е. вѣрнѣе не стихотвореній, а чего-то, гдѣ съ помощью ритмической прозы достигается мелодія, создающая настроеніе.

Да я узналъ тебя, моя малютка,
И больше вѣритъ не могу.

...Твои лазурные глаза!
Ихъ чуденъ блескъ, но гдѣ-то тамъ, далеко,
Въ ихъ темной глубинѣ
Таится ложь зловѣщей, сѣрой тѣнью,
...Пусть спитъ она!
...О, не буди ея!

О, далъ бы Богъ,
Чтобъ послѣ дней ненастья,
Вдали мнѣ встала свѣтлая заря;
Веселый щебетъ возвѣстилъ бы счастье,
Цѣль свѣтлую предъ взоромъ озаря.
Чтобы Бога я нашелъ и, вознося моленье,
Шепталъ «благодарю» въ благоговѣньѣ.

Фрицъ нашелъ послѣднюю строфу манерно-наивной.

Мнѣ она показалась очаровательной. Именно она. Въ ней весь Зивекингъ. Ужъ это, конечно, не подражаніе.

— Вчера эти стихи казались мнѣ хорошими,—пробормоталъ онъ жалобно.—Сегодня они мнѣ не нравятся.

— Развѣ здѣсь не звучитъ ваше настроеніе? Развѣ это не ваша собственность?

— Да, если бы я былъ увѣренъ, что здѣсь нѣтъ подражанія.

— Чортъ возьми, вы должны это знать!

— Поживите-ка съ полгода въ Берлинѣ; сами не будете знать, увѣряю васъ, что чужое, что ваше собственное. Впрочемъ, знаете ли вы это даже теперь?

— Я знаю, что мнѣ не нужно искать Бога, потому что онъ у меня есть,—отвѣтила я серьезно.

Яковъ злитъ меня расщипываньемъ, раздергиваньемъ всякаго чувства! Своимъ мелкимъ сомнѣніемъ въ немъ! Яркій дневной свѣтъ смертельно томитъ мою душу. Благословенны пучины темныхъ водъ, когда въ ихъ глубину и тайну погружается наша душа. Фрицъ пригласилъ Якова Зивекинга на слѣдующее воскресенье.

Въ довершеніе всего, меня страшно волновало случайное совпаденіе, что въ Берлинѣ, среди тысячи людей, судьба свела меня именно съ сыномъ стараго Зивекинга. Фрицъ не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго. Среди массы людей всегда встрѣтятся такіе, съ которыми найдется какая-нибудь связь. Если считать каждую случайность дѣломъ «судьбы», то совсѣмъ запутаешься.

— Мнѣ кажется, что я права, такъ какъ уже второй разъ то,

что ты называешь «случаемъ», для меня полно значенія. По-твоему я случайно однажды утромъ взобралась на вершину Юнгфернклиппе?

— Нельзя же сравнивать одно съ другимъ,—обиженно сказалъ Фрицъ.

— Конечно, я и не сравниваю!—подтвердила я смѣясь и поцѣловала его.—Ты—солнце, взошедшее на моемъ горизонтѣ, а Яковъ Зивекингъ—облачко, проносящееся мимо. Ну, доволенъ?

Онъ былъ доволенъ.

Но меня всетаки волнуетъ мысль, что въ нашу жизнь точно изъ мрака вдругъ врываются неизвѣстные люди, начинаютъ играть въ ней роль, иногда преобразуютъ все наше существованіе, мѣняютъ наше желаніе, нашу волю. Я сообщила Фрицу о своихъ размышленіяхъ.

— Если бы я могла только описать тебѣ, какой на меня нападаетъ страхъ при мысли, что мы почти не можемъ управлять своей судьбой.

Фрицъ въ раздумьи поглядѣлъ на меня. Я ждала, что онъ скажетъ что-нибудь по поводу моей мысли, но онъ замѣтилъ:

— Знаешь, Элленъ, меня огорчаетъ, когда ты говоришь такъ. Подобнаго рода умствованія доводятъ женщинъ до болѣзненнаго состоянія и обращаютъ ихъ въ развинченныя, нервничающія существа. Ты должна бороться съ такими мыслями и не искать во всемъ бо́льшаго, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Жизнь проста, надо умѣть принимать ее просто. И это самое благоразумное.

Я замолчала, была нѣсколько разочарована.

Сегодня послѣ завтрака была у Рендель. Минетта, добрѣйшее существо, прислала мнѣ лепешекъ; я снесла ихъ больной. Понятно, предварительно надъ лепешками поревѣла. Была въ полуплаксивомъ, полублаженномъ состояніи: когда можешь ревѣть, тоска по родинѣ не такъ мучительна. Я разсказала г-жѣ Рендель про нашъ милый, старый домикъ въ лѣсу. Какъ папа случайно, во время охоты, влюбился въ развалившійся домикъ, какъ графъ продалъ его папѣ, только изъ любви и почтенія къ нему; а папа потомъ отстроилъ его. Какъ мы тамъ жили со смерти мамы, среди зелени, въ уединеніи—разсказала о своей молодости и о Тези изъ Ильзенбурга, какъ мы, дѣвочки, носились по лѣсу, особенно весной и осенью, когда «чужіе» не завладѣвали нашей природой; какъ плутали и иногда возвращались домой только къ утру. Разсказала о пѣсняхъ и дружбѣ съ женами дровосѣковъ. Помню, какъ тетка Мелингеръ сказала Тези, встрѣтившись съ ней у двери церкви:

«Всегда иду съ вами вмѣстѣ, моя овечка, потому что я вамъ такая же Божья подружка, какъ Элленъ».

Я испугалась, что съ Рендель снова сдѣлается припадокъ, до того она хохотала! Какая она неуравновѣшенная! И это говорю я, которую рѣшительно всѣ упрекаютъ въ отсутствіи уравновѣшенности. Ни въ чемъ у нея нѣтъ мѣры: ни въ обожаніи меня, ни въ нѣжностяхъ, до которыхъ я не охотница. Мнѣ удалось совершенно отучить Тези отъ «лизанья». Здѣсь я должна молча терпѣть, потому что бѣдняжка больна; но мнѣ немного противно.

Потомъ она разсказывала разные эпизоды изъ своей жизни; о всѣхъ больницахъ и клиникахъ, гдѣ побывала и о докторахъ... Я сидѣла, слушала и холодѣла отъ негодованія. Мнѣ стыдно было за женщину, надъ которой все это продѣлали, и не хотѣлось больше глядѣть на нее.

Я не могла въ этотъ день ужинать. Когда Фрицъ спросилъ, что со мной, я не выдержала, хотя сначала рѣшила ничего ему не разсказывать.

— О, Рендель можно вѣрить только наполовину,—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.

— Она сказала, что ты среди докторовъ, которыхъ она встрѣчала, единственный джентльменъ.

— Этого недоставало! Скажи она противное, я бы немедленно вышвырнулъ ее за дверь. Надо будетъ съ ней серьезно поговорить, чтобы не болтала тебѣ всякаго вздора.

— Ахъ, Фрицъ, она и такъ страшно страдаетъ. Такихъ испытаній достаточно, чтобы испортить на всю жизнь нервы. А вы хотите лѣчить душу хирургическими инструментами и лѣкарствомъ!

— Не достаетъ, чтобы она вообразила себя душевно-больной. Увѣряю тебя, что большую часть своихъ несчастій она придумываетъ сама.

— Фрицъ, вѣдь это невозможно!

— Дорогое дитя, между небомъ и землей есть много такого, чего подобное тебѣ молодое существо и вообразить не можетъ. Не думай объ этомъ больше, Элленъ. Обѣщай мнѣ больше объ этомъ не думать.

...Я обѣщала. И старалась изъ всѣхъ силъ. Но разсказы больной не даютъ мнѣ покоя.

И надо ей было все это мнѣ говорить! Я думаю, что о такихъ вещахъ, ужъ если пришлось ихъ пережить, лучше заглушить всякое воспоминаніе. А она, разсказывая, такъ оживилась, разрумянилась, глаза заблестѣли; сразу повеселѣла и поздоровѣла; стала обворожительно красива въ своемъ розовомъ батистовомъ неглиже, съ массою

лентъ и кружевъ. Если бы я пришла къ убѣжденію, что доктора такіе негодяи, ни за что не стала бы для нихъ рядиться. Безсердечныя мысли. Не заразилась ли я отъ Фрица холоднымъ равнодушіемъ и недовѣріемъ къ людямъ?

Сегодня Фрица подняли съ постели въ три часа ночи. Мы оба спали не много: въ комнатѣ было душно и жарко. Мнѣ не хотѣлось еще разъ ложиться; я сѣла на балконѣ и ждала наступленія дня. Улица безмолвно покоилась въ тѣни высокихъ домовъ; такой я ее никогда не видала. Жара предыдущаго дня точно подавляла утренніе лучи, которые медленно ползли изъ-за крышъ и спускались на мостовую блѣднымъ, безцвѣтнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Мутное, тусклое небо казалось покрытымъ пыльной, горячей дымкой. За массою оконъ, обливаясь потомъ, тысячи людей вертѣлись на подушкахъ, томимые безпокойными мыслями... Непривѣтливо смотрѣлъ Берлинъ передъ наступленіемъ дня. Даже отдаленный шумъ, грохотъ, скрипъ, гулъ, который не перестаешь слышать, хотя бы вблизи все было спокойно, теперь затихъ.

Я грезила и впала въ состояніе полудремоты. Вдругъ послышался громъ ѣхавшаго вдоль улицы экипажа. Мимо, медленно и громоздко, проѣхала закрытая коляска. Съ какой стати ѣхала она въ такую пору по улицѣ? Кто въ ней сидѣлъ? Закрытая коляска взволновала меня. Когда экипажъ, съ полусоннымъ кучеромъ на козлахъ, тащился мимо, мнѣ вообразилось, что онъ сейчасъ остановится возлѣ нашего дома, и кто-то или что-то выйдетъ изъ него. Вѣдь мы всегда ждемъ этого неожиданнаго «чего-то»... Его можетъ принести каждое письмо и тѣмъ болѣе телеграмма! Я замѣтила, что непрестанное ожиданіе живетъ и бьется даже въ душѣ старыхъ людей. Стóитъ только наблюдать, какъ они вскрываютъ конвертъ полученнаго письма.

Всего больше удивляетъ меня это въ бракѣ: всѣ ожиданія должны отойти въ сторону. Чего еще нужно? Счастіе окружаетъ тебя со всѣхъ сторонъ. Ты вполнѣ удовлетворенъ... Ну, и что же?

О, Боже, Боже! Несмотря на все это, душа моя день и ночь рвется въ будущее и прислушивается къ нему!

Но моя судьба не могла, однако, сидѣть въ закрытой колескѣ. Когда экипажъ медленно проѣхалъ мимо и завернулъ за уголъ, такъ что я не могла его видѣть и слышала только стукъ колесъ, удалявшійся все дальше, дальше, въ безмолвную тишину утра, — мнѣ вдругъ стало мучительно страшно, точно я потеряла что-то невозвратимое и слышу, какъ оно уходитъ, все дальше, дальше, дальше. А я стою здѣсь на маленькомъ балкончикѣ и не могу пошевельнуться,

броситься за нимъ, схватить его, удержать, разглядѣть—непостижимое! Я готова была кричать отъ страха, отъ непреодолимаго желанія. Все лицо мое было въ слезахъ. Я плакала съ наслажденіемъ, точно слезы избавляли меня отъ гнета и облегчали душу.

Дома я убѣгала въ такомъ настроеніи въ лѣсъ: пѣла, кричала, рвала цвѣты, огромные, огромные букеты, точно желая захватить въ свои руки всю красоту... Осенью и зимой я выходила на бой съ дождемъ, бурей, снѣгомъ! Божественно! Я чувствовала свою силу какъ нѣчто свободное, независимое. Здѣсь собственныя жизненныя силы давятъ грудь, какъ скала. . . . . .

Фрицъ говоритъ: «Гуляй больше. Почему не пошла ты съ Павломъ и Бертой въ Груневальдъ? Лѣнтяйка!».

Павелъ—братъ Фрица. Купецъ. О невѣсткѣ я еще ничего не писала. Она два раза въ недѣлю ѣздитъ на Александровскую площадь, на рынокъ. Боюсь, что она тоже—«совершенство».

Фу!...прогулка по обязанности...Я бы охотнѣе пошла странствовать съ Зивекингомъ. Впрочемъ, и на это нѣтъ охоты! Лѣнь... голова въ туманѣ... всѣ члены отяжелѣли.

Звонятъ. Кто бы могъ быть? Опять «ожиданіе!» Помни, вѣдь ты замужемъ! Фрицъ не можетъ вернуться въ пять часовъ.

... Вошелъ Зивекингъ.

Онъ до безумія хорошо понимаетъ настроенія и описываетъ переходы отъ одного къ другому: вотъ среди грусти пробуждается маленькая, колеблющаяся надежда; тогда онъ старается искусственно повысить въ себѣ грусть и недовольство, такъ какъ вѣритъ въ предразсудокъ, что такимъ путемъ маленьная колеблющаяся надежда пріобрѣтаетъ больше силы. Потому что, если бы онъ смѣло взглянулъ на нее полными ожиданія духовными очами, она бы немедленно спряталась.

— Смотрите, если бы вы, напримѣръ, были сегодня въ хорошемъ настроеніи, тогда какъ мнѣ гадко, я обошелся бы съ вами грубо, не по-джентльменски.

— Да вѣдь я же въ хорошемъ настроеніи.

Онъ дѣлаетъ хитрое лицо. Онъ все видитъ. Его проницательность очень неудобна.

На немъ былъ сегодня широкій, черный шелковый галстукъ, высоко повязанный вокругъ шеи.

Совершенно Вертеровскій.

— Это не зря,—сказалъ онъ мнѣ.—Я всегда выбираю галстукъ сообразно съ своимъ настроеніемъ. Ахъ, m-me Эрдмансдёрферъ, если бы я имѣлъ право придумывать вамъ костюмы!...

Мы стали обдумывать для меня нарядъ. Свѣтлые, воздушные мнѣ никуда не годятся, заявилъ Яковъ.

Не годится также стильный нарядъ изъ парчи и бархата. Мягкая шерсть, темные, точно отмѣченные перстомъ судьбы, цвѣта. Темно-зеленый или лиловый; матерія, падающая глубокими, длинными складками, украшенная тревожной, нервной линіей вышивки, изъ темнаго золота и коричневыхъ шелковъ. Онъ набросаетъ рисунокъ, а я должна его выполнить. «Что-нибудь такое, чтобы выражало ваше существо»... Я посмѣялась надъ нимъ.

— Вы, пожалуй, не вѣрите, что линіями и фигурами можно выразить человѣческое существо? Ахъ, вы несчастная, какъ вы отстали!

— Благодарю васъ!

— Развѣ я сказалъ что-нибудь грубое?

— Не особенно вѣжливое.

— Вы и тотъ разъ обидѣлись, когда я назвалъ васъ пожилой. Но когда вамъ сдѣлалось дурно, вы, право, такъ походили на поблекшій листъ. Такая безпомощная. Потомъ-то я сразу увидѣлъ, что вы молодая — чуть-чуть постарше меня. У васъ очень рѣдкое лицо. Оно можетъ, благодаря выраженію, казаться совсѣмъ старымъ. Восхитительно!

Сумасшедшій мальчишка! Онъ меня невѣроятно забавляетъ! Чтобы посмѣяться, я спросила его иронически: не принадлежитъ ли онъ къ декадентамъ? Тогда онъ можетъ прекратить свои визиты. Я дала слово отцу не водить съ ними знакомства.

— Кого вы подразумѣваете подъ словомъ «декаденты?»

— Ну, понятно Конради, Конрада, Блейбтрейя.

Яковъ улыбался.

— Къ этой компаніи я не принадлежу. Конради умеръ больше десяти лѣтъ тому назадъ. Конрадъ живетъ, кажется, въ Мюнхенѣ. Я объ этихъ господахъ ровно ничего не знаю. Я вѣдь почти ничего не читаю: слишкомъ много приходится заниматься самимъ собою. Нужно прежде уяснить себѣ самого себя, а затѣмъ уже вступать въ соприкосновеніе съ міромъ.

— Я себѣ тоже иначе представляла декадентовъ. Но скажите, вѣдь одно время они надѣлали много шуму...

— Да, право, не знаю. Я тогда еще учился.

— Вы не можете себѣ представить, какъ мой папа до сихъ поръ раздражается противъ нихъ!... А между тѣмъ все уже уничтожено и развѣяно.

— Знаете ли вы Стефана Георга? Смотрите, вотъ это новое искусство. До тѣхъ поръ, пока его не прочтете, мнѣ съ вами не о чемъ

разговаривать. Къ сожалѣнію, онъ не желаетъ меня знать. Не отвѣтилъ мнѣ на письмо. Вѣроятно, оно было слишкомъ пространно. Я принесу вамъ свой экземпляръ Стефана Георга — это ли не доказательство дружбы?

Я согласилась, просила его только не позабыть. Онъ казался мнѣ разсѣяннымъ.

— Я очень разсѣянъ и будь это другая книга, позабылъ бы навѣрное. Прошу васъ настоятельно никогда не давать мнѣ порученій. Я все перепутаю и исполню плохо; вы на меня разсердитесь, я сочту васъ мелочной, и мы всенепремѣнно разойдемся. Но Стефанъ Георгъ... О немъ я непрестанно думаю! Будетъ ужасно, если настанетъ день, когда я съ нимъ покончу...

— Что говоритъ на это вашъ отецъ?

— Онъ считаетъ меня заблудшимъ сыномъ.

Я хочу увидать, почувствовать новое искусство. Яковъ можетъ руководить мной. Онъ тоже «ищущій». Будемъ искать вмѣстѣ.

Фрицъ знаетъ о новомъ вѣяніи, знаетъ «необходимое»,—у него хватаетъ времени только на необходимое. Павелъ и его жена живутъ въ Берлинѣ и ничего не знаютъ, то-есть они достаточно знаютъ, чтобы имѣть матеріалъ для глупыхъ остротъ.

Я стою точно передъ разрѣшеніемъ тайны: боюсь и страстно желаю.

Нужно прежде уяснить себѣ самое себя, а потомъ уже вступать въ соприкосновеніе съ міромъ...

А я думала, что я вполнѣ ясна самой себѣ.

Но міръ не ждетъ. Онъ вторгается въ вашу жизнь, все опутываетъ и погружаетъ въ мракъ.

Г-жа Рендель начинаетъ до смѣшного меня тиранить. Стоитъ пропустить одинъ день и не заглянуть къ ней, сейчасъ летятъ письма, записки, гдѣ она въ неумѣренныхъ выраженіяхъ умоляетъ не покидать ея, потому что я ея единственное утѣшеніе. А я иду къ ней противъ желанія, почти съ отвращеніемъ. Несчастная вообразила, что мужъ хочетъ развестись съ ней и жениться на г-жѣ Мейеръ. Вѣрно ли, что она это только вообразила? Уже не разъ она приставала ко мнѣ, чтобы я подъ разными предлогами ходила къ ея мужу и дѣтямъ и выпытывала, часто ли тамъ бываетъ г-жа Мейеръ и т. п. Шпіонить я не намѣрена. Наотрѣзъ отказалась, за что она нѣсколько дней серьезно на меня сердилась, но въ заключеніе просила прощенія и умоляла не оставлять ея.

Вся эта исторія имѣетъ прелесть запрещенной книги. Если бы Фрицъ зналъ, что я не могу оторваться отъ мысли о ней. Мнѣ бы хотѣлось повидать директора Ренделя, узнать, что онъ за человѣкъ. Какъ могла она жить съ мужемъ, тая въ душѣ подозрѣніе? И въ теченіе многихъ лѣтъ.

Милый, милый мой Фрицъ, прошу тебя мысленно простить мнѣ всѣ мои глупыя выходки! Подобныя подозрѣнія по отношенію къ тебѣ были бы немыслимы. Даже если бы меня больную таскали изъ клиники въ клинику... Ты ясенъ, какъ утро, твердъ, надеженъ, строгъ въ исполненіи своего долга!

Нѣтъ, въ бракѣ счастіе не самое существенное... увѣренность... вотъ въ чемъ вся суть.

Сознаніе у одного по отношенію къ другому: «онъ не можетъ измѣнить тебѣ ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ». Это невозможно. Вотъ что такое бракъ. Ненарушимый союзъ. Священный... Бракъ—покой. Чтобы быть достойнымъ брака, надо умѣть выносить покой. Подобно тому, какъ въ храмъ нельзя входить съ шумомъ и грохотомъ, какъ священникъ въ торжественномъ спокойствіи исполняетъ свои обязанности.

Боже, успокой мое сердце, сдѣлай его достойнымъ священнаго брака!

Во мнѣ все ликуетъ! Меня охватила бурная, безумная радость! Душа моя поетъ звучные веселые гимны! И я жила,—жила до сихъ поръ, не зная, что на землѣ существуетъ такая красота, не знала чаръ, не знала чародѣя!...

Образы, претворившіеся въ чувства и преисполненные хмѣлемъ ихъ создавшихъ ощущеній, шествующіе въ сіяніи многоцвѣтной весны!

Гансъ Угланди! Отецъ небесный, охрани этого человѣка, пошли тысячи ангеловъ, чтобы нога его не преткнулась о камень!

Я съ ума схожу. Мнѣ хотѣлось бы преклонить предъ нимъ колѣна и разостлать на его пути свои одежды. Гансъ Угланди... и твое имя не гремитъ еще по всему свѣту?

Не понимаю я этого свѣта!

... Все хорошее, что когда-либо со мною случилось, налетало, какъ буря.

Я сказала Зивекингу: «Мужъ хочетъ, чтобы мы поѣхали по конкѣ въ Груневальдъ и тамъ погуляли. Ради здоровья».

Зивекингъ отвѣтилъ: «М-me Эрдмансдерферъ, вы знаете, что я васъ люблю и готовъ для васъ на все; но вы предъявляете ко мнѣ

ужасное требованіе. Въ сосновомъ лѣсу воздухъ струится теперь отъ жары, трава вся забросана бумажками и битыми бутылками. Мнѣ хотѣлось пойти сегодня послѣ обѣда смотрѣть картины Угланди. Около нихъ прохладно, залы пусты, мягкія кресла располагаютъ къ мечтамъ. Вотъ чего мнѣ хотѣлось».

— Тогда я также пойду смотрѣть картины Угланди. Что онъ, извѣстный художникъ?

— О немъ много говорятъ; многіе надъ нимъ смѣются; но никто не знаетъ, что о немъ думать.

Потомъ наступило очарованіе.

Зивекингъ хотѣлъ критиковать, порицать и еще что-то... Я схватила его за плечо, потрясла и закричала: «Если вы осмѣлитесь сказать еще одно слово, мы враги на всю жизнь, я съ вами никогда больше не разговариваю! Поняли!»

Онъ понялъ. Отошелъ прочь, оставилъ меня одну.

Много времени спустя, онъ подошелъ ко мнѣ тихо и грустно спросилъ: «Вы уже видѣли маленькую картинку въ сосѣдней комнатѣ? Это только эскизъ молодой дѣвушки. Но я нахожу его лучшимъ изъ всего». Я пошла за нимъ. И нашла эскизъ также лучшимъ изъ всего. Я подала Зивекингу руку, мы помирились и долго сидѣли передъ картиной. Онъ понялъ, что я не могу говорить, что внутри у меня все рыдаетъ отъ счастія.

Есть же въ мірѣ совсѣмъ чужой человѣкъ, который такъ хорошо меня понимаетъ—гораздо глубже, чѣмъ я сама когда-либо понимала себя.

Всѣ страсти, радости, порывы молодости! Преувеличенія, идолопоклонства... Гансъ Угланди!...

Сегодня Фрица опять потребовали очень рано; я съ утра обѣгала всѣхъ садовниковъ: выбирала цвѣты, чтобы составить наилучшій букетъ, какой только возможенъ теперь, когда все цвѣтетъ и блещетъ яркостью красокъ. Букетъ, который былъ бы его достоинъ: ярко-огненный гигантскій макъ, темно-лиловые ирисы, безумно-обворожительные тюльпаны съ растрепанными лепестками, вѣтка краснаго бука и цѣлый пучокъ жимолости. Неимовѣрныхъ размѣровъ букетъ!...

Узнала адресъ его мастерской. Когда букетъ былъ уже готовъ, мнѣ вдругъ пришло въ голову: «что если онъ вовсе не живетъ въ Берлинѣ. А можетъ быть?»

Помчалась къ нему.

Сердце бьется, какъ пойманная ласточка.

Вверхъ, вверхъ по нескончаемой лѣстницѣ. Страхъ, что онъ встрѣтитъ, тайное желаніе увидать его!

На послѣднемъ поворотѣ останавливаюсь, чтобы успокоиться... Потомъ тихо, тихо крадусь на цыпочкахъ вдоль по коридору, гдѣ расположено много мастерскихъ. Вотъ на двери его карточка. Слышу его насвистыванье, шаги изъ угла въ уголъ.. Довольный, веселый свистъ! Избитый берлинскій уличный мотивъ! Прикладываюсь губами къ дверной ручкѣ и кладу цвѣты на порогъ; они лежатъ здѣсь какъ чудная сказка!

Потомъ стремглавъ бросаюсь прочь. Меня никто не видалъ.

Теперь я успокоилась. Надо все разсказать Фрицу. Трудно; онъ найдетъ мой поступокъ глупымъ. Между тѣмъ, это такъ мало, такъ мало, сравнительно съ тѣмъ, что я чувствую...

Наконецъ, давно ожидаемая гроза разразилась.

Уже три вечера съ горизонта подымались черныя, грозныя тучи. Сегодня съ утра медленно ползла по небу сѣрая безформенная масса. Жители большого города, уставившись въ небо, отирая со лбовъ потъ и потирая мокрыя, пыльныя руки, ждали.

Я стояла на балконѣ и внутренно радовалась при видѣ первыхъ порывовъ пронесшагося надъ городомъ вѣтра. Захлопали дребезжа и звеня двери, окна, ставни въ борьбѣ противъ песочнаго урагана; раскаленный солнцемъ песокъ омрачилъ воздухъ. Какъ все закружилось, сталкиваясь другъ съ другомъ; изящество, благовоспитанность полетѣли къ чорту; люди разомъ превратились въ безпощадныхъ скотовъ. Извозчики принялись ругать лошадей; старушекъ, которыя безплодно боролись съ дождевыми зонтами и юбками, неосторожно толкали въ сторону, роняли съ тротуара; няньки сломя голову, неслись, ни на что не глядя, унося своихъ ревущихъ дѣтей.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сквозь пыльный ураганъ пронеслась первая струя холоднаго вѣтра и грянулъ первый ударъ грома, передъ нашимъ домомъ остановился извозчикъ.

Изъ экипажа медленно, съ достоинствомъ выплыла худощавая фигура въ длинномъ дорожномъ пальто, невѣроятной фуражкѣ съ козырькомъ, какихъ никто не носитъ, т.-е. носитъ только одинъ человѣкъ. Одинъ единственный!...

— Папа, папа!—кричу я сверху; онъ кивнулъ мнѣ, и съ милой рыцарской вѣжливостью помогъ дамѣ выйти изъ экипажа.

Я несусь внизъ по лѣстницѣ. Молнія сверкаетъ, оглушительно гремитъ, раскатываясь, громъ, дождь льетъ, какъ изъ ведра; я бросаюсь въ объятія отца!...

Съ восторженными возгласами, среди удивленій и восклицаній, подымаемся мы наверхъ. Радости и разспросамъ нѣтъ конца. Наконецъ, Тези-Розочка—идеальная хозяйка, образумила насъ:

— Дѣти, пожалѣйте паркетъ и коверъ!

Черезъ открытыя окна немилосердно хлесталъ дождь.

Поднялась возня съ тряпками, щетками, ведрами; я хохотала, какъ безумная, при видѣ, какъ безцѣнный папа, нимало не смущаясь, смотрѣлъ на суматоху.

«Совершенство», вызвавъ меня въ другую комнату, отчитало за неожиданный визитъ.

Вотъ была божественная суматоха!

Въ самый разгаръ вернулся Фрицъ. Встрѣчей мужчинъ я довольна! Папа положилъ руки на плечи моему мужу, посмотрѣлъ ему въ глаза, а Фрицъ отвѣтилъ такимъ яснымъ, привѣтливымъ взглядомъ.

— Хотѣлось посмотрѣть на свое дятятко! Иначе никакіе поѣзда не умудрились бы привезти меня въ это безвкусное гнѣздо.

Папа недовѣрчиво осмотрѣлъ софу въ моемъ будуарѣ.

«Да, конечно, ни одинъ благоразумный человѣкъ не рѣшится спать на такой штукѣ».

Я поняла, почему мнѣ такъ безумно хотѣлось имѣть комнату для гостей, что страшно злило Фрица.

Папа ни за что не соглашался остаться и уѣхалъ въ гостиницу. Зато мы съ Тези проболтали до глубокой ночи. Она лежала, а я сидѣла на краешкѣ постели и не могла оторваться отъ глупыхъ разсказовъ о домѣ.

Изнеможенная и нахохотавшаяся до полусмерти, пришла я къ Фрицу; онъ проснулся, покачалъ головой и изрекъ:

— Я и не подозрѣвалъ, что у меня жена такой младенецъ... Вы совершенно школьницы... Неужто такъ будетъ все время, пока Тереза Леберъ останется у насъ?

Я бросилась ему на шею и расцѣловала такъ, что онъ чуть не задохнулся. Какое счастіе свидѣться съ своими милыми!

Папѣ не нравятся картины Угланди. Я сегодня же утромъ съ торжествомъ потащила его на выставку. Я бѣгала туда каждый день. Кассиръ уже киваетъ мнѣ по-пріятельски головой.

Меня радовала мысль поглядѣть на картины вмѣстѣ съ папой. Онъ находитъ ихъ манерными! Невозможныя краски, слишкомъ вытянутыя фигуры. Богъ мой, какъ это печально! Неужто онъ не видитъ весны въ свѣтлой зелени, въ ярко-розовомъ поющемъ тонѣ?

Въ томъ, какъ стоитъ, наклонясь надъ цвѣткомъ, дѣвушка, безпечная, спокойная... Не умѣю выразить, но я чувствую, что она и цвѣтокъ слились воедино. Она подобно цвѣтку—только частичка природы. Все остальное далеко отъ нихъ. Поэтому слабому разсудку краски ландшафта кажутся преувеличенными. Это подобно мистеріямъ—непосвященный ничего въ нихъ не найдетъ. Грѣхъ было вводить между нами третьяго.

Я знала, что каждое слово, сказанное противъ него, причинитъ мнѣ страданіе.

Между нимъ и мною—тайна. Тотъ, кто создалъ дѣвушку съ цвѣткомъ, и вокругъ нея лугъ, и свѣтлую цвѣтущую весеннюю траву, тотъ знаетъ, что происходило въ моей душѣ въ ту ночь, которую я провела одиноко въ лѣсу, охваченная ужасомъ и восторгомъ. Озаренная луннымъ свѣтомъ, я сбросила съ себя платье и погрузилась въ воду, сливаясь съ лѣсомъ и тьмою; голубоватый свѣтъ обливалъ мои члены; я легла въ теплый мохъ и смотрѣла на колеблющіяся вершины сосенъ, безмолвно объятыя волшебными чарами... Я прижалась грудью ко мху и плакала отъ счастія, а холодныя былинки обдавали меня сыростью. Я медленно встала и пошла нагая,—около не было живой души,—какъ лѣсная дѣва между высокими стволами, которые, подобно колоннамъ, воздымались къ небесамъ...

... И вотъ, я жена доктора Эрдмансдерфера изъ Берлина!...

. . . . . .

Зачѣмъ я это сдѣлала?

Мнѣ хотѣлось испытать человѣческій жребій. Человѣческую судьбу съ ея горестями и радостями. Со всѣми безконечными радостями и безконечными горестями, все... Испоконъ вѣку русалки и феи, всѣ сказочныя дѣвы поддавались такому желанію.

Я думала, что Фрицъ любитъ природу. Заблужденіе. Онъ цѣнитъ ее съ гигіенической точки зрѣнія. Онъ не умѣетъ сливаться съ природой. У него нѣтъ къ древесному корню чувства сыновней любви; маленькіе, желтенькіе цвѣточки не представляются ему дѣтишками...

... Дома меня нѣсколько лѣтъ подъ рядъ дразнили, такъ какъ я проболталась однажды, что желала бы выйти замужъ за бураго, лохматаго лѣсного звѣря, который живетъ въ берлогѣ: нѣчто вродѣ гнома или лѣшаго. Я говорила искренно. Я и теперь еще по временамъ грежу своимъ лохматымъ звѣремъ и, пробуждаясь отъ очарованнаго сна, страстно рвусь къ нему.

... Это, конечно, страстное желаніе лѣсного воздуха, влажнаго, здороваго, полнаго тайны аромата земли...

Что это—измѣна мужу?

Отвѣтственны ли мы за тѣ сны, когда сознаніе спитъ?

Или оно не вполнѣ спитъ?

«Дитя, не приставай ко мнѣ съ продуктами своей фантазіи,—сказалъ бы Фрицъ,—у меня нѣтъ на это времени. Позаботься лучше, чтобы «совершенство» не опоздало завтра съ обѣдомъ».

Удивительно, какъ глубоко оскорбили меня слова Розочки, когда она, расхаживая въ первый вечеръ по нашей квартирѣ и дотрогиваясь до всего своими пухлыми, розовыми пальчиками, хихикая повторяла:

— Однако, какъ хорошо Элленъ, что ты не дожидалась гнома.

Я готова была ударить ее по миловидной рожицѣ.

«Она гораздо болѣе Розочка, чѣмъ Тези» — говоритъ Яковъ Зивекингъ и все спрашиваетъ меня, какъ могло случиться, что у меня такая подруга.

Тереза съ незапамятныхъ временъ стала моей подругой. Я могу сказать ей все, что мнѣ взбредетъ на умъ; она всегда терпѣливо выслушиваетъ меня, даже тогда, когда не вполнѣ понимаетъ.

— Не вполнѣ?—спросилъ Яковъ.

Тогда мнѣ пришло въ голову, что я слишкомъ мало требую отъ людей. Но по временамъ, когда я пугалась своего самомнѣнія, меня успокаивала мысль, что и у меня, какъ у всякой молодой дѣвушки есть настоящая подруга, Розочка Леберъ.

Яковъ увѣряетъ, что она служитъ для удовлетворенія моего властолюбія: въ этомъ суть нашей дружбы. Всякая дружба складывается изъ властолюбія и покорности. Я возмущена.

А можетъ быть онъ правъ?

Я почти не выношу ея, когда замѣчаю, что вліяніе ея матери беретъ перевѣсъ надъ моимъ. А въ настоящее время тетушка Леберъ взяла верхъ. При малѣйшемъ неосторожномъ словѣ или остротѣ, Розочка вся съёживается. А ея кроткія восклицанія: «Ахъ, Элленъ!» приводятъ меня въ бѣшенство.

Какъ можетъ папа цѣлыми годами выносить тетушку Леберъ въ качествѣ задушевнаго друга или, вѣрнѣе, друга дома?

Прежде я никогда не задавала себѣ такого вопроса.

Папа покинулъ большой свѣтъ. Оставилъ Дворъ и общество, гдѣ долгое время былъ кумиромъ,—помню, какъ къ намъ пріѣзжали

принцессы и графини, возили мнѣ конфеты, ласкали и баловали, только чтобы видѣть папу...

Онъ все бросилъ; философія ли привела его къ этому или пресыщеніе—не знаю. Бросилъ все, сжегъ корабли и поселился въ уединеніи.

Но когда вдругъ вынырнула тетушка Леберъ и купила себѣ въ Ильзенбургѣ клочокъ земли, тетушка Леберъ, вдова аптекаря изъ Кведлинбурга съ своимъ полусмѣшнымъ, полутрогательнымъ преклоненіемъ передъ папой и его книгами, онъ терпѣливо сталъ сносить ея ежедневныя посѣщенія нашего лѣсного домика. Въ концѣ концовъ, несмотря на его нелюбовь ко всему мелкому, она сдѣлалась ему почти необходимой. Неужели человѣкъ, гордо отвергнувшій полную чашу, не могъ противостоять жалкимъ каплямъ восхищенія?

Хотѣлось бы повыпытать его на этотъ счетъ. Но вотъ, вѣдь, что насъ въ человѣкѣ интересуетъ, того онъ намъ и не показываетъ.

Дни до верху наполнены прекрасными вещами. Сердце мое полно такой нѣжности къ папѣ, какой я не испытывала до замужества. Прежде я его часто боялась. Теперь, когда мы вмѣстѣ идемъ куда-нибудь, онъ обходится со мной, какъ съ посторонней, важной дамой, которую ему поручили охранять. Это насъ обоихъ очень забавляетъ.

Вчера я сдѣлала нѣсколько наблюденій, которыя заставили меня задуматься. Мы были въ гостяхъ у старой папиной пріятельницы г-жи фонъ-Штольпе. Она живетъ въ небольшомъ замкѣ рококо, который нѣкогда принадлежалъ прусскому принцу и, не знаю какими путями, попалъ, наконецъ, къ ней. Онъ лежитъ на Гавелѣ, въ паркѣ, который теряется среди полей и луговъ.

Какъ восхитительно было послѣ толкотни на поѣздѣ пройтись съ папой по зрѣлому ржаному полю.

За нами, утопая въ волнахъ пыли, лежалъ Берлинъ.

Вокругъ трещали кузнечики; тихій, лѣтній воздухъ благоухалъ зрѣлымъ зерномъ.

Я люблю проводить рукой по теплымъ колосьямъ. Чѣмъ-то таинственнымъ вѣетъ изъ глубины высокаго ржаного поля. Малюткой я заползла разъ въ средину и страшно испугалась, не находя выхода. На счастіе мой ревъ услышали и поспѣшили на помощь.

Какимъ представляется это высокое, колышущееся, обширное поле маленькимъ животнымъ, которыя живутъ среди него?

Испытываютъ ли они тоску одиночества? Или для нихъ вся природа—родная и потому нѣчто заурядное? Не такъ, какъ у человѣка,

который постоянно въ страстномъ порывѣ любви возвращается къ ней, точно вернулся изъ Америки въ родную деревню.

Ничего-то мы этого не знаемъ и никогда знать не будемъ...

. . . . . .

Насъ встрѣтила племянница г-жи Штольпе и любезно попросила подождать, такъ какъ утромъ тетушка чувствовали себя плохо. Но теперь она очень рада, что въ состояніи принять стараго, дорогого друга.

Потомъ насъ проводили къ ней въ комнату. Старушка сидѣла на диванѣ, обложенная подушками и укрытая одѣяломъ; она любезно протянула намъ навстрѣчу руки. Ей около восьмидесяти. Видно, что она была красива: голубые глаза точно подернуты дымкой; когда она говоритъ, кажется, что сквозь туманъ тихо колышется голубое море.

Папа часто говорилъ мнѣ о ней. Она вспоминала Римъ, гдѣ они провели вмѣстѣ не одну зиму. Хотя она не говорила ничего выдающагося, особеннаго, но звукъ и тонъ ея голоса были значительны, такъ что невольно начинаешь прислушиваться и думать, что прослушалъ что-то существенное.

Одѣта старушка изысканно. Неопредѣленнаго фасона платье изъ мягкаго чернаго атласа, скрывающее старую фигуру; кружево на распущенныхъ сѣдыхъ локонахъ. А руки, къ которымъ невольно нагибаешься для поцѣлуя!

Кругомъ старые комоды съ мѣдными украшеніями, тяжелые, рѣзные, дубовые шкапы въ стилѣ etріге. Масса пастелей, масляныхъ картинъ, главнымъ образомъ, фамильныхъ портретовъ, воспоминаній объ Италіи. Подушки, скатерти, вышивки нѣжныхъ цвѣтовъ, частью выцвѣтшихъ отъ времени. А нѣжный ароматъ, которымъ дышатъ всѣ изящные старые предметы, ароматъ прежнихъ духовъ, поблекшихъ розъ, чудныхъ плодовъ, гдѣ-то забытыхъ въ высокихъ хрустальныхъ вазахъ... обѣ женщины вполнѣ подходятъ къ своимъ комнатамъ. Подхожу ли я къ своей комнатѣ? Вообще, къ чему я подхожу?

Племянница напоминаетъ выцвѣтшую вышивку или дорогое мягкое кружево. Она вполнѣ «барышня»!

Съ теткой она привѣтлива и ласкова, съ нами любезна, но все время чувствуется, что ее отдѣляетъ отъ насъ какой-то невидимый покровъ, что она живетъ въ прошедшемъ.

Молодой слуга, изъ ливреи котораго такъ и глядитъ деревенскій парень, принесъ бѣлое вино, сельтерскую воду и земляники.

Съ однимъ изъ слѣдующихъ поѣздовъ пріѣхалъ придворный проповѣдникъ изъ Берлина. Мы остались обѣдать.

Разговоръ касался больше прошедшаго. При обмѣнѣ воспоминаній у меня все время было чувство, точно отодвигаютъ ящики, бережно, благоговѣйно вынимаютъ оттуда драгоцѣнныя рѣдкости и передаютъ изъ рукъ въ руки. Я впервые сознала, что отецъ мой также старикъ, не на одно, а на два поколѣнія старше меня. Когда онъ женился, ему было около пятидесяти.

Придворный проповѣдникъ много разсказывалъ о борьбѣ церкви съ возрастающимъ невѣріемъ. Онъ съ увлеченіемъ рисовалъ мощное стремленіе вернуть утраченную почву.

Когда я наслушалась разсказовъ о собраніяхъ, общихъ моленіяхъ, союзахъ молодежи, газетахъ, мнѣ стало обидно, что вѣра должна прибѣгать къ такимъ матеріальнымъ, практическимъ способамъ борьбы.

Я всегда причисляла себя къ вѣрующимъ, но мнѣ было довольно безразлично, вѣруютъ ли другіе или нѣтъ. Это было наше личное дѣло съ Богомъ: можетъ быть, больше походившее на грёзы, чѣмъ на нѣру.

Евангелическая церковь, какъ борющаяся сила... Не знаю... мнѣ это что-то не по вкусу. Предоставила бы она борьбу католицизму; онъ умѣетъ выступать въ бой съ толпою, вооружившись драгоцѣнными старыми доспѣхами и девизами.

Меня злило, что лесть придворнаго проповѣдника дѣйствовала на папу. Тотъ упрекалъ отца въ бездѣйствіи; настаивалъ, что теперь непозволительно зарывать талантъ въ землю и будируя стоять въ сторонкѣ, тогда какъ раздается призывъ «къ оружію!»

Я замѣтила, какъ на лицѣ отца разгладились морщины и глаза заблестѣли. Однако, когда проповѣдникъ потребовалъ опредѣленныхъ обѣщаній и предложилъ руководить новой ежедневной газетой, отецъ энергично отказался.

Теперь я понимаю раздраженіе папы противъ Якова Зивекинга. Вѣдь Зивекингъ—неуравновѣшенный продуктъ новаго времени. Но онъ пробуждаетъ живые источники.

Впрочемъ, папа добродушно разсказалъ о Зивекингѣ. Проповѣдникъ знаетъ его брата Андрея, городского миссіонера, и очень высоко цѣнитъ.

Говорили о выставкѣ библейскихъ картинъ стараго Зивекинга, какъ о событіи въ мірѣ искусства. Я видѣла ихъ съ папой... Онъ находилъ, что прежнія, наивныя вещички были лучше; теперешнія картины написаны по заказу.

Я испытывала одно чувство:

— Милосердый Боже, неужто тебѣ не надоѣстъ въ одинъ пре-

красный день церковная живопись, и ты не пошлешь на нее громъ и молнію!

Когда m-elle фонъ-Штольпе стала восхвалять прекрасный, благородный стиль, у меня вдругъ сорвалось:

— Благородный стиль—одно подражаніе. Столѣтія продолжается списываніе. Въ школѣ запрещено списываніе, а въ высокомъ искусствѣ, вѣроятно, дозволено?

На минуту въ комнатѣ водворилось такое молчаніе, что меня испугалъ собственный голосъ.

Потомъ г-жа фонъ-Штолпе снисходительно погладила мою руку, слегка улыбнулась и проговорила:

— Молодость, конечно, не способна понять святости прочныхъ, старинныхъ традицій.

Папа поглядѣлъ на меня, проповѣдникъ и m-elle Штольпе тоже.

Я ждала съ минуты на минуту, что папа выдастъ меня, заявивъ: «Дочь моя—поклонница Угланди». Но онъ пощадилъ меня и сказалъ только о впечатлѣніи, которое произвело на него новое искусство.

Я испытала чувство человѣка, изгнаннаго избраннымъ обществомъ. Чувство полумучительное, полуреволюціонное. Не слѣдовало ли мнѣ вскочить и выступить въ защиту Угланди? Это было бы такъ смѣшно.

У насъ все идетъ вверхъ дномъ. Ни одного обѣда дома: все гдѣнибудь на сторонѣ. Цѣлый день пріятная суматоха. Папа не умолкая бранитъ Берлинъ. И всетаки вытягиваетъ свои щупальцы во всѣ стороны: хочетъ все слышать, все видѣть. Конечно, только ради Тези и меня...

Мы не разрушаемъ его иллюзій.

Вчера отправились въ Линденъ театръ. Сначала было что-то французское: легкая, живая музыка и пѣвица — ну, штучка!... Въ заключеніе мнѣ страшно хотѣлось за кулисы, но Фрицъ не пустилъ. Потомъ балетъ.

Группы дѣвушекъ въ красномъ газѣ, группы въ голубомъ, группы въ черномъ съ золотомъ.

Тези-Розочка была въ первый разъ въ театрѣ; она схватила меня за руку и прошептала на ухо:

— Элленъ, вѣдь это не настоящіе люди, не правда ли? Не можетъ быть, чтобъ настоящіе.

Папа услыхалъ и сказалъ улыбаясь:

— Нѣтъ, Розочка, это не куклы, это—искусственныя фигуры. Вы вѣдь читали Брентано? Вечеромъ директоръ театра укладываетъ

Она должна съ помощью иголки выдѣлить «линіи моего существа». Милосердый Боже!

По временамъ онъ вскакиваетъ съ мѣста, принимается бѣгать по комнатѣ, развязываетъ и завязываетъ галстукъ и, наконецъ, въ полномъ отчаяніи восклицаетъ:

— Я зналъ. Я былъ заранѣе увѣренъ. Ковыряйте, ковыряйте иголкой, что-нибудь да выйдетъ.

У бѣдной Тезички слезы навертываются на глаза. Тогда я начинаю обнимать ее и браню Якова.

А онъ произноситъ точно изъ бездны отчаянія:

— Я хотѣлъ выставить это платье въ Парижѣ, въ Брюсселѣ... Почему вы сами не вышили его?

Я набрасываюсь на него:

— Вы воображаете, что я обладаю божественнымъ терпѣніемъ Тезички? Я бы давно запустила работой вамъ въ физіономію. Я вообще не могу вышивать.

— Этого вовсе и не нужно,—вскрикиваетъ онъ.—Достаточно, чтобы вы чувствовали, гдѣ должны быть длинные, гдѣ короткіе штрихи и все готово.

... Да, чувствовать... бѣдная Розочка!

Я уже понимаю, что онъ хочетъ выразить—не совсѣмъ можетъ, но хочетъ. Нѣчто вродѣ соединенія торжественнаго величія, широкаго размаха и сумасбродства... Какая-то чертовщинка, качающаяся на длинныхъ, граціозныхъ стебелькахъ.

Конечно, я виду не подаю, что понимаю въ чемъ дѣло. Вообще, эти вышивки—предлогъ ходить къ намъ каждый день и не предоставлять поля битвы одному Андрею.

— Знаете, мнѣ до безумія интересно наблюдать, какъ человѣкъ влюбляется,— сознался онъ однажды,— завидую Андрею, положительно завидую!

И меланхолически вздыхаетъ, точно Андрей лѣтъ на тридцать моложе его.

— Попробуйте сами, Яковъ,—ободряю я его,—найдите хорошенькаго, маленькаго подросточка...

Онъ съ упрекомъ глядитъ на меня.

— М-me Эрдмансдёрферъ, какъ вы непроницательны. Неужели у васъ такъ мало знанія души человѣческой, что вы до сихъ поръ не замѣтили, какъ мнѣ противны хорошенькіе, маленькіе подростки?

Онъ отчаянно мотаетъ головой и преспокойно, не смущаясь, продолжаетъ:

— Вѣдь я васъ люблю или, вѣрнѣе, почти люблю. Сравнивая свои чувства съ чувствами брата, я съ грустью вижу, что это не то!

— Слушайте: если съ вами случится несчастіе, я буду для васъ работать...

— Благодарю васъ,—иронически отвѣчаю я,—надѣюсь, что мнѣ не придется прибѣгать къ вашей помощи.

Онъ заработалъ въ этотъ мѣсяцъ десять марокъ.

— Только въ мечтахъ,—продолжалъ онъ,—я уясняю себѣ свои чувства. Я посадилъ бы васъ въ филигранный серебряный дворецъ, въ бельведеръ на зеленовато-фіолетовыхъ колоннахъ изъ аметиста, между которыми просвѣчивало бы блѣдно-голубое небо, я одѣлъ бы васъ въ драгоцѣнныя одежды и каждый день въ продолженіе часа стоялъ передъ вами колѣнопреклоненный и молился. А вы могли бы слегка поглаживать мнѣ рукою волосы.

... Какъ вы любезны!

— Нѣтъ, не смѣйтесь. Ради Бога, не смѣйтесь!—съ мольбою поднялъ онъ ко мнѣ руки; его блѣдное, некрасивое лицо было взволновано.—Вы не знаете, какъ это серьезно. Я страстно желаю, чтобы вы считали меня самымъ талантливымъ человѣкомъ въ Европѣ.

Губы его предательски дрогнули. Трудно сказать, смѣется ли онъ надъ собой или готовъ заплакать.

— Что это, любовь или нѣтъ?—печально спросилъ онъ меня.

— Яковъ, Яковъ, боюсь, что это не любовь... Да вѣдь я гораздо старше васъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Это ничего не значитъ. Однажды я цѣлый вечеръ любилъ старую, намалеванную кельнершу, потому что въ движеніи ея рукъ было что-то, напоминавшее мать. Я какъ дитя рвусь къ нѣжности, но нѣжность должна быть мягкая, только слегка прикасающаяся осторожными пальцами. Видите ли, если бы мы даже захотѣли, мы бы не могли любить по-старому. Вы навѣрное хотите любить мужа, а это не выходитъ...

— Яковъ, такихъ шутокъ я не желаю.

— Простите. Понимаю, что это безсовѣстно!

— Конечно. Потомъ, пожалуйста, не говорите постоянно «мы». Я вовсе не принадлежу къ вамъ, новымъ людямъ.

— Вы сами не знаете, какой вы новый человѣкъ. И я этого не зналъ въ своей дѣтской въ Блазевицѣ. Насъ отличаетъ отъ другихъ способъ воспріятія ощущеній. Мы воспринимаемъ не все, а только тончайшее, что для другихъ совсѣмъ не существуетъ. Я желалъ бы болѣе нѣжной любви, новой, какой не любилъ ни одинъ человѣкъ.

— Знаете, что вы мнѣ напомнили,—сказала я,—по небу тянется радуга, яркія краски на грозовыхъ тучахъ. А гдѣ-то тамъ, вблизи большой, роскошной радуги видна другая, блѣдный отблескъ присоваго цвѣта. Нѣжное, бѣлесоватое, разноцвѣтное дуновеніе на сѣрыхъ тучахъ.

— Да, да,—закричалъ онъ порывисто,—это и есть тонкіе ирисы. ...Сама радуга непріятное, банальное произведеніе природы...

— Какъ любовь?

— Вотъ именно!

Я вскочила, не знаю, что со мной случилось, вытянула руки впередъ и закричала:

— Все это безсмыслица! Я бы разбила вашъ филигранный дворецъ. Я хочу настоящую радугу, всю радугу!

Яковъ серьезно покачалъ головой и сказалъ:

— М-me Эрдмансдёрферъ, вы мнѣ не нравитесь. По временамъ вы бываете грубы.

Отношенія ко мнѣ Рендель сдѣлались нѣсколько натянутыми. Правда, благодаря пріѣзду моихъ дорогихъ гостей, я ее почти забросила. Но вотъ, вырвавшись на минутку (отправила папу и Тези однихъ странствовать по городу), лечу къ ней, и она дѣлаетъ мнѣ сцену за то, что я съ Тези на ты, а съ ней нѣтъ.

Право, это смѣшно; я обошлась съ ней холодно и сухо. Черезъ нѣсколько дней она ѣдетъ домой; надѣюсь, что мы больше не увидимся.

Нашъ ассистентъ просто противная лягушка! Какъ бы я желала сдѣлать ему какую-нибудь непріятность! Ненавижу это отвратительное существо.

Туда же, позволяетъ себѣ подтрунивать!

— Я видѣлъ на-дняхъ картины Угланди. Я преклонилъ колѣни и молился. ...Человѣкъ, за котораго вы такъ стоите, можетъ быть только Богомъ...

Самонадѣянная обезьяна!

Я только смѣрила его взглядомъ съ головы до ногъ. У меня расправа коротка.

Онъ пошелъ жаловаться Фрицу, что я третирую его en canaille.

Фрицъ сказалъ мнѣ:

— Дождалась!

— Чего дождалась?

— Результатовъ отчаяннаго кокетства.

Какая пошлость.

Какъ пріятно мучить человѣка. Теперь я мучу Фрица и сознательно мучу. Я мила и любезна съ Яковомъ... мнѣ это нужно. Фрицъ долженъ попросить прощенія за ту пошлость. Пока не сдѣлаетъ, будетъ мучиться. Мы неожиданно стали врагами.

Я испытываю приливы ненависти, когда вижу его. И такую острую боль въ сердцѣ. Неужто въ нашемъ супружествѣ миновало все хорошее, о чемъ мы мечтали? Когда такая мысль западаетъ мнѣ въ голову, я забираюсь въ темный уголъ и реву, реву. Когда выхожу одна на улицу, вдругъ навертываются на глаза слезы, текутъ подъ вуалемъ, такъ что я не знаю, какъ унять ихъ.

Боже мой, Боже, или я должна покориться? Не могу, не могу. Онъ поступилъ несправедливо. А если изъ-за этого все распадется на кусочки?...

Папа поговариваетъ объ отъѣздѣ. Я испробовала всѣ средства, чтобы удержать его и Розочку. Говорила, что мы не имѣемъ права мѣшать Розочкиной любовной идилліи съ толстякомъ Андреемъ. По счастію, она на моей сторонѣ, потому что серьезно влюблена. Ужъ и вкусъ у нея!

Я не могу ихъ отпустить, не могу остаться одна съ Фрицемъ. У меня отъ страху сжимается сердце! Папа по временамъ на меня такъ странно посматриваетъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ не долженъ знать, что со мной происходитъ...

Я просила Зивекинга, чтобы онъ разсказалъ мнѣ о своей матери. Онъ помнитъ только послѣдній день ея рожденья, когда дѣти подарили ей двѣнадцать маленькихъ, бѣлыхъ молочныхъ горшечковъ, одинъ меньше другого. Онъ сердился и былъ огорченъ, что ему не досталось нести ни самаго большого, ни самаго маленькаго, а пришлось идти какъ разъ посрединѣ.

— У меня не сохранилось въ памяти ни ея облика, ни голоса,— грустно сказалъ онъ.—Помню только молочные горшечки и наше шествіе гуськомъ... Помню еще запахъ ея тѣла. Такой тяжелый, болѣзненный, частью лѣкарственный; онъ долго сохранялся дома въ нѣкоторыхъ предметахъ. И когда я тоскую по домѣ, у меня есть увѣренность, что я тоскую по этомъ запахѣ...

Милѣйшая, дорогая невѣстка! «Совершенство» и злоба уживаются въ ней бокъ-о-бокъ!

Дорогая Берта огорчена, что я отказалась ѣздить съ ней два раза въ недѣлю на рынокъ. Съ этихъ поръ она повторяетъ при всякомъ

удобномъ случаѣ, что я не серьезно отношусь къ браку. Мнѣ это надоѣло. И вотъ, когда она явилась къ намъ вчера подъ вечеръ, я велѣла сказать, что у меня болитъ голова. Мнѣ, дѣйствительно, нездоровилось; а въ этомъ случаѣ я рѣшительно не выношу ея голоса. Однако, она видѣла въ передней шляпу Зивекинга, а ее съ другой не смѣшаешь, и еще на грѣхъ встрѣтила на обратномъ пути Фрица.

Я должна быть ей благодарна за то, что она помогла мнѣ, наконецъ, объясниться. Но я еще ошеломлена бурнымъ потокомъ вылившихся на меня рѣзкихъ упрековъ.

Возможно ли? Фрицъ, дѣйствительно, ревнуетъ меня къ Якову. Къ несчастному, краснощекому Якову. Онъ потихоньку отъ меня пригласилъ въ Берлинъ папу и Тези, чтобы я поменьше оставалась наединѣ съ непріятнымъ молодымъ человѣкомъ, и тѣмъ исполнилъ только мое желаніе.

Я потрясена. Фрицъ казался мнѣ гораздо крупнѣе... и умнѣе. Я считала его большимъ знатокомъ людей.

И пляска! Мое появленіе въ крестьянскомъ костюмѣ передъ мужчинами. Противный ассистентъ разболталъ, и знакомые дразнили Фрица. Пріятель Рихтеръ сказалъ ему, что не позволилъ бы своей женѣ такой выходки...

Коротко и ясно: я должна въ корень измѣниться, чтобы стать достойной господина доктора Фрица Эрдмансдёрфера!

Фрицъ стоялъ передо мной въ такой торжественной позѣ, что я не выдержала и, глубоко возмущенная, непроизвольно впала въ истерическій смѣхъ.

— Элленъ, неужели ты не понимаешь,—сказалъ онъ серьезно, какое впечатлѣніе производитъ твое поведеніе.

— О впечатлѣніи я вообще не думаю. Я отдаюсь настроенію минуты. Я забываю въ слѣдующую минуту, что испытала въ предыдущую.

— Если бы можно было постигнуть, что у васъ женщинъ наивность и что утонченная испорченность,—сказалъ Фрицъ съ такимъ безпомощно-безнадежнымъ выраженіемъ, что я почти растрогалась.

Но чтобы я, обливаясь слезами, бросилась ему на шею, чтобы я просила прощенія... Ни за что на свѣтѣ! Это не въ моемъ духѣ. Я остаюсь при своемъ: онъ ко мнѣ несправедливъ. Его это огорчаетъ. Мнѣ кажется, ему было бы пріятнѣе видѣть меня раздавленной, измученной угрызеніями совѣсти.

Великодушно прощать, смотрѣть сверху внизъ на наши глупости и слабости, чувствовать себя божкомъ... вотъ чѣмъ готовъ наслаждаться каждый мужчина.

И вмѣсто этого—ежедневныя насмѣшки надъ ревностью... Милый мой Фрицъ, я хорошо тебя знаю. Тебя и твое гигантское самолюбіе.

Я не хочу, чтобы бѣдный Яковъ расплачивался за глупую исторію. Не хочу безъ всякаго основанія отказывать ему отъ дома... Не хочу срамить Фрица!

Папа замѣтилъ, что что-то неладно. Я не сдержана въ гнѣвѣ.

Мы были одни; онъ долго смотрѣлъ себѣ подъ ноги и молчалъ, потомъ началъ:

— Элленъ, если мужъ твой ревнивъ, ты ничего не достигнешь упрямствомъ и подразниваньемъ. Тутъ ничего не подѣлаешь: придется уступить. Ты не понимаешь, что такое для мужчины ревность. Какъ она подтачиваетъ душевныя силы, мучитъ и адски терзаетъ его...

— Папа, но вѣдь этимъ онъ показываетъ недовѣріе ко мнѣ, котораго я не могу вынести.

— Научишься переносить. Супружество тоже надо учиться переносить.

Я замолчала.

— Да, люди выучиваются переносить супружество...

Точно мучительная боль прошла по всѣмъ нервамъ.

Какъ безотрадно звучатъ слова отца, словно почерпнутыя изъ глубокаго, тяжелаго опыта...

У меня уже давно въ тайнѣ зародился страхъ передъ «необходимостью переносить».

Не осмѣлиться сказать: «Теперь ты мнѣ не нуженъ. Дай отдохнуть отъ тебя недѣльку-другую. Не знаю почему, но въ настоящее время я къ тебѣ ничего не чувствую. Меня занимаетъ что-то другое».

Вѣроятно, хорошія жены никогда не испытываютъ ничего подобнаго... Или не въ такой степени...

Развѣ можетъ Берта лелѣять въ сердцѣ безразсудное желаніе испытать въ мірѣ все: прекрасное, ужасное, безумное; спуститься до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ и все самой пережить...

Я никогда не могла понять «объективнаго созерцанія». У меня все субъективно.

— Ты должна научиться управлять собой, Элленъ,—сказалъ мнѣ однажды Фрицъ.—Если ты будешь пролеживать ночи безъ сна, потому что на мостовой у твоего порога кто-то не спитъ, если не будешь ѣсть, потому что кто-то голодаетъ, если будешь ощущать боли, потому что у меня въ клиникѣ страдаютъ женщины... такъ жить нельзя...

— Ну, какъ же, какъ мнѣ перестать чувствовать?

Мнѣ хотѣлось бы просить у жизни все новыхъ, небывалыхъ ощущеній!

Тогда, во время пляски, былъ одинъ моментъ, когда меня охватило сильное желаніе; оно рвалось изъ меня; я простирала къ нему руки... И это именно такъ ужасно и чуждо во мнѣ Фрицу.

Да и мнѣ самой.

Я знаю, что̀ могло бы меня успокоить.

Не что-нибудь невѣроятное—ничуть. Нѣчто вполнѣ естественное. Такое заурядное счастіе, которымъ въ избыткѣ владѣютъ бѣдныя прачки, поденщицы, попадьи!

Только я одна, я изъ тысячи не владѣю имъ.

Никакихъ признаковъ. Никакой надежды.

Я живу только надеждой.

А если она никогда не осуществится? Никогда... И всю жизнь ждать, ждать, ждать—изъ году въ годъ. Душа моя стонетъ отъ страха, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ.

Вчера мы праздновали обрученье. Согласіе тетушки Леберъ пришло по телеграфу.

Толстякъ Андрей раскрылъ сначала передо мной свое сердце. Онъ признался, что считаетъ себя недостойнымъ руки Тези. Онъ слишкомъ грѣшилъ передъ Господомъ. Къ чему онъ все это говорилъ мнѣ? Фрицъ нашелъ это неумѣстнымъ.

Я передала его признаніе Тези, какъ онъ просилъ. Она, рыдая, упала мнѣ на шею, а я въ сущности думала, что она будетъ смѣяться. Я утѣшала ее: «Дѣло обстоитъ не такъ плохо, истинные христіане любятъ преувеличивать свои грѣхи. Не вѣрю, чтобы у добраго, флегматичнаго Андрея могли быть ужасные грѣхи».

Мои утѣшенія ей не понравились. Она сама не знаетъ, чего хочетъ. Я начинаю подозрѣвать, что не грѣхи Андрея заставляютъ ее проливать слезы.

Она только вздыхала:

«Я не могу сказать тебѣ всего, Элленъ, это слишкомъ ужасно и грустно».

Но несмотря на грустную тайну, мы мирно переговорили послѣ обѣда; мы вычислили, хватитъ ли процентовъ съ капитала ея отца на скромную жизнь въ Берлинѣ, потому что внутренняя миссія не одаряетъ своихъ слугъ земными благами. Потомъ мы выпили за здоровье жениха и невѣсты.

Яковъ относится къ молодымъ покровительственно и попрежнему вздыхаетъ:

«Можно же такъ беззавѣтно влюбиться!»

Фрицъ считаетъ это жалкой аффектаціей. Папа грустенъ и имѣетъ несчастный видъ. За послѣдніе дни съ нимъ часто повторялись сердечные припадки. Ему вреденъ берлинскій воздухъ. Онъ рвется домой.

Послѣ ужина онъ попросилъ насъ поиграть. Мы съ Тези играли и пѣли народныя пѣсни.

Подъ конецъ я спѣла одна:

«Прославь, душа моя, Творца».

Послѣ, когда я вышла изъ комнаты, чтобы принести фрукты, Фрицъ догналъ меня въ темномъ коридорѣ, обнялъ и поцѣловалъ.

У меня нехорошо было на душѣ.

— Ты ошибся во мнѣ,—сказала я рѣзко.

— Элленъ,—тихо попросилъ онъ, не будь такъ черства!—Я постараюсь понять тебя. А ты—меня!

Онъ прижалъ меня къ себѣ.

Я почувствовала...

Мнѣ стало такъ грустно. Безконечно грустно. Моя душа неслась по безбрежному морю печали, не видя конца.

Но всетаки когда онъ тронулъ меня, мнѣ стало жаль его.

Ночью, когда онъ положилъ мнѣ голову на грудь, я испытала къ нему чувство матери, которая исполняетъ желаніе своего ребенка, потому что не можетъ видѣть страданій.

Фрицъ позволяетъ мнѣ ѣхать съ моими въ Гарцъ. Въ октябрѣ онъ пріѣдетъ за мной.

Мнѣ кажется, онъ неохотно отпускаетъ меня.

Но въ немъ говоритъ врачъ. Онъ находитъ меня блѣдной и малокровной. Можетъ быть, онъ отпускаетъ меня, чтобы не оставлять съ Яковомъ Зевекингомъ? Нѣтъ, мнѣ кажется, онъ пережилъ эту глупость!

Ахъ, мои лѣса! Какъ я рада, какъ я счастлива!

Н. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОМАНЪ ВЪ КЛѢТКѢ.

Повѣсть.

I.

Небо было сѣренькое, тусклое. Хлопья снѣга кружились въ воздухѣ и липли къ стекламъ окна, у котораго я сидѣла въ молчаливой задумчивости. Я смотрѣла, какъ падали снѣжные хлопья и какъ они прыгали, обгоняя другъ друга,— и неожиданно и мгновенно въ памяти моей нарисовался садъ съ вишнями, облѣпленными бѣлымъ, какъ снѣгъ, цвѣтомъ, длинный огородъ и кружившіеся надъ нимъ бѣлые мотыльки, за которыми я, маленькая дѣвочка, тщетно гоняюсь съ сачкомъ.

И мнѣ сдѣлалось вдругъ грустно-грустно, этотъ садъ съ вишнями въ бѣломъ цвѣту, съ огородомъ и съ мотыльками, и эта маленькая дѣвочка съ треплющимися по плечамъ локонами,—это кусочекъ какой-то сказки: все это было такъ давно, что успѣло сдѣлаться грустнымъ.

Хлопья снѣга кружились въ воздухѣ и, казалось, разсказывали мнѣ какую-то сказку, которую я слыхала въ счастливомъ дѣтствѣ и теперь забыла.

Смеркалось и вѣяло скукой отъ неба и отъ улицы, и отъ людей, которые изрѣдка проходили мимо окна. Мнѣ казалось, что на небѣ такъ же скучно, какъ на землѣ, и что всѣхъ людей на свѣтѣ я узнала и перестала любить: скучны ихъ радости и скучно горе, и сами они такъ похожи другъ на друга, что становится грустно-грустно.

Я смотрѣла на пустой недостроенный домъ на той сторонѣ улицы и думала: «У всѣхъ такъ же пусто въ душѣ, какъ въ этомъ домѣ, и такъ же скучно и такъ же холодно».

А что тамъ, въ моей душѣ? Я прислушивалась къ самой себѣ: съ кроткой грустью звенѣла въ моей душѣ струна далекихъ воспо-

минаній о чемъ-то неясномъ, позабытомъ, но совершенно чуждомъ тому, что называлось теперь моей жизнью.

Быть можетъ, то было эхо дѣтскаго смѣха въ саду съ цвѣтущими вишнями, съ огородомъ и съ мотыльками? Я вздохнула и вздрогнула, и струна смутныхъ воспоминаній въ моемъ сердцѣ перестала звучать: медленной походкой усталаго человѣка вошелъ въ комнату мужъ мой и испугалъ мое грустное одиночество.

— Ты здѣсь сидишь,—сказалъ онъ, съ тоской устремивъ глаза въ окно, за которымъ кружились хлопья снѣга, и зѣвнувъ, сказалъ «охо-хо-хо» съ такой скукою, словно все на свѣтѣ уже перестало интересовать его. Быть можетъ, и ему надоѣло все это, что называется нашей жизнью? Быть можетъ, и онъ несетъ эту жизнь, какъ бремя, безъ радости бытія, съ такой же скукой, какъ свою безсмысленную службу?

Я остановила на немъ взглядъ свой, и мое сердце заныло тоской и мнѣ захотѣлось плакать. О чемъ? О томъ, что я позабыла ту сказку, которую слыхала когда-то давно-давно, и еще о томъ, что если я когда-нибудь снова услышу ее, то уже не повѣрю ей и не улечу на ея крыльяхъ отъ этого скучнаго неба, скучной улицы, скучныхъ людей... Кто мнѣ разсказывалъ эту сказку? Старенькая няня; мать, которой я не помню; потомъ одинъ юноша... Гдѣ онъ, этотъ юноша, и что съ нимъ? И вѣритъ ли онъ теперь той сказкѣ, которую разсказывалъ мнѣ съ вздохновеннымъ взоромъ мечтателя?... Еще разсказывалъ мнѣ ее вотъ этотъ самый человѣкъ, который сказалъ «ты здѣсь сидишь» и теперь смотритъ на снѣжные хлопья такими глазами, словно въ нихъ отразилась вся скука жизни... Неужели и онъ, этотъ человѣкъ...?

— Помнишь, ты мнѣ разсказывалъ сказку...

Онъ посмотрѣлъ на меня апатичнымъ взглядомъ и вяло улыбнулся, какъ-то жалостливо улыбнулся.

— Я забылъ всѣ сказки...

— Припомни!... Ту, самую красивую и интересную...

— Неужели тебя до сихъ поръ могутъ интересовать сказки?

— Ты меня не понялъ: мнѣ только двадцать четыре года, мнѣ хотѣлось бы еще вѣрить сказкамъ. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить тому, что мы еще любимъ другъ друга,—прошептала я, и тихо заплакала, уронивши голову на руки.

— Какъ это скучно... Точно ненастный день и вой вѣтра въ печной трубѣ... О чемъ плакать?

— О томъ, что мы уже не любимъ другъ друга.

— Что значитъ любить?... Конечно, мы не новобрачные... Это

въ порядкѣ вещей и не о чемъ плакать. Люди знаютъ, что всѣ они умрутъ, знаютъ, что съ каждымъ днемъ смерть ближе, однако, не плачутъ?... Должно быть, ты беременна...

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и, когда я взглянула на его фигуру, особенно на его круглый остриженный высоко затылокъ, то мнѣ вдругъ сдѣлалось совершенно ясно, что это уже чужой мнѣ человѣкъ.

— Ты уже умеръ, совсѣмъ умеръ! —сказала я, отирая слезы, и ушла въ свою комнату. Тамъ я лежала въ постели и все мнѣ слышались двѣ фразы мужа: «Ты здѣсь сидишь» и «должно быть, ты беременна», и рисовался круглый остриженный затылокъ, какой-то незнакомый затылокъ чужого человѣка, грубаго, тупого и всѣмъ довольнаго, который не умѣетъ грустить и не умѣетъ дорожить грустью неясныхъ тревожащихъ душу воспоминаній.

За вечернимъ чаемъ мы сидѣли другъ противъ друга и молчали. Мы и раньше сидѣли, обыкновенно, молча, но только теперь я поняла это молчаніе: намъ нечего было сказать другъ другу!... Мы молчали и мнѣ казалось, что въ этомъ упорномъ молчаніи совершается что-то очень важное для насъ обоихъ. Изрѣдка я взглядывала на мужа, и мнѣ представлялось страннымъ, что это—тотъ самый человѣкъ, который когда-то разсказывалъ мнѣ сказку, а теперь владѣетъ только моимъ тѣломъ. Нужно ли ему теперь еще что-нибудь, кромѣ моего тѣла?... «Ты здѣсь сидишь, должно быть, ты беременна»,—настойчиво повторяла моя память и мнѣ было странно, почему этотъ человѣкъ сидитъ со мной за однимъ столомъ и какъ это будетъ, что всю жизнь онъ останется предо мной, грубый, тупой и всѣмъ довольный... Онъ читалъ газету; его носъ, испещренный мелкими точками, рѣзко очерчивался на фонѣ газетнаго листа и казался мнѣ некрасивымъ и смѣшнымъ, словно я только теперь увидала этотъ носъ, а руки, поросшія волосами, казались страшными, и мнѣ не вѣрилось, что эти самыя руки, поросшія волосами, разрисованныя надувшимися венами, столько лѣтъ грубо ласкали меня. Несуразныя мысли одна за другой проплывали въ моемъ мозгу, и я незамѣтно разглядывала своего мужа со страхомъ и любопытствомъ; и чѣмъ дольше я его разглядывала, тѣмъ больше онъ казался мнѣ чужимъ, незнакомымъ человѣкомъ... И когда, почувствовавъ на себѣ мой пристальный взглядъ, человѣкъ этотъ поднялъ глаза и наши взоры встрѣтились, мнѣ захотѣлось крикнуть:

— Я ошиблась!

Вошла маленькая Женя и сказала:

— Мамочка, мнѣ скучно!

Ея личико было грустное, словно оно отражало мою печаль и словно сердце маленькой Жени отзывалось сердцу большой Жени, ея матери.

— Отчего тебѣ, другъ мой, скучно?

— Никто мнѣ не разсказываетъ сказокъ: ни ты, ни папа...

— А няня?

— Няня разсказала всѣ и больше не знаетъ... Папа, ты умѣешь разсказывать сказки?

— Нѣтъ.

— А ты, мама?

— Я не умѣю. Но потомъ я куплю тебѣ книгу, гдѣ много сказокъ, и буду читать.

Мужъ вспыхнулъ и спряталъ лицо за газетой. Но носъ его, испещренный мелкими черными точками, былъ виденъ, и мнѣ вдругъ стало смѣшно, невѣроятно смѣшно!... Словно все, чѣмъ я жила, слилось теперь съ этимъ носомъ и ничего другого не осталось...

— Тебѣ, мамочка, весело!

— Нѣтъ.

— Отчего же ты смѣешься?

Мужъ всталъ и ушелъ. А я обняла мою дѣвочку и, обливая ее слезами, цѣловала и говорила сквозь смѣхъ и слезы:

— Ты любишь сказки? Люби ихъ, люби! безъ нихъ нельзя жить...

Какъ она похожа на меня, эта маленькая Женя! И я была такая же худенькая, тоненькая, какъ тростинка, и глаза у меня были такіе же недоумѣвающіе, словно спрашивали: «Что такое жизнь и зачѣмъ я пришла сюда?»... Отчего я не люблю, Женя, твоего отца, не могу больше любить его, хотя бы за то, что онъ—твой отецъ? И не себя ли я люблю въ тебѣ, мой милый ребенокъ, съ спрашивающими глазами? Неужели и ты повторишь меня и въ двадцать четыре года будешь думать: «Какъ скучно жить и какъ жаль, что потеряны и позабыты всѣ ея сказки!»...

II.

Дни шли, а мы молчали, и я чувствовала, что въ этомъ молчаніи продолжаетъ невидимо и быстро разрастаться наше взаимное отчужденіе. Дни казались безконечно длинными, и мы не знали, что съ собою дѣлать. Мужъ все ходилъ по комнатамъ съ заложенными въ карманы брюкъ руками, о чемъ-то все думалъ и по временамъ, останавливаясь у окна, глухо произносилъ въ пространство:

— Сегодня среда...

— Должно быть, завтра будетъ морозъ...

Я не отвѣчала, и его голосъ одиноко замиралъ въ сумеркахъ, и казалось, что въ этихъ безотвѣтныхъ тупыхъ словахъ кроется какой-то особенный смыслъ. Часы медленно считали минуты молчанія и словно подчеркивали что-то неизбыточное, что должно случиться и что уже совершается.

— Сегодня суббота... Къ намъ придутъ.

Кто придетъ? Конечно, тѣ скучные, наводящіе томительное уныніе люди, которые всегда приходятъ къ намъ по субботамъ и которые, по странному совпаденію, всѣ называются Иванами и Марьями: Иванъ Павлычъ съ Марьей Ивановной и Иванъ Петровичъ съ Марьей Васильевной... Они приходятъ и приносятъ съ собой всю пустоту и пошлость жизни, и тогда мнѣ кажется, что въ нашихъ комнатахъ душно и что сама я такая жалкая и ничтожная, что не стоитъ меня жалѣть... Они говорятъ о томъ, что̀ не интересно, а когда смѣются, мнѣ хочется заплакать и всѣхъ ихъ выгнать вонъ... Они всегда справляются о моемъ здоровьи и называютъ его драгоцѣннѣйшимъ, спрашиваютъ, тепло ли у насъ въ комнатахъ и сколько выходитъ дровъ, гдѣ я покупаю такую вкусную паюсную икру и почему я похудѣла... И я безконечное число разъ отвѣчаю имъ на эти вопросы и думаю: «о, какъ вы всѣ мнѣ опротивѣли!...» Потомъ они усаживаются за карты и играютъ безконечно долго. Я смотрю на нихъ черезъ дверь, изъ столовой, и мнѣ чудится, что тамъ, въ залѣ, сидятъ не люди, а только искусно сдѣланныя чучела людей. Чѣмъ набиты эти чучела? Ходячими словами и дешевенькой добродѣтелью. Отъ одного ихъ вида на меня нападаетъ тоска, и почему-то мнѣ всегда вспоминается, что мнѣ только еще двадцать четыре года; что я еще молода и красива и что мнѣ, быть можетъ, придется жить еще долго-долго... Какъ я буду жить?...

— Сегодня я не могу выйти къ нимъ...

— Это неудобно. Эти люди ужасно обидчивы.

— Мнѣ хотѣлось бы, наконецъ, подумать о себѣ и о своихъ удобствахъ. Вѣдь это ужасно: всю жизнь думать объ Иванахъ и объ ихъ удобствахъ и никогда-никогда не пожалѣть своей души....

— Мнѣ кажется, что ты хватилась немного поздно...

— Ты жалѣешь? О чемъ?

— Теперь трудно передѣлывать жизнь. Надо все сломать и выстроить снова, по новому плану, а сумѣемъ ли мы сдѣлать это?

— Быть можетъ, не сумѣемъ. Но я не могу такъ жить. Нечѣмъ жить, а жить хочется, и мнѣ кажется, что... надо сломать...

— Ты очень храбрая...

— Раньше и ты не былъ такимъ смирнымъ. Теперь ты боишься хотя въ чемъ-нибудь не походить на твоихъ Ивановъ... Помнишь: ты не хотѣлъ дѣлать нашъ союзъ законнымъ? Тебѣ казалось это пошлымъ и шаблоннымъ, оскорбляющимъ чистоту отношеній, и ты говорилъ мнѣ: когда мы перестанемъ любить другъ друга, то мирно разойдемся въ разныя стороны, пожавъ другъ другу руки. Потомъ, когда ты поступалъ на службу, ты захотѣлъ,—какъ ты тогда выразился,— оформить нашъ союзъ... Ты назвалъ это маленькой уступкой, пустякомъ и ссылался на дѣтей... Не находишь ли ты теперь, что съ теченіемъ времени у насъ съ тобой все оформилось и ничего живого уже не осталось?...

Мой голосъ дрожалъ и рѣзко звучалъ въ тишинѣ сумерекъ и казался мнѣ совсѣмъ не моимъ голосомъ. Наступило молчаніе, а потомъ я вся встрепенулась отъ испуга: часы стали протяжно выбивать свои удары, и эти удары напомнили мнѣ вдругъ ударъ колокола на церковной колокольнѣ, когда начинаютъ отпѣвать покойника...

— Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня?

— Мнѣ кажется...

— Почему?... Или, я хотѣлъ сказать...

— Нечѣмъ тебя любить...

— Ты любишь кого-нибудь другого!

— Нѣтъ... И это еще хуже для насъ обоихъ...

— Не забудь, что нашу жизнь мы строили вмѣстѣ. Слишкомъ жестоко взваливать на меня одного все бремя нашихъ ошибокъ... Я... да, я самый обыкновенный человѣкъ, мои крылья были тѣми крыльями, которыя временно, во дни юности, даются каждому человѣку и потомъ отнимаются... Счастливъ тотъ, кто сумѣлъ не отдать этихъ крыльевъ... Я не сохранилъ ихъ: оказался обыкновеннѣйшимъ шаблоннымъ человѣкомъ, но ты? Развѣ ты считаешь себя выше? Развѣ у тебя есть эти крылья?

— Не знаю. Но у меня не умерло желаніе имѣть эти крылья, и я не могу привыкнуть къ той клѣткѣ, которая называется нашей жизнью. Понимаешь: я никогда не забываю, что я—въ клѣткѣ, и во мнѣ никогда не умирало желаніе вырваться изъ нея. А ты—прости мою жестокость,—ты чувствуешь себя не дурно и все больше становишься похожимъ на ученаго скворца...

— Не надо оскорблять...

— И мнѣ кажется, что и ты меня не любишь, а такъ... привыкъ сидѣть въ клѣткѣ вдвоемъ, потому что это удобнѣе... Помнишь: когда я сказала, что мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что мы еще любимъ

другъ друга, ты мнѣ отвѣтилъ на это: «должно быть, ты беременна»?... Такъ ты объяснилъ мою грусть по утраченному...

Мужъ тихо отошелъ и, опустивъ голову, началъ ходить изъ комнаты въ комнату большими, необычными шагами. Въ тактъ замедленному шагу онъ сталъ чуть слышно напѣвать «Пѣснь моя лети съ мольбою»... Грустно, устало и покорно тянулъ онъ мелодію этой пѣсни, и мнѣ казалось, что это звучитъ погребальная молитва надъ могилою всего прожитого... Мое сердце заныло тоской, мнѣ стало жаль этого человѣка, жаль себя и жаль того, что̀ когда-то было такъ дорого намъ обоимъ и что теперь исчезло... Но развѣ можно вернуть что-нибудь изъ тѣхъ потерь, которыя сдѣланы на пути жизни? Развѣ можетъ звучать попрежнему порванная и связанная въ узелъ струна?...

— Отложимъ нашъ разговоръ!—сказалъ мужъ.—Скоро придутъ гости, и мнѣ не хотѣлось бы выносить на-люди наши личныя недоразумѣнія...

— Недоразумѣнія!... Какъ вы корректны! А я думала, что... Впрочемъ, оставимъ!...

Говорятъ,—всѣ люди актеры на великой сценѣ міра... Я думаю, что они больше похожи на паяцовъ, ломающихся на скрипучихъ подмосткахъ мелкой и пошлой сутолоки жизни... И онъ, мой мужъ, боится, что плохо исполнитъ свою обязанность паяца, если я буду говорить ему о томъ, чѣмъ переполнилось мое сердце... Скоро придетъ публика,—всѣ эти Иваны и Марьи,—и паяцъ долженъ будетъ корчить гримасы, кувыркаться, хохотать, не щадя своего лица, своего тѣла и своей души... Надѣвай же скорѣй маску!... Звонокъ,—они пришли...

— Здравствуйте! Какъ ваше драгоцѣннѣйшее?...

— Что это, душечка, у васъ такой встревоженный видъ?

Я протянула руку сперва Марьямъ, потомъ Иванамъ, уклонившись на этотъ разъ отъ поцѣлуевъ съ женщинами и, по обыкновенію, перепутала ихъ: Ивана Павловича назвала Иваномъ Петровичемъ, Ивана Петровича—Иваномъ Павловичемъ и смѣшала ихъ женъ... Внѣшнее отличіе у этихъ людей было большое, но содержаніе настолько тожественно, что я никакъ не могла запомнить, которая Марья принадлежитъ Ивану Павловичу, а которая—Ивану Петровичу...

Мужъ переконфузился и, покачивая головой, поспѣшилъ исправить мою ошибку:

— У ней совершенно нѣтъ памяти на имена, фамиліи, дни, мѣсяцы...

Иваны, впрочемъ, не обидѣлись и отшутились плоскою шуткой: они со смѣхомъ заявили, что ничего не имѣютъ противъ такой ошиб-

ки, такъ какъ оба находятъ чужую Марью интереснѣе своей собственной. Но Марьи, видимо, обидѣлись на меня: каждая изъ нихъ считала своего супруга наилучшимъ и потому даже по ошибкѣ не желала числиться женой не того Ивана, который ей принадлежитъ по документамъ.

— Иванъ Павловичъ—мой мужъ, а у Марьи Васильевны...

— У меня—Иванъ Петровичъ!—перебила другая.

— Я увѣренъ, что отъ этой ошибки, господа, не произойдетъ дурныхъ послѣдствій, — съ улыбкой, расшаркиваясь, поспѣшилъ смягчить обиду мой мужъ. — Никто не спутается и все останется, какъ оно было и есть!...

И всѣ весело засмѣялись...

Я посмотрѣла на мужа и мнѣ захотѣлось сказать ему: «Смѣйся, паяцъ». Сославшись на страшную головную боль, я извинилась передъ гостями и ушла въ свою комнату. Тамъ я лежала въ постели подъ охраной запертой двери и наслаждалась своимъ одиночествомъ. Но перегородки нашихъ комнатъ были слишкомъ тонки, а голоса этихъ людей слишкомъ звонки: мнѣ приходилось слышать почти всѣ разговоры, которыми занимали другъ друга эти чучела.

— Мигрень?

— Страшный мигрень.

— Быть можетъ, мы будемъ мѣшать?

— О, нѣтъ! Она очень просила о томъ, чтобы мы не нарушали нашей обычной субботы. Она страшно жалѣетъ, что на этотъ разъ лишена возможности провести время въ вашемъ обществѣ.

Говорили о моемъ малокровіи, совѣтовали: компрессы на голову, одни—горячіе, другіе—холодные. Потомъ забыли о мигрени и обо мнѣ и начали играть въ карты съ обычнымъ усердіемъ.

Всего больше меня поражала «корректность» мужа; онъ не подавалъ виду, что въ нашей жизни случилось нѣчто особенное, и велъ себя такъ же, какъ всегда: говорилъ свои обычныя карточныя прибауточки, мычалъ, размышляя надъ ходомъ, выкрикивалъ «позвольте-съ!» и надо было имѣть чуткій слухъ и очень хорошо знать этого человѣка, чтобы уловить порою въ его тонѣ маленькій-маленькій диссонансъ... Удивительная способность ломать свою душу! Такъ же легко акробаты ломаютъ свое тѣло.

Въ перерывъ карточной игры, когда гости шумно двинулись въ столовую, чтобы подкрѣпиться пищей и снова начать игру, мужъ сказалъ: «быть можетъ, ей лучше» и, подойдя къ дверямъ моей комнаты, громко и очень ласково спросилъ:

— Женя! Быть можетъ, ты теперь можешь посидѣть съ нами за ужиномъ?

Я промолчала. Никогда еще этотъ человѣкъ не казался мнѣ такимъ маленькимъ и жалкимъ.

До меня доносился стукъ ножей, тарелокъ и звонъ стеклянной посуды, изрѣдка—смѣхъ и возгласы, полные безконечнаго довольства и благополучія.

— За здоровье вашей драгоцѣннѣйшей!

— Надо бы, батюшка мой, съ червей ходить... Будемъ здоровы!

— Здравія и спасенія и въ добрыхъ дѣлахъ споспѣшенія!

— А колбаски? Съ чесночкомъ?

— И пить будемъ, и ѣсть будемъ, а смерть придетъ, умирать будемъ!

Я слушала эти возгласы, и во мнѣ дрожало озлобленіе ко всѣмъ этимъ человѣчкамъ. Такъ просто и ясно въ ихъ головѣ и въ желудкѣ, и трудно раздѣлить, что въ головѣ и что въ желудкѣ... Будутъ пить, ѣсть, размножаться и умирать, и спокойны,—больше имъ ничего не нужно.

— Иванъ Павловичъ, вы ужасно чавкаете!

— Ну, ужъ, матушка, иначе не могу... Съ цыпленкомъ трудно справиться...

— Возьмите салфетку! вы испачкаете пиджакъ соусомъ...

И мнѣ казалось, что я слышу, какъ всѣ они тамъ чавкаютъ, напоминая свиней у корыта... О, съ какимъ бы наслажденіемъ я выскочила изъ своей комнаты и крикнула на нихъ:

«Хось, хось, проклятые!»...

Когда они напились и наѣлись, то опять перешли въ залъ и принялись за карты. Они играли долго, безконечно долго, и я дремала подъ ихъ голоса, смѣшки, постукиванье мелковъ и взрывы хохота... Мнѣ казалось, что я лежу въ отдѣльной каюткѣ парохода, а тамъ, гдѣ кричатъ и хохочутъ,—общая рубка... И мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ людей, съ которыми я случайно ѣду куда-то на одномъ пароходѣ.

III.

Какъ-то ночью я проснулась, словно кто-то невидимый толкнулъ меня, назвавъ по имени. Въ комнатѣ было совершенно темно, но темнота эта была полна какихъ-то шороховъ, странныхъ шумовъ и движеній... Я не сразу поняла, что это непогода разбушевалась снѣжной метелью. Должно быть, я проснулась отъ стука желѣзнаго болта,

который жалобно скрипѣлъ подъ окномъ, раскачиваясь отъ вѣтра. Когда я чего-нибудь пугалась, то всегда и прежде всего въ головѣ моей, какъ молнія, блестѣла мысль о моей маленькой Женѣ... Говорятъ, что скупые и богатые люди во время пожара прежде всего вспоминаютъ о сундучкѣ съ деньгами... Вотъ также и я прежде всего вспомнила о томъ, что у меня есть маленькая Женя. И на этотъ разъ, когда я раскрыла глаза, то сейчасъ же ее вспомнила и подумала: не случилось ли чего-нибудь дурного съ ребенкомъ. Накинувъ наскоро капотъ, я тихо отворила дверь и прислушалась: шумѣла метель, вздрагивалъ домъ, насвистывалъ гдѣ-то вѣтеръ и часы хмуро и серьезно стучали въ столовой массивнымъ лѣпнымъ маятникомъ. Слава Богу! Ничего не случилось... А мнѣ все казалось по ночамъ, что непремѣнно должно что-то случиться... Сердце мое билось часто, мнѣ было холодно, и я вздрагивала отъ ужаса, который наводила на меня эта ночь съ шуршащей снѣгомъ метелью, какими-то стонами и жалобами за окнами нашей квартиры. Мнѣ страстно захотѣлось вдругъ посмотрѣть на маленькую Женю, словно я все еще не вѣрила, что она жива, невредима и что ничего скверпаго съ ней не случилось. Съ тревогой и страхомъ вышла я изъ своей комнаты и направилась черезъ залъ къ дѣтской.

Когда я вошла въ залъ, то увидала въ темнотѣ красный глазъ, который шевелился и казалось, раскрывшись, началъ пристально смотрѣть на меня.

— Кто здѣсь?—съ ужасомъ прошептала я, хватаясь за косякъ двери, и не могла закричать отъ ужаса.

— Забаррикадировались!...

«Ахъ, это мужъ лежитъ на диванѣ и куритъ папиросу»,—успокоила я себя, но долго не могла двинуться съ мѣста и держалась за сердце, которое такъ и рвалось оттуда, какъ испуганная птица изъ клѣтки.

— Я страшно перепугалась,—прошептала я какъ-то машинально, а мужъ понялъ это иначе.

— Пора бросить эту комедію... Поди сюда, Женя, сядь здѣсь и покончимъ эту канитель!... А то я опять уйду въ клубъ и буду играть въ штоссъ... и проиграюсь, окончательно проиграюсь...

Огонекъ папиросы провелъ въ комнатѣ яркую огненную линію, и я поняла, что мужъ поднимается съ дивана, чтобы подойти ко мнѣ. Я быстро скользнула черезъ залъ и вошла въ дѣтскую. Здѣсь былъ красноватый полусвѣтъ: передъ иконой теплилась розовая лампадка и осторожно бросала лучи свои на дѣтскую кроватку, на полъ, на стѣну. Старая няня похрапывала, завернувшись съ головой въ теп-

лое стеганое одѣяло. Маленькая Женя спала спокойно; раскидавъ свои ручонки и вытянувъ ножки, она была похожа на большую куклу, совершенно равнодушную къ горю своей матери... Я смотрѣла на нее долго и пристально, и всю мою душу, и все мое тѣло постепенно охватывала радость материнской любви. Эта радость дрожала во мнѣ пріятнымъ мелодичнымъ, грустнымъ и тревожнымъ аккордомъ далекой и невѣдомой музыки.

— Загасите лампадку! Насколько мнѣ помнится, мы не вѣримъ?

Я оглянулась: мужъ стоялъ, прислонясь къ дверному косяку, въ одномъ жилетѣ и иронически улыбался, кривя свой ротъ.

— Или на всякій случай!... А можетъ быть, и зачтется тамъ... Какъ вы полагаете?

Онъ былъ пьянъ, а, можетъ быть, мнѣ такъ показалось. При его словахъ, произнесенныхъ холодно и насмѣшливо, я почувствовала рѣзкій ударъ прямо въ сердце и мнѣ захотѣлось закричать ему: «Подите вонъ!» Я испытывала такое ощущеніе, словно кто-то посторонній ворвался вдругъ въ мое сердце и сталъ ходить тамъ въ шапкѣ и калошахъ. Помню: нѣчто похожее я испытывала, когда однажды ко мнѣ, дѣвушкѣ, ворвались ночью чужіе люди и, перерывъ все мое маленькое достояніе, стали рыться въ моей душѣ: читать мою переписку съ друзьями, особенно съ тѣмъ юношей, который промелькнулъ въ моей жизни, какъ падучая звѣздочка, на мгновеніе ярко вспыхнувшая и навсегда погасшая.

— Оставьте меня! Прошу васъ!

— Нехорошо быть человѣку одному,—сказалъ Господь и, когда онъ спалъ, онъ вынулъ у него ребро и сотворилъ ему жену.

— Мы съ вами всегда были одиноки, даже тогда, когда думали, что насъ двое...

— Это пахнетъ декадентщиной. Я человѣкъ простой, обыкновенный и думаю, что если я женатъ, то насъ непремѣнно должно быть двое... Двое это—минимумъ, а бываетъ и хуже...

— Что вы хотите сказать?

— Ничего особеннаго... Насъ, напримѣръ, трое... я, вы и наша дочь, на которую вы теперь смотрите. На нее и я имѣю право смотрѣть, сколько мнѣ хочется...

— Вы не хотите ничѣмъ отличаться отъ вашихъ Ивановъ... Пустите,—прошептала я, объятая пламенемъ злобы, и пошла вонъ изъ комнаты. Но онъ загородилъ дверь своими распростертыми руками и стоялъ, цинично смѣясь надъ моей злобой и безпомощностью.

— Няня! няня! няня!

— Перестаньте! Постыдитесь!—сердито сказалъ мужъ и скрылся въ темнотѣ сосѣдней комнаты.

Проснулась старая няня. Задыхаясь отъ злобы и негодованія, я спросила ее о чемъ-то, кажется о томъ, почему на Женѣ нѣтъ кофточки. Старуха съ трудомъ подняла свои кости и не понимала, зачѣмъ я разбудила ее и о чемъ спрашиваю.

— Спи, спи!—сказала я, хватаясь за сердце, и она послушно упала въ постель, прошептала: «Боже, милостивъ буде мнѣ, грѣшницѣ» и снова завернулась съ головой въ одѣяло.

Я стояла у дѣтской кроватки, едва держась на ногахъ... Человѣкъ, которому я отдала свою душу и тѣло, съ которымъ я такъ долго прожила подъ одной кровлей, отецъ ребенка, на котораго я теперь смотрѣла съ безграничной нѣжностью материнства, внушалъ мнѣ какой-то паническій ужасъ. Я не рѣшалась ступить черезъ порогъ дѣтской комнаты и мнѣ было страшно смотрѣть въ открытую дверь, потому что темнота, зіявшая тамъ, за дверью, пугала меня такъ же, какъ пугала она меня, когда я была маленькимъ, беззащитнымъ ребенкомъ... Словно тамъ, въ этой темнотѣ, сидѣлъ въ засадѣ какой-то звѣрь и, затаивъ дыханіе, молчаливо ждалъ свою жертву...

На дворѣ бушевала непогода. Вѣтеръ вздымалъ съ крышъ снѣговую порошу и сыпалъ ею въ окна, и отъ этого чудилось, что тамъ, подъ окнами, кто-то все шепчется, переглядывается и посмѣивается; ставень тревожно постукивалъ гдѣ-то въ стѣну, и этотъ стукъ былъ тоже какой-то странный, словно его производила чья-то живая рука, настойчиво обращавшая мое вниманіе на что-то очень важное въ моей жизни, слабо и жалобно плакалъ подъ крышей вѣтеръ, потомъ вдругъ желѣзная крыша гремѣла и весь домъ вздрагивалъ словно отъ испуга... Что-то ужасное творилось тамъ, за стѣнами, и мнѣ казалось, что вокругъ меня происходитъ нѣчто странное, необычайное и непостижимое... «Вѣрно, это ломается моя жизнь»,—думала я, держась руками за перила дѣтской кроватки. Лампадка незамѣтно шевелилась и отъ этого розоватый свѣтъ въ комнатѣ вибрировалъ и вся комната, казалось, покачивалась и куда-то уплывала, отдаваясь волѣ бушующей непогоды... Временами трудно было понять: вѣтеръ ли поетъ подъ крышей или это собака, дрожа отъ холода, тихо воетъ гдѣ-то близко... Мнѣ было жутко, я боялась взглянуть въ раскрытую дверь, откуда смотрѣла на меня темнота, и вздрагивала, испытывая такое ощущеніе, словно какое бываетъ, когда кто-нибудь упорно и пристально смотритъ въ затылокъ... Всѣ нервы мои были натянуты, какъ струны, и при малѣйшемъ движеніи, шорохѣ—дрожали долго и тревожно. Перейдя съ закрытыми глазами комнату, я прилегла въ

ногахъ у старой няни, прижалась къ ней, чтобы чувствовать теплоту ея тѣла, и подобрала ноги. Такъ я пролежала очень долго, но уснуть не могла, потому что въ сердцѣ моемъ не переставало дрожать тревожное ожиданіе чего-то новаго, значительнаго и страшнаго, что я неизбѣжно должна пережить, но чего не могу пока еще представить себѣ съ ясностью... Я думаю, что нѣчто похожее испытываетъ человѣкъ, получившій письмо въ траурномъ конвертѣ, прежде чѣмъ разорветъ его дрожащей отъ страха ожиданія рукою... Какъ я была рада, когда старая няня, охая, завозилась въ постели и прошептала въ полуснѣ: «Пресвятая Мать-Владычица!»

— Ты, няня, не спишь? няня?

— Ась?

Старуха присѣла въ постели и удивленно уставилась на меня своими сѣрыми безцвѣтными глазами.

— Я что-то боюсь, пугаюсь, няня...

— Что съ тобой, пташка? Господи помилуй, чего же бояться?

— Я и сама не знаю... Никогда этого не было со мной... Зажги свѣчу и проводи меня до спальни...

— Одна спишь, безъ мужа... Зачѣмъ приказала мужнину-то кровать вынести?... Поссорились, побранились и будетъ.

— Я его-то и боюсь, няня...

— Хм!... Что съ тобой, пташка!... Законнаго мужа... Развѣ ты чѣмъ провинилась передъ нимъ?...

Я встала, расправила онѣмѣвшіе отъ неловкаго положенія члены тѣла и, какъ больная, шатаясь и держась за кофту старухи, тихо побрела къ своей комнатѣ.

— Спи, Христосъ съ тобой!... Чего бояться?...

Да, я только теперь и думала о томъ, какъ, заперевъ дверь, сбросивъ капотъ и туфли, я брошусь въ свою постель и какъ усну, позабывъ на нѣсколько часовъ всѣ тревоги жизни и самую жизнь... Съ какой радостью я заперла дверь на крючокъ и обвела взоромъ небольшую уютную комнату... Словно я только что совершила очень долгое и очень опасное путешествіе и теперь очутилась, наконецъ, дома.

Погода не утихала. Все попрежнему метель шуршала по стекламъ окна, ставень гдѣ-то тревожно постукивалъ въ стѣну и вѣтеръ грустно пѣлъ, словно оплакивалъ чью-то жизнь. Я раздѣлась, опустила темную и тяжелую занавѣсь окна и бросилась въ постель. И мнѣ показалось такъ хорошо здѣсь, спокойно и безопасно, какъ испуганному страшнымъ сновидѣніемъ ребенку на рукахъ матери. «Спать, спать, спать»,—думала я, а сонъ не приходилъ, потому что тревога

дрожала во всемъ моемъ тѣлѣ и какое-то ожиданіе не покидало меня ни на минуту.

Вѣтеръ жалобно пѣлъ: «у-у-у», словно плакалъ надъ чьей-то жизнью. Надъ моей? Быть можетъ. И мои нервы дрожали. Я прятала голову въ подушкахъ, чтобы не слыхать этого тоскливаго «у-у-у» и изнемогала отъ усталости и напряженія. Въ одинъ изъ моментовъ, когда вѣтеръ притихъ и въ комнатахъ сдѣлалось странно тихо, я вздрогнула, очнувшись отъ начавшей уже охватывать меня грёзы: мнѣ почудилось, что кто-то стоитъ за моей дверью и тяжело дышитъ. Я приподняла голову съ подушекъ и, затаивъ дыханіе, вперила взоръ въ темноту ночи. Нѣтъ, все тихо. Вѣрно, мнѣ почудилось; должно быть, это—мое сердце стучитъ такъ громко, что пугаетъ меня своимъ біеніемъ. Я опустила голову и вздохнула. Въ вискахъ у меня стучало и слухъ ловилъ малѣйшіе шорохи, совершенно недоступные ему въ другое время. Можетъ быть, то была просто игра воображенія, но я вскорѣ снова уловила легкій шорохъ у моей двери, мнѣ отчетливо послышалось даже, что кто-то осторожно и мягко давитъ на дверь съ намѣреніемъ отворить ее.

— Кто здѣсь?—вскрикнула я и испугалась своего голоса: такъ онъ былъ страненъ и незнакомъ мнѣ.

Никто не отозвался. Завылъ опять вѣтеръ, застучалъ ставень и вздрогнулъ домъ отъ порыва вьюги. «Зачѣмъ я боюсь? Кого?»—думала я, но страхъ не отпускалъ меня изъ своихъ когтей и, тяжело дыша, я прятала голову подъ одѣяло, какъ старая няня. И вдругъ я услышала плачъ... глухой подавленный плачъ...

Быть можетъ, это вѣтеръ плачетъ на подволокѣ?... Нѣтъ, это плачетъ гдѣ-то близко, почти рядомъ со мною, человѣкъ и душитъ свои слезы. Мнѣ показалось даже, что кровать мужа стоитъ на прежнемъ мѣстѣ и что на ней кто-то шевелится.

— Кто здѣсь?—закричала я, вскочивъ съ постели и отыскивая въ темнотѣ коробку со спичками, чтобы поскорѣе прогнать проклятую, полную странныхъ шороховъ и призраковъ, темноту.

Тогда плачъ сдѣлался громкимъ и такимъ горькимъ, отчаяннымъ, безнадежнымъ, какого я никогда въ своей жизни не слыхала, никогда, никогда!

«Это плачетъ онъ, мой мужъ»,—думала я, но мнѣ не было его жалко, а только хотѣлось спать, спать, позабывъ всѣ тревоги жизни и самую жизнь.

IV.

За ночь непогода утихла: вѣтеръ собралъ всѣ тучи и угналъ ихъ за горизонтъ. Небо прояснилось и голубая синева его засіяла подъ солнцемъ радостнымъ блескомъ. Яркій морозный день горѣлъ алмазами отъ дрожавшей въ воздухѣ снѣжной пыли и сверкалъ ослѣпительною бѣлизною снѣжныхъ ковровъ и сугробовъ. Когда я подняла тяжелую запавѣсь окна и посмотрѣла въ садъ, то невольная улыбка скользнула по лицу моему: деревья, опушенныя инеемъ, крыши сараевъ и каретниковъ, скворечница на высокой жерди, выглядывавшая сквозь эти деревья, напомнили обсахаренныя игрушки и пряники, и невольно вспомнилось дѣтство и стихи: «Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи, на тебѣ горятъ алмазы, словно яркіе лучи!»... Въ природѣ было разлито настроеніе чего-то вернувшагося, что казалось навсегда потеряннымъ, и когда я смотрѣла въ садъ, когда услыхала подъ окномъ задорное чириканье ссорящихся воробьевъ и торжественный гулъ церковныхъ колоколовъ, то близкихъ, то далекихъ, словно перекликающихся между собою черезъ весь городъ, вся душа моя всколыхнулась отъ радости и инстинктивнаго порыва къ жизни, и я опять вспомнила, что мнѣ еще только двадцать четыре года... Казалось, вѣтеръ унесъ вмѣстѣ съ тучами и тотъ гнетъ, который давилъ мою душу. Какъ будто и въ душѣ моей просвѣтлѣло, прояснилось и мнѣ стало виднѣе мое грядущее... Что же случилось? Откуда это новое тревожно-радостное настроеніе души?...

Ахъ, вчера я сломала свою тусклую жизнь, и буранъ разнесъ обломки ея далеко и безвозвратно!...

Вотъ что давно уже отравляло мнѣ радость жизни, наполняя все мое существо чувствомъ горячаго стыда, оскорбленія и униженія: въ моемъ сердцѣ давно уже не было мѣста для этого человѣка, который называется моимъ мужемъ, но я малодушно молчала, боясь признаться въ этомъ даже самой себѣ. И эта боязнь, заставлявшая меня оставаться женой этого человѣка, наполняла меня ложью, неискренностью, злостью, а ложь и неискренность, какъ ржавчина, разъѣдали мою душу и, какъ червяки, точили ее съ неослабнымъ постоянствомъ... Ахъ, это — му́ка, невыносимая му́ка: не любить человѣка и отдаваться ему!... Глаза любящаго всегда полузакрыты, а когда онъ перестаетъ любить, то они начинаютъ бодрствовать и становятся удивительно зоркими. И если хочешь закрыть ихъ, то не можешь и видишь ими, какъ чрезъ увеличительныя стекла, всю грязь и низменность человѣческой природы. И тотъ, кто цѣлуетъ тебя, превращается вдругъ въ страшнаго и мерзкаго звѣря. Тогда отвращеніе, ужасъ,

гадливость, перемѣшиваясь, овладѣваютъ твоей душею, и хочется заплакать отъ тоски, отчаянія и невыносимаго униженія, которое дѣлаетъ тебя противнымъ самому себѣ. Я не знаю большей мýки. Это— жесточайшая пытка, какую могли только придумать люди другъ для друга.

Теперь, когда я сломала свою жизнь, когда правда души вознеслась надъ ложью, переполнявшей ее, я словно очнулась послѣ тяжелаго кошмара или встала послѣ долгой-долгой и опасной болѣзни съ обновленнымъ организмомъ, въ которомъ снова задрожала радость бытія. Я смотрѣла на себя въ зеркало, и глаза мои съ такой любовью смотрѣли мнѣ въ глаза, что сердце вздрогнуло вдругъ отъ радости и мнѣ захотѣлось смѣяться, прыгать и, какъ въ далекомъ дѣтствѣ, декламировать: «Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи!»... Я надѣла чистое бѣлье, причесала себѣ голову, какъ лучше шло къ моему исхудавшему лицу, и почувствовала себя такъ, словно я только что была въ купальнѣ и теперь такая чистенькая, свѣжая и бодрая, словно ко мнѣ вернулась частица моей юности. Я вымыла руки одеколономъ, надушила носовой платокъ и вышла изъ своей комнаты безъ всякой боязни встрѣтиться съ мужемъ и даже безъ всякой непріязни къ нему. Почему?...

Вчера я сломала свою жизнь, и обломки ея бураномъ разнесъ далеко и безвозвратно. Теперь я жалѣла этого человѣка, но не боялась его, и онъ не внушалъ мнѣ больше ни ужаса, ни брезгливости. Все кончилось, отошло назадъ: теперь онъ сталъ для меня братомъ, отцомъ маленькой Жени и бѣднымъ смятымъ пошлостью жизни человѣкомъ, который еще умѣетъ плакать горькими слезами надъ обломками своего счастія...

Въ столовой былъ накрытъ столъ къ чаю; блиставшій никелемъ самоваръ дышалъ паромъ, румяныя булки смотрѣли изъ фарфоровой корзины, чайникъ прятался подъ вязанымъ колпакомъ въ видѣ насѣдки на яйцахъ, граненое стекло стакановъ блестѣло подъ ударяшимъ въ окно пучкомъ солнечныхъ лучей. Вся комната смотрѣла весело, бодро, словно привѣтствовала мое обновленіе...

Было немного холодно въ комнатахъ и прислуга догадалась затопить печи. Онѣ гудѣли, какъ паровики, отъ сильной тяги воздуха, и березовыя дрова шипѣли и стрѣляли, наполняя весь домъ огненной энергіей, съ яростью кидавшейся навстрѣчу нарядному морозному утру.

Я съ удовольствіемъ посмотрѣла въ жерло раскаленной печи и невольно потерла свои руки, ощущая приливъ новыхъ силъ и начало новой невѣдомой жизни. Вдали слышался голосокъ маленькой Жени,

которая, какъ канарейка, звонко трещала тамъ, встрѣчая солнце... Мужа не было.

— Баринъ спитъ?—спросила я прислугу и мнѣ было странно, что я назвала мужа въ первый разъ бариномъ, а не по имени.

— Давно встали.

— Зовите его къ чаю.

У меня немного вздрогнулъ голосъ, потому что въ сердцѣ шевельнулась тревога первой встрѣчи, словно я ожидала незнакомаго человѣка, который знаетъ про меня то, что никто другой еще не зналъ и не знаетъ. Я почувствовала, что щеки мои вспыхнули, оправила прическу, наскоро зацѣпила на петлю растегнувшійся крючокъ кофты, а когда услышала приближающіеся мужскіе шаги, то невольно опустила глаза, ощущая какую-то неловкость... Почему? Этотъ человѣкъ зналъ меня слишкомъ хорошо и близко и теперь это наполняло меня стыдомъ. Раньше я не стыдилась... И то, что мнѣ было стыдно,—опять наполнило меня невыразимой радостью и опять мнѣ казалось, что клочокъ далекой потерянной юности вернулся ко мнѣ и принесъ съ собой одинъ голубой цвѣтокъ изъ вѣнка, которымъ я когда-то украшала свою дѣвичью голову...

— Съ добрымъ утромъ,—сказала я навстрѣчу мужу и поторопилась протянуть ему руку, чтобы отклонить нашъ прежній утренній поцѣлуй, отъ котораго вѣяло чѣмъ-то пошлымъ и скучнымъ, потому что онъ былъ похожъ на молитву, когда ее читаютъ наизусть безъ всякаго смысла и выраженія однѣми губами.

Мужъ взялъ мою руку и, прежде чѣмъ я успѣла ее отдернуть, наклонился и поцѣловалъ.

Лицо у него было странное, похожее на лицо провинившагося школьника; онъ избѣгалъ смотрѣть мнѣ въ лицо и, сѣвши напротивъ, все вздыхалъ, грустно смотря куда-то очень далеко, черезъ меня, черезъ стѣны, черезъ улицу... Онъ торопливо принялъ поданный ему мною стаканъ чаю, словно боялся этой маленькой услуги съ моей стороны, и сказалъ «мерси». Это «мерси» прозвучало въ ушахъ моихъ какъ-то странно, немного смѣшно, ко мнѣ вернулась прежняя смѣлость взгляда, щеки остыли отъ пламени стыда, и я первая посмотрѣла ему прямо въ глаза и слегка улыбнулась. На лицѣ его скользнула отвѣтная улыбка, немного грустная и виноватая, и онъ тихо произнесъ, опуская глаза:

— Вчера я былъ грубъ, но мнѣ было тяжело, и этой грубостью я маскировалъ боль своего сердца.

— Не будемъ вспоминать то, что было до настоящаго дня. Все старое ушло невозвратно, и то, что было въ немъ чистаго и свѣтла-

го, и то, что было въ немъ грязнаго и позорнаго. Будто бы мы только сейчасъ встрѣтились и не знаемъ другъ про друга ничего дурного. Если нѣтъ любви, той любви, которая возвышаетъ человѣка и все, что̀ есть въ немъ человѣческаго, то пусть останется хотя тѣнь этой любви: искренность отношеній и уваженіе къ личности...

Мужъ вздохнулъ и потомъ отвѣтилъ тихо и глухо:

— Жаль, что человѣкъ слишкомъ сложная вещь и жаль, что онъ не въ силахъ приводить въ дѣйствіе по своему желанію тѣ или другія пружины своей души... Твое предложеніе, конечно, прекрасно и благородно, но по совѣсти я не могу сказать, что хотя наполовину только я состою изъ прекрасныхъ и благородныхъ побужденій... Я люблю тебя, Женя, какъ самый обыкновенный человѣкъ: люблю твою душу и тѣло, твои глаза, твой голосъ, твои волосы, люблю всю тебя, какая ты есть...

Я взглянула въ лицо мужа, и мнѣ снова сдѣлалось страшно: оно было блѣдное, какое-то деревянное, застывшее, и глаза на немъ, заволоченные дымкой неясной мысли, загадочно смотрѣли въ глубину собственной души...

— Я тебя люблю, Женя... попрежнему... Нѣтъ, по другому... Теперь я самъ безъ крыльевъ и любовь моя безъ крыльевъ... Но она сильна и, быть можетъ, сильнѣе той, прежней...

— Но я... не могу... Мнѣ нечѣмъ любить тебя... Я тебѣ это уже сказала...

— И всетаки я не пересталъ тебя любить... Ты находишь это страннымъ?—спросилъ онъ, и все лицо его искривилось нехорошей улыбкой.

— Чего же ты хочешь? О чемъ ты думаешь?...

«Не думаетъ ли онъ, что все можетъ остаться по старому? Но вѣдь это было бы слишкомъ низко даже для человѣка смятаго и оплеваннаго пошлостью жизни»! — промелькнуло въ моемъ мозгу. Я дрожала отъ мысли, что, быть можетъ, моя догадка основательна,— и вся жалость къ этому человѣку вдругъ пропала во мнѣ, словно дымъ отъ вѣтра.

— О чемъ ты думаешь?... Понимаешь: я не люблю тебя? Я давно уже перестала тебя любить.

Онъ долго молчалъ, крутилъ усы и, наконецъ, впиваясь въ меня испытующимъ взоромъ, спросилъ:

— Но вѣдь ты не любишь никого другого?...

— Люблю!—закричала я, лишь бы сдѣлать понятнымъ этому человѣку то, что онъ иначе не былъ уже способенъ понимать...

— Вотъ что... да... Ну что-жъ? Я не предполагалъ... Благодарю за откровенность...

Лицо его покрылось красными пятнами, глаза покраснѣли, словно онъ только что плакалъ, и весь онъ принялъ видъ глубоко оскорбленнаго человѣка, человѣка праваго и несправедливо униженнаго. Потомъ это лицо сдѣлалось злымъ, озлобленнымъ, словно я совершила какое-нибудь подлое преступленіе противъ этого человѣка, сказавъ ему прямо и искренно, что не могу любить его...

— Откровенно, откровенно...

— Вамъ кажется, что ложь лучше?

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ?...

Это «съ» какъ-то сразу перемѣнило тонъ нашего грустнаго разговора. Оно оскорбило мой слухъ, показалось мнѣ неумѣстнымъ и драму души этого человѣка сдѣлало въ моихъ глазахъ комедіей...

— Надѣюсь: если вы не сумѣли сберечь чувства ко мнѣ, то сумѣете хоть сберечь мою честь и доброе имя,—произнесъ онъ тономъ строгаго судіи и безгрѣшнаго законнаго мужа.

— Вы мнѣ разскажите, какъ я должна беречь. Хорошо, если бы вы сложили ихъ въ ящикъ и написали на немъ «осторожно»... Иначе я могу, по своей глупости и невѣдѣнію, разбить эти хрупкія бездѣлушки!...

— Для васъ, быть можетъ, все это успѣло уже сдѣлаться бездѣлушками, но для меня... Я просилъ бы васъ покорнѣйше...

— Покорнѣйше? Хорошо-съ!... Какимъ образомъ я должна хранить вашу честь и ваше доброе имя? Почему я должна заботиться объ этомъ и почему вы ничего не говорите о моей чести и моемъ добромъ имени?...

— Вы носите мою фамилію...

— По я ношу еще въ себѣ честь и доброе имя женщины, человѣка. Не считаете ли вы, что эти прерогативы глубже и важнѣе, чѣмъ честь и доброе имя Иванова или Петрова?

— Развѣ, позвольте замѣтить, честь моей жены и честь женщины такъ разнятся, что о нихъ слѣдуетъ говорить, какъ о различныхъ понятіяхъ?

— Тогда при чемъ ваша фамилія и ваши предостереженія, отзывающіяся оскорбительной пошлостью? Повѣрьте, что я дорожу своей честью не меньше, чѣмъ вы своей, но я вовсе не считаю себя обязанной смотрѣть на вещи вашими глазами... И вообще я предлагаю вамъ принять отъ меня обратно вашу фамилію, за цѣломудріе которой вы такъ опасаетесь. Зачѣмъ рисковать? Спокойнѣе, если ка-

ждый изъ насъ будетъ отвѣчать только передъ самимъ собою и своей совѣстью...

— Торопитесь?!... Подождите еще...

— Когда мы сошлись, вы пожелали приложить печать... Теперь пришелъ конецъ нашей любви, и необходимо тоже приложить печать, потому что васъ сильно озабочиваетъ судьба вашей фамиліи, больше озабочиваетъ, чѣмъ судьба человѣческой души...

— Я понимаю, отлично понимаю вашу торопливость... Но имѣйте въ виду, что я человѣкъ безкрылый и потерялъ давно уже охоту играть въ благородство и помогать романамъ!...

— Это я вижу, давно уже вижу... Мой романъ очень интересенъ! Очень!—крикнула я и захохотала.

Мужъ всталъ и твердой, и рѣшительной походкою вышелъ изъ столовой, словно на что-то рѣшился... Я посмотрѣла ему вслѣдъ, и опять мнѣ въ глаза бросился его круглый высоко остриженный затылокъ и толстая шея, и я подумала: «неужели этого человѣка я когда-нибудь любила»?..

V.

Дни потянулись мучительно долго и были пропитаны какой-то странной напряженностью, выжиданіемъ, словно кто-то невидимый поселился вмѣстѣ съ нами въ этомъ скучномъ, похожемъ на клѣтку, домѣ и безостановочно, въ сосредоточенномъ молчаніи, обсуждаетъ все, что случилось въ этой клѣткѣ, и какъ тамъ всѣмъ теперь быть... Обсуждаетъ и никакъ не можетъ придумать, что теперь намъ дѣлать... Для меня было одно только ясно и неопровержимо: мы не можемъ жить подъ одной кровлей, я не могу оставаться въ этой клѣткѣ, надо уйти... Куда?... Все равно, куда-нибудь... Возьму свою маленькую Женю и мы куда-то съ ней уѣдемъ, далеко-далеко, такъ что ничего не будемъ слышать изъ того, что теперь слышимъ, и не будемъ видѣть того, что видимъ теперь, начнемъ какую-то новую, невѣдомую жизнь... Какую?... Не знаю... Какую-нибудь другую, не похожую на эту...

По вечерамъ я разбиралась въ ящикахъ комода и неторопясь укладывала свое бѣлье, кофты, всякое тряпье... Съ особенной любовью, почти съ благоговѣніемъ, я дѣлала это съ платьицами, лифчиками, чулочками маленькой Жени... Почему-то я старательно скрывала свою работу отъ всѣхъ людей въ домѣ и даже старая няня не была посвящена въ мое тайное занятіе... Когда все будетъ готово,—тогда я скажу, а пока никто не долженъ былъ знать о моихъ сборахъ... Иногда старая няня по цѣлымъ часамъ отыскивала какіе-

нибудь «штопанные чулочки съ дырочкой на колѣнкѣ», ворчала, заглядывая подъ кровать, за камодъ, и шептала: «вотъ напасти, прости Господи», а я знала, что эти чулочки съ дырочкой на колѣнкѣ—у меня въ спальной, въ корзинѣ съ тайно уложеннымъ имуществомъ моей маленькой Жени,—и молчала, отвѣчая на обращенную ко мнѣ жалобу старухи:

— Почемъ я знаю!

Можно было подумать, что я готовлюсь къ тайному побѣгу изъ этого дома, куда меня кто-то посадилъ, какъ въ тюрьму. Всего больше я боялась, какъ бы не раскрылъ моей тайной работы мужъ и всегда, прежде чѣмъ вытащить изъ-подъ кровати корзину и приступить къ укладкѣ, я тщательно освѣдомлялась, нѣтъ ли опасности. Но однажды я не остереглась и, какъ воръ, была поймана на мѣстѣ преступленія.

— Что вы это задумали?

Я обернулась и увидала мужа.

— Укладываюсь,—сказала я, стоя на колѣняхъ около корзины.

— Зачѣмъ дѣлать скандалъ на весь городъ?... Можно разойтись, не разъѣзжаясь, какъ дѣлаютъ это благоразумные люди.

— Я недостаточно благоразумна.

Мужъ пожалъ плечами и ушелъ. Долго онъ ходилъ по комнатамъ, а я сидѣла на постели и зачѣмъ-то прислушивалась къ его шагамъ. Должно быть, кто-нибудь изъ прислуги замѣтилъ мои сборы и выдалъ мою тайну этому человѣку. Вотъ онъ опять идетъ сюда. Зачѣмъ? Что онъ еще скажетъ?

— Имѣйте въ виду, что я не располагаю такими средствами, чтобы содержать васъ отдѣльно съ тѣмъ же комфортомъ, къ которому вы привыкли... А мысли, что мнѣ кто-нибудь будетъ помогать въ этомъ, я рѣшительно не допускаю... Имѣйте еще въ виду...

— Имѣю, имѣю! И объ одномъ прошу васъ: предоставьте меня самой себѣ. Я знаю вашу добродѣтель и знаю напередъ все, что вы еще скажете... Но я скверная женщина, плохая мать и жена, и ваша добродѣтель не въ силахъ остановить моего скверная поступка... Отъ васъ я не возьму ни копейки, а какъ я буду жить, съ комфортомъ или безъ комфорта, это не должно васъ безпокоить... Будетъ ли кто-нибудь помогать мнѣ...

— Нѣтъ, позвольте! Вы носите мою фамилію...

— Да возьмите вы ради Бога отъ меня это сокровище! Предлагаю вамъ слѣдующее: я—развратная женщина, а вы—безукоризненный образцовый супругъ... Я согласна поддержать вашу добродѣтель и корректность...

— Во всякомъ случаѣ моя совѣсть предъ вами чиста... Я никогда не только не имѣлъ любовницъ, но даже и не думалъ объ этомъ.

— Ну, и радуйтесь своей чистотѣ и непорочности! Я не могу оцѣнить этихъ достоинствъ, для меня онѣ—одни слова, звуки, безъ содержанія... Бездѣлушки!...

Мы стояли другъ передъ другомъ съ широко раскрытыми глазами, какъ самые злѣйшіе враги, и оба дрожали отъ злобы, яростной злобы...

— Что у васъ въ рукахъ?... Это вы не укладывайте: напрасно, я не позволю вамъ!...

Что у меня въ рукахъ?... Я не знала, что было у меня въ рукахъ, и когда взглянула и увидала, то поблѣднѣла и замерла отъ мукъ и ужаса: я держала въ рукѣ чулочки моей маленькой Жени...

— Если тотъ, кого вы любите, имѣетъ честныя намѣренія, я готовъ дать вамъ разводъ... Со мной останется Женя... Она поможетъ мнѣ примириться съ вашей. .

— Измѣной!—дохохотала я и расхохоталась злымъ, неискреннимъ смѣхомъ.

— Отдайте! Я не позволю!—злобно прошипѣлъ мужъ и рванулъ изъ рукъ моихъ маленькіе дѣтскіе чулочки.

— Честныя намѣренія... Измѣна... Какія пошлыя все это слова!... Вы великодушны... Но если хотите знать, то мнѣ рѣшительно все равно: соблаговолите вы приложить печать къ нашему разрыву или нѣтъ... Я васъ не выбирала судьей... Вы слишкомъ похожи на обыкновеннаго мирового судью, а я думаю, что наше дѣло не подсудно мировымъ судьямъ... А, можетъ быть, будемъ судиться у мирового, а?...

И я смѣялась прямо ему въ лицо, хохотала вызывающе, вкладывая въ свой дикій хохотъ все презрѣніе и всю ненависть къ этому человѣку, вырвавшему у меня изъ рукъ маленькіе дѣтскіе чулочки.

— Во всякомъ случаѣ, я не отдамъ вамъ ребенка. И имѣю на это полное право...

— Вы хотите сослаться на какую-нибудь статью закона? Ну!... По какой статьѣ?...

— Мать, разрушающая семью, не въ правѣ тащить за собою ребенка...

— Вотъ въ чемъ дѣло! Но что значитъ разрушать семью: перестать любить васъ и отказаться отъ исполненія «супружескихъ обязанностей», или достаточно только перестать любить?... Отдайте!...

Я схватилась за маленькій дѣтскій чулокъ, но мужъ рванулъ его со злобой и пошелъ спокойною походкой человѣка, который чувству-

етъ свою силу и свое преимущество... А я смотрѣла ему вслѣдъ, смотрѣла на болтавшіеся въ его рукѣ дѣтскіе чулочки, и слезы безсилія скатывались съ моихъ рѣсницъ, а мое сердце ныло невыразимой тоской, словно у меня уже отняли мою маленькую дѣвочку съ недоумѣвающими глазами... И я ненавидѣла этого человѣка съ круглымъ выстриженнымъ затылкомъ и толстой шеей всѣми фибрами своей души, и мнѣ казалось, что я стала бы хохотать отъ радости, если бы онъ теперь, сейчасъ же, умеръ... Быть можетъ, потому, что смерть, одна только смерть, могла придти на защиту правъ моей души и моего сердца...

Милые дѣтскіе чулочки! Я смотрѣла, какъ они дрожали и прыгали въ рукѣ удалявшагося человѣка, и слезы скатывались съ глазъ моихъ... И тутъ я впервые почувствовала, что мы, чужіе другъ другу люди, болѣе чужіе, чѣмъ тѣ, которые видятъ другъ друга впервые, связаны крѣпкой цѣпью... И никакъ не разорвешь этой цѣпи, потому что она—маленькая чистая душа ребенка... Какъ ее дѣлить? И кому остаться совершенно одинокимъ...

— Спокойной ночи, мамочка! — звонко и весело прозвучалъ вдругъ голосокъ Жени.

— Прощай, моя маленькая, моя ненагладная дѣвочка!... Спи спокойно...

— Почему папочка такой сердитый?... Онъ разсердился на тебя, мамочка?... О чемъ ты плачешь?...

— Ничего, ничего... Такъ, скучно что-то, моя милая дѣвочка... Поди, ложись спать...

— А ты не будешь плакать?... Хочешь, я пойду къ папочкѣ и велю ему помириться съ тобой?

— Ничего... Не надо, моя хорошая... Все пройдетъ, будетъ хорошо, весело... Иди и спи!...

Женя долго висѣла на моей шеѣ, обхвативъ ее своими тоненькими ручонками, и цѣловала меня въ глаза, въ щеки, въ шею. Потомъ она пошла, но въ дверяхъ остановилась и съ грустью посмотрѣла на меня еще разъ.

— Не плачешь?

— Нѣтъ.

И она пошла, встряхивая своими локонами на плечикахъ.

Какъ чутки дѣти! Они похожи на барометры, быстро отражающіе всѣ перемѣны семейной погоды.

И всю эту ночь и потомъ много ночей я лежала въ постели съ открытыми глазами и, смотря въ темноту, думала, напряженно думала о томъ, что мнѣ дѣлать. «Завтра я уѣду», выбившись изъ силъ

рѣшила я, засыпая въ изнеможеніи отъ вихря кружившихся въ головѣ мыслей. Но когда на утро маленькая Женя съ застывшимъ въ своихъ глазкахъ недоумѣніемъ, испытующе спрашивала: «Отчего ты такая скучная?» мои крылья свертывались, какъ на огнѣ листья. Нѣтъ, я не могу превозмочь своей любви къ этому ребенку, не могу не видѣть его, не могу не слышать серебрянаго голоска этой черноглазой, похожей на птичку, дѣвочки!... Мнѣ кажется, что наши души связаны между собой чѣмъ-то невидимымъ и властнымъ и что, какъ только эта связь порвется, мы обѣ перестанемъ жить. И дни проходили за днями, я горѣла на огнѣ думъ своихъ, неотвязныхъ, не покидавшихъ меня ни днемъ, ни ночью, и откладывала свой отъѣздъ, оставаясь въ моей клѣткѣ. Мнѣ страстно хотѣлось возобновить разговоръ съ мужемъ о маленькой Женѣ, но что-то мѣшало мнѣ начать этотъ разговоръ, словно языкъ пересталъ меня слушаться. Все время я была какъ бы на-сторожѣ и всѣ нервы мои дрожали, какъ туго натянутыя струны. Всякій разъ, когда до моего слуха доносился кашель мужа, его шаги, стукъ изъ его кабинета, я вздрагивала всѣмъ тѣломъ, словно меня касался проводникъ электрическаго тока, и мое сердце начинало стучать такъ сильно, что въ вискахъ отдавалось его біеніе. Я думала: быть можетъ, онъ хочетъ заговорить о томъ, какъ намъ теперь быть и какъ выйти изъ невыносимо тягостнаго положенія примиренными, съ покорностью невѣдомой силѣ, разрушившей призракъ нашего жалкаго благополучія; быть можетъ, онъ сознался, наконецъ, что не надо быть жестокимъ и что лучше не отдавать своего человѣческаго достоинства на растерзаніе звѣрскимъ инстинктамъ. Вотъ сейчасъ онъ выйдетъ и кротко скажетъ:

— Давай обсудимъ, что намъ дѣлать. Ты не виновата, что твоя душа закрылась для меня. Лучше сказать правду, чѣмъ лгать, всю жизнь лгать.

А я подамъ ему руку и отвѣчу:

— Я знала, что ты лучше, чѣмъ казался мнѣ послѣднее время. Поможемъ другъ другу, какъ два несчастныхъ человѣка, и подумаемъ сообща, какъ все это должно теперь устроиться... Ты отдашь мнѣ Женю, да? Конечно, конечно...

Но никто не выходилъ... Наши комнаты угрюмо молчали, и попрежнему казалось, что въ этомъ молчаніи совершается что-то неотвратимое и очень значительное въ моей жизни... Когда я мелькомъ встрѣчала мужа и скользила взглядомъ по лицу его, то вся фигура его принимала строгій начальническій видъ, полный сознанія своей непогрѣшимости и несправедливо оскорбленной гордости. И я съ удивленіемъ провожала его своимъ взглядомъ и думала: «Что же это

за человѣкъ, мой мужъ, съ которымъ я прожила такъ долго и такъ близко?... Словно онъ снялъ вдругъ маску, и я ужаснулась, увидя передъ собой не то доброе умное лицо, которое видѣла, когда любила этого человѣка, а совсѣмъ другое, злобное, тупое, съ печатью безнадежной пошлости». Когда онъ измѣнился и былъ ли онъ когда-нибудь такимъ, какимъ я его полюбила?!..

VI.

Мы почти не видѣлись другъ съ другомъ. Мужъ пилъ чай, обѣдалъ и спалъ въ своемъ кабинетѣ и всегда сердито и громко захлопывалъ свою дверь, словно давалъ знать этимъ, что «все кончено»... Прислуга какъ-то конфузилась и ходила на цыпочкахъ, словно чувствовала себя виноватой въ чемъ-то и, видимо, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ мужа: подавая ему чай, обѣдъ, платье и исполняя разныя его порученія, горничная и старая няня говорили съ нимъ особенно ласковымъ жалостливымъ голосомъ и порой даже вздыхали; со мной же у нихъ былъ совсѣмъ другой тонъ: покорный, но холодный, и нерѣдко я ловила на себѣ подозрительные взгляды этихъ людей... Читая нотацію горничной, старая няня говорила: «Не дорожите вы господами... Такого барина, матушка, поищешь... Кротокъ больно, да смиренъ, вотъ вы и забываетесь... Долго ли почистить сапоги?!» А проходя мимо меня, она часто вздыхала и, какъ бы размышляя сама съ собой, произносила:

— Охъ, дѣла, дѣла!...

По вечерамъ мужъ уходилъ куда-то и, когда онъ поздно ночью возвращался домой, то до моего слуха всегда доносился такой разговоръ въ передней:

— Барыня дома?

— Дома.

— Никуда не уходила?

— Никуда.

— И у насъ никто не былъ?

— Никто.

Голосъ мужа какъ-то вздрагивалъ, былъ тревоженъ, словно онъ и желалъ и боялся чего-то, наводя эти справки. Очевидно, это была ревность къ несуществующему сопернику. Вѣдь нельзя допустить, что жена бросаетъ мужа только потому, что перестала его любить! Такъ совсѣмъ не бываетъ у этихъ людей... За шесть лѣтъ прожитой вмѣстѣ жизни этотъ человѣкъ не успѣлъ понять, что я неспособна потихоньку бѣгать и потихоньку принимать у себя обожателей, а

тѣмъ болѣе потихоньку любить подъ прикрытіемъ семейнаго очага!... Очевидно, онъ считаетъ меня способной на всякую пакость.

Однажды, когда я услыхала обычный допросъ и справки въ передней, я не могла сдержаться и съ злымъ хохотомъ закричала изъ своей комнаты:

— Совѣтую вамъ поискать подъ кроватью!...

Когда почтальонъ приносилъ почту, то мужъ торопливо выходилъ въ переднюю и, принимая отъ него газеты и письма, спрашивалъ:

— Нѣтъ ли мнѣ писемъ до востребованія?

Однажды ночью, когда я сидѣла въ постели съ книгой и читала, я ясно разслышала хрустѣвшіе по снѣгу шаги подъ окномъ: вѣрно, это онъ же, жалкій, бродитъ по сугробамъ, чтобы убѣдиться въ моей невѣрности!... До какой пошлости можетъ опуститься человѣкъ!...

Пришла суббота и опять пришли Иваны съ Марьями играть въ карты, словно у насъ въ домѣ ничего не случилось и все шло своимъ скучнымъ порядкомъ. Я опять сидѣла въ своей комнатѣ и опять удивлялась мужу: онъ попрежнему шутилъ, казался веселымъ и довольнымъ, каламбурилъ, а обо мнѣ говорилъ такимъ дружескимъ и любящимъ тономъ, словно мы только на-дняхъ поженились.

— Моя Женя,—большая, а не маленькая—опять больна... Что то скверно... Я думаю съ первыми днями весны отправить ее въ Крымъ.

— Ахъ, тамъ ужасно все дорого! Говорятъ, что за одну комнату надо платить сто рублей въ мѣсяцъ...

— Что же дѣлать?... Какъ-нибудь извернемся... Онѣ поѣдутъ съ маленькой Женей вмѣстѣ, а я останусь домовничать.

— Скучать будете. Когда моя Марья Васильевна ѣздила на похороны своего родителя, я такъ скучалъ, что не находилъ мѣста...

— Скучали вы?... Говорятъ, изъ клуба не вылѣзали... Что же собственно съ Евгеніей Павловной?

— Что-то женское...

Иваны вѣрили въ мою болѣзнь или показывали видъ, что вѣрятъ. Но Марьи,—тѣ сомнѣвались и, видимо, питали какія-то пикантныя подозрѣнія:

— Странно, какъ это случилось вдругъ?...

— На свѣтѣ, матушка, все случается вдругъ,—сердито остановилъ голосъ супруга.

Въ этотъ вечеръ женщина сдѣлала попытку заглянуть хоть въ щелку души моей: одна изъ этихъ женщинъ, во время ужина, пробралась къ моей комнатѣ, дернула за ручку двери и тихо, захлебываясь отъ любопытства и нетерпѣнія, сказала:

— Душечка! Какъ я по васъ соскучилась!...

Я промолчала.

— Вы спите, душечка?...

Не получивъ отъ меня отвѣта, она стала шептаться съ прислугой:

— Не встаетъ совсѣмъ?

— Встаютъ...

— Плачетъ?

— А кто ихъ знаетъ... Не наше дѣло.

— Обѣдаютъ вмѣстѣ?

Что отвѣтила ей прислуга, я не разслышала, но до слуха моего долетѣло одно слово: «постель», и я догадалась, что дѣло идетъ о кровати мужа, перенесенной изъ моей комнаты въ кабинетъ. И мнѣ пришло въ голову еще одно обстоятельство, одно маленькое воспоминаніе, отъ котораго мнѣ сдѣлалось смѣшно и противно: когда мужъ былъ женихомъ и готовился сдѣлаться моимъ мужемъ, то, нанявъ квартиру для нашего житья-бытья, прежде всего купилъ и привезъ въ свою клѣтку двѣ желѣзныхъ кровати, такія основательныя... «Пойдемъ посмотримъ наше будущее гнѣздышко»,—сказалъ онъ мнѣ, и когда мы пришли въ клѣтку и я спросила его въ своемъ чистомъ невѣдѣніи, почему такъ пусто и только однѣ кровати безъ матрацовъ стоятъ рядышкомъ, какъ два черныхъ скелета,—онъ покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Это я купилъ по случаю... Очень хорошія, прочныя... Изъ углового желѣза...

И теперь вдругъ вся эта сцена со всѣми ея деталями всплыла въ моей памяти и освѣтилась глубочайшимъ смысломъ... И мнѣ было смѣшно, противно и до глубины души оскорбительно.

— Кто ихъ знаетъ... Не наше дѣло...

И я слышала, какъ прислуга вздохнула, а любопытная женщина, узнавъ про постель, на цыпочкахъ прошла въ залъ и тамъ, маскируя свое соглядатайство, запѣла вдругъ вполголоса: «Бѣдный конь въ полѣ палъ, я пѣшкомъ добѣжалъ».

— О-то-при-те, о-то-при-те!—вытягивала она, а мнѣ хотѣлось, отперевъ свою дверь, войти, взять ее за руку и грустно посмѣяться надъ ней и самой собою.

— Да, мы уже не спимъ рядышкомъ, какъ вы!... Все пропало: кровать мужа—въ кабинетѣ...

Что онѣ думаютъ, эти женщины?... Онѣ, конечно, тоже увѣрены, что здѣсь романъ, и теперь мучаются въ догадкахъ, отыскивая «любовника»... Гдѣ онъ и кто онъ такой?... Быть можетъ, это—молодой докторъ, который лѣчилъ мою маленькую Женю, когда она

хворала корью?... Быть можетъ, это—грустный господинъ въ пенснэ, который пріѣзжалъ къ намъ лѣтомъ и угрюмо молчалъ, сидя въ углу, отказываясь играть съ ними въ карты и пить водку?... Конечно, всѣ онѣ—на сторонѣ мужа, потому что онъ—образцовый семьянинъ и, всегда, когда которая-нибудь изъ Марій хочетъ уколоть своего супруга, то говоритъ:

— Если бы всѣ мужья такъ же любили и баловали своихъ женъ, какъ любитъ и балуетъ Евгенію Павловну супругъ, то...

— Такихъ мужей можно показывать на выставкахъ...

— Какая вы счастливая, у васъ такой мужъ, какія теперь очень рѣдки...

Что же теперь подумаютъ эти люди, убѣдившись, что наши кровати стоятъ не рядышкомъ?... Иванъ да Марья! Я совѣтую вамъ не только ставить ваши кровати рядышкомъ, но еще связывать ихъ веревочкой, такъ будетъ крѣпче и безопаснѣе!...

Мнѣ казалось, что никогда еще они не были такъ веселы, какъ въ этотъ вечеръ, и никогда такъ громко не смѣялись, сидя за картами и за ужиномъ. Сегодня былъ день рожденія моей маленькой Жени и, вѣрно, отецъ не захотѣлъ пройти молчаніемъ это событіе въ нашей клѣткѣ. Звенѣли рюмки, бокалы и пробки время отъ времени стрѣляли среди смѣха и немолчнаго говора. Словно слетѣлись сюда галки или вороны и всѣ сразу разговариваютъ между собой о чемъ-то очень веселомъ... Я боялась, что они мѣшаютъ спать моей маленькой Женѣ. Она пришла сегодня послѣ утренняго чая въ мою комнату и, поцѣловавъ меня, показала мнѣ куклу:

— Сегодня, мамочка, я родилась?... Папочка подарилъ мнѣ куклу... Да?... Какъ это я родилась?... Меня принесъ аистъ?

Она оживленно болтала, прижимая къ груди свою куклу.

— Она, мамочка, говоритъ «папа» и «мама»... Послушай.

Потомъ она спросила меня, почему я все сижу въ своей комнатѣ, и простилъ ли меня папа:

— Папочка все былъ сердитый, а сегодня подарилъ мнѣ куколку... Какъ это, мамочка, я родилась?... Гдѣ же взялъ меня аистъ?...

Спитъ теперь моя маленькая Женя... Я боялась, что ее разбудятъ, и негодовала при каждомъ взрывѣ хохота, долетавшемъ изъ столовой въ мою комнату... Съ какимъ бы удовольствіемъ я пошла теперь въ дѣтскую, къ маленькой кроваткѣ и посмотрѣла на свою куколку, которая мѣшаетъ мнѣ улетѣть изъ клѣтки!... Нельзя пойти: меня отдѣляютъ отъ Жени эти люди, громко смѣющіеся и веселые отъ выпитаго вина и пошлыхъ каламбуровъ. Я не могу ихъ видѣть и не хочу, чтобы они видѣли меня...

VII.

Ночью я очнулась отъ какого-то страннаго шороха около дверей моей комнаты, словно опять кто-то невидимый разбудилъ меня легкимъ прикосновеніемъ, назвавъ по имени. Въ моей памяти проскользнуло воспоминаніе о томъ, какъ такой же шорохъ разбудилъ меня въ первую ночь послѣ нашего разрыва, и я такъ же, какъ тогда, тревожно спросила:

— Кто здѣсь?

Тогда никто не отвѣтилъ, но теперь кто-то тихо прошепталъ:

— Это я.

— Что вамъ нужно?

— Отопритесь!

— Я раздѣта.

— Не стѣсняйтесь!—громко отвѣтилъ голосъ мужа, и дверь моей комнаты вдрогнула подъ мягкимъ, но сильнымъ толчкомъ,—должно быть, онъ толкнулъ ее колѣномъ ноги.

— Я не могу вамъ отпереть: я уже легла.

— Скажите, какія церемоніи! Можно подумать, что я никогда не видѣлъ васъ въ постели...

Я вскочила въ постели и торопливо отыскивала коробку со спичками, чтобы поскорѣе зажечь свѣчу. Но сдѣлать этого я не успѣла: крючокъ соскочилъ съ петли, и дверь отворилась. Въ темнотѣ, какъ черная тѣнь, зашевелилась человѣческая фигура, потомъ блеснулъ огонекъ спички, вспыхнулъ большимъ желтымъ пятномъ и освѣтилъ лицо мужа, деревянное безсмысленное лицо полупьянаго человѣка. Я скользнула въ постель, крѣпко завернулась въ одѣяло и съ ужасомъ смотрѣла на этого человѣка съ странными глазами, готовая закричать неистовымъ голосомъ «помогите!»

— Гдѣ свѣча? Здѣсь... Отлично...

Онъ зажегъ свѣчу, сѣлъ на стулъ, гдѣ лежало мое платье, и долго смотрѣлъ на меня насмѣшливымъ, пошловатымъ взоромъ своихъ мутныхъ глазъ. Я въ ужасѣ смотрѣла въ эти глаза, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ своими глазами; мнѣ казалось, что это сидитъ одинъ изъ тѣхъ двухъ сатировъ, которыхъ я видѣла когда-то на Бёклиновской картинѣ. Онъ сидѣлъ, обнявъ одно колѣно сцѣпленными пальцами рукъ, и на лицѣ его начала блуждать отвратительная улыбка.

Неужели это тотъ, котораго я любила?

— Что вамъ надо отъ меня?

— Очень немного...

— И какое право вы имѣете силой врываться въ мою комнату?

— На общемъ основаніи,—отвѣтилъ сидящій на стулѣ человѣкъ и сталъ покачиваться, не спуская съ меня пристальнаго взгляда.— Я пришелъ спросить васъ о томъ, кто вашъ любовникъ?

Любовникъ. Меня всегда коробило отъ этого слова: мнѣ казалось всегда, что въ этомъ словѣ отразилась вся пошлость отношеній между мужчиной и женщиной, вся грязь и весь позоръ той любви, которой умѣютъ любить другъ друга окружающіе меня люди. Садовникъ, пирожникъ, любовникъ,—все это слова имѣютъ какую-то близость между собою: они указываютъ на профессію, спеціальность... И въ этомъ словѣ любовь упрощена до первобытности, до чего-то скотскаго и мерзкаго.

— Убирайтесь вонъ!

Пьяный человѣкъ засмѣялся и сказалъ:

— Вы, мадамъ, признались... Теперь вопросъ только въ деталяхъ... Мнѣ, какъ мужу, всетаки интересно узнать, кто онъ, этотъ...

— Убирайтесь вонъ!...

— Зачѣмъ такъ строго... Скажите, и я уйду...

Я отвернулась, прижалась къ самой стѣнѣ и стала плакать отъ безсилія.

— Плачь, Маргарита, плачь дорогая,—потихоньку запѣлъ пьяный голосъ. Потомъ все стихло. Я слышала, какъ тяжело дышалъ этотъ человѣкъ, называющійся моимъ мужемъ, и какъ онъ облизывалъ свои губы. Предо мной неотступно стоялъ мутный взглядъ, его я чувствовала на своемъ затылкѣ и на спинѣ и отъ этого жалась и вздрагивала. Опять я вспомнила про Бёклиновскую картину, и мнѣ сдѣлалось страшно, невыносимо страшно. Я насторожилась, словно ждала, что сейчасъ меня убьютъ... Кто-то замахнулся надо мной кинжаломъ —и сейчасъ я перестану жить... «Что будетъ съ моей маленькой Женей?»... Предо мной промелькнулъ кусочекъ дѣтской, розоватый свѣтъ отъ лампадки, бѣлая Женина кроватка и сама Женя, безпечно спящая въ ней съ разбросанными ручонками, похожая на большую куклу. Прошло нѣсколько секундъ и вдругъ комната наполнилась какимъ-то страннымъ хрипѣніемъ. Что это?

Что-то грузно опустилось на полъ около моей кровати, кровать слегка покачнулась и тяжелая рука опустилась на мое плечо. Я содрогнулась и забилась отъ этого прикосновенія.

— Я пошлый, дрянный человѣкъ... Но я люблю тебя попрежнему и не могу безъ тебя жить. Давай забудемъ, все забудемъ!... Весь міръ забудемъ...

Надъ моимъ ухомъ повѣяло горячимъ дыханіемъ. Я вскочила въ

постели. Одѣяло скатилось съ моихъ плечъ. Забившись въ самый уголъ, я съ ужасомъ простирала впередъ обнаженныя руки, не сводя глазъ съ катавшагося подъ моими ногами человѣка, и этотъ человѣкъ казался мнѣ сладострастнымъ фавномъ съ кривыми ногами и мохнатыми руками.

О, какъ бы я хотѣла имѣть крылья, чтобы, встряхнувъ ими, улетѣть отъ этихъ прикосновеній. Но крыльевъ не было, и я карабкалась на подушки. Я хотѣла вскрикнуть еще разъ, крикнуть, что было во мнѣ силы, но силъ было мало и судороги сжимали мое горло: вмѣсто крика изъ моей груди вырывался жалкій шепотъ, который никто не услышитъ. И вдругъ мнѣ показалось, что я покатилась куда-то внизъ, словно съ невѣроятной высоты на землю. Въ глазахъ у меня потемнѣло и кровавыя пятна закружились въ темнотѣ. Какъ крыльями, махала я своими руками и летѣла внизъ съ ужасающей быстротой. И исчезла, перестала существовать.

Когда, на другой день, я раскрыла глаза, я не сразу вспомнила, что со мной произошло. Руки и ноги мои болѣли и вся я была смятая и разбитая, словно меня били, не разбирая и не жалѣя. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало на моей душѣ, давило мое сознаніе, и я напрягала мозгъ, чтобы понять, что такое со мной случилось. А когда вспомнила, то вспыхнула огнемъ стыда съ головы до ногъ и, спрятавъ лицо въ подушки, зарыдала горькими слезами. Мое отчаяніе было безгранично и непоправимо и тутъ я впервые подумала о томъ, что хорошо было бы совсѣмъ не просыпаться, а умереть и не узнать того, что со мною случилось.

Я рыдала долго-долго и, цѣпляясь за подушки руками, жаловалась безъ словъ, однимъ своимъ сердцемъ, матери, которая давно умерла и которую я совсѣмъ не знала. Почему не отцу, который былъ живъ?... Не знаю. Но онъ не приходилъ мнѣ въ голову въ эту страшную минуту моей жизни, а мать стояла предо мной, молодая и красивая, какой я часто видѣла ее на портретѣ. Мнѣ чувствовалось въ этотъ моментъ, что я безконечно люблю мать и что я знаю, почему она бросила меня съ папой: она тоже хотѣла вылетѣть изъ клѣтки и умерла, молодая и красивая.

— Мама, мамочка! — шептали мои губы, и я рыдала, какъ безумная, цѣпляясь за края подушекъ въ безграничномъ отчаяніи. Я не замѣтила, какъ въ мою комнату вошла старая няня и какъ она приблизилась къ моему изголовью.

— Плачь, плачь! Отъ слезъ бываетъ легче человѣку!—прошептала та надъ моимъ ухомъ.

А я не могла уже плакать, не было больше силъ и не было больше слезъ, а оставалось одно безграничное молчаливое отчаяніе.

— Жизнь прожить не поле перейти, пташка... Охъ, дѣла, дѣла!...

И мнѣ представилось поле, большое сѣрое вспаханное поле, сѣрый тусклый день, сѣрое небо и дождикъ; я иду черезъ это поле, едва волоча усталыя, избитыя ноги, а надъ головой моей кружатся въ несмѣтномъ количествѣ вороны и собираются напасть на меня, когда я упаду на землю, обезсиленная и изнемогшая.

— Теплый день. Въ саду воронье разыгралось, — со вздохомъ сказала старая няня и тихо вышла, осторожно притворивъ за собою дверь.

Слабость и безволіе разливались по всему моему тѣлу. Все громче въ головѣ моей отдавалось карканье воронъ въ саду, и мнѣ чудилось, что въ этомъ карканьѣ есть что-то странное, словно и вороны въ саду узнали о томъ, что со мною случилось, и теперь онѣ про это каркаютъ всему свѣту... Ну, что-жъ, пускай, теперь все равно... «Все равно, все равно!» — повторилось въ моемъ мозгу и я стала опять исчезать, оставляя землю, а карканье воронъ звучало все дальше и тише, словно я уплывала отъ нихъ куда-то далеко-далеко... Я уснула и мнѣ приснился удивительный сонъ, котораго я никогда не забуду. Я видѣла, что иду по аллеѣ пожелтѣвшихъ деревьевъ; сухіе листья кружатся, падая съ нихъ, и шуршатъ подъ моими ногами; какія-то птички, вспархивая изъ голыхъ кустовъ, жалобно вскрикиваютъ при моемъ приближеніи и гдѣ-то колоколъ, глухой, далекій и печальный, похожій на бой нашихъ стѣнныхъ часовъ, звучитъ, доносимый вѣтромъ, такъ значительно, съ какимъ-то упрекомъ и мнѣ, и всѣмъ людямъ... Гдѣ я видѣла эту аллею?... Ахъ, да вѣдь это старое кладбище въ нашей усадьбѣ, гдѣ похоронили мою маму и куда меня приводили за руку, когда я была маленькой дѣвочкой! Я иду, тороплюсь и вижу впереди, чрезъ порѣдѣвшую аллею старыхъ липъ: за рѣшоткой на сѣромъ камнѣ, у самаго креста, сидитъ въ черномъ платьѣ молодая женщина и, опустивъ голову на руки, плачетъ. Кто она? И о чемъ она плачетъ?... Я несмѣло приближаюсь къ ней, смотрю на эту женщину въ черномъ и вдругъ чувствую, что это — моя мама сидитъ на своей могилѣ и плачетъ... Лица ея я не вижу и жду, когда она подниметъ съ рукъ голову. А она не поднимаетъ и только вздрагиваетъ плечами... «Мама, мама!» — кричу я, объятая невыразимой радостью, и бросаюсь къ рѣшеткѣ съ протянутыми руками.

И тутъ я очнулась отъ стона, вырвавшагося изъ груди моей.

Сонъ былъ до того ярокъ, что нѣкоторое время по пробужденіи я

все еще не вѣрила, что все это былъ сонъ и что я лежу въ постели, больная и разбитая. До моего слуха доносилось карканье воронъ въ саду и въ мозгу моемъ вставали старыя липы кладбища въ нашей усадьбѣ и могила матери за ржавой чугунной рѣшеткой...

VIII.

Пришла осень... Мелкій дождь шепчетъ подъ окномъ о чемъ-то утомительно скучномъ и когда я прислушиваюсь къ этому шепоту, то мнѣ кажется, что это подлая скука жизни разсказываетъ мнѣ мою біографію и мой романъ въ клѣткѣ и потихоньку грызетъ мою душу, какъ собака высохшую кость. По временамъ сердитымъ порывомъ налетаетъ вѣтеръ, и тогда кажется, что кто-то въ тяжелыхъ сапогахъ ходитъ по желѣзной крышѣ, а кто-то другой осторожно постукиваетъ въ окно моего одинокаго чердака и заглядываетъ, чтобы узнать, какъ кончился этотъ скучный сѣренькій романъ безъ любви и безъ героевъ.

Мнѣ становится жутко, и я кашляю, чтобы ободрить себя звукомъ собственнаго голоса.

Гдѣ моя Женя и вспоминаетъ ли она свою бѣдную мать, которая вылетѣла изъ клѣтки и оставила тамъ свою маленькую дѣвочку съ недоумѣвающими глазами? Я хотѣла бы увидать тебя, моя маленькая птичка, хоть одинъ только разъ въ своей недолгой уже жизни!... О чемъ шепчетъ дождикъ подъ окномъ и кто тамъ постукиваетъ въ окно моего чердака, осторожно напоминая о смерти?...

Въ дѣтствѣ мнѣ разсказывали, что когда человѣкъ умираетъ, то ангелъ смерти стучитъ въ окно три раза, послѣ чего душа покидаетъ тѣло... И теперь, когда по крышѣ начинаетъ кто-то ходить, а въ окошко—стучаться, я думаю:

«Это—смерть».

Когда дышишь, въ легкихъ раздается свистъ и постоянно преслѣдуетъ желаніе выплюнуть что-то постороннее, страшное и мерзкое, а когда дѣлаешь это, то на губахъ остается кровь, и запахъ ея долго преслѣдуетъ обоняніе.

Я лежу на кушеткѣ, прикрывшись своей старой шубкой, и думаю: вотъ сейчасъ опять кто-то застучитъ осторожно въ окошко, и я начну умирать. А въ комнатѣ никого нѣтъ. Одной умирать страшно: человѣку кажется, что умирать легче, когда кругомъ есть живое, какъ будто бы еще не все порвано, когда вокругъ тебя, умершаго, остаются попрежнему люди, смотрятъ на тебя, ходятъ по комнатѣ и тихо говорятъ или молча думаютъ о тебѣ... Я не помню своей матери, но вотъ что я помню: когда умирала она, то захотѣла увидать

отца и меня, маленькую дѣвочку... Мы поѣхали съ отцомъ прощаться съ мамой... Мнѣ потомъ разсказывали, что когда мы пріѣхали, мама уже лишилась зрѣнія и слуха, но пристально смотрѣла въ пространство передъ собой и дѣлала какіе-то жесты рукою; потомъ догадались, что она просила бумагу и карандашъ, чтобы написать что-то, но было уже поздно: рука не повиновалась... Что она хотѣла сказать? Быть можетъ, она хотѣла спросить, привезъ ли меня отецъ и стою ли я около ея постели?... А меня не было. Для меня, дѣвочки, было что-то ужасное и непостижимое въ этой жестокой тайнѣ человѣческой природы, и я потихоньку убѣжала отъ мамы въ сѣни и здѣсь стояла за дверью, притаившись и прислушиваясь къ отдаленнымъ шагамъ и скрипу дверей, чрезъ которыя входили и уходили молчаливые сосредоточенные люди; какая-то женщина, замѣтивъ меня за дверью, очень удивилась и сказала, что нехорошо прятаться отъ умирающей матери...

— Отъ смерти не спрячешься: всѣмъ придетъ чередъ умирать,— сказала она.

Вотъ это я помню и отъ этого воспоминанія скорблю...

«Отъ нея не спрячешься». Вотъ она, эта неизбѣжная очередь, пришла и ко мнѣ, и скоро я буду умирать, одна, въ этой конурѣ подъ крышей и, быть можетъ, въ это время потухнетъ лампа и будетъ темно... Мысль о томъ, что лампа можетъ потухнуть именно въ ту минуту, когда я стану умирать, давно уже безпокоитъ и пугаетъ меня... Вѣрно, передъ смертью всѣ люди дѣлаются суевѣрными трусами и, вѣрно, героями они умѣютъ умирать только въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ смотрятъ. А я одна. Некому смотрѣть...

Сбросивъ шубку, я подошла къ столу и дрожащей рукою подняла и покачала резервуаръ лампы, чтобы узнать, много ли тамъ керосина. Керосина много... Я успокоилась и, поправивъ фитиль лампы, запрятала зябнувшія руки въ рукава кофточки и стала съ тоской ходить изъ угла въ уголъ. Тѣнь моей фигуры скользила по бѣлой штукатуркѣ стѣны, и мнѣ казалось, что въ этой конурѣ ходятъ два человѣка, оба одинокіе и чужіе другъ другу. Шаги мои какъ-то странно звучали въ тишинѣ и еще болѣе оттѣняли мое одиночество. Я ходила долго и думала: «быть можетъ, завтра придетъ почтальонъ и принесетъ мнѣ большой конвертъ и, когда я разорву его, то найду тамъ карточку моей маленькой Жени... Тогда насъ будетъ двое»... И словно надѣясь, что увижу этого почтальона, я останавливалась у окна и смотрѣла туда пристально и упорно... Дождевыя капли, какъ волдыри, вскакивали на стеклѣ и лопались, стекая внизъ тонкими

струйками и отъ этого казалось, что окно плачетъ... А за окномъ было жутко и мрачно, и въ этомъ мракѣ плавало расплывчатое пятно одинокаго фонаря. Порой въ ореолѣ свѣта отъ этого фонаря появлялась какая-то тѣнь, похожая на силуэтъ капуцина, и быстро исчезала во мракѣ, оставляя на душѣ непріятную мистическую тревогу: «это—прохожій въ своемъ непромокаемомъ плащѣ съ поднятымъ капюшономъ спѣшитъ домой»,—думала я, и всетаки нервная дрожь пробѣгала по спинѣ моей и я торопилась уйти отъ окна и поскорѣе лечь на кушетку.

Тишина ночи была полна какихъ-то странныхъ шороховъ и шумовъ, чего-то таинственнаго и страшнаго и, какъ только я закрывала глаза, такъ мнѣ начинало казаться, что здѣсь, въ этомъ домѣ, совершается что-то непостижимое и роковое и что все это роковое собирается въ мою комнату и начинаетъ прислушиваться, затаивъ дыханіе, чтобы я ничего не замѣтила.

Съ нѣкоторыхъ поръ меня преслѣдуетъ кошмаръ: лежа ночью на кушеткѣ, съ закрытыми глазами, я сперва начинаю чувствовать, что въ комнатѣ совершается что-то странное и значительное, чего нельзя понять и выразить; потомъ, поддаваясь охватывающей меня дремотѣ, я начинаю ощущать всѣмъ своимъ тѣломъ, что на стулѣ, около моего изголовья, кто-то есть... «Кто это тутъ, около меня, и что ему надо?» думаю я и чувствую, что тотъ, кто сидитъ на стулѣ, смотритъ на меня съ кроткой печалью... Почему съ печалью и какъ я это знаю, когда не вижу лица того, кто сидитъ около моего изголовья?... Лица не вижу, но чувствую, что кроткая печаль льется на меня изъ глазъ сидящаго на стулѣ... Я боюсь открыть глаза, но и безъ этого ощущеніе посторонняго присутствія такъ сильно во мнѣ, что я начинаю понемногу видѣть съ закрытыми глазами: сидитъ въ черномъ платьѣ какая-то женщина и, наклонившись, смотритъ мнѣ въ лицо съ кроткой печалью. Смотритъ долго и пристально... Тогда мной овладѣваетъ паническій ужасъ, я боюсь шевельнуться, боюсь двинуть рукой и стараюсь рѣже и тише дышать, а женщина въ черномъ платьѣ наклоняется все ниже и ниже надо мной, и вдругъ я начинаю чувствовать на лицѣ своемъ ея холодное дыханіе... Собравъ всѣ силы, которыя у меня остались, я вскрикиваю: «Кто здѣсь?» и, когда, пробужденная собственнымъ голосомъ, раскрываю глаза, то что-то темное еще колышется надо мною и тихо отходитъ въ глубь комнаты и тамъ, въ углу подъ потолкомъ, какъ облако, разсѣивается и исчезаетъ во мракѣ... Я приподнимаюсь на кушеткѣ и съ ужасомъ озираю свою маленькую конуру... На столѣ горитъ лампа подъ зеле-

нымъ картоннымъ абажуромъ, маленькіе часики тикаютъ на стулѣ, гдѣ сидѣла женщина въ черномъ, и нѣтъ никакихъ перемѣнъ и слѣдовъ отъ видѣнія... Я отлично знаю, что это кошмаръ, галлюцинація, но въ этотъ моментъ меня покидаетъ разсудокъ, и я полна вѣры, что все, что случилось, было въ дѣйствительности...

Такъ повторялось уже нѣсколько разъ, и поэтому я боюсь ночью закрывать глаза и лежу, устремивъ взоръ въ потолокъ, а въ головѣ моей вихремъ кружатся мысли, несуразныя и отрывочныя... Я думаю о томъ, что всѣ люди умрутъ, рѣшительно всѣ, какихъ я знаю... Умретъ и моя маленькая Женя... Мнѣ кажется это страннымъ, думаю о томъ, что опять пахнетъ кровью и еще чѣмъ-то, напоминающимъ о гніеніи и смерти; думаю о томъ, есть ли Богъ и будетъ ли воскрешеніе мертвыхъ; если будетъ, то я увижу свою маму и разскажу ей все, что со мной случилось...

Ахъ, какъ хорошо бы напиться до пьяна, крѣпко-крѣпко уснуть и не слышать этихъ странныхъ ночныхъ шороховъ и вздоховъ и не слышать, какъ кто-то ходитъ по крышѣ, а кто-то другой осторожно постукиваетъ въ окно.

Когда все это было уже?... Начинаю припоминать, и вдругъ въ моей памяти встаетъ моя прежняя комната, тяжелая занавѣсь на окнѣ, а за окномъ—буранъ, метель сыплетъ въ стекла снѣговой порошей, и отъ этого кажется, что кто-то тамъ шепчется, переглядывается и посмѣивается. Тогда ломалась моя старая жизнь.

Когда слабый отблескъ наступающаго утра заглядываетъ въ окно моего чердака, наполнивъ его сѣроватымъ, похожимъ на туманъ, свѣтомъ, тогда сразу всѣ непонятные шорохи и странные звуки смолкаютъ; весь ужасъ и мистическая тревога улетаютъ вмѣстѣ съ поблѣднѣвшимъ мракомъ ночи, и я, совершенно обезсиленная, сбрасываю съ ногъ тяжелые стоптанные башмаки, поджимаю подъ себя ноги, покрываюсь съ головой шубкою и чувствую величайшее блаженство отъ одного сознанія, что сейчасъ я засну и буду спать долго-долго, безъ проклятыхъ мыслей о своихъ легкихъ; о томъ, кто это сидитъ на стулѣ у моего изголовья и почему она такъ печально смотритъ мнѣ въ лицо; о томъ, какъ бы не погасла лампа.

Теперь вечеръ, долгій, долгій вечеръ, и мнѣ долго еще придется лежать съ открытыми глазами и смотрѣть въ бѣлый потолокъ. Можетъ быть, опять придетъ женщина въ черномъ. Дождь все шепчетъ подъ окномъ о чемъ-то утомительно-скучномъ, и, прислушиваясь къ этому шепоту, я думаю, что это подлая скука жизни разсказываетъ людямъ мой сѣренькій и унылый романъ безъ любви и героевъ. По-

чему сегодня я не боюсь появленія женщины въ черномъ? Мнѣ вспомнился тотъ удивительный сонъ, который я видѣла въ страшную минуту своей жизни, и я думаю теперь, что это моя мать приходитъ ко мнѣ, садится на стулъ около изголовья и груститъ на обломкахъ моей жизни, оплакивая мое обновленіе. Пусть она поскорѣе придетъ и сядетъ, и мы сообща съ ней подумаемъ о томъ, что намъ теперь дѣлать. А потомъ я усну и буду спать долго-долго, а когда высплюсь и встану завтра утромъ, то весь день буду смотрѣть въ окно и ждать человѣка съ сумкой: онъ принесетъ мнѣ конвертъ и, когда я разорву его дрожащими руками, то найду тамъ портретъ моей маленькой дѣвочки съ недоумѣвающими глазами...

Евгеній Чириковъ.

Д В Ѣ.

Новелла Элизы Ожешковой.

Извѣстная въ нѣкоторыхъ кружкахъ и по нѣкоторымъ моментамъ своею красотою и весельемъ, Эльвира Роза сидѣла передъ своимъ туалетнымъ столомъ, гдѣ... Нѣтъ! Невозможно пересказать, вычислить того, что находилось на этомъ столѣ. Развѣ какой-нибудь знатокъ, или опытная въ этомъ случаѣ дама... Сокровищница Голконды, сонъ Шехеразады! Тысяча и одна бездѣлушка! Сто два флакона разной вышины и толщины, триста коробочекъ различныхъ размѣровъ, такое же количество другихъ предметовъ большихъ и малыхъ, неизвѣстно для какого употребленія служащихъ, и все это блеститъ золотомъ, серебромъ, полированною сталью, хрусталемъ различныхъ оттѣнковъ, ониксомъ, агатомъ, и все составляетъ достойную свиту своему великому монарху,—зеркалу, обрамленному фарфоровыми цвѣтами. Прекрасное зеркало въ рамкѣ изъ фарфоровыхъ цвѣтовъ царило въ такой же прекрасной комнатѣ, теплой, насыщенной благоуханіями, гдѣ полъ былъ покрытъ мягкимъ ковромъ, гдѣ стѣны было завѣшаны коврами, а мебель завалена разноцвѣтными подушками и кусками пестрыхъ тканей. Сквозь полуотворенную дверь была видна другая комната, вѣрнѣе, комнатка, отсвѣчивающая мраморомъ и малахитомъ, должно быть ванная, потому что оттуда доносился влажный воздухъ, насыщенный ароматомъ духовъ, названіе которыхъ опредѣлить было трудно, но которые, должно быть, стоили дорого, пользовались одобреніемъ моды и потому благоухали въ комнатахъ такого рода. Все это было немного пестро, немного крикливо, немного безпорядочно, но очень капризно, изысканно, стоило много денегъ и удовлетворяло всѣмъ пяти чувствамъ. Именно, всѣмъ пяти чувствамъ, потому что кромѣ красокъ, отблесковъ, благоуханій и всеобщей мягкости очертаній, у потолка красовалась великолѣпная клѣтка въ формѣ бомбоньерки, откуда отъ времени до времени лились

серебряные звуки и трели заключеннаго въ ней соловья. На дворѣ стояла зима, на улицахъ и крышахъ лежалъ снѣгъ, а соловей, сидя среди фестоновъ плюшевой занавѣски, на позолоченой жердочкѣ, все пѣлъ и пѣлъ, потому что былъ слѣпъ.

Въ началѣ своей жизни Эльвира Роза носила другое имя и фамилію, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ оставила ихъ и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ... довольно давно, существовала и блистала подъ своимъ псевдонимомъ. Правда, сфера, въ которой вращалась она, была не широка, но за то изящна и великолѣпна, по крайней мѣрѣ, обладала изящной и великолѣпной поверхностью. Сколько подъ тою поверхностью было сѣраго, грубаго и колкаго, объ этомъ Эльвира Роза знала очень хорошо, но никогда не задумывалась надъ этимъ долго, какъ, впрочемъ, и ни надъ чѣмъ другимъ. Она порхала, сверкала, грызла конфеты, пила душистыя и крѣпкія вина, порою огорчалась, порою сердилась, но тотчасъ же и на гнѣвъ и на свое огорченіе сыпала жемчужины своего громкаго смѣха, и, пожалуй, вслѣдствіе этого, никому, кто смотрѣлъ на нее, слово «давно» не могло придти въ голову. «Давно» съ нею ничего не могло произойти,— она была такъ молода. Отъ ея высокой, крѣпкой, сильной, удивительно статной фигуры, отъ чудесныхъ волосъ, густыми и хитрыми прядями уложенныхъ на ея изящной головкѣ, отъ свѣжаго цвѣта лица, отъ коралла устъ и отъ бѣлизны скрывающихся за ними зубовъ, вѣяло побѣдоносною молодостью, молодостью полнаго разсвѣта, до которой еще не дотронулся всесокрушающій зубъ времени.

Всякій, познакомившійся съ нею недавно, долженъ былъ преклонить голову передъ этой торжествующей, іюльской молодостью, и очень рѣдко случалось, что кто-нибудь, прибывшій изъ далекихъ сторонъ, и встрѣчающійся съ нею не въ первый разъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и произносилъ только одно слово: l'Immortele! Слово это пристало къ ней и потомъ не разъ, во время шумныхъ, буйныхъ пировъ, поднимались тосты въ честь безсмертной. Одинъ поэтъ, высоко-талантливый, и только благодаря странному стеченію обстоятельствъ очутившійся въ одномъ обществѣ съ Эльвирой Розой, потому что его жизнь вѣчно шла по путямъ совершенно аскетичнымъ, язвительно сказалъ: Voilà où l'immortalité va ce nicher!

Дорогіе и художественно сдѣланные часы давно уже пробили двѣнадцать, но Эльвира Роза была еще не совсѣмъ одѣта. За нѣсколько минутъ до того ея комнату покинулъ индивидуумъ, который съ искусствомъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго, перекрасилъ ея блѣдно-золотистые волосы въ огненно-рыжій цвѣтъ и создалъ изъ нихъ куафюру, не поддающуюся никакому описанію.

Голова была уже готова для выступленія на арену свѣта, но фигуру Эльвиры Розы окутывалъ еще пеньюаръ, сшитый изъ ткани, о которой поэтъ эллинскихъ временъ навѣрно сказалъ бы, что она была снята съ станка Аріадны; но мы, люди современные, знаемъ, что эта ткань выработывается на французскихъ фабрикахъ батиста и кружевъ. Съ окончаніемъ своего туалета Эльвира Роза медлила больше, чѣмъ обыкновенно, потому что ее злило и (явленіе для нея очень рѣдкое) повергало въ задумчивость, письмо, которое она перечитывала чуть не въ десятый разъ. Собственно говоря, письмо было короткое, заключалось въ нѣсколькихъ строкахъ, начертанныхъ четкимъ женскимъ почеркомъ, и заключало оно въ себѣ просьбу назначить часъ, когда пишущая особа могла бы застать дома Эльвиру Розу и переговорить съ нею о дѣлахъ, касающихся ея, то-есть Эльвиры Розы. Въ началѣ письма стояло слово, лишенное всякихъ обычныхъ добавленій «милостивая государыня», а подпись гласила: Антонина Ливская, урожденная Мировская. Повидимому, и вчитываться въ это такъ внимательно было нечего, и съ такимъ гнѣвомъ морщить бѣлый лобъ. Но тѣмъ не менѣе, глаза Эльвиры Розы были угрюмы, а благодаря нахмуреннымъ бровямъ, похожимъ на огненные лучи, лицо ея принимало выраженіе, колеблющееся между смущеніемъ и гнѣвомъ. Она отлично помнила ту, которая пожелала видѣться съ нею и, конечно, съ намѣреніемъ, подписываясь, обозначила и свою дѣвичью фамилію.

Дочь сосѣдей, гораздо болѣе богатыхъ, чѣмъ мать Эльвиры Розы, по лѣтамъ ровесница ей, сначала маленькая дѣвочка, потомъ подростокъ... какъ же! Онѣ знали другъ друга, когда были и маленькими дѣвочками и подростками. Потомъ изъ нея вышла прелестная дѣвушка. Прелесть ея была даже особенно рѣдкостная, волосы у нея были черные, а глаза голубые, такіе голубые, какъ... какъ, напримѣръ, этотъ сапфиръ въ брошкѣ, которую она получила отъ... Ну, да это все равно, довольно и того, что она отлично помнитъ эту Тосю... отлично помнитъ! Тося Мировская, богатая панна! И то она помнитъ, что слегка завидовала ей за то, что у нея были добрые родители и бѣлыя руки. У нея самой была мать... не дай Богъ никому имѣть такую, и руки постоянно красныя.

Тутъ она посмотрѣла на свои руки и улыбнулась довольной улыбкою,—конечно, теперь на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ руки бѣлѣе этой нѣжной, мягкой ручки, съ прелестными ямками, съ рубиновыми ногтями, которая съ такимъ гнѣвомъ сжимала письмо пани Ливской, сверкая своими перстнями. Но до чего она, Эльвира Роза, дошла, благодаря искусству и трудолюбію, то панна Тося задаромъ

получила отъ природы. Да, наконецъ, чего она, эта Тося, не получила отъ судьбы и отъ природы? Все, что только возможно вообразить себѣ... Была она щебетунья, совершенно беззаботная птичка, и не одинъ разъ онѣ выкидывали непозволительныя шалости, въ особенности когда къ ихъ обществу примѣшивался Люцись. Онъ даже былъ влюбленъ въ Тосю, а Рузя, какъ замужняя женщина, вѣчно насмѣхалась надъ нимъ. Рузя, Тося, Люцись... имена, которыя она отъ вѣка вѣчнаго не вспоминала никогда, теперь выплываютъ изъ-за тучи, изъ-за какой-то тучи выплываютъ и плывутъ по какой-то зеленой волнѣ. По зеленой и лиловой волнѣ, потому что въ саду деревья покрыты зеленью, а сирень усыпана лиловыми цвѣтами. Тося спряталась гдѣ-то въ сиреневомъ кустѣ. Люцись ищетъ ее, а Рузя, сидя на балконѣ съ шитьемъ, смѣется надъ нимъ, смѣется по-своему. А среди цвѣтущихъ сиреней сидитъ, притаившись, Тося и поетъ соловей.

Эльвира Роза нетерпѣливо повернулась въ креслѣ. Ахъ, что ей за дѣло до всего этого! Они всѣ давно уже потеряны для нея и, хотя живы, но для нея умерли. Ихъ міръ и ея міръ, это все равно, что луна и земля. А вѣдь съ земли никто не прыгаетъ на мѣсяцъ, ни съ мѣсяца никто не спускается на землю. А вотъ ей, Тосѣ, теперь пришло въ голову спуститься съ луны на землю. Зачѣмъ? Что ей нужно? Дѣло какое-нибудь? Быть не можетъ. Она тамъ, среди нихъ, никакихъ дѣлъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. Ливская! Фамилія эта что-то приводитъ ей на память. Она знала, видѣла какого-то Ливскаго... знала издали, но помнитъ... О, и кутила же былъ онъ!... Но только тотъ ли это самый? Ливскихъ, кажется, много. Должно быть, за богатаго вышла замужъ, и за самой за нею было хорошее приданое. Большая барыня, важная... пріѣдетъ въ богатомъ платьѣ, въ такомъ, въ какое умѣютъ одѣваться только онѣ однѣ, какъ будто бы ничего, на видъ очень скромно, а денегъ сколько стоитъ, ай, ай! Можетъ быть, и дѣти у нея есть... образцовая мать, при помощи десяти боннъ и гувернантокъ! И несомнѣнно горда! Да и понятно... естественно... по положенію своему, по состоянію, по мужу, по семьѣ, по не-по-роч-но-сти! Ха-ха-ха, нужно мнѣ все это, какъ лѣтошній снѣгъ. Вотъ эта туфля для меня дороже, чѣмъ всѣ ихъ...

Она взмахнула какой-то необыкновенной туфлей, которая мелькнула въ воздухѣ бѣлоснѣжнымъ пухомъ, вскочила съ мѣста и остановилась, какъ вкопанная, съ густымъ румянцемъ на щекахъ и съ искрящимися глазами.

— Пускай она только попробуетъ важничать, я покажу ей, кто я такая! Это ужъ ни на что не похоже! Ни съ того, ни съ сего сва-

ливаться кому-нибудь на голову! Можетъ быть, съ правоученіями? А можетъ быть Рузя или Люцись подослали ее, чтобъ она наговорила кучу прописной морали ихъ недостойной сестрѣ? Должно быть... они вспомнили обо мнѣ. Ну, я покажу ей, и пускай она разскажетъ о томъ, что видѣла!

Эльвира Роза нажала пуговку звонка, и изъ благоуханной комнатки прибѣжала горничная, шелестя шелковыми юбками, съ причудливо завитыми волосами, изукрашенными различными бантиками. Много времени было посвящено различнымъ совѣтамъ и дѣяніямъ, но, наконецъ, передъ фарфоровымъ зеркаломъ Эльвира Роза предстала въ утреннемъ туалетѣ, совершенно законченномъ и, оправляя его складки, нѣсколько разъ ударила стиснутымъ кулакомъ по ладони другой руки.

— А я нарочно... на зло ей... да, да, на зло! Еслибъ я захотѣла, то сумѣла бы и иначе дѣйствовать, ой, ой! Ротъ отъ удивленія разинула бы, такую я показала бы ей важность и величіе... Но я не хочу, пусть видитъ! Ни притворяться, ни скрываться съ чѣмъ-нибудь у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія! Маски всегда были мнѣ противны. Пусть видитъ все! На зло!

Глаза ея горѣли, а голова поднималась все выше и дерзче. Дерзокъ былъ и ея костюмъ: на ней было не платье, а что-то вродѣ намека на платье, фуляръ, шелкъ, кружева и прошивки, слагающіеся такимъ образомъ, чтобъ какъ можно меньше скрывать удивительнѣйшее произведеніе природы, формы человѣческаго тѣла. Мраморное, алебастровое, можетъ быть какое-нибудь иное, но, во всякомъ случаѣ, очень красивое произведеніе природы, показывалось то возлѣ шеи, то на плечахъ, то на груди, сквозь пушистую, прозрачную матерію, то сквозь широкій греческій разрѣзъ отъ таліи до подола. Какая-то смѣсь греческаго и парижскаго, послѣднее слово моды и shoking'a. Эльвира Роза знала, что это shoking, но поэтому-то собственно... Пусть эта важная, большая барыня видитъ, какъ она молода и прекрасна, какъ ей хорошо живется на свѣтѣ, и каковы эти кружева по двадцати пяти рублей за футъ... Развѣ надѣть брилліантовыя серьги?... Конечно, да и можетъ ли быть иначе? Странно только одно, почему она раньше не подумала объ этомъ. А эту брилліантовую брошь въ формѣ стрѣлы, приколоть ее къ кружевамъ лифа или нѣтъ? Такъ рано и сколько брилліантовъ?... Чего добраго, она еще засмѣется... Ну, такъ вотъ именно для этого!... Пусть смѣется, но пусть и видитъ. Смѣйся, смѣйся, а всетаки будешь коситься на бр[illegible], какъ котъ на молоко...

Въ передней послышался звонокъ; горничная, какъ разноцвѣтная бабочка, промелькнула по комнатѣ.

— Подожди! — остановила ее Эльвира Роза, приложила конецъ пальца къ губамъ и задумалась.

— Если я приму ее въ гостиной, то она должна будетъ проходить черезъ столовую, а тамъ, послѣ вчерашняго ужина, столы, исписанные мѣломъ, измятыя карты, запахъ икры и вина... А, впрочемъ, чему же это можетъ помѣшать? Ничуть! Пусть все видитъ!

Но вслухъ Эльвира Роза отдала такое приказаніе:

— Барыню эту проведи не черезъ столовую, а черезъ кабинетъ, прямо сюда ко мнѣ.

Жаль только, что она не увидитъ ея гостиной съ мебелью Louis XVI и съ часами etріге! Но, впрочемъ, и это все равно. Она приметъ ее въ уборной, какъ какого-нибудь парихмахера или портниху... Какая глупость, что она устыдилась своей столовой, которую убираютъ только къ вечеру. Зато теперь она стоитъ въ своихъ дорогихъ кружевахъ, гордо выпрямившись, сверкая массою брилліантовъ. Сверкающіе глаза ея горятъ такъ же, какъ брилліанты, нагота ея отливаетъ алебастровою бѣлизною, а нижняя губа, выдававшаяся впередъ, придаетъ ея запрокинутой головѣ выраженіе презрѣнія и вызова. Видъ у нея такой, какъ будто она чѣмъ-то необыкновенно гордится, и вмѣстѣ съ тѣмъ вооружается противъ чего-то. Ея брови, напоминающія два луча, нахмурились, отъ этого образовывается маленькая морщинка на бѣломъ лбу, до половины покрытомъ огненнымъ пухомъ волосъ, которые высоко поднимаются надъ ея головою и низко спускаются на глубокій вырѣзъ спины, покрытой паутиною кружевъ. И вотъ она стоитъ во всей своей славѣ и великолѣпіи, на персидскомъ коврѣ между отоманомъ, заваленнымъ подушками, и нѣсколькими фантастическими креслами, на фонѣ металлическихъ и кристальныхъ отблесковъ, окруженная благоуханною атмосферою.

Горничная остранила портьеру, закрывающую дверь, и среди тяжелыхъ складокъ плюша показалась женщина невысокаго роста, худощавая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, въ черной шляпѣ, которая не совсѣмъ закрывала ея волосы, отливающіе цвѣтомъ стали. Съ неувѣренной улыбкою на красивыхъ, хотя поблекшихъ устахъ, она быстро подошла къ хозяйкѣ, которая точно застыла въ своей величественной и возвышенной позѣ, несмотря на то, что въ глазахъ ея отразилось глубочайшее недоумѣніе. Какъ? Это она? Когда-то прелестная Тося Мирецкая, а потомъ важная, большая барыня, гордая женщина, которую она ожидала? Ни важности, ни величія, ни гордости. Фигура скромная и смущенная; что-то среднее между гувернант-

кой и вдовою разорившагося землевладѣльца. И какъ она неслыханно постарѣла! Это ужасъ!

Онѣ стояли другъ противъ друга, слова какъ-то не шли имъ на языкъ, и только выдающаяся губа Эльвиры Розы приняла свое обычное очертаніе, а на блѣдныя и увядшія щеки Ливской выступилъ слабый румянецъ. Глаза у нея были большіе, темносиніе, но живые и блестящіе. Можетъ быть, невольно она быстро окинула взглядомъ всю комнату, смѣшалась еще больше, еще больше покраснѣла, но сдѣлала надъ собою усиліе, подняла глаза на стоящую передъ нею великолѣпную по фигурѣ и формамъ, но странную по костюму женщину и тихо сказала:

— Вы не узнаете меня?

Эльвира Роза громко и свободно разсмѣялась.

— Понятно, да и что-жъ здѣсь удивительнаго? Я никогда не узнала бы васъ, вы такъ измѣнились. Удивляться нужно, какъ вы измѣнились... Но прошу васъ, садитесь.

Жестомъ королевы, дающей аудіенцію мятежной подданной, она указала гостьѣ отоманъ, а сама сѣла на одно изъ фантастическихъ креселъ.

Когда Ливская проходила по комнатѣ и садилась на диванъ, то во всѣхъ ея движеніяхъ замѣчалась быстрота и живость, свойственная только людямъ, привыкшимъ къ быстрой ходьбѣ, къ вынужденной поспѣшности.

— Вы находите, что я такъ измѣнилась?... Я и сама знаю объ этомъ, но что-жъ здѣсь страннаго? Столько лѣтъ! Около двадцати лѣтъ...

— Около двадцати лѣтъ? Полноте!—закидывая голову назадъ, съ громкимъ смѣхомъ воскликнула Эльвира Роза.—Откуда эти двадцать лѣтъ? Этого быть не можетъ! Должно быть, отъ скуки время тянется для васъ такъ долго...

— О, нѣтъ! напротивъ! у меня всегда нехватаетъ времени,— просто отвѣтила Ливская, и онѣ обѣ сразу замолчали и начали разсматривать другъ друга.

Въ головѣ Эльвиры Розы мелькали мысли:

«Такъ вотъ какою ты кажешься на половинѣ своей жизни! Волосы посѣдѣли, на лбу морщины, правда, тоненькія, но все-таки морщины...только глаза такіе же, какъ были, прекрасные глаза...Платье изъ дешевой матеріи...фигура была бы хороша, еслибъ не была такъ худа и еслибъ не замѣчалось этого выраженія утомленія, этого вѣчнаго стремленія наклоняться впередъ. Кружева у рукавовъ... брррр! и золотая цѣпочка тоненькой ниткой блеститъ на черномъ лифѣ.

Всегда она носитъ при себѣ часы? И часы такъ же тщательно отсчитываетъ, какъ года? Ужасъ! Но и бѣдна же она! Я въ ея присутствіи должна казаться райской птицей, въ сравненіи съ воробьемъ, радужнымъ опаломъ въ сравненіи съ угасшей головнею»...

А Ливская думала:

«Она кажется удивительно красивою! Отъ нея вѣетъ молодостью, силою, какъ тепломъ отъ солнца. Я, въ сравненіи съ нею, точно сѣрый сумеречный часъ въ сравненіи съ полуднемъ... Лѣтъ она не считаетъ, конечно, не считаетъ. Платье дорогое, но... ужасное! И этотъ смѣхъ, тоже ужасный! О, бѣдная! Что такое мой сѣрый часъ въ сравненіи съ ея несчастіемъ!»

Грустнымъ взглядомъ она окинула лицо Эльвиры Розы, сіяющее свѣжестью кожи и озаренное блескомъ брилліантовыхъ серегъ. Губы ея два раза дрогнули отъ слова, которое набѣгало на нихъ, но которое она колебалась выговорить. Но всетаки она сказала:

— Вы помните, какъ мы, еще въ дѣтствѣ, ловили сѣтками бабочекъ?

Эльвира Роза снова разсмѣялась.

— Какъ же! Помню! И то помню, какъ мы однажды ѣхали вмѣстѣ къ сосѣдямъ на первый нашъ танцовальный вечеръ. Ваша мать взяла меня съ собою, потому что моя, какъ, можетъ быть, вы помните, ни одной минуты, ни одного гроша не посвятила бы на то, чтобъ доставить мнѣ удовольствіе. Я очень любила вашу мать. Она всегда была добра ко мнѣ. Надѣюсь, она жива и счастлива?

— Она умерла,—отвѣтила Ливская.

Эльвира Роза была такъ удивлена этимъ извѣстіемъ, какъ будто въ первый разъ въ жизни слышала, что люди умираютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на ея лобъ набѣгала какая-то тучка и онъ сталъ не такимъ возвышеннымъ.

— Какъ жаль! Какъ ужасно жаль! А вашъ отецъ? Такой величественный, сѣдой, но милый, милый! Я немного боялась его, но очень любила: онъ всегда былъ ласковъ ко мнѣ и порою гладилъ меня по головѣ... Какъ поживаетъ вашъ отецъ? Онъ все такой же милый?...

Линская отвѣтила:

— Онъ также умеръ.

— Также!—воскликнула Эльвира Роза.—Господи, какое несчастіе! Это должно было страшно поразить васъ. Потерять такого отца и такую мать,—ужасъ! Вотъ я, такъ не плакала по своей матери... Кто-то прислалъ мнѣ извѣстіе, что она умерла, но такая мать... Ну, конечно, всетаки она мать, и я хотѣла было заплакать, стыдила себя,

что не плачу, очень хотѣла заплакать... но тутъ что-то развлекло меня, я такъ и не заплакала...

— Это несчастіе!—шепнула Ливская.

— Что?

— Не смочь заплакать по матери.

Ея грустный и мягкій взглядъ снова остановился на Эльвирѣ Розѣ, которая, встрѣтившись съ нимъ, опустила рѣсницы, потомъ подняла ихъ, опять опустила, и, наконецъ, воскликнула съ громкимъ смѣхомъ:

— Э! ничего! Всегда въ тысячу разъ лучше смѣяться, чѣмъ плакать! Одинъ мой знакомый, старичокъ, который потерялъ двоихъ сыновей и все состояніе и котораго я часто приглашаю къ себѣ обѣдать, говорилъ всегда, что старость приплыла къ нему по слезамъ. Покорнѣйше благодарю за такой товаръ и за такую рѣку...

Она закинула голову назадъ, засмѣялась жемчужнымъ, немного фальшивымъ смѣхомъ, но потомъ наклонилась къ Ливской и спросила тише:

— А вотъ вы, должно быть, много плакали, вы такая измученная... Я отлично помню васъ, какою вы были прежде. Вы страшно измѣнились!

Ливская, спокойно улыбаясь и слегка пожимая плечами, отвѣтила:

— Что тамъ! Меня это совсѣмъ не интересуетъ. Мнѣ много приходится ходить, можетъ быть, поэтому...

— А почему вы должны такъ много ходить?

— Я даю уроки, и, слава Богу, у меня ихъ много...

— Вы даете уроки? Вы гувернантка?

— Я учительница.

— Ну, хорошо, пусть будетъ учительница... Но зачѣмъ? Почему? Какимъ образомъ? Вѣдь это уди...

— Почему это такъ удивляетъ васъ?

— Да какъ же! Вѣдь вы были богатой дѣвушкой и, вѣроятно, вышли замужъ за богатаго человѣка...

— За мною было приданое и я вышла замужъ за человѣка съ состояніемъ, но уже довольно давно у меня никакого состоянія нѣтъ...

— А что-жъ съ нимъ сталось?

Ливская ничего не отвѣтила и быстрымъ движеніемъ повернула лицо къ окну, возлѣ котораго соловей затянулъ было свою короткую, хотя и громкую пѣсню.

— У васъ соловей въ клѣткѣ?

— Да,—засмѣялась Эльвира Роза и добавила:—слѣпой.

— Слѣпой соловей?—крикнула Ливская и всплеснула руками.

— Кто-то привезъ мнѣ его изъ-за границы: тамъ ослѣпляютъ соловьевъ для того, чтобы они пѣли зимою.

— Да, я слышала объ этомъ. Люди иногда бываютъ ужасно жестоки...

— Жестоки?—удивилась Эльвира Роза.

Ослѣпленный соловей, вѣроятно, задѣлъ Лившую за чувствительную струну, потому что съ живостью, отъ которой ея глаза загорѣлись, а руки въ дешевыхъ перчаткахъ начали усиленно жестикулировать, она заговорила:

— А вы развѣ не чувствуете этого? Птичка была вольная, крылатая, словно цвѣтокъ воздушный, который въ каждую минуту могъ подняться высоко-высоко и парить въ чистѣйшемъ воздухѣ. Жила она въ зеленомъ лѣсу или въ саду и купалась въ солнечномъ теплѣ. Сидѣла она на вѣтвяхъ цвѣтущей сирени и пѣла въ майскія лунныя ночи. А тутъ хватаютъ его, выкалываютъ ему глаза, запираютъ въ клѣтку и никогда уже онъ и летать не будетъ, ни зелени, ни солнца, ни луны не увидитъ...

Когда Лившая говорила это, Эльвира Роза не спускала глазъ съ птицы, которая теперь распушилась и тихо, грустно сидѣла на золоченной жердочкѣ, тянущейся вдоль клѣтки. И вдругъ она возбужденно сказала:

— Это что-то необыкновенное! Я никогда не думала объ этомъ, но вы говорите правду. Странное дѣло, я никогда ни во что не вдумываюсь. Времени у меня нѣтъ. Понять даже невозможно, какъ это у меня никогда нѣтъ времени подумать о чемъ-нибудь... а впрочемъ это и хорошо, а то если раздумаешься о чемъ-нибудь, то... Э! ну, да что тутъ! Бѣдная птичка! Правда, что бѣдная!

Она встала, взяла со столика открытую бонбоньерку и съ манерою все еще величественною, но на этотъ разъ не лишенною любезной предупредительности, подала ее пани Лившой.

— Пожалуйста... одну конфету. Финики, или можетъ быть, лучше ананасъ.

Лившая улыбалась.

— Благодарю. У меня отъ конфетъ болятъ зубы. Не ѣмъ.

Глаза Эльвиры Розы широко раскрылись отъ изумленія. Кто же на свѣтѣ не ѣстъ конфетъ, когда онѣ тутъ, подъ рукою, и притомъ, такія превосходныя. Это что-то необык... А впрочемъ, вѣрно! Когда кто даетъ уроки... И вдругъ какая-то мысль, а можетъ быть и воспоминаніе мелькнула у нея въ головѣ. Быстрымъ движеніемъ снова усѣвшись въ кресло, она начала:

— Ужъ не Юлекъ ли Лившій...

Но она тотчасъ же поправилась:

— Вашъ мужъ не панъ Юліанъ Ливскій?

Ливская ничего не отвѣтила, но на ея увядшее лицо выступилъ яркій румянецъ и тотчасъ исчезъ, оставляя лицо еще болѣе блѣднымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ.

— Ага!—воскликнула Эльвира Роза, — теперь я понимаю все. Кутила былъ страшный... въ карты игралъ! Игралъ много, но и еще кое-что...

Вдругъ она встревожилась и съ бѣгающими глазами, съ безпорядочными движеніями рукъ, сбивчиво заговорила:

— Только вы не подумайте... вы, можетъ быть, думаете... но честное слово, нѣтъ... Мы одно время встрѣчались, но я даю вамъ честное слово, что ничего... Почему непремѣнно я?... Такихъ, какъ я, много. Я правду говорю, нѣтъ!

Очень блѣдная и очень смущенная, Ливская прервала ее:

— Не говорите объ этомъ; я знаю, что нѣтъ... я знаю все. И, наконецъ, надо всѣмъ этимъ уже покоится святая вещь: могила съ крестомъ.

— Онъ умеръ?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Тѣмъ лучше. Еслибъ такіе никогда не появлялись на свѣтъ, тогда, можетъ, не было бы...

Глаза ея горѣли, но она всетаки удержалась.

— Но вы еще до того, вы разстались съ нимъ, да? Что касается меня, то я попирала бы его ногами, какъ презрѣнную змѣю! Охъ, ужъ и змѣи они! Я всегда такъ думаю: мы—Евы, а они—змѣи. Конечно, вы разстались съ нимъ; ну, а потомъ что было?

— Какъ же я могла разстаться съ нимъ, если онъ былъ боленъ?

— Потому что онъ боленъ, и не разстаться съ нимъ? Мнѣ кажется, тѣмъ больше было бы нужно. А что съ нимъ было?

— Болѣзнь, тяжелая, долгая...

— И подѣломъ! Онъ заслужилъ ее; сколько его силъ хватало, онъ добивался этого. Можетъ быть, вы еще ухаживали за нимъ во время болѣзни?

Съ выраженіемъ удивленія на лицѣ, Ливская отвѣтила:

— Какъ вы предлагаете такіе вопросы? Могло ли быть иначе?

— Это что-то необычайное! И долго?

— Нѣтъ, не долго; нѣсколько лѣтъ.

— Нѣсколько лѣтъ не долго! Нѣсколько лѣтъ прыгать вокругъ больного, который... ну, пока я живу, не слышала этого... Теперь я кое-что начинаю понимать. Въ эти-то года вы, вѣроятно, измѣни-

лись и такъ постарѣли. Положительно, вы можете сойти за мою мать. Но какъ же вы должны теперь ненавидѣть самое воспоминаніе о немъ и хотя, какъ вы говорите, надъ нимъ покоится эта могила съ крестомъ, вы должны ужасно презирать его... ужасно презирать, да? Правда?

Ливская отрицательно покачала головой и отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Богъ послалъ мнѣ великую милость, что я никого не ненавижу и никого не презираю.

— Богъ... послалъ... милость!—повторила Эльвира Роза, и ротъ ея было раскрылся для громкаго смѣха, но смѣхъ не вышелъ изъ ея горла и застрялъ гдѣ-то глубоко-глубоко. Опершись локтями о поручни кресла, съ крѣпко сплетенными руками, всматриваясь въ лицо пани Ливской, она только повторила еще одинъ разъ:—Богъ... послалъ...

Глаза пани Ливской пытливо и зорко всматривались въ нее, какъ будто хотѣли пронизать преграду изъ алебастроваго тѣла и дорогихъ кружевъ.

— Вы не вѣрите?—спросила она.

— Во что такое?

— Въ Бога.

Эльвира Роза только подняла брови.

— Почемъ я знаю? Конечно... Они всегда смѣются надъ такими вещами, но меня это не интересуетъ... Просто-напросто я не думаю о такихъ вещахъ, на томъ и дѣлу конецъ! На что мнѣ нужно все это?... Мое дѣло уже кончено. Навѣрно, я не буду пѣть на небѣ вмѣстѣ съ ангелами; дайте мнѣ возможность пѣть хоть здѣсь на землѣ!

— Какъ слѣпому соловью!—шепнула Ливская, но Эльвира Роза не слыхала ея словъ, потому что въ эту минуту пододвигала къ ногамъ гостьи какую-то фантастическую скамеечку. Золотая бахрома скамеечки, какъ многочисленныя ноги паука, вились по поблекшимъ арабескамъ персидскаго ковра.

— Поставьте сюда ноги, вамъ будетъ удобнѣе.

Она встала, величественная и великолѣпная въ охватывающей ея волнѣ шелка и дорогихъ кружевъ, и подложила за спину гостьи одну изъ подушекъ, заваливающихъ отоманъ.

— Будьте добры, прислонитесь къ этому... Право, вамъ будетъ удобнѣе...

Въ эту минуту соловей изъ своей клѣткѣ огласилъ комнату нѣсколькими чистыми, прозрачными нотами и закончилъ ихъ короткою трелью. Эльвира Роза быстро повернулась къ нему.

— Бѣдный! — сказала она. — Теперь мнѣ всегда будетъ жалко тебя. Вы испортили мнѣ удовольствіе, но это хорошо... съ этого времени я уже никогда не заведу себѣ другого... Нужно его хоть чѣмъ-нибудь утѣшить, дать ему конфету...

Она, съ конфетой, вынутой изъ бонбоньерки, приблизилась къ клѣткѣ и поднялась на цыпочки.

Ливская съ интересомъ слѣдила за ея движеніями, но тѣмъ не менѣе посмотрѣла на часы.

— Я пришла къ вамъ по дѣлу, и мнѣ пора уходить...

— Какое тамъ пора!—крикнула Эльвира Роза и быстро возвратилась отъ клѣтки на свое кресло.—Пожалуйста, не говорите объ этомъ. Не говорите объ этомъ дѣлѣ и не покидайте меня. Развѣ вамъ такъ къ спѣху?

— Какъ «къ спѣху»? — засмѣялась Ливская, — я черезъ часъ должна быть на урокѣ, а идти туда далеко...

— Вы на уроки ходите пѣшкомъ?

— Чаще всего, хотя порою ѣзжу и на конкѣ.

— Это нѣчто совсѣмъ невѣроятное! Впрочемъ, правда! У васъ, вѣроятно, нѣтъ экипажа. Почему же тѣ, которые пользуются вашими уроками, не присылаютъ за вами лошадей?

Теперь Ливская расхохоталась такъ, что лицо ея помолодѣло и глаза засверкали.

— Они... и лошади...— заговорила она, — но вѣдь это два несовмѣстимыхъ понятія. Вы думаете, что это милліонеры? Это люди бѣдные, и средствъ у нихъ хватаетъ лишь настолько, чтобы прожить самимъ и воспитать своихъ дѣтей.

— Ну вотъ! Стоитъ ли говорить объ этомъ? Сколько можетъ стоить экипажъ... скажемъ, не изъ особенно дорогихъ? И лошади, тоже не изъ первостатейныхъ... Да вѣдь это почти ничего не будетъ стоить! Но я съ величайшимъ удовольствіемъ, всегда, предоставила бы вамъ свой экипажъ...

Она оборвалась, нахмурилась, какъ бы распушилась, и съ высоко поднятой головою начала смотрѣть куда-то въ пространство. Ливская въ свою очередь страшно сконфузилась и быстро-быстро заговорила:

— Благодарю васъ, но экипажъ для меня совершенно излишенъ. Я не привыкла... вѣрнѣе сказать, отвыкла... ноги у меня хорошія, ходить я могу много. Я хожу по нѣсколько верстъ въ день, да кромѣ того, ѣзжу еще на конкѣ... Это очень здорово и... пріятно. На ходу видишь столько вещей...

Эльвира Роза, все еще смотря въ сторону, перебила:

— И въ дождь, и въ снѣгъ, и въ морозъ, и въ жару?

— Въ каждую пору,—смѣясь отвѣтила Ливская и снова посмотрѣла на часы, но Эльвиру Розу это движеніе очевидно испугало, потому что она живо повернулась къ ней и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я такъ хотѣла бы знать, какъ вы живете и... какъ это можно жить такъ, какъ вы живете! Вы давно живете здѣсь? На какой улицѣ? Квартира у васъ удобная? Сколько комнатъ? А кто теперь живетъ въ Коралинѣ? Тамъ былъ большой домъ и чудесный садъ, я помню. Интересно знать, сколько вамъ платятъ за уроки? А кто на васъ шьетъ? Видно, совершенно простая швея. Я могла бы рекомендовать вамъ получше. О, пожалуйста, не пугайтесь! Дешевенькая, дешевенькая, но ловкая... Я знаю одну такую... У васъ, должно быть, много непріятностей, это по всему видно. И здоровье у васъ не Богъ знаетъ какое, вы такъ похудѣли...

Это былъ быстрый и непрерывный потокъ вопросовъ, замѣчаній, восклицаній. Руки Эльвиры Розы безпокойнымъ движеніемъ то оправляли кружева лифа, то пряди волосъ, глаза перебѣгали съ лица пани Ливской то къ одному углу комнаты, то къ другому, на щекахъ выступали все болѣе и болѣе густыя пятна румянца. А пани Ливская сразу начала смѣяться тихимъ, спокойнымъ, можно было бы сказать, яснымъ смѣхомъ, потомъ задумалась и начала зорко всматриваться въ женщину, разгоряченную, нервно жестикулирующую и сверкающую отблесками своихъ брилліантовъ.

— Какъ въ эту минуту вы похожи на ту, какою были когда-то... давно! А вы всегда были такою... живая, нетерпѣливая, стремительная... какъ огонь!

Она, можетъ быть, вспомнила не только свою подругу, какою она была въ прошломъ, но и тѣхъ, которые существовали тогда и сравнила съ тѣмъ, что стало теперь. А можетъ быть подъ ея черною шляпкою и подъ волосами, преждевременно посѣдѣвшими, въ ея головѣ, въ ея мысли разливался сладкій, святой голосъ, который звучалъ когда-то надъ галилейскими озерами...

Въ комнатѣ, наполненной благоуханіемъ духовъ, нестерпимо теплой, среди путаницы красокъ, пестрящихъ стѣны, мебель и полъ, среди всюду мигающихъ отблесковъ металла и хрусталя, среди приторнаго запаха конфетъ, который струился изъ бонбоньерки, какъ изъ какой-нибудь особенной кадильницы, пани Ливская говорила обо всемъ, о чемъ Эльвира Роза разспрашивала ее горячо, страстно, сама не зная, для чего, но разспрашивала. Ни въ прошломъ, ни въ сердцѣ, до его глубочайшаго дна, ни въ мысляхъ и желаніяхъ, со всѣми ихъ затаенными уголками,—у пани Ливской не было ничего, рѣшительно

ничего, что бы она желала скрыть, а если не открывалась до сихъ поръ ни передъ кѣмъ, то, во-первыхъ, потому, что мало интересовалась сама собою, а, во-вторыхъ, и ею никто особенно не интересовался. И вотъ, по-просту, безъ умолчаній, которыя ей не были нужны, безъ поэтизированія, которое ей не приходило на умъ, она разсказывала, какъ среди почти монастырскаго одиночества, въ заботахъ, отгоняющихъ сонъ, прожиты были ею эти годы возлѣ одра человѣка, мечущагося отъ боли тѣлесной, а еще болѣе, отъ упрековъ совѣсти. Онъ сильно страдалъ физически, но еще болѣе морально, жалѣя о загубленной жизни ея и ихъ дѣтей, а она обладала только однимъ средствомъ смягчить эти муки души и тѣла,—тѣмъ, что ни однимъ словомъ и никогда не напомнила ему его винъ, проступковъ и вѣрой въ милосердіе, разлитое по землѣ и небу, старалась примирить его съ тою незнаемою, безконечною будущностью, въ темную бездну которой онъ уже смотрѣлъ своими глазами. Потомъ, принужденная разстаться съ деревней, и со всѣмъ, что въ ней было дорого, со всѣмъ роднымъ и любимымъ, она и ея двѣ дѣвочки прибыли въ этотъ городъ и съ тѣхъ поръ изъ твердыхъ стѣнъ его домовъ, изъ острыхъ булыжниковъ его мостовой, прядетъ нити существованія своего и своихъ дѣвочекъ. И больше ничего. Исторія простая.

Что касается жилья, то квартира у нихъ отличная: три маленькихъ комнаты на четвертомъ этажѣ. Немного высоко, зато тепло и совсѣмъ хорошо; въ особенности весною, когда можно поставить и тамъ и тутъ нѣсколько цвѣтущихъ гіацинтовъ и лакъ-фіолей. Дѣвочки у нея милыя, учатся хорошо и, кажется, будутъ не безобразныя, вотъ только со здоровьемъ ихъ бѣда... Слабенькія... блѣденькія...

Она оживилась и точно отогрѣлась. Можетъ быть, помимо всего, она почувствовала наслажденіе въ первый разъ высказаться передъ кѣмъ-нибудь; можетъ быть, отъ страстныхъ разспросовъ Эльвиры Розы растаяло и распустилось сердце, которое никто и ни о чемъ не разспрашивалъ. Голосъ у нея былъ милый. Органъ человѣческаго голоса принимаетъ тѣ особенности, которыя свойственны груди, изъ которой онъ исходитъ. Пани Ливская обладала органомъ голоса чистымъ и мягкимъ. При звукахъ этого голоса въ тѣсной, надушенной комнатѣ развертывалась длинная перспектива дней, напоминающихъ нитку черныхъ жемчужинъ. Тутъ были и радужные лучи, повитые траурнымъ крепомъ; муки, именуемыя необходимостью разлуки, невзгоды острыя, какъ камни мостовой, одиночество долгое, какъ зимняя ночь, проблески геройства, незамѣтнаго даже для той, по милости которой они вспыхивали, утѣхи убогія, какъ расцвѣтшіе весною

гіацинты, и среди всего этого одна только радость,—радость великая, которая расцвѣтала у лона матери двумя улыбающимися, хотя, увы! и блѣдными личиками дѣвочекъ...

Эльвира Роза сидѣла, опершись локтями о поручни кресла, неподвижно скрестивъ стиснутыя руки. По временамъ казалось, что лицо ея точно окаменѣло. Только одинъ разъ она потянулась къ китайской лакированной ширмочкѣ, сняла съ нея шаль изъ какой-то драгоцѣнной ткани и прикрыла ею всю свою великолѣпную фигуру почти до самаго подола платья. Въ комнатѣ было болѣе, чѣмъ тепло, но складки шали, плотно окутавшія станъ Эльвиры Розы, прикрыли ея полунаготу и брилліантовую стрѣлу, скрытую среди кружевъ. Только серьги еще бросали свѣтлый отблескъ на ея окаменѣвшее лицо, прорѣзанное двумя лучами ярко золотистыхъ теперь тѣсно сдвинутыхъ бровей.

Когда она слушала разсказъ своей гостьи, въ ней самой, и съ непреоборимою страстью, вспыхнуло желаніе въ свою очередь разсказать все, все... но развѣ это можно! Что случилось, какъ случилось, что происходило, — разсказать невозможно! Во всей въ ней что-то кричало страстнымъ крикомъ жажды изъять изъ памяти, изъ сердца, изъ нервовъ все то, что въ нихъ когда-то стонало, сгибалось, дрожало, гнѣвалось, сквернословило, и бросить горсть этой горящей и черной изгари передъ этимъ добрымъ сердцемъ, передъ этими чистыми руками, передъ этими сапфировыми глазами, которые не отвратились... Но это невозможно! И она страшно изумилась, что эта невозможность можетъ представляться такимъ мученіемъ. Слушая разсказъ о ея страданіяхъ, она думала: «Счастливица!» Какъ она счастлива, что можетъ сказать все это! Совершенный кристаллъ! А сердце Эльвиры Розы,—словно гробъ заколоченный, и крышки его приподнять уже никто не можетъ, потому на него надавилъ красный покровъ... Позоръ!

Пани Ливская снова перестала говорить и снова посмотрѣла на часы.

— Теперь я окончательно скажу, зачѣмъ пришла. Время бѣжитъ. Такъ вотъ, сынъ вашей покойной сестры, Рузи...

— Покойной!—воскликнула Эльвира Роза.

[illegible]ы не знаете, что Рузя умерла?

[illegible]ра отрицательно покачала головою.

[illegible]а, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Оставила она четверыхъ [illegible]го сына, по поводу котораго я обращаюсь къ вамъ съ [illegible], и трехъ дочерей, которымъ помогалъ покойный панъ Лю[illegible]ка былъ живъ...

— Пока былъ живъ?

— Да, потому что вотъ ужъ два года, какъ онъ умеръ. Одну дѣвочку Рузи я взяла къ себѣ и она учится вмѣстѣ съ моими, а сынъ уже взрослый.

— Какъ взрослый?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Онъ кончилъ курсъ, очень способный, техникъ...

— Подождите, подождите! А что же сталось съ Лончной?

— То же самое, что съ Калиновымъ. Еще до смерти пана Люціана Лончная перешла въ чужія руки... совершенно въ чужія, безо всякой вины вашего брата, потому что онъ работалъ и жилъ какъ слѣдуетъ... такъ какъ то... расползлось. Нужда тамъ была такая, что порою голодъ заглядывалъ въ окно... продать было необходимо. Потомъ онъ снялъ какое-то имѣніе въ аренду, и тамъ у него дѣло пошло лучше, но ненадолго, потому что вскорѣ порвалась и самая его жизнь. А Лончная теперь сама на себя не похожа. Помните липовую аллею? Она вырублена, а на ея мѣстѣ растутъ раскидистые лопухи; прудъ высохъ и образовалась яма съ чернымъ иломъ на днѣ, плакучія березы, которыя росли возлѣ пруда, тоже засохли.

Эльвира Роза прошептала:

— Словно кладбище! Вы ведете меня на кладбище!

Тщательно закутавшись въ шаль и глубоко погрузившись въ кресло, она сидѣла со сгорбленной спиною и съ шеей, слегка вытянутой впередъ. И вдругъ, по этой комнатѣ, благоухающей и наполненной разными блестящими бездѣлушками, пронесся хороводъ видѣній. Сплетенныя изъ пара и дымки, сѣрыя, высокія, они не могли помѣститься подъ потолкомъ, на которомъ амуры играли съ цвѣтами, и съ жалобнымъ и унылымъ видомъ наклоняли свои головы. Въ глазахъ, расширенныхъ и блестящихъ отъ впущенной капли атропина, проглядывала нужда; въ раму окна, обитаго богатымъ плюшемъ, застучалъ голодъ; по тѣлу, каждый день привыкшему погружаться въ душистыя эссенціи, прошлась рука смерти и разсыпала по немъ уколы леденящей дрожи, отъ которой на лицѣ, сквозь слой пудры, проглянула блѣдная желтизна. Вмѣсто персидскаго ковра, подъ ножками въ фантастическихъ туфелькахъ—яма съ чернымъ иломъ на днѣ, а вокругъ торчатъ скелеты засохшихъ березъ...

— Ужасъ!—шепнула она.

— Да,—сказала пани Ливская,—жизнь грустна. Она стремится впередъ, давитъ всѣхъ по пути, уничтожаетъ... и нѣтъ въ ней ничего прочнаго, кромѣ милосердія Божія и стараній, направленныхъ только въ пользу тѣхъ, кого мы любимъ...

Потомъ онѣ заговорили о дѣлѣ, которое привело сюда пани Ливскую. Она начала съ трудомъ. Можетъ быть, она не должна была приходить сюда, но ее принудила необходимость,—до такой степени ей жаль этого бѣднаго, добраго мальчика... Вотъ уже почти годъ, какъ онъ кончилъ курсъ, превосходно кончилъ, и нигдѣ никакого занятія, никакой работы, ни малѣйшаго куска хлѣба... Сердце надрывается при видѣ этого ребенка, который бьется при ужасныхъ условіяхъ, какъ рыба объ ледъ. Онъ ходитъ, ѣздитъ, проситъ, старается, ходатайствуетъ—и никакого толка. А что еще ужаснѣй, такъ это то, что отъ его участи зависитъ судьба его двухъ младшихъ сестеръ. Одну дѣвочку пани Ливская взяла къ себѣ, но больше она сдѣлать ничего не можетъ, а двѣ младшихъ дѣвочки остаются на попеченіи и на отвѣтственности брата... Ну, что же дѣлать, коли онъ никакого заработка достать не можетъ... вотъ она, пани Ливская, узнала, кто-то сказалъ ей, что если Эльвира Роза скажетъ хоть одно слово нѣкоему крупному фабриканту, то этого слова будетъ достаточно. Вотъ она и пришла просить выговорить это слово, похлопотать за сына Рузи, такъ преждевременно умершей, а Рузя, какъ бы то ни было, приходилась сестрою Эльвирѣ Розѣ.

Она говорила неувѣреннымъ голосомъ, низко опустивъ глаза. Смолкла на минуту, ожидая отвѣта, но когда не дождалась его, то заговорила снова, но еще тише.

— Страшное дѣло, какъ теперь трудно отыскать какое-нибудь занятіе. Всѣ учатся, силы изъ себя выматываютъ въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ, а потомъ отъ двери до двери, съ лѣстницы на лѣстницу, съ камня на камень... На всѣхъ лѣстницахъ, во всѣхъ прихожихъ—биткомъ набито ими,—этими нищими. А чего хотятъ они? Служить людямъ и заработать кусокъ хлѣба... Кажется, что какъ будто это легко. Нѣтъ, что ни шагъ, то камень. Даже и представить себѣ трудно, какъ человѣческіе пути усѣяны каменьями. Можетъ быть, Эльвира Роза устранитъ одинъ изъ этихъ каменьевъ съ пути своего племянника? Вѣдь это такое огромное удовольствіе—сдѣлать кому-нибудь добро. По совѣсти говоря, только для этого и стоитъ жить, потому что все остальное—не что иное, какъ скоропреходящіе призраки, острые кинжалы или камни... камни... камни...

Она снова умолкла и съ поникшими глазами ждала до тѣхъ поръ, пока до ушей ея не дошелъ громкій шепотъ:

— Это что-то сверхъестественное! камни! камни! Конечно, я скажу, прикажу, попрошу, ого! запрыгаетъ онъ, когда я запою ему! будьте увѣрены... будьте увѣрены...

Она замолчала, а когда пани Ливская подняла глаза и посмотрѣла

на нее, то долго не могла промолвить ни одного слова. Эльвира Роза съежилась въ глубинѣ кресла. Та ли это самая женщина, которую она встрѣтила въ этой комнатѣ, или какая-нибудь другая? Эльвира Роза съежилась въ глубинѣ кресла, какъ-то уменьшилась въ размѣрахъ, и по самыя уши закуталась въ шаль, надъ мягкими складками которой брилліантовыя серьги бросали яркій отблескъ на старое, пожелтѣвшее лицо, со странными глазами, прямо уставившимися впередъ. Глаза эти кричали неописуемымъ ужасомъ... забыла ли она о томъ, что она не одна? Она не смотрѣла на пани Ливскую, не говорила ничего. Ея остолбенѣвшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ горящіе глаза слѣдили, какъ по благоуханной комнатѣ тянется хороводъ тѣней. Вотъ голодъ, заглядывающій въ окно, могилы съ крестами, яма съ чернымъ иломъ на днѣ, усохшія березы, люди переходятъ съ лѣстницы на лѣстницу, и всюду камни, камни, камни...

Пани Ливская долго смотрѣла на нее, до тѣхъ поръ, пока рѣсницы ея не дрогнули. Ея рука медленнымъ и мягкимъ движеніемъ опустилась на руку Эльвиры Розы, а уста тихо произнесли:

— Анелька!...

Господи! Откуда это? что это? кто? Это имя, которымъ ее никто не называлъ почти двадцать лѣтъ! Это имя, которое произносилось тѣми, кто теперь лежитъ подъ крестами... Это имя, ведущее родъ отъ чистыхъ ангеловъ. И она назвала ее по имени? Она? Этотъ ангелъ, этотъ кристаллъ!...

Одно мгновеніе ока... Эльвира Роза соскользнула со своего фантастическаго кресла на персидскій коверъ и, не переставая прикрывать шалью своей наготы и своихъ кружевъ, схватилась руками за руку пани Ливской.

— Тося! Тося! Тося!—зашептала, или скорѣе, зарыдала она.

Пани Ливская, склонивъ голову, положила обѣ руки на ея накрашенные, теперь растрепавшіеся волосы, а Эльвира Роза, скрывъ свое лицо въ складкахъ бѣднаго шерстяного платья, прерывая себя вздохами и рыданіями, говорила, говорила, то обвиняла себя, то оправдывала, то проклинала, то благословляла кого-то...

Слѣпой соловей запѣлъ...

В. Л.

Ночь.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго... Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ письмена, мерцаютъ въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Оріонъ...
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, мирьяды глазъ слѣдили
Ихъ древній путь... И въ глубинѣ вѣковъ
Всѣ, для кого онѣ во тьмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ среди песковъ.

Ихъ было много, нѣжныхъ и любившихъ,
И дѣвушекъ, и юношей, и женъ,
Ночей и звѣздъ, прозрачно серебрившихъ
Ефратъ и Нилъ, Мемфисъ и Вавилонъ;

И всѣхъ, кто былъ и въ мірѣ жилъ когда-то,
Кто созерцалъ сіянья ихъ лучей,—
Всѣхъ, отошедшихъ въ вѣчность безъ возврата,
Я воскрешаю въ сумракѣ ночей!

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Понта
Юпитеръ озаряетъ небеса—
И въ зеркалѣ воды до горизонта,
Какъ Млечный Путь, струится полоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скифы,
Уже не тѣ,—лишь море въ лѣтній штиль
Все также сыплетъ ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль;

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая-жъ ночь—и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла...

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной,
Когда весь міръ любилъ я для одной!
Пусть я живу мечтою безполезной,—
Туманной и обманчивой мечтой,—

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ,—
Люблю ее за счастіе сліянья
Въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ!

Ив. Бунинъ.

Очеркъ развитія нѣмецкой художественной литературы въ XIX вѣкѣ.

«Исторія нѣмецкой литературы въ девятнадцатомъ вѣкѣ» Рихарда Мейера *) менѣе, чѣмъ въ годъ, выдержала въ Германіи два изданія. Она вызвала въ нѣмецкой печати цѣлый рядъ хвалебныхъ, подчасъ восторженныхъ отзывовъ, хотя не было недостатка и въ ожесточенныхъ нападкахъ, частью со стороны обиженныхъ авторовъ, частью со стороны противниковъ шереровской школы, къ которой принадлежитъ Р. Мейеръ. Во всякомъ случаѣ, книга его несомнѣнно является лучшею изъ существующихъ работъ въ данной области.

Мы хотимъ представить здѣсь на основаніи этой книги сжатый очеркъ развитія нѣмецкой художественной литературы въ XIX столѣтіи. Огромный, почти въ 1,000 страницъ томъ, написанный Мейеромъ, обнимаетъ, или по мысли автора долженъ обнять, всѣ стороны предмета. Авторъ стремится и къ внѣшней, и къ внутренней полнотѣ: онъ не можетъ опустить ни одного сколько-нибудь виднаго писателя, ни одного произведенія, пользовавшагося извѣстностью; въ анализѣ литературныхъ произведеній онъ старается прослѣдить какъ исторію содержанія художественнаго творчества, такъ и эволюцію средствъ, которыми пользовалось послѣднее. Но мысль представить русскимъ читателямъ уменьшенную копію книги Мейера не соблазняетъ насъ; изъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть изучена нѣмецкая художественная литература истекшаго вѣка, мы хотимъ выбрать одну, и ею опредѣлить выборъ нашего матеріала.

Мы исходимъ изъ той мысли, что художественная литература стремится отразить въ себѣ природу, разумѣя это слово въ широкомъ смыслѣ, т.-е. со включеніемъ человѣческой психики; и что, слѣдовательно, исторія художественной литературы есть исторія постепеннаго завоеванія ею этой природы въ ширину и въ глубину, т.-е. въ смыслѣ захвата все но-

*) *Dr. Richard M. Meyer:* „Die deutsche Litteratur im Neunzehnten Jahrhundert", 2-te Aufl, 1900.

выхъ сферъ и сторонъ жизни и въ смыслѣ все болѣе интенсивнаго ихъ изученія. Озирая литературу того или другого культурнаго народа за извѣстный промежутокъ времени, мы замѣчаемъ, что произведенія, образующія въ совокупности эту литературу, могутъ быть соединены въ опредѣленныя группы на основаніи нѣкоторыхъ коренныхъ признаковъ. Эта группировка можетъ быть многообразна въ виду обилія возможныхъ критеріевъ, и каждое изъ такихъ распредѣленій неизбѣжно страдаетъ односторонностью. Однимъ изъ самыхъ широкихъ критеріевъ является тотъ, который мы сейчасъ выставили. Повинуясь могучимъ жизненнымъ импульсамъ, литература безостановочно стремится освѣтить то новыя области жизни или духа, то новыя стороны уже и раньше изучавшихся областей: какъ примѣръ, можно указать въ нашей литературѣ на Антона Горемыку, Григоровича, и на Каратаева, Льва Толстого. При этомъ литература, непрерывно передвигая центръ своего вниманія, слѣдуетъ, конечно, по нѣкоторому опредѣленному пути, выясненіе котораго и является высшей задачей историка литературы. Именно съ этой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія постепеннаго раскрытія жизни поэзіей—мы хотимъ прослѣдить исторію нѣмецкой художественной литературы въ XIX вѣкѣ, и именно этимъ критеріемъ мы будемъ руководствоваться при выборѣ матеріала. Такимъ образомъ, съ нашей *исторической* точки зрѣнія иные писатели, произведенія которыхъ сейчасъ заслуженно пользуются извѣстностью, окажутся въ тѣни, и на первый планъ выступятъ тѣ, которые наиболѣе ярко воплотили въ своихъ произведеніяхъ или въ своей личности современное имъ «завоеваніе» искусства, — хотя бы ихъ теперь никто не читалъ. Рахиль Варнгагенъ или графъ Пюклеръ для насъ важнѣе Уланда и Рюккерта, которые только довели до большого совершенства умѣніе рисовать словомъ стороны жизни, раскрытыя поэзіей до нихъ.

Романтизмъ.

I.

Едва ли можно найти въ исторіи другой примѣръ такого глубокаго упадка развитой уже литературы, въ какомъ находилась нѣмецкая литература около 1700 г. Это былъ результатъ тридцатилѣтней войны, истребившей въ Германіи всѣ традиціи, всю культуру, всякій интересъ къ искусству. Въ началѣ самая глубина національнаго страданія вызвала къ жизни нѣсколько истинныхъ поэтовъ, какъ Андрей Грифіусъ, Гримельсгаузенъ и Ангелусъ Силезіусъ. Но затѣмъ наступилъ періодъ полнаго безсилія, когда политическое униженіе, скудость будничной жизни, гнетъ церковной и государственной полиціи совершенно заглушили литературную ниву. Только время отъ времени появляется глубоко прочувствованная духовная пѣснь или ѣдкая сатира, порожденная юморомъ отчаянія. Въ общемъ же писатели этого времени отличаются поразительной узостью кругозора, нищетою мысли, безпомощностью и безвкусіемъ; публика ли-

шена всякаго критическаго чутья, въ литературной полемикѣ господствуютъ грубость и безхарактерность.

И вотъ являются предшественники классиковъ. Галлеръ снова вноситъ въ литературу серьезность и силу, Гагедорнъ—легкость и изящный вкусъ, Геллертъ опять пріучаетъ къ извѣстной естественности рѣчи, Готшедъ и швейцарцы снова устанавливаютъ болѣе высокія нормы критики и литературной педагогики. Слѣдомъ за ними выступаютъ классики. Клопштокъ даетъ великій примѣръ художественной смѣлости: онъ вдохновляется самыми возвышенными интересами человѣчества—религіей, патріотизмомъ, гуманностью, и въ своихъ одахъ свободно и искренно выражаетъ свои личныя чувства. Лессингъ путемъ строгой и систематической критики наноситъ смертельный ударъ царящему диллетантизму, создаетъ прозу, какой Германія не знала со временъ Лютера, и своей гордой самостоятельностью пріучаетъ публику, искони привыкшую къ тому, чтобы писатели угождали ея вкусамъ, требовать отъ поэта только искренняго выраженія его внутренней правды. Виландъ научается у французовъ и англичанъ давно забытому въ Германіи искусству повѣствованія и въ своихъ произведеніяхъ смѣло проводитъ свой свободный образъ мыслей. Гердеръ выдвигаетъ на первый планъ понятіе оригинальности, окончательно разрушаетъ средостѣніе, скрывавшее отъ взоровъ «образованнаго» общества народную словесность, и кладетъ основаніе всемірному литературному обмѣну. При этомъ всѣ они вліяютъ и какъ личности—прежде всѣхъ Лессингъ, образецъ смѣлаго и свободнаго духа, но также и Клопштокъ, и Галлеръ съ ихъ нѣсколько ходульной важностью, Виландъ и Гагедорнъ съ ихъ привлекательной мягкостью, Гердеръ и Геллертъ съ ихъ педагогической серьезностью. Поэтъ снова становится художникомъ; онъ снова становится человѣкомъ, который и собственную жизнь долженъ обращать въ художественное произведеніе.

Затѣмъ является Гёте. Какъ много ни было уже достигнуто, оно почти исчезаетъ передъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ. Недосягаемая универсальность духа позволяетъ ему пережить всѣ настроенія и чувства отъ титанической борьбы Прометея до беззаботной шутки. Онъ безконечно расширяетъ область поэтическихъ формъ, усваивая чужеземные размѣры, обновляя старые и доводя до совершенства свободные ритмы. «Фаустомъ», «Ифигеніей» и «Тассо» онъ создаетъ психологическую драму, какой Германія не видѣла никогда, міръ — со времени «Гамлета». «Вертеръ» и «Wahlverwandschaften» очищаютъ романъ отъ тѣхъ примѣсей, которыя до сихъ поръ считались его неизбѣжными принадлежностями,—отъ необыкновенныхъ приключеній и таинственныхъ дѣйствующихъ лицъ, и впервые въ Германіи ставятъ ему задачей безъ ухищреній изобразить развитіе типичнаго событія. «Вильгельмъ Мейстеръ», менѣе оригинальный, чѣмъ два первыхъ романа, представляетъ собою успѣшную попытку нарисовать цѣльную картину извѣстной эпохи. Въ поэзіи нѣтъ области, которую онъ не расширилъ и не обогатилъ бы, какъ въ смыслѣ выбора сюжетовъ, такъ и въ

смыслѣ техники. Онъ неутомимо стремится всю природу усвоить себѣ и сдѣлать достояніемъ поэзіи. До сихъ поръ поэты воспѣвали либо любовь, либо государственныя событія, да развѣ еще пышныя празднества. Теперь предметами поэтическаго изображенія становятся жажда знанія, жажда могущества, неопредѣленная грусть, разочарованіе жизнью. Неодушевленная природа служила поэтамъ лишь матеріаломъ для условныхъ прикрасъ или миѳологическихъ арабесокъ; Гёте—«Ручья разумѣлъ лепетанье и говоръ древесныхъ листовъ понималъ и чувствовалъ травъ прозябанье». И это великое новшество, что поэтъ неустанно учился, что никакое знаніе не казалось ему «сухимъ», никакая вещь «непоэтической», что онъ стремился все изучать, прежде чѣмъ описывать,—это было, можетъ быть, еще важнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ всѣ отдѣльныя его новшества въ области поэзіи.

Но Гёте всегда и всюду глубоко презиралъ толпу. Онъ хотѣлъ выражать только себя или свое представленіе о людяхъ и вещахъ. Часто это было типичное представленіе; иногда онъ самъ являлся типомъ своего времени. Въ «Вертерѣ» и «Фаустѣ» онъ дѣйствительно выразилъ настроеніе тысячъ; но это всетаки были тысячи отдѣльныхъ личностей; а рядомъ съ отдѣльными личностями существуютъ коллективныя единицы, которыя также стремятся высказаться: группы, сословія. Гёте отвергалъ ихъ. Голосъ массъ возбуждалъ въ немъ досаду и раздраженіе; таково было его отношеніе не только къ французской революціи, но и къ народному воодушевленію въ Германіи во время освободительной войны.

Творецъ «Вильгельма Телля» понималъ эти голоса. Онъ явился выразителемъ запросовъ и требованій большихъ группъ. Маркизъ Поза говоритъ такъ, какъ не смѣлъ и не могъ говорить ни одинъ человѣкъ при дворѣ Филиппа,—но его устами говоритъ цѣлое поколѣніе. Шиллеръ первый послѣ Лютера умѣлъ давать выраженіе стремленіямъ живыхъ партій, ясно и звучно формулировать то, что смутно носится въ воздухѣ; впервые со времени реформаціи Шиллеръ наполнилъ поэзію страстями цѣлыхъ народовъ.

Таково было состояніе нѣмецкой литературы около 1800 г. Съ 1797 г. за Гёте и Шиллеромъ было упрочено неоспоримое главенство. Рядомъ съ ними стоялъ покойный уже Лессингъ, котораго оба они признавали верховнымъ авторитетомъ. Литературная дѣятельность Клопштока, Гердера и Виланда была кончена, а молодые писатели находились всецѣло подъ вліяніемъ Лессинга, Шиллера и Гёте.

Тѣмъ не менѣе господство послѣднихъ не было безгранично. Въ широкихъ слояхъ буржуазіи почти полновластно царилъ Жанъ-Поль Рихтеръ, а въ подрастающей молодежи, особенно литературной, уже давало себя чувствовать вліяніе старшаго романтизма.

Жанъ-Поль (1763—1825 г.) впервые научилъ нѣмцевъ искусству живописанія деталей, развилъ до небывалой красоты и тонкости ихъ прозу и обогатилъ ихъ литературу множествомъ потрясающихъ и трогательно-ко-

мическихъ эффектовъ. Но еще болѣе, чѣмъ своимъ богатымъ духомъ и обаяніемъ своей лирической мягкости, онъ повліялъ своими просвѣтительными тенденціями. Здѣсь, еще въ прозаической оболочкѣ, лежитъ зародышъ политико-соціальной лирики съ ея теплымъ сочувствіемъ къ обездоленнымъ и страстной ненавистью къ роскоши и гнету. Однако, главной причиной успѣха Жанъ-Поля было то, что онъ только подстрекалъ мысль и чувство читателя, а не давалъ готовыхъ художественныхъ произведеній, какъ классики. Именно такихъ толчковъ жаждалъ читатель этого времени, чтобы самому чувствовать себя поэтической индивидуальностью. Тысячи слегка намѣченныхъ мыслей, безпрерывно смѣняющихся сравненій, едва очерченныхъ образовъ и недорисованныхъ картинъ заставляли читателя довершать незаконченное авторомъ, тогда какъ Лессингъ, Гёте и Шиллеръ давали законченные періоды, полные образы и готовыя картины. Но въ этомъ заключался и недостатокъ Жанъ-Поля: онъ поощрялъ дилеттантизмъ, т.-е. ту небрежность въ развитіи какъ дѣйствія, такъ и характеровъ, которая, не задумываясь, жертвуетъ интересомъ всей книги одной красивой страницѣ. Опасно было въ Жанъ-Полѣ и его сознательное стремленіе выдвигать на первый планъ свою личность—личность автора. Кокетничаніе съ благороднымъ читателемъ и съ прекрасной читательницей, стремленіе растрогать ихъ и вызвать слезу на ихъ глазахъ представляло полную противоположность гордому самообладанію классиковъ,—и тѣмъ болѣе оно нравилось. Опасность, заключавшаяся въ этой манерѣ, усиливалась тѣмъ, что романтики еще рѣшительнѣе, чѣмъ Жанъ-Поль, выдвигали впередъ свою личность.

Это—не единственная точка соприкосновенія между Жанъ-Полемъ и романтизмомъ. Говоря о романтизмѣ, слѣдуетъ строго различать двѣ группы писателей. Старшая изъ нихъ, собственно «романтическая школа», дѣйствительно представляетъ собою союзъ или общество съ опредѣленными догматами и тенденціями, съ особаго рода тайнымъ языкомъ, въ которомъ слова «иронія», «чертовщина», «религія» получили новый смыслъ. Младшая была мало сплочена; правда, она имѣла свое ядро въ лицѣ Арнима, Брентано и Беттины, жены перваго и сестры второго, но даже эти три лица часто далеко расходились въ своихъ взглядахъ на цѣли и пути искусства. Заслуги старшей группы относятся преимущественно къ критикѣ и къ теоріи искусства, заслуги младшей—къ художественному творчеству и собиранію памятниковъ народной словесности. Общей чертою обѣихъ группъ является прежде всего рѣзкое обособленіе поэта и презрѣніе къ «филистеру». Эта внѣшняя черта обусловлена внутренней: какъ старшая, такъ и младшая романтическая школа видятъ преимущество художника не столько въ способности создавать великія произведенія, сколько въ способности испытывать поэтическое вдохновеніе. Художественное произведеніе для нихъ—не цѣль, а средство, средство переживать божественныя мгновенія, когда человѣкъ стряхаетъ съ себя оковы будничной жизни. Зачѣмъ нужна была бы вся эта красота—закатъ и лунная ночь, звѣзды,

цвѣты и звуки, высокія мысли и очаровательныя приключенія, если бы не было душъ, способныхъ чувствовать и переживать эту красоту во всей ея роскоши? А этой способностью вполнѣ обладаетъ только художникъ, и собственно для него и существуетъ міръ со всей его красотой. Художественная работа есть лишь средство къ тому, чтобы наслаждаться всей полнотой бытія. Поэтому неважно, будетъ ли она закончена; напротивъ, отрывокъ имѣетъ еще особую прелесть, такъ какъ онъ побуждаетъ къ дальнѣйшему умственному творчеству. Поэтическое настроеніе—вотъ главная цѣль прежде всего поэта, затѣмъ и читателя.

Это ученіе романтиковъ, какъ съ перваго взгляда ясно, во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ современными намъ теоріями. И въ наше время часто высказывается мысль, что литературное произведеніе цѣнно не какъ законченное художественное созданіе, а какъ проявленіе личности—личности, умѣющей глубже и правдивѣе другихъ воспринимать и переживать дѣйствительность. И несомнѣнно, что, поскольку новѣйшая стадія въ развитіи литературы представляетъ собою безпрерывный прогрессъ индивидуализма, она движется по тому пути, на который впервые вступилъ романтизмъ въ противоположность классикамъ. Если подобныя тенденціи обнаруживались уже и у нѣмецкихъ поэтовъ періода «бури и натиска», и еще до нихъ у Руссо и англичанъ, то прямая традиція современнаго индивидуализма не идетъ дальше старшей романтической школы.

Основателемъ послѣдней является А. В. Шлегель (1767—1845 г.); онъ одинъ изо всей группы оставилъ безсмертное произведеніе: переводъ Шекспира. Собственно пророкомъ кружка былъ Фр. Шлегель (1772—1829 г.), живой, задорный, остроумный, часто противорѣчившій изъ любви къ противорѣчію. Къ обоимъ братьямъ примкнулъ Людвигъ Тикъ (1773—1853 г.). Для него художественное произведеніе было лишь средствомъ сообщать свои мысли и настроенія; это былъ истинный поэтъ, жившій исключительно въ сферѣ настроеній, полутоновъ и смутныхъ чувствъ. Съ самаго начала принадлежалъ къ кружку и Шлейермахеръ, а вскорѣ присоединился и Новалисъ (Фр. Гарденбергъ, 1772—1801 г.), осуществившій надежды романтической школы. Новалисъ—мистикъ, но изъ всѣхъ мистиковъ—самый ясный и свѣтлый. Онъ старается уловить законы таинственнаго движенія мыслей въ мозгу человѣка и съ увлеченіемъ пробуетъ всевозможныя комбинаціи понятій, всевозможныя ихъ замѣны одного другимъ: если понятія, вообще чуждыя другъ другу, складываются въ симметрическія фигуры, въ живыя картины, то это, быть можетъ, указываетъ на существованіе тайной связи между вещами, ускользающей отъ обыденнаго наблюденія. Поэтому всѣ произведенія этого глубокаго мыслителя,—особенно его историко-фантастическій романъ «Генрихъ фонъ-Офтердингенъ»,—проникнуты символизмомъ.

Эти «старшіе» романтики всѣ исходятъ отъ Гёте. Ихъ союзъ возникъ въ 1798 году, и «Вильгельмъ Мейстеръ», вышедшій за три года передъ тѣмъ, былъ для Фр. Шлегеля, вначалѣ и для Новалиса, образцомъ поэти-

ческаго произведенія; ради него они признаютъ романъ высшимъ родомъ поэзіи, какимъ отъ Лессинга до Гёте и Шиллера считалась драма. Основнымъ догматомъ ихъ художественнаго исповѣданія является признаніе органическаго различія между художникомъ и не-художникомъ: художникъ—тотъ, чей центръ въ немъ самомъ, кто способенъ претворять въ себѣ внѣшнія впечатлѣнія въ живое цѣлое; усвоить себѣ въ этомъ смыслѣ весь міръ—такова задача новой, романтической поэзіи.

Великое значеніе этой теоріи заключается въ томъ, что она категорически признавала отличительнымъ свойствомъ истиннаго художника интенсивность внутренняго воспріятія. Ошибка ея заключалась въ томъ, что она придавала слишкомъ мало значенія тому, какъ поэтъ воплощаетъ это внутреннее воспріятіе въ художественное произведеніе.

Таковы были люди, опредѣлявшіе характеръ нѣмецкой литературы около 1800 года,—по крайней мѣрѣ, той литературы, которая обращалась къ наиболѣе просвѣщенной части общества. Потому что одной ступенью ниже, отчасти даже въ томъ самомъ кругу, который зачитывается Жанъ-Полемъ, царятъ почти безгранично бездарные или безнравственные писаки: на сценѣ—Иффландъ и Коцебу, въ романѣ—Клоренъ и Августъ Лафонтенъ. Въ свою очередь, и народъ имѣетъ свою собственную литературу: это—эпоха превосходныхъ «народныхъ календарей». Два талантливыхъ писателя съ большимъ успѣхомъ пытаются дать народной массѣ, привыкшей къ негодной рыночной литературѣ, здоровую умственную пищу: Цшокке (1771—1848 г.) съ 1799 года издаетъ своего «Schweizerbote», І. П. Гебель (1760—1826 г.) съ 1808-го—классическаго «Rheinländischer Hausfreund».

Старшій романтизмъ очень скоро долженъ былъ вызвать реакцію противъ себя. Онъ слишкомъ аристократически сторонился отъ великихъ интересовъ дня, слишкомъ исключительно подчеркивалъ внутренно-пережитое. Должны были снова явиться люди, для которыхъ личная дѣятельность, участіе въ рѣшеніи крупныхъ вопросовъ дня были бы непреодолимой потребностью. Таковы были Александръ Гумбольдтъ (1769 — 1859 гг.) и Эрнстъ-Морицъ Арндтъ (1769—1860 гг.), двѣ кипучія натуры, которымъ легко дышалось только на аренѣ общественной дѣятельности, въ сферѣ стремленій къ конкретнымъ цѣлямъ. Арндтъ сопровождаетъ знаменитаго министра Штейна въ его поѣздкѣ по русскимъ степямъ, Гумбольдтъ объѣзжаетъ міръ и неутомимо предстательствуетъ предъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV за Уланда, за изгнанныхъ геттингенскихъ профессоровъ. Гумбольдтъ своимъ «Космосомъ» облагораживаетъ научно-популярную литературу, пролагая путь великимъ популяризаторамъ нашего времени; Арндтъ произноситъ пылкія рѣчи и пишетъ страстные памфлеты. Тотъ же духъ активности охватываетъ даже одинокаго, нелюдимаго мечтателя—Фридриха Гельдерлина (1770—1843 гг.). Какъ ни много у него общаго особенно съ Новалисомъ,—онъ не принадлежитъ романтизму и не дѣлитъ его міровоззрѣнія. Поэтическая легенда превратила его въ символъ кротости и жен-

ственной мягкости; онъ же самъ говорилъ о себѣ: «Изъ меня никогда не выработается стоикъ; вѣчный приливъ и отливъ!» Въ своемъ знаменитомъ романѣ «Гиперіонъ» онъ ратуетъ не противъ условности, традиціи и всякаго рода духовныхъ оковъ, какъ старшіе романтики, а, какъ младшіе, противъ стѣснительнаго всевластія государства. Онъ завидуетъ аѳинянину: «Онъ не переноситъ произвола, потому что его божественная природа не терпитъ помѣхъ; онъ не допускаетъ вездѣ законности, потому что она не вездѣ ему нужна». Онъ прославляетъ въ 1800 году «изумительный подвигъ» Тезея, добровольное ограниченіе своей собственной царской власти. Упадокъ отечества наполняетъ его сердце горечью, и «Гиперіонъ» кончается ѣдкой сатирой на современную ему Германію.

Такъ была подготовлена почва для новаго романтизма. Онъ характеризуется еще одной капитальной чертой, которой и обязанъ своимъ непреходящимъ значеніемъ. Наиболѣе ясно она формулирована Гофманомъ: «Пусть всякій, прежде чѣмъ изображать, тщательно провѣряетъ, дѣйствительно ли онъ *видѣлъ* то, что задумалъ провозгласить. По крайней мѣрѣ, пусть всякій искренно стремится вполнѣ уяснить себѣ возникшій въ немъ образъ со всѣми его красками, свѣтомъ и тѣнью, и только тогда воплотитъ во внѣ свое созданіе, когда будетъ глубоко захваченъ имъ». Это—результатъ вновь воскресшей жажды дѣятельности. Тику и Новалису такое требованіе было совершенно чуждо; они побоялись бы слишкомъ пристальнымъ изученіемъ и слишкомъ отчетливымъ изображеніемъ вещей нарушить цѣльность настроенія. Средневѣковый городъ Новалиса лежитъ въ туманной дали; въ средневѣковомъ городѣ Арнима можно жить. Тикъ въ неясныхъ звукахъ воспѣваетъ лѣсное уединеніе, а Беттина на нашихъ глазахъ бросается въ траву и описываетъ жучка, ползущаго по ея рукѣ.

Между тѣмъ этотъ неизмѣримый прогрессъ, впервые снова сдѣлавшій возможнымъ правдивое изображеніе дѣйствительной жизни, представлялъ собою не что иное, какъ послѣдовательное развитіе ученія старшаго романтизма. Требуя прежде всего «оригинальности», «собственнаго внутренняго центра», онъ и самъ считалъ нужнымъ «обрабатывать» видимый міръ; но представители его, будучи вѣрными учениками умозрительной философіи, презирали внѣшніе органы чувствъ. Въ этомъ отношеніи Рахиль и Беттина оказались болѣе вѣрными послѣдователями Гёте, чѣмъ Шлегель и Новалисъ. Онъ въ Римѣ научился тому, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ видѣть вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности,—и онъ неутомимо старался развить свои органы чувствъ, чтобы ничто не оставалось для него традиціей и словомъ, чтобы все было въ немъ наглядньмъ знаніемъ. Младшіе романтики также поняли, что органы чувствъ болѣе пригодны для усвоенія міра, чѣмъ остроумные парадоксы, что самостоятельнымъ наблюденіемъ можно больше добыть, чѣмъ мистической вѣрой въ тайное родство вещей. Удивительно ли, что этотъ вновь открытый міръ чувственнаго воспріятія ослѣпилъ и опьянилъ ихъ своей невиданной роскошью, что они не знали мѣры въ виртуозныхъ описаніяхъ формъ, кра-

сокъ, звуковъ и ароматовъ? Тикъ старался поэтической прозой передать впечатлѣніе, вызываемое фаготомъ или валторною: Брентано старается передать уже не впечатлѣніе, а специфическій звукъ инструмента.

Пророчицей новаго романтизма была Рахиль (1771—1833 гг.). Ея значеніе заключалось въ той неподражаемой самостоятельности, съ какою она подходитъ ко всякому явленію. Традиціи для нея не существуетъ; она видитъ и слышитъ все сейчасъ въ первый разъ, и потому ея впечатлѣніе сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ людей. Она не оставила заранѣе обдуманныхъ произведеній: ея сфера—вдохновенная импровизація: разговоръ или письмо. Импровизаторомъ, ораторомъ является, по крайней мѣрѣ, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, и Іосифъ Герресъ (1776—1848 гг.), основатель ультрамонтанской партіи въ Германіи. Всякая метамофора становится для него наглядной картиной. Тамъ, гдѣ другой ораторъ сказалъ бы просто: «погода мѣняется»,—онъ тотчасъ видитъ рядъ образовъ: «Павы жалобно кричатъ, ласточки летятъ низко надъ землею, лягушка спускается внизъ по лѣстницѣ, искры пристаютъ къ покрытымъ сажею горшкамъ—погода мѣняется». Созерцаніе есть и великій секретъ того искусства, съ какимъ Гофманъ (1776—1822 гг.) рисуетъ привидѣнія незримаго и еще болѣе страшные образы видимаго міра; осязательно и конкретно мчатся передъ нами эти тѣни въ своей дикой пляскѣ, мѣшая символическіе жесты съ реальными движеніями. Гофманъ—очень плохой стилистъ, тяжеловѣсный и неповоротливый даже въ остроумнѣйшихъ своихъ изреченіяхъ. И всетаки его образы стоятъ передъ нами живые. Мы видимъ страшныя превращенія, двойники смотрятъ другъ другу въ глаза, студентъ влюбляется въ куклу съ стеклянными глазами, разбойникъ жаритъ ребенка на огнѣ, котъ Мурръ и собака Берганца говорятъ и размышляютъ. Едва можно различить черту, отдѣляющую глубокомысліе отъ безумія. Съ потрясающей яспостью рисуетъ онъ передъ нами патологическія душевныя состоянія, и мы почти чувствуемъ муки золотыхъ дѣлъ мастера Кардильяка, который не можетъ разстаться со своими произведеніями и принужденъ убивать тѣхъ, кто покупаетъ ихъ у него. И все это перемѣшано съ таинственными звуками, глухими ударами въ стѣну, опьяняющими запахами чудесныхъ цвѣтовъ. И на-ряду съ этимъ причудливымъ міромъ, какъ у Рахили на-ряду съ откровеніемъ тривіальность, стоятъ твердо и просто нарисованные историческіе образы и картины—Марино Фальери, пирушка средневѣковаго нѣмецкаго цеха. Еще чаще—то и другое смѣшано: волшебники проходятъ чрезъ Жандармскую площадь въ Берлинѣ, очарованный домъ стоитъ рядомъ съ кондитерской на главной улицѣ столицы. И мы ему все вѣримъ, и скептики-французы долго читали изъ нѣмецкихъ писателей его одного. Въ чемъ же тайна? Тайна въ томъ, что Гофманъ дѣйствительно удовлетворялъ своему требованію. Онъ дѣйствительно видитъ эти образы, видитъ ихъ такъ конкретно, что можетъ описать ихъ, какъ цвѣточный горшокъ на окнѣ; онъ такъ ясно различаетъ ихъ физіономію, что уже слышитъ ихъ рѣчь и своеобразный тембръ голоса. Больше того: все это у него—не праздная вы-

думка, произвольныя чудеса, нѣтъ,—это плодъ своеобразнаго міровоззрѣнія. Гофманъ серьезно думаетъ, что этотъ міръ ужасовъ и чудесъ такъ же реаленъ, какъ пошлая дѣйствительность, или, вѣрнѣе, онъ думаетъ, что послѣдняя такъ же нереальна, какъ первый, что она—въ такой же мѣрѣ царство сна и призраковъ, какъ міръ, въ которомъ живутъ его герои. Государство для него—только смѣшная автоматическая игрушка, въ которой одна и та же фигура ежедневно въ урочный часъ появляется у того же окна и затѣмъ поворачивается и вновь исчезаетъ; общество для него—маскарадъ, въ которомъ тигръ, собака, кошка и другіе звѣри играютъ роль любезныхъ гостей. Изъ глубины этого презрѣнія къ дѣйствительности вытекаетъ его вѣра въ реальность видѣній его фантазіи; какъ Тассо, онъ утверждаетъ: «Они вѣчны, ибо они суть!»

Еще выше поднимается величайшій изъ представителей младшаго романтизма, Генрихъ Клейстъ (1777—1811). Онъ писалъ, какъ жилъ: изъ неяснаго глухого настроенія онъ стремился пробиться къ ясности путемъ безраздѣльной преданности этому самому настроенію. Онъ самъ въ одной любопытной статьѣ раскрылъ свой пріемъ: дать смутному представленію сначала выразиться смутно, пока надъ натискомъ перебивающихъ собесѣдниковъ оно какъ бы изъ собственной глубины выскажется сполна. Это стремленіе изъ полутьмы къ свѣту характеризуетъ его жизнь и его произведенія, и не потому онъ не достигъ цѣли, что у него не хватило силы пробиться, а потому, что туманъ все снова и снова поднимался изъ глубины его души и изъ хаоса, который окружалъ его. Но каждое его произведеніе—тріумфъ надъ этимъ врагомъ, побѣда ясности надъ смутностью чувствъ и идей. И всюду одинъ пріемъ: несокрушимое упорство, пролагающее себѣ путь чрезъ густые туманы либо къ желанной цѣли, либо къ освобождающей смерти. Смута царитъ въ душѣ Алкмены, боящейся, что безъ вины измѣнила любимому мужу; смута въ душѣ «Маркизы О.», изнасилованной во время обморока и съ ненавистью и любовью отыскивающей виновника своего несчастія и отца своего ребенка; смута въ душѣ честнаго и серьезнаго Михаила Кольгааса, когда внезапно рушится основа его нравственности—вѣра въ справедливость сильныхъ міра. Изъ этой смуты чувства быстрымъ темпомъ развивается драма. Этимъ неяснымъ настроеніемъ полны всѣ второстепенные персонажи, яснымъ оно становится только въ героѣ. Вотъ почему настоящимъ героемъ является у Клейста коллективная личность — народъ. Въ «Hermannsschlacht» герой — нѣмецкій народъ, въ «Принцѣ Гомбургскомъ» настоящій побѣдитель — Бранденбургъ. Это былъ смѣлый шагъ по пути Шиллера и шагъ дальше Шиллера; пройдетъ почти вѣкъ, пока снова смѣлый, одинокій новаторъ—Гергартъ Гауптманъ, рѣшится въ своихъ «Ткачахъ» и «Флоріанѣ Гейерѣ» сдѣлать новый шагъ на этомъ пути. Если уже въ этой индивидуализаціи эпохъ и народныхъ типовъ обнаруживается зоркая наблюдательность Клейста, то еще большей силы достигаетъ она въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ. Со времени «Ифигеніи» и «Тассо» нѣмцы почти совсѣмъ разучились рисовать людей; Клейстъ снова

видѣлъ человѣка и живописалъ его правдиво въ каждомъ словѣ и движеніи. Такъ же отчетливо видитъ онъ и сцены, и съ такой же любовью, почти до излишества, изображаетъ детали вещей: знаменито описаніе разбитаго кувшина, вложенное въ уста Марты Руль.

Въ реализмѣ—тайна обаянія и «Ундины» Ламоттъ-Фукэ, образы которой такъ же правдивы и конкретны, какъ образы греческой миѳологіи, какъ нереиды Беклина. И только теперь стало возможно осуществленіе мысли Гердера о собираніи памятниковъ народнаго творчества: «Des Knaben Wunderhorn» Брентано и Арнима и «Kinder-und Hausmärchen» братьевъ Гриммъ впервые, вмѣсто романтически-вычурныхъ фантазій, представили живую, непосредственную картину нѣмецкой старины, нѣмецкаго народнаго духа и его развитія; раньше публика не оцѣнила бы реализма и незатѣйливой техники народной поэзіи, а Шлегель или Тикъ не удовольствовались бы такимъ классически-строгимъ пересказомъ.

Одной изъ самыхъ типичныхъ фигуръ среди представителей младшаго романтизма является Беттина Арнимъ (1785—1859). Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нихъ, она удовлетворяла тому требованію, къ которому пришелъ Гёте послѣ своей поѣздки въ Италію: «Горизонтъ дѣятельной силы долженъ быть въ творческомъ духѣ такъ же обширенъ, какъ сама природа, другими словами: онъ долженъ быть сотканъ изъ столь тонкихъ нитей и обладать столь неисчислимыми точками соприкосновенія съ окружающей природой, чтобы въ немъ умѣщались, такъ сказать, крайніе полюсы всѣхъ ея отношеній». Точки соприкосновенія Беттины съ окружающимъ ее міромъ дѣйствительно неисчислимы. Всякое явленіе—для нея событіе: въ радугѣ она видитъ символъ «моей блаженной мечты о тебѣ и обо мнѣ»; каждый цвѣтокъ разсказываетъ ей о другихъ красотахъ міра. Какъ сила Рахили въ томъ, что ей все ново, такъ сила Беттины въ томъ, что ей все сродни. Ея міръ роскошенъ, и она—какъ фея въ немъ: каждая птица говоритъ съ нею, каждый звѣрь внимаетъ ея словамъ. Въ ея лучшей книгѣ—въ «Перепискѣ Гёте съ ребенкомъ»—потребность романтиковъ въ безпрерывной смѣнѣ впечатлѣній сочетается съ гётевскимъ искусствомъ преображать простое происшествіе въ событіе.

Это родство съ природою присуще до извѣстной степени и величайшему лирику младшаго романтизма—Іосифу Эйхендорфу (1788—1857). Правда, онъ не умѣетъ позлащать поэзіей будничную жизнь, какъ Беттина; но тамъ, гдѣ онъ находитъ поэзію,—онъ проникается ею еще глубже, чѣмъ Беттина, а поэзію онъ находитъ вездѣ, гдѣ человѣкъ не спугнулъ ее своимъ гамомъ. Непосредственно, безраздѣльно отдаваться ей—въ этомъ для него поэтическая правда; вслѣдъ за Гёте, онъ хочетъ видѣть и изображать вещи такъ, какъ онѣ есть. Вотъ почему этотъ идеалистическій лирикъ является предтечей современнаго реализма. Клейстъ и Гофманъ тоже изображали реально, но лишь вымышленные образы, созданія фантазіи: Эйхендорфъ дѣйствительно изображаетъ реальную природу. Но онъ субъективенъ въ своемъ выборѣ: онъ рисуетъ лишь излюбленныя части природы. Онъ—

поэтъ вечера, шумъ и яркій свѣтъ дня ему противны,—онъ любитъ ночь и мѣсяцъ, роняющій лучи въ чащу лѣса. Эта односторонность еще далека отъ пленэризма Гонкуровъ, отъ пристрастія Зола къ дневной суетѣ; однако, и на пути къ завоеванію шумнаго дня этотъ робкій шагъ былъ, можетъ быть, труднѣйшимъ.

Эйхендорфъ—единственный «завоеватель» въ области лирической поэзіи, котораго выставила младшая романтическая школа. Шамиссо въ самомъ знаменитомъ своемъ произведеніи, «Петрѣ Шлемилѣ», является послѣдователемъ Фуке въ сказочной психологіи и искусствѣ реально изображать невозможное; новаторомъ онъ былъ только въ политической лирикѣ и только для Германіи, потому что образцомъ ему служилъ Беранжэ. Новыхъ путей не проложилъ и «классикъ романтизма», Людвигъ Уландъ: онъ не расширилъ владѣній поэзіи, но довелъ нѣмецкую лирику до высокаго совершенства въ смыслѣ ясности, неразрывнаго сліянія формы съ содержаніемъ и искусства улавливать и сполна передавать сущность индивидуальнаго момента. Еще меньше новаго внесъ въ поэзію Рюккертъ. Трудностей формы для него не существуетъ, и онъ готовъ все обратить въ стихи. Онъ совершенно лишенъ чувства мѣры: то нарисуетъ жука въ величину слона, то спрячетъ великана въ футляръ отъ гребешка, то пространно изложитъ банальное правило, то мимоходомъ броситъ мудрое слово. Для него, какъ для Гюго, на свѣтѣ есть лишь простые характеры и простыя понятія: на ихъ героевъ можетъ обрушиться конфликтъ извнѣ, но внутреннихъ проблемъ, психическихъ осложненій, кризисовъ духовнаго роста они не знаютъ.

Наша картина романтизма была бы неполна, если бы мы обошли молчаніемъ то, что можно назвать активнымъ романтизмомъ. Мы видѣли: уже и Рахиль, и Беттина жили до извѣстной степени «романтически». Но вотъ предъ нами оригинальная фигура князя Пюклера (1785—1871). Унаслѣдовавъ крупное богатство, онъ замышляетъ осуществить въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, въ Лаузицѣ, то сліяніе природы и искусства въ одинъ идеальный пейзажъ, которое любилъ изображать въ своихъ романахъ Жанъ-Поль. Но великолѣпный паркъ проглотилъ все его состояніе. Не задумываясь ни на минуту, онъ разводится со своей женою, дочерью государственнаго канцлера Гарденберга, чтобы поискать въ Англіи богатую невѣсту; когда этотъ планъ не удался, они снова вступили въ бракъ. Въ 1846 году онъ продалъ родовое имѣніе и въ другомъ мѣстѣ принялся устраивать роскошный паркъ; въ промежуткѣ онъ объѣхалъ полміра, а когда началась франко-прусская война, онъ, несмотря на свои 86 лѣтъ, хотѣлъ вступить въ ряды нѣмецкой арміи. Онъ дѣйствовалъ больше своей личностью, чѣмъ своими произведеніями. Онъ не былъ Байрономъ, котораго любилъ копировать, онъ и вообще не былъ поэтомъ. Но онъ воспринималъ впечатлѣнія съ необыкновенной свѣжестью, а намѣренно-небрежный тонъ придавалъ его разсказу еще особую пикантность; вотъ почему его путевыя записки имѣли такой колоссальный успѣхъ.

Не менѣе характеренъ и другой практическій романтикъ, Юстинъ Кер-

неръ (1786—1862). Этотъ, на видъ неуклюжій филистеръ, съ широкимъ, увядшимъ лицомъ, которое онъ самъ въ шутку сравнивалъ съ тыквой, былъ полонъ поэзіи и обладалъ рѣдкимъ талантомъ обращать жизнь въ поэзію. Его живописный домикъ, утонувшій въ цвѣтахъ, былъ обителью любви, благоволенія, радости и мира; сюда стекались гости со всѣхъ концовъ Германіи, и всѣ находили радушный пріемъ: тихій Уландъ, живой Фрейлигратъ, привѣтливый Мерике и претенціозный Ленау, Варнгагенъ и Анастасій Грюнъ, принцы крови и бездомные поляки. Произведенія Кернера—не что иное, какъ безпечное выраженіе въ элементарнѣйшей формѣ его глубоко-прочувствованныхъ поэтическихъ настроеній.

То, что здѣсь естественно вытекало изъ натуры человѣка, было лишь позою въ приторно-мягкомъ авторѣ «Заколдованной розы», Эрнстъ Шульце (1789—1817). Его жизнь—любопытнѣйшій образчикъ преднамѣренной игры въ романтизмъ. Двадцатидвухлѣтнимъ студентомъ онъ познакомился въ Геттингенѣ съ Цециліей Тихсенъ, дочерью извѣстнаго оріенталиста, ослѣпительно-красивой и богато-одаренной дѣвушкой (она обнаруживала недюжинный талантъ въ живописи и игрѣ на рояли и арфѣ). Молодой студентъ уже давно былъ одержимъ тѣмъ порокомъ, который въ концѣ-концовъ погубилъ его,—внутренней лживостью. Въ 1808 году онъ пишетъ: «Такъ какъ всякій, кто не желаетъ считаться нулемъ, долженъ играть какую-нибудь опредѣленную роль во вкусѣ высшаго свѣта, то я выбралъ себѣ роль необыкновенно-коварнаго человѣка». Онъ позируетъ, играетъ роль пресыщеннаго повѣсы, ищетъ любовныхъ приключеній: «Пріятное чувство—быть влюбленнымъ и немного, не слишкомъ страстно, любимымъ... Однако влюбленность не должна мѣшать дѣлать психологическія наблюденія». Въ одномъ случаѣ эта манера доставила ему успѣхъ: онъ разыгралъ идиллію съ дочерью лѣсничаго въ Плессенбургѣ. Но Цецилія его поведеніе не импонируетъ, это раздражаетъ его, и влюбленность превращается въ страстную любовь. Онъ хочетъ покорить любимую дѣвушку своей лирикой, но его суетность и неправдивость отталкиваютъ ее—она остается холодна, хотя и относится къ нему дружески. Спустя годъ послѣ ихъ первой встрѣчи она умираетъ. Теперь онъ хочетъ принадлежать ей вѣчно: она будетъ его Беатричей, его Лаурой. Онъ начинаетъ писать эпическую поэму, въ которой хочетъ воспѣть ее. Но еще прежде, чѣмъ поэма доведена до конца, имъ овладѣваетъ новая любовь къ младшей сестрѣ Цециліи, Адельгейдѣ. Онъ пускается въ казуистику: «Цецилія была моей первой настоящей любовью, и вы—все еще моя первая любовь, потому что вы и Цецилія до такой степени слились въ моемъ сердцѣ въ одинъ образъ, что отдѣлить васъ другъ отъ друга мнѣ невозможно». Поэму, предназначенную для Цециліи, онъ посвящаетъ теперь Адельгейдѣ. Онъ не можетъ освободиться ни отъ новой любви, ни отъ старой роли: онъ ужъ слишкомъ вжился въ роль Петрарки. Онъ уходитъ добровольцемъ на войну, и возвращается тѣмъ же, чѣмъ былъ. Только ранняя смерть избавляетъ его отъ муки безнадежныхъ желаній.

Эрнстъ Шульце такъ долго носилъ маску романтическаго поэта, что она въ концѣ-концовъ приросла къ нему. Иной характеръ носитъ игра въ романтизмъ у Вильгельма Мюллера (1794—1827), автора тѣхъ прелестныхъ пѣсенъ, которыя положены на музыку Шубертомъ. Онъ былъ сынъ сапожника въ Дессау; переселившись въ Берлинъ, онъ попалъ въ кружокъ богатыхъ диллетантовъ, центромъ котораго былъ домъ одного изъ нихъ, Штегемана. Вокругъ привлекательной дочери Штегемана, Гедвиги, и возникъ любительскій театръ самаго фантастическаго свойства. Цѣлью его было превращеніе дѣйствительной жизни въ поэтическую игру. Въ воображеніи участниковъ салонъ становился лѣсомъ, Гедвига Штегеманъ—«прекрасной мельничихой Розой», Вильгельмъ Гензель—охотникомъ, Мюллеръ, какъ и требовало его имя,—мельникомъ. И каждый сочиняетъ соотвѣтствующія его роли пѣсни, которыя талантливый композиторъ Людвигъ Бергеръ кладетъ на музыку. Здѣсь нѣтъ самогипноза Шульце; напротивъ, здѣсь всякій смотритъ на игру, какъ на игру, всякій понимаетъ, что это лишь маскированіе дѣйствительности. Но характерно уже то, что существуетъ потребность въ такомъ маскированіи. Еще гораздо позднѣе, въ 1838 г., Гуцковъ наблюдалъ такую же романтическую игру у двухъ сестеръ Ассингъ, племянницъ Варнгагена. Онѣ все преображали фантазіей. Всякое судно, плывшее мимо дома, немедля нагружалось радужными мечтами: навѣрное оно плыветъ въ Индію, въ страну пальмъ, къ тѣмъ голубымъ озерамъ, въ которыхъ купаются фламинго. Онѣ разукрашивали весь міръ, инстинктивно отстраняли все безобразное, а пошлаго и будничнаго просто не замѣчали.

На этихъ примѣрахъ можно яснѣе всего видѣть, какъ много еще оставалось сдѣлать для достиженія той великой цѣли, къ которой подошелъ Гёте и отъ которой романтизмъ отвернулся: для завоеванія дѣйствительной жизни поэзіей.

II.

Это маскированіе жизни, скрывавшее въ себѣ большую долю трусости, могло удовлетворять лишь слабыя или поверхностныя натуры. Къ какимъ выводамъ долженъ былъ придти романтикъ, нашедшій въ себѣ мужество прямо взглянуть въ лицо дѣйствительности,—это мы увидимъ на Шопенгауэрѣ. Но между сестрами Ассингъ и Шопенгауэромъ есть переходныя ступени; то настроеніе, изъ котораго родилась философія великаго пессимиста, окрасило и творчество трехъ крупныхъ представителей поздняго романтизма—лирика Зедлица и драматурговъ Раймунда и Грильпарцера. Зедлицъ, авторъ усыновленныхъ русской поэзіей «Ночного смотра» и «Воздушнаго корабля», обязанъ своей извѣстностью преимущественно своимъ «Totenkränze» (1827 г.). Геній могилъ приводитъ поэта къ саркофагамъ прославленныхъ героевъ — Наполеона, Іосифа II, Тассо, Байрона; передъ каждой гробницей поэтъ въ звучныхъ и сильныхъ канцонахъ рисуетъ мощь

и славу покойнаго, и каждый разъ эхо откликается вопросомъ: «А былъ ли онъ счастливъ?» Но пессимистическое убѣжденіе, что идеалъ пожираетъ жизнь, выраженное и Грильпарцеромъ въ «Сафо», приводитъ Зедлица къ неожиданному заключенію: когда геній саркастически спрашиваетъ самого поэта, чего онъ-то достигъ своимъ идеализмомъ, поэтъ, взывая къ Шекспиру и Гёте, восклицаетъ: «мужества—бодро нести бремя дѣйствительности». Этимъ храбрымъ скачкомъ Зедлицъ поднимается выше самого себя; это было только пророческое слово, котораго и онъ самъ не могъ осуществить, и не могло понять его время.

Оно должно было остаться непонятнымъ и обоимъ величайшимъ драматургамъ Австріи—Раймунду и Грильпарцеру. Оба они—поэты отреченія отъ міра, оба проповѣдуютъ: живи внѣ міра, дѣйствительность слишкомъ тяжела для благороднаго сердца. Одинъ сливаетъ идеальный и реальный міръ въ фантастическую игру, другой рѣзко противоставляетъ ихъ другъ другу, но оба равно отрицаютъ счастіе, могущество и славу, оба говорятъ намъ, какъ Пушкинъ: на свѣтѣ счастія нѣтъ, а есть покой и воля. Одинъ умеръ меланхоликомъ, другой—озлобленнымъ, оба—среди тріумфовъ, увѣнчанные славою. Жизнь отмстила имъ за презрѣніе къ ней.

Фердинандъ Раймундъ (1790—1836 г.) принадлежитъ къ немногимъ наивнымъ талантамъ нѣмецкой литературы. Онъ не внесъ въ драматическое искусство ничего новаго; сказочная опера, которую онъ довелъ до совершенства, процвѣтала задолго до него. Но, какъ одинъ изъ его волшебниковъ (der Barometermacher), онъ превращалъ въ золото все, къ чему прикасался. Техника его пьесъ чрезвычайно проста: произносится заклятіе, часто связанное съ какимъ-нибудь свойствомъ дѣйствующаго лица, и исполненіе этого заклятія ставится въ зависимость отъ какого-нибудь условія. Вся прелесть въ томъ, что это условіе, какъ бы оно ни было фантастично, есть лишь усиленіе какого-нибудь простого психологическаго признака. Примѣръ лучше всего пояснитъ это. Вѣрный слуга Флоріанъ, какъ всякій простодушный и честный человѣкъ, тонко чуетъ правдивость или лживость въ людяхъ; въ пьесѣ это его свойство только повышается до сказочной силы: съ Флоріаномъ дѣлаются судороги отъ перваго же лживаго слова дѣвушки, которую его господинъ взялъ за руку. Или другой примѣръ. Испорченный человѣкъ, обладающій въ сущности хорошей натурой, всегда испытываетъ глубокое впечатлѣніе при видѣ своихъ пороковъ въ другомъ; вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ старый анекдотъ о жестокомъ сынѣ, который заставлялъ своего стараго отца ѣсть подъ лѣстницей и былъ потрясенъ, увидя однажды, какъ его маленькій сынъ примащивалъ игрушечный стулъ подъ игрушечной лѣстницей — «для тебя, когда ты будешь старъ». Раймундъ только фантастически преувеличиваетъ это наблюденіе, когда противопоставляетъ озлобленному Rappelkopf'у его двойника. И какъ психологически вѣрно ведется эта сцена! Сначала Rappelkopf находитъ своего двойника очень недурнымъ, затѣмъ, получше вглядѣвшись, нерѣшительно прибавляетъ: «Однако, я поторопился», и, наконецъ, восклицаетъ:

«Нѣтъ, это не мой портретъ! Онъ преувеличиваетъ». Совершенно такой же характеръ носитъ и самое дѣйствіе. Всѣ эти чары и чудеса не что иное, какъ воплощенныя въ конкретную форму метафоры. «Юность покидаетъ» милліопера Вурцеля и «старость гнететъ» его — это совершается въявь: веселая, краспощекая, безпечная «юность» убѣгаетъ отъ него, приходитъ сердитая, брюзжащая «старость» въ тепломъ колпакѣ, дотрогивается до него рукою, и онъ падаетъ надломленный. Расточитель говоритъ, что готовъ отдать годъ своей жизни, — и вотъ этотъ годъ уже стоитъ передъ нимъ въ видѣ нищаго. Въ сказочномъ мірѣ Раймунда господствуютъ тѣ же законы, что̀ и въ реальномъ, только дѣйствіе ихъ въ пространствѣ и времени фантастически ускоряется: дворцы возникаютъ и рушатся въ одно мгновеніе. И сквозь всю эту роскошную феерію проходитъ красной нитью одна мысль: «чѣмъ меньше блеска, тѣмъ больше счастіе; богатство, могущество, слава—только отравленныя приманки».

Францъ Грильпарцеръ (1791—1872 г.), какъ и Раймундъ—уроженецъ жизнерадостной Вѣны, «духовной Капуи»,—какъ онъ ее назвалъ,—гдѣ какъ разъ въ годы его молодости, въ силу естественной реакціи, возникло сильное аскетическое движеніе (Гофбауэръ и Вейтъ). Оно до извѣстной степени отразилось и на немъ. Бурная, дико-страстная натура, почти необузданная въ своемъ честолюбіи, чувственности и гнѣвѣ, онъ со сладострастіемъ аскета обуздываетъ, укрощаетъ, бичуетъ себя. Это стремленіе обуздать свою неукротимую страстность окрашиваетъ все его міровоззрѣніе. Люди, до избытка полные жизненной силы, пылкія, страстныя души, влекутъ его къ себѣ неодолимо; они — его любимые герои. И всюду онъ безжалостно насилуетъ себя: мудрый, разсудительный всегда у него торжествуетъ или, по крайней мѣрѣ, одерживаетъ верхъ надъ страстнымъ. Эти разсудительные всегда у него имѣютъ въ себѣ что-то мѣщанское. Онъ хочетъ этого: ему сладко видѣть, какъ бѣшеный натискъ страсти разбивается о силу— не боговъ, а филистера. Онъ рѣзко идетъ наперекоръ драматургіи своего времени, которая видѣла задачу драмы въ побѣдѣ «свободы» надъ «необходимостью». Онъ требуетъ какъ разъ обратнаго: побѣждать должна необходимость. Произволъ, царившій въ до-мартовскомъ режимѣ, заставляетъ его требовать реформъ; наступила революція—онъ видитъ произволъ массъ, и требуетъ ихъ обузданія. Въ этомъ страстномъ исканіи подавляющей силы онъ яростно топчетъ ногами все, что̀ возвышается надъ среднимъ уровнемъ или нарушаетъ традицію; всякая гордость — даже гордость могучей мысли, даже гордость цѣломудрія—кажется ему преступной кичливостью. Онъ, кажется, готовъ помочь слугамъ Зевса приковать Прометея къ скалѣ.

Не ироніей судьбы, а почти роковой необходимостью была та, болѣе чѣмъ скромная, чиновничья карьера, которую прошелъ Грильпарцеръ. Онъ медленно подвигался по службѣ, навлекъ на себя опалу стихотвореніемъ, въ которомъ «кощунственно» требовалъ удаленія креста съ развалинъ Колизея,—былъ не разъ обойденъ при повышеніяхъ, и, выйдя въ 1856 году въ отставку, жилъ съ тѣхъ поръ въ крайне скудной обстановкѣ, въ двухъ

маленькихъ комнатахъ на четвертомъ этажѣ. Ожесточенный неудачами, онъ обвинялъ міръ въ несправедливости, и былъ неправъ: жизнь дала ему то, чего онъ желалъ наиболѣе страстно: она заботилась объ укрощеніи его бурной крови.

Мы остановимся только на трехъ его произведеніяхъ, наиболѣе характерныхъ и вмѣстѣ, можетъ быть, наиболѣе совершенныхъ; прежде всего на трилогіи «Золотое руно» (1820 г.). Золотое руно у Грильпарцера—символъ идеала или, вѣрнѣе, того, что Ибсенъ называетъ «идеальнымъ требованіемъ». Оно даетъ побѣду—но убиваетъ побѣдителя, какъ слава—Сафо, какъ Либуссу—королевская власть. Его мѣсто—на алтарѣ бога; тамъ должно оно лежать, почитаемое всѣми. Но кто протянетъ къ нему руку, захочетъ сдѣлать его своимъ знаменемъ или оружіемъ, того оно убьетъ. Единичный человѣкъ, вздумавшій поднять руно на свои плечи, погибъ, но руно остается нетронутымъ въ огнѣ.

Трилогія проникнута глубокимъ пессимизмомъ. «О юность,—восклицаетъ Язонъ,—зачѣмъ ты не длишься вѣчно? Какъ беззаботно плылъ я въ потокѣ приключеній, сильной грудью разсѣкая волны! Но наступаетъ зрѣлый возрастъ, и иллюзія исчезаетъ; незамѣтно прокрадывается голая дѣйствительность со своими тяжелыми заботами». Задолго до «Сантиментальнаго воспитанія» Флобера, Грильпарцеръ рисуетъ здѣсь душу, лишенную иллюзій, опустошенную житейскимъ опытомъ. Вначалѣ Язонъ является предъ нами въ блескѣ царственной силы: «Я, герой чудеснаго руна, князь, царь, вождь аргонавтовъ, я, Язонъ!» И на нашихъ глазахъ онъ терпитъ крушеніе, и остается одинъ, безъ родины, безъ гордыхъ идеаловъ своей юности. Медея, самая строгая изъ жрицъ идеала, черпающая магическую силу въ непреклонности своей воли,—что она въ послѣдней части трилогіи? Бѣдная страдалица, похоронившая и почти уже забывшая свои радужныя надежды. Она въ конецъ надломлена: «Будемъ молить боговъ, чтобы они дали намъ простое сердце!» Но боги не услышатъ ея мольбы: «Вы бросаете насъ въ жизнь, вы заставляете несчастнаго стать виновнымъ, и потомъ оставляете его въ жертву его мукамъ, потому что всякая вина карается на землѣ!» Она рисовала себѣ Язона «героемъ между героями», и вотъ она достигла цѣли, онъ—ея мужъ, и она бѣднѣе, чѣмъ когда-либо. Ужаснѣе всего не то, что онъ не любитъ ея, что хочетъ ее прогнать: ужасно то, что она видитъ своего героя въ свѣтѣ «голой дѣйствительности».

Не случайно для этой трагедіи разочарованія сюжетомъ взято разочарованіе въ любви. Нигдѣ контрастъ между мечтою и суровой правдой дѣйствительности не обнаруживается такъ рѣзко, какъ въ отношеніи между мужчиной и женщиной. Для Грильпарцера это былъ не только типичный случай, но и плодъ личнаго опыта.

Онъ оставилъ любопытныя признанія на этотъ счетъ, показывающія, какъ часто онъ самъ служилъ моделью для своихъ героевъ. «Таковъ,—говоритъ онъ,—я всегда былъ въ томъ, что другіе люди называютъ лю-

бовью. Съ той минуты, какъ предметъ моей любви не входилъ совершенно точно въ рамку, которую я начерталъ себѣ при первомъ сближеніи, мое чувство такъ безвозвратно отворачивалось отъ него, какъ отъ чего-то чуждаго, что всѣ мои усилія хоть какъ-нибудь удержаться оказывались напрасными. Такимъ путемъ я сдѣлалъ несчастными трехъ женщинъ, обладавшихъ сильнымъ характеромъ». Онъ нѣсколько разъ любилъ и былъ горячо любимъ. Поэты прежнихъ поколѣній становились красивыми старцами, какъ Гёте, Тикъ, даже Шамиссо; Грильпарцеръ подъ конецъ былъ худощавый старичокъ съ склоненной набокъ головой, и только въ его свѣтло-голубыхъ глазахъ еще мерцалъ отблескъ внутренняго пламени. Одинокій шелъ онъ каждый день обѣдать въ одинъ и тотъ же ресторанъ, какъ Шопенгауэръ со своей собакой въ Hôtel d'Angleterre во Франкфуртѣ,—двое угрюмыхъ старыхъ холостяковъ, сохранившихъ еще и вспыльчивость, и щепетильную аккуратность въ одеждѣ: Шопенгауэръ, подобно Ибсену, на котораго былъ похожъ, не безъ кокетства расчесывалъ свои волосы и бороду. Оба они не вели платоническаго образа жизни ни въ юности, ни даже въ старости; но путь къ спокойному семейному счастію закрыла Шопенгауэру философія, Грильпарцеру поэзія. Послѣдній имѣлъ успѣхъ у женщинъ. Одна молодая дѣвушка влюбилась въ него и, умирая, умоляла родителей заботиться о ея «Тассо»; онъ остался холоденъ и позднѣе сдѣлалъ изъ этого приключенія повѣсть. Онъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ красавицей—женой одного художника, и еще съ другой замужней женщиной; прочнѣе была его связь съ его «вѣчной невѣстой», Катериной Фрелихъ. Но и здѣсь дѣйствительность не совпадала съ идеаломъ, который каждый изъ нихъ составилъ себѣ о другомъ; они вѣчно расходились и вновь сходились, и конецъ ихъ любви, когда старикъ переселился къ двумъ старушкамъ—Катеринѣ и ея сестрѣ, производитъ скорѣе трагическое, чѣмъ примиряющее впечатлѣніе.

Этотъ основной тонъ поэзіи Грильпарцера звучитъ даже въ наиболѣе мягкомъ изъ его произведеній, въ «Либуссѣ». Три вѣщія дѣвы, дочери послѣдняго богемскаго герцога, живутъ въ одиночествѣ. Послѣ его смерти народъ зоветъ ихъ на престолъ; старшія двѣ рѣшаютъ посвятить себя созерцательной жизни, размышленію о вѣчномъ и его законахъ, младшую влечетъ жажда дѣятельности и любовь къ людямъ. Она сходитъ къ народу, и тутъ начинается ея паденіе. Какъ Ундина, она влюбляется въ земного человѣка; она сама хочетъ затруднить себѣ роковой шагъ, и ставитъ суженому трудное, загадочное условіе; но Примиславъ исполняетъ его. Онъ становится ея мужемъ и господиномъ. Онъ мудръ, справедливъ и добръ, но его *ясность* спугнула *поэзію*. Городъ вытѣсняетъ сельскую идиллію, согласіе исчезаетъ и народы становятся соперниками; человѣкъ забываетъ о священной тишинѣ субботы и живетъ лишь для неустаннаго труда. Либусса тщетно предостерегала народъ противъ короля: народъ ищетъ пользы, и она умираетъ, будучи не въ силахъ перенести торжества дѣйствительности.

Въ «Сафо» Грильпарцеръ, по собственному признанію, хотѣлъ изобразить «характеръ, полный бурныхъ страстей, надъ которыми властвуетъ выработанное спокойствіе—плодъ высокаго умственнаго развитія, властвуетъ до тѣхъ поръ, пока скованные рабы разбиваютъ свои цѣпи и съ дикой яркостью вырываются наружу». Это—Сафо. Она достигла своей высокой цѣли, она—прославленный поэтъ; но она несчастна, какъ Тассо и Байронъ въ «Totenkränze» Зедлица: «Жутко стоять на вершинахъ человѣчества, и бѣдное искусство вѣчно принуждено, какъ нищій, просить крохъ съ обильнаго стола жизни». Она хочетъ соединить вѣнецъ избранника съ будничнымъ счастіемъ толпы, но между ними несокрушимая стѣна. Она влюбляется въ Фаона, а онъ, увидя рядомъ съ Сафо пустую, но молодую и хорошенькую дѣвушку, увлекается ею. Сафо хочетъ сохранить свой вѣнецъ незапятнаннымъ, и гордо бросается въ море.

Намъ остается завершить этотъ очеркъ отношенія нѣмецкаго романтизма къ дѣйствительности нѣсколькими словами о томъ писателѣ, кто съ наибольшей глубиной и силой выразилъ его міровоззрѣніе. Шопенгауэръ (1788—1860 г.) — философъ романтики par excellence. Онъ слѣдуетъ за романтиками, какъ раскаяніе за поступкомъ, и это—не кроткое, а гнѣвное, мятежное раскаяніе, съ злобою, почти съ отвращеніемъ отвергающее всѣ космогоническія грёзы и весь космосъ. Здѣсь не мѣсто доказывать, какъ тѣсно связана философская система Шопенгауэра со всѣмъ духомъ романтизма. Основныя точки соприкосновенія сразу бросаются въ глаза: убѣжденіе, что этотъ міръ—міръ призрачный, скрывающій подъ своей пестротой основное единство; поклоненіе генію и святому, восторженная любовь къ искусству, особенно къ музыкѣ, въ которой наиболѣе непосредственно высказывается міровая тайна; ненависть къ традиціонной морали, увлеченіе Индіей, протестъ противъ современной цивилизаціи, современной науки и литературы. А главное—то различеніе невидимаго, неосязаемаго и всетаки единственно реальнаго міра, съ одной стороны, и видимаго, осязаемаго и все же лишь призрачнаго міра—съ другой, которое составляетъ скрытую основу романтической поэзіи, возводится у Шопенгауэра въ философскій догматъ.

М. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи одной деревни.

Записки волоколамскаго крестьянина.

I.

Въ то время, когда положеніе всей русской деревни можно назвать кокеблющимся, когда то изъ одного, то изъ другого края доходятъ вѣсти о крайнихъ бѣдствіяхъ людей, неразрывно связанныхъ съ землею, о бѣдствіяхъ вродѣ голодовокъ, цынги и тифа, въ нашемъ отечествѣ имѣются уголки, гдѣ ничего подобнаго и въ памяти не существуетъ, а напротивъ съ каждымъ годомъ замѣчается прогрессъ и въ способѣ веденія хозяйства, и въ устройствѣ общей жизни. Однимъ изъ такихъ счастливыхъ оазисовъ можно назвать нашъ уѣздъ, и мнѣ, пишущему эти строки, живущему на тяглѣ въ одномъ изъ его уголковъ, думается, что читающей публикѣ небезынтересно будетъ прослѣдить за жизнью такого уголка, который можетъ быть считаемъ типичнымъ по всему уѣзду.

Конечно, такая жизнь, какая у насъ наблюдается въ настоящее время, идетъ недавно. Во время моего дѣтства, приблизительно лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и у насъ люди, занимавшіеся хлѣбнымъ трудомъ, не нарабатывали для себя хлѣба, а пополняли недостатки его привозомъ изъ Москвы. Во всей нашей деревнѣ, можетъ быть, въ пяти-шести дворахъ обходились своимъ запасомъ, а у остальныхъ его хватало: у кого до Михайлова дня, у кого до Рождества, у кого до масляницы; съ этого же времени они должны были его покупать. Причина этому заключалась въ томъ, что земля, нарѣзанная крестьянамъ при выпускѣ ихъ на волю, была плохого качества, покосовъ было убавлено на половину, почему нельзя было держать въ надлежащемъ количествѣ скота, а поэтому и земледѣльческій трудъ вознаграждался крайне скудно. Рожь и овесъ обыкновенно приходили самъ два; самъ три считалось рѣдкимъ урожаемъ; ячмень хорошо родился только съ удобреніемъ; картофеля еще садили мало. Другихъ же хлѣбовъ не сѣяли, да и трудно было сѣять, такъ какъ по всей округѣ ничего такого не сѣялось, не съ кого было брать примѣръ, а затѣвать что-нибудь самимъ ни у кого не хватало средствъ. Всѣхъ душили тяже-

лыя подати. Кромѣ выкупныхъ, земскихъ и государственныхъ, тогда еще собиралась подушная подать, а это очень отягчало крестьянъ. На каждую надѣльную душу ложилось около 15 рублей въ годъ, а такъ какъ земельный надѣлъ былъ по 1 душѣ на каждую ревизскую душу, то, въ среднемъ, на дворъ ложилось около 50 рублей (въ нашемъ обществѣ 102 души, и въ то время въ немъ было около 30 дворовъ). А гдѣ было взять такія деньги? Отъ земли всѣ открещивались, какъ отъ лихой напасти, и ее приходилось навязывать «силомъ».

При такихъ условіяхъ и у насъ деревни въ то время были далеко не приглядны и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Порядочныя избы были только у тѣхъ хозяевъ, которые во время крѣпостничества успѣли какъ-нибудь «заправиться», у остальныхъ же были кое-какія: изъ тонкаго лѣса, съ крышами «подъ захмылъ», характерные «коньки», обшитые тесомъ и украшенные различными вырѣзками, какъ это рисовалось на лубочныхъ картинахъ, отходили въ область преданій. Топились многія избы «по-черному», т.-е. не имѣли трубъ, а во время топки печи отворялась дверь. Чистоты при этомъ, конечно, нельзя было требовать, такъ какъ мыть такія избы было нельзя. Ихъ иногда передъ праздникомъ скоблили скребнемъ, но этимъ не счищали грязи, а только дѣлали пятна, свидѣтельствовавшія какъ будто бы, что постройки сооружены не изъ чернаго дерева, а изъ бѣлаго; но и то не на долго: пятна опять вскорѣ подергивались чернотой. Освѣщались избы лучиной, для которой воровались въ темныя осеннія ночи березки въ сосѣднемъ барскомъ лѣсу; иначе лучины взять было негдѣ: на надѣльной землѣ у насъ, кажется, не было ни одной березки.

Не лучше избъ были и прочія постройки и дворы. Скота на дворахъ было немного, да и тотъ плохого качества. Лошаденки низкорослыя, косматыя; коровенки тоже невзрачныя, маломолочныя. У иной и вымя-то появлялось только къ половинѣ лѣта. Мертвый инвентарь былъ тоже самый незавидный: соха, борона,—плуговъ и въ поминѣ не было. Если же и случалось кому поднимать цѣлину, то работали отрѣзомъ, что было и нескоро и кропотливо, а поэтому поля раздѣлывались плохо; межники межъ полосъ годъ отъ году дѣлались шире, концы полосъ, съ трудомъ поддававшіеся сохѣ, запускались; запускали нерѣдко цѣлыя полосы. Внутренняя обстановка избъ была тоже довольно не казистая. Самоваровъ имѣлось всего два-три въ деревнѣ: у бывшаго бурмистра, которому удалось при выпускѣ крестьянъ на волю оборудовать съ управляющимъ выгодное дѣльце—тайкомъ продать изъ запасного магазина нѣсколько сотъ четвертей ржи, и поэтому жившему тогда богатой рукой; у одного печника, занимавшагося, кромѣ кладки печей, портняжнымъ ремесломъ по зимамъ. Въ этихъ же домахъ имѣлись стѣнные часы съ гирями. У бурмистра, кромѣ того, изба освѣщалась не лучиной, а лампой, которую старуха, жена его, называла «ланка», а керосинъ, горѣвшій въ ней, «финогентомъ». Былъ еще домъ, въ которомъ заводились и самоваръ и часы; но въ этомъ домѣ все это какъ-то не приживалось: самоваръ никогда не чистился, ча-

сы ходили невѣрно. Было это потому, что хозяева не умѣли съ этими вещами обращаться, такъ какъ обзавелись они ими не изъ прямой потребности въ нихъ, а изъ простого подражанія зажиточнымъ людямъ.

Кромѣ этихъ дворовъ, да еще двухъ-трехъ, остальные жили, какъ говорится, «часомъ съ квасомъ, порой съ водой». Продовольствовались всѣ кое-какъ, и на отсутствіе, напримѣръ, мяса и каши въ обиходѣ, говорили: «говядина наша въ полѣ жиръ нагуливаетъ, а кашный горшокъ въ гостяхъ гоститъ, какъ изъ гостей придетъ, такъ и до каши чередъ дойдетъ». На самомъ же дѣлѣ это были однѣ шутки. Иногда дѣйствительно теленокъ или ягненокъ гуляли въ полѣ, но нагуливали жиръ для продажи, а горшокъ изъ-подъ каши загащивался постольку, что въ иную избу по цѣлому году не заглядывалъ.

Заработковъ мѣстныхъ не имѣлось никакихъ; ни желѣзной дороги, ни фабрикъ поблизости не было. Имѣнія же помѣщичьи пустовали, такъ какъ наймомъ обрабатывать ихъ помѣщикамъ не было никакого разсчета, а даровой труда уже негдѣ было взять. Поэтому помѣщики ихъ покинули; если же которые и жили въ деревнѣ, то такъ бѣдствовали, что и дорого стоящія угодья продавали за безцѣнокъ, да и на это мало находилось охотниковъ. Были случаи, когда земля продавалась въ собственность по 13—15 рублей за десятину, 18 же рублей считалось красная цѣна.

Только и цѣнился одинъ лѣсъ. Лѣсъ покупали всюду, рубили его безпощадно и сплавляли по рѣкѣ въ Москву. Нѣкоторыя деревни имѣли въ такихъ лѣсахъ по зимамъ заработокъ, но наша деревня стояла отъ этого въ сторонѣ, и развѣ кто-нибудь въ одиночку ходилъ гонять плоты и то очень рѣдко.

Жалобъ на свое положеніе, конечно, слышалось очень много, особенно въ малоурожайные годы или послѣ какого-нибудь несчастія: пожара, падежа скота... Жалѣли даже о крѣпостномъ правѣ. «Что-жъ это за жизнь,—говорили,—хуже барщины! При господахъ, бывало, плохо-плохо, а случится какая бѣда—идешь къ барину, и онъ тебѣ поможетъ, потому ты ему нуженъ. А теперь куда идти? Кому мы нужны?»

Поэтому, конечно, все сильное, здоровое, способное бѣжало изъ деревни въ Москву, и поступали кто куда могъ: кто на фабрику, кто въ услуженье, кто отъ себя какое дѣльце заводилъ—извозъ, разносную торговлю и т. п. Уходили мужики, уходили бабы, мальчишки. Правда, и въ Москвѣ не всѣ-то хорошо устраивались: инымъ не выпадало счастья, а инымъ и выпадало, да они не умѣли имъ пользоваться. Но несмотря и на это, домашніе про нихъ говорили: «Ну, да ладно! Дома хлѣба не ѣстъ—и то слава тебѣ, Господи; а то здѣсь и совсѣмъ пришлось бы «по міру» ходить!»

«По міру» ходило тогда очень много, особенно зимою. Щелкали иногда такіе молодцы, съ которыми на дорогѣ встрѣтиться было опасно. Нерѣдко случалось и воровство, въ особенности съ наступленіемъ темныхъ ночей въ осеннее время. Бывало то и дѣло слышишь: тамъ въ сарай забились, тутъ лошадей увели, здѣсь амбаръ подломали. Случались и разбои.

Бывали и жестокіе самосуды. Особенно памятенъ одинъ разсказъ о замученномъ дурачкѣ. Въ сосѣдней съ нами деревнѣ у одного мужика былъ «дурачокъ» сынъ. Онъ кормился милостыней, ходилъ по разнымъ деревнямъ, заходилъ иногда далеко. Однажды онъ забрелъ въ деревню, въ которой его не знали, ночевалъ въ сараѣ и, должно быть, прозябъ. Передъ разсвѣтомъ ему захотѣлось погрѣться, и онъ вошелъ въ первую попавшуюся избу деревни и залѣзъ на печку. Въ избѣ въ это время никого не было, хозяева ушли молотить. Черезъ нѣсколько времени въ избу пришла изъ овина баба. Почуявъ, что кто-то есть въ избѣ, она взглянула на печку и увидала мужика. Она подняла тревогу. Сбѣжался народъ, вломился въ избу и, подозрѣвая, что это воръ или разбойникъ, стащили дурачка съ печки и начали тузить. Дурачокъ отъ страха лишился языка и не могъ проговорить ни одного слова. Тогда подумали, что онъ притворяется. Дали знать старшинѣ, жившему въ этой же деревнѣ, и тотъ посовѣтовалъ его «попытать». Ему жгли пятки, опускали въ колодезь, нагоняли на голову желѣзный обручъ, но, конечно, ничего добиться не могли. Дурачокъ не вынесъ мученій, умеръ. Только послѣ его смерти мучители узнали, кто онъ такой, какъ попалъ въ избу.

Такихъ и подобнаго рода случаевъ было многое множество, и разсказы о нихъ наполняли ужасомъ наши дѣтскія души.

Конечно, такая деревня казалась не особенно привлекательной даже намъ, ребятишкамъ. Несмотря на то, что хозяйственныя заботы насъ еще не касались, но бѣдствія старшихъ отражались и на насъ, и мы мечтали о Москвѣ и возлагали на нее надежду, какъ израильтяне на землю обѣтованную, гдѣ и мы сами не будемъ испытывать никакихъ бѣдствій, и нашимъ домашнимъ отъ насъ будетъ теплѣй. Мы съ нетерпѣніемъ ждали той поры, когда мы подрастемъ настолько, что намъ будетъ можно самимъ отправляться въ Москву и подготовляться къ роли сторонняго добычника и кормильца старыхъ и малыхъ.

II.

Для меня такая пора наступила, когда мнѣ пошелъ 11 годъ. Въ Москвѣ и другихъ городахъ я прожилъ лѣтъ восемь. Въ деревню я вернулся уже взрослымъ, не мало испытавшимъ и составившимъ себѣ сознательный взглядъ на окружающее. Когда я пріѣхалъ домой, то деревня начала понемногу подниматься на ноги и преображаться. Въ нашей мѣстности сталъ распространяться новый продуктъ земельнаго производства—ленъ. Сначала онъ привился въ одномъ пунктѣ нашего уѣзда, въ селѣ Яропольцѣ и окружающихъ его деревняхъ, поля которыхъ имѣютъ супесчаную почву, гораздо лучше и плодороднѣй нашей глинистой, но потомъ районъ его посѣва все расширялся и расширялся и, достигнувъ до нашихъ мѣстъ, захватилъ нашу деревню. У насъ ленъ хотя родится и не чета яропольскому, но всетаки сноснымъ и по цѣлинѣ очень-таки недурнымъ. Въ то время цѣлины у насъ было достаточно: чуть ли не половина полей пу-

стовало, много было пустой земли и на сторонѣ, которую можно было снять въ аренду за недорогую цѣну. Крестьяне понемногу стали браться за ленъ, тѣмъ болѣе, что заниматься имъ было очень удобно: сѣмянъ его было нужно немного, 5 — 6 мѣръ на десятину, и стоили они очень недорого, а прибыль онъ давалъ значительную. На новыхъ земляхъ онъ первые годы родился очень хорошо, давалъ много и сѣмянъ, и волокно хорошаго качества.

Когда первые опыты со льномъ дали хорошіе результаты, то посѣвы его начали быстро увеличиваться, и кто бы его ни сѣялъ, никто въ этомъ не раскаивался: трудъ очень хорошо вознаграждался. Съ двухъ мѣръ льняного сѣмени, посѣяннаго на пустыряхъ, получалось продуктовъ чуть ли не на 50 рублей; десятина же льна приносила отъ 100 до 150 рублей.

Распахивать сохой цѣлину было неудобно, появилась потребность въ плугѣ, и крестьяне стали употреблять плугъ. Сначала плуги заводились въ рѣдкихъ случаяхъ, въ одиночку, большинство же брало у этихъ счастливцевъ за плату 50—60 к. въ день и употребляли его для распашки цѣлины, продолжая ковырять мякоть допотопной сохой. Дальше плугомъ стали пробовать и мякоть. Плугъ на той и на другой почвѣ зарекомендовалъ себя какъ нельзя лучше. Мало-по-малу его стали употреблять всюду. Всякій, кто имѣлъ возможность, старался обзавестись имъ. А такъ какъ цѣна его была не высока—8, 7 и даже 6 руб., то вскорѣ обзавелись ими чуть ли не всѣ. Когда я вернулся въ деревню, одноконныхъ плуговъ было два-три, черезъ три года у насъ не осталось двухъ дворовъ, не имѣющихъ этихъ орудій.

Конечно, всѣ пустыри вскорѣ были подняты; мало того, и поля уже многимъ стали недостаточны, попробовали дѣлить и поднимать новые участки, многіе стали арендовать у помѣщиковъ землю подъ распашку. Арендныя цѣны сначала были недороги. «Что-жъ тутъ зѣвать,—говорили крестьяне,—поднимай да сѣй, есть разсчетъ: что ни уродись—домашняя копейка: изъ Москвы-то еще жди, когда придетъ, а тутъ все въ рукахъ».

И многіе такъ погнались за домашней копейкой, что перестали сами ходить въ Москву, а также пускать туда домочадцевъ. «Зачѣмъ я пущу его въ Москву,—говорилъ какой-нибудь старикъ про своего сына,—посѣю на его долю полдесятины льну, сработаемъ—вотъ тебѣ и 50 р., а больше-то онъ и въ Москвѣ мнѣ не добудетъ».

И дѣйствительно, многіе, жившіе на фабрикахъ или на какихъ-нибудь незначительныхъ малодоходныхъ мѣстахъ, стали жить дома. Въ Москвѣ же остались такіе, которые уже не могли жить въ деревнѣ, окончательно отвыкнувъ отъ нея, или живущіе на хорошихъ мѣстахъ съ многочисленнымъ бюджетомъ, какъ, напримѣръ, биржевые артельщики, приказчики, разносчики или иначе какъ, ведущіе дѣла отъ себя. Были, правда, и фабричные, но это были какіе-то калѣки. Привыкнувъ сидѣть за станкомъ, они совершенно отклонились отъ деревенской жизни и ея интересовъ, работы, и если имъ приходилось дома косить, жать, молотить, то они

дѣлали это такъ, что на ихъ дѣло и глядѣть было тошно. У насъ поэтому вошло въ пословицу: если кто работаетъ плохо, тому прямо говорятъ, что ты работаешь «какъ фабричный» или «эхъ ты, фабричный!» Одинъ арендаторъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ однажды на общественномъ покосѣ замѣтилъ одного молодца, очень плохо косившаго. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Ты что, фабричный?» А почемъ вы знаете?—живо обернулся къ нему паренекъ. Арендатору неловко было сказать, что онъ догадался по плохой работѣ, а пришлось соврать, что онъ примѣтилъ его лицо около какой-то фабрики въ Москвѣ.

Вообще городская жизнь не мало оторвала отъ деревни людей, но всѣхъ привязать къ себѣ не могла. Многіе, жившіе и на доходныхъ мѣстахъ, когда счастіе повертывалось къ нимъ спиной, возвращались въ деревню, съ легкимъ сердцемъ брались за полевыя работы и вели ихъ какъ нельзя лучше. У насъ до сихъ поръ работаютъ, и работаютъ за первый сортъ—крестьяне, жившіе въ приказчикахъ, въ довѣренныхъ, въ артельщикахъ, и ничуть не жалуются на свою судьбу.

Я пріѣхалъ въ деревню зимой, около Масляницы. Время было глухое, работъ никакихъ не было, кромѣ ухода за скотомъ, но всѣ были бодрые и веселые. Послѣ цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ въ прошлое лѣто родилось хорошо и озимое, и яровое, особенно хорошъ былъ ленъ; на послѣдній и цѣны стояли высокія. Средняго качества волокно продавалось около пяти рублей за пудъ. Продавши ленъ, многіе, у кого нехватало хлѣба, запасшись хлѣбомъ, заплатили недоимки; тѣ же, у которыхъ были лошади и сбруя, брались, кромѣ того, возить съ рынковъ ленъ въ пункты ихъ крупнаго сбыта, въ сосѣдніе города: Ржевъ, Вязьму. Плата за извозъ была сносная; когда же приходилось захватывать изъ тѣхъ городовъ какой-нибудь клади на обратный путь, то заработокъ былъ и совсѣмъ хорошъ.

Нѣкоторые по зимамъ ѣздили изъ нашего уѣзднаго города въ Москву, возили кладь, сѣдоковъ. Иного сообщенія, кромѣ какъ на подводахъ, у насъ съ Москвой не было, и въ то время много работало на этой дорогѣ. Но работа тутъ была менѣе удачна: дорога большая, движенія много, трактиры частые: нѣкоторыхъ прорывало—загуливали; у нѣкоторыхъ воровали кладь, за которую приходилось отдуваться; кто портилъ лошадь, рвалъ сбрую. Нѣкоторые благоразумные старички предсказывали этимъ извозчикамъ доѣздиться «до кнута», и эти предсказанія надъ многими сбылись.

Великимъ постомъ сынъ нашего бывшаго бурмистра, жившій всю жизнь въ Москвѣ на доходномъ мѣстѣ и нажившій десятки тысячъ денегъ, задумалъ возвести въ деревнѣ хорошую постройку. Онъ купилъ въ одномъ разоренномъ имѣніи княжескій домъ и подрядилъ общество перевозить его. Общество съ радостью взяло этотъ подрядъ. Заработанными деньгами покрылась часть новыхъ податей—это еще болѣе подбодрило крестьянъ.

III.

Съ окончаніемъ зимы мужики стали поговаривать о предстоящихъ работахъ, намѣревались сдѣлать то-то и то-то. Но прежде всѣхъ работъ нужно было встрѣтить и проводить Пасху. Пасха въ деревнѣ—это самый торжественный праздникъ, какъ первый праздникъ весны.

Къ Пасхѣ обыкновенно въ деревню собираются москвичи: фабричные, мастеровые. Всѣ тянутся на это время домой; даже у кого уже не осталось своего дома въ деревнѣ, такъ и тѣ приходятъ къ брату, свату или еще какому-нибудь родственнику. Въ Москвѣ остаются только живущіе въ дворникахъ, лакеяхъ, кухонныхъ мужикахъ. Остаются они на это время въ городѣ по той причинѣ, что тамъ къ праздникамъ дарятъ подарки, даютъ много на чай. Москвичи въ значительной степени оживляютъ деревню, приносятъ массу новостей, новыхъ картинъ, новыхъ книжекъ, разсказовъ про всякую всячину. Они приносятъ домашнимъ обновъ, денегъ. Этимъ пасхальное торжество значительно усугубляется.

Въ ту весну Пасха была особенно веселая, погода въ теченіе праздниковъ была благопріятная, молодежи было много, гулянье всю недѣлю шло небывалое.

На Ѳоминой праздники оборвались, и всѣхъ охватили будничныя заботы. Кто искалъ сѣмянъ для посѣва, кто собирался покупать лошадь, кому нужна была въ аренду земля. Первымъ дѣломъ пошли чинить разнесенные въ половодье мосты, равнять дороги.

Обыкновенно на эти работы собираются съ каждаго тягла по человѣку, и вотъ мужики, дѣлая дѣло, сговариваются о предстоящихъ работахъ и о другихъ общественныхъ дѣлахъ. Въ тотъ годъ у насъ былъ поднятъ вопросъ о заброшенномъ участкѣ земли десятинъ въ 10, который валялся у стороны много лѣтъ, и только въ прошломъ году его снимали подъ ленъ крестьяне одной деревни, гдѣ льноводство было развито довольно значительно.

— А что, ребята,—со вредовой стороной что дѣлать? Опять что ли кому сдать или по себѣ раздѣлить?—поднялся вопросъ.

— Сдать, такъ сдать,—зачѣмъ дѣло стало?

— Зачѣмъ сдавать? Раздѣлить по дворамъ.

— Что ее дѣлить,—валяться будетъ; мало ея у насъ валяется-то! А сдашь—деньги получишь.

— Не будетъ валяться,—посѣешь. Забрызгаешь льномъ или овсомъ,—все приполонъ будетъ.

— Знамо дѣло, люди деньги платятъ да сѣютъ, а намъ чего зѣвать?

— Раздѣлить, раздѣлить!

На другой день всѣ мужики высыпали на вредовую сторону и, вырубивъ нѣсколько шестовъ, начали мѣрять землю въ длину и ширину, потомъ разбивать на полосы и кидать жеребій. Ходили почти цѣлый день и надѣлили на каждый дворъ по пяти полосъ. Почти всѣ надѣялись эти полосы распахать и засѣять.

Вообще земля «входила въ моду». Въ міру было свободныхъ четыре души, оставшихся безъ хозяевъ. Ихъ сначала предложили тоже сдать кому-нибудь, но нѣкоторые стали требовать придѣлить ихъ по рукамъ, и принять землю находилось много охотниковъ. Въ прежнее время осиротѣвшая земля нагоняла страхъ на крестьянъ, имѣвшихъ подростковъ, всякій боялся, какъ бы ему не навязали ее, но теперь нашлось столько желающихъ получить землю, что между ними приходилось дѣлать выборъ: у кого подростокъ старше, кто обладаетъ большею платежеспособностью. Мало того, съ тѣхъ, кому досталась земля, было выговорено по полведра водки за каждую душу, и тѣ охотно поставили водку.

IV.

Запахали у насъ тогда въ концѣ Ѳоминой недѣли. Обыкновенно передъ запашкой собирается сходка, выбирается человѣкъ, которому поручаютъ запахивать, и молятся всѣмъ міромъ Богу. Потомъ выбранный запахивать человѣкъ вечеромъ или утромъ проѣзжаетъ по первому ярусу полосъ поперекъ три борозды, и тогда уже всѣ ѣдутъ пахать.

Я пахалъ первый разъ и волновался, думая, что это очень трудная работа, но дѣло большой хитрости въ себѣ не заключало. Вся суть—правильно запрячь лошадь и уставить соху, на что были выработаны извѣстные пріемы, которые могутъ быть постигнуты съ одного разу. На первой полосѣ я постигъ всю премудрость пахоты, и мнѣ ужъ не нужно было указаній. «Разборка» земли была хорошая, какую рѣдко кто помнилъ. Сытыя лошади ходили ходко. Но сытыя были не у всѣхъ, у многихъ лошади еще не вылиняли: клоки старой шерсти торчали у нихъ и на бокахъ и на спинахъ. Иногда нахальная ворона налетитъ на такую лошадь, выщипываетъ клокъ торчащей шерсти и проворно улетаетъ къ себѣ на гнѣздо. Многія лошади часто останавливаются, и хозяева, какъ ни понукаютъ ихъ, долго не могутъ стронуть съ мѣста. И хозяева должны бываютъ выждать, пока лошадь немного отдохнетъ. Про такія остановки крестьяне иронически замѣчаютъ: такой-то «жаворонковъ слушаетъ»,—хотя тутъ вовсе неумѣстна насмѣшка. Лошадь не идетъ не отъ сладости; у ней нѣтъ силы: или она очень стара, или ей нехватало достаточно корма, всю зиму питалась стрясками; а тутъ передъ работой дали овса, она съ жадностью набросилась на него, набила оскомину на зубахъ и лишилась возможности хотя что-нибудь пережевывать. Бываетъ, что въ сохѣ идетъ жеребая кобыла, ходящая послѣдніе дни. Примѣчательно, что у всѣхъ бѣдняковъ изъ крестьянъ лошади все больше кобылы. Богатый кобылу держитъ рѣдко, развѣ ужъ очень хорошую—«на поконъ»; онъ больше работаетъ на меренкахъ, которымъ и цѣна дороже. Бѣдняки же берутъ, что подешевле, т.-е. кобылъ; кромѣ дешевизны, кобыла соблазняетъ бѣдняковъ надеждою на приплодъ; но такъ какъ хорошій приплодъ бѣдняку трудно удержать отъ продажи, то для себя остается что похуже, т.-е. опять кобылы. И какой

жалкій видъ онѣ имѣютъ за пахотой! Тощія, съ огромнымъ отвисшимъ брюхомъ, съ мокрой головою, съ широко раздутыми ноздрями, изъ которыхъ вылетаетъ паръ, съ измученнымъ взглядомъ, съ дрожащими мышцами тащатся онѣ, еле ступая по полосѣ. Ихъ стегаютъ кнутомъ, онѣ взвизгиваютъ, прикладываютъ уши къ затылку, бьютъ задней ногой, но на это не глядятъ, да и какъ глядѣть? Пахота и такъ туго подвигается... ихъ опять погоняютъ. Часто отъ этого кобылы жеребятся не доносивши, часто заболѣваютъ и валяются по нѣскольку дней.

Пахота мнѣ далась легко, бороньба была еще легче. Не труденъ былъ и посѣвъ. Къ концу мая всѣ работы въ яровомъ полѣ были кончены.

Послѣ этихъ работъ недѣли на двѣ, на три наступаетъ перерывъ. Хлѣба только еще всходятъ и растутъ, трàвы еще не поспѣли. Въ деревнѣ въ это время кто занимается рубкой дровъ, кто строитъ что-нибудь: сарай, овинъ, кто мастеритъ телѣгу, а кто просто гуляетъ. Время это очень веселое. Слѣдующая за этимъ перерывомъ работа бываетъ навозница. Навозницей начинаются главнѣйшія крестьянскія работы, которыя уже съ этихъ поръ пойдутъ безпрерывно вплоть до «бѣлыхъ мухъ», т.-е. до снѣга. Поэтому къ ней приступаютъ съ нѣкоторою торжественностью: запасаются хорошими харчами—мукой для киселя, сельдями, водкой. Иные дѣлаютъ эту работу въ складчину: прежде у одного вывозятъ, потомъ у другого. Нѣкоторые же побогаче нанимаютъ нѣсколько подводъ. Работа эта тяжелая, и на первыхъ порахъ я оказался плохимъ работникомъ. Для работы въ эту пору нужно много увертливости, сноровки и физической силы, чтобы побольше отобрать пластъ навоза, ловчѣй вкинуть его на телѣгу. У меня же этого въ должной мѣрѣ не оказалось, и я съ завистью поглядывалъ на другихъ, работавшихъ хорошо. Въ каждой крестьянской работѣ есть своего рода артисты. Бываютъ артисты и на эту работу. Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревняхъ у насъ есть мужики, которымъ, при наймѣ на навозницу, всегда платятъ дороже другихъ, поятъ водкой. Они, мало того, что сильны, обладаютъ еще необыкновенной ловкостью и находчивостью. Вилы въ навозъ у нихъ всегда втыкаются очень удачно, потомъ они обладаютъ смѣткой въ свое время крикнуть, въ свое время выпустить острое словцо для ободренія другихъ работниковъ, и дѣло подъ ихъ руководствомъ всегда кипитъ: возъ нарывается необыкновенно быстро, укладывается всегда такъ хорошо, что и много на немъ, и не валится съ него. Только срывальщицы жалуются, что такіе воза трудно срывать.

V.

Слѣдующей работой былъ покосъ. Покосъ у насъ начинается около Петрова дня: или дня за два до него, или же на другой день. Обыкновенно передъ этимъ собирается сходка, разбираются осьмаки. Осьмакъ—это такая доля, въ которую входятъ 12 душъ. На эти-то доли и дѣлятъ и землю, и покосъ. Напримѣръ, у насъ въ деревнѣ 102 души, значитъ восемь

съ половиной осьмаковъ. Обыкновенно подбираются семьи съ одинаковымъ количествомъ душъ: полосьматчики, третьяки, четверточники и тягольщики или бакланы, какъ ихъ въ шутку называютъ въ покосное время. Разобравшись съ осьмаками, т.-е. третьяки соединившись съ третьяками, четверточники съ четверточниками, бакланы съ бакланами,—каждый осьмакъ беретъ себѣ жребій, небольшой деревянный цилиндрикъ съ прожженной серединой для насадки на проволоку. Каждый жеребій имѣетъ свою мѣтку: прямая рубка, двѣ прямыхъ, косая рубка, двѣ косыхъ, крестъ, лысинка, перепояска, цѣлый. Жеребья находятся у старосты. Наканунѣ съ каждаго осьмака по человѣку идутъ дѣлить траву. Начинается дѣлежъ съ какой-нибудь линіи: отъ дороги, отъ поля, отъ загородки. По этой линіи косами вымѣриваютъ ея ширину. Положимъ, отмѣряли 85 косъ, потомъ 40 косъ въ длину, потомъ одинъ идетъ по первоначальной линіи, а другой параллельно, и черезъ каждыя 10 косъ дѣлаютъ закоски. Если гдѣ трава не ровна, то отъ одной полосы убавляютъ, къ другой — прибавляютъ. Если гдѣ выходитъ немного не точно, то говорятъ: «Ну, равняй Богъ жеребьемъ на другой полосѣ». Такимъ образомъ получается $8^1/_2$ полосъ одинаковой мѣры.

Сдѣлавши по одной полосѣ, дѣлаютъ по другой. Если трава ровна, то полосы дѣлаютъ большія, если не ровна, то—маленькія: маленькими полосами лучше не ошибешься. Къ утру надѣлаютъ полосъ по 15, по 20. Утромъ же чуть свѣтъ встаютъ и идутъ къ первой полосѣ. Староста вынимаетъ жеребья, опускаетъ ихъ къ кому-нибудь въ шапку, объявляетъ, откуда будетъ первая полоса—«отъ солнца», «отъ дороги», «отъ деревни» и т. п., и жеребья трясутъ; потомъ сажаютъ ихъ на проволоку въ томъ порядкѣ, въ какомъ они выскакиваютъ изъ шапки, громко выкрикиваютъ, какой жеребій какъ выскочилъ: «двѣ прямыхъ»—первый, «крестъ»—второй, «цѣлый»—третій и т. д. Иногда какой-нибудь балагуръ, выкрикивающій жеребья, позволяетъ себѣ шутки. Напримѣръ, нужно кричать «лысый», онъ выбираетъ плѣшиваго мужика и кричитъ его имя: «Василій Петровъ—первый»! «Марья Сергѣевна (косая баба)—вторая»! Покосники гогочутъ и идутъ отыскивать свои осьмаки. Отыскавъ осьмаки, мужики становятся на закоски и проходятъ броды, чѣмъ отдѣляютъ одинъ осьмакъ отъ другого. Потомъ измѣриваютъ осьмакъ косами, дѣлятъ ихъ на надлежащія доли и бросаютъ жеребій между себя, и кому какая доля достанется, ту и начинаютъ косить.

Все это очень просто, дѣлается быстро и выходитъ очень вѣрно. Если тягольщикъ везетъ возъ сѣна домой, то съ четвертки получаютъ полтора, съ трети два. Ни больше ни меньше. Можетъ быть, у кого будетъ разница на пудъ, на два—и только. Косили, пока на травѣ была роса. Когда же роса обсыхала, шли домой и пили чай.

Чай уже въ то время входилъ въ большое употребленіе, самовары заводились почти во всякомъ дворѣ. И нужно отдать ему полную справедливость: чай въ рабочее время для крестьянина безцѣнное средство. Какъ

устанешь въ покосѣ, жнитво, молотьбу! Въ горлѣ пересохнетъ, руки и ноги ослабнутъ, языкъ не ворочается. Иногда съ луга или изъ поля еле двигаешься, думаешь про себя: «ну, теперь безъ отдыха ужъ я больше не работникъ». Но попьешь чаю, и все какъ рукой сниметъ: весь оживишься, усталости какъ не бывало, опять идешь куда угодно и работаешь до вечера.

На самовары сначала въ деревнѣ нападали. Особенно старики. Его называли «шипящимъ мѣднымъ зміемъ» и новымъ бариномъ. Новымъ бариномъ самоваръ называли потому, что на чай, сахаръ для семьи приходилось работать лишнюю десятину. «Ну, что за бѣда,—говорили почитатели самовара,—поработаемъ и на новаго барина, онъ всетаки милостивѣй: не бранитъ, не поретъ, а чайкомъ поитъ; а въ рабочую пору какъ хорошо косточки-то имъ пораспарить, точно возъ съ себя снимешь».

Кромѣ того что чай прогоняетъ усталость, онъ нерѣдко служитъ подспорьемъ въ харчахъ, замѣной варева. Напримѣръ, въ покосъ или жнитво—какой можетъ быть ужинъ? Печка топится утромъ, и къ вечеру въ ней одно прокиснетъ, а другое засохнетъ. При самоварѣ же былъ бы хлѣбъ—чай съ молокомъ всякое варево замѣнитъ.

Напившись чаю послѣ покоса, молодежь отправляется на лугъ огребать подкошенную траву, а пожилые сушатъ и убираютъ сѣно у сарая. Высушивъ сѣно и убравъ его, собираются и ѣдутъ на лугъ. Когда я былъ еще мальчикомъ, то для ѣзды на лугъ тогда не было никакого порядка, а какъ кто управится, такъ тотъ и поѣдетъ. Теперь же установили порядокъ: ѣхать должны были всѣ въ одно время; въ 4 часа у одного изъ сараевъ, находящагося на серединѣ деревни, выкидывается флагъ, и вся деревня длиннымъ гужомъ, съ немилосерднымъ громомъ и трескомъ, устремляется на лугъ. Сѣно поднимается дружно, въ какой-нибудь часъ-два, потомъ лугъ весь пустѣетъ и по немъ только перепархиваютъ черные грачи да вороны, ища шмелиныхъ гнѣздъ да червяковъ себѣ въ пищу.

Послѣ покоса наступало жнитво, молотьба, сѣвъ, уборка ярового. Время шло просто невидно, и совсѣмъ незамѣтно подкралась осень.

VI.

Въ это лѣто крестьянскіе труды вознаградились очень хорошо. Уродилось всего въ изобиліи—и сѣна, и ржи; но особенно много уродилось льна и овса, и цѣны на эти продукты опять стояли высокія. Подати и за этотъ годъ были уплачены безъ натяжки. Предполагалось пустить больше скота, и почти всѣ стали уже сами пріискивать земли на сторонѣ, кто подъ ленъ, кто подъ овесъ. Чувствовалось, что такая высокая продуктивность надѣльной земли случайная. Измѣнись цѣны на ленъ или овесъ, или не уродись рожь, опять плохо придется; а лучше ужъ побольше посѣять: съ большого поля можно больше и ждать.

Какъ я позже узналъ, этотъ разсчетъ былъ очень основателенъ. Кре-

стьянскій надѣлъ при среднемъ урожаѣ дѣйствительно не очень много давалъ.

Въ урожайный годъ онъ можетъ принести только слѣдующее:

Двѣ души ржи при полномъ посѣвѣ въ 20 мѣръ, при урожаѣ самъ три за вычетомъ сѣмянъ дадутъ	40	мѣръ.
3 четв. овса за вычетомъ сѣмянъ дадутъ	4½	мѣры.
1½ мѣры сѣмени льняного дадутъ прибыли	4½	»
Волокна	5	пудовъ.
Травы съ двухъ душъ накосятъ	8	возовъ.
На усадьбѣ 1 мѣра конопель принесетъ	5	мѣръ.
Пеньки получится	2	пуда.
Картофель, при посѣвѣ 12 мѣръ, дастъ	60	мѣръ.

Перевести все это на деньги, получится:

40 мѣръ ржи по 50 к.	20 р.	— к.
6 четв. овса по 3 р.	18 »	— »
4½ мѣры сѣмени по 1 р.	4 »	50 »
5 пуд. волокна по 2 р. 50 к.	12 »	50 »
5 мѣръ конопли по 90 к.	4 »	50 »
2 пуд. пеньки по 2 р.	4 »	— »
48 мѣръ картофеля по 10 к.	4 »	80 »
8 возовъ сѣна по 2 р. 50 к. за возъ	20 »	— »
Итого	88 р.	30 к.

Изъ этого пойдетъ на собственное продовольствіе:

Рожь безъ остатка	20 р.	— к.
1 четв. овса	3 »	— »
1½ мѣры сѣмени	1 »	50 »
2 пуда волокна	5 »	— »
Конопли	4 »	50 »
½ пуда пеньки	1 »	— »
Сѣна	20 »	— »
Картофеля	4 »	80 »
Итого	59 р.	80 к.

Остается на сбытъ 28 р. 50 к.

Изъ этой суммы нужно будетъ истратить:

На мельницу	1 р.	25 к.
» маслобойню	1 »	62½ »
Податей выкупныхъ, земскихъ, государственныхъ и частныхъ	16 »	— »
Страховки	1 »	50 »
Пастушни	2 »	— »
Итого	22 р.	37½ к.

Остается 6 р. 12½ к. Кромѣ этого остается солома, мякина, кое-какіе овощи; но все это пойдетъ на кормъ и подстилку скоту и на соб-

ственное потребленіе. Но на денежный остатокъ нужно, если семья больше трехъ человѣкъ на этомъ надѣлѣ, прикупить хлѣба, такъ какъ своего недостаточно, справить обувь, одежду, купить дровъ, освѣщенія, дегтю для подмазки колесъ, соли, солоду, крупъ, чайку, сахарку, заплатить священнику, справить престольный праздникъ и сшибокъ, отложить на случай какой невзгоды: неурожая, похоронъ, на ремонтъ постройки, на починку или замѣну отслужившаго инвентаря и проч., и проч. Конечно, съ надѣла это имѣть—и думать нельзя, и нужно или добывать на это на сторонѣ—у насъ большею частью въ Москвѣ—или же брать въ аренду земли и лишнее «присѣвать» тамъ.

И вотъ многіе бросились добывать арендной земли. У насъ земли для аренды было достаточно: кругомъ насъ было три до сихъ поръ пустовавшихъ имѣнія, гдѣ ее и можно было найти. Владѣльцы имѣній подбодрились и стали устанавливать цѣну на землю, чего прежде не было, а за сколько кто сторгуетъ, за столько и снимаетъ. Подъ ленъ за десятину назначили 10 руб., подъ овесъ—5 руб. на одно лѣто. Но эта цѣна была «сходная», такъ какъ помѣщичьи земли родили первые годы не въ примѣръ крестьянскимъ. Всѣ опѣ во время барщины хорошо удобрялись, а потомъ гуляли. Урожаи льна и овса на этихъ земляхъ прямо были двойные. На другой годъ урожай ржи, овса и травъ тоже вышелъ хорошимъ, но ленъ пострадалъ отъ червяка. Сѣмени его собрали совсѣмъ мало, и волокно вышло плохого качества. Цѣны на него сразу стали грошевыя. Много сѣявшіе льна были совсѣмъ обезкуражены.

«Вотъ такъ ленокъ,—говорили они,—то выручитъ, а то выучитъ».

На слѣдующій годъ льна у насъ посѣяли совсѣмъ немного, зато много раскидали овса. «Овесъ способнѣй: отъ него денежки и кормокъ и хлопотъ съ нимъ меньше»,—говорили у насъ. И дѣйствительно, овесъ очень много способствовалъ подъему хозяйства: начало прибавляться скота и повышаться годъ отъ году и урожайность, и общее благосостояніе крестьянъ.

VII.

Мало-по-малу внѣшній видъ деревни началъ мѣняться. Избы строились уже не «по-черному», а непремѣнно съ трубами. Крыть ихъ начали вмѣсто соломы щепой, на крышахъ появились слуховыя окна, внутри избъ забирались перегородки, на окнахъ заводились занавѣски. Сначала надъ этими занавѣсками смѣялись. «Это они, когда обѣдать, будутъ занавѣшиваться. Подъ Москвой все такъ: тамъ, какъ обѣдать—занавѣсятся, потому на столѣ нѣтъ ничего, а какъ чай пить, окна раскроютъ».

Начались перемѣны и въ одеждѣ; самотканки стали вытѣсняться ситцами: при крайне дешевыхъ цѣнахъ на ситецъ не было разсчета прясть и ткать холсты прежними способами, выгоднѣй было продать ленъ и на эти деньги накупить ситца. Прежніе зипуны и кафтаны стали замѣняться кофтами и пиджаками (легче и матеріи меньше пойдетъ). Праздничная одежда

пошла тоже на «нѣмецкій фасонъ»: казакины замѣнялись «дипломатами», у ребятъ завелись брюки, у дѣвокъ шерстяныя платья съ басками.

Въ появленіи этихъ перемѣнъ была повинна Москва. Всѣ эти «фасоны» перекинулись въ деревню оттуда чрезъ отцовъ, братьевъ и другихъ домочадцевъ, жившихъ тамъ. Съ городской одеждой вторгались въ деревню городскіе мотивы въ пѣсняхъ и въ играхъ. Въ хороводахъ попрежнему распѣвались «Травушка-муравушка», «Взойди, взойди, солнышко» и «Настя ты моя, Настасья» — мелодичныя, содержательныя, полныя жизненной правды и интереса, но онѣ начали передаваться уже съ болѣе легковѣсными порожденіями фабричной жизни. Новыя струи пробивались и въ обыкновенныхъ, не хороводныхъ, а такъ называемыхъ тяговыхъ пѣсняхъ. Вмѣсто «О чемъ задумался, служивый», «Ты воспой, воспой, младъ соловушка», «Ужъ мы сядемъ съ милымъ рядомъ», «Снѣги бѣлые пушистые» стали пѣть уже чисто «собачьи», какъ ихъ окрестили любители старины:

„Стояла я у озера,
Калоши приморозила.
Часты дождички пошли—
Мои калоши отошли“.

Или:

„Не на то мальчикъ родился,
Чтобъ работу работать,
А на то мальчикъ родился
Чтобъ попить и погулять“.

Въ нихъ нѣтъ ни музыки, ни содержанія, ни смысла, вмѣсто движеній человѣческой души въ нихъ отражаются аппетиты разнузданнаго забулдыги, видящаго все житейское благополучіе за трактирнымъ столомъ.

Кромѣ новыхъ пѣсенъ въ деревню стали проникать и новыя игры для молодежи, имѣющія не деревенское происхожденіе: «вьюны», «сосѣди». Въ игрѣ во «вьюны» парень или дѣвка выходятъ на середину круга и расхаживаютъ по немъ, иногда такъ, иногда приплясывая, и имъ поютъ какую-нибудь пѣсню, непремѣнно оканчивающуюся — «поцѣлую, прочь пойду». Тогда парень беретъ себѣ смѣну. Оставшейся поютъ новую пѣсню. Пѣсни въ этихъ случаяхъ поютъ иногда очень несложныя, напримѣръ:

„Въ огородѣ сарай,
А въ сараѣ сѣно;
Овцы сѣно ѣдятъ,
Цѣловаться намъ велятъ“.

Или:

„Журавли вы, долги ноги,
Не нашли пути-дороги,
Пролетѣли стороной,
Прочертили бороной,
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная“.

Понемногу стало распространяться нѣчто вродѣ танцевъ—кадрили, на-

примѣръ. Соберутся нѣсколько паръ, запоютъ «метелицу» или «цѣпочку» и танцуютъ до седьмого пота.

Для такихъ игръ въ зимнее время требуется избушка. Молодежь снимаетъ ее у кого-нибудь и ходитъ туда, пожилые идутъ глядѣть на ихъ игры. Получается нѣчто подобное клубу, хотя очень самобытному и оригинальному.

VIII.

Школы въ нашей деревнѣ не было. Она была верстахъ въ 7 по зимнему пути. Въ содержаніи ея, однако, участвовала и наша деревня, но въ то время ею пользовались мало, по той причинѣ, что она отстояла далеко: зимой ребенку нужно было пріискивать квартиру, а это было сопряжено съ нѣкоторыми расходами. Потомъ учила въ школѣ учительница, и этимъ были тогда недовольны. Отъ учительницы не ждали никакого толку, потому что она «баба» и у ней «волосъ дологъ». Такое отношеніе мнѣ приходилось наблюдать не только къ той учительницѣ, которая тогда дѣйствительно занималась плохо, но и къ другимъ, вполнѣ стоящимъ на высотѣ своего положенія. Основывалось оно на томъ, что «у ней настоящей строгости быть не можетъ». Потребность въ грамотѣ всетаки уже была. Вытекала она изъ того обстоятельства, что грамотный куда ни на есть лучше пробьется: и въ Москвѣ скорѣе мѣсто найдетъ, и въ солдатахъ ему легче будетъ. Поэтому въ деревнѣ былъ свой учитель. Это былъ одинъ крестьянинъ. Онъ набиралъ зимой нѣсколько мальчиковъ и училъ ихъ, получая за «учебу» по гривеннику въ недѣлю съ каждаго.

Дѣвочекъ еще не считали нужнымъ учить. «Ну, куда ей грамотѣ учиться, не за лавочника, чай, замужъ-то пойдетъ. Пеленки-то безъ записки не растеряетъ».

Старинныя понятія не выкуривались еще во многомъ. Суевѣрія въ то время были развиты почти что какъ и во время моего дѣтства. Вѣрили, что дѣлаютъ «пережины», въ «глазъ», въ «доспѣвъ». Въ болѣзняхъ обращались за помощью къ бабкамъ, старикамъ, умѣющимъ заговаривать. Больницы боялись, говорили, что тамъ рѣжутъ людей. Говорили о порчѣ на свадьбахъ. Но сильнѣе всего была вѣра въ пятницы, въ то, что Богъ накажетъ за работу въ эти дни, а также въ маленькіе праздники: Казанскую, Смоленскую, Тихвинскую, Ильинъ день. Утверждали, что Богъ грозу пошлетъ, вихремъ за это разнесетъ и т. п. Разсказывались такіе случаи, бывшіе, должно быть, еще во времена крѣпостного права: крестьяне захотѣли почесть Ильинъ день, а управитель нѣмецъ не захотѣлъ этого: было много сѣна подкошено. И велѣлъ онъ собирать мужиковъ—убирать сѣно. Мужики собрались, принялись за работу, вдругъ разразилась гроза—все залило, сарай съ сѣномъ спалило. Закаялся нѣмецъ работать въ этотъ день.

Еще разсказывали — былъ случай, какъ одна баба хотѣла въ Смолен-

скую сѣно посушить. Только она растрясла сѣно и стала его ворошить, какъ откуда ни возьмись вихорь: налетѣлъ на бабу, поднялъ ее кверху, да какъ хлопнетъ о землю, а сѣно размело Богъ знаетъ куда, разметало его по клочкамъ, такъ что и собрать было нельзя.

Не допускалась пахота въ праздничные дни, приводилась пословица: «Въ праздникъ пашеньку пахалъ, въ будни лошадь проискалъ», намекавшая на то, что Богъ найдетъ, чѣмъ за это покарать. По этимъ причинамъ почитаніе праздника строго соблюдалось. Наканунѣ староста ходилъ подъ окнами и вѣстилъ: «завтра не работать», и никто уже не смѣлъ идти работать, а направлялись въ лѣсъ за ягодами, за грибами, за орѣхами.

Проявлялись суевѣрія и въ другихъ случаяхъ.

— Сколько рожь можетъ родить на нашей землѣ? — спрашивалъ я у нѣкоторыхъ хозяевъ.

— Сама третья,—сама четвертая-то рѣдко когда.

— И такъ у всѣхъ, ни у кого больше?

— У Артамонихи вонъ бываетъ, чай, сама шестая, да то у Артамонихи, а не у насъ.

— Отчего же у ней лучше родится?

— Оттого, что она такой человѣкъ.

— Чѣмъ же она отличается отъ другихъ?

— Слово знаетъ. У ней вотъ уродится, а у насъ нѣтъ. У ней и рожь, и ленъ, и овесъ—все лучше другихъ идетъ; скотина сытѣй, коровы молока больше даютъ, куры и то больше несутся.

— Да отчего же такое?—недоумѣвалъ я.

— Съ нечистымъ знается,— таинственно сообщали мнѣ.—У ней свекровь колдунья, черезъ нее и она маракуетъ. Поди-ка купи что у ней, небось не разживешься.

Повѣрить тому, что удача въ хозяйствѣ Артамонихи есть слѣдствіе того, что она знается съ «нечистой силой», я не могъ, поэтому меня затронуло любопытство, какъ она добивается подобныхъ результатовъ. Артамониха была вдова, но она жила съ братомъ своего мужа. Онъ былъ холостой, и она была ему вмѣсто жены. Жили они много лѣтъ такъ, у нихъ была куча ребятишекъ. Одинъ былъ мой сверстникъ. И то ли обстоятельство, что ихъ семья была незаконная и поэтому они испытывали какъ бы виновность передъ другими, или то, что они,—какъ было слышно,—принадлежали къ какой-то сектѣ, они были по отношенію къ другимъ самые мирные люди; всегда трезвые: никто изъ нихъ никогда не пилъ ни водки, ни пива, ни чаю даже,—не курили табаку, всегда ко всѣмъ ласковые и услужливые; никогда ни съ кѣмъ они не ссорились, не тягались; на общественныхъ работахъ Сильверстъ, деверь Артамонихи, шелъ всегда впереди всѣхъ, дѣлалъ больше всѣхъ; никогда онъ не льстился на сосѣднюю дровину, клокъ сѣна; никогда никого не задиралъ ни по сосѣдству, ни на сходкѣ. На зиму онъ ходилъ въ Москву и жилъ въ дворникахъ у од-

ного каретника. Хозяинъ былъ «чортъ», мѣсто безпокойное; никто не выживалъ на этомъ мѣстѣ и мѣсяца, а Сильверстъ жилъ по цѣлымъ зимамъ ужъ лѣтъ двадцать подъ рядъ.

Сойдясь съ ихъ парнемъ Егоромъ и выспрашивая его о подробностяхъ ихняго хозяйства, я догадался о причинѣ такой успѣшности его. Они, оказывалось, работаютъ такъ, что все старанье направляютъ на то, чтобы было сдѣлано какъ можно лучше. Они не задорятся, не торопятся, а если пашутъ, такъ ужъ такъ, чтобы ни одного грѣха не было, боронуютъ, косятъ, жнутъ—тоже, чтобы было первый сортъ. Рогатый скотъ у нихъ ведется не какой-нибудь, а они добываютъ въ одной экономіи, гдѣ ведется спеціальное молочное хозяйство, держатъ телятъ и выращиваютъ ихъ. Кормятъ они его хорошо, поятъ правильно. Куры у нихъ тоже особой породы. Сѣмена отборныя. Зерна они продаютъ только охвостье; поэтому, конечно, кто купитъ у нихъ ихъ для посѣва, не разживется.

IX.

Старательныя и заботливыя семьи были не у одной Артамонихи; были и другіе хорошіе хозяева, но у нихъ не въ такой степени соотвѣтствовали ихней старательности и ихъ общая жизнь, и отношенія къ другимъ. Первыми послѣ этой семьи можно было назвать Ивана Нужду и Степана К.

Иванъ Нужда прозвалъ себя этимъ прозвищемъ самъ. Прозвалъ онъ себя по тому случаю, что когда его отецъ выдѣлилъ изъ своего дома за пьянство и за сварливый характеръ его жены, то ему досталась одна корова да старенькій сарайчикъ. Глядя на свое имущество, онъ какъ-то пьяный сказалъ: «За что ни хватись, все въ люди катись — во всемъ нужда; буду я теперь Иванъ Нужда». И это прозвище осталось за нимъ.

Но въ нуждѣ ему пришлось жить недолго. Онъ занялъ у шурина денегъ, купилъ по случаю избенку, на дворъ лѣсу навозилъ изъ окружающихъ лѣсовъ тайкомъ, и построился. Жена его взяла двухъ питомцевъ изъ Воспитательнаго дома, заложила ихъ билеты барышнику, и они начали хозяйствовать. Работали они старательно. Пить Ивану жена не давала. Понемногу они завели порядочно скота, раздобылись хорошими сѣменами ржи, хлѣбъ у нихъ сталъ родиться отличный; они стали покупать покосовъ на сторонѣ, выращивали и продавали скотъ. Баба какъ-то приспособилась брать грибы и ухитрялась находить ихъ тамъ, гдѣ другимъ не удавалось. Въ урожайный на грибы годъ она нанашивала на 20—30 рублей. По всему этому ихъ домъ за нѣсколько лѣтъ сдѣлался однимъ изъ хозяйственныхъ домовъ.

Степанъ К. смолода отличался тѣмъ, что пьянствовалъ, ходилъ жить въ Москву, но не приносилъ оттуда ни копейки. Отецъ его неоднократно поролъ, но ничто не помогало. По смерти отца онъ бросилъ пить, пересталъ курить, поселился въ деревнѣ и сдѣлался однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ крестьянъ. Никто раньше его не вставалъ въ деревнѣ, никто

больше его не переворачивалъ земли. Жена ему попалась изъ сѣрой работящей деревни, крѣпкая; выносливая. Она безропотно шла куда угодно вслѣдъ за мужемъ. Дѣтей она ему нарожала здоровыхъ, правда, умственно-туповатыхъ, зато физически крѣпкихъ. Они тоже брали питомцевъ, или «шпитонковъ», какъ у насъ ихъ зовутъ, потомъ, отдавали дѣвокъ въ работницы. Кромѣ своей работы они нанимались—у кого пахать, у кого молотить. Зимою Степанъ возилъ ленъ, дрова, еще что, праздно время у него не проходило никогда, зато у нихъ имѣлось все—и хлѣбъ, и одежда, и сбруя.

Была въ то время у насъ одна семья, которая даже копила деньги съ своего тягла. Это была одна вдова съ дочерью. Деньги, впрочемъ, у нихъ остались послѣ мужа вдовы, но онѣ ихъ не только не истратили, а еще пріумножили. Лѣтъ за 15 передъ тѣмъ вдова приняла было въ домъ зятя къ дочери, но зять у нихъ не ужился, ушелъ въ Москву, завелъ тамъ другую семью и остался тамъ навсегда. Не понравилось зятю то, что вся цѣль жизни его тещи съ женой была—какъ можно болѣе добыть и какъ можно меньше прожить. Поэтому онѣ—мало того, что однѣ, безъ найма, обрабатываютъ свое тягло, но нанимаются у всѣхъ, кто только пожелаетъ ихъ нанять на какую-либо работу. Ѣдятъ онѣ дома кое-что. Хлѣбъ умышленно дѣлаютъ невкусный; мясо если заведется, то онѣ непремѣнно его протушатъ; творогъ прогоркнетъ. Онѣ продаютъ и яйца, и масло, и теленка, и ягненка,—ничего у нихъ нѣтъ завѣтнаго. Онѣ возьмутъ рабочаго на харчи, пустятъ прохожаго, торговца татарина ночевать, конечно, за плату. Старуха прежде торговала было водочкой, принимала заклады, но ее надували: то возьмутъ въ долгъ, да не отдадутъ, то принесутъ мѣшокъ золы вмѣсто муки, то побьютъ стекла; потомъ разъ подвели урядника, и она перестала торговать. Онѣ такъ же брали питомцевъ, но тѣ у нихъ мерли, какъ мухи. Во всѣхъ этихъ семьяхъ уходъ за дѣтьми былъ очень плохой, особенно въ лѣтнюю пору. Взрослые всѣ уходятъ на работу, съ дѣтьми остаются няньки, сами еще дѣти лѣтъ 7—8. Онѣ, конечно, не могли путемъ ни уходить, ни накормить дѣтей, за ними самими еще былъ нуженъ надзоръ. Но въ послѣдней семьѣ никакихъ нянекъ не полагалось: своихъ нянекъ не было, а нанимать не входило въ ихъ разсчеты. Поэтому шпитонку приходилось оставаться въ люлькѣ чуть ли не на весь день съ огромной соской во рту. Ребенокъ сначала кричитъ до хрипоты; сосѣди слышатъ, но не могутъ войти въ избу, такъ какъ она кругомъ заперта. Потомъ ребенокъ заболѣваетъ и черезъ нѣсколько дней умираетъ. Въ первый праздникъ его хоронятъ; потомъ берутъ еще. Умиралъ второй, брали третьяго, убытку имъ отъ этого не было.

Сергѣй Семеновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Современные французскіе дѣятели.

Жоржъ Клемансо.

I.

«Отдыха для народа не существуетъ, его законъ, какъ и законъ всякаго организма есть дѣятельность и перемѣна» *). Эти слова французскаго политическаго дѣятеля Жоржа Клемансо, относящіяся одинаково, какъ къ совокупности народа, такъ и къ отдѣльнымъ вышедшимъ изъ него группамъ, можно приложить и къ французской республиканской партіи. И въ самомъ дѣлѣ, ея исторія, за послѣдніе тридцать лѣтъ, не что иное какъ дѣятельность и перемѣна, какъ безпрерывное стремленіе выработать прочное, соотвѣтствующее современнымъ потребностямъ отношеніе къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что республиканская партія, получившая въ 1879 г., съ выборовъ въ президенты Жюля Греви, вмѣсто Макъ-Магона, въ свои руки всю власть страны, обязывала этимъ самымъ приступить къ практической дѣятельности.

Но тогда и обнаружились существующія въ ея средѣ разногласія. Хотя всѣ республиканцы были связаны однимъ идеаломъ создать и упрочить республиканскую форму правленія, они расходились во многихъ другихъ вопросахъ. Отступившіе на второй планъ, когда приходилось бороться прежде всего за самую республику, эти разногласія проявились, какъ только дошло до приложенія принциповъ къ жизни. И чѣмъ больше республиканская партія пріобрѣтала значенія въ странѣ, на счетъ не исчезнувшихъ еще и теперь монархистовъ, тѣмъ больше въ ея собственной средѣ происходила въ высшей степени важная дифференціація.

Такъ, напримѣръ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ республиканской партіи существовали только два опредѣленныя теченія: умѣренно-республиканское, такъ называемые оппортюнисты, съ одной стороны, и радикалы—съ

*) Discours sur la Révision prononcé à la Chambre des deputés 6 mars, 1883, édité en brochure par la librairie Marpon et Flammarion.

другой. Въ девяностыхъ годахъ, на ряду съ этими двумя республиканскими фракціями, въ палатѣ выступила, какъ важный политическій факторъ, новая партія,—партія такъ называемыхъ *коллективистовъ*. Но этимъ дѣленіе республиканскихъ партій не кончилось. Происходившая года два тому назадъ по поводу дѣла Дрейфуса борьба вызвала еще новыя принципіальныя разногласія.

Въ двухъ разныхъ лагеряхъ республиканской партіи—умѣренныхъ и коллективистовъ, появились два новыя теченія, одинаково заявившія себя, хотя по побужденіямъ весьма различнымъ, противниками политической непримиримости и политическаго догматизма.

Такимъ образомъ теперь въ республиканской партіи можно указать, по крайней мѣрѣ, на пять различающихся одна отъ другой политическихъ фракцій.

Каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ выдающихся представителей въ парламентѣ и прессѣ, на дѣятельности которыхъ и можно лучше всего изучить различныя направленія французской республиканской идеологіи.

Мы начинаемъ съ Клемансо, какъ представителя радикальной партіи. Мы выбираемъ его, хотя радикальная партія имѣетъ другихъ, не менѣе выдающихся представителей, какъ Леонъ Буржуа и Бриссонъ, потому что никто не остался такъ вѣренъ старой республиканской программѣ, какъ Клемансо.

Самый бурный и интересный періодъ дѣятельности Клемансо относится къ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда во главѣ правительства два раза находился Жюль Ферри.

Оппортюнизмъ тогда только что выступалъ, какъ вполнѣ опредѣлившаяся доктрина, и начиналъ уже оказывать свое разлагающее вліяніе въ рядахъ республиканской партіи и вызывать индифферентизмъ среди обманутой въ своихъ надеждахъ городской массы. Заслуга Клемансо предъ французскимъ народомъ состоитъ именно въ томъ, что онъ своей борьбой противъ оппортюнизма, во имя республиканскихъ традицій, поддержалъ въ массѣ вѣру въ лучшее будущее.

Никто изъ современныхъ ему дѣятелей не былъ въ такой степени проникнутъ этическимъ идеализмомъ людей сороковыхъ годовъ и гуманнымъ и благороднымъ раціонализмомъ дѣятелей великой революціи.

Клемансо вѣрилъ въ доктрину Кондорсе о способности человѣческаго рода къ безконечному совершенствованію, онъ былъ убѣжденъ въ неминуемомъ торжествѣ разума и естественныхъ человѣческихъ правъ и всѣми силами своей души призывалъ царство справедливости.

Конечно, Клемансо могъ дѣлать ошибки и въ личной, и въ политической жизни, но о нравственномъ обликѣ человѣка нужно судить по сравненію его съ современниками. А послѣ такого сравненія личность Клемансо поднимается на удивительную высоту.

Но на дѣятельности Клемансо, относящейся къ началу восьмидесятыхъ годовъ, мы не будемъ останавливаться, такъ какъ на страницахъ

этого же самаго журнала читатель можетъ найти свѣдѣнія, относящіяся къ жизни и къ дѣятельности Клемансо до періода буланжизма *).

Мы будемъ описывать его дальнѣйшую дѣятельность, а главнымъ образомъ остановимся на характеристикѣ его политическихъ и общественныхъ взглядовъ. Раньше, чѣмъ перейти къ нашему сюжету, скажемъ нѣсколько словъ о Клемансо, какъ объ ораторѣ.

Клемансо принадлежитъ къ той категоріи ораторовъ, краснорѣчіе которыхъ состоитъ въ силѣ отдѣльныхъ словъ. Онъ не пользуется ни поэтическими образами, ни метафорами, какъ это дѣлаетъ большая часть хорошихъ французскихъ ораторовъ. Онъ говоритъ короткими фразами въ нѣсколько словъ, изъ которыхъ каждая выражаетъ цѣльную законченную, самостоятельную мысль. И эти острыя, сильныя, жгучія фразы сыплются на несчастнаго противника съ необычайной быстротой. Онѣ обдаютъ холодомъ, какъ порывы вѣтра, причиняютъ физическія страданія, какъ острыя струи проливного дождя, падающія на незащищенное лицо.

Клемансо рѣдко поднимается на высоту доктрины въ своихъ спорахъ. Онъ остается ораторомъ данныхъ особенныхъ обстоятельствъ, исключительнаго момента. Онъ не ищетъ поучительнаго, съ общей точки зрѣнія, въ ошибкахъ, слабостяхъ и даже преступленіяхъ своего противника, не старается установить ихъ общность со слабостями и ошибками цѣлой группы людей, онъ не отдѣляетъ личной отвѣтственности противника отъ отвѣтственности его общественной группы или класса.

Клемансо прежде всего боецъ. Онъ видитъ передъ собой личность съ полною отвѣтственностью, и подвергаетъ критикѣ ея дѣятельность во всѣхъ частностяхъ. Онъ вскрываетъ одно за другимъ противорѣчіе противника, изобличаетъ его ложь и выводитъ напоказъ, на общественную хулу всю его совѣсть. Онъ не даетъ своей жертвѣ ни минуты отдыха, выгоняетъ ее изъ послѣдняго убѣжища. Какъ китоловъ, выжидающій моментъ, когда раненая жертва покажется надъ водой, чтобы наносить ей новые и новые удары, Клемансо бросаетъ свои уничтожающія слова, наноситъ удары при всякой попыткѣ противника поднять голову. И тогда, когда безпомощный противникъ стоитъ обезсиленный передъ грознымъ приливомъ, въ которомъ слышится слово правосудія, негодованіе, возмущеніе и гнѣвъ наполняютъ душу слушателей.

Французскій парламентъ едва ли зналъ другого такого безжалостнаго оратора. Благодаря своему ораторскому таланту, Клемансо и сдѣлался грозою французскихъ министровъ и получилъ прозвище «tombeur des ministères»—разрушитель министерствъ. До какой степени послѣднія боялись его, можно судить изъ слѣдующаго діалога, который завязался между нимъ и Жюлемъ Ферри въ одномъ изъ засѣданій палаты.

При обсужденіи вопроса о пересмотрѣ конституціи Клемансо сказалъ между прочимъ слѣдующія слова:

---

*) *Русская Мысль*, январь, 1893 г.

«Министръ-президентъ взялъ на себя обязательство по отношенію къ вамъ, но это было во снѣ: онъ видѣлъ во снѣ, что если кабинетъ проживетъ еще два года»...

Министръ-президентъ, Жюль Ферри, перебилъ его вопросомъ:

«Отъ кого же это зависитъ?»

«Отъ васъ, не отъ меня»,—отвѣтилъ Клемансо.

«Это зависитъ отъ васъ,—возразилъ Жюль Ферри,—вы уже свалили два министерства» *).

Такое вліяніе приписывалъ Клемансо самый смѣлый и самый сильный изъ вождей оппортюнизма.

II.

Сильное недовольство, вызванное во Франціи разорительною политикою оппортюнизма и такъ называемою «республиканскою концентраціей» родило буланжистское движеніе. Послѣднее, направлявшееся сначала противъ недостатковъ парламентскаго режима, обратилось впослѣдствіи, когда къ нему присоединились клерикальные и монархическіе элементы, въ движеніе противъ республиканскихъ учрежденій.

Въ эту эпоху, когда неописуемая паника охватила громадное большинство республиканцевъ, Клемансо оказался однимъ изъ немногихъ дѣятелей, видѣвшихъ настоящія причины зла и предлагавшихъ раціональныя мѣры для его прекращенія.

И Клемансо занялъ это опредѣленное положеніе съ самаго начала. Нужно замѣтить, что до извѣстнаго времени генералъ Буланже былъ личнымъ другомъ Клемансо. Послѣднему онъ былъ обязанъ своимъ портфелемъ военнаго министра въ кабинетахъ Фрейсине и Гобле. Когда Буланже замѣшался въ политическую агитацію, бывши еще на дѣйствительной службѣ, Клемансо осуждалъ его самымъ категорическимъ образомъ **). Когда буланжистская агитація усилилась и дружескіе совѣты Клемансо перестали дѣйствовать, тогда онъ объявилъ себя непримиримымъ врагомъ Рошфора, Лезана, Лагера и другихъ своихъ старыхъ друзей, которыхъ толкнули въ лагерь Буланже честолюбіе или разочарованіе. Въ такихъ случаяхъ Клемансо бралъ на себя даже защиту палаты, которую буланжисты обвиняли въ безплодной тратѣ времени на праздные споры.

Но окончивъ счеты съ буланжистами, Клемансо обращался къ республиканцамъ и указывалъ имъ на истинныя причины буланжистскаго движенія. Онъ говорилъ своимъ коллегамъ: «Провозгласивъ республику, вы возбудили въ этой странѣ всевозможныя надежды. Все, что страдаетъ и что жалуется во Франціи, подумало, что насталъ день великаго удовлетворенія, что засвѣтитъ новый режимъ, что будетъ установлено царство не

*) Séance à la Chambre 6 mars, 1883 (*Journal Officiel*, 7 mars).

**) Рѣчь 15 августа 1887 года.

только свободы, но равенства и справедливости въ экономическомъ и соціальномъ строѣ»!

Надежды эти были обмануты. Клемансо потребовалъ отъ палаты, чтобы она приступила къ дѣламъ, но существовавшее тогда министерство оказалось безсильнымъ для такой реформаторской дѣятельности. Поэтому онъ предложилъ слѣдующій порядокъ дня.

«Палата рѣшаетъ поддерживать дисциплину въ войскѣ, констатируетъ безсиліе правительства, и убѣжденная, что только политика реформъ можетъ положить конецъ агитаціи въ странѣ, переходитъ къ порядку дня».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого министерство Тирара пало на вопросѣ о пересмотрѣ конституціи. Но большинство, свалившее министерство, состояло изъ радикаловъ и монархистовъ. Послѣдніе голосовали въ пользу пересмотра конституціи исключительно только для того, чтобы создать трудности правительству. А въ чемъ же была гарантія, что послѣ прекращенія движенія палата снова не вернется къ своей старой политикѣ?

Когда Буланже явился въ палату депутатомъ, послѣ избранія въ сѣверномъ департаментѣ, и прочелъ свою написанную рѣчь, то Клемансо прервалъ его слѣдующими словами: «Кто хочетъ управлять, тотъ долженъ прежде всего имѣть партію».

Эти слова были самымъ вѣрнымъ приговоромъ буланжизму. На немъ сошлись люди разныхъ убѣжденій и партій и объединились на одномъ только пунктѣ—ненависти къ парламентаризму. Ихъ не связывала никакая общая доктрина, у нихъ не было общей программы, они не преслѣдовали общей цѣли. Раздѣленіе между ними должно было наступить неизбѣжно и скоро. Это и случилось. Самымъ смертельнымъ врагомъ буланжизма явился самъ же буланжизмъ. Партизаны генерала, знавшіе о большомъ вліяніи Клемансо на новое министерство Флоке, смѣнившее министерство Тирара, изливали на него весь свой гнѣвъ по поводу принимаемыхъ правительствомъ мѣръ относительно нихъ. Иногда выходило даже, что вся ихъ борьба была направлена только противъ Клемансо. Когда 31 января, послѣ избранія Буланже въ Парижѣ, Клемансо въ палатѣ поднялся, чтобы говорить, буланжистъ Ле Гериссе крикнулъ ему: «вы были побиты въ воскресенье».

«Хорошо, я былъ побитъ въ воскресенье,—благодарю васъ за перерывъ,—отвѣтилъ Клемансо,—такъ какъ вы дѣлаете мнѣ очень большую честь, олицетворяя такимъ образомъ во мнѣ республиканскую партію, побитую 27 января. Я требую, чтобы меня считали въ числѣ побитыхъ; я требую себѣ мѣста среди тѣхъ, кто потерпѣлъ это славное пораженіе». И на этотъ разъ Клемансо взялъ на себя защиту палаты. Нельзя было обвинять ее въ томъ, что она ничего не сдѣлала, когда она голосовала законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и законъ, ограждающій дѣтскій трудъ на фабрикахъ и заводахъ.

Для характеристики Клемансо отмѣтимъ, что онъ всегда высказывался противъ исключительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ буланжизмомъ. Происшед-

шіе въ 1889 году выборы были офиціальнымъ констатированіемъ того факта, что острый характеръ буланжистскаго движенія уже миновалъ. На этихъ выборахъ Клемансо былъ избранъ въ Драгиньянскомъ округѣ (Варскій департаментъ).

Въ 1890 году Клемансо не принималъ участія въ парламентскихъ преніяхъ, но въ началѣ 1891 года онъ произнесъ одну изъ тѣхъ рѣчей, которыя останутся лучшими памятниками республиканской вѣры. Сюжетомъ этой рѣчи была французская революція. Всѣ знаютъ, какимъ горячимъ почитателемъ ея былъ Клемансо. Онъ боготворилъ ея героевъ, восхищался ея дѣломъ, вдохновлялся ея принципами.

Какимъ ничтожнымъ должно было чувствовать себя національное собраніе 1884 года, когда Клемансо вспоминалъ о первомъ національномъ собраніи Франціи, томъ собраніи, которое «нашло въ мірѣ произволъ и установило право».

Въ 1883 году Клемансо сталъ защищать добровольцевъ II республиканскаго года, славу которыхъ академикъ Камиллъ Руссе находилъ преувеличенною. Клемансо въ горячей рѣчи реабилитировалъ ихъ имя и они предстали передъ глазами слушателей безстрашными и самоотверженными, какъ передъ Валми и Жемапъ.

Въ 1891 году Клемансо снова пришлось выступить на защиту революціи. На этотъ разъ критикомъ являлся республиканецъ. Правительство запретило представленіе пьесы Викторьена Сарду «Термидоръ», направленной противъ героевъ революціи. Жозефъ Рейнакъ сталъ протестовать противъ этого запрещенія во имя свободы, но онъ не ограничился формальною стороною вопроса. Онъ началъ съ критики самой революціи, одобряя нѣкоторые ея акты, порицая другіе и разсуждая съ большою важностью.

На это Клемансо отвѣтилъ такъ: «Вотъ г. Рейнакъ появляется на этой трибунѣ и предпринимаетъ великое дѣло: по своему разыскиваетъ ошибки французской революціи. Онъ добросовѣстно выискиваетъ ихъ и, окончивъ свое дѣло, серьезно заявляетъ: я принимаю вотъ это и отбрасываю это! Я восхищаюсь такою наивностью! Господа, хотимъ мы этого, или нѣтъ, нравится намъ это или не нравится—французская революція представляетъ одно цѣлое... одно цѣлое, изъ котораго ничего нельзя выбросить, такъ какъ историческая правда не допускаетъ этого. И теперь, если вы хотите знать, почему такое неважное событіе, плохая драма въ театрѣ Comédie Française, вызвало такое волненіе въ Парижѣ и почему въ данный моментъ такъ волнуется палата, я скажу вамъ это: потому что эта удивительная революція, благодаря которой мы существуемъ,—еще не кончена; потому что она еще продолжается, что мы—актеры этой драмы, что всегда тѣ же люди борются съ тѣми же врагами.

«Да, мы все еще хотимъ того же, чего хотѣли наши предки. Мы встрѣчаемъ то же самое противодѣйствіе. Вы остались тѣми же; мы—не измѣнились. И нужно, чтобы борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока побѣда одной изъ двухъ партій станетъ окончательною.

«А пока я громко заявляю вамъ, что мы не дадимъ пачкать французскую революцію чѣмъ бы то ни было. Мы не потерпимъ этого, и если бы правительство не исполнило своего долга, мы исполнили бы нашъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Клемансо произнесъ послѣднюю въ своей парламентской карьерѣ большую рѣчь въ палатѣ. Она касалась дѣла о разстрѣляніяхъ въ Фурми—печальномъ финалѣ майской демонстраціи 1891 года. Войска, собранныя на площади, дали залпъ по манифестантамъ, убили 10 человѣкъ и ранили 30. Событіе это взволновало всю Францію.

Кто былъ виновникомъ его?

Административныя власти, представленныя су-префектомъ Исакомъ, сваливали всю вину на манифестантовъ, которые въ свою очередь сваливали ее на администрацію. Они обвиняли кромѣ того майора Шапю, который не сдѣлалъ троекратнаго предостереженія, требуемаго закономъ.

Но что оставалось очевиднымъ, даже допуская существованіе провокаціи со стороны толпы,—это необыкновенная несоразмѣрность между проступкомъ и наказаніемъ. Толпа состояла изъ молодежи, дѣвушекъ и юношей. Изъ убитыхъ только двое были старше 21 года. Между остальными были дѣти. Дѣвушки были въ цвѣтахъ, по мѣстному обычаю, а юноши украсились трехцвѣтными кокардами. Они шутили, смѣялись, осыпали солдатъ обычными остротами... и вдругъ надъ ними разразился смертоносный залпъ. Пули—въ отвѣтъ на ребяческія выходки,—этого показалось слишкомъ много. Этотъ эпизодъ ясно показывалъ особенное состояніе умовъ—холодъ и полную отчужденность между республиканскими властями и народомъ. Эти двѣ силы, шедшія извѣстное время заодно, перестали понимать другъ друга, стали взаимно ненавидѣть другъ друга. Эпизодъ пріобрѣталъ печальное и глубокое значеніе. Дѣло шло уже не о десяткѣ труповъ, а о тѣхъ трупахъ, которые должны пасть въ будущемъ, если этотъ духъ будетъ продолжать господствовать.

Крайняя лѣвая внесла формулированное Мильераномъ предложеніе, которымъ требовалось парламентское слѣдствіе по этому дѣлу; въ то же время другое предложеніе—Пельтана,—выдвигало всеобщую амнистію по политическимъ преступленіямъ и по всѣмъ нарушеніямъ законовъ о печати, о собраніяхъ и стачкахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Констанъ, властнымъ голосомъ, отъ имени кабинета, отбросилъ оба предложенія и объявилъ дѣйствія властей вполнѣ законными. Онъ свелъ этотъ важный и сложный вопросъ, рѣшавшій будущее республики, къ мелочному вопросу о сохраненіи авторитета власти. Тогда раздался мощный голосъ Клемансо, произнесшій: «На мостовой Фурми есть пятно невинной крови, которое нужно отмыть во что бы то ни стало»!

Въ этотъ день Клемансо хотѣлъ быть не судьею, а совѣтчикомъ. Онъ призывалъ всѣхъ республиканцевъ, безъ различія фракцій, объединиться на одной и той же высокой мысли: мысли о чести республики, и на общемъ чувствѣ: чувствѣ солидарности. Манифестація въ Фурми была чѣмъ-

то бо́льшимъ, чѣмъ пустая провокація со стороны толпы. Тамъ было движеніе, которое безсильны вызвать какіе бы то ни было зачинщики, несущіе обыкновенно всю отвѣтственность. Тамъ были законныя и справедливыя требованія, которыя должны быть удовлетворены. Не нужно ждать до тѣхъ поръ, пока гнѣвъ французскаго рабочаго народа вырастетъ до уровня надеждъ, возбужденныхъ въ немъ тою же республикою и неосуществленныхъ ею. Наконецъ, на эти требованія нельзя было отвѣчать кровавыми репрессіями, которыми ничего не достигается. «Берегитесь,—говорилъ Клемансо,—мертвецы—великіе проповѣдники»! И приводилъ слова католическаго депутата графа де-Мена, заявившаго въ слѣдственной коммиссіи 1871 года, что разстрѣлянія не только не усмиряютъ, но, наоборотъ, раздражаютъ умы.

Клемансо старался подѣйствовать на министра-президента Фрейсине и обратился лично къ нему съ возвышенной и горячей рѣчью, представляющей одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ образчиковъ современнаго краснорѣчія.

«Выслушайте меня, я васъ умоляю: поднимитесь выше, выйдите изъ этой комнаты, изъ этой парламентской среды, которая во многихъ отношеніяхъ такъ раздражаетъ. Посмотрите въ окно. Посмотрите на этого мирно работающаго человѣка... Дайте ему нравственное удовлетвореніе, котораго онъ требуетъ съ полнымъ правомъ, и вы знаете это... Нѣтъ, вы не отвѣтственны за то, что случилось, нѣтъ, я не хочу сваливать на васъ эту ужасную отвѣтственность! Но подумайте! Сегодня вы примите рѣшеніе, которое возложитъ на васъ тяжкую отвѣтственность передъ лицомъ исторіи. Подумайте объ этомъ, г. министръ-президентъ. Я умоляю васъ, не осложняйте матеріальную катастрофу моральною. Вамъ удалось сохранить матеріальный порядокъ: я не хочу спрашивать, могли ли бы вы поддержать его, не проливая крови, но сохраните, по крайней мѣрѣ, пока еще есть время, то, что остается отъ моральнаго порядка, въ высокомъ смыслѣ этого слова...

«Я прошу васъ объ этомъ не какъ врагъ. Нѣтъ, я прошу васъ объ этомъ, какъ республиканецъ, какъ членъ той республиканской партіи, парламентскимъ главою которой вы являетесь въ ту минуту, какъ я къ вамъ обращаюсь, и я говорю вамъ: «Спасите насъ—республиканцевъ! Спасите тѣхъ, кто помогалъ вамъ и поддерживалъ васъ въ тяжелые дни, тѣхъ, съ которыми мы сдѣлали республику и для которыхъ мы ее сдѣлали... Умоляю васъ, оставьте въ сторонѣ предразсудки вашего поста, будьте человѣкомъ и не стыдитесь, спасите нашихъ дѣтей, которымъ мы не хотимъ завѣщать ужаснаго наслѣдія гражданской войны. Спасите республику, которая обѣщала угнетеннымъ справедливость, какъ великая революція обѣщала свободу!

«Спасите семейный очагъ, спасите родину! Потому что, если судьба не позволитъ намъ избѣжать того рокового, что какъ будто тяготѣетъ надъ нами, нужно, чтобы въ извѣстный моментъ Франція увидѣла всѣхъ

своихъ дѣтей соединенными подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, чтобы ни одно сердце, ни одна рука не опоздали явиться на великое свиданіе.

«Господинъ министръ, я прошу васъ пожалѣть республику, пожалѣть Францію! Дайте амнистію. Забудемъ все. Поправимъ правосудіе, дадимъ успокоеніе, забвеніе...»

Но и слѣдствіе, и амнистія были отвергнуты 312-ю голосами противъ 199.

Память о событіяхъ въ Фурми была еще жива, когда вспыхнула стачка въ каменноугольномъ бассейнѣ въ Па-де-Кале. Въ засѣданіи 19 ноября 1891 года Клемансо потребовалъ правительственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ, но не успѣлъ ничего добиться.

Болѣе успѣшно было его вмѣшательство въ моментъ знаменитой стачки въ Кармо, въ октябрѣ слѣдующаго года.

Стачка эта была устроена съ цѣлью отстоять политическую независимость рабочихъ. Они выбрали меромъ Кармо одного изъ своихъ товарищей, рабочаго Кальвиньяка, вмѣсто кандидата, выставленнаго каменноугольной компаніей. Послѣдняя въ отместку за свое пораженіе выгнала Кальвиньяка изъ копей *).

Стачка эта встрѣтила поддержку въ значительной части республиканской прессы, тѣмъ болѣе, что владѣльцы копей, маркизъ де-Солажъ, баронъ Рей и другіе были монархистами. Стачечники избрали Клемансо, Мильерана и Пельтана своими уполномоченными передъ правительствомъ и компаніей.

Своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ уполномоченные добились того, что компанія согласилась на третейскій судъ. По обоюдному согласію третейскимъ судьею былъ избранъ Эмиль Лубе, тогдашній министръ-президентъ. Его рѣшеніе, возвращавшее Кальвиньяка на службу компаніи, удовлетворило рабочихъ и положило стачкѣ конецъ.

Частые инциденты, которые, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, сопровождаютъ борьбу труда съ капиталомъ, подтверждаютъ слова, сказанные Клемансо въ его рѣчи объ амнистіи: «Появилось что-то новое, возникла новая и страшная сила, съ которою политическіе дѣятели должны бы начать считаться».

III.

Мы приступаемъ теперь къ самому драматическому періоду изъ жизни Клемансо. Періодъ этотъ начался въ ноябрѣ 1892 г., съ возбужденіемъ панамскаго дѣла, и закончился въ августѣ 1893 г., моментомъ законодательныхъ выборовъ.

---

*) Для пониманія этихъ событій необходимо знать, что въ маленькихъ общинахъ меры не получаютъ жалованья, такъ же какъ и городскіе совѣтники; это существуетъ даже и въ большихъ городахъ, кромѣ Парижа, гдѣ они получаютъ „на представительство“. Безплатность этихъ избирательныхъ должностей и объясняетъ, почему занимающіе ихъ рабочіе продолжаютъ въ то же время свои обычныя занятія.

Это было очень тяжелое время и для самой Франціи. Никогда еще Франція не переживала столько стыда и скорби, какъ за эти десять мѣсяцевъ. Это была настоящая моральная катастрофа, затрогивавшая не одну какую-нибудь группу людей, но цѣлую націю. Газеты всѣхъ направленій, дѣятели всѣхъ политическихъ партій, члены парламента, люди изъ магистратуры, духовныя лица, почти всѣ вышли изъ этихъ скандаловъ запятнанными. Міръ съ удивленіемъ присутствовалъ при совершившемся подъ громъ событій паденіи политическихъ и ученыхъ знаменитостей, бывшихъ и настоящихъ министровъ, сенаторовъ, депутатовъ, ученыхъ и литераторовъ.

Довольно сказать, что первымъ, главнымъ носителемъ отвѣтственности явился великій ученый мужъ, членъ французской академіи, Фердинандъ де-Лессепсъ, «чистая слава Франціи». Довольно сказать, что лицамъ, дававшимъ низкому Артону указанія относительно депутатовъ и сенаторовъ, которыхъ слѣдовало подкупить, оказался Жанъ Бюрдо, одинъ изъ самыхъ способныхъ политическихъ мужей умѣренной республиканской партіи *).

До какой степени былъ причастенъ къ панамскимъ скандаламъ Клемансо? Уже тогда, а въ особенности теперь, когда страсти утихли и можно судить безпристрастно, необходимо признать, что Клемансо нельзя обвинить ни въ чемъ безчестномъ.

Впрочемъ, сами враги его никогда не выдвигали противъ него ни одного опредѣленнаго факта. Они эксплоатировали для своихъ инсинуацій только его связи.

Въ своей долгой политической карьерѣ Клемансо входилъ въ сношенія съ самыми разнообразными людьми. Кромѣ того, какъ редакторъ и собственникъ *La Justice*, онъ имѣлъ отношенія и съ разными банкирами. Между ними былъ и Корнеліусъ Герцъ, ставшій одно время акціонеромъ газеты. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что самъ Герцъ злоупотреблялъ значеніемъ, которое ему давала близость съ Клемансо, но развѣ это—вина послѣдняго?

Возможно также, что Клемансо не хотѣлъ судебной ликвидаціи панамскаго дѣла, потому что боялся, что неизбѣжныя въ этомъ случаѣ раскрытія будутъ вредны для республики.

Помимо этихъ двухъ слабостей Клемансо нельзя было обвинить больше ни въ чемъ.

Но у него было множество враговъ. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей третьей республики у него ихъ было больше всего. За всю семнадцатилѣтнюю политическую дѣятельность онъ наносилъ безчисленные удары, боль которыхъ была еще чувствительна. Не было партіи, въ которой бы не насчитывалось нѣсколько жертвъ,

---

*) Разоблаченія относительно роли Бюрдо въ панамскомъ скандалѣ произошли въ 1897 году, при арестѣ Артона. Бюрдо въ это время уже не было въ живыхъ. Онъ до послѣдняго дня сохранилъ постъ предсѣдателя палаты депутатовъ.

павшихъ отъ руки Клемансо; не было министерства, въ паденіи котораго онъ бы не принималъ участія, или какъ иниціаторъ, или какъ содѣйствующее лицо. Этимъ онъ заслужилъ ненависть всѣхъ: и монархистовъ, и клерикаловъ, и республиканцевъ, умѣренныхъ и радикальныхъ. Да, и среди радикаловъ, за исключеніемъ крайней лѣвой,—среди друзей Фрейсине, Гобле и Бриссона онъ не пользовался большими симпатіями. Пока Клемансо былъ силенъ, они воздерживались отъ нападеній на него. Но теперь, съ возникновеніемъ панамскаго дѣла, они оказались по отношенію къ нему въ чрезвычайно выгодномъ положеніи.

Притомъ они прибѣгали къ искусной тактикѣ: они нападали не прямо на Клемансо, а на его друзей, настаивая въ то же время на тѣсной связи его съ обвиняемыми. И поступки друзей незамѣтнымъ образомъ бросали тѣнь и на доброе имя Клемансо.

Создавъ эту атмосферу подозрѣній вокругъ имени Клемансо, противники его сдѣлались дерзкими. Они считали, что скомпрометтированный въ глазахъ публики Клемансо не будетъ имѣть смѣлости защищаться.

Разскажемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ главные эпизоды этой борьбы. Предварительно необходимо замѣтить, что разоблаченія по панамскому дѣлу были начаты антисемитами и роялистами съ цѣлью агитаціи въ виду выборовъ 1893 года. Этимъ и объясняется ихъ *частичный* характеръ.

Консервативная и антисемитская пресса тщательно скрывали имена настоящихъ виновниковъ-предпринимателей, взявшихъ сотни милліоновъ, ничего не говорили о газетахъ, получившихъ 26 милліоновъ франковъ въ видѣ подкуповъ, и ограничили свои разоблаченія исключительно сенаторами и депутатами, между которыми было роздано всего полтора милліона франковъ. Кромѣ того сообщались только имена сенаторовъ и депутатовъ-республиканцевъ, а не монархистовъ, которые были виноваты не меньше другихъ.

Политическій фазисъ панамской исторіи начался интерпелляціей депутата Делае 21 января 1892 года. Вслѣдъ за тѣмъ была назначена коммиссія изъ 33 человѣкъ, чтобы разслѣдовать, правда ли, что при голосованіи панамскаго заема въ 1888 году было подкуплено 104 депутата и сенатора. Замѣтимъ, что Клемансо не входилъ въ число этихъ 104.

Но противъ него уже велась закулисная агитація. Первымъ голосомъ, раздавшимся противъ него открыто, была статья въ *Figaro* отъ 11 декабря 1892 г. Въ ней указывалось на два обстоятельства: во-первыхъ, что Корнеліусъ Герцъ, одинъ изъ извѣстныхъ шантажистовъ въ панамскомъ дѣлѣ, былъ акціонеромъ *La Justice*, и пользовался вліяніемъ этой газеты, чтобы предпринимать разныя аферы, «которыя почти всегда оканчивались успѣхомъ». Кромѣ того статья *Figaro* настаивала на томъ обстоятельствѣ, что наканунѣ своего самоубійства баронъ Жанъ-де-Рейнакъ, второе скомпрометтированное лицо,—видѣлся съ Клемансо.

Въ номерѣ отъ 13 декабря газеты *La Justice* Клемансо самъ отвѣтилъ

на оба пункта; совершенно опровергая первый пунктъ, онъ приглашалъ *Figaro* привести хотя самое малое доказательство. Что касается до второго—его встрѣчи съ Рейнакомъ, Клемансо признаетъ его и объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсказываетъ, что въ его отсутствіе къ нему на домъ явились баронъ Рейнакъ и депутатъ Рувье; не заставъ его, они отправились въ палату, гдѣ находился Клемансо. Рувье сообщилъ ему, что Рейнакъ, въ виду нападокъ на него въ прессѣ, попросилъ его, Рувье, сопровождать его къ Корнеліусу Герцу, котораго онъ подозрѣвалъ въ организаціи всей кампаніи. Рувье, съ своей стороны, желая, чтобы свиданіе происходило при свидѣтеляхъ, проситъ Клемансо отправиться вмѣстѣ съ ними. Въ 7 часовъ вечера всѣ они съѣхались у Корнеліуса Герца, но послѣдній заявилъ Рейнаку, что отъ него ничего не зависитъ. Все свиданіе продолжалось десять минутъ.

Рейнакъ въ отчаяніи, со слезами на глазахъ, умолялъ своихъ спутниковъ отправиться къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, Констану, который съ своей стороны также могъ повліять въ смыслѣ прекращенія кампаніи, но и Констанъ заявилъ, что ничего не можетъ сдѣлать. «Дорбгою,—продолжалъ Клемансо, — Рейнакъ мнѣ сказалъ: «я погибъ»—и я больше не видалъ его».

Послѣ этого отвѣта Клемансо *Figaro* уже не возвращался болѣе къ этимъ пунктамъ. Для газеты въ сущности было важно не знать правду, а создать въ публикѣ извѣстное настроеніе противъ Клемансо. А эта цѣль могла быть достигнута разными инсинуаціями. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго сообщенія, въ *Echo de Paris* появился interview Рошфора, въ которомъ прежній другъ, а теперешній врагъ Клемансо разсказывалъ, что въ одномъ свиданіи съ цѣлью примиренія между нимъ и Клемансо, въ Лондонѣ, въ 1892 году, въ домѣ Корнеліуса Герца, Клемансо предлагалъ Рошфору пріостановить кампанію противъ Констана, если послѣдній дастъ амнистію *). Но въ *La Justice* отъ 20 декабря Клемансо самымъ категорическимъ образомъ опровергнулъ этотъ разсказъ.

Въ тотъ же день въ палатѣ произошло очень шумное засѣданіе, которое привело къ дуэли Клемансо съ Деруледомъ.

Деруледъ перенесъ въ палату ту борьбу противъ Клемансо, которая была начата газетами. Онъ тоже говорилъ прежде всего объ отношеніяхъ Клемансо къ Корнеліусу Герцу.

Что придало этимъ обличеніямъ комическій оттѣнокъ, такъ это то, что люди, вмѣнявшіе Клемансо въ преступленіе сношенія съ Герцемъ, сами вовсе не считали нужнымъ избѣгать этихъ сношеній. Самъ Деруледъ разсказывалъ въ палатѣ о своемъ свиданіи съ Герцемъ въ 1885 г., когда послѣдній сообщилъ ему, что потратилъ много денегъ на *La Justice*. Дѣло въ томъ, что Корнеліусъ Герцъ успѣлъ завязать близкія отношенія со всѣмъ

*) Констанъ былъ тогда министромъ въ кабинетѣ Фрейсине, а Рошфоръ бѣжалъ изъ Франціи еще до процесса противъ буланжистовъ.

политическимъ міромъ. Онъ быстро прошелъ всѣ степени ордена почетнаго легіона и сдѣлался командоромъ этого ордена. Интересны въ рѣчи Деруледа были слѣдующія мѣста: «Кто же поставилъ его такъ высоко? Кто провелъ этого иностраннаго посланника? Это — человѣкъ, котораго вы не имѣете смѣлости назвать, потому что вы боитесь его пистолета, его шпаги, его языка. Это—г. Клемансо. Коса, которая коситъ все, какъ будто останавливается передъ одной головой и эту голову я отмѣчаю».

Отъ всей этой рѣчи Деруледа не осталось ничего, кромѣ впечатлѣнія, производимаго смѣлостью, съ которой онъ ее высказалъ. Все остальное было смыто потокомъ краснорѣчія Клемансо.

Прежде всего онъ опровергъ всѣ отдѣльныя обвиненія. Онъ не только призналъ, что Корнеліусъ Герцъ былъ акціонеромъ газеты, но прибавилъ, что онъ былъ его пріятелемъ, и сказалъ при этомъ, что никогда не превращалъ этихъ пріятельскихъ отношеній въ дѣловыя съ цѣлью матеріальной выгоды. Въ доказательство своей полной самостоятельности Клемансо указалъ на то обстоятельство, что какъ членъ бюджетной коммиссіи онъ голосовалъ противъ проекта общества для эксплоатаціи телефоновъ, представленнаго и защищаемаго Корнеліусомъ Герцемъ. Онъ заявилъ, что совершенно непричастенъ въ дѣлѣ пожалованія Герцу ордена. Герцъ получилъ орденъ по предложенію министра Фрейсине за его работы по электричеству *).

Затѣмъ Клемансо напомнилъ Деруледу нѣчто такое, что послѣдній, какъ буланжистъ, имѣлъ причины скрывать, а именно, что Корнеліусъ Герцъ былъ большимъ пріятелемъ генерала Буланже, отъ котораго имѣетъ много писемъ, и что буланжисты обращались къ нему за денежной помощью въ моментъ агитаціи и получили отказъ.

Въ концѣ рѣчи Клемансо отвѣтилъ на инсинуацію Деруледа, что онъ будто бы ведетъ англофильскую политику; мы приведемъ здѣсь это мѣсто его рѣчи: «Я ищу и не нахожу больше на что отвѣчать, кромѣ того величайшаго оскорбленія, котораго, признаюсь, считалъ, что не заслуживаю даже и отъ злѣйшихъ враговъ; обвиненія, что я измѣнилъ интересамъ Франціи, что я измѣнилъ отечеству, что я привелъ на эти скамьи (нѣтъ! нѣтъ! Да! Онъ сказалъ это!) — вы это сказали, что я привелъ на эти скамьи иностранное вліяніе, былъ его агентомъ, измѣнникомъ своей родинѣ, что руководимый и управляемый этимъ вліяніемъ, подчиненный, порабощенный имъ, я стремился вредить своей сторонѣ, стремился парламентскими вотумами внести безпорядокъ и замѣшательство въ дѣла моей родины.

«Вотъ обвиненіе, которое было произнесено съ трибуны. Я отвѣтилъ на всѣ остальные пункты со всѣмъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, на

*) Позднѣе, въ мартѣ, Клемансо сообщилъ интересный фактъ, котораго онъ очевидно не зналъ въ тотъ моментъ, когда отвѣчалъ Деруледу, а именно: что на первой страницѣ собственной газеты Деруледа *Le Drapeau* была диѳирамбическая статья, посвященная Корнеліусу Герцу по случаю пожалованія ему ордена.

которое способенъ. Господа, на это послѣднее обвиненіе можно дать только одинъ отвѣтъ: г. Поль Деруледъ—вы солгали!»

22 декабря оба противника встрѣтились на другомъ полѣ и обмѣнялись шестью пулями, но безъ результата.

Кампанія противъ Клемансо продолжалась. Теперь *Figaro* въ свою очередь печаталъ разговоръ съ Рошфоромъ, въ которомъ послѣдній еще разъ повторялъ все сказанное редактору *Echo de Paris*. Рошфоръ прибавилъ, что, обѣдая однажды съ Корнеліусомъ Герцемъ, онъ слышалъ онъ него, что Герцъ истратилъ на *La Justice* около 4 милліоновъ франковъ.

Въ отвѣтъ на эти обвиненія Клемансо предложилъ показать счетоводныя книги газеты.

Въ другихъ газетахъ появились новыя обвиненія. Писали, что Клемансо получилъ отъ барона Рейнака копію листа съ именами 104-хъ подкупленныхъ сенаторовъ и депутатовъ. Изъ рукъ Клемансо списокъ этотъ перешелъ будто бы къ Корнеліусу Герцу, который пользовался имъ, чтобы угрозами вымогать большія суммы у барона Рейнака и панамской компаніи.

18 января нѣкто Стефанъ, бывшій слуга барона Рейнака, явился въ слѣдственную парламентскую коммиссію и сообщилъ, что онъ самъ относилъ письмо отъ барона де Рейнака на домъ къ Клемансо. Два частные секретаря Клемансо, Винтеръ и Руане, черезъ руки которыхъ проходитъ вся его корреспонденція, заявили, что никогда не видали письма ни отъ Рейнака, ни отъ Герца.

По всему было видно, что показанія слуги Стефана были лживы; это подтверждалось и словами Лабрюйера, который заявилъ, что за два дня передъ тѣмъ, 16 января, одинъ пріятель сообщилъ ему, что одинъ изъ слугъ Рейнака будетъ давать показаніе противъ Клемансо, весьма непріятное для послѣдняго.

Позднѣе Клемансо былъ приглашенъ въ качествѣ свидѣтеля на слѣдствіе по дѣлу противъ панамской компаніи. Онъ далъ объясненія по поводу нѣсколькихъ свиданій съ Фердинандомъ де Лессепсомъ и съ сыномъ его Шарлемъ де Лессепсомъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Въ 1885 года оба Лессепса, по совѣту тогдашняго министра финансовъ Сади Карно, дѣлали визиты членамъ бюджетной коммиссіи, чтобы выяснить имъ подробности проекта облигаціоннаго займа, который должна была утвердить палата. По этому-то случаю они сдѣлали визитъ и Клемансо. Въ доказательство того, что дѣло было именно такъ, Клемансо заявилъ, что у него имѣются два частныя письма, въ которыхъ одинъ изъ Лессепсовъ разсказывалъ тогдашнему министру финансовъ Карно о томъ, какъ онъ дѣлалъ эти визиты членамъ бюджетной коммиссіи.

Позже Клемансо еще разъ видѣлся съ Лессепсомъ и говорилъ ему о слухахъ по поводу недоразумѣнія между ними и Рейнакомъ. Онъ совѣтовалъ кончить дѣло миромъ, такъ какъ скандалъ можетъ быть только вреденъ и для нихъ, и для республики. Тотъ же совѣтъ давалъ Лессепсу и

Фрейсине. Но какъ онъ, такъ и Клемансо не входили въ подробности дѣла и не старались узнать причину и сущность возникшаго недоразумѣнія.

Вотъ и все, что можно было узнать во время процесса о прикосновенности Клемансо къ панамскому дѣлу.

IV.

Противъ Клемансо образовалась настоящая коалиція съ опредѣленнымъ планомъ кампаніи. Извѣстными членами этого синдиката были буланжисты: Деруледъ и Мильвуа; антисемитъ маркизъ де Морес; клерикалы: Жюде и Маринони изъ *Le Petit Journal*. Синдикатъ этотъ встрѣчалъ явную поддержку всѣхъ реакціонныхъ газетъ: роялистскаго—*Gaulois*, католическихъ—*Figaro*, *La Croix* и *La Libre Parole* и бонапартистскаго органа Кассаньяка *L'Autorité*, который распустилъ ложные слухи, вродѣ того, что Клемонсо не хочетъ больше ставить свою кандидатуру въ варскомъ департаментѣ. Рошфоръ въ своемъ *L'Intransigeant* также помогалъ кампаніи. Она находила поддержку и въ умѣренно-республиканскихъ газетахъ, вродѣ Эдварсовой *Matin*, и у самихъ вождей умѣренной республиканской партіи.

Жанъ Бюрдо, бывшій, какъ узналось впослѣдствіи, главнымъ агентомъ въ подкупахъ депутатовъ, публично въ палатѣ одобрялъ борьбу противъ Клемансо, а Годфруа Кавеньякъ хотя и считался радикаломъ, но громко съ высоты трибуны заявлялъ въ палатѣ, что Клемансо—«тайное правительство, отъ котораго палата должна освободиться». Но самое сильное ожесточеніе проявляла распространенная газета *Le Petit Journal*, органъ стократнаго милліонера Маринони.

Это были явные противники, а за ними скрывались еще и религіозныя конгрегаціи.

Съ приближеніемъ избирательскаго періода,—выборы должны состояться въ концѣ августа,—синдикатъ удвоилъ свое усердіе. Съ начала іюня въ *Le Petit Journal*, началась та систематическая кампанія, которая останется памятной надолго. Въ номерѣ отъ 7 іюня упомянутая газета процитировала текстъ одной рѣчи, произнесенной въ Тулузѣ бывшимъ министромъ Констаномъ, въ которой министръ приглашалъ консерваторовъ къ совмѣстному дѣйствію съ умѣренными республиканцами, и продолжала такъ: «Если республика не сдѣлалась до сихъ поръ общимъ домомъ, дающимъ пріютъ всей совокупности, или, лучше сказать, всему единогласію французскихъ гражданъ, то причина этого—Клемансо. Онъ жилъ разрушеніемъ и всходилъ на трибуну только для того, чтобы поддерживать безпорядокъ и производить кризисы».

Съ этого времени борьба перешла въ палату.

19 іюня Клемансо выступилъ, чтобы говорить противъ предложенія двухъ депутатовъ, Арена и Риве, о частичномъ пополненіи палаты. Но онъ не успѣлъ еще взойти на трибуну, какъ съ мѣста Деруледа послышались возгласы: «Посмотримъ, что думаетъ Корнеліусъ Герцъ о частичномъ во-

зобновленіи палаты... Борнемаускій больной сейчасъ начнетъ говорить *). Пусть онъ говоритъ по-англійски...» Клемансо отвѣтилъ, что заставитъ Деруледа дать ему отчетъ въ этихъ словахъ, а пока напоминаетъ ему ту ночь, когда Деруледъ предлагалъ ему идти на палату съ оружіемъ въ рукахъ **).

«— Тогда я еще не зналъ, что вы иностранный агентъ»,— отвѣтилъ Деруледъ.

Другіе буланжисты также не переставали волноваться. Они стучали крышками своихъ пюпитровъ, и среди шума слышались новые возгласы Мильвуа:

«— Значитъ, вы не чувствуете, какое презрѣніе васъ окружаетъ?»

Клемансо продолжалъ:

«— Если есть въ странѣ прочно-укоренившееся чувство».

«— То это—презрѣніе къ вамъ»,—докончилъ Деруледъ.

Мы не будемъ описывать подробностей этого засѣданія, во время котораго Клемансо нѣсколько разъ называли «англійскимъ агентомъ».

Никогда еще его противники не были такъ дерзки и не говорили такими площадными словами.

Ихъ поведеніе и инсинуаціи показывали, что они подготовляютъ какой-то крупный скандалъ, какое-нибудь страшное разоблаченіе, и предварительно настраиваютъ публику. Въ слѣдующіе дни *Le Petit Journal* продолжалъ печатать статьи въ томъ же тонѣ; одна изъ этихъ статей, озаглавленная «Преступленіе и наказаніе», въ которой Клемансо сравнивали съ самыми низкими подонками общества, кончалась такъ: «Только Англія и тройственный союзъ пожалѣютъ о паденіи этого политикана, который теперь уже неспособенъ вредить своимъ согражданамъ». 22 іюня въ другой статьѣ, озаглавленной: «Корнеліусъ Герцъ,—нѣмецкій шпіонъ», та же газета старалась доказать, что Корнеліусъ Герцъ состоялъ шпіономъ Германіи, а отсюда недалеко было до заключенія, что и Клемансо—тоже шпіонъ.

Приготовленная такимъ образомъ публика не должна была удивляться, когда въ тотъ же день, 22 іюня, Деруледъ и Мильвуа объявили, что имѣютъ неопровержимыя доказательства предательства Клемансо.

Такимъ образомъ разразился скандалъ съ поддѣльными дипломатическими документами, извѣстный подъ именемъ «дѣла Нортона». Такъ назывался одинъ негръ съ острова Морисъ, занимавшій одно время незначительную должность въ англійскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Когда его оттуда выгнали, Нортонъ придумалъ воспользоваться своимъ прежнимъ положеніемъ и вступилъ въ сношенія съ однимъ авантюристомъ, журналистомъ Дюкре, редакторомъ буланжистскаго органа *La Cocarde*. Оба вмѣстѣ

*) Извѣстно, что больной Герцъ въ это время былъ въ Борнемаусѣ, въ Англіи.

**) Клемансо намекаетъ на „историческую ночь“, когда на частномъ собраніи у депутата Лагера, Деруледъ предлагалъ поднять возстаніе, чтобы предупредить выборъ Жюля Ферри въ президенты республики.

усердно пустились сочинять дипломатическіе документы. Они сочинили «конфиденціальныя письма» Austin Lee, перваго секретаря англійскаго посольства въ Парижѣ, въ которыхъ толкуется о міровой политикѣ языкомъ невѣжественнаго журналиста и безграмотнаго негра. Въ этихъ дипломатическихъ документахъ встрѣчаются любопытныя фразы, вродѣ слѣдующей: «Существуетъ еще Сенъ-Стефанскій договоръ, который Россія очень бы хотѣла разорвать». Но буланжисты, познанія которыхъ въ области иностранной политики не превышаютъ познаній Нортона, и которыхъ ослѣпляла ненависть къ Клемансо, не замѣтили апокрифическаго характера документовъ и купили ихъ. Они вѣрили въ ихъ подлинность, несмотря даже на то, что въ числѣ лицъ, получающихъ субсидію отъ англійскаго правительства, былъ указанъ и Рошфоръ. Можетъ быть, именно эта неправдоподобность больше всего и убѣдила Деруледа и его друзей въ подлинности документовъ. За эти документы было заплачено 10,000 франковъ, выданныхъ собственникомъ *Le Petit Journal*, Маринони, причемъ Нортону было обѣщано еще.

Первой газетой, сообщившей о существованіи этихъ документовъ, былъ собственный органъ Дюкре—*La Cocarde*. *Le Petit Journal* поспѣшилъ подтвердить это извѣстіе, пустивъ въ то же время слухъ о самоубійствѣ Клемансо. Съ другой стороны стало извѣстно изъ другихъ источниковъ, что 22 іюня Мильвуа поднимаетъ въ палатѣ вопросъ объ этихъ документахъ. Въ это время въ палатѣ было необычайное стеченіе народа. Сенъ-Жерменскій бульваръ, набережная д'Орсе и площадь Согласія почернѣли отъ экипажей, высаживавшихъ цвѣтъ парижскаго общества, который явился, чтобы присутствовать при паденіи Клемансо.

Но на дѣлѣ произошло какъ разъ обратное.

Передъ самымъ засѣданіемъ у Деруледа и его друзей явилось сильное сомнѣніе въ подлинности документовъ и они составили новый планъ дѣйствія. Они рѣшили, что Мильвуа явится на трибунѣ и сообщитъ о существованіи документовъ въ общихъ фразахъ, не читая самихъ документовъ. При этомъ изъ всѣхъ именъ подкупленныхъ лицъ онъ назоветъ только Клемансо. Послѣ этого Мильвуа долженъ былъ заявить, что пошлетъ документы прокурору и представитъ суду дальнѣйшее выясненіе дѣла.

Конечно, на судѣ подложность документовъ должна была открыться, но до тѣхъ поръ Клемансо долженъ былъ остаться подъ подозрѣніемъ. Планъ этотъ разстроился, благодаря энергическому вмѣшательству Клемансо и глупости самого Мильвуа. Послѣдній оказался вынужденнымъ вынуть изъ портфеля и прочесть часть документовъ и назвать имена предполагаемыхъ предателей.

Палата разразилась нескончаемымъ смѣхомъ.

Мильвуа сконфуженный вернулся на свое мѣсто, и въ ту же минуту Деруледъ вышелъ изъ залы засѣданія, громко прокричавъ, что онъ подаетъ свою отставку отъ депутатскаго мѣста, а Кастеленъ, одинъ изъ членовъ буланжистской группы, заявилъ отъ имени своего и своихъ друзей,

что они совѣтовали Мильвуа послѣдовать примѣру Деруледа. Въ концѣ засѣданія палата единогласно выказала возмущенное порицаніе тѣмъ депутатамъ, которые позорятъ свое полномочіе низкими клеветами.

Противники Клемансо скоро оправились отъ своего пораженія. *Le Petit Journal*, желая выйти изъ неловкаго положенія, въ которое его поставила исторія съ фальшивыми документами, сталъ распространять нелѣпую, но чрезвычайно хитрую идею: въ одной статьѣ, озаглавленой: «Mystère», въ № отъ 25 іюня, газета приглашала своихъ читателей не вѣрить тому, что газеты сообщаютъ относительно авторовъ фальшивыхъ документовъ, такъ какъ ничего нѣтъ удивительнаго, если въ одинъ прекрасный день окажется, что все это дѣло создано самимъ Клемансо съ цѣлью скомпрометировать своихъ противниковъ. Отступленіе въ такой формѣ было почти побѣдой.

Скоро послѣ этого процессъ о фальшивыхъ документахъ, разбиравшійся 5 августа, показалъ, что большая отвѣтственность за составленіе ихъ ложится на Маринони и Жюде, но *Le Petit Journal* печаталъ только выгодныя ему сообщенія. А это была самая распространенная во Франціи газета. Сотни тысячъ горожанъ и крестьянъ не читаютъ ничего, кромѣ нея, и ничего не могли узнать о бывшихъ въ другихъ газетахъ опроверженіяхъ.

Скоро изъ Парижа противники перенесли борьбу въ провинцію, въ департаментъ Варъ, гдѣ Клемансо поставилъ свою кандидатуру. Именно здѣсь-то ихъ агитація и приняла самые широкіе размѣры. Изъ Парижа вслѣдъ за Клемансо уѣхали на мѣсто главные агенты антисемитизма и католицизма, маркизъ де Морес, Геренъ, графъ Діонъ, Юре,—послѣдній въ качествѣ корреспондента *Figaro*.

Они привезли вслѣдъ за собою цѣлую армію парижскихъ camelots, ходившихъ вслѣдъ за Клемансо на всѣ собранія, устраивавшихъ скандалы, кричавшихъ и пѣвшихъ:

«Parlez l'anglais» и «A, oh, yes!»

Каждый день изъ Парижа отправлялись цѣлые ящики афишъ и воззваній. Одинъ только типографщикъ Ломбарденъ напечаталъ на счетъ Мореса и его друзей 50,000 циркуляровъ и 20,000 большихъ афишъ. Кромѣ того вся эта агитація имѣла полную поддержку со стороны духовенства.

Духовныя конгрегаціи въ Марселѣ сдѣлали все возможное, чтобы провалить кандидатуру Клемансо. Торговцы въ Драгиньякѣ, центрѣ округа, гдѣ Клемансо поставилъ кандидатуру, получали отъ своихъ марсельскихъ коллегъ письма съ совѣтами не подавать за него голоса.

Можно сказать, что вся католическая и реакціонная Франція, какъ механизмъ, приводимый въ движеніе одной и той же рукой, сосредоточила всѣ силы на томъ, чтобы провалить Клемансо.

Но и здѣсь, и въ избирательной кампаніи, первое мѣсто принадлежало все-таки группѣ изъ *Le Petit Journal*.

1 августа вышелъ *спеціальный номеръ* этой газеты, распространявшійся безплатно въ милліонахъ экземпляровъ по всей Франціи и особенно въ

варскомъ департаментѣ. Всѣ четыре страницы этого номера были посвящены исключительно Клемансо. Въ началѣ перваго столбца стояли слѣдующія слова:

«Почему *Le Petit Journal* нападаетъ на г. Клемансо?»

«Потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ между опасностями, на которыя нужно указать на-ряду съ германскою, съ англійскою, съ итальянскою, существуетъ внутренняя опасность, менѣе важная, но болѣе предательская, такъ какъ она прячется подъ обманчивой внѣшностью. Эта опасность—Клемансо.»

Черезъ нѣсколько дней другой иллюстрированный номеръ *Le Petit Journal* также былъ посвященъ Клемансо. Вождь радикаловъ былъ изображенъ во фракѣ, танцующимъ среди балетныхъ танцовщицъ и подбрасывающимъ въ воздухѣ мѣшки съ деньгами. Маринони, какъ фабрикантъ типографскихъ машинъ, оказалъ давленіе на собственниковъ двухъ марсельскихъ газетъ: *Le Petit Marseillais* и *Le Petit Provençal*, чтобы заставить и ихъ высказаться противъ кандидатуры Клемансо. По всему департаменту было роздано множество денегъ для подкупа ораторовъ и созданія кандидатуръ противъ Клемансо.

Всѣ средства были пущены въ ходъ и дѣйствовали одновременно на всѣ слои общества. Въ глазахъ имущихъ классовъ Клемансо выставлялся, какъ величайшій разрушитель,—въ глазахъ рабочихъ массъ, какъ обыкновенный оппортюнистъ.

Больше всего агитаторы старались дѣйствовать на шовинистическія чувства французскихъ массъ. Они выставляли Клемансо величайшимъ врагомъ франко-русскаго союза. Маркизъ де Моресъ, котораго Клемансо на процессѣ Нортона изобличилъ въ финансовыхъ сдѣлкахъ съ Корнеліусомъ Герцемъ, напечаталъ въ *Figaro* длинное письмо, въ которомъ упоминалось имя посланника великой и дружественной Франціи державы. Въ письмѣ говорилось, что Моресъ, по просьбѣ этого представителя, устраивалъ публичныя собранія противъ Клемансо, какъ противъ врага франко-русскаго союза *).

Клемансо каждый разъ возстановлялъ истину. Онъ боролся съ необыкновенной твердостью. Въ продолженіе мѣсяца онъ объѣзжалъ города и деревни Драгиньянскаго округа. И въ эти минуты особеннаго напряженія духа и всей физической энергіи изъ груди Клемансо вырывались тѣ громовыя рѣчи, эхо которыхъ, какъ зовъ сирены погибающаго корабля, разносилось по всѣмъ концамъ Франціи.

Одну изъ такихъ рѣчей Клемансо произнесъ 8 августа въ Салернъ, одномъ изъ самыхъ важныхъ центровъ Драгиньянскаго округа.

На сыпавшіяся на него обвиненія, касавшіяся личной его жизни и отношеній, Клемансо отвѣтилъ исповѣдью, въ которой не скрылъ отъ сво-

---

*) Эта статья вызвала полемику, и частную, и официальную. См. *Figaro* отъ 2, 7 и 12 сентября 1892 г.

ихъ слушателей даже интимныхъ сторонъ своей жизни. Онъ разсказалъ, что запутался въ долгахъ, чтобы поддержать газету *La Justice*, что его плохое матеріальное положеніе лишило его возможности дать хотя бы самое маленькое приданое своей дочери, когда она выходила замужъ.

«Вотъ къ какимъ признаніямъ вынуждаютъ безкорыстныхъ служителей республики.

«Пусть стыдъ этого униженія падетъ на тѣхъ, которые сдѣлали эту исповѣдь необходимою».

Послѣ этой тяжелой исповѣди, которая дорого стоила его гордой душѣ, Клемансо перешелъ къ своему обычному тону, тому презрительному и негодующему тону, который такъ глубоко ожесточалъ его противниковъ. Онъ даже не называлъ ихъ по именамъ,—они не заслуживали этой чести,—но едва ли они что-нибудь выигрывали отъ этого. Обходя молчаніемъ ихъ имена, онъ обличалъ со всею силою своего безжалостнаго краснорѣчія честолюбивые помыслы, руководящіе ихъ дѣйствіями.

Освистанный, презираемый, оклеветанный въ трехъ милліонахъ экземпляровъ, осмѣянный, покинутый, отверженный до такой степени, что вызывалъ тошноту отвращенія у своихъ старыхъ враговъ, читая въ газетахъ извѣстія о своемъ арестѣ, или самоубійствѣ, говорилъ Клемансо, я спрашивалъ себя: неужели я въ самомъ дѣлѣ достаточно сдѣлалъ въ моемъ прошломъ, чтобы заслужить этотъ избытокъ почестей, неужели я дѣйствительно достаточно опасенъ въ будущемъ, чтобы оправдать этотъ избытокъ ярости» *).

Окончательный результатъ выборовъ былъ слѣдующій: Клемансо получилъ 8,609 голосовъ, его противникъ Жюрданъ, на которомъ сосредоточили голоса всѣ враждебныя фракціи—получилъ около 9,482 голосовъ.

Паденіе Клемансо было признакомъ оживленія клерикальнаго духа и усиленія антисемитическаго движенія. Но это паденіе свидѣтельствовало еще и о другой перемѣнѣ, которая произошла въ политической и общественной атмосферѣ Франціи. Сама по себѣ реакція была бы безсильна свалить Клемансо, если бы послѣдній не потерялъ популярность, которою пользовался среди народныхъ массъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Но Клемансо и теперь былъ близокъ къ рабочимъ слоямъ. Доказательствомъ можетъ служить благородное, проникнутое высокими чувствами письмо рабочихъ изъ Кармо, которое въ эту минуту тяжкихъ испытаній и тоски, когда Клемансо чувствовалъ вокругъ себя только холодъ и равнодушіе, было для него лучомъ тепла и свѣта. Да, Клемансо до сихъ поръ продолжаетъ быть близкимъ къ народнымъ массамъ человѣкомъ, но не своимъ.

За періодъ 1880—1893 гг. съ рабочимъ классомъ произошли большія перемѣны. Онъ вышелъ изъ традиціоннаго республиканскаго демократизма. Клемансо уже сыгралъ ту роль, которая выпала ему въ эту переходную для развитія французскихъ идей эпоху. Задача его была важна и высока,

---

*) „Discours de Salernes“ du 8 Août 1893 (*Justice*, 12 Août).

но онъ уже выполнилъ ее. Общественная борьба 80-хъ годовъ, въ которой и оппортюнисты, и радикалы, какъ партіи, доказали полное свое безсиліе, буланжистская и панамская катастрофы,—однимъ словомъ, всѣ событія политической и экономической жизни Франціи убѣдили уже значительную часть французскаго общества въ томъ, что спасеніе Франціи—въ слѣдованіи иному политическому идеалу.

Клемансо палъ, потому что его доктрина уже не удовлетворяла умы. Въ чемъ же состояла эта доктрина? Очень трудно говорить объ общихъ философскихъ взглядахъ политическаго и парламентскаго дѣятеля, особенно въ такую эпоху, когда Франція была проникнута такимъ положительнымъ духомъ и придавала такъ мало значенія общимъ теоретическимъ индукціямъ. Тѣмъ не менѣе въ рѣчахъ и статьяхъ Клемансо разсѣяны элементы общаго и опредѣленнаго взгляда на вещи, людей и общество. Нужно, значитъ, только соединить эти разбросанные тамъ и сямъ элементы и представить ихъ въ ихъ логической связи. Это и составитъ предметъ слѣдующихъ главъ.

V.

По своимъ воззрѣніямъ на природу Клемансо былъ матеріалистомъ, а по взглядамъ на общество—идеалистомъ. Онъ соединялъ идеализмъ, господствовавшій въ эпоху іюльской монархіи, съ появившимся съ эпоху второй имперіи матеріалистическимъ міросозерцаніемъ.

Въ противоположность республиканскому поколѣнію іюльской монархіи, видѣвшей расцвѣтъ спиритуализма, поколѣніе второй имперіи было сторонникомъ матеріализма. Изгнанный изъ Франціи идеалистическою реакціей 30-хъ годовъ, онъ снова возвращался въ свое отечество подъ нѣмецкой маркой. Клемансо, вмѣстѣ съ большинствомъ молодыхъ республиканцевъ той эпохи, былъ проникнутъ этими идеями. Его первая и послѣдняя работа въ области естественныхъ наукъ представляетъ докторскую диссертацію на тему о произвольномъ самозарожденіи *).

Но реакція противъ идеализма здѣсь, въ области общаго міровоззрѣнія и останавливалась. Въ частномъ случаѣ общественныхъ наукъ, въ политикѣ и этикѣ республиканцы второй имперіи оставались вѣрны идеологіи начала столѣтія. Они признавали существованіе общихъ законовъ, управляющихъ человѣкомъ и обществомъ, знаніе которыхъ должно было обезпечить спасеніе человѣческаго рода. Они вѣрили, что человѣчество преслѣдуетъ извѣстную, предначертанную цѣль, и вѣрили, что цѣль эта достижима. Они раздѣляли идеи Руссо о добродѣтельности человѣческой природы и идею Кондорсе о способности человѣка къ безконечному совершенствованію.

Обращаясь къ рѣчамъ и статьямъ Клемансо, мы всюду находимъ элементы этой философіи.

---

*) „De la génération des éléments anatomiques“, par le D-r Georges Clemenceau, Paris, 1867.

Клемансо исходной точкой своихъ изслѣдованій беретъ *человѣка*. Но въ данномъ случаѣ нужно понимать не физическаго человѣка, а человѣка, какъ отвлеченное начало, какъ моральную сущность, изъ которой можно логически извлечь цѣлую общественную систему.

Когда въ 1883 году въ палатѣ разсматривался законопроектъ о рецидивистахъ и Клемансо всталъ, чтобы протестовать противъ такого попранія человѣческаго достоинства, побѣдоносный аргументъ, приведенный имъ въ защиту рецидивиста былъ—слова Сенеки: «Онъ—человѣкъ!» Простое произношеніе этого слова человѣкъ должно возбуждать въ насъ представленіе о полной и счастливой жизни, о свободномъ и всестороннемъ развитіи способностей.

Это воззрѣніе существовало уже въ античномъ мірѣ. Онъ сочеталъ въ безсмертныхъ твореніяхъ форму съ идеей, онъ реабилитировалъ матерію и поставилъ человѣческую личность со всѣми ея достоинствами и недостатками, въ основу своей философіи и поэзіи. Онъ поднялъ человѣка до трона боговъ и самихъ боговъ создалъ по его образу и подобію. «Мы придаемъ богамъ человѣческій образъ, такъ какъ мы не знаемъ болѣе прекраснаго», говорилъ Фидій.

Клемансо, вмѣстѣ съ многими современниками, проникнутъ духомъ классицизма. Онъ любитъ Грецію и Римъ, какъ настоящій язычникъ.

Настоящая борьба за реабилитацію античнаго міра началась съ гностицизма. Съ тѣхъ поръ духъ, среди многочисленныхъ препятствій и трудностей, идетъ къ своей цѣли: возстановленію правъ человѣческой личности.

Французская революція дала самый сильный толчокъ для достиженія этой цѣли. Она создала великую, вѣчную, небывалую «декларацію правъ человѣка».

Взвѣсьте значеніе этихъ словъ: «права человѣка!» Здѣсь говорится о правахъ не француза, а человѣка какой бы то ни было расы, не о правахъ человѣка данной эпохи, а о правахъ, которыя онъ долженъ былъ бы имѣть во всѣ времена, во всѣхъ странахъ.

Съ одной стороны человѣкъ самъ по себѣ, внѣ своего класса, своего народа, внѣ измѣнчивыхъ историческихъ обстоятельствъ; съ другой стороны, его права, проистекающія изъ самой его человѣческой природы, являющіяся необходимымъ условіемъ его существованія и развитія.

Французская революція не только провозгласила этотъ принципъ, но, можно сказать, почти исчерпала его. Клемансо допускаетъ дальнѣйшій прогрессъ, но этотъ прогрессъ будетъ состоять въ дополненіи отдѣльныхъ частей. Славный «89» раздѣляетъ исторію человѣчества на два рѣзко различающихся періода: періодъ мрака и періодъ самосознанія. Въ первый періодъ несчастное человѣчество, какъ блуждающая комета, скиталось въ неизмѣримыхъ пространствахъ исторіи безъ цѣли и безъ дороги. Но вотъ человѣчество сразу видитъ предѣлы своихъ правъ и исчерпываетъ познаніе своей собственной природы.

Извѣстно, въ чемъ состоитъ знаменитая *декларація*. Клемансо ни-

когда не забываетъ ея. Онъ толкуетъ и цитируетъ ее постоянно. Она составляетъ самый могущественный его аргументъ во всѣхъ разсужденіяхъ. «Свобода — полная свобода», «равенство — полное равенство», «народный суверенитетъ»—эти слова являются всюду, во всѣхъ его рѣчахъ.

На декларацiи же основывается онъ, говоря объ избираемости судей. Высказываясь за уничтоженіе сената, онъ снова вспоминаетъ о знаменитой декларацiи, провозгласившей «народный суверенитетъ».

Одинъ разъ, когда Клемансо произнесъ въ одномъ собранiи слова: «народный суверенитетъ», среди публики послышался насмѣшливый и горькiй вопросъ, заданный въ формѣ Гаврошевскаго: «Ki'qu'ça?»

Клемансо не далъ даже докончить вопросъ и уже отвѣчалъ:

«Это—право нацiи не имѣть никакого господина, принадлежать самой себѣ, полновластно рѣшать свою судьбу и не давать никому насиловать себя» *).

Это—почти слова Грегуара въ 1814 году послѣ изданiя хартiи Людовика XVIII:

«Нацiя принадлежитъ только самой себѣ, господство надъ собой составляетъ ея существенную, неотъемлемую собственность, которая никогда не можетъ перейти ни къ отдѣльной личности, ни къ семьѣ» **).

Если въ текстѣ декларацiи не было рѣшенiя какого-нибудь безпокоившаго Клемансо вопроса, то онъ обращался къ комментарiямъ нацiональнаго собранiя, конвента или къ диссертацiямъ философовъ.

Требуя свободы слова, собранiй, союзовъ, онъ выдвигаетъ какъ самый сильный аргументъ все ту же самую декларацiю.

«Свобода, полная свобода для всѣхъ», вотъ его девизъ. «Честь республики,—говоритъ онъ въ одной рѣчи отъ 1881 года,—состоитъ въ томъ, чтобы требовать свободы для всѣхъ, какъ друзей, такъ и враговъ» ***).

Нигдѣ это абсолютное, законченное политическое воззрѣнiе не проявляется яснѣе, чѣмъ въ разсужденiяхъ Клемансо о народномъ образованiи.

Вѣрный традицiямъ просвѣтительной философiи XVIII столѣтiя, Клемансо возлагаетъ на народное образованiе самыя широкiя свои надежды. Онъ былъ первымъ меромъ во Францiи, сдѣлавшимъ свѣтскими коммунальныя школы.

И во всей своей послѣдующей дѣятельности Клемансо никогда не забывалъ этой цѣли. Въ одной изъ своихъ рѣчей отъ 1881 года Клемансо напоминаетъ, что, по вычисленiямъ Прудона, для полнаго народнаго образованiя во Францiи нужно бы 1,500 милiоновъ франковъ, и прибавляетъ съ своей стороны, что теперь не хватило бы и 5,000 милiоновъ. Но что значитъ такая жертва въ сравненiи съ преслѣдуемой великой цѣлью?

---

*) Discours au cirque Fernando, Dimanche, 29 Octobre 1882. Стенографическiй текстъ напечатанъ въ *La Justice* на слѣдующiй день.

**) *Grégoire:* „Constitution française“ de l'an 1814.

***) „Когда свобода сiяетъ — она сiяетъ для всѣхъ!“ повторяетъ вслѣдъ за нимъ его близкiй другъ Пельтанъ.

До сихъ поръ идеи Клемансо въ принципѣ совпадали съ идеями другихъ республиканцевъ. Его идеи отличаются отъ нихъ, когда дѣло идетъ о свободѣ образованія. Бо́льшая часть республиканцевъ признаютъ право преподаванія только за извѣстной категоріей гражданъ. Они отказываютъ въ этомъ правѣ членамъ такъ называемыхъ непризнанныхъ конгрегацій.

Клемансо требуетъ свободы, полной свободы для всѣхъ гражданъ. Онъ требовалъ этого въ 1882 г., того же онъ требуетъ теперь.

Совсѣмъ недавно онъ обращался къ спорамъ по вопросу о народномъ образованіи, происходившимъ въ національномъ собраніи, въ засѣданіи 3 декабря 1874 г.

Тогда сторонникомъ свободы образованія являлся Поль Беръ. Клемансо вспоминаетъ его слова, что свобода образованія входитъ въ «декларацію правъ человѣка». «Она содержится,—продолжаетъ Клемансо,—въ той фразѣ, которая формулируетъ свободу обмѣна мыслей всѣми возможными средствами».

Вслѣдъ за Полемъ Беромъ онъ цитируетъ еще одну фразу Кондорсе, содержащуюся въ докладѣ, представленномъ имъ законодательному собранію. «Независимость образованія составляетъ часть правъ человѣка *).

Что же отвѣчали на такія доказательства сторонники государственнаго вмѣшательства?

Какъ во времена Поля Бера, такъ и теперь они отвѣчаютъ одно и то же: пользованіе свободой образованія не можетъ быть полезно безъ предварительной подготовки массы, иначе хорошо организованная католическая церковь со своими многочисленными сильными и богатыми конгрегаціями сдѣлаетъ изъ воспитанія массы свою фактическую монополію.

«Въ современномъ состояніи Франціи эта свобода должна быть ограничена»,—отвѣчалъ Шаллемель-Лакуръ, сторонникъ государственной монополіи, Полю Беру, стороннику полной свободы образованія. «Еще будетъ время разсмотрѣть то, чего вы требуете,—продолжаетъ Шаллемель-Лакуръ, когда страна успокоится насчетъ отношенія католической церкви къ современной гражданской свободѣ, когда католическое духовенство тѣмъ или инымъ способомъ примирится съ идеями, которыя теперь оно, повидимому, порицаетъ».

Клемансо иначе ставитъ вопросъ. Онъ напоминаетъ слова Бёрка «требовать свободы для себя и отказывать въ ней другимъ,—вотъ опредѣленіе деспотизма».

Какъ пріучить массы разумно пользоваться свободою образованія, если отнять у нихъ самое пользованіе ею? Клемансо приводитъ слова Луи Блана, который одинъ имѣлъ мужество поставить этотъ вопросъ въ его настоящихъ границахъ.

«Дайте намъ свободу собраній, ассоціацій, свободу печати,—говорилъ Луи Бланъ. Дайте намъ свободу для всѣхъ, полную свободу, и тогда мы не будемъ бояться, что, при равенствѣ оружія разумъ потерпитъ пораженіе. Я клянусь этимъ самымъ разумомъ. Истина признаетъ своихъ».

VI.

Такова идеологія Клемансо. Она не встрѣчала полнаго одобренія даже со стороны радикаловъ, тѣмъ болѣе возставали противъ нея умѣренные республиканцы. Они уже вкусили практики, и находили политику принциповъ черезчуръ сухой. Они критиковали Клемансо съ презрительно-снисходительной усмѣшкой, къ которой часто прибѣгаютъ опытные люди, знающіе цѣну жизни.

«Вы ставите, какъ доктрину и точку отправленія, нѣсколько гипотетическихъ принциповъ, говорилъ однажды Жюль Рошъ, обращаясь къ Клемансо, и потомъ неуклонно выводите цѣлый рядъ слѣдствій, которыя вы представляете необходимыми».

Клемансо не уступалъ. Онъ убѣжденно защищалъ свои позиціи. Если мы откажемся отъ этихъ принциповъ, то что же намъ останется въ качествѣ постояннаго критерія нашихъ поступковъ? Если у насъ нѣтъ намѣченной въ пространствѣ точки, если въ пространствѣ, называемомъ исторіей, будущимъ,—нѣтъ идеала, то какъ можемъ мы судить, идемъ ли мы настоящимъ путемъ или нѣтъ? Въ такихъ условіяхъ человѣчество было бы вполнѣ подчинено произволу случая и тираніи своихъ страстей.

Но выше этихъ соображеній стояло для Клемансо другое соображеніе, онъ вѣрилъ въ него, вѣрилъ твердо. Всѣ боровшіяся прогрессивныя партіи имѣли идеалъ и онѣ побѣждали, и практики, державшіеся за свою опытность, оказывались побѣжденными безъ милосердія. Таковъ урокъ исторіи. Жюль Рошъ не первый воспользовался вышеприведеннымъ аргументомъ и Клемансо не первый опирался на вѣчные принципы. «До меня и до васъ были другіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ государственный мужъ отвѣчалъ одному оратору слѣдующими словами:

«Въ политикѣ еще меньше, чѣмъ въ философіи, можно оперировать a priori, чисто-діалектическимъ путемъ».

Государственный мужъ, отвѣтившій такимъ образомъ, былъ Эмиль Оливье, министръ-президентъ Наполеона III, а ораторъ, которому онъ отвѣтилъ, былъ Леонъ Гамбетта.

Когда, черезъ три мѣсяца послѣ вышеупомянутой рѣчи, началось разсмотрѣніе проекта Вальдека-Руссо насчетъ рецидивистовъ, Клемансо воспользовался случаемъ, чтобы напомнить слова Росси:

«Отъ власти принциповъ не убѣжишь и міръ принадлежитъ принципамъ, и слава человѣка въ томъ, чтобы повиноваться имъ».

Къ этимъ словамъ Клемансо прибавилъ съ своей стороны слѣдующее: «Политическій дѣятель прежде всего долженъ остерегаться чистаго эмпиризма, и стараться, насколько возможно, сообразоваться съ признанными законами, управляющими человѣческими обществами».

Теперь, черезъ 17 лѣтъ, возобновился тотъ же самый споръ. На этотъ разъ оппонентами Клемансо были два публициста крайней партіи: Жоресъ и Фурньеръ: первый въ *La Petite République*, а второй—въ *Le Petit Sou*

указывали на *абсолютный* характеръ разсужденій Клемансо по вопросу о свободѣ образованія.

За долгій, 17-лѣтній періодъ взгляды Клемансо не измѣнились: какъ въ 1883 г., такъ и теперь онъ возстаетъ противъ политики эмпиризма, противъ немощныхъ временныхъ рѣшеній, поглощающихъ много усилій и дающихъ только разочарованія.

«Нѣтъ ничего болѣе необходимаго, — пишетъ онъ въ № 4 *Le Bloc* въ отвѣтъ Жоресу, — какъ показать публикѣ раціонально поставленные вопросы, такъ какъ это единственное средство замѣнить дѣйствительностью общихъ рѣшеній безсильную агитацію, которою насъ истощаетъ эмпиризмъ нашихъ политиковъ».

Но когда заходитъ рѣчь объ общихъ рѣшеніяхъ, Клемансо обращается къ готовымъ формуламъ революціи.

Я не имѣю намѣренія возражать противъ идеологіи, которой придерживался Клемансо. Притомъ такая критика не представила бы никакого интереса. Теперь, когда господствуетъ понятіе объективной среды съ борющимися классами, съ ихъ противорѣчивыми, измѣнчивыми интересами, относительный характеръ многихъ «вѣчныхъ истинъ» сдѣлался общимъ мѣстомъ. Но критика, которая сочла бы свою роль выполненной этимъ простымъ констатированіемъ, оказалась бы по меньшей мѣрѣ столь же абсолютной, какъ и опровергаемыя ею доктрины. Она навела бы насъ кромѣ того на самыя печальныя размышленія, такъ какъ что она доказываетъ? Она доказываетъ, что цѣлыя поколѣнія жили, что тысячи людей боролись и умирали за что?—за иллюзію. Они вѣрили, что держатъ въ своихъ рукахъ истину, разъ навсегда освѣщающую человѣчеству его путь, но еще болѣе несчастные, чѣмъ Иксіонъ,—они не держали даже облаковъ, они не держали въ рукахъ ничего. То, во что они вѣрили вчера—было иллюзіей, то, во что они будутъ вѣрить завтра—иллюзія, обманъ, разочарованіе. Человѣчество похоже на бѣдствующій экипажъ судна: едва онъ успѣетъ спастись на какой-нибудь корабль, какъ корабль этотъ начинаетъ тонуть. Участь безнадежная и трагическая! На каждомъ шагу мы должны кричать нашимъ отцамъ: «Вы воображаете, что работали ради какой-то обще-человѣческой идеи? Какая ошибка! Вы работали только для себя, для ничтожнаго меньшинства. Ни одинъ изъ вашихъ руководящихъ принциповъ— не нашъ. Между нами и вами нѣтъ духовной связи, создаваемой общимъ дѣломъ, которому каждый, по силамъ и средствамъ, приносилъ свое сотрудничество. Между нами и вами существуетъ только физическое продолженіе матеріи!» Къ этому отчаянному воплю толкаютъ человѣчество диллетанты относительности. Если бы они сами, если бы вслѣдъ за ними человѣчество почувствовало весь ужасъ такого положенія, сердце его перестало бы биться. Но исторія противъ такихъ абсолютныхъ заключеній. Каждое новое поколѣніе заимствуетъ часть своего оружія изъ идеологіи прошедшаго. Значитъ, объединяющая духовная связь существуетъ. И здѣсь дѣло не только въ принимаемыхъ нами методахъ изслѣдованія, не только

въ накопленныхъ знаніяхъ, но въ переживаніи нѣкоторыхъ началъ, которыя, разъ пріобрѣтенныя, остаются достояніемъ человѣчества, какъ вѣчныя истины. На цвѣтущихъ поляхъ идей есть цвѣты, которые не завянутъ никогда, до тѣхъ поръ, пока существуетъ человѣческій родъ.

Къ нимъ относятся начала, легшія въ основу этики. Уже та идея, что существуетъ нравственность, одинаково обязательная для всѣхъ людей, была великимъ торжествомъ человѣчества. Это была первая связь, которую создало между своими членами раздѣленное и раздробленное человѣчество. И съ тѣхъ поръ чувство общности и солидарности постепенно проникаетъ въ общественные слои. Степень развитія этого чувства является лучшимъ мѣриломъ прогресса человѣчества.

Извѣстныя, разъ выработанныя этическія формы уже не могутъ быть уничтожены, а могутъ только быть усовершенствованы. Въ сознаніи этой истины—и утѣшеніе и надежда человѣчества. Самая существенная идея въ кодексѣ обще-человѣческой морали есть идея равенства. Сознаніе этой идеи, ея воплощеніе въ жизнь, развиваютъ и чувство солидарности.

Идея равенства людей, какъ моральныхъ единицъ, входила въ доктрины тѣхъ греческихъ философовъ, имена которыхъ неизвѣстны, но о которыхъ упоминаетъ врагъ этой идеи—Аристотель. Эта идея сдѣлалась господствующей въ морали съ торжествомъ христіанства.

Ее понимали старые римскіе законники, создавая терминъ «естественное право»; она входила неизбѣжной предпосылкой въ важный декретъ, которымъ Константинъ Великій повелѣвалъ, чтобы отнынѣ «убійство раба наказывалось точно такъ же, какъ и убійство свободнаго человѣка».

Историческая необходимость привела тогдашнія поколѣнія къ сознанію этой истины и заставила императора Константина ввести въ законодательство этотъ высокій принципъ. Раньше могла идти рѣчь о равенствѣ патриціевъ между собою, о равенствѣ плебеевъ, о равенствѣ рабовъ. Всѣ эти нравственныя границы пали, когда было провозглашено равенство людей.

Въ человѣчествѣ пробудилось сознаніе, что оно составляетъ одно цѣлое. Каждый человѣкъ могъ сказать словами Теренція:

Homo sum et humani nihil a me alienum puto.

Больше всего должны были радоваться тѣ, которые были лишены всѣхъ правъ, для которыхъ законъ былъ нѣмъ. Послѣ долгой и жестокой кровавой борьбы попранный рабъ въ первый разъ поднялъ голову и взглянулъ впередъ съ той высоты, на которую его вознесла новая мораль. На его утомленное, страдальческое лицо, носящее рубцы отъ кнута, упали теплые лучи солнца, восходившаго тамъ, вдали, изъ-за другихъ высотъ. Въ его тусклыхъ, залитыхъ слезами глазахъ, блеснула надежда на будущее.

Х. Г. Инсаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Гоголевщинѣ.

(Изъ послѣдней поѣздки).

Послѣ почтенныхъ трудовъ П. А. Кулиша и В. И. Шенрока, въ которыхъ собрано все главное, относящееся къ памяти великаго Гоголя, за послѣдніе годы многія лица посѣщали родину Гоголя, пробовали собирать свѣдѣнія, и при этомъ всѣ обращались къ лицамъ однимъ и тѣмъ же, и такимъ образомъ происходило, въ будто бы новыхъ статьяхъ, повтореніе одного и того же, развѣ только съ прибавками, которыя невольно являются у людей, много лѣтъ разсказывающихъ одно и то же событіе: или разсказъ заучивается, или, въ желаніи сказать лучше, варіируется. Являются подробности не существующія, прибавленныя случайно, а потомъ вошедшія въ привычку. И все это печаталось и продолжаетъ печататься, затемняя истину. Между тѣмъ каждое правдивое слово о великомъ писателѣ, характеризирующее и его, и ту обстановку, которая послужила для его творчества, всякое подобное свѣдѣніе есть уже цѣнность, которая должна принадлежать всѣмъ. Пройдетъ еще какихъ-нибудь пять лѣтъ, и не останется въ живыхъ ни одного современника Гоголя, и пропадутъ всѣ живыя слова очевидцевъ, знавшихъ и его, и жизнь въ Гоголевщинѣ въ былое время.

И вотъ все это заставило меня сдѣлать еще рядъ поѣздокъ въ Гоголевщину.

Два года назадъ, въ церкви села Большіе Сорочинцы, я досталъ въ архивѣ метрическую книгу съ помѣткой дня рожденія Гоголя, и установилъ спорный до того времени день рожденія. Все это я описалъ въ *Русской Мысли* (февраль 1900 г.).

Настоящею осенью я сдѣлалъ двѣ большихъ поѣздки, проведя болѣе мѣсяца между Миргородомъ и Полтавой, и постарался повидать, мнѣ кажется, всѣхъ живыхъ современниковъ Гоголя, а также собралъ тѣ свѣдѣнія, которыя доселѣ остались по разнымъ причинамъ неизвѣстными.

При томъ я старался главнымъ образомъ обращаться къ тѣмъ современникамъ поэта, которыхъ никогда и никто не разспрашивалъ и которые

безъ всякаго желанія рисовки правдиво повѣдывали мнѣ то, что сохранилось въ ихъ памяти, нерѣдко даже выказывая удивленіе, зачѣмъ у нихъ спрашиваютъ такія неинтересныя, по ихъ мнѣнію, вещи?

Повѣдаю о чемъ могу въ томъ порядкѣ, какъ это видѣлъ я во время пути, который былъ хорошо извѣстенъ Гоголю. Собравъ матеріалъ по воспоминаніямъ о Гоголѣ, мнѣ пришлось волей-неволей остановиться и на настоящемъ этихъ мѣстъ, сохранившихъ тѣ черты, которыя извѣстны читателямъ Гоголя.

Всѣ эти мѣста поэтому и назвалъ я однимъ словомъ: Гоголевщина.

Не будь Гоголя,—развѣ говорили бы о нихъ? Развѣ говорили бы объ Украйнѣ?

— Конечно, говорили бы... А полтавскій бой? Развѣ онъ не прославилъ страну...

— Да, были герои-побѣдители... объ этомъ свидѣтельствуютъ могилы, дѣла рукъ героевъ...

А послѣ нихъ прошли два мирныхъ человѣка съ записными книжками въ рукахъ, одинъ обезсмертилъ Полтаву въ чудныхъ стихахъ, а другой заставилъ весь міръ полюбить милую, симпатичную Украйну...

Ни Полтавы, ни Украйны безъ нихъ не знали бы...

Отъ героевъ меча остались могилы, отъ людей слова—правда и любовь.

Выѣхалъ я изъ Полтавы по исторической Диканьской дорогѣ и, проѣхавъ съ версту—оглянулся назадъ.

И ты, украинская красавица, утонувшая въ садахъ и тополевыхъ аллеяхъ, измѣнилась ровно настолько же, насколько измѣнились русскіе города въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ истекшаго столѣтія!

Ровно настолько же.

До того времени, подъѣзжая къ каждому городу, первымъ дѣломъ увидишь острогъ, а теперь обязательно ранѣе острога взглядъ налетаетъ на монополію, или, какъ мѣтко назвалъ ее народъ, винополію.

И здѣсь тоже—вонъ она, громоздкая, неуклюжая, плотно присосалась къ землѣ.

Я больше не оглядывался назадъ.

Вонъ, направо, шведская могила. Налѣво колонія для сумасшедшихъ, занимающая 14 десятинъ, когда-то улитыхъ кровью...

А впереди раскинулись широко-широко поля, ярко-зеленыя озими, съ желтыми оазисами, хуторскими садочками, золотомъ отливающими при яркомъ блескѣ сентябрьскаго солнца.

Рѣзкой полосой прорѣзаетъ изумрудную зелень черная дорога, по которой когда-то ѣздилъ Гоголь...

А ранѣе, еще ранѣе, на этихъ поляхъ, спокойныхъ изумрудныхъ поляхъ

Тяжелой тучей
Отряды конницы летучей
Браздами, саблями звуча,

Сшибаясь, рубятся сплеча,
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ...
. . . . . .
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Ужасное было время, и напоминаютъ о немъ эти зеленые курганы по сторонамъ дороги.

И воздвигла эти курганы прихоть и жажда славы одного человѣка...

Мнѣ сейчасъ представляется: вонъ тамъ, въ балочкѣ, двое блѣдныхъ, испуганныхъ всадниковъ, боязливо скачутъ по очеретамъ...

Нѣтъ ужъ давно-давно ихъ, сначала молніеносныхъ, потомъ испуганныхъ взглядовъ, полныхъ отчаянія, нѣтъ ужъ ихъ грознаго воинства,— ничего не осталось на этихъ поляхъ, кромѣ поросшихъ травою могилъ, а поля все неизмѣнны, свѣжи, зелены...

Да осталось еще народное названіе мѣстности по дорогѣ, характеризующее то время; а названіе это: Побиванка.

А за Побиванкой—Петрова долина, а дальше Перерубъ, а тамъ и Диканька.

Вотъ при въѣздѣ—аллея изъ дубовъ, такихъ пятиобхватныхъ да угрюмыхъ, какихъ на свѣтѣ, пожалуй, не увидишь.

Это тѣ самые дубы, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ—
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.

А за дубами Диканька съ ея великолѣпнымъ дворцомъ, окруженнымъ вѣковымъ паркомъ, сливающимся съ дубовыми лѣсами, въ которыхъ водятся даже стада дикихъ козъ.

Я цѣлый день провелъ въ этомъ лѣсу, октябрьскій, солнечный день.

Тишина поразительная. Ни листъ, ни вѣточка не шелохнется. Если только смотрѣть на солнце—переливается въ воздухѣ прозрачная блестящая паутина между топкой порослью, да если прислушаться—зашелеститъ на мигъ упавшій съ дерева дубовый листъ. Земля устлана плотно прибитыми наканунѣ дождемъ желтыми листьями, надъ которыми стоятъ еще зеленые, неуспѣвшіе пожелтѣть и опасть листья молодой поросли. Ни звука, ни движенія. Только лапчатый кленовый листъ, прозрачножелтый на солнцѣ, стоитъ бокомъ къ стеблю и упорно правильнымъ движеніемъ качается въ стороны, какъ маятникъ: то вправо, то влѣво. Долго онъ качался, и успокоился только тогда, когда оторвался, зигзагами полетѣлъ внизъ и слился съ желтымъ ковромъ... Да еще тишина нарушилась двумя красавицами дикими козами, которыя быстро пронеслись мимо меня и скрылись въ лѣсной балкѣ... И конца краю нѣтъ этому лѣсу. А посреди него поляны,

гдѣ пасутся табуны... Вотъ Волчій Яръ, откуда открывается внизу далеко-далеко необъятный горизонтъ, прорѣзанный голубой лентой Ворсклы, то съ гладкимъ степнымъ, то съ лѣсистымъ обрывистымъ берегомъ...

Великолѣпны окрестности Диканьки и великолѣпенъ дворецъ, въ которомъ между драгоцѣнностями хранится въ дорогомъ шкафу рубаха Василія Кочубея. Простая, бѣлая рубаха съ пятномъ крови. Послѣ казни въ Бѣлой Церкви рубаха Кочубея досталась его родственникамъ и до послѣдняго времени хранилась въ церкви въ с. Жукахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Жукахъ ожидали архіерея, объѣзжавшаго епархію, и попадья, рѣшившая, что не подобаетъ владыкѣ видѣть окровавленную рубаху, вымыла ее, но всетаки кровь отмыть не могла. Тогда владѣлецъ Диканьки, князь В. С. Кочубей, взялъ эту реликвію къ себѣ и устроилъ ей подобающее помѣщеніе въ своемъ дворцѣ.

Сзади дворца садъ, а еще дальше, за прудомъ и село Диканька, гдѣ кузнецъ Вакула такъ расписалъ свою хату, что проѣзжавшій блаженной памяти архіерей даже спросилъ:

— А чья это такая размалеванная хата?

Та самая Диканька, гдѣ жилъ дьякъ Ѳома Григорьевичъ «кажется, и незнатный человѣкъ, а посмотрѣть на него—въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе; въ церкви, когда запоетъ на клиросѣ—умиленіе неизобразимое».

Прошелъ я изъ дворца и парка въ Диканьку, для скорости пути едва пролѣзши въ какую-то дверь въ заборѣ, перешелъ мостикъ и сталъ подниматься въ гору, къ Троицкой церкви, которую расписывалъ Вакула и въ которой Ѳома Григорьевичъ дьякомъ былъ.

Остановился противъ церковной ограды у хаты, а на воротахъ написано: «Петръ Андреевичъ Зеленскій».

— Чья хата?—спросилъ я подошедшаго человѣка, не молодого и не стараго, одѣтаго чисто, по рабочему.

— Хата была Петра Андреевича, дьяка, а какъ онъ умеръ, такъ перешла къ новому дьяку, его преемнику. То былъ дьякъ.

— Вродѣ Ѳомы Григорьевича?

— Вродѣ Ѳомы Григорьевича, да еще почище. Почтенный былъ, все молчалъ, да слушалъ, да табакъ съ такой важностью нюхалъ, что шапку, увидишь, скинешь. А какъ на клиросѣ пѣлъ. По-старинному и даже довольно уморительно. А выпить могъ—уму невообразимо. Бывало праздникомъ—пьетъ, пьетъ, и не узнаешь. А какъ запоетъ «Волною морскою», да вскочетъ, тряхнетъ плечами, да гикнетъ, и пойдетъ, и пойдетъ!... Вотъ это былъ дьякъ. Больше пятидесяти лѣтъ здѣсь прослужилъ.

Шли мы по Диканьскимъ улицамъ, и все мнѣ мой спутникъ разсказывалъ, и видно, что читалъ всего Гоголя.

— А вотъ и Вакуленко,—указалъ онъ мнѣ кузницу. Я поинтересовался.

— А что всѣ у васъ такъ же, какъ вы, Гоголя знаютъ?

— Да; Диканька должна знать и знаетъ Гоголя, у насъ неграмотныхъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ. Двѣ школы, параллельные классы. Князь Кочубей много, очень много помогаетъ школамъ. Здѣсь учащіеся въ школахъ на счетъ князя получаютъ горячую пищу... Въ Диканькѣ есть общество вспомоществованія учащимся, члены общества главнымъ образомъ крестьяне и казаки, взносъ ежемѣсячный отъ 10 коп., а на эти деньги способные мальчики и въ высшія учебныя заведенія даже идутъ... Диканька—это Гоголевщина... какъ же намъ не знать его.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Диканьки въ Яновщину. Миновавъ деревню Балясное,—тамъ школа созданная Кочубеемъ, миновалъ экономіи Дьячково—тамъ школа на средства Кочубея.

Дорога отъ Диканьки до Яновщины идетъ почти все время землями Кочубея. Вотъ балка Пустовидка. Здѣсь когда-то сидѣлъ разбойникъ Пустовидъ. Вотъ Зозулина балка. Вотъ Дьячково—богатѣйшая экономія Кочубея съ паровой мельницей, электрическимъ освѣщеніемъ, виноградниками, необозримыми запашками. Вотъ хуторъ Задорожный. Владѣлецъ его, казакъ Григорій Ефимовичъ Задорожный, старѣйшій въ округѣ. Еще во времена Гоголя онъ былъ церковнымъ старостой въ Яновщинѣ, и послѣ каждой церковной службы Марія Ивановна Гоголь приглашала его въ домъ.

— Добрая была. Бывало у меня въ церкви размѣняетъ десять рублей и всѣ раздастъ бѣднымъ. А панычъ (Гоголь) еще добрѣе былъ. Помню разъ при мнѣ онъ говорилъ Марьѣ Ивановнѣ: «Смотрите, чтобы не обижали людей». Придетъ, бывало, поговоритъ съ рабочими, ласково-ласково. Добрый панычъ былъ.

Отъ Задорожнаго я заѣхалъ въ Невѣнчанную балку, балка эта на десятокъ верстъ, по странной случайности, искони была вся населена холостяками—помѣщиками, записывавшими своихъ многочисленныхъ дѣтей къ себѣ же въ крѣпостные. Пріѣхалъ на хуторъ Тыщенку, которымъ владѣютъ братья Мироненки, совершенно случайно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ унаслѣдовавшіе это имѣніе отъ своего дяди.

Мироненки уже пожилые люди, родные братья. Жили они прежде бѣдно, а потомъ умеръ ихъ богачъ дядя, Шафрановъ, и оставилъ имъ около полумилліона въ имѣніи и деньгахъ. Стали они дѣлить такое богатство. Крупное подѣлили, а на мелкомъ поссорились. Не подѣлили старую молотилку. И стоитъ она гніетъ на дворѣ, у обоихъ на глазахъ, чтобы никто пользоваться ею не могъ. Старшій братъ Иванъ Ивановичъ соглашался продать молотилку и деньги подѣлить и даже пожертвовать на школу, а младшій Петръ Ивановичъ уперся и говоритъ:

— Не хай она сгніе! Або моя, або хай сгніе!

И поссорились изъ-за молотилки и другъ друга видѣть не желаютъ и знать не хотятъ. Живутъ, будто и знакомы не были.

Великій Гоголь провидѣлъ этихъ двухъ братьевъ, которыхъ такъ живо изобразилъ въ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ.

Я заѣхалъ въ домъ къ Ивану Ивановичу, который живетъ вдвоемъ съ своимъ сыномъ Спиридономъ Ивановичемъ: оба хорошіе хозяева и аккуратные люди. Иванъ Ивановичъ очень интересуется стариной, много помнитъ и прекрасно разсказываетъ. Даже стихи на малороссійскомъ языкѣ пописываетъ. Я предполагалъ найти у него что-нибудь о Гоголѣ, но нашелъ только кипу старинныхъ, еще блаженной памяти повѣтоваго миргородскаго суда дѣлъ, да нѣсколько купчихъ крѣпостей на продажу людей... Живыхъ людей... Ужасные документы, по которымъ живые люди переходили отъ одного владѣльца къ другому, дѣти отнимались отъ родителей. Привожу копію одной такой купчей, тѣмъ болѣе, что въ ней находится имя, заставившее г. Мироненка разговориться. Вотъ копія:

«Лѣта 1851, Генваря 22, помѣщикъ Миргородскаго уѣзда, дворянинъ, Коллежскій Секретарь Григорій Романовичъ Тищенко, продалъ дворянину Коллежскому Регистратору Василію Прокофьеву сыну Шафранову, собственныхъ моихъ дворовыхъ людей пріобрѣтенныхъ мною назадъ за 30 лѣтъ отъ Губернскаго Секретаря Коновалова и Гришко-Горишевскаго по актамъ въ Миргородскомъ уѣздномъ судѣ возстановленнымъ и по наслѣдству на хуторѣ моемъ Грузько-Головинскомъ—дворовыхъ людей: Умершаго Іосафа Гайдая сына Никиту и дочерей Марью, Агриппину и Надежду. Власія Горбана, жену его Анну и дочерей Евфросинью и Маріанну. Гордѣя Горбаненко, жену его Екатерину, дѣтей ихъ: сыновей Трофима и Ануфрія, да дочь Татьяну. Женщину Марью Прибитову съ незаконнорожденными дѣтьми мужеска пола пятнадцати душъ». Далѣе подписи.

— Интересное имя въ этой купчей упоминается,—сказалъ мнѣ хозяинъ,—это Гришко-Горишевскій. Онъ изъ с. Устивицъ, изъ-подъ Сорочинецъ, и я самъ оттуда. Такъ этотъ самый Гришко-Горишевскій,—его ужъ я не помню, дѣдъ мнѣ про него разсказывалъ,—былъ сотникомъ и принималъ къ себѣ всѣхъ разбойниковъ и майданщиковъ.

— А что такое майданщики?

— А которыхъ закуція на майданъ посылала.

— Не понимаю.

— Закуція? Да это экзекуція, власти. Закуція состояла изъ головы, сотскаго, десятскаго, писаря и добросовѣстнаго.

Идутъ они всей партіей выколачивать подушную. Если не платитъ кто подушнаго въ первый разъ—арестуютъ.

Если не заплатитъ во второй разъ, а уже въ тюрьмѣ сидѣлъ, достанутъ сажи, натолкутъ ее, помѣшаютъ съ водой—да и давай ляпать по стѣнамъ и по одеждѣ, по чемъ попало. И водятъ за собой тѣхъ, кого измажутъ. Въ третій разъ берутъ недоимщика, и ведутъ на большую дорогу, на перекрестокъ. А на перекресткѣ лежатъ свалены длинные дубы, и надолблены въ тѣхъ дубахъ дыры. И вотъ въ дыру на дубѣ вставляютъ ногу неплательщика и прибиваютъ ее брусомъ: вынуть нельзя. Много на-

роду насадятъ и держатъ 3—4 сутокъ, даже зимой. Это называлось на дубу.

Въ 4-й разъ неплательщика забираютъ и ведутъ къ дубу. А у дуба—ямы глубокія, надъ ямами перекинуты жердочки, а черезъ жердочки перекинуты прутяные плетни. И вотъ въ эту яму насадятъ биткомъ недоимщиковъ, а затѣмъ навезутъ воды, и ходитъ «закуція» по плетнямъ и поливаетъ холодной водой тѣхъ, которые сидятъ въ ямахъ. И продолжалось это отъ 3 до 5 дней.

А ужъ если это не помогало, пороли жестоко и отправляли, пока не заработаютъ подушнаго, на селитряные заводы на майданщину.

Такъ поступали и съ казаками.

Майданы были повсюду вокругъ. Работа каторжная и каторжные порядки. Майданщикъ — ругательное слово, уцѣлѣвшее и до сихъ поръ. Единственный исходъ для майданщиковъ былъ побѣгъ въ Таврію или въ Донскія и Днѣпровскія гирла, или къ Гришкѣ-Горишевскому.

Въ то время въ Устивицахъ близъ села Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда, у него было большое имѣніе. И стоялъ на сорочинской дорогѣ столбъ, а въ столбу проверчено шесть дырокъ. Это были условные знаки, которые понимали только тѣ же майданщики.

Означали эти шесть дырокъ, что бѣглые, явившіеся въ Устивицы, получаютъ 6 лѣтъ панщины, если запишутся къ Гришкѣ въ «пидсусідки», а черезъ шесть лѣтъ переходятъ съ потомствомъ въ крѣпостные, а бѣжать отъ Гришки было нельзя: у него были злющія-презлющія собаки, которыя разрывали каждаго прохожаго. А ударить ни одной собаки нельзя—кто ударилъ—самъ пропалъ.

Передававшій это, со словъ своего дѣда, родился въ тѣхъ же Устивицахъ.

О себѣ И. И. разсказывалъ такъ:

— Боялись мы школы. Учились мы въ конюшнѣ у попа. Учился со мной рядомъ же и теперешній кременчугскій врачъ Б—ій. Сидимъ мы въ конюшнѣ на бревнахъ да и выглядываемъ изъ оконца—кто идетъ, а сами читаемъ:

«Единъ Богъ во Святой Троицѣ». Вдругъ попъ выхватитъ у кого-нибудь изъ рукъ книжку, да велитъ продолжать наизусть.

А чуть ошибся—линейкой по щекѣ. Во съ какими мордами ходили.

А то разъ спрашиваетъ меня:

— Скілкі було Ноевъ?

— Одинъ,—говорю я,—праведный Ной?

— А якъ же Америка взялась?

Да по мордѣ линейкой.

Поблагодаривъ И. И. Мироненка, я выѣхалъ въ Яновщину, чтобы повидать гоголевскія мѣста, сестру Гоголя, О. В. Головню, и старшаго въ родѣ Гоголей—Н. В. Быкова.

Не могу не сознаться, что въ Яновщину ѣхалъ я съ сердечнымъ тре-

петомъ. Даже рѣшилъ, что и заходить къ владѣльцамъ не буду, постараюсь ихъ не безпокоить, такъ какъ я слышалъ уже о томъ, какъ надоѣли имъ всевозможные интервьеры и корреспонденты съ фотографическими аппаратами и записными книжками, обладатели которыхъ заносятъ каждое слово о Гоголѣ, сказанное тѣмъ даже, кто, живя на Украйнѣ, и понятія не имѣетъ о Гоголѣ. Эти пилигримы страшно надоѣдаютъ владѣльцамъ Яновщины, и я положительно не хотѣлъ уподобляться имъ, да вообще думалъ тамъ найти мало интереснаго: надоѣло людямъ отвѣчать, будутъ повторяться, говорить нехотя...

Вышло наоборотъ.

На подъѣздѣ расположеннаго въ саду дома Н. В. Быкова я встрѣтилъ хозяйку дома и попросилъ разрѣшенія только пройтись по Гоголевскому саду, на что получилъ разрѣшеніе и, откланявшись, назвалъ свою фамилію.

Тогда меня попросили въ домъ. Н. В. Быковъ знаетъ меня по моимъ работамъ, а супруга его Марія Александровна, внучка А. С. Пушкина слыхала обо мнѣ отъ своихъ родственниковъ, съ которыми я давно знакомъ.

Все это было пріятное разочарованіе: думалъ посмотрѣть самъ, предполагалъ встрѣтить сухой пріемъ, не добыть ничего интереснаго,—а оказалось, что весь-то интересъ и былъ здѣсь.

Нашлась сотня общихъ знакомыхъ, общіе интересы, пошелъ разговоръ такой, будто встрѣтились старые друзья послѣ долгой разлуки.

Оказывается, что Н. В. Быковъ самъ интересуется до мелочи всѣмъ, что касается его геніальнаго дяди, и самъ владѣетъ многимъ интереснымъ, кромѣ того, что имъ уже ранѣе было пожертвовано въ Румянцевскій музей.

И вотъ передо мной цѣлый музей реликвій, разсмотрѣнію которыхъ я посвятилъ день и почти всю ночь. На другой день я посѣтилъ сестру поэта, Ольгу Васильевну Головню, и засталъ ее въ то время, когда она только что вернулась съ пасѣки изъ Яворивщины, верстахъ въ трехъ, въ степи, гдѣ когда-то любилъ бывать и Гоголь.

Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ Гоголя была Яворивщина, гдѣ когда-то былъ старый дубовый лѣсъ, а также и Стѣнка (или Стенька), урочище, въ пяти верстахъ отъ Яновщины, принадлежащее Н. В. Быкову. Гоголь часто ѣздилъ въ Стѣнку,—это лѣсъ, спускавшійся по обрывистому берегу Голтвы. Мѣсто весьма красивое, поэтическое. Здѣсь онъ задумалъ свое «Заколдованное мѣсто».

Ольга Васильевна еще бодрая старушка, интересующаяся хозяйствомъ и деревенскою жизнью. Она плохо слышитъ, но еще любитъ поговорить о прошломъ, хотя ей это довольно трудно, почему я не позволилъ себѣ безпокоить ее разспросами, ограничившись тѣмъ, что осмотрѣлъ гоголевскія вещи, которымъ и предлагаю подробный списокъ:

Реликвіи Гоголя въ Яновщинѣ.

У О. В. Головни. 1) Дубовая дверь изъ стараго дома, соединявшая

столовую съ буфетной въ венеціанскомъ стилѣ съ разноцвѣтными стеклами, сдѣланная по рисунку Гоголя домашнимъ столяромъ.

2) Пальмовая трость съ кипарисовой ручкою, вывезенная Гоголемъ изъ Палестины.

3) Крестъ тѣльный Н. В. Гоголя.

4) Священное масло изъ Іерусалима, коробочка и нѣсколько другихъ мелкихъ вещей.

5) Золотое кольцо съ вдѣланными въ него волосами Гоголя.

6) Нѣсколько раскрашенныхъ Гоголемъ Библейскихъ картинокъ.

7) Гербаріумъ, собранный Гоголемъ въ Стѣнкѣ и Яворивщинѣ.

8) Небольшое количество документовъ рода Гоголей и семейныхъ бумагъ, уже просмотрѣнныхъ и использованныхъ Кулишемъ, ничего новаго и интереснаго не представляющихъ, такъ какъ большинство семейныхъ документовъ сгорѣло при бывшемъ въ Яновщинѣ пожарѣ еще при отцѣ Гоголя, и М. И. Гоголь была очень затруднена при внесеніи рода въ родословныя книги дворянства, что видно изъ дѣлъ Полтавскаго депутатскаго собранія и прошенія самой Маріи Ивановны.

9) Нѣсколько книгъ Гоголя, преимущественно духовнаго содержанія.

У Н. В. Быкова. 1) Портретъ Гоголя, писаный въ Римѣ Моллеромъ въ 1841 году.

2) Гравюра Іордана съ Рафаелевскаго «Преображеніе», 1-й экземпляръ, подаренный Іорданомъ—Гоголю.

3) Часы и цѣпочка Гоголя, которые онъ постоянно носилъ, послѣ смерти его присланные его матери изъ Москвы.

Часы принадлежали Пушкину и были взяты Жуковскимъ послѣ смерти его и потомъ подарены Гоголю.

4) Конторка Гоголя, на которой онъ писалъ въ свои, впрочемъ, рѣдкіе пріѣзды въ деревню, сдѣланная по его указанію домашнимъ столяромъ.

5) Небольшой дубовый книжный шкапъ Гоголя, дѣланный по его рисунку домашнимъ столяромъ, съ большою частью книгъ, принадлежавшихъ Гоголю: итальянскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и русскихъ. Библіотека Гоголя была не велика, такъ какъ, бывая рѣдко въ деревнѣ, она пополнялась привезенными съ собою случайными книгами.

6) Небольшой кожаный чемоданъ Гоголя.

7) Темно-красный бархатный жилетъ Гоголя, его фуляръ, портфель, перламутровый крестъ, вывезенный изъ Іерусалима, футляръ для часовъ и др. мелкія вещи.

8) Медальонъ съ волосами В. А. и Н. В. Гоголей.

9) Именная и гербовая печати Гоголя.

10) 3 рисунка Гоголя къ Ревизору: 2 варіанта заключительной сцены и сцена Мар. Андр. съ Мар. Антонов. (Дѣйст. I, явл. 6).

11) Нѣсколько раскрашенныхъ Гоголемъ Библейскихъ рисунковъ, много набросковъ перомъ и карандашомъ.

12) Письма Гоголя къ матери и сестрамъ А. В. Гоголь и Е. В. Бы-

ковой, нѣсколько его черновыхъ набросковъ и переписокъ, нѣкоторые его документы, подорожныя, паспорта. Засушенные и вывезенные изъ Іерусалима цвѣты, письма къ нему и о немъ Аксакова, Кулиша и другихъ.

13) Записки матери Гоголя, Маріи Ивановны.

Стѣна въ кабинетѣ Н. В. Быкова:

Посрединѣ, большой масляной краской, лучшій портретъ Н. В. Гоголя, писанный Моллеромъ, окруженный литографированными портретами Гоголя: Иванова, Мамонтова, Вениціанова и др. Гоголь въ гробу, Гоголь среди русскихъ художниковъ въ Римѣ, нѣсколько портретовъ матери Гоголя, сестры Гоголя, его племян. Трушковскій (первый издатель его сочиненій), Портреты: Трощинскихъ, Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергѣевича Аксаковыхъ. Виды домовъ: въ которомъ Гоголь провелъ дѣтство, и позднѣйшій, въ которомъ онъ останавливался, пріѣзжая уже взрослымъ. Гоголь на крыльцѣ послѣдняго дома, слушающій бандуриста и у самовара его сестра Е. В. Быкова. Рѣдкая теперь гравюра, изданная въ годъ смерти Гоголя:—Онъ—сидящій у камина и сжигающій 2-ю часть Мертвыхъ душъ (съ двумя аллегорическими фигурами—входящей смерти и плачущаго генія). Тутъ же у стѣны дубовый библіотечный шкапъ Гоголя, его конторка.

Передо мной папка драгоцѣнностей: собственноручная рукопись и рисунки Гоголя.

Съ душевнымъ трепетомъ беру первый листъ бѣлой бумаги, въ которомъ лежитъ часть бумагъ. Вотъ 1-я: паспортъ Гоголя, переплетенный въ видѣ книжки, въ кожу.

Паспортъ на нѣмецкомъ языкѣ, на большомъ листѣ, весь исштемпелеванный и исписанный вязями. Онъ вклеенъ въ эту книжку, довольно толстую, и всю исписанную и исштемпелеванную.

2) Аттестатъ Гоголя.

3) Предписаніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа г-жѣ Яновской уплатить за ученіе сына 166 рублей 67 коп. ассигнаціями.

4) Цвѣты изъ Палестины, завернутые въ паспортъ.

5) Свидѣтельство намѣстника патріарха въ Іерусалимѣ, о. Петраса Мелетія, отъ 23 февраля 1848 г. о полученіи благословенія. (Греческое).

6) Записки Маріи Ивановны Гоголь, написанныя по просьбѣ Кулиша.

7) Разныя письма: изъ Женевы, Рима и др.

8) Записка А. С. Пушкина:

«Прочелъ съ удовольствіемъ; кажется, все можетъ пропущено—Акуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для полнаго эффекта вечерней мазурки—Авось Богъ вынесетъ, съ Богомъ. А. П.»

8) Письмо изъ Женевы отъ 24 сент. (6 окт.) 1826 года. Наверху гравированный видъ Женевы. Письмо это, къ Маріи Ивановнѣ, не было напечатано, и я привожу его *):

Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Вы, вѣрно,

*) Оно вошло въ собраніе его писемъ, изданное послѣ моей поѣздки.—*Авт.*

получите это письмо гораздо послѣ того и потому желаніе мое будетъ неумѣстно, притомъ же вы, вѣрно, знаете его хорошо. Мы всѣ молимъ Бога о дарованіи вамъ много, много счастливыхъ годовъ. Я въ Женевѣ не болѣе какъ на одинъ день по дорогѣ. Таскался по горамъ и возвращаюсь уже назадъ. Видовъ такая бездна и такихъ великолѣпныхъ, что писать въ письмѣ о нихъ нѣтъ возможности. До сихъ поръ во все время путешествія моего облака были подъ моими ногами. Четыре дня нужно было для того, чтобы взойти на вершину Монблана, одной изъ высочайшихъ горъ. Другія горы, тоже ужасной величины, служатъ ей ступенями. Онѣ всѣ покрыты лѣсомъ, за ними слѣдуютъ покрытыя кустарникомъ, потомъ, начинаясь тамъ, гдѣ оканчивается ихъ верхушка—Монбланъ, который также начинается кустарниками. Выше растетъ на немъ одна дикая трава, наконецъ, когда поднимаешься еще выше, одинъ мохъ, затѣмъ прекращаются всѣ произрастенія и начинаются снѣга и вы совершенно очутитесь посреди зимы. Передъ вами снѣга, надъ вами снѣга, вокругъ васъ снѣга. Внизу земли вы видите вмѣсто нее въ нѣсколько рядовъ облака. Цѣлыя ледяныя стѣны, сквозь которыя просвѣчиваетъ солнце, висятъ вокругъ. Иногда слышатся трещины съ такимъ сильнымъ звукомъ, какъ ударъ грома, и потомъ цѣлая лавина летитъ внизъ, и сверху слышенъ весь громъ, который она производитъ, катясь по горѣ и низвергаясь въ долину. Здѣшніе проводники такъ знаютъ время, когда лавина должна упасть, что скажутъ вамъ даже минуты. Дождь и громъ—все это у васъ подъ ногами—а наверху—солнце. Когда я былъ внизу, была дождливая погода, которая продолжалась нѣсколько дней; когда я, наконецъ, поднялся выше дальнихъ облаковъ, солнце свѣтило и день былъ совершенно ясенъ, только было холодно и легкій морозъ блеститъ свѣтлыми искрами на снѣгу, а я вмѣсто легкаго сюртука надѣлъ теплый плащъ. Спускаясь внизъ, дѣлалось теплѣе и теплѣе, наконецъ, облака проходимъ мимо, наконецъ, спряталось солнце, наконецъ, я опять очутился среди дождя и долженъ былъ взять зонтикъ и уже такимъ образомъ спустился въ долину.

«Какова у васъ осень? Здѣсь теперь снова начались теплые дни, какъ лѣтомъ, и спѣшу въ Веве опять воспользоваться ими, потому что тамъ климатъ гораздо лучше, нежели въ Женевѣ. Здѣсь на одномъ и томъ же озерѣ одинъ городъ имѣетъ климатъ не теплѣ нашего Полтавскаго, а другой тутъ же въ какихъ-нибудь пятидесяти верстахъ отъ него теплѣе Одессы. Здѣсь можно безпрестанно любоваться костюмами швейцарокъ. Почти въ каждомъ городѣ все разные, и всѣ такъ хороши и такъ ловко сидятъ на нихъ, какъ на картинкахъ. Вчера я былъ въ Фернеѣ и посѣтилъ Вольтера. Видѣлъ его дворецъ, куда пріѣзжали и короли, и принцы. Къ нему ведетъ прекрасная каштановая аллея въ три ряда. Передъ домомъ маленькая церковь, съ надписью «Вольтеръ—Богу». Комнаты его въ томъ же видѣ. Въ спальнѣ его переслана даже кровать съ тѣмъ же самымъ одѣяломъ, которымъ онъ укрывался, которому уже почти сто лѣтъ. Тѣ же

картины висятъ. Путешественники до сихъ поръ стекаются толпами. Садъ прекрасенъ; тѣни много; на одной сторонѣ его сдѣлана изъ подстриженныхъ деревьевъ стѣна съ арками. Сквозь эти арки вдали виденъ Монбланъ, синѣютъ горы Савойскія, деревни и мызы. Женева, хотя великъ и хорошъ городъ, и можно въ немъ провести время веселѣе, нежели въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, но не по мнѣ; вѣтровъ много и слишкомъ ощутительная сырость въ воздухѣ. Прощайте, почтеннѣйшая маменька, до слѣдующаго письма. Цѣлую васъ

вашъ признательный сынъ Николай Г.».

8. Листочки бумаги съ сдѣланными имъ орнаментами; на этихъ листочкахъ написаны тщательно и красиво молитвы и поминанье за здравіе и упокой. Поминаній два.

9. Тетрадка съ заглавіемъ: распредѣленіе садовыхъ работъ на осень 1848 и весну 1849 года. Тетрадка эта, написанная Гоголемъ, заканчивается его же рисункомъ той части Яновщины, которая теперь принадлежитъ Н. В. Быкову. Помѣчены гдѣ какія насажены и есть деревья, намѣчена дорожка и теперь пересѣкающая садъ неправильными линіями, налѣво написано: Большой лугъ. Теперь это мѣсто, гдѣ стоитъ домъ и усадьба Н. В. Быкова.

10. Письмо изъ Палестины все исколотое, съ цѣлью дезинфекціи: тогда была чума въ Палестинѣ. Адресъ: Е. в. б. Маріи Ивановнѣ Гоголь, въ Полтаву, оттуда въ д. Васильевку. На концахъ письма сохранился золотистый сургучъ и красный почтовый штемпель. Письмо таково: «1848. Іерусалимъ. Февраля 17—29. Нѣсколько строкъ вамъ изъ Іерусалима: Благодаря Бога, я прибылъ сюда благополучно. Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться. Пробуду здѣсь недолго и если только благословитъ Богъ, то, можетъ быть, въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ загляну къ вамъ въ Малороссію. А вы попрежнему не переставайте молиться обо мнѣ. Напоминаю вамъ объ этомъ потому, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо чувствую безсиліе моей молитвы. Прощайте, почтенная матушка и любезныя сестры. Весь вашъ Н. Г.».

Приведу, кстати, цѣликомъ и греческую индульгенцію со всѣми орѳографическими точностями:

«1848, Февраля 23: во Градѣ Іерусалимъ. ради усердію которую показывалъ къ живоноснаго Гроба Господня и на прочихъ святыхъ мѣстахъ духовній сынъ нашъ Николай Васильевичъ въ томъ и благославляю ему маленькой части камушка отъ Гроба Господня и часть дерева отъ твери Храма Воскресенія, которая съ горела во время пожара 1808 сетебря 30-го дня эти частички обѣ справедливость. Митрополитъ Петрасъ Мелетій и намѣстникъ Патріарха въ святомъ градѣ Іерусалимѣ».

Слѣдующій бѣлый листъ.

Въ немъ: а) Нѣсколько подорожныхъ «съ будущимъ». Много писемъ къ Гоголю отъ Кашиста, С. Аксакова, Плетнева и Смирновой изъ Цар-

скаго села. Изъ Петербурга ея письмо отъ 13 сент. 1851 г., оно начинается такъ: «Парижскій префектъ полиціи Карлье прислалъ къ государю императору экземпляры брошюры, изданной Герценомъ. Въ немъ и о васъ, мой святой мужъ, отче Николае, рѣчь идетъ. Бредни этого сумасброда не заслуживаютъ вашего вниманія, устремленнаго въ горнее». Далѣе предлагается выписка на французскомъ языкѣ всѣхъ мѣстъ изъ брошюръ, касающихся Гоголя.

Оригиналъ хранится.

Тутъ же рукопись Гоголя: «Семеновъ день» и «Осенняя родительская». На этой же тетрадкѣ «Бытъ крестьянина въ Малороссіи». Только одно заглавіе.

3-й листъ.

Дипломъ почетнаго члена московскаго университета Н. В. Гоголя, данный 16 іюня 1848 года за подписью попечителя округа графа Сергѣя Строгонова *).

Полѣдняя бумага—масса писемъ Гоголя къ матери и сестрамъ, начиная съ гимназическихъ лѣтъ до послѣднихъ дней. Письма эти были приведены въ порядокъ Н. П. Трушковскимъ, и кромѣ того, сюда добавлены новыя письма, найденныя Н. В. Быковымъ.

Вотъ все, что я могъ видѣть въ этомъ дорогомъ русскому человѣку портфелѣ.

II.

Хорошо въ Яновщинѣ!

Кругомъ степь, прорѣзанная балками, усѣянная хуторами, съ тѣнистыми садочками.

Прямо, отъ церкви, начинается степь. Подлѣ церкви, собственно между церковью и плотиной, которая раздѣляетъ два пруда и которая когда-то была усажена старыми-престарыми вербами, четыре раза въ годъ собирается ярмарка. Ее-то, говорятъ, Гоголь и описалъ и назвалъ ее «Сорочинской» потому, что Сорочинцы были извѣстны во всей округѣ, а Яновщину въ тѣ времена и не зналъ никто. Какая, молъ, такая ярмарка въ какой-то Яновщинѣ! Вотъ въ Сорочинцахъ такъ ярмарка!

Назови Гоголь ярмарку не Сорочинской, которая знаменита, а Яновщинской—и тоже-бъ подняли на смѣхъ.

Вотъ по тому же самому Гоголь и назвалъ свои разсказы «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Диканьку всѣ знаютъ. Послѣ Полтавы тамъ это самое крупное, имя.

Теперь каждый ученикъ народнаго училища только и мечтаетъ, какъ

---

*) Дипломъ этотъ переданъ мною по просьбѣ Н. В. Быкова для общества любителей россійской словесности.

бы Диканьку и ея хутора посмотрѣть. А тутъ еще приглашеніе: «Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ, то заверните ко мнѣ: я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ». Такъ приглашалъ пасѣчникъ Рудый Панько.

Да я самъ, лѣтъ 35 тому назадъ, зналъ уже Диканьку и всей душой стремился туда, гдѣ

Великъ и славенъ Кочубей,
Его поля необозримы,

стремился посмотрѣть и хуторъ близъ Диканьки, гдѣ Рудый Панько разсказывалъ такія страшныя вещи, и посмотрѣть Полтаву, и «Побиванку», гдѣ побили шведовъ...

И вотъ только теперь, черезъ 35 лѣтъ послѣ первыхъ моихъ мечтаній, пишу я эти строки на томъ самомъ хуторѣ близъ Диканьки, въ домѣ, осѣненномъ деревьями, которыя сажалъ самъ Николай Васильевичъ Гоголь и отецъ его Василій Аѳанасьевичъ.

Эта новая усадьба Гоголей, принадлежащая старѣйшему въ родѣ ихъ Н. В. Быкову.

Часа въ два дня примчался я на великолѣпныхъ кочубеевскихъ лошадяхъ черезъ плотину во дворъ Н. В. Быкова.

Меня встрѣтила группа дѣтокъ. Въ нихъ уже слились три фамиліи. Это—Быковы, Гоголи и Пушкины.

Н. В. женатъ на дочери Александра Александровича Пушкина—сына Александра Сергѣевича. У Быковыхъ дѣти, и растутъ ихъ дѣти въ томъ саду, который садилъ Николай Васильевичъ Гоголь, ихъ дѣдъ.

Странно посаженъ садъ на берегу пруда: только одна аллея, а тамъ все въ разбросъ.

Таково было желаніе Гоголя. Онъ не любилъ симметріи.

Онъ входилъ на горку, или просто вставалъ на скамейку, набиралъ горсть камешковъ и бросалъ ихъ: гдѣ падали камни, тамъ сажалъ онъ деревья. До того времени, на мѣстѣ сада былъ большой лугъ, и на немъ-то Н. В. образовалъ этотъ чудный, тѣнистый садъ.

Впрочемъ, нѣтъ, теперь онъ не тѣнистый: клены, любимое дерево Гоголя, уже облетѣли—уцѣлѣли листья на двухъ его также любимыхъ деревьяхъ: желтые, золотые теперь, при свѣтѣ солнца, на липѣ, и темно-зеленые кожистые—на дубѣ.

Гоголь любилъ и сажалъ только три этихъ дерева. Теперь между ними разросся берестъ.

Хотя осень, но осень ясная, солнечная. Осенній садъ на меня не производитъ впечатлѣнія умирающей природы, нѣтъ! Это природа освѣжается передъ сномъ чистымъ воздухомъ, затѣмъ умоется холодными, здоровыми дождями, а затѣмъ подъ бѣлоснѣжнымъ одѣяломъ успетъ, чтобы проснуться свѣжей, полной жизни, готовой къ дѣятельности, прекращенной зимой во время сна.

Я люблю осень съ ея особыми, яркими тонами, съ ея бодрящимъ воздухомъ.

Хорошо въ саду въ такую осень!...

Особенно хорошо въ этомъ, Гоголевскомъ саду: съ большой аллеи переходишь поперекъ сада длинной, узкой, извилистой дорожкой. Эта дорожка неправильной линіей разрѣзаетъ садъ: налѣво прудъ, а направо домъ.

На одной изъ полянъ сада, около дубковъ, красивый курганчикъ съ густымъ, сиреневымъ кустомъ, увѣнчивающимъ его вершину.

Въ печати по поводу этого кургана ходитъ легенда.

Одинъ изъ заѣзжихъ собирателей преданій разговорился съ живущей у Быковыхъ старой няней, Маланьей Дригой, которая еще хорошо помнитъ «паныча». И разговорился этотъ собиратель съ няней и съ ея словъ съ добавленіемъ своего записалъ, что здѣсь, подъ этимъ самымъ курганомъ Гоголь зарылъ свои рукописи.

И пошла ходить легенда.

Говорилъ и я съ няней.

— Такъ зарылъ Гоголь бумаги въ курганъ?

— Братъ мой говорилъ, что когда паныча спросили, зачѣмъ это въ саду онъ горку дѣлаетъ, такъ онъ отвѣтилъ: «чтобы меня вспомнили».

— А видѣлъ братъ твой или кто-нибудь, что панычъ клалъ туда бумаги?

— Ни, только такъ говорили. А може и нѣтъ. Тогда голодъ былъ, такъ панычъ хлопцевъ собиралъ, они ему землю таскали на горку, а онъ имъ платилъ—и братъ мой хлопцемъ былъ, тоже работалъ.

Такова исторія этого кургана въ саду. Вся легенда о бумагахъ—ложь. Гоголь просто помогалъ въ голодный годъ, давая эту помощь въ видѣ оплачиваемаго труда.

Садъ новый, по эту сторону пруда, благоустроенъ, прекрасно содержится, каждое деревцо бережется.

По ту сторону пруда—мѣсто старой усадьбы Гоголя, но она далеко не въ такомъ видѣ, какова была при жизни Гоголя: усадьба перестроена вся заново, даже не сохранены мѣста старыхъ построекъ, садъ наполовину вырубленъ. Отъ любимыхъ Гоголемъ прямой аллеи и кленовой площадки сохранилось—отъ первой только половина одной стороны, а отъ кленовой площадки — только два клена. На берегу пруда доживаютъ гигантскіе пни столѣтнихъ дубовъ, своей тѣнью покрывавшихъ въ былыя времена всю полянку, гдѣ когда-то Гоголь любилъ сидѣть на берегу пруда. Какихъ-нибудь шесть лѣтъ назадъ уничтожили этихъ великановъ. Рощицы за церковью и около школы тоже вырублены: отъ послѣдней остался только бордюръ, а середины нѣтъ.

Изъ всѣхъ строеній уцѣлѣла только одна камора, помнящая Гоголя, и изветшавшая окончательно. Это небольшое деревянное зданіе, поставленное на кирпичномъ погребѣ и служащее, какъ прежде, складомъ для разныхъ припасовъ. О флигелѣ, въ которомъ будто бы жилъ Гоголь, о кото-

ромъ много писалось и пишется и который даже у одного изъ кіевскихъ корреспондентовъ названъ домомъ, гдѣ родился Гоголь, Анна Васильевна Гоголь пишетъ Н. В. Быкову слѣдующее: «что Гоголь въ немъ останавливался по необходимости только въ послѣдній разъ за недостаткомъ мѣста въ домѣ, что вообще вся усадьба заново обстроена по вкусу новыхъ владѣльцевъ, неузнаваема и потому неинтересна для интересующихся Гоголемъ».

Кромѣ сестры Гоголя, Ольги Васильевны, изъ современниковъ его въ Яновщинѣ есть нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ то время дѣтьми, а изъ служившихъ Гоголю, только двое, супруги Юрченки: Петръ — поваръ и Настасья — горничная Марьи Ивановны. Я видѣлъ ихъ — и они достойны описанія. Это такіе ветхіе старики, какихъ я никогда нигдѣ не видалъ. Они доживаютъ свой вѣкъ на пенсіи у Н. В. Быкова, и помѣщаются въ маленькой хатѣ. Я ихъ засталъ, когда они, едва-едва двигаясь, выползали изъ хаты погрѣться на солнышкѣ. Они при моемъ пріѣздѣ остановились у порога, такіе согнутые, скрюченные да сморщенные, будто въ землю вросли. А волосы у обоихъ еще цѣлы, за то глаза плачутъ, еле смотрятъ, особенно у старика: это сказались десятки лѣтъ у плиты. Оба они мнѣ напомнили старыя деревенскія хаты, вросшія въ землю, съ растрепанными, облѣзлыми соломенными крышами, со слезящимися тусклыми окнами. И они такіе же! У старухи еще глаза болѣе живые, но зато лицо—совершенно печеное яблоко: кожи гладкой нѣтъ, однѣ сплошныя морщины.

О Гоголѣ они мало помнятъ, и ничего интереснаго не сказали. Старуха только сказала, что была въ Москвѣ и жила въ домѣ Погодина съ господами.

Я припомнилъ имъ одинъ фактъ изъ гоголевскихъ временъ, слышанный мною ранѣе. Въ Яновщинѣ былъ священникъ о. Капустянскій. Въ день св. Пантелеймона, или, какъ называютъ здѣсь этотъ день, «на Паликопу», работать не полагается, такъ какъ, по преданію, если хлѣбъ убранъ въ этотъ день, то его сожжетъ молніей.

И вотъ, однажды, въ день св. Пантелеймона священникъ о. Капустянскій увидѣлъ крестьянъ, которые везли возы хлѣба. Онъ выскочилъ съ восковой свѣчкой, зажегъ возы съ хлѣбомъ, а испуганные волы бросились въ село и спалили хаты. Своевременно это дѣло было въ консисторіи, но не получило хода.

Вотъ я и спрашиваю:

— Помните, старики, какъ попъ на Паликопу спалилъ возы?

— Эге... Якъ же... Це піпъ Капуста... Це винъ спаливъ, выскочилъ со свѣчей и спалилъ... На Паликопу булò...

И разсказывая подробности, оба они оживились, перебивали другъ друга.

А потомъ смолкли, потускли и замерли, потративъ послѣднія силы на разсказъ о томъ, что было имъ близко, и хорошо сохранилось въ памяти. Гоголь ихъ не интересовалъ.

Немного осталось современниковъ Гоголя, которые помнили бы что-нибудь интересное о немъ. И перезабыли все, да и Гоголь мало жилъ въ своихъ мѣстахъ. Я объѣхалъ всѣ мѣста, гдѣ бывалъ Гоголь, и мало осталось, кто его помнитъ. Въ Кибенцахъ, имѣніи Трощинской и въ Миргородѣ—никого. Въ Шишакѣ, современница Гоголя, г-жа Е. П. Петрова, указала только на одинъ интересный фактъ: мать Гоголя, Марья Ивановна, пріѣхала въ Миргородъ по дѣлу въ повѣтовый судъ, послѣ того уже, какъ появился разсказъ объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ. Миргородскіе чиновники были такъ злы на Гоголя, что Марьѣ Ивановнѣ, уважаемой помѣщицѣ, не предложили сѣсть, и она простояла часа два, пока получила нужную справку.

Въ Полтавѣ нашелъ я М. Г. Анисимо-Яновскую и г-жу Яновичъ, которую я встрѣтилъ у М. Я. Рахубовской, племянницы Гоголя. У послѣдней сохранились вещи, принадлежавшія Гоголю и, между прочимъ, большой образъ Спасителя, написанный для Гоголя кѣмъ-то изъ его друзей-художниковъ. У другого племянника Гоголя Юрія Влад. Быкова есть тоже память дяди: тетрадка съ рисунками-копіями римскихъ образовъ, гербаріи его, бронзовый образъ Спасителя, вывезенный Гоголемъ изъ Рима, копія съ письма Гоголя къ Жуковскому и мн. др. Между прочимъ, записка Гоголя слѣдующаго содержанія: «Помилуй меня грѣшнаго! Прости Господи! Свяжи вновь Сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста».

Въ Б. Сорочинцахъ живетъ М. Н. Кульбовская, хорошо помнящая Гоголя. Она занимаетъ небольшой домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ. Я провелъ съ ней полчаса въ весьма интересной бесѣдѣ, имѣющей еще то важное значеніе, что Марья Никитична окончательно меня увѣрила, что Гоголь родился именно во флигелькѣ Трохимовскихъ, указанномъ мною въ первой моей поѣздкѣ, а не въ большомъ домѣ, на который, между прочимъ, указывалъ мнѣ Н. В. Быковъ. Большого дома уже нѣтъ, только слѣды фундамента еще можно найти во владѣніи бывшаго станового П. М. Ереськи, владѣльца усадьбы Трохимовскихъ. Во всякомъ случаѣ мѣсто рожденія Гоголя—Б. Сорочинцы, и тамъ предполагается постановка памятника. Какъ разъ рядомъ съ домомъ Трохимовскихъ находилась и усадьба графа Гудовича. Управляющимъ Гудовича былъ во времена Гоголя вотчимъ Марьи Никитичны, которая кончила курсъ въ Москвѣ въ Екатерининскомъ институтѣ въ 1837 году, была въ 1839 году классной дамой въ московскомъ пансіонѣ Севенардъ, а затѣмъ съ того же года навсегда поселилась въ Б. Сорочинцахъ. Она хорошо помнитъ Гоголя, который вмѣстѣ со своей матерью пріѣзжалъ два раза гостить къ Трохимовскимъ въ Сорочинцы, и каждый разъ гостилъ по недѣлѣ слишкомъ. Марья Ивановна и послѣ смерти сына нерѣдко ѣздила въ Сорочинцы, и онѣ часто видались. О встрѣчахъ съ Гоголемъ Марья Никитична разсказываетъ съ большой радостью. Видно, что эти воспоминанія — лучшія въ ея жизни. Въ первый пріѣздъ Гоголь былъ одинъ, а во второй—совершенно измѣнился.

О первой встрѣчѣ М. Н. говоритъ такъ (записано стенографически):

— Это было въ 41 году. Марья Ивановна гостила у Трохимовскихъ, а онъ и пріѣхалъ, и пробылъ больше недѣли. Домъ, гдѣ я жила, былъ рядомъ съ Трохимовскимъ, и мы другъ у друга постоянно гостили, и сразу, въ первый день познакомились съ Гоголемъ. Любезный, привѣтливый, веселый! Какъ чудно говорилъ! Читалъ намъ всѣмъ по вечерамъ... Не помню сейчасъ, что именно, а лѣтъ пять тому назадъ помнила... Да никто не спрашивалъ, записать не догадались... А теперь голова часто болитъ... Много перезабыла... Помню вечеромъ какъ-то, ясно помню, сидимъ мы дома, а Гоголь пришелъ къ намъ, да и говоритъ: «что тутъ засидѣлись, пойдемъ къ Трохимовскимъ!» И пошли, и танцовали вечеромъ кадриль, и онъ танцовалъ, но только путалъ фигуры... Много смѣялись... Тогда онъ мнѣ въ альбомъ институтскій стихи написалъ, не помню какіе! Жаль очень, альбомъ въ шестидесятомъ году сгорѣлъ во время пожара...

М. Н. подала мнѣ со стола книжку и сказала:

— Его подарокъ! Другая книга его была, много чего-то на ней онъ написалъ, да пропала!... Какъ жаль... какъ жаль! И кто утащилъ, не знаю! А нѣтъ ея, нѣтъ!...

Я взялъ книгу. «Вечера на хуторѣ», изд. 1832 г., типографія Плюмара. На ней надпись рукою Гоголя: 1843 г. На память», а дальше французскими буквами: «Lo Go—N.». Чернила пожелтѣли отъ времени, буквы и послѣдняя цифра года стерлись.

— Грустный онъ тогда пріѣхалъ, неразговорчивый, все больше одинъ. Со мной, впрочемъ, разговаривалъ... Подарилъ мнѣ книги и уѣхалъ...

Грустно-грустно проговорила М. Н.

Я ей задалъ вопросъ, гдѣ родился Гоголь.

— А тамъ, гдѣ былъ свѣчной заводъ, во флигелѣ Трохимовскихъ. Это Марія Ивановна мнѣ сама сказывала и Трохимовская говорила, и всѣ говорили.

Я отвѣтилъ, что Н. Б. Быковъ утверждаетъ, что Гоголь родился въ большомъ домѣ Трохимовскихъ, и что это весьма вѣроятно, такъ какъ М. И. Гоголь пользовалась такимъ почетомъ, что ея не помѣстили бы иначе, какъ въ большомъ домѣ, а не во флигелѣ для пріѣзжихъ.

— Нѣтъ, я слышала именно иначе: Марія Ивановна пріѣхала въ то время, когда много въ домѣ было гостей, и ее помѣстили для спокойствія во флигелѣ, а на третій день съ новорожденнымъ уже ихъ перевели въ домъ...

Такимъ образомъ можно, наконецъ, установить фактъ рожденія Гоголя именно въ маленькомъ флигелѣ, существующемъ до сихъ поръ и принадлежащемъ бывшему становому Ереськѣ, гдѣ онъ во время службы и именно въ той самой комнатѣ, гдѣ Гоголь родился, хранилъ полицейскій архивъ.

Изъ современниковъ Гоголя въ Сорочинцахъ теперь только три лица: Марія Никитична, О. З. Королева и Радько.

Я долго разыскивалъ послѣдняго и, наконецъ, мнѣ его привели въ садъ къ моему доброму знакомому, гвардейскому гусару В. И. Чарнышу, у

котораго когда-то онъ служилъ сторожемъ. Радько въ сороковыхъ годахъ служилъ лакеемъ у Трохимовскихъ, помнитъ Гоголя очень мало, помнитъ, что его звали «сочинителемъ» и онъ служилъ ему, какъ и другимъ гостямъ, за столомъ.

— А какъ тебя зовутъ?—спросилъ я старика.

— Радько.

— Что же, это фамилія твоя?

— Ни... Радькомъ звали, Радькомъ и зовутъ. А по имени, по бумагамъ я Родіонъ Солопъ! Ось якъ по бумагамъ... А зовутъ Радько!

Безусловно самой разговорчивой и памятливой современницей Гоголя явилась Марья Григорьевна Анисимо-Яновская, состоящая даже въ дальнемъ родствѣ съ Гоголями.

Я разыскалъ ее въ Полтавѣ на Монастырской улицѣ, въ д. Харитоненко. Она живетъ въ маленькой, чистенькой квартиркѣ, гдѣ я просидѣлъ у нея часа два. На мой вопросъ о Гоголѣ, Марья Григорьевна сказала:

— Помнить-то я его, конечно, помню. Только мы, дѣти, прежде на него вниманія не обращали: молчаливый такой, угрюмый, ни съ кѣмъ не говоритъ, поѣстъ и уйдетъ въ свою комнату. Да вотъ я часто бывала въ Яновщинѣ, а звука голоса Гоголя не слыхала. Помню, послѣдній разъ, мнѣ было лѣтъ десять, видѣла я его въ Яновщинѣ. Онъ былъ блѣдный, волосы длинные и глазъ за обѣдомъ не поднялъ, поѣлъ немного и ушелъ. Съ тѣхъ поръ я его больше и не видала. Ужъ послѣ его смерти жила я долго въ Яновщинѣ, тогда Кулишъ пріѣзжалъ, бумаги разбирали...

— А вѣдь и не думалъ никто! Послѣ уже, читая его сочиненія, мнѣ много стало ясно, съ кого онъ писалъ. Впрочемъ, я не любила его читать—ничего для меня новаго, написалъ то, что я сама знаю, что каждый день вижу. Или ужъ выдумки вродѣ Вія. Ну что это такое? Гоголь все это отъ старыхъ бабъ взялъ: тѣ все про вѣдьмъ да вовкулаковъ, бывало, намъ страсти разсказывали. А какія вѣдьмы? Ихъ нѣтъ. Помню, пріѣзжалъ къ намъ дядя родной, братъ отца... Отецъ мой былъ военный, заслуженный, потомъ разжалованъ изъ офицеровъ былъ, а тамъ снова на войнѣ отличился и ему корнета дали. Тогда онъ и вышелъ въ отставку. Смѣлый былъ! А дядя еще смѣлѣе. За обѣдомъ разъ мать жалуется отцу, что вѣдьма нашихъ коровъ по ночамъ выдаиваетъ, къ утру никогда молока нѣтъ, что прислуга даже видѣла вѣдьму у коровъ. А коровы стояли надъ балкой, въ загонѣ. Ну, дядя и говоритъ отцу:

— Ходимо, застукаемъ вѣдьму!

И пошли. Спрятались подъ дерево около загона и ждутъ. Вдругъ, въ самую полночь изъ балки лѣзетъ она, вся въ бѣломъ, волосы распущены, то собакой ворчитъ, то свиньей хрюкаетъ. Отецъ испугался, молитву творитъ, а дядя выскочилъ да вѣдьму за косу. Та на него собакой лаять...

А дядя кричитъ отцу:

— Сейчасъ ей уши и носъ обрѣжу! Да и вынулъ кинжалъ. Вѣдьма на колѣни. Посмотрѣли—сосѣдка наша казачка, цѣлый годъ нашэ молоко ѣла!...

Вотъ онѣ вѣдьмы-то какія!... Вотъ и Вій тоже, бабьи розсказни! Не люблю я этихъ хвантазій у Гоголя!

Марья Григорьевна закурила папироску и еще разъ повторила:

— Не люблю этихъ хвантазій! А вотъ чиновниковъ да помѣщиковъ описывалъ хорошо. Я сама помню, какъ въ Миргородѣ чиновники жили: получали два рубля въ мѣсяцъ и на службу изъ дома шли босикомъ, по миргородской грязи; придутъ, обуются въ сѣняхъ, и въ судъ...

— Ось, якъ воно булò!

— А важничали чиновники! Изъ послѣднихъ силъ тянулись, все богатство свое показывали. Жаль, что ихъ Гоголь не всѣхъ зналъ, а то много бы еще написалъ. Былъ одинъ у насъ чиновникъ такой, сосѣдъ нашъ, въ Полтавѣ, три рубля въ мѣсяцъ получалъ, а велъ себя богатѣемъ: одежда—ни пылинки, сапоги—какъ зеркало, манишка—снѣговая... Каждое утро, бывало, сядетъ у открытаго окна съ папироской, съ газетой и ложечкой въ стаканѣ помѣшиваетъ. Товарищи идутъ на службу и зовутъ его, а онъ отвѣчаетъ:

— Прочитаю газету, напьюсь чаю и приду. А какой чай? Квасъ-сырецъ, за копейку кувшинъ купитъ, нальетъ въ стаканъ да ложечкой и мѣшаетъ... А газета старая—съ чердака досталъ. И вотъ едва этотъ чиновникъ на богатой не женился. И женился бы, да колокольчикъ все дѣло сгубилъ.

Марья Григорьевна встала, прошлась по комнатѣ и продолжала:

А тоже въ Полтавѣ, въ своемъ домѣ, жили два брата, помѣщики-милліонеры, домъ ихъ на базарѣ былъ, а такіе скупые, что по ночамъ поочередно открывали окна и съ разныхъ сторонъ по-собачьи лаяли. Одинъ спитъ, другой лаетъ... «Пусть, молъ, знаютъ, какая у насъ псарня!...» Ихъ кто-то описалъ даже... А вотъ съ колокольчикомъ писателямъ не попался... А булò, булò!

— Ну какъ же это было?

— А вотъ какъ! Началъ этотъ самый франтъ-чиновникъ свататься къ дочери богатаго помѣщика и самъ себя за богатаго выдавалъ. Забыла я фамилію-то... А знала!... Сквозь сонъ вспоминаю... А жили помѣщики за Ворсклой!... Назначили они балъ, и его въ качествѣ жениха пригласили. Ну, извѣстно, онъ сапоги на палку, палку на плечо—и хòду! Грязь... Осень... Подходитъ къ Ворсклѣ, бродъ, а перебраться не знаетъ какъ... Ѣдутъ гости въ бродъ, въ бричкахъ, попросить перевезти,—жениху,—себя осрамить. Такъ онъ на коровѣ верхомъ переправился и прямо въ садъ къ нимъ. Вынулъ изъ кармана колокольчикъ—бѣжитъ и звенитъ, будто тройка ѣдетъ. Добѣжалъ до подъѣзда, вошелъ въ домъ—важно этакъ... Спрашиваютъ хозяева: гдѣ лошади?

А онъ говоритъ:

— Обратно домой отправилъ, расковались.

Такъ бы и сошло, и женился бы навѣрно, да одно бѣда: стали танцовать, а колольчикъ-то изъ кармана на грѣхъ и вывались. А тутъ хо-

зяйскій сынъ разсказалъ, «какъ дядя съ колокольчикомъ по саду прыгалъ», а другіе видѣли, какъ на коровѣ черезъ рѣку верхомъ ѣхалъ... Вышелъ скандалъ, драка и жениха выгнали...

Ось якъ було!

— И всю правду Гоголь писалъ, всю правду! Вотъ Коробочку взять. Сколько такихъ Коробочекъ было! И теперь онѣ есть... А ту Коробочку прямо, кажется, съ моей тети, Пивинской, списалъ... А что мысль написать «Мертвыя души» взята съ моего дяди Пивинскаго, такъ это я навѣрно знаю и знаю, какъ это произошло.

— Что же Чичикова Гоголь писалъ съ Пивинскаго?

— Нѣтъ, Чичикова съ другого кого-то списалъ, а самую мысль «Мертвыхъ душъ» далъ Пивинскій. Это ужъ я достовѣрно знаю.

— Пивинскіе были мои дядя и тетя, у нихъ я часто въ Федункахъ бывала, это 17 верстъ отъ Яновщины.

Въ послѣднюю поѣздку я заѣзжалъ въ Федунки. Это близъ станціи Сагайдакъ кіево-полтавской ж. д. Прежде Федунки принадлежали Пивинскому, а теперь ими владѣетъ Иванъ Сильвестровичъ Убій - Собака. Да, Убій-Собака! А братъ у него—Максимовъ. Онъ урядникомъ въ с. Шишакѣ. На службу поступилъ—былъ Убій-Собака, а потомъ, село чужое,—кричатъ: Убій-Собака! Убій-Собака! До того довели, что подалъ на Высочайшее имя и попросилъ перемѣнить фамилію. Дали Максимовъ, а зовутъ все «Убій-Собака». Въ Диканькѣ и теперь урядникъ Бугай. Тоже перемѣнилъ въ прошломъ году фамилію—дали Анисимовъ, а все Бугаемъ зовутъ. Ну, того ужъ нужда заставила перемѣнить фамилію, прямо нужда... Чудныя фамиліи есть на Украйнѣ. Отче-нашъ, Загуби-палецъ, Непейвода, Непейпиво, Пищимуха, Затули-вѣтеръ и даже такія, которыхъ и сказать нельзя, а есть. Удивительныя есть...

Далѣе Марья Григорьевна разсказываетъ:

— Исторія «Мертвыхъ душъ» такова: у Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было.

Вдругъ, это еще до меня было, начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ пятидесяти душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть пропадай безъ винокурни!

А Харлампій Петровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ:

— Эге! Не додумались!

И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто заживыхъ... А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до пятидесяти нехватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ, и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ, и сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ пя-

тидесяти душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ, да кромѣ того и вся миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго.

Чудаки были эти Пивинскіе! И совершенно между собою противоположные люди: Пивинская Марія Ивановна, она родная сестра моей матери,—важничала, выпяливалась, изъ послѣднихъ кишокъ тянулась, а Харлампій простякъ былъ! Ни на что вниманія! Была у меня еще тетя, полковница Морская, мужъ у нея морякъ былъ; вотъ и пріѣзжаемъ мы съ тетей къ Пивинскимъ. Выходитъ самъ въ новой чумаркѣ, какъ сейчасъ вижу: одинъ рукавъ синій, другой—пестрый, одна пола синяя, другая—красная, а спина диванной матеріи съ турецкими огурцами.

Мы такъ и остолбенѣли.

И говоритъ ему Морская:

— Какъ тебѣ, Харлампій Петровичъ, не стыдно такимъ чучеломъ одѣваться?

А онъ стоитъ, пузатый такой, смѣется, говоритъ:

— Эге? Бачите? Добре... И ей-Богу-жъ гарно!

— Да стыдно...

— Абы новенько, да чистенько... Гарный архалукъ!

И пошелъ къ обѣднѣ.

А то разъ за обѣдомъ собрались гости. Марья Ивановна подала на пирожное безе. А Харлампій попробовалъ, да какъ закричитъ на нее:

— Що се таке! Да якіе чорты-батьки, чого повыдумывали! И нема лучше, какъ пшеняна каша, да еще молокомъ прилита... А що се таке: ни во ротѣ, ни въ животѣ...

И вотъ выдумка этого самаго чудака послужила темой для безсмертнаго произведенія.

Біографы Гоголя доказываютъ, что Пушкинъ далъ ему тему для «Мертвыхъ душъ».

Нисколько не отрицая этой версіи, я смѣю полагать, что, можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ. Рѣшить—откуда тема, предоставляю болѣе свѣдущимъ людямъ, а мое дѣло было собрать о Гоголѣ тѣ матеріалы, которые доселѣ не были извѣстны и въ короткое время исчезли бы.

В. А. Гиляровскій.

Изъ жизни еврейскаго пролетаріата.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для очень многихъ, какъ на Западѣ, такъ равно и у насъ, фактъ существованія не еврея-капиталиста и не еврея-эксплуататора, а еврея-работника, еврея-пролетарія, является цѣлымъ открытіемъ. Вотъ, напримѣръ, что передаетъ авторъ одного, появившагося года три тому назадъ въ Брюсселѣ, на французскомъ языкѣ, небольшого изслѣдованія о соціальномъ и экономическомъ положеніи еврейскаго пролетаріата («Un prolétariat méconnu. Etude sur la situation sociale et économique des ouvriers juifs, par Léonty Soloweitschik». Bruxelles, 1898),—изслѣдованія, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

«Когда я, года два тому назадъ,—пишетъ авторъ, нашъ соотечественникъ, г. Соловейчикъ, въ первой же главѣ своего труда, — задумалъ написать изслѣдованіе о положеніи еврейскаго рабочаго класса, я обратился по этому поводу за совѣтомъ къ одному изъ моихъ профессоровъ Женевскаго университета; этотъ, очень хорошо извѣстный ученый, подумавъ немного, спросилъ меня: «но развѣ существуютъ на свѣтѣ евреи-рабочіе? А я до сихъ поръ думалъ, что всѣ евреи—«банкиры...»

Такъ «думалъ» объ евреяхъ одинъ «очень хорошо извѣстный ученый», одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые евреевъ и еврейской жизни совершенно не знаютъ и не понимаютъ, которые «относительно еврейскаго вопроса ходятъ въ совершенныхъ потемкахъ, не имѣя о немъ никакихъ фактовъ, кромѣ преданія,—преданія, правда, давно уже утратившаго смыслъ, но доселѣ сохранившаго еще свою живость» (*Щедринъ:* «Недоконченныя бесѣды»).

И какъ, на самомъ дѣлѣ, велика экономическая дифференціація, имущественное разслоеніе, въ еврействѣ; какъ велика «еврейская нужда», настоящая, жестокая нужда, принимающая, смотря по времени и мѣсту, всякіе образы и виды,—этого, къ сожалѣнію, за отсутствіемъ необходимой статистики, невозможно выразить въ цифрахъ; да и, вообще, представить хотя бы приблизительно полную и яркую картину еврейскаго быта въ той или другой странѣ, за отсутствіемъ не однихъ только статистическихъ, но и другихъ необходимыхъ данныхъ, не особенно легко.

На основаніи того всетаки, что есть, можно съ увѣренностью и безъ всякаго преувеличенія одно сказать, а именно: что еврейская бѣдность и даже нищета имѣютъ гораздо болѣе широкое и болѣе глубокое распространеніе, мало того, принимаютъ гораздо болѣе угрожающіе размѣры, чѣмъ столь пресловутое еврейское богатство, столь «всемогущій» еврейскій капиталъ.

Относительно русскихъ евреевъ мы имѣемъ, напримѣръ, слѣдующее свидѣтельство такого компетентнаго изслѣдователя, какъ Анатоль Леруа-Больe:

«Изъ всѣхъ многочисленныхъ народностей, населяющихъ обширную русскую имперію,—писалъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Journal des Débats*,—я не встрѣчалъ ничего несчастнѣе исхудалыхъ евреевъ, которые въ своихъ длинныхъ балахонахъ и большихъ сапогахъ неустанно бродятъ по улицамъ и дорогамъ, отыскивая какого-нибудь дѣла... Смѣю увѣрить, что у насъ, въ Европѣ, нѣтъ такого несчастливца, которому было бы труднѣе заработать свой кусокъ чернаго хлѣба, чѣмъ девяти-десятымъ всего числа русскихъ евреевъ».

Но, повторяемъ, скудость данныхъ по этому вопросу очень большая. Упомянутая работа г. Соловейчика есть, можно сказать, первая попытка—и въ этомъ ея главная и большая заслуга—подвергнуть систематической разработкѣ имѣющійся объ «еврейскомъ рабочемъ вопросѣ», хотя бы и скудный, матеріалъ и дать очеркъ положенія еврейскихъ рабочихъ во всѣхъ странахъ. Описать положеніе еврейскихъ рабочихъ *во всѣхъ* странахъ, дать изслѣдованіе о «еврейскомъ рабочемъ вопросѣ», — попытка смѣлая, трудная, имѣя особенно въ виду крайнюю скудость матеріаловъ, принимая во вниманіе, что, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи, относительно многихъ странъ нѣтъ данныхъ не только о числѣ еврейскихъ рабочихъ, но и о численности еврейскаго населенія вообще. И, тѣмъ не менѣе, такова задача, которую взялся выполнить авторъ нашего изслѣдованія; новизною темы оно обратило на себя въ свое время вниманіе западно-европейской печати, очутившейся въ положеніи того женевскаго профессора, который, къ немалому своему изумленію, узналъ вдругъ, что не всѣ евреи банкиры, что есть на свѣтѣ и евреи-рабочіе, и евреи пролетаріи.

Отдавая должное г. Соловейчику за его смѣлую и, повторяемъ, первую въ этомъ родѣ попытку, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что, попытавшись дать очеркъ положенія еврейскаго пролетаріата не только европейскихъ, но и нѣкоторыхъ другихъ частей свѣта, и все это—въ небольшомъ изслѣдованіи, на протяженіи 128 страницъ, авторъ не далъ и не могъ, разумѣется, дать, вслѣдствіе обширности поставленной имъ себѣ задачи, достаточно полнаго обзора почти ни одной изъ этихъ странъ. Мы находимъ, такимъ образомъ, въ его книгѣ описаніе положенія еврейскаго пролетаріата въ Россіи на 10—12 страницахъ (причемъ авторъ пытается разсматривать въ отдѣльности нѣкоторые крупные русскіе города съ пре-

обладающимъ или съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ вообще); положеніе того же пролетаріата въ Румыніи на 7 страницахъ, а въ Галиціи—все классическія страны еврейскаго пролетаріата, еврейской массовой нужды—буквально въ нѣсколькихъ строкахъ. Исключенія составляютъ отчасти Голландія и Англія, при описаніи которыхъ авторъ не ограничился одною лишь обработкою сырого матеріала, а имѣлъ возможность дополнить эту обработку личными наблюденіями на мѣстѣ.

Мы намѣрены воспользоваться на этотъ разъ данными и наблюденіями нашего автора изъ жизни еврейскаго пролетаріата въ Англіи,—точнѣе, въ лондонскомъ гетто, и показать читателямъ, основываясь какъ на этихъ, такъ равно и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, какъ живетъ еврей рабочій въ этой классической странѣ капитализма, захватившей за послѣднія пятнадцать, двадцать лѣтъ много десятковъ тысячъ, главнымъ образомъ, русскихъ евреевъ, бѣжавшихъ куда глаза глядятъ въ поиски за кускомъ хлѣба. Найдя примѣненіе своимъ силамъ, евреи эти набросились въ названной странѣ на самыя разнообразныя отрасли производительнаго труда, и превратились тамъ въ фабричныхъ и чернорабочихъ, но преимущественно—въ рабочихъ, изъ которыхъ «выжимается потъ», которые эксплуатируются по самой послѣдней, утонченной «системѣ», пресловутой Sweating-system.

Англія, а еще больше Америка, создала еврея-рабочаго, типичнаго западно-европейскаго рабочаго, по свидѣтельству самыхъ компетентныхъ лицъ, ни въ чемъ не уступающаго туземному,—создала еврейскій пролетаріатъ, типичный западно-европейскій пролетаріатъ.

Къ еврейскому пролетаріату въ Англіи мы послѣ и обратимся. Теперь же да позволено намъ будетъ представить читателямъ, хотя бы и очень краткій, очеркъ положенія еврейскаго пролетаріата въ Галиціи. Галиція—страна земледѣльческая par excellence, только начинающая освобождаться изъ-подъ господства натуральнаго хозяйства; страна, гдѣ фабричная и заводская промышленность, которая могла бы служить источникомъ заработковъ для еврейской массы, почти отсутствуетъ, и гдѣ мы, поэтому, встрѣчаемся съ такимъ же точно еврейскимъ пролетаріатомъ, какъ въ Россіи и Румыніи; это не промышленный, не фабричный, а ремесленный и мелко-торговый пролетаріатъ, чаще же всего—пролетаріатъ безработный, своего рода «резервная армія», кое-какъ перебивающаяся изо-дня въ день, всю жизнь—безъ всякой надежды впереди. А таково, между тѣмъ, положеніе огромнѣйшаго большинства еврейскаго населенія на всемъ земномъ шарѣ (всего евреевъ насчитываютъ въ настоящее время до 7 милліоновъ, изъ коихъ 6 милліоновъ или 85% живутъ въ Россіи, Галиціи и Румыніи).

Мы сказали, что въ книгѣ г. Соловейчика евреямъ въ Галиціи удѣляется всего-навсего нѣсколько строкъ, и книга, естественно, не даетъ никакихъ данныхъ на этотъ счетъ. Приходится поэтому обратиться къ другому, въ скудной литературѣ предмета чуть ли не единственному, вниманія заслуживающему источнику, а именно къ ряду статей, принад-

лежащихъ перу одного вѣнскаго журналиста, д-ра С. Р. Ландау, печатавшихся въ теченіе 1897 и 1898 гг. въ вѣнскомъ еженедѣльникѣ *Welt* и нынѣ объединенныхъ въ отдѣльной книжкѣ («Unter jüdischen Proletariern»). Статьи г. Ландау, не отличающіяся обиліемъ данныхъ, цѣнны всетаки тѣмъ, что эти данныя являются результатомъ личныхъ наблюденій автора. «Ту нужду, что онъ видѣлъ,—скажемъ мы въ отношеніи къ автору его же словами, сказанными по отношенію къ другому,— онъ долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ пережить» и, прибавимъ, онъ сумѣлъ ее также описать.

I.

Еврейскій пролетаріатъ въ Галиціи.

«Каково положеніе евреевъ въ Галиціи? Можно ли говорить о еврейской массовой нуждѣ въ Галиціи?»—вотъ вопросы, которые д-ръ Ландау поставилъ бывшему руссинскому депутату австрійскаго рейхсрата д-ру Роману Ярошевичу.

Докторъ Ярошевичъ состоитъ городовымъ врачомъ въ Борщовѣ, въ Подоліи, и ему, благодаря его профессіи, приходится очень близко сталкиваться съ мѣстнымъ и окрестнымъ населеніемъ; это человѣкъ, прекрасно знающій людей и положеніе дѣлъ въ странѣ. «Онъ знаетъ,—говоритъ Ландау,—и христіанъ, и евреевъ; онъ не только видитъ, какъ они работаютъ и какъ живутъ, но и какъ болѣютъ голоднымъ тифомъ и какъ умираютъ». Докторъ Ярошевичъ все это видитъ и много имѣетъ что разсказать. Правда ли то, что говорятъ; правда ли, что голодъ, нужда и забота проносятся надъ головами галиційскихъ евреевъ, совершенно минуя и не задѣвая ихъ?

«Положеніе евреевъ въ Галиціи,—отвѣчалъ на поставленные ему вопросы Ярошевичъ,—становится съ каждымъ днемъ все хуже, все безнадежнѣе и отчаяннѣе. Вслѣдствіе періодически повторяющихся хлѣбныхъ кризисовъ и ужасныхъ пониженій хлѣбныхъ цѣнъ, множество евреевъ-хлѣботорговцевъ должны были ликвидировать свои дѣла. Вслѣдъ за ними потерялъ средства къ существованію довольно многочисленный классъ людей, занимавшихся прежде хлѣбнымъ посредничествомъ».

«Что же касается мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, то они все болѣе падаютъ и нищаютъ, дѣлаясь жертвами крупнаго — иностраннаго или туземнаго, безразлично,—капитала и новѣйшихъ путей сообщеній. Прежде, бывало, помѣщица покупала все ей необходимое у еврея, на мѣстѣ; многочисленные еврейскіе ремесленники, превосходные знатоки и «артисты» своего дѣла, не находили достаточно времени для удовлетворенія заказовъ городской интеллигенціи и помѣщиковъ».

«Но съ тѣхъ поръ, какъ Галиція начала выходить изъ своего полуфеодальнаго состоянія; съ тѣхъ поръ, какъ Восточная Галиція покрылась цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ; съ появленіемъ большихъ городовъ съ большими магазинами готоваго платья и готовой обуви, привозимыхъ изъ

за-границы, всѣ закупки—самою даже среднею и мелкою чиновницей—дѣлаются, непосредственно, въ этихъ большихъ городахъ и большихъ магазинахъ. Вотъ почему еврейскіе портные изъ Борщова вынуждены были большею частью эмигрировать въ Америку».

Нѣтъ ничего вѣрнѣе этого показанія. Не говоря уже о нѣкоторыхъ успѣхахъ промышленности внутри самой страны, капитализмъ болѣе промышленныхъ странъ также убиваетъ самостоятельность мелкаго ремесленника отсталой страны: готовое платье и готовая обувь, импортируемыя въ Галицію изъ Австріи, Германіи или Англіи, вынудили, какъ утверждаетъ Ярошевичъ, не одного еврейскаго портного или сапожника въ Галиціи покинуть страну и перекочевать въ эти же самыя болѣе промышленныя страны и стать, прибавимъ, *наемнымъ рабочимъ* очень часто въ томъ же самомъ производствѣ, въ которомъ онъ раньше, у себя дома, былъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ мастеромъ, *хозяиномъ*.

«Построенныя въ Подоліи желѣзныя дороги,—продолжалъ Ярошевичъ,—убили, разумѣется, извозный промыселъ и лишили заработковъ еще одинъ, довольно многочисленный, классъ еврейскаго населенія: извозчиковъ. Въ Восточной Галиціи занятіе это находится преимущественно въ рукахъ евреевъ; это честные и дѣльные труженики, которымъ я могу смѣло довѣриться вездѣ и всегда, ночью и во всякую непогоду. Но что имъ теперь дѣлать?»

«Вотъ почему,—такъ заключилъ д-ръ Ярошевичъ,—мы встрѣчаемъ въ Галиціи еврейскую *массовую* нужду, бѣдность, нищету, голодъ. Когда меня приглашаютъ къ еврейскимъ больнымъ, я, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ прописывать исключительно одно «лѣкарство»: ѣду. Отвѣтомъ же служитъ мнѣ обыкновенно нѣмая мимика, которая говоритъ все».

Такъ рисуетъ жизнь галиційскаго еврейства человѣкъ, изучившій эту жизнь на мѣстѣ, знающій ее не изъ книгъ только. И это, какъ увидимъ, не единственный свидѣтель, дающій такія показанія. Впрочемъ, разсмотрѣніе хотя бы немногихъ «живыхъ цифръ» и нѣкоторыхъ еще болѣе живыхъ фактовъ дѣйствительности, къ которому мы теперь и обратимся, способно лишь еще ярче оттѣнить вышеприведенную характеристику русскаго врача.

Галиція одна изъ тѣхъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ евреи живутъ наиболѣе скученно. На пространствѣ $78^1/_2$ тыс. (78,497) кв. километровъ и при общемъ населеніи въ $6^1/_2$ милл. душъ (по офиціальной статистикѣ 1890 г. 6.607,816), въ Галиціи живетъ 700 тысячъ (772,213) евреевъ, составляющихъ 11,7% всего населенія страны. При этомъ необходимо замѣтить, что главная масса еврейскаго населенія, несмотря на то, что въ Галиціи существуетъ полная свобода передвиженій и нѣтъ спеціально «еврейской черты осѣдлости», фактически сосредоточивается, скучена въ чертѣ городовъ и мѣстечекъ *).

*) Такъ, статистика показываетъ, что въ городахъ и мѣстечкахъ живетъ около

Оставляя въ сторонѣ подробную разработку вопроса о томъ, почему евреи держатся въ Галиціи,—какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ,—вдали отъ земледѣлія, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что причина этого заключается, съ одной стороны, въ томъ, что исторія послѣднихъ столѣтій *отучила* евреевъ,—выступившихъ, какъ извѣстно, на историческую сцену, какъ народъ пастушескій и земледѣльческій,—отъ земледѣльческихъ занятій и пріучила ихъ къ торговлѣ; а съ другой,—какъ утверждаютъ люди, изслѣдовавшіе положеніе дѣлъ на мѣстѣ,—евреи и по сію пору, несмотря на то, что официально въ Галиціи не существуетъ болѣе ограниченій противъ евреевъ въ этой области, фактически встрѣчаютъ ихъ почти на каждомъ шагу. Систематическое недопущеніе еврейскаго юношества въ существующія въ Галиціи двѣ земледѣльческія школы и въ училища садоводства является очень характернымъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, поляки и руссины дорожатъ каждымъ клочкомъ земли и, какъ только дѣлается извѣстнымъ, что еврей завладѣлъ какимъ-нибудь земельнымъ участкомъ, почти во всей прессѣ—это показали многочисленные и въ свое время надѣлавшіе не мало шума факты—подымается громъ негодованій, начинаютъ кричать о «захватѣ» евреями земельной собственности, о томъ, что почва уходитъ изъ-подъ ногъ «коренного» жителя и переходитъ въ руки «чужого».

Чѣмъ же всетаки живетъ, и какъ живетъ еврейское населеніе въ Галиціи? Если исключить совсѣмъ незначительное число лицъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій, именно, адвокатовъ и врачей—на государственныя и вообще общественныя должности евреи и въ Галиціи, несмотря на то, что австрійскій основной законъ категорически заявляетъ о «равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ», принимаются очень рѣдко и крайне неохотно. Если исключить, повторяемъ, незначительное число адвокатовъ и врачей, то мы различимъ ядро еврейскаго населенія, скученнаго въ галиційскихъ городахъ и мѣстечкахъ, ядро, состоящее изъ ремесленниковъ, купцовъ, мелкихъ торговцевъ, маклеровъ, факторовъ, вообще посредниковъ, наконецъ, лицъ безъ опредѣленныхъ занятій и нищихъ. За отсутствіемъ необходимой статистики — въ Австріи профессіональная статистика совсѣмъ не ведется—нѣтъ, къ сожалѣнію, никакой возможности *точно* опредѣлить численное соотношеніе этихъ группъ населенія между собою.

Это можно сдѣлать только приблизительно, пользуясь произведеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, членомъ австрійскаго рейхсрата, д-ромъ Раппопортомъ, обслѣдованіемъ, обнимавшимъ 126 мѣстностей.

Въ этихъ обслѣдованныхъ 126 мѣстностяхъ насчитывали 45,000 еврейскихъ торговцевъ, мелкихъ лавочниковъ и факторовъ, 14 тысячъ реме-

---

71% еврейскаго населенія; причемъ, во многихъ городахъ, евреи составляютъ 60 и болѣе процентовъ всего населенія; въ среднемъ же—38,4%; между тѣмъ, какъ они образуютъ едва 3,28% всего деревенскаго населенія. См. докладъ „Die Lage der Juden Galiziens“ въ „Officielles Protokoll des I Zionistenkongresses in Basel“, 1897.

сленниковъ, 12 т. шинкарей, 36 т. не имѣвшихъ постоянныхъ занятій и 38 т. жившихъ общественною благотворительностью *).

Эти цифры, дѣйствительно «живыя цифры», вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ немного остановить вниманіе читателя.

Прежде всего обратимся къ рубрикѣ еврейскаго населенія, не имѣющаго постоянныхъ занятій.

По свидѣтельству мѣстныхъ изслѣдователей еврейской жизни, этотъ слой населенія извѣстенъ подъ именемъ «Luftmenschen» или же «Gassjungen», т.-е. людей улицы, живущихъ «воздухомъ», «отъ вѣтра», не занимающихся никакимъ ремесломъ, не ведущихъ никакой торговли; это все люди, которые вечеромъ не знаютъ, будутъ ли они сыты утромъ, а утромъ—какъ доживутъ до вечера. Пробавляются случайною работой. «То они,—говоритъ Ландау,—факторы, то начетчики на похоронахъ, то... конкуррируютъ съ почтою, доставляя пѣшкомъ письма изъ города въ городъ за два крейцера, вмѣсто пяти. Когда обращаешься къ такому, живущему изо дня въ день, Luftmensch'у съ вопросомъ, чѣмъ онъ живетъ, то получаешь обыкновенно одинъ отвѣтъ: «какъ-нибудь... Богъ помогаетъ!» А если не помогаетъ, то всему кладетъ конецъ голодный тифъ, тотъ самый, что свирѣпствовалъ не такъ еще давно среди евреевъ-горнорабочихъ Борислава, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

По вычисленіямъ Щепановскаго, въ Галиціи ежегодно умираетъ отъ голода отъ 5-ти до 6-ти тысячъ евреевъ.

Таковы эти 36 тысячъ безъ опредѣленныхъ занятій. Если къ нимъ прибавить 38 тысячъ, которые офиціально значатся, какъ живущіе общественной благотворительностью, то мы получимъ, по-истинѣ, ужасный результатъ: изъ числа опрошенныхъ 145 тысячъ евреевъ, 74 тысячи или больше половины, просто-на-просто нищіе. Но этого мало. Всякій, знакомый съ галиційскими городками и мѣстечками, знаетъ, что добрая половина такъ называемыхъ ремесленниковъ—не больше, какъ жалкіе заплаточники; половина шинкарей—люди очень и очень бѣдные, а половина такъ называемыхъ купцовъ, торговцевъ—на самомъ дѣлѣ, не больше, какъ въ крайней нуждѣ живущіе мелкіе лавочники **) или же Hausierer,

*) Цит. докладъ „Die Lage der Juden Galiziens".

**) „Всякій, знакомый съ еврейской мелочной торговлей галиційскихъ городовъ,—пишетъ мѣстный корреспондентъ,—знаетъ, что торговля ведется такими людьми, весь капиталъ которыхъ недостаточенъ даже для покупки цѣлаго мѣшка муки или штуки убойнаго скота. Кромѣ огромной нужды и матеріальнаго давленія извнѣ—корреспондентъ имѣетъ въ виду довольно многочисленныя въ Галиціи чисто-экономическія организаціи католическихъ патеровъ и польскихъ шляхтичей, организаціи, имѣющія цѣлью вытѣснить еврея изъ торговли и подчинить крестьянина себѣ;—кромѣ, говоритъ онъ,—давленія извнѣ, существуетъ также внутреннее давленіе. Это, именно, деспотизмъ еврейскихъ духовныхъ правленій, состоящихъ обыкновенно изъ клики богатыхъ родственниковъ, отъ которыхъ экономически зависитъ вся община. Эта же клика,—прибавляетъ нашъ корреспондентъ,—пользуется очень часто своей экономической силою для политическихъ цѣлей и, какъ извѣстно, далеко не всегда въ интересахъ еврейской массы". Вотъ вамъ и пресловутая еврейская „солидарность!"

занимающіеся разносною торговлей. Если все это принять во вниманіе, то можно будетъ смѣло утверждать, что изъ обслѣдованнаго числа галиційскихъ евреевъ (145 тыс.), едва ли 35—40 тыс. живутъ въ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ матеріальныхъ условіяхъ; остальные же 100 тыс.—либо нищіе, либо же серьезные кандидаты въ нищіе.

Что обслѣдованныя мѣстности не представляютъ чего-либо исключительнаго, что съ такимъ же, или почти такимъ же, распредѣленіемъ еврейскихъ «богатствъ» мы встрѣчаемся во всей странѣ,—въ этомъ согласны всѣ тѣ, которые серьезно изслѣдовали положеніе дѣлъ на мѣстѣ. По вычисленіямъ д-ра Герцберга-Френкеля, на 700 тысячъ евреевъ Галиціи приходится не менѣе 500 тысячъ нищихъ. Дашинскій идетъ еще дальше и утверждаетъ, что евреи, образуя въ Галиціи 12% населенія, даютъ изъ своей среды 90% бѣдняковъ.

Выше мы видѣли, какими мрачными красками рисуетъ жизнь галиційскаго еврейства бывшій депутатъ австрійскаго рейхсрата Романъ Ярошевичъ. Не менѣе мрачную картину нарисовалъ также патеръ Іоганнъ Бадени, племянникъ бывшаго австрійскаго министра-президента, въ своей появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ книгѣ на польскомъ языкѣ: «Картинки краковской нужды» (цитируемъ по нѣмецкому переводу въ журналѣ *Welt*, 1897, № 22).

«Среди еврейскаго населенія города Кракова,—пишетъ патеръ Бадени,—нѣтъ недостатка въ нуждѣ, самой отчаянной нуждѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пройти по Казимержу (краковскому предмѣстью, почти исключительно населенному евреями) и взглянуть на эти грязные, полуразвалившіеся дома, на всѣ эти грязныя площади и улицы, которыя смѣло могутъ конкурировать съ римскимъ и венеціанскимъ гетто. Достаточно взглянуть во внутрь одного изъ этихъ домовъ, достаточно бросить взглядъ на всѣ эти высохшія мужскія и женскія лица, на свѣшивающееся съ оконъ и балконовъ тряпье, цвѣтъ и запахъ котораго не разберетъ уже ни одинъ химикъ. Нужно войти въ рабочія помѣщенія на Казимержѣ или Подгоржѣ, во всѣ эти дыры, въ которыхъ, неизвѣстно, живутъ или гніютъ люди. Сколько людей, сколько семействъ тамъ живетъ, и чѣмъ только живетъ»?...

Такъ-то живутъ евреи въ Краковѣ. Но такъ они живутъ и въ Лембергѣ, другой столицѣ Галиціи, откуда писали въ *Wett,* что «тотъ, кто хочетъ постичь великій трагизмъ человѣческой нужды во всемъ ея ужасѣ; кто лично, своими глазами, хочетъ увидѣть ужасную дѣйствительность,—пусть раннимъ утромъ отправится въ Fleischpackergasse № 9, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ со стороны еврейскаго духовнаго правленія производится, вслѣдствіе сильной дороговизны, раздача хлѣба нуждающимся» *). Такъ они живутъ въ столицахъ, такъ живутъ и въ захолустьяхъ.

---

*) „Brothverteilung in Galizien", von Nathan Samueli. *Die Welt* № 31, отъ 5 августа 1898 г.

Въ нашихъ рукахъ имѣется не одинъ десятокъ корреспонденцій, и всѣ онѣ одинаково ярко свидѣтельствуютъ объ ужасной, безысходной нуждѣ, о безчеловѣчной борьбѣ за существованіе, о нищетѣ, объ отчаяніи.

Слѣдующее письмо изъ провинціи подъ заглавіемъ «Вопль нужды» (Nothschrei), помѣщенное въ первомъ же номерѣ цитированнаго нами журнала *Welt* (отъ 4 іюня 1897 г.), является типичнымъ въ этомъ отношеніи.

«Знаете ли вы,—спрашиваетъ корреспондентъ въ «письмѣ къ редактору»,—что такое «еврейская нужда» (Judennoth)?... Приходите сюда и вы узнаете не только нужду, но и отчаяніе еврейской массы (Judenverzweiflung).

«Много говорятъ объ «угнетаемыхъ и преслѣдуемыхъ» русскихъ и румынскихъ евреяхъ, о насъ же,—жалуется дальше авторъ письма,—никто и не вспомнитъ. А все же русскіе и румынскіе евреи имѣютъ хоть кой-какую возможность поддерживать свое существованіе. Мы же имѣемъ одну *только* конституцію и пользуемся одними *только* благами цивилизованнаго государственнаго строя. Что у насъ есть? Есть ли у насъ улицы? Нѣтъ! Мосты? Нѣтъ! Школы? Нѣтъ! Имѣемъ ли мы возможность честно заниматься промыслами? Нѣтъ! Что даетъ намъ культура, что приноситъ съ собою цивилизація? Жандарма и сборщика податей!

«Нужно знать Восточную Галицію и населяющихъ ее евреевъ! Въ мѣстечкахъ, деревняхъ и фольваркахъ Восточной Галиціи проживаютъ и, Богъ вѣсть, чѣмъ и какъ живутъ тысячи и десятки тысячъ евреевъ: торгуя овощами, яйцами, занимаясь черною работой, разносной торговлею, работая въ качествѣ носильщиковъ, разсыльныхъ и пр. Живутъ! Нигдѣ еще слово это не было такъ безстыдно пародировано, какъ въ данномъ случаѣ.

«А наша, такъ называемая, интеллигенція: экономы, полевые надсмотрщики, арендаторы пропинаціи? Какъ тяжело достается имъ кусокъ хлѣба! Повсюду, словомъ, ничего, кромѣ нищеты, горя, нужды...

«Покинутые правительствомъ, презираемые *евреемъ* и христіаниномъ, унижаемые и оскорбляемые, мы не знаемъ радостей, разучились смѣяться, но разучились и плакать.

«А мы, тѣмъ не менѣе, платимъ налогъ крови, мы—самые скромные, спокойные и покорные люди, сгибающіеся передъ всякимъ, кто одѣтъ въ приличное пальто и носитъ красивую палку, смиренно и униженно называя его «Herr».

«Наша пища состоитъ изъ грубѣйшаго черстваго хлѣба, наша одежда—изъ лохмотьевъ, наши жилища — не больше, какъ жалкія конуры, наши праздники являются для насъ днями печали»...

И приблизительно такого же рода «вопли» мы находимъ почти въ каждой корреспонденціи изъ еврейскихъ мѣстностей въ Галиціи.

Чтобы закончить этотъ краткій очеркъ еврейскаго пролетаріата въ Галиціи, намъ остается еще посмотрѣть, какъ живетъ въ этой странѣ еврей-рабочій, еврей-пролетарій, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Но, спрашивается, существуетъ ли, вообще, въ Галиціи еврейскій пролетаріатъ въ

этомъ послѣднемъ смыслѣ? Мы видѣли, что Галиція создаетъ еврея-паупера, еврея-нищаго, Luftmensch'a и Gassjung'a, создаетъ полунищаго ремесленника и полуголоднаго лавочника, но создала ли она работника-еврея?

Дѣйствительно, Галиція, будучи страною чисто земледѣльческою, имѣя очень слабо развитую фабричную и заводскую промышленность, не могла вообще создать большой фабричный, промышленный пролетаріатъ; естественно, что этотъ пролетаріатъ не можетъ быть многочисленъ среди, вообще, немногочисленнаго еврейскаго населенія страны. Однако же, въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ Галиціи, гдѣ промышленность существуетъ, мы встрѣчаемъ, конечно, и промышленный пролетаріатъ и, между прочимъ, еврейскій рабочій пролетаріатъ.

Этотъ именно еврейскій пролетаріатъ мы находимъ, главнымъ образомъ, въ Бориславѣ, небольшомъ городкѣ—или большой деревнѣ, по словамъ мѣстнаго изслѣдователя,—лежащемъ у сѣвернаго подножія Карпатовъ и славящимся своими нефтяными источниками и богатыми залежами горнаго воска (озокерита) *).

По словамъ д-ра С. Р. Ландау, мѣстечко Бориславъ можетъ быть разсматриваемо какъ истый классическій центръ еврейскаго промышленнаго пролетаріата. И не потому,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—чтобы ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, ни въ какой другой странѣ не было такого большого количества еврейскихъ рабочихъ, какъ въ Бориславѣ,—нѣтъ, въ Америкѣ и въ Англіи мы встрѣчаемъ ихъ тысячами и десятками тысячъ,—но ни въ Америкѣ, ни въ Англіи и ни въ какой другой странѣ мы не находимъ, чтобы *цѣлая отрасль производства носила на себѣ такую печать труда еврейскихъ рабочихъ рукъ, какъ здѣсь;* нигдѣ также мы не найдемъ, вѣроятно, такой низкой, прямо нищенской заработной платы, не встрѣтимъ такихъ ужасныхъ условій существованія, столь безчеловѣчной эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда; нигдѣ, наконецъ, условія труда не носятъ столь вредный, столь опасный характеръ, какъ здѣсь.

Большинство рабочихъ на бориславскихъ промыслахъ—евреи: на 9,000 рабочихъ ихъ насчитываютъ болѣе 6,000—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Все это рабочее населеніе занято на 39 рудникахъ, состоящихъ изъ множества шахтъ, изъ которыхъ каждая образуетъ отдѣльное цѣлое и насчитываетъ много сотенъ своихъ спеціальныхъ рабочихъ-рудокоповъ, носильщиковъ, промывальщиковъ и пр. Каждая категорія этихъ рабочихъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, свои извѣстныя обязанности, согласно чему и выдается плата. Работа однихъ тяжелѣе, зато работа другихъ опаснѣе.

Самымъ большимъ опасностямъ подвергаются рудокопы. Одной ногою въ «клѣти» или жестяной бадьѣ, правою рукою крѣпко придерживаясь за канатъ, а въ лѣвой держа предохранительную лампочку, они спускаются

*) Бориславъ доставляетъ почти половину всей добываемой въ Галиціи нефти и озокерита.

въ колодезообразную шахту, глубиною въ 60 и болѣе метровъ, шириною—въ одинъ, а длиною—въ 1—2 метра. Вслѣдствіе недостаточности предохранительныхъ мѣръ очень многіе изъ спускающихся въ шахту нерѣдко больше оттуда не возвращаются.

На борисловскихъ копяхъ практикуются двѣ смѣны рабочихъ,—дневная и ночная,—изъ коихъ каждая остается подъ землею, работая въ узкихъ лабиринтовыхъ проходахъ 12 часовъ. Примитивная вентиляція, не дающая достаточнаго притока воздуха, рѣдкость практикуемыхъ на рудникахъ измѣреній гремучаго газа превращаютъ пребываніе рудокопа въ шахтѣ въ истинное мученіе и способствуютъ скопленію угольныхъ и сѣрноводяныхъ газовъ, нерѣдко ведущихъ ко взрывамъ *). Предписанія горнаго управленія разбиваются о скупость и алчность предпринимателей. По даннымъ горной инспекціи за 1895 годъ, въ борисловскихъ копяхъ погибли 34 человѣка, а тяжело ранено было — 42. Между тѣмъ заработная плата рудокоповъ составляетъ 60—80 крейцеровъ (приблизительно, 45—65 коп.) въ день.

Вышеупомянутыя «клѣти» или бадьи рудокопы наполняютъ воскомъ, частью—въ чистомъ видѣ, частью же—съ суглинкою, и доставляютъ ихъ на дневную поверхность. Тутъ, на поверхности, начинается работа такъ называемыхъ Klaubерinnen или Beinlerinnen. Ловкими, привычными руками, эти бѣдныя дѣвушки, едва вышедшія изъ дѣтскаго возраста, отдѣляютъ воскъ отъ сопровождающихъ его камней и суглинка, а затѣмъ раскладываютъ его въ кучи. При этомъ имъ приходится колѣнями простаивать на мокрой землѣ, а работу свою,—ежедневную 13-тичасовую работу,—онѣ совершаютъ въ согнутомъ и сгорбленномъ положеніи во всякое время года, несмотря на холодъ, бурю и дождь.

Но и участь этихъ работницъ завидна въ сравненіи съ участью тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, вѣрнѣе—дѣтей, которыя нанимаются мелкими предпринимателями для того, чтобы вновь внимательно перебирать отброшенные камни и ножемъ соскабливать остающіяся еще на нихъ частицы воска, идущія затѣмъ въ плавку. Цѣлыми днями онѣ то и дѣло путешествуютъ отъ одной кучи камней до другой, перебирая и изслѣдуя каждый камешекъ въ отдѣльности. И за эту одуряющую, отупляющую работу онѣ получаютъ 48 крейцеровъ (35 коп.) въ день, причемъ рабочихъ дней въ недѣлѣ всего-навсего пять. Большинство Klaubерinnen—еврейки.

Евреи же составляютъ главный контингентъ каменоносовъ и «промывальщиковъ». Эти группы рабочихъ, въ особенности, могутъ послужить прекраснымъ отвѣтомъ на обвиненія въ неспособности евреевъ къ физи-

*) „Среди мѣръ предосторожности, направленныхъ къ уменьшенію возможности взрывовъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить хорошую вентиляцію съ раціональнымъ распредѣленіемъ свѣжаго воздуха внутри рудника. Количество воздуха, доставляемаго вентиляторомъ, должно быть сообразовано съ количествомъ газа, для чего желательны ежедневныя измѣренія этого послѣдняго". (*Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона*, т. XXVII, стр. 224).

ческому труду: немного найдется работъ, которыя, по трудности своей, могли бы сравниться съ работою только что названныхъ группъ.

Каменоносамъ приходится относить камни на большія площади. Переносятъ они эти камни въ мѣшкахъ, на своихъ плечахъ, которыя, подъ двух-и трехпудовой тяжестью гнутся и изгибаются почти до земли.

«Промывальщики» разжижаютъ воскъ холодною водою въ огромныхъ, спеціально для того устроенныхъ, чанахъ, окружаютъ образующіяся массы длинными древками», и всплывающія на поверхность частицы воска вычерпываютъ ситами. Работа эта происходитъ на «свѣжемъ воздухѣ»: подъ открытымъ небомъ и при всякой непогодѣ.

Какъ только силы рабочаго надрываются и ихъ нехватаетъ больше для такого рода работъ,—а это бываетъ съ нимъ уже въ 40—50 лѣтъ—онъ дѣлается Umschmeisser'омъ. Работа Umschmeisser'а заключается лишь въ томъ, чтобы съ помощью лопаты наполнять мѣшки камнями; но зато заработная плата падаетъ съ 80 крейцеровъ или 1 гульденъ 10 кр. до 70—80 крейцеровъ въ день.

Мы указывали только что на трудность работы каменоносовъ и «промывальщиковъ»; нужно при этомъ замѣтить, что работа эта отличается не одной лишь трудностью: она, кромѣ того, происходитъ непрерывно, почти безъ всякаго отдыха. Шахтеръ, работая подъ землею и не имѣя надъ собою никакого надзора, можетъ еще найти минуту-другую, чтобы передохнуть; на поверхности же есть надсмотрщики или же присутствуютъ сами предприниматели, которые зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одна минута изъ положеннаго рабочаго времени не пропадала даромъ.

Таковы условія труда. Но это еще не все: всѣ прочія условія, въ которыхъ живетъ бориславскій горнорабочій-еврей, не менѣе неприглядны. Когда отецъ семейства послѣ 12-тичасовой работы приходитъ истощенный домой, онъ, обыкновенно, попадаетъ въ холодную, сырую, состоящую изъ одной комнаты квартиру, куда нерѣдко сквозь гнилой потолокъ проникаетъ и дождь. «Я нашелъ,—разсказываетъ Лапдау,—на квартирѣ одного рабочаго посреди комнаты нѣсколько горшковъ, спеціально предназначенныхъ для того, чтобы принимать въ себя капающую съ потолка воду. Въ этой комнатѣ жило семейство, состоявшее изъ мужа, жены, старухи-матери да пятерыхъ дѣтей. Квартирная плата—30 гульденовъ (23 р.) въ годъ, выплачиваемые понедѣльно. Если бы у этихъ людей нашлось хоть пять гульденовъ, они могли бы нанять другую, лучшую квартиру; но пять гульденовъ для людей, зарабатывающихъ $3^1/_2$ гульдена въ недѣлю, это—цѣлый капиталъ!»

Въ общемъ, можно сказать, что жилищныя и всѣ другія условія, при которыхъ шахтеру приходится отдыхать послѣ трудового дня, самыя ужасныя.

Неудивительно, поэтому, что еврей-горнорабочій Борислава, этотъ типичный пролетарій, продающій «господину капиталу», вмѣстѣ съ рабочей силою, и частицу своего существованія, низведенный на степень живой машины, необезпеченный, неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ,—неудивитель-

но, говоримъ, что еврей-горнорабочій сравниваетъ свой трудъ и всѣ условія своего существованія съ каторгой. «Мы работаемъ, — скажетъ онъ, когда вы съ нимъ разговоритесь,—тяжелѣе, чѣмъ наши отцы въ Египтѣ; найдется ли новый Моисей, который вывелъ бы насъ изъ галиційскаго Египта!...»

Замѣтимъ, что въ настоящее время слѣдовало бы еще сгустить краски представленной нами картины положенія евреевъ-горнорабочихъ Бориславa. Дѣло въ томъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ между бориславскими горнорабочими, вслѣдствіе утвержденія новаго горнопромышленнаго устава, имѣвшаго, собственно, цѣлью ввести нѣкоторыя улучшенія въ работы, свирѣпствуютъ нищета и голодъ, не поддающіеся описанію. Лишились работы нѣсколько тысячъ рабочихъ, но пострадали и мелкіе шахтовладѣльцы, на которыхъ, — какъ вообще на мелкихъ предпринимателяхъ, —всякаго рода регламентаціи и улучшенія условій труда отзываются особенно чувствительно; пострадали, наконецъ, мелкіе торговцы, лавочники,—почти все мѣстечко: лишившись работы, рабочіе не могутъ предъявлять большого спроса ни на предметы потребленія, ни на ремесленныя издѣлія. Однимъ словомъ, населеніе Борислава очутилось въ самомъ отчаянномъ положеніи. Не такъ давно еще газеты сообщали, съ одной стороны, о голодномъ тифѣ, съ другой — о «голодныхъ бунтахъ» среди бориславскихъ рабочихъ... Многіе покинули страну, но гораздо большая часть рабочихъ осталась, конечно, на мѣстѣ, гдѣ голодаетъ и буквально умираетъ съ голода...

Что ждетъ несчастныхъ бориславцевъ, что будетъ съ еврейскимъ населеніемъ Галиціи, вообще,—населеніемъ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ «не имѣющимъ опредѣленныхъ занятій»,—съ этимъ многочисленнымъ пролетаріатомъ, ищущимъ, но не находящимъ приложенія своему труду?

Убійственная конкуренція, порождаемая скученностью еврейскаго населенія въ городахъ и мѣстечкахъ; почти полное отсутствіе въ странѣ фабричной и заводской промышленности, которая могла бы дать занятія значительному числу лицъ; экономическая борьба, осложняемая борьбой національной, не менѣе, быть можетъ, жестокой, чѣмъ первая; антисемитизмъ со своими экономическими и политическими организаціями; періодически повторяющіеся еврейскіе погромы, «натравливаніе нищихъ на нищихъ», по выраженію Дашинскаго; еврейская плутократія, наконецъ, жалкая прислужница господствующей шляхты, этой, какъ характеризуетъ ее тотъ же Дашинскій, «исторически заклейменной касты, являющейся главной виновницей бѣдственнаго положенія какъ крестьянскаго, такъ и еврейскаго населенія въ странѣ», — вотъ что создало ту ужасающую нужду, бѣдность, нищету, ту забитость галиційскаго еврейства, которую мы только намѣтили читателю и про которую навѣрно не все сказали, что слѣдовало бы сказать.

Массовая нужда, пролетаризація, вѣрнѣе — пауперизація галиційскихъ

евреевъ идетъ гигантскими шагами впередъ; евреи выселяются, уходятъ «изъ галиційскаго Египта»; одни ѣдутъ въ Америку, другіе—въ Австрію, главнымъ образомъ, въ Вѣну, гдѣ они обыкновенно дѣлаются странствующими торговцами (Hausierer), паріями среди паріевъ. Дѣло въ томъ, что жизнь странствующаго торгаша представляетъ собою настоящій мартирологъ. Несчастные, жалкіе люди, съ явной печатью своей расы на лицѣ, странствующіе по гостиницамъ и кофейнямъ, переходящіе отъ одного столика къ другому, осмѣиваемые, унижаемые и оскорбляемые,—еврейскіе Hausierer'ы въ Вѣнѣ, да не въ одной только Вѣнѣ. Тѣхъ же Hausierer'овъ, только подъ другими именами, мы встрѣчаемъ и въ Нью-Йоркѣ, и въ Лондонѣ (такъ наз. педлеры), и въ Парижѣ, и въ Брюсселѣ (colporteurs). Нѣтъ, «исходъ» изъ страны не улучшаетъ, а, при нынѣшнихъ условіяхъ «исхода», чаще всего ухудшаетъ положеніе эмигрантовъ, и не въ немъ, слѣдовательно, галиційское еврейство должно искать спасенія. Гдѣ же, въ чемъ же искать его?

Многіе и много говорятъ о помощи мелкому ремеслу, о привлеченіи евреевъ къ земледѣлію, о введеніи новыхъ отраслей труда, о развитіи и распространеніи внѣземледѣльческихъ, кустарныхъ промысловъ. Д-ръ Герцбергъ-Френкель указываетъ въ одномъ своемъ докладѣ на примѣры успѣшнаго введенія льнопрядильнаго дѣла среди евреевъ одного галиційскаго мѣстечка, на изготовленіе пеньковой пряжи, дающее недурной заработокъ нѣсколькимъ стамъ еврейскихъ работницъ въ Бродахъ, указываетъ на возможность успѣшнаго введенія многихъ другихъ промысловъ. Всѣмъ этимъ проектамъ, равно какъ и проекту внутренней, а, главнымъ образомъ, внѣшней колонизаціи, не давшему до сихъ поръ никакихъ серьезныхъ результатовъ, но въ которомъ, тѣмъ не менѣе, многіе усматриваютъ чуть ли не единственное спасеніе,—всѣмъ этимъ планамъ и проектамъ противопоставимъ, во всякомъ случаѣ, оригинальное (оригинальное, правда, не новизною своей, а лишь—въ примѣненіи къ данному вопросу) мнѣніе директора статистическаго бюро Галиціи, профессора лембергскаго университета Пилата.

Выше нами было указано на нѣкоторыя препятствія, мѣшающія евреямъ въ Галиціи хотя бы отчасти и постепенно осуществить планъ «внутренней колонизаціи», т.-е., проще говоря, заняться земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ внутри самой страны. Проф. Пилатъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Галиціи, относится къ этому плану чрезвычайно скептически и, принимая во вниманіе указанныя нами выше препятствія и основываясь на нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ, утверждаетъ, что серьезнаго значенія онъ, этотъ планъ, для еврейской массы имѣть не можетъ. Что же касается до введенія новыхъ мелкихъ промысловъ, то Пилатъ справедливо замѣчаетъ, что еврейская масса и безъ того занимается очень многими промыслами, рѣшительно не прокармливающими ремесленниковъ потому именно, что населеніе, вслѣдствіе повальной нищеты, не можетъ предъявлять большого запроса на ремесленныя издѣлія; помощь же мел-

кому ремеслу при такихъ условіяхъ является очень и очень гадательной; остается,—говоритъ проф. Пилатъ,—одно: *крупное производство, развитіе фабричной и заводской промышленности.*

Галиційскимъ евреямъ необходимо «вывариться въ фабричномъ котлѣ», какъ сказали бы у насъ; но это, по мнѣнію лембергскаго профессора, необходимо не только евреямъ, но и христіанамъ, населяющимъ Галицію. Будучи страною чисто земледѣльческою, Галиція не въ состояніи теперь прокормить всего своего населенія: она слишкомъ имъ *насыщена.* Образовалось перенаселеніе, излишекъ, не поглощаемый земледѣліемъ и вынуждаемый либо эмигрировать, либо же искать занятій въ другихъ отрасляхъ труда. Между тѣмъ,—не говоря уже о все болѣе растущихъ потребностяхъ,—населеніе страны, хотя и ограниченное средствами существованія, растетъ и увеличивается. Такъ, съ 1869 по 1880 годъ естественный приростъ населенія въ Галиціи составлялъ 9,$_4$%, съ 1880 по 1890 г.—10,$_9$%, и въ то время, какъ въ 1880 г., на каждый кв. километръ приходилось 84 жителя, въ 1900 году ихъ насчитывали уже 90; съ тѣхъ поръ населеніе, конечно, еще больше возросло. Ростъ же населенія ведетъ къ тому, что земля все больше «раздробляется, дѣлится и передѣляется на сотни мелкихъ участковъ» («Les Paysans», Бальзака), которые не могутъ прокормить земледѣльца. Отсюда—пролетаризація земледѣльческаго населенія.

Развитіе производительныхъ силъ Галиціи съ помощью крупнаго производства является, поэтому, настоятельной потребностью для всего населенія страны; слѣдовательно, и для еврейскаго населенія.

II.

Еврейскій пролетаріатъ въ Лондонѣ.

Восточная часть Лондона, такъ называемый Истъ-Эндъ, East-End, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, чрезвычайно своеобразное, очень значительное и густо населенное гетто, убѣжище многихъ десятковъ тысячъ преимущественно русскихъ евреевъ, прибывшихъ въ Англію въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій прошлаго вѣка, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, со времени южно-русскихъ погромовъ и вызванной ими массовой эмиграціи въ Америку. Эта эмиграція оставила, попутно, огромный контингентъ евреевъ въ Лондонѣ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ англійскихъ городахъ: въ Лидсѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ и друг. По даннымъ знаменитаго изслѣдованія Шарля Бузса «Life and Labour of the People», число евреевъ, живущихъ въ одномъ только Истъ-Эндѣ, составляло, въ 1896 году, 60—70 тысячъ; по собраннымъ же нѣсколько позже д-ромъ Соловейчикомъ даннымъ, тамъ живетъ въ настоящее время около 100 тысячъ евреевъ, изъ коихъ большинство—рабочіе, частью—фабричные, въ огромнѣйшемъ же большинствѣ случаевъ—занятые не на большихъ фабрикахъ, а «потѣющіе», т.-е. безжалостно и безчеловѣчно эксплуа-

тируемые по пресловутой «потогонной системѣ», sweating-system, въ мелкихъ, отвратительныхъ мастерскихъ-конурахъ, такъ называемыхъ sweating-dens или sweating-shops.

Все это—большею частью, выходцы изъ «черты» русско-еврейской осѣдлости, которые, разоренные и голодные, очутились въ Англіи, какъ другіе ихъ собратья—въ Америкѣ, страстно стремясь и тутъ, и тамъ къ одному: найти какую бы то ни было работу, лишь бы не умереть съ голоду.

«Тотъ, кто знакомъ съ мѣстечками черты еврейской осѣдлости въ Россіи,—пишетъ г. Соловейчикъ (р. 29),—останавливается въ изумленіи передъ картиной, которая открывается передъ его глазами, какъ только онъ вступаетъ ногою въ Уайтчепель. Это уже не Лондонъ со своими огромными зданіями, быстро ѣдущими «кэбами» и грандіозными магазинами; улицы здѣсь грязны—еврейскій кварталъ считается самымъ густо-населеннымъ во всемъ Истъ-Эндѣ: на каждый акръ земли приходится 227 человѣкъ; огромнѣйшее большинство встрѣчаемаго здѣсь населенія носитъ на своемъ лицѣ печать ужаснѣйшей нищеты; тысячи пьяныхъ и полупьяныхъ гулякъ испускаютъ посреди улицы какіе-то дикіе крики, и глаза ваши невольно ищутъ полисмена, неподвижно стоящаго и отъ времени до времени подымающаго руку, чтобы на минуту пріостановить движеніе.

«Вы сейчасъ же замѣтите, что населеніе этихъ кварталовъ не привыкло видѣть у себя хорошо одѣтыхъ людей: со всѣхъ сторонъ бросаютъ на васъ подозрительные взгляды, и вы невольно ускоряете шагъ. Если вы въ началѣ Уайтчепеля еще встрѣчаете христіанскія лица, то въ слѣдующихъ улицахъ вы ихъ почти не видите больше. Вы почти не слышите англійской рѣчи: всѣ кругомъ говорятъ на еврейскомъ жаргонѣ, «jüdisch-deutsch», вы видите почти исключительно однихъ евреевъ, худыхъ, блѣднолицыхъ.

«Мистеръ Фрикъ, лондонскій коммунальный совѣтникъ, показывая мнѣ дома и улицы, гдѣ живетъ и работаетъ, движется и суетится еврейскій рабочій людъ, сказалъ, улыбаясь: «вы уже не въ Лондонѣ, а въ Іерусалимѣ». И, дѣйствительно, вы находитесь въ еврейскомъ городѣ, въ почти исключительно еврейскомъ городѣ. Дома цѣлыхъ кварталовъ населены почти исключительно евреями; всѣ лавки и лавчонки, съ грязными вывѣсками, очень часто на еврейскомъ жаргонѣ, принадлежатъ имъ же. Полунагія дѣтишки, между которыми иной разъ встрѣчаешь головки, достойныя кисти художника, играютъ посреди улицы. Женщины, сидя на крыльцахъ домовъ, кормятъ своихъ ребятъ, и стоитъ вамъ только заглянуть во внутрь этихъ домовъ, чтобы немедленно же убѣдиться, что тамъ царитъ самая глубокая нищета.

«Стѣны домовъ покрыты огромными афишами; вы рѣдко найдете между ними англійскія; почти всѣ на жаргонѣ. Афиши эти самыя разнообразныя: одна—простая реклама какого-то торговаго дома, другая—извѣщаетъ публику о прибытіи еврейской труппы изъ Нью-Йорка, третья—го-

воритъ о молельняхъ и о предстоящихъ тамъ, во время ближайшихъ праздниковъ, богослуженіяхъ, четвертая—что въ Истъ-Эндѣ появилась новая газета на еврейскомъ языкѣ; тутъ же шустрый еврейскій мальчишка разноситъ и выкрикиваетъ газеты, число которыхъ довольно значительно въ Истъ-Эндѣ. Газеты эти—всевозможныхъ направленій,—отъ самыхъ крайнихъ до самыхъ умѣренныхъ, и совсѣмъ безъ всякаго направленія; всѣ на жаргонѣ, и нѣкоторыя, по освѣдомленности и содержательности, не уступятъ многимъ хорошимъ европейскимъ газетамъ. *Der jüdische Express,* напримѣръ, большая газета, состоящая изъ 8 страницъ, хорошо освѣдомленная и прекрасно редактируемая. То же самое нужно сказать и о *Der tägliche Express*, *Der jüdische Telephon* и друг. Кромѣ еврейскихъ газетъ, издающихся въ Лондонѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ, въ Уайтчепелѣ продаются также еврейскія газеты, выходящія въ сѣверо-американскихъ С. Штатахъ.

«Евреи Истъ-Энда знаютъ лишь свой Уайтчепель и свой жаргонъ, и только молодое поколѣніе начинаетъ говорить по-англійски. Они, впрочемъ, никакой надобности въ этомъ языкѣ и не имѣютъ; тотъ міръ, съ которымъ они сталкиваются, говоритъ на жаргонѣ. Мясники, пекари, всѣ вообще торговцы съѣстными припасами — русскіе евреи, и даже почтовые чиновники въ этихъ кварталахъ изъясняются съ евреями на жаргонѣ. Почтовыя бюро находятъ даже нужнымъ вывѣшивать здѣсь свои объявленія на русскомъ языкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ. Словомъ, русскій еврей лондонскаго Истъ-Энда, развѣ только въ своихъ сношеніяхъ съ администраціей, долженъ былъ бы прибѣгать къ англійскому языку; но и съ администраціей, олицетворяемой въ его глазахъ полисменомъ, онъ очень рѣдко приходитъ въ столкновеніе. Дѣло въ томъ, что, какъ объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ цифры, евреи являются въ Истъ-Эндѣ единственнымъ элементомъ, отличающимся своимъ хорошимъ поведеніемъ. Къ 11 января 1894 года, въ Англіи и Уэльсѣ, находились въ заключеніи всего 52 еврея, изъ коихъ 21—въ Лондонѣ и 31—въ провинціи, причемъ изъ общаго числа заключенныхъ 38 человѣкъ присуждены были къ наказанію отъ одного мѣсяца до одного года. Еврейская община въ Лондонѣ обозначается въ официальномъ докладѣ обѣихъ палатъ «О размѣрахъ и результатахъ иммиграціи изъ западной Европы въ Соединенное Королевство», какъ «миролюбивое и соблюдающее законы населеніе» (peaceful and law-abiding).

«Особенно интересно наблюдать этотъ еврейскій городъ между 12 и 1 часомъ дня,—время, когда еврейскій рабочій людъ вырывается изъ своихъ отвратительныхъ мастерскихъ и спѣшитъ обѣдать. Рабочіе наполняютъ собою тогда улицы, и вы удивляетесь тому громадному числу молодыхъ дѣвушекъ, которое встрѣчаете между ними; вы напрасно будете искать здѣсь, да и очень рѣдко найдете, христіанскую, англо-саксонскую физіономію. Всѣ спѣшатъ «пообѣдать» кускомъ хлѣба и селедки, чтобы вернуться затѣмъ въ мастерскія, гдѣ работа длится обыкновенно до поздней ночи.

«Но, поистинѣ, преинтереснѣйшее зрѣлище представляетъ собою этотъ еврейскій кварталъ въ пятницу, когда онъ превращается въ огромный еврейскій базаръ; въ этотъ день, послѣ недѣли тяжелаго, изнурительнаго труда, еврейскій рабочій людъ является сюда, чтобы закупить необходимую провизію для субботы. Обиліе самой разнообразной рыбы и живности васъ особенно поражаетъ на этихъ базарахъ; еврей-рабочій хочетъ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день поѣсть рыбы и мяса, и онъ предпочитаетъ питаться всю недѣлю сухимъ хлѣбомъ, лишь бы въ этотъ день не лишиться любимой пищи.

«Въ пятницу вечеромъ еврейскій кварталъ Уайтчепеля принимаетъ совершенно другой видъ; улицы болѣе чисты, почти всѣ лавки заперты; тамъ и сямъ, посреди улицы, подъ наблюденіемъ прогуливающагося дѣда, играютъ умытые и чисто пріодѣтые ребятишки.

«Большинство еврейскихъ рабочихъ не работаетъ въ субботу: холостые остаются весь день въ своихъ клубахъ,—которыхъ здѣсь очень много,—гдѣ проводятъ время въ играхъ (лондонскіе евреи-рабочіе имѣютъ, къ сожалѣнію, большую страсть къ азартнымъ играмъ) и спорахъ на разныя животрепещущія темы; семейные же отправляются со своими семьями на прогулки или въ гости.

«Но какъ только звѣзды показываются на небѣ, обыденная жизнь снова вступаетъ въ свои права, и евреи рабочіе снова исчезаютъ въ «рабочихъ дырахъ», гдѣ полновластно и жестоко царитъ пресловутая «система выжиманія пота».

Эта «система» съ особенною силой свирѣпствуетъ въ портняжномъ и родственныхъ съ нимъ скорняжномъ, шапочномъ и т. п.—и сапожномъ промыслахъ, которые въ Англіи, какъ чуть ли не во всемъ мірѣ, находятся почти всецѣло въ рукахъ евреевъ. Еще въ 1888 году въ Лондонѣ насчитывали до 10 тысячъ евреевъ-портныхъ, «потѣвшихъ», по англійской терминологіи и англійской «системѣ», большею частью, при изготовленіи второстепеннаго сорта готоваго платья, до 11,000 сапожниковъ—при производствѣ низшихъ, дешевыхъ сортовъ обуви, и число ихъ съ того времени несомнѣнно значительно возросло.

Спрашивается, чему приписать тотъ фактъ, что большинство еврейскихъ иммигрантовъ посвятило себя именно этимъ производствамъ? «Конечно,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу извѣстный англійскій экономистъ Д. Ф. Шлоссъ,—это должно быть приписано скорѣе исключительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ живетъ этотъ ремесленный классъ, чѣмъ какой-либо физической способности евреевъ, какъ расы».

Правда, значительная часть иммигрантовъ—преслѣдованія столѣтій возымѣли, конечно, свое дѣйствіе—люди, для которыхъ невозможны виды труда, требующіе значительнаго мускульнаго усилія. Но это, по мнѣнію автора, не единственный,—а, по нашему, и далеко не самый важный,—мотивъ, способствовавшій развитію среди евреевъ указанныхъ промысловъ. Наиболѣе важнымъ мотивомъ является здѣсь именно то обстоятельство, что, съ

одной стороны, большинство иммигрантовъ совершенно чуждо какому бы то ни было ремеслу; съ другой—что изобрѣтеніе швейной машины ввело въ портняжное дѣло такое раздѣленіе и такую крайнюю спеціализацію труда, благодаря которымъ въ нѣсколько недѣль готовъ портной; точно также,—хотя, правда, и въ гораздо меньшей степени,—и машинное производство обуви сдѣлало за послѣднее время, особенно въ Америкѣ и Англіи, колоссальный шагъ впередъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ англійскій экономистъ,—единственный исходъ для человѣка, слишкомъ слабаго для того, чтобы заниматься тяжелою работою, и неискуснаго въ ремеслѣ, открывается въ тѣхъ мануфактурахъ, въ которыхъ (какъ это особенно имѣетъ мѣсто при выдѣлкѣ платья) высокая степень раздѣленія труда дѣлаетъ возможнымъ — если удѣлять новичкамъ нѣкоторыя части работы, требующія минимума знаній,—эксплуатировать тотъ неискусный трудъ, который, при другихъ условіяхъ, былъ бы отвергнутъ, какъ не имѣющій никакой цѣнности для цѣлей производства». Ко всему этому нужно прибавить еще незнаніе языка, нежеланіе еврея работать въ субботу, наконецъ, существованіе предпринимателей-евреевъ, у которыхъ легче было отыскать работу, чѣмъ у иновѣрцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжаетъ эмигрантъ-новичокъ («Greener») въ Лондонъ, Лидсъ или Ливерпуль; пріѣзжаетъ безъ денегъ, безъ знанія языка и мѣстныхъ условій, не зная куда идти, за что взяться; но бѣднаго новичка давно уже ждетъ цѣлая толпа паразитовъ, которая тотчасъ же при его появленіи жадно набрасывается на него, какъ на добычу. Новичка окружаютъ, у него хватаютъ жалкій чемоданчикъ и приводятъ въ какой-то домъ, гдѣ ему даютъ квартиру и столъ и гдѣ у него мало-по-малу забираютъ тѣ гроши, которые онъ привезъ съ собой. Когда же карманъ нашего героя дѣлается совершенно пустымъ и платить за столъ и квартиру больше нечѣмъ; когда человѣкъ, чтобы не умереть съ голоду, готовъ согласиться на какой угодно трудъ и на какое угодно вознагражденіе за трудъ, его отводятъ въ сырую, темную дыру — портняжную мастерскую, и по истеченіи какой-нибудь недѣли готовъ «спеціалистъ», а то и «артистъ», по части пришиванія пуговицъ или выметыванія петель, а черезъ полгода готовъ и «прессеръ», гладильщикъ, одинъ изъ аристократовъ ремесла. Вотъ такимъ-то образомъ цѣлыя отрасли труда были заполонены почти исключительно еврейскими работниками и работницами.

Мы сказали выше, что большей частью эта масса рабочаго люда эксплуатируется по «потогонной системѣ». Но, спрашивается, въ чемъ же собственно состоитъ эта пресловутая «система выжиманія рабочаго пота», самое саркастическое названіе которой вызываетъ въ насъ представленіе о какой-то особенно жестокой и своеобразной формѣ эксплуатаціи труда? Что это за странная, за жестокая система?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимо прежде всего замѣтить, что очень ошибся бы читатель, если бы думалъ найти въ этой «системѣ» какую-нибудь дѣйствительно опредѣленную и ясную систему; сколько бы онъ

ни искалъ, онъ такой системы здѣсь не найдетъ. Джонъ Бернеттъ, напри мѣръ,—первый, если не ошибаемся, написавшій спеціальное изслѣдованіе о sweating'ѣ въ Англіи,—видитъ въ «свэтерствѣ» систему подрядной работы, производящейся наемными рабочими либо у подрядчика на дому, либо же въ небольшихъ, спеціально для этого нанимаемыхъ мастерскихъ, причемъ прибыль подрядчика заключается въ разницѣ между цѣною взятаго подряда и стоимостью рабочей силы.

Извѣстный французскій экономистъ Левассёръ, основываясь на одномъ американскомъ обслѣдованіи, прямо опредѣляетъ sweating, какъ систему эксплуатаціи труда, характеризуемую существованіемъ цѣлой лѣстницы контракторовъ (подрядчиковъ), субъ-контракторовъ и т. д. Шарль Бузсъ утверждаетъ, что существуетъ *не одна*, а нѣсколько системъ «свэтерства». Сами рабочіе Истъ-Энда употребляютъ это слово въ самыхъ различныхъ смыслахъ. Такъ, напримѣръ, сапожники очень часто называютъ «свэтеромъ», sweater, рабочаго, изъ котораго выжимается потъ, тогда какъ портные примѣняютъ это названіе къ хозяину, выжимателю пота. Въ другихъ производствахъ, «свэтеромъ» называютъ обыкновенно посредника (такъ наз. Middleman, Zwischenmeister, Marchandeur), т.-е. лицо, служащее соединительнымъ звеномъ между крупными фирмами и хозяевами мастерскихъ.

Всѣ, словомъ, единодушны въ одномъ, что въ sweating-system, этой полной дезорганизаціи труда, нѣтъ рѣшительно никакой системы; какъ всѣ вообще термины, неизвѣстно кѣмъ созданные и берущіе свое начало въ народныхъ выраженіяхъ, и этотъ терминъ отличается крайней неопредѣленностью и растяжимостью.

Но если эту систему нельзя точно опредѣлить и формулировать, то извѣстной коммиссіи лордовъ, т. н. Sweating-Committee, выбранной въ 1890 г. для спеціальнаго изслѣдованія этого вопроса, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ, по крайней мѣрѣ, возможность указать наиболѣе важныя и характерныя черты этой «системы». Коммиссія лордовъ утверждаетъ именно, что «свэтерство» не заключается въ какомъ-то особомъ способѣ вознагражденія за трудъ и не есть какая-то особая форма промышленной организаціи, а состоитъ въ слѣдующихъ условіяхъ эксплуатаціи труда вообще:

1) необыкновенно низкой заработной платѣ;

2) чрезмѣрномъ рабочемъ времени, и

3) антигигіеническомъ состояніи мастерскихъ *).

«Если мы,—говоритъ Беатриса Веббъ,—встрѣчаемъ хотя бы одно изъ этихъ условій, но въ чрезмѣрной и уродливой формѣ; если мы находимъ, напримѣръ, бѣдную швею, надрывающуюся надъ работою у себя на дому

*) См. *Fabian Tract*: „Sweating, its Cause and Remedy“, а также замѣчательную статью *Беатрисы Веббъ*: „How to do away with the Sweating-System“ въ сборникѣ супруговъ Веббъ *Problems of modern Industry*.

и напрягающую всѣ силы и нервы для того только, чтобы заработать $^1/_2$ пенса (около 2 коп.) въ часъ; больше того, если мы эти условія встрѣчаемъ всѣ вмѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ подвальныхъ этажахъ, гдѣ евреи-сапожники, занятые окончательною отдѣлкою сапогъ («boot-finishers»), работаютъ по 16 и 17 часовъ въ сутки и получаютъ 12 шиллинговъ (немногимъ больше 5 рублей съ полтиною) въ недѣлю; если мы встрѣчаемъ такого рода условія, мы и говоримъ, что здѣсь господствуетъ sweating-system, что изъ несчастнаго труженика здѣсь выжимается потъ» *).

Все сказанное станетъ еще яснѣе изъ слѣдующаго краткаго описанія нѣкоторыхъ производствъ, гдѣ процвѣтаетъ эта пресловутая «система»:

1) Во второстепенныхъ отрасляхъ портняжескаго промысла, о которыхъ мы говорили выше и гдѣ преимущественно работаютъ евреи, а также въ нѣкоторыхъ родственныхъ съ нимъ производствахъ, работникъ получаетъ работу отъ посредника, который уже имѣетъ дѣло съ крупною фирмою; посредники же раздаютъ рабочимъ сырой матеріалъ. Бываетъ и такъ, что рабочіе непосредственно сами сговариваются съ предпринимательскою фирмою, и дѣло обходится безъ посредника. Но и въ этомъ случаѣ работа производится не на фабрикѣ у предпринимателя, а у работника или работницы на дому. Такъ или иначе, заработная плата здѣсь до-нельзя низка; дневной заработокъ женщины не превышаетъ, въ среднемъ, 1 шиллинга (приблизительно 47 коп.).

2) Другой случай: рабочіе сами покупаютъ матеріалъ и обрабатываютъ его въ надеждѣ продать продуктъ либо оптовой фирмѣ, либо же непосредственно потребителю. Эта форма «свэтерства» встрѣчается въ столярномъ и токарномъ промыслахъ, при изготовленіи туфель и нѣкоторыхъ дешевыхъ сортовъ дѣтскихъ игрушекъ. Конкуренція, нужда въ деньгахъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей минуты вынуждаютъ кустаря продавать свои издѣлія очень часто ниже ихъ стоимости.

3) Сапожные и скорняжные мастера держатъ обыкновенно не мало подмастерьевъ-учениковъ, набираемыхъ среди бѣдныхъ иммигрантовъ; подмастерья эти, въ качествѣ новичковъ («greeners»—«зеленыхъ»), работаютъ за однѣ только харчи по 16, 17 и 18 часовъ. Но ученики-подмастерья не всегда вѣдь остаются учениками, мало-по-малу они начинаютъ выходить изъ этого жалкаго состоянія, получаютъ навыкъ въ ремеслѣ и становятся, конечно, болѣе требовательными. Это обыкновенно и служитъ сигналомъ къ тому, чтобы очутиться, по волѣ добрыхъ хозяевъ, на улицѣ; мѣста же выбрасываемыхъ на улицу подмастерьевъ занимаютъ новые бѣдняки, въ которыхъ недостатка, конечно, нѣтъ.

Тутъ, слѣдовательно, мастера пользуются совершенно даровымъ,—если не считать болѣе чѣмъ жалкаго содержанія, — трудомъ рабочихъ-подмастерьевъ.

4) Въ гвоздарномъ и цѣпочномъ промыслахъ практикуется раздача сы-

*) „Problems of modern Industry", стр. 140.

рого матеріала работникамъ; работа производится либо на собственныхъ, либо же на наемныхъ горнахъ. Здѣсь на каждомъ шагу происходитъ обираніе рабочаго. Рабочее время находитъ себѣ предѣлъ въ одной лишь выносливости рабочаго, а заработная плата составляетъ для мужчинъ 3 шиллинга, для женщинъ—меньше 1 шиллинга въ день.

5) Въ ножевомъ промыслѣ Шеффильда, господствующею является не такъ называемая home-work, работа на дому, а out-work, работа, раздаваемая извнѣ. Дѣло въ слѣдующемъ. За недостаткомъ мѣста рабочіе не имѣютъ возможности работать у себя на дому, но они, тѣмъ не менѣе, не работаютъ и на фабрикѣ. Шеффильдскій ножевщикъ нанимаетъ обыкновенно рабочій уголъ, а очень часто и паровую силу въ спеціальной, оборудованной для этой цѣли «фабричной казармѣ», такъ называемой tenement factory, причемъ необходимо замѣтить, что законъ не считаетъ такого рода «казарму» за фабрику.

А въ этомъ собственно и заключается все зло «системы», этимъ именно и характеризуются всѣ вышеприведенныя формы «свэтерства»: повсюду работа происходитъ не на фабрикѣ, хорошо оборудованной капиталистомъ, а либо у рабочаго на дому, либо въ небольшой, очень плохо обставленной мастерской, причемъ вслѣдствіе ли недостатковъ въ самомъ законѣ или же несовершенства въ его исполненіи, а быть можетъ, вслѣдствіе другой причины, о которой мы еще будемъ говорить, мастерская эта совсѣмъ ускользаетъ отъ контроля фабричныхъ законовъ. Вотъ почему такая мастерская бываетъ обыкновенно антигигіенична, переполнена народомъ, плохо вентилируема и освѣщаема, и недостаточно снабжена водою. Извѣстный англійскій фабричный инспекторъ Лекманъ даетъ слѣдующее описаніе подобной портняжной мастерской:

«Загляните въ нѣкоторыя мастерскія, и вы обыкновенно найдете тамъ грязную кровать, на которой валяется сшитое платье; полунагіе ребятишки валяются на полу и на кровати; на кровати же, подъ кроватью и надъ кроватью повсюду лежатъ и висятъ кастрюли и грязная посуда. Кругомъ васъ летитъ зола, а пропитанная всевозможными испареніями атмосфера до того невыносимо сперта, что съ вами дѣлается дурно». Доктора Бейтъ и Сквайръ показывали передъ коммиссіей лордовъ, что они находили въ этихъ зачумленныхъ конурахъ людей, умиравшихъ отъ чахотки, дѣтей, больныхъ скарлатиною, оспою, корью, и больныхъ накрывали обыкновенно тѣмъ же самымъ платьемъ, которымъ тутъ же заняты были рабочіе. Не правда ли, читатель, какъ все это далеко отъ той идилліи домашняго производства, «работы въ кругу семьи», которую рисуютъ намъ романтическіе поклонники мелкой промышленности во всѣхъ ея видахъ и формахъ? Какъ трудно узнать въ этой картинѣ изъ дѣйствительной жизни ту, которую представляютъ себѣ утописты!

Мы сказали выше, что sweatshops — конуры, гдѣ выжимается рабочій потъ, совершенно ускользаютъ изъ-подъ надзора фабричной инспекціи. Въ самомъ дѣлѣ. «Нужно,—говоритъ г. Соловейчикъ,—самому отправиться въ

Истъ-Эндъ, посмотрѣть тѣ переулки и закоулки, гдѣ заняты евреи-рабочіе, чтобы немедленно же убѣдиться въ томъ, что инспектора, которыхъ до послѣдняго времени было здѣсь всего пять или шесть, не имѣютъ даже возможности знать тѣ помѣщенія, гдѣ находятся мастерскія. Очень часто случается, напримѣръ, что инспекторы узнаютъ, что въ томъ или другомъ домѣ, рабочіе и работницы работаютъ въ условіяхъ, не отвѣчающихъ требованіямъ закона; они отправляются туда, но, являясь, обыкновенно никого тамъ не находятъ: хозяинъ мастерской успѣлъ узнать отъ своихъ друзей, что напали на его слѣдъ, и былъ таковъ,—нѣтъ ничего легче найти подобную же дыру въ другомъ мѣстѣ. Вообще, стоитъ только инспектору явиться къ одному какому-нибудь мастеру, чтобы всѣ живущіе въ кварталѣ коллеги его немедленно узнали объ этомъ, и въ нѣсколько минутъ устраиваютъ такъ, чтобы избѣжать законнаго наказанія. Мастерскія находятся обыкновенно либо въ подвальныхъ, либо же въ верхнихъ этажахъ домовъ, и пока инспекторъ опускается или подымается по лѣстницѣ, рабочіе и работницы, работающіе не по закону (слишкомъ малолѣтнія дѣти, женщины, работающія ночью), въ одну минуту исчезаютъ подъ кроватями и въ кроватяхъ, покрытыхъ кучею платьевъ, въ шкафахъ и даже клозетахъ. Если же инспекторъ, нисколько не стѣсняясь, вытаскиваетъ ихъ оттуда, они дѣлаютъ видъ, что ничего не знаютъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, заявляютъ, что они пришли въ гости.. Если инспекторъ поймаетъ ихъ за работой въ воскресенье, они заявляютъ, что работаютъ для себя лично или для своихъ знакомыхъ. Лекманъ въ своемъ отчетѣ за 1894 г. разсказываетъ, что, посѣтивъ однажды какую-то мастерскую, онъ нашелъ на кухнѣ жену хозяина, игравшую въ компаніи молодыхъ дѣвушекъ въ карты. Она шутила съ инспекторомъ, спрашивала его, не намѣренъ ли онъ также присоединиться къ веселой компаніи. Но какъ только онъ удалился, всѣ снова принялись за работу».

И несмотря на то, что инспекторы прекрасно знаютъ это положеніе вещей, что они были первыми, сильно взволновавшими, особенно между 1886 и 1889 гг., англійское общественное мнѣніе разоблаченіемъ ужасовъ «системы», тогда именно получившей названіе «потогонной»,—несмотря на это, они безсильны въ борьбѣ со зломъ, ничего не могли, не могутъ и, вѣроятно, не смогутъ сдѣлать для улучшенія положенія «потѣющихъ». Дѣло въ томъ, что корень зла заключается, какъ мы уже указывали, въ существованіи *работы на дому* (Home-work), такъ называемой домашней (капиталистической) промышленности (domestic-industry); характеръ же этой промышленности таковъ, что она не поддается инспекціи, какъ бы эта инспекція ни была строга. Правда, во всякой «потогонной мастерской» должно быть вывѣшано извлеченіе изъ Factory and Workshop Acts 1878 to 1897, касающееся работы женщинъ и подростковъ, но это дѣлается лишь въ большихъ мастерскихъ. Арнольдъ Уайтъ говоритъ, впрочемъ, что такъ какъ эти извлеченія—на англійскомъ языкѣ, а большинство рабочихъ—иностранцы, то очень вѣроятно, что мало кто и понимаетъ ихъ содержаніе.

Обыкновенно же этотъ документъ хранится гдѣ-нибудь въ шкафу, откуда его вынимаютъ только тогда, когда ждутъ визита инспектора, послѣ чего его снова прячутъ—до слѣдующаго визита.

Впрочемъ, самъ рабочій—и въ этомъ, думаемъ, заключается особенный трагизмъ его положенія, вытекающій изъ самыхъ условій такъ называемаго домашняго производства—самъ рабочій, по крайней мѣрѣ, не менѣе своего хозяина, ненавидитъ инспектора. И легко понять почему. Мы дальше увидимъ, что представляетъ собою, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, sweatmaster, хозяинъ-кулакъ, собственникъ «потогонной мастерской». Мы увидимъ, что, являясь обыкновенно не больше, какъ жалкимъ и печальнымъ орудіемъ въ рукахъ крупнаго предпринимательскаго капитала, жестоко эксплуатируя не только рабочаго, но и самого себя, а часто и свою семью, онъ не имѣетъ никакой возможности подчиняться предписаніямъ закона въ области труда: что для крупнаго капитала здорово, то для мелкаго—смерть; мелкая (капиталистическая) промышленность держится почти исключительно на безчеловѣчной эксплуатаціи труда, на неограниченномъ рабочемъ днѣ и «голодной» заработной платѣ. Вотъ почему строгое проведеніе фабричнаго законодательства такъ жестоко отзывается на этой именно промышленности—вообще и производствахъ, гдѣ царитъ «свэтерство»—въ частности; вотъ почему и рабочій, сознавая это, никогда не заявитъ недовольства инспектору: изъ боязни, какъ бы хозяинъ не вынужденъ былъ закрыть мастерскую. Это—съ одной стороны, а съ другой—изолированность, разобщенность рабочаго въ домашней промышленности, отсутствіе организаціи, ставитъ его въ такое положеніе, что если бы онъ и вздумалъ предъявлять какія-нибудь требованія, онъ не могъ бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что хозяева, не встрѣчая отпора со стороны хорошо организованныхъ рабочихъ союзовъ, являются здѣсь дѣйствительными и единственными хозяевами положенія: рабочій, осмѣлившійся пожаловаться инспектору, безпощадно выбрасывается на улицу, и ему нечего надѣяться на то, что онъ найдетъ работу у другого хозяина въ этой мѣстности.

Ясно поэтому, что никакая инспекція тутъ не поможетъ, она безсильна бороться со зломъ. Самъ Лекманъ вынужденъ констатировать, что законы, относящіеся къ мастерскимъ, дали, въ борьбѣ за уничтоженіе «свэтерства» среди еврейскаго пролетаріата въ Англіи, самые жалкіе и ничтожные результаты.

Но каковы же, въ такомъ случаѣ, болѣе цѣлесообразныя мѣры въ борьбѣ со зломъ? А для этого обратимся къ разсмотрѣнію причинъ, породившихъ его. Каковы эти причины? Какъ объяснить, что въ Англіи, на родинѣ крупнаго производства, гдѣ современная промышленная эволюція достигла своего апогея,—существуетъ такой устарѣлый и негодный способъ производства, сопровождаемый при томъ такой безпредѣльной эксплуатаціей труда, какъ «свэтерство»? «Потѣющіе» рабочіе и работницы, имѣя въ большинствѣ случаевъ дѣло съ однимъ лишь посредникомъ, въ немъ одномъ и усматриваютъ непосредственное орудіе эксплуатаціи, въ немъ одномъ и

видятъ всю причину зла. Съ ними во взглядахъ сходятся, между прочимъ, и нѣкоторые изслѣдователи вопроса, о которыхъ мы уже упоминали, какъ, напримѣръ, Джонъ Бернеттъ и Левассеръ, полагающіе, что только тамъ, гдѣ господствуетъ подрядная система, и процвѣтаетъ «свэтерство». На самомъ же дѣлѣ, нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго утвержденія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ, что посредникъ является въ дѣйствительности не причиною, а лишь простымъ орудіемъ эксплуатаціи и притомъ орудіемъ, все болѣе и болѣе исчезающимъ и почти совершенно уже исчезнувшимъ въ тѣхъ именно отрасляхъ труда, гдѣ «свэтерство» имѣетъ, быть можетъ, наиболѣе широкое распространеніе. «Прежде, чѣмъ я сама не изучила Истъ-Энда,—говоритъ по этому поводу миссисъ Веббъ, прекрасно звакомая съ условіями восточнаго Лондона, гдѣ она въ качествѣ портнихи провела два года *),—прежде, чѣмъ я сама не познакомилась съ различными производствами этой части Лондона, я думала, что подобное чудовище,—рѣчь идетъ о разыгравшейся фантазіи сенсаціоннаго каррикатуриста «Понча», изобразившаго посредника въ видѣ огромнаго распухшаго паука,—на самомъ дѣлѣ существуетъ. Но я скоро убѣдилась, что этотъ чудовищный образъ является либо чистѣйшимъ миѳомъ, либо же обстоятельства такъ тяжело отозвались на немъ, что совершенно и до неузнаваемости измѣнили его фигуру. Я убѣдилась именно, что въ производствахъ готоваго платья и дешевой обуви, исключительно находящихся въ рукахъ евреевъ, гдѣ подрядная система имѣетъ еще довольно большое распространеніе, подрядчики, вмѣсто того, чтобы играть приписываемую имъ роль крупныхъ паразитовъ, работаютъ такъ же тяжело, если еще не тяжелѣе, чѣмъ эксплуатируемые ими работники, а часто зарабатываютъ меньше, чѣмъ «операторъ» или гладильщикъ, находящіеся у нихъ на службѣ» **).

Что это дѣйствительно такъ, что положеніе еврейскаго посредника, «свэтера», въ огромномъ большинствѣ случаевъ далеко не изъ завидныхъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій чрезвычайно интересный фактъ, который приводитъ авторъ упомянутой нами выше статьи «Nineteenth Century». Дѣло въ томъ, что «характеристической чертой послѣдняго трэдъ-юніонистскаго движенія между евреями является стремленіе скомбинировать союзы эксплуататоровъ-посредниковъ и эксплуатируемыхъ такъ, чтобы результатомъ этой комбинаціи было уничтоженіе посреднической системы. Посредники вступили въ заговоръ, имѣвшій цѣлью уничтожить ихъ же самихъ. Я не знаю факта,—замѣчаетъ авторъ,—подобнаго этому, во всей исторіи труда». А дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что посредники Истъ-Энда, жестоко эксплуатируя чужой трудъ, сами, вслѣдствіе существующей между ними конкуренціи, не менѣе жестоко эксплуатируются боль-

*) См. принадлежащую ея перу статью сборника „Problems of modern Industry"—„The Diary of an Investigator".

**) „Problems of modern Industry", стр. 140. „Операторъ" и гладильщикъ являются аристократами ремесла; „операторъ", по-англійски „оперейторъ", operator,—главный и наилучше оплачиваемый рабочій при швейной машинѣ.

шими магазинами изъ Oxford Street и Regent Street, ведущими систему постепеннаго пониженія подрядныхъ цѣнъ. Вотъ эти-то магазины и являются настоящими «свэтерами», дѣйствительными «выжимателями пота», но никакъ не посредники, не имѣющіе возможности доставить рабочему лучшія условія труда. Далѣе. Въ тѣхъ же производствахъ, гдѣ заняты, главнымъ образомъ, англійскія работницы, такъ, наприм., при шитьѣ рубахъ, галстуковъ, изготовленіи зонтиковъ, дѣтскихъ игрушекъ и пр., посредникъ почти совершенно исчезъ. Ну, и что же? Исчезло ли съ нимъ и «свэтерство»? Нисколько, такъ какъ многія крупныя фирмы, обходясь безъ посредниковъ, сами пооткрывали за послѣднее время во всемъ Истъ-Эндѣ цѣлый рядъ раздаточныхъ конторъ, откуда рабочимъ непосредственно раздается работа на домъ. Эта перемѣна не повысила, конечно, заработка рабочаго, не уменьшила его рабочаго дня и не улучшила санитарныхъ условій его мастерской,—нѣтъ, она имѣла лишь тотъ несомнѣнный и совершенно безразличный для рабочаго результатъ, что крупная предпринимательская фирма получила теперь полную возможность класть въ карманъ *всю* прибавочную цѣнность, добываемую отъ «потѣющаго» рабочаго и часть которой,—правда, очень жалкую часть,—приходилось прежде удѣлять подрядчику. «Конечно,—замѣчаетъ Беатриса Веббъ,—крупный предприниматель скажетъ вамъ, что посредникъ былъ «свэтеромъ», «выжимателемъ пота», и что онъ его уничтожилъ. Но онъ, къ несчастію, не уничтожилъ и даже не уменьшилъ того, что мы понимаемъ подъ именемъ «свэтерства». Рабочій рѣшительно ничего не выигрываетъ отъ исчезновенія субъ-контрактора, посредника или такъ называемаго «свэтера». Въ восточномъ Лондонѣ указанная перемѣна означала для рабочаго—попасть изъ огня да въ полымя (from out of the frying-pan into the fire)».

Но это еще не все. Мы просимъ читателя вспомнить ножевой промыселъ (именно производство простыхъ сортовъ ножей) въ Шеффильдѣ. Тамъ подрядная система почти отсутствуетъ, а «свэтерство» процвѣтаетъ, тѣмъ не менѣе, въ самыхъ худшихъ своихъ проявленіяхъ. Съ почти полнымъ отсутствіемъ подрядной системы мы встрѣчаемся и въ сапожномъ (изготовленіи дешевой обуви) промыслѣ въ Лондонѣ, и въ гвоздарномъ—въ Эльсоуэнѣ и пр. Во всѣхъ этихъ производствахъ мы имѣемъ передъ собою одну и ту же жалкую фигуру—кустаря, работающаго на дому (outworker), лично закупающаго въ кредитъ необходимый сырой матеріалъ и непосредственно продающаго изготовленный продуктъ оптовому или розничному купцу, или же прямо потребителю. Тутъ нѣтъ и намека на существованіе какого бы то ни было подряда, контракта, а слѣдовательно, подрядчика, контрактора, «свэтера».

Изъ сказаннаго ясно, такимъ образомъ, что тамъ, гдѣ посредникъ существуетъ, онъ является, по справедливому замѣчанію коммиссіи лордовъ, «слѣдствіемъ, но не причиною зла; орудіемъ угнетенія, но не рукою, приводящею это орудіе въ движеніе».

Другой причиною существованія «свэтерства» въ Англіи является по

мнѣнію нѣкоторыхъ (какъ, напримѣръ, Джона Бернетта, Арнольда Уайта и друг.), иммиграція такъ называемыхъ «чужестранныхъ нищихъ», главнымъ образомъ, русскихъ и польскихъ евреевъ. Но и это мнѣніе, какъ показываютъ многочисленные факты, собранные Sweating-Committee, не менѣе ошибочно, чѣмъ то, которое въ посредникѣ усматриваетъ «причину всѣхъ причинъ». Факты именно показали, что «свэтерство» процвѣтаетъ и въ тѣхъ производствахъ, куда ни еврейскіе, ни какіе другіе иммигранты никогда не проникали (таковы, напримѣръ, гвоздарный, ножевой и цѣпочный промыслы), или же тамъ, куда они едва проникли, гдѣ число ихъ совсѣмъ незначительно (такъ, напримѣръ, при изготовленіи панталонъ, рубахъ, въ мебельномъ производствѣ) и, слѣдовательно, конкуренція съ ихъ стороны ничтожна. Но даже въ тѣхъ отрасляхъ портняжнаго дѣла, о которыхъ мы говорили выше, и гдѣ евреи, дѣйствительно, являются, можно сказать, господствующимъ элементомъ,—даже въ этихъ отрасляхъ конкуренція со стороны «нищихъ чужестранцевъ» ничтожна въ сравненіи съ той огромной массою простого, неискуснаго и неорганизованнаго женскаго труда, которымъ рынокъ буквально переполненъ; количество же этого крайне дешеваго труда очень многимъ превышаетъ даже самыя преувеличенныя цифры иммигрантовъ. А это значитъ, что проектируемое запрещеніе или ограниченіе иммиграціи не уничтожитъ «свэтерства», такъ какъ дѣло не въ иммиграціи, точно такъ же, какъ и не въ посредникѣ, а въ слѣдующемъ.

«Свэтерство», sweating—system, является знаменательнымъ симптомомъ существованія въ нашей средѣ нѣкоторыхъ формъ промышленности, которыя когда-то были нормальными и господствующими во многихъ производствахъ, но исчезли съ дальнѣйшей эволюціей этихъ производствъ. Прежде чѣмъ дойти до теперешняго своего состоянія, главнѣйшія отрасли промышленности пережили слѣдующія стадіи:

1. Мастеръ работаетъ на дому орудіями производства и сырымъ матеріаломъ, составляющими его собственность, и самъ же является продавцомъ своихъ издѣлій.

2. Мастеръ продолжаетъ работать у себя на дому все еще собственными орудіями, но матеріаломъ, которымъ снабжаетъ его уже капиталистъ; что касается изготовленнаго продукта, то онъ принадлежитъ теперь уже не мастеру, а тому же капиталисту, и только позже—

3. Когда фабричная система (Factory—system) становится господствующею, только тогда работникъ теряетъ всякую тѣнь самостоятельности; какъ орудія труда, такъ и сырой матеріалъ и изготовляемый продуктъ всецѣло принадлежатъ отнынѣ капиталисту; рабочему же въ собственность остается только его рабочая сила, которую онъ ежедневно и выноситъ на рынокъ для продажи.

«Потогонная» мастерская мелкаго посредника, гдѣ обрабатывается сырой матеріалъ, раздаваемый крупною фирмою, является переходной стадіей между системой мелкаго самостоятельнаго производства—первой стадіей—

и послѣдней—фабричной системой, соединяя въ себѣ всѣ худшія стороны обѣихъ, но не имѣя ни одной ихъ хорошей черты.

Типомъ производствъ, остановившихся на первой описанной нами стадіи промышленной эволюціи, можетъ послужить токарное ремесло, гдѣ ремесленникъ, какъ мы выше видѣли, самъ покупаетъ матеріалъ для обработки у себя на дому, а получаемое издѣліе самъ же продаетъ. Но и тутъ, при работѣ на дому, и тамъ, въ «потогонной» мастерской, мы встрѣчаемъ одну общую черту: заказо- и работодателю нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того, гдѣ, какъ, при какихъ условіяхъ выполняется его заказъ; работа происходитъ не на фабрикѣ, а у рабочаго на дому—будь то въ жалкой конурѣ посредника, будь въ собственномъ жилищѣ, служащемъ въ одно и то же время мастерской, кухней и спальней,—и «господинъ капиталъ» за такую работу не отвѣтственъ; онъ не фабрикантъ и свободенъ, слѣдовательно, какъ отъ расходовъ, такъ и отъ обязанностей и отвѣтственности, лежащихъ на фабрикантѣ. Съ другой стороны, работа на дому, создавая изолированность работника, дѣлаетъ почти невозможной профессіональную организацію, отсутствіе которой является новымъ могучимъ орудіемъ угнетенія и эксплуатаціи.

Мы и видимъ, такимъ образомъ, что главной и дѣйствительной причиною зла является не что иное, какъ *работа на дому, такъ называемая домашняя система крупнаго производства, domestic—system.*

Работа на дому—понимая подъ этимъ и работу въ мелкой мастерской подрядчика—является самой важной и чуть ли не единственной причиною существованія «потогонной системы»: переходъ къ фабричному производству служитъ, поэтому, единственно цѣлесообразнымъ средствомъ къ ея уничтоженію. Это не значитъ, конечно, чтобы нужно и можно было немедленно и сразу запретить домашнее производство и, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, построить на мѣсто смрадныхъ конуръ большія, хорошо обставленныя фабрики. Нѣтъ, это невозможно, но это тѣмъ не менѣе идеалъ, къ которому необходимо,—правда, постепенно,—стремиться.

Чтобы достигнуть постепеннаго уничтоженія «свэтерства» въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ, г. Соловейчикъ предлагаетъ дѣйствовать, примѣрно, слѣдующимъ образомъ.

«Можно было бы,—говоритъ онъ,—начать съ какой-нибудь одной отрасли конфекціоннаго промысла и назначить срокъ, по истеченіи котораго домашнее производство—въ такъ называемыхъ потогонныхъ мастерскихъ—не должно имѣть больше мѣста. Въ теченіе этого времени, наплывъ новичковъ, greeners, которые будутъ въ рабочихъ клубахъ узнавать о предстоящемъ уничтоженіи «свэтерства» въ той отрасли труда, надо полагать, уменьшится. Съ другой стороны, крупныя конфекціонныя фирмы, работающія, главнымъ образомъ, для вывоза, будутъ имѣть возможность построить за это время большія мастерскія или фабрики, которыя подпадутъ, конечно, подъ дѣйствіе фабричныхъ законовъ и гдѣ «свэтерству», такимъ образомъ, не будетъ больше мѣста. Что же касается сравнитель

но небольшого числа мелкихъ хозяевъ, на которыхъ такая перемѣна отзовется, несомнѣнно, гибельно, то и они, имѣя возможность найти работу въ новыхъ мастерскихъ, правда, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, не много, по сравненію съ прежнимъ, потеряютъ».

«Конечно,—замѣчаетъ г. Соловейчикъ,—тутъ необходимо дѣйствовать очень осторожно, но для уничтоженія «свэтерства» въ Истъ-Эндѣ нѣтъ, кажется, другого способа». («Un prolétariat méconnu», p. 57).

Въ слѣдующей книжкѣ журнала мы разсмотримъ отдѣльныя производства, находящіяся преимущественно въ рукахъ евреевъ, — производства, гдѣ пресловутое «выжиманіе пота» свило себѣ очень прочное гнѣздо.

Б. Вольфензонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма И. С. Тургенева къ Н. А. Некрасову.

С. Спасское, 28 окт. 1852 г.

Милый Некрасовъ, получилъ я вчера твое письмо въ отвѣтъ на мое первое. Пожалуйста, заведемъ переписку,—все не такъ мнѣ скучно будетъ. Вообрази, что сегодня здѣсь такая мятель, какой я давно не видывалъ. Какая ярость въ этомъ вихрѣ,—этого описать нельзя, кажется, ему хотѣлось бы сорвать долой все. Въ воздухѣ мутная и безумная кутерьма, завыванье, судорожные порывы... Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ тутъ и живи въ деревнѣ! Сегодня день моего рожденія, мнѣ стукнуло 34. Порядочное количество лѣтъ, а куда всѣ эти годы ушли и на что! Опять-таки чортъ знаетъ. Впрочемъ, я не чувствую особенной хандры, что-то дальше будетъ. Спасибо тебѣ за твое милое описаніе новгородскихъ охотъ etc. Жду съ нетерпѣніемъ твоихъ стиховъ. Ты уже изъ второго моего письма можешь видѣть, какое впечатлѣніе произвело на меня «Дѣтство». Ты правъ, это талантъ надежный. Въ одномъ упоминовеніи женщины подъ названіемъ «La belle Flamande», которая появляется къ концу повѣсти,—цѣлая драма. Пиши къ нему и понукай его писать. Скажи ему, если это можетъ его интересовать, что я его привѣтствую, кланяюсь и рукоплещу ему. 2-я часть Бачманова—изъ рукъ вонъ, плоха. Ну этотъ Писемскій! Можетъ онъ начать гладью, а кончить гадью, а всетаки замѣчательный талантъ, хоть я и очень смѣялся прозвищу, которое ты ему далъ.

Я было началъ читать Ульяну Т—ну, да что-то мнѣ показалось, что это нашего поля ягода, старая погудочка на новый ладъ. Однако, я теперь прочту всю эту повѣсть и скажу тебѣ мое мнѣніе. Другой ея повѣсти я не прочелъ, хотя *Библіотека для чтенія* и *Отеч. Зап.* пришли.

Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензій мерзость тиснулъ Щербина въ *Москвитянинѣ*! И это онъ смѣлъ сдѣлать послѣ Гётевской Ифигеніи! И помѣстилъ еще важныя примѣчанія въ видѣ прибавленія, изъ которыхъ читатель узнаетъ, что греки воевали за Елену, и что эти греки, которыхъ называютъ также Ахеями (этакая ученость!) употребляли восклицаніе φεν, φεν. Вѣрно легче толковать о восклицаніи φεν, φεν, чѣмъ написать одинъ поэтическій стихъ. Что за поганыя вир-

ши! Неужели новый поэтъ оставитъ это безъ вниманія? Положимъ, это гадость, но какъ ее размазали! Обидно. И наконецъ надобно покончить съ этимъ господинчикомъ. Новый поэтъ! обращаюсь къ тебѣ, рекомендую тебѣ его.

Я отъ Анненкова получилъ вчера письмо до того умное, что я, ей Богу, давно не читывалъ ничего подобнаго. Это преудивительный человѣкъ. Говоритъ, что къ ноябрю кончитъ біографію Пушкина.

Рецензію на А—ва переписываютъ и черезъ недѣлю ее вамъ пошлютъ. Она, я думаю, будетъ забавна.

Пишешь ты мнѣ, чтобы я прислалъ тебѣ что-нибудь. Я думаю, братъ, мнѣ надо эту зиму помолчать—по многимъ причинамъ. Но я тебѣ обѣщаю одну вещь, которая, надѣюсь, тебѣ понравится. Что такое, не скажу,—увидишь, а получишь ты ее, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ. Романъ Готорна переведенъ весьма плохо, слогъ совершенно пропалъ. Это жаль.

А, впрочемъ, прощай. Будь здоровъ, поклонись отъ меня А. П—у, Лонгинову и всѣмъ друзьямъ. Гдѣ Масловъ? Все въ деревнѣ? Напиши мнѣ объ немъ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

С. Спасское, 18 ноября 1852 г.

Вотъ, мои друзья, мнѣніе мое объ октябрьской книжкѣ *Современника*. Во-первыхъ, я прочелъ «Якова Яковлевича». Въ авторѣ есть талантъ, но небольшой и ненадежный. Какая-то ложная струя проходитъ по всей повѣсти, какая-то болѣзненная и самодовольная любовь къ небывалымъ положеніямъ, психологическимъ тонкостямъ и штучкамъ, глубокимъ и оригинальнымъ натурамъ и т. д. Первая половина «Я. Я.» недурна, въ ней замѣтенъ юморъ, хотя и тутъ авторъ *козыряетъ*, а мы знаемъ, что значитъ это слово... но какъ только этотъ Я. Я. становится прекраснымъ человѣкомъ, алмазомъ въ грубой оболочкѣ—все идетъ къ чорту. Отношеніе его къ дѣвицѣ и сама дѣвица, и разказчикъ — все это невозможно, вычурно и приторно-натянуто. Ужъ эти мнѣ смѣхи, смѣшанные со слезами! Набили они оскомину читателю. Но всетаки «Я. Я.» повѣсть не дюжинная и если авторъ молодъ—выработается. Только отъ него до Толстого (Л. Н.), какъ отъ земли до неба и Ульяну Терентьевну я читать не стану. Напиши мнѣ, однако, кто онъ такой. Романъ Готорна переведенъ плохо, неловко и невѣрно. Это фактъ. Зато «Японія и японцы» Корша—просто прелесть, хоть расцѣловать его за эту статью. Коршъ безспорно лучшій русскій reviwer въ англійскомъ вкусѣ. Статью Аѳанасьева я не прочелъ; можетъ быть, она очень хороша, но у меня почему-то отъ зооморфизма и зооморфическихъ божествъ животъ подводитъ, а это не здорово въ нынѣшнее холерное время. Критика хороша, немного мрачна. Современныя замѣтки прекрасны, полны, подробны и занимательны; новый поэтъ очень милъ и много говоритъ дѣльнаго по поводу русскаго фельетона. Вообще октябрьскій № *Современника* хорошъ, хотя ниже сентябрьскаго.

Воскресенье, 23 ноября.

Мнѣ приходится отвѣчать вамъ на два вашихъ письма: во-первыхъ, скажу вамъ, что рецензія Аксакова потому вамъ все еще не послана, что я жду сюда Миницкаго, который долженъ непремѣнно на-дняхъ пріѣхать, чтобы ее переписать и вы ее получите *непремѣнно* къ 15-му декабрю. Во-вторыхъ, я, можетъ быть, напишу вамъ для 1-го № нѣсколько замѣчаній подъ заглавіемъ: «Русскіе романы, повѣсти и комедіи въ прошломъ году». Сверхъ того, я для васъ готовлю двѣ статьи: «О Андреѣ Шенье и подражателяхъ древнимъ» и «О Меркѣ» (человѣкъ, съ котораго Гёте списалъ своего Мефистофеля). Въ-третьихъ, трудно на такое разстояніе сообщить что-нибудь для твоей фантазіи на новый годъ, Панаевъ, но я вполнѣ одобряю планъ и увѣренъ, что выдетъ хорошо и смѣшно; въ-четвертыхъ, скажу тебѣ, Некрасовъ, что твои стихи хороши, хотя не встрѣчается въ нихъ того энергическаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; притомъ конецъ кажется какъ бы пришитымъ. Уничтожь также слѣдующую небрежность:

И юношескихъ лѣтъ прекрасныя *мечты*,

а черезъ два стиха опять:

Желанья и *мечты* и т. д.

Но первые 12 стиховъ отличны и напоминаютъ Пушкинскую фактуру.

Если моя статья о романахъ не поспѣетъ къ январю, то къ февралю—навѣрное, а статья объ Аксаковѣ, навѣрно, поспѣетъ къ январю.

Прощайте друзья, будьте здоровы, кланяюсь всѣмъ.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Надѣюсь, что твое здоровье, Некрасовъ, поправилось.

С. Спасское, 16 декабря 1852 г.

Посылаю тебѣ, любезный Некрасовъ, давно обѣщанную мною статью о книгѣ Аксакова. Кажется, самая придирчивая цензура въ ней не можетъ найти ничего непозволительнаго, и если что-нибудь въ ней будутъ вычеркивать, то, значитъ, дѣло не въ статьѣ, а въ имени. Прошу не выставлять подъ ней ничего, кромѣ буквъ И. Т. Надѣюсь, что вы ее успѣете помѣстить въ первомъ № и желаю, чтобы она вамъ не совсѣмъ не понравилась. Другія статьи будутъ высланы по мѣрѣ возможности.

Ноябрскій № *Современника* не совсѣмъ мнѣ нравится. Дружининскихъ вещей я не могу читать и потому не знаю, что это за «Исторіи картины»; Жемчужникова комедійка—вздоръ; Снобсы очень выхолощены и притомъ переводъ кишитъ невѣрностями. Столько же невѣрностей въ статьѣ о графѣ Д'орсэ. На ст. 35 смыслъ фразы выходитъ такой, что леди Блессингтонъ въ *1822* году видѣла въ Валансѣ молодого артиллерійскаго офицера, Наполеона Бонапарте!!!

Притомъ должно либо не помѣщать фразъ на чужомъ языкѣ въ русскомъ текстѣ, либо выставлять внизу переводъ, а у васъ въ иныхъ мѣстахъ переводъ есть, въ иныхъ нѣтъ, а въ иныхъ есть, да невѣрный.

На ст. 44 Дорсэ говоритъ о статьѣ Понча, что она «еще очень ко мнѣ снисходительна», а внизу переведено: «очень по мнѣ». Вообще переводчики ваши подгуляли. Одинъ новый поэтъ по обыкновенію милъ и вопросъ студента Нинѣ на кладбищѣ: Вы нездоровы?—восхитителенъ. Статья о Бомарше хороша, но ошибокъ и тутъ много—Людовикъ XV подарилъ часы дочери своей принцессѣ Викторіи (Madame Victoire, а переводчикъ переводитъ: Г-жѣ Виктуаръ и т. д.). Статья Корша прекрасна—это капитальная вещь. Статья о выставкѣ не дурна. Критики я не читалъ, библіографія суха.

Надѣюсь, что вы будете мнѣ высылать *Современникъ* и на будущій годъ, а я заслужу. Да вотъ еще что, Некрасовъ, не можешь ли ты заплатить за меня Базунову сколько я ему долженъ по счету—31 р. 95 к. сер., а я тебѣ какъ только будутъ деньги—вышлю. Теперь я еще хлѣба не продалъ и сижу безъ гроша.

Ну, прощай пока, будь здоровъ, да напиши, когда получишь статью. Панаеву и всѣмъ друзьямъ дружескій поклонъ.

Твой *И. Т.*

P. S. Ты можешь помѣстить мою статью въ отдѣлѣ критики. Кстати я въ одномъ мѣстѣ говорю о Паскалевой тачкѣ,—ты знаешь, что Паскаль изобрѣлъ эту, повидимому, столь простую машину. Пожалуйста, распорядись, чтобы статью напечатали безъ опечатокъ; обѣщанное второе письмо получишь *непремѣнно* черезъ мѣсяцъ.

С. Спасское. Пятница. 15 окт. 1854 г.

Спасибо, любезный другъ, что не забываешь меня. Я очень радъ, что ты благополучно доѣхалъ. Съ самаго твоего отъѣзда морозы прекратились, но вальдшнепы такъ-таки и не появились, перепела улетѣли, а куропатки не даются въ руки. Я ружье повѣсилъ на крючокъ и понемногу принимаюсь за перо. Статейка о Баратынскомъ почти кончена, письма его всѣ переписаны.

Было время, что я съ ума сходилъ отъ народныхъ пѣсенъ и у меня есть различные переводы сербскихъ, мадьярскихъ, финскихъ и другихъ пѣсенъ. Это предпріятіе Берга очень полезно и хорошо, вотъ гдѣ бьютъ родники истинной поэзіи. Я тебѣ благодаренъ за мысль выслать мнѣ эту книгу. *Современникъ* еще не прибылъ. Что ты мнѣ ничего не говоришь о томъ, какое впечатлѣніе производитъ *Отрочество?* Пожалуйста сообщай военныя извѣстія,—письма все днями двумя приходятъ раньше, чѣмъ журналы.

У Каштанки сдѣлалась чума, но благодаря моимъ спасительнымъ порошкамъ, ему гораздо лучше. Діанка ощенилась сегодня, я велѣлъ закинуть щенятъ.

Погода стоитъ чудесная и барометръ все поднимается.

Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Прощай, будь здоровъ, кланяйся всѣмъ. Анненкову пишу съ нынѣшней же почтой.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Спасское, Пятница. 22 окт. 1854 г.

Получилъ твое письмо отъ 16-го, а дня четыре тому назадъ и книгу Берга, за которую очень благодарю, хотя выборъ пьесъ сдѣланъ очень дурно, и переводъ большею частью вялъ и плохъ и даже, какъ я могу судить, невѣренъ. Французскія, наприм., пѣсни, столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова. Это вздоръ, сочиненный очень недавно, между тѣмъ, какъ и у нихъ есть славныя, старинныя пѣсни. Испанскія тоже прегадко выбраны, мнѣ кажется Бергъ болѣе желалъ пощеголять знаніемъ всякихъ языковъ. Но мысль хороша и дѣльна и заслуживала лучшаго исполненія. *Отрочество* я еще не перечелъ, я послалъ книгу *Современника* къ графу Толстому, который женатъ на сестрѣ автора. Онъ третьяго дня пріѣзжалъ ко мнѣ знакомиться, а я въ воскресенье у него буду (онъ отсюда верстахъ въ двадцати) и сообщилъ мнѣ много подробностей о своемъ шуринѣ. Самъ онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ. Очень радъ я, что ты доволенъ своимъ здоровьемъ; еще бы болѣе радовался, еслибъ тебя отпустили за границу, но вѣроятно застану тебя еще въ Петербургѣ. Поздравь отъ меня Анненкова съ благополучнымъ окончаніемъ первой и важнѣйшей половины его дѣла.

Порфирій сначала, т.-е. въ первые дни женитьбы, принялся было чесать голову, а теперь ходитъ опять весь въ пуху и въ жирѣ. Впрочемъ, до сихъ поръ судьбою своей доволенъ очень. Аѳонасій такъ-таки и не добился куропатокъ, а погода все еще стоитъ славная.

Я все еще не могу приняться за работу, какъ бы слѣдовало. Очень много ѣмъ и сплю.

Прощай, будь здоровъ и до свиданья недѣли черезъ три.

Твой *Ив. Тургеневъ*.

С. Спасское, 29 октября 1854 г.

Я, братъ, похвастался, говоря, что принялся за работу, то-есть я было принялся, да вотъ опять залѣнился. Постараюсь, однако же, не оставить 1 или 2 № *Современника* безъ повѣсти. Я привезу съ собою небольшую, но очень недурную повѣсть Каратѣева (котораго ты у меня видѣлъ). Познакомился я съ Толстыми. Жена графа Толстого, моего сосѣда, сестра автора «Отрочество»—премилая женщина—умна, добра и очень привлекательна. Я узналъ много подробностей объ ея братѣ. Онъ служитъ теперь въ 12-й батарейной батареѣ и находится, вѣроятно, въ Кишиневѣ. Видѣлъ его портретъ. Некрасивое, но умное и замѣчательное лицо. Кстати, что-жъ ты мнѣ не скажешь, какое впечатлѣніе производитъ его повѣсть? Завтра я съ графиней Толстой крещу у Тургеневскаго попа, покумлюсь съ ней. Жаль, что отсюда до нихъ около 25 верстъ. Она мнѣ очень нравится. Бубунька (какъ бы ее не сглазить) толстѣетъ, видимо, и въ характерѣ не мѣняется. Твои собаки здравствуютъ. Каштанъ совершенный лисенокъ, остороженъ и плутоватъ до невѣроятности. Чума его совсѣмъ прошла.

Я не знаю, навѣрное, когда я отсюда выѣду. Что-то не хочется. Однако, не позже трехъ недѣль. Въ этой однообразной жизни есть своего рода прелесть.

Какже это нашъ добрый оплошалъ? Онъ мнѣ показывалъ форматъ красивый. Ты мнѣ не написалъ, женился ли Мухортовъ?

Кланяйся всѣмъ друзьямъ, а Дружинину пожми руку. Я его полюбилъ съ послѣдней нашей поѣздки къ нему. Не слышно ли что о Фетѣ?

Подлѣ Толстого живетъ Дельвигъ, братъ поэта. Онъ обѣщалъ достать письма Баратынскаго къ его брату.

Прощай, будь здоровъ и не лѣнись подобно мнѣ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Куртавнель, 24—12 августа 1857 г.

Я здѣсь со вчерашняго дня, любезный другъ, а изъ Булоня (гдѣ я купался въ морѣ) выѣхалъ дня три тому назадъ и провелъ полтора дня въ Парижѣ съ Боткинымъ и Фетомъ. Въ Парижѣ я нашелъ твои два (или три) письма и спѣшу тебѣ отвѣчать. Прежде всего скажу тебѣ, что мое письмо напрасно тебя огорчило; я никогда не думалъ тебя подозрѣвать, а приписалъ все это недоразумѣніе (которое, признаюсь, меня нѣсколько взволновало) твоей небрежности; это же самое заставило меня написать дядѣ о высылкѣ тебѣ должныхъ мною денегъ. Гдѣ эти проклятые счеты заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумѣнія, а я не хочу, чтобы они были между нами. Увѣряю тебя, что эта, какъ ты говоришь, *исторія* не произвела на меня никакого дѣйствія; я также люблю тебя, какъ любилъ прежде—стало быть и думать объ этомъ больше не стоитъ.

Перейдемъ къ другимъ вопросамъ.

Ты видишь, что я здѣсь, т.-е. что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краюшкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ—ну и не надо никакого.

Ружье твое готово и находится у меня. Славное ружье!

Свадьба Фета совершится 2 сентября и я обѣщалъ быть у него шаферомъ. Онъ ужасно веселъ, болтливъ и счастливъ. Дай Богъ ему счастія. Онъ добрый, онъ его заслуживаетъ. Съ Боткинымъ мы провели нѣсколько часовъ въ самой дружеской бесѣдѣ. Онъ очень расклеился, вступилъ окончательно въ старческій возрастъ, но бодръ духомъ, чувствуетъ себя въ идеальномъ настроеніи и т. д. Фетъ порадовалъ меня разсказами о тебѣ. По его словамъ ты молодецъ и не унываешь. Это хорошо. Повѣсть я свою въ Булонѣ подвинулъ сильно и теперь бы мнѣ два, три утра безболѣзненныхъ и я примусь за переписку. Ужасно хочется сдѣлать что-нибудь для бѣднаго *Современника,* а то, право, на насъ всѣ будутъ пальцами указывать. Но если болѣзнь броситъ меня по возвращеніи въ

Петербургъ—вотъ когда я примусь работать! Ты увидишь! Боже мой, какъ мнѣ хочется поскорѣе въ Россію! Довольно, довольно, полно!

До скораго свиданія, милый другъ. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ, какъ я въ тебѣ не сомнѣваюсь. Ну, а иногда другъ на друга посѣтовать можно—съ кѣмъ это не случается. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ-пріятелямъ, а тебя обнимаю.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Адресъ мой: Au chateau de Courtavenel près de Rozoy en Brie-Seine et Marne. Подтверди братьямъ Колбасинымъ то, что я просилъ Дружинина передать имъ, а именно, что я непремѣнно желаю имѣть квартиру *съ 15 октября—теплую.*

Куртавнель, 9—21 сентября 1857 г.

Милый Некрасовъ, пишу тебѣ два слова въ отвѣтъ на твое коротенькое письмо. Я очень радъ, что, повидимому, ты здоровъ, бодръ и на охоту ходишь. Черезъ мѣсяцъ назначаю тебѣ свиданіе у тебя на квартирѣ и напередъ заказываю индѣйку съ рисомъ, которую самъ разрѣзывать буду. Ты вѣроятно часто видишь Колбасиныхъ: узнай, пріискали ли они мнѣ квартиру такую, какую бы мнѣ хотѣлось. Я уже писалъ дядѣ, чтобы онъ къ 15-му октября выслалъ Колбасинымъ для меня 1,000 руб. серебр. Ты видишь, что если я не умру, я непремѣнно буду въ Петербургѣ черезъ мѣсяцъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писалъ, ничего не произошло замѣчательнаго. О свадьбѣ Фета я тебѣ кажется уже писалъ, притомъ онъ сегодня уже долженъ быть въ Петербургѣ. Гончаровъ прочелъ намъ съ Боткинымъ своего оконченнаго Обломова,—есть длинноты, но вещь *капитальная* и весьма было бы хорошо, если бы можно было пріобрѣсти ее для *Современника*, тѣмъ болѣе, что его сдѣлка съ *Русскимъ Вѣстникомъ* расклеилась. Онъ уѣхалъ въ Дрезденъ и мы, можетъ быть, вмѣстѣ вернемся черезъ Варшаву, если же онъ пріѣдетъ раньше меня, не упускай его изъ виду, а я ужъ запустилъ нѣсколько словъ,—все дѣло будетъ въ деньгахъ.

Надѣюсь привезти мою повѣсть конченною; здоровье мое поправилось, т.-е., говоря точнѣе, болѣзнь временно притихла.

Лишь бы выкарабкаться на берегъ, а тамъ еще, быть можетъ, ноги послужатъ. Поцѣлуй за меня Анненкова и скажи ему, что я непремѣнно разсчитываю на его пребываніе нынѣшней зимой въ Петербургѣ. О. А. Тургенева здѣсь, т.-е. въ Парижѣ. Я ее видѣлъ мелькомъ. Я видѣлъ также Орлова, который велитъ тебѣ кланяться. Вообрази, онъ много стиховъ твоихъ знаетъ наизустъ.

Итакъ, до свиданья, будь здоровъ, это главное — авось мы еще не утонемъ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Куртавнель, 20 сент. (2 окт.) 1857 г.

Милый Некрасовъ!

Нѣсколько дней тому назадъ я написалъ Колбасинымъ письмо, въ которомъ было нѣсколько строкъ на твое имя. Ты уже узналъ изъ него перемѣну моихъ намѣреній и поѣздку мою съ Боткинымъ въ Римъ, гдѣ я проведу зиму. Тебя это, можетъ быть, удивило, можетъ быть даже немного разсердило, но увѣряю тебя, что этакъ будетъ лучше, кромѣ того, что я въ Римѣ буду имѣть то уединеніе, которое теперь мнѣ необходимо (и которое было бы мнѣ невозможно въ Петербургѣ, куда я попалъ бы, словно въ омутъ). Я только тамъ надѣюсь поработать и сдѣлать что-нибудь порядочное. Если я дѣйствительно что-нибудь сдѣлаю, то въ Римѣ я могу быть полезнѣе *Современнику*, чѣмъ въ Петербургѣ. Я повторяю тебѣ почти то же, что я писалъ тебѣ въ письмѣ къ Колбасинымъ, но я хотѣлъ бы, чтобы ты проникся этой мыслью и убѣдился бы въ ея справедливости. Я выѣзжаю отсюда черезъ 10 дней съ Боткинымъ. Изъ Рима напишу тебѣ тотчасъ. Я просилъ Колбасиныхъ о высылкѣ мнѣ *Современника* и *Русск. Вѣстника*, позаботься также объ этомъ съ своей стороны.

За симъ прощай, обнимаю тебя, кланяюсь всѣмъ друзьямъ и остаюсь

твой *Ив. Тургеневъ*.

Римъ, 22 ноября (4 дек.) 1857 г.

Любезный Некрасовъ!

Спѣшу тебя увѣдомить, что я на-дняхъ кончилъ, наконецъ, повѣсть для *Современника* листа въ $3^1/_2$ или даже 4 печатныхъ. а чтобъ ты не сомнѣвался въ истинѣ моихъ словъ, прилагаю свидѣтельство Боткина, которому я ее прочелъ. Остается сдѣлать нѣсколько поправокъ и переписать. Я уже принялся за то и за другое и надѣюсь, что она вышлется мною отсюда дней черезъ 10, т--е. въ началѣ нашего декабря. Слѣдовательно, она поспѣетъ къ январской книжкѣ. Желаю, чтобы она вамъ понравилась.

Досюда доходятъ о тебѣ благопріятные слухи. Ты, говорятъ, здоровъ и веселъ. Желалъ бы услышать подтвержденіе этого отъ тебя самого.

Напиши мнѣ сюда poste restante. Болѣзнь моя сильно меня кусала, такъ что я даже собирался отсюда выѣхать, но въ послѣднее время полегчало. Я каждый день вижусь съ Боткинымъ, разъѣзжаю съ нимъ и т. д. Римъ мнѣ очень нравится. Я просилъ Панаева выслать изъ долженствующихъ придтись мнѣ денегъ 600 фр. Гюману въ Парижѣ. Исполнилъ ли онъ мою просьбу? Я вижу изъ объявленія, что хотите въ «Для легкаго чтенія» помѣстить *Помѣщика*. Я согласенъ, но *съ непремѣннымъ условіемъ:* опустить строфу о славянофилахъ. Ради Бога, прими свои мѣры, если ты не хочешь меня огорчить сильно. Жду высылки *Современника* сюда, если только это возможно. Хотѣлось бы видѣть «очима своима», будутъ ли въ немъ приведены въ исполненіе тѣ усовершенствованія, о которыхъ мы толковали.

Извини краткость этой записки; время мое все уходитъ на переписываніе Аси; повѣсть зовутъ: Ася. Въ другой разъ напишу подробнѣе. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Симъ свидѣтельствую, что Тургеневъ дѣйствительно прочелъ мнѣ оконченную повѣсть: Асю.

В. Боткинъ.

Я вижу, что «Провинціалку» напечатали въ «Для легкаго чтенія». Помнится, она появилась въ *Отечеств. Записк.* съ милліономъ опечатокъ; надѣюсь, что ихъ выправили. Другія мои комедіи (какъ-то: «Мѣсяцъ въ деревнѣ и т. д.) прошу тебя не печатать, ибо я хочу ихъ издать отдѣльно, предварительно поправивши и передѣлавши.

Римъ, 18—30 янв. 1858 г.

Наконецъ, подалъ ты голосъ, любезный Некрасовъ, и хотя о тебѣ доходили слухи хорошіе, однако все же лучше было прочесть своими глазами, что твое здоровье исправляется. Остальныя вѣсти о тебѣ, о твоей дѣятельности и т. д. менѣе пріятны, но мнѣ кажется, если тѣло твое окончательно укрѣпится, и душа воспрянетъ, особливо подъ вліяніемъ времени, въ которомъ мы живемъ, и отвѣтственности, которая поневолѣ падаетъ на каждаго. Я вижу, что несмотря на твою апатію, ты хлопочешь о *Современникѣ*; это необходимо нужно, а пріѣхавши въ Россію, я хорошенько потолкую съ тобой о томъ, что слѣдуетъ предпринять. А пріѣду я въ Россію въ самомъ началѣ мая, не дожидаясь навигаціи. Одна смерть моя можетъ помѣшать этому.

Я очень радъ, что «Ася» тебѣ понравилась; желаю, чтобы и публикѣ она пришлась по вкусу, хотя время теперь, кажется, вовсе не туда глядитъ. Я занятъ теперь большою повѣстью, которую приготовлю къ сентябрю,—планъ ея извѣстенъ Боткину и весьма имъ одобренъ. А до возвращенія вышлю-таки «Гамлета», который уже давнымъ-давно родился и просится на свѣтъ Божій.

Позволь мнѣ слегка попенять тебѣ и Панаеву: зачѣмъ вы не выслали мнѣ «Асю» въ кувертѣ на мой счетъ? И отчего полученъ здѣсь на poste restante ноябрьскій № *Современника*, а декабрьскій такъ и не явился? Также просилъ я Панаева написать мнѣ: были ли высланы по моей просьбѣ 600 фр. въ Парижъ портному Гюману, и онъ мнѣ ничего не далъ знать. Выслать сюда теперь книги уже поздно; но письма меня застанутъ. Вотъ мой планъ:

1. Изъ Рима выѣзжаю я 7—19 февраля въ Неаполь.

2. Возвращаюсь въ Римъ 28—16 февраля и остаюсь въ немъ до 1—13 марта.

3. Съ 1—3 марта по 1—13 апрѣля скитаюсь по Флоренціи, Венеціи, Милану, Женевѣ и доѣзжаю до Парижа.

4. Въ Парижѣ остаюсь 15 дней и ѣду прямикомъ въ Россію.

Стало быть въ Римъ мнѣ писать еще можно, а потомъ надобно будетъ адресовать письма въ Парижъ poste restante. Прочтя слово: Парижъ, ты, пожалуй, подумаешь: «вретъ онъ, тамъ и останется». На это скажу тебѣ одно: одной особы тогда въ Парижѣ *не* будетъ и я заѣду туда только для свиданія съ дочкой и кстати для присутствованія на свадьбѣ кн. Орлова, у котораго я шаферомъ, т.-е. у его невѣсты, Трубецкой.

Въ маѣ мѣсяцѣ я дней 10 проведу въ Петербургѣ, куда вернусь на зиму, какъ только приведу въ нѣкоторую ясность мои дѣла по имѣнію.

Очень было бы хорошо, если бы «Записки охотника» были, наконецъ, позволены, только я не могу согласиться на какія-нибудь измѣненія или пропуски. Что же касается до «Помѣщика», то я надѣюсь, что ты велѣлъ выкинуть строфу о славянофилахъ, а то это бы меня весьма огорчило.

Прощай, будь здоровъ, поклонись всѣмъ добрымъ пріятелямъ и, если не полѣнишься, напиши мнѣ еще сюда и вышли «Асю» въ кувертѣ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Римъ, 1—3 марта 1858 г.

Любезный Некрасовъ!

Давно мы съ тобой не переписывались, но я не хочу выѣхать изъ Рима, не давъ о себѣ вѣсти. Притомъ мнѣ нужно тебя просить кое о чемъ. Завтра меня уже здѣсь не будетъ и я черезъ Флоренцію, Венецію и Тріестъ ѣду въ Вѣну, куда прибуду черезъ мѣсяцъ и пробуду тамъ двѣ недѣли для совѣщанія съ врачами. Изъ Вѣны я еще не знаю, прямо ли я поѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, или заѣду сперва въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ, или въ концѣ мая—я въ Россіи. Прошу тебя вслѣдствіе этого, немедленно по полученіи сего письма, выслать мнѣ въ Вѣну poste restante слѣдующія мнѣ деньги за «Асю» и за прошлогодній дивидендъ, за вычетомъ денегъ, посланныхъ въ Парижъ Гюманну. Я буду въ большомъ затрудненіи, если ты этого не сдѣлаешь. Что же касается до обязательства на нынѣшній годъ, то мнѣ кажется, едва ли вамъ, издателямъ *Современника*, не будетъ выгоднѣе нарушить это условіе? Изъ нѣкоторыхъ твоихъ выраженій я въ правѣ заключить, что ты этого желаешь и я, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, затрудненій дѣлать не буду и на все соглашусь. Объ этомъ мы, впрочемъ, потолкуемъ въ Петербургѣ. Но высылку денегъ и разсчета въ Вѣну убѣдительно прошу не откладывать, уже и такъ несмотря на увѣренія Панаева, я въ Римѣ не получалъ ничего ни послѣднихъ №№ *Современника,* ни другихъ книгъ, хотя ничего не могло быть легче пересылки ихъ (чему доказательствомъ служатъ два № *Современника,* полученные въ ноябрѣ за небольшую сумму). Я разсчитываю на эти деньги въ Вѣнѣ. Радуюсь очень успѣху и отличной подпискѣ на *Современникъ,* желаю ему дѣятельности и удачи. Прошу также выслать мнѣ въ Вѣну вырѣзанный экземпляръ «Аси» въ видѣ письма.

Здоровье мое все не хорошо. Римскій климатъ оказался мнѣ вреднымъ. Боткинъ процвѣтаетъ.

До свиданія, черезъ два мѣсяца съ небольшимъ. Кланяюсь всѣмъ пріятелямъ и надѣюсь на твою дружбу.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

Вѣна, 8 апрѣля нов. ст. 1858 г.

Сегодня къ обѣду пріѣхалъ я сюда, любезный другъ Некрасовъ. Сегодня же получилъ твое письмо, вложенныя деньги (2,500 фр.) и экземпляръ «Аси» и спѣшу извѣстить тебя объ этомъ и благодарить. Хоть ты пишешь, что при экземплярѣ «Аси» находился циркуляръ къ *участникамъ,* однако, такого не оказалось. Но все равно, ты изъ моего письма могъ видѣть, что я заранѣе на все согласенъ, ибо, какъ ты это справедливо говоришь, все это я дѣлалъ не для себя, а для тебя и *Современника.* Очень радъ, что дѣла его идутъ хорошо и надѣюсь привезти весной штуку, которая выдетъ очень порядочна, или изъ рукъ вонъ плоха (это мы увидимъ съ тобой вдвоемъ). Не думай, чтобы Анненковъ, отъ котораго я тоже получилъ письмо сегодня изъ Берлина, меня удержалъ за границей; еслибъ не обѣщаніе мое быть шафером у кн. Орлова на его свадьбѣ, которая будетъ 15—3 мая, я бы отсюда прямо проѣхалъ въ Россію, гдѣ мои хозяйственныя дѣла требуютъ моего присутствія. Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ, я въ концѣ мая въ Петербургѣ; *никакія* силы меня не удержатъ здѣсь болѣе.

„Полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань."

Мнѣ жалко только, что о себѣ ты даешь извѣстія плохія; скверные наши годы, скверное наше положеніе, но должно крѣпиться не для достиженія какихъ-нибудь цѣлей, а просто, чтобы не лопнуть. Ну, однако, въ сторону философію; еще разъ спасибо, дождись меня, а тамъ мы еще пострѣляемъ у тебя бекасовъ. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ и обнимаю тебя.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

P. S. Я въ Вѣнѣ проживу недѣли три по крайней мѣрѣ; хочется хорошенько посовѣтоваться съ Зигмундомъ и Оппольцеромъ (два медицинскихъ туза).

Безъ числа.

Вамъ везетъ, господа современники. Мнѣ Случевскій сегодня прислалъ три стихотворенія, изъ которыхъ два рѣшительно отличныхъ—или я дуракъ. Слѣдовало бы помѣстить ихъ вмѣстѣ съ «Бандуристомъ», если это возможно. Стихотворенія будутъ сегодня вечеромъ у меня. Отвѣчай мнѣ—возможно ли это? И въ такомъ случаѣ присылай за стихотвореніями.

Четвергъ утро.

Ив. Тургеневъ.

Не въ очередь.

Въ прошломъ году вышло *Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета.* Этому нельзя не порадоваться, такъ какъ Фетъ очень талантливый лирическій поэтъ. Редакторомъ изданія выступилъ приватъ-доцентъ петербургскаго университета, г. Никольскій.

Въ первомъ томѣ перепечатаны замѣтки о Фетѣ, написанныя покойнымъ Страховымъ. Есть введеніе г. Никольскаго и его критическая статья: *Основные элементы лирики Фета.* Въ нихъ не мало любопытнаго. Извѣстно,— говоритъ авторъ,— какъ медленно росла слава Фета «среди непогоды площаднаго недоброжелательства и какъ постепенно даже теперь расширяется кругъ ея завоеваній». Пора бы, по крайней мѣрѣ въ статьяхъ, имѣющихъ притязаніе на научность, не употреблять такихъ площадныхъ выраженій по адресу «недоброжелателей» Фета въ шестидесятыхъ годахъ и безпристрастно, исторически, отнестись къ борьбѣ, которая велась тогда противъ *чистаго искусства.* Фетъ, по словамъ Страхова, рѣзко различалъ поэта отъ дѣйствительности, себя, какъ поэта, отъ Аѳанасія Аѳанасьевича Шеншина. А люди шестидесятыхъ годовъ являлись убѣжденными и страстными борцами за немедленное преобразованіе дѣйствительности. Фетъ писалъ прелестное *Шопотъ, робкое дыханье,* а Шеншинъ— скверныя крѣпостническія статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ.* Чернышевскій и Добролюбовъ чувствовали и понимали красоту, но они опасались примиряющаго съ дѣйствительностью барскаго эстетизма. Шла борьба изъ-за отмѣны крѣпостного права, шелъ страстный споръ, съ землей или безъ земли освобождены будутъ крестьяне, будетъ или не будетъ у насъ судъ скорый, правый и милостивый, а поэзія Фета, какъ говоритъ самъ г. Никольскій, не стоитъ ни въ какой связи ни съ какими общественными событіями, ни съ какими обстоятельствами даже личной жизни автора. «Китаецъ, индусъ, римлянинъ, русскій — всѣ одинаково могутъ узнать свою душу, свои самыя интимныя ощущенія въ пьесахъ вродѣ *Какъ мошки зарею, Шопотъ, робкое дыханье, Поэтамъ* и др. (т. I, стр. XI).

Доступный въ одинаковой степени всѣмъ народамъ и временамъ, Фетъ является вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію г. Никольскаго, *поэтомъ будущаго.*

Онъ «съ полнымъ правомъ могъ бы во главѣ своихъ стихотвореній поставить знаменитыя слова Шопенгауэра: черезъ головы современниковъ передаю мой трудъ грядущимъ поколѣніямъ» (т. I, стр. LVII). А какъ же быть съ римлянами? Авторъ далъ имъ неосторожное обѣщаніе.

Поэзія Фета отличается будто бы безпредѣльнымъ глубокомысліемъ, мощью и богатствомъ идейнаго содержанія. У Фета, дѣйствительно, есть «философскія» стихотворенія, онъ интересовался философіей и плохо переводилъ Шопенгауэра; но его подлинная сила и вѣчная слава въ лирическихъ стихотвореніяхъ. «Фетъ,—писалъ Страховъ,—пѣвецъ и выразитель отдѣльно взятыхъ настроеній души, или даже минутныхъ, быстро проходящихъ впечатлѣній» (т. I, стр. XLIII).

Г. Никольскій основываетъ свое мнѣніе на «глубокихъ вдохновеніяхъ» *Вечернихъ огней*. Только благодаря имъ пріобрѣли совершенно новый смыслъ плѣнительныя, благоухающія пѣсни молодости Фета,—«эти поэтическія *предчувствія* философски-просвѣтительныхъ созерцаній старости поэта» (стр. LVII). Такимъ образомъ, вопреки утвержденію самого г. Никольскаго, въ стихотвореніяхъ Фета имъ усматривается хронологическая послѣдовательность, личная эволюція...

Самъ Фетъ до конца грустилъ о непонятности, о недосказанности его поэзіи (стр. LXV), но г. Никольскій ему не вѣритъ. «Муза Фета, по его мнѣнію,—что-то эѳирное, легкое и воздушное. Въ ней не слышно ничего тѣлеснаго, ничего земного, хотя она ни на что не закрываетъ глаза». Вдохновенья фетовской поэзіи,—«это дѣйствительно какія-то порыванья безплотнаго духа».

Такъ ли это? Безпристрастно ли это? Нѣтъ ли *тѣлесности* въ такомъ, напримѣръ, стихотвореніи (въ глубокомысленномъ отдѣлѣ, озаглавленномъ г. Никольскимъ *Сердце*) *):

„Розой горъ меня зови,—
Ты красой моей ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ“.

Кончается стихотвореніе тоже далеко не безтѣлесно:

„Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись—и опочій
У меня между грудями“ (т. II, стр. 177).

Или стихотвореніе *Сними твою одежду дорогую?* (т. II, стр. 645). Неужели безплотнымъ порываньемъ духа является стихотвореніе И. Ѳ. Офросимову на юбилей его конскаго завода? (т. II, стр. 299—300). Фетъ воспѣваетъ *сладкій шорохъ* платья любимой женщины (т. II, стр. 456). Въ *Вечернихъ огняхъ* онъ восклицаетъ:

*) Подражаніе „Пѣснѣ пѣсней“.

„Кляните насъ: намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь,
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь".

Вопреки утвержденію г. Никольскаго, Фетъ, въ изящныхъ, глубокопоэтическихъ образахъ воспѣвалъ *чувственную* любовь. Шли годы, близилась старость, а эти мотивы все еще звучатъ въ его стихотвореніяхъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, помѣченное 4 января 1888 г. (Фетъ скончался въ концѣ 1892 г.):

—„Полуразрушенный, полужилецъ могилы,
О таинствахъ любви зачѣмъ ты намъ поешь?
Зачѣмъ, куда тебя домчать не могутъ силы,
Какъ дерзкій юноша, одинъ ты насъ зовешь?

—„Томлюсь и пою; ты слушаешь— и млѣешь;
Въ напѣвахъ старческихъ твой юный духъ живетъ.
Такъ въ хорѣ молодомъ: „Ахъ, слышишь, разумѣешь..."
Цыганка старая одна еще поетъ".

Конечно, подобные мотивы у старика звучатъ все рѣже и рѣже. Часто выступаетъ мысль о смерти. Поэтъ затихаетъ на пантеистическомъ міровоззрѣніи. Въ стихотвореніи *Ничтожество* Фетъ говоритъ, что всю жизнь искалъ добра, а находилъ лишь зло.

—„Что жъ я узналъ? Пора узнать, что въ мірозданьи,
Куда ни обратись, вопросъ, а не отвѣтъ;
А я дышу, живу, и понялъ, что въ незнаньи—
Одно прискорбное, но страшнаго въ немъ нѣтъ.

Г. Никольскій говоритъ, что «жизнерадостный гимнъ непоколебимо замкнутаго въ своемъ призваніи художника-поэта изящному восторгу и просвѣщенію духа среди прекраснаго міра,—вотъ что такое по своему философскому содержанію поэзія Фета». Не ново и не богато это опредѣленіе. Впрочемъ, г. Никольскій замѣчаетъ, что Фетъ — «мистикъ даже въ большей степени, чѣмъ пантеистъ». Желаніе придать стройность и глубину *философіи* Фета побудило автора разбить стихотворенія на рубрики, начать съ позднѣйшихъ произведеній, и т. д. Естественно, что рубрики вышли искусственными, натянутыми, въ *Природу*, напримѣръ, попали желѣзная дорога и пароходъ. Такъ испортилъ критикъ-философъ безподобнаго лирическаго поэта.

Тяготѣніе Фета къ античному міру и его антологическія стихотворенія (191—270 стр. перваго тома) ясно свидѣтельствуютъ противъ *безтълесности* его поэзіи:

„Вино изъ рога богъ съ лукавымъ ликомъ
Льетъ на толпу, самъ веселъ и румянъ,
И хохоча въ смятеньи полудикомъ,
Вакханка быстро отвернулась съ крикомъ
И отъ струи приподняла тимпанъ".

Не особливо это *мистично*.

Необходимо замѣтить, что Фетъ—эллинъ, онъ не такой двусторонній язычникъ, какъ Майковъ, и не любилъ Рима (см. *На развалинахъ цезарскихъ палатъ*, т. I, стр. 194—195). Онъ говорилъ Риму:

„Напрасно лепеталъ ты эллинскіе звуки:
Ты смысла тайнаго рѣчей не разгадалъ
И на учителя безжалостныя руки,
Палачъ всемірный, подымалъ".

Въ числѣ переведенныхъ Фетомъ стихотвореній много изъ Гафиза (съ нѣмецкаго, изъ второй эпохи его дѣятельности; *avis* г. Никольскому), когда *бывшій мистикъ и мудрецъ* перестроилъ лиру на другой ладъ. Фетъ говоритъ: «Я желалъ бы, чтобы читатель испыталъ хоть часть того наслажденія, которое выпало на долю моему труду».

Гафизъ поетъ:

„Чтобъ любовь дотла моихъ костей
Не сожгла (она сильна),—приди!
Но дождись, чтобъ вечеръ сталъ темнѣй,
Но тихонько и одна—приди!"

Еще опредѣленнѣе и, конечно, *тѣснѣе* стихотвореніе *Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи* (т. III, стр. 34), до такой степени *опредѣленнѣе*, что мнѣ неловко его приводить... Пусть остановятся читатели и на переводахъ изъ Овидія (въ особенности стр. 344 третьяго тома). Говорю я это не въ осужденіе, разумѣется, черезчуръ откровеннаго поэта, а въ опроверженіе его критика.

Въ предисловіи къ третьему выпуску *Вечернихъ огней* Фетъ упоминаетъ о *комическомъ остракизмѣ*, которымъ подвергнулись его стихотворенія въ шестидесятыхъ годахъ. «Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, — пишетъ онъ, — внезапно выступившихъ, подобно Минервѣ, во всеоружіи, все закипѣло духомъ оппозиціи (чему?) и *запоздалою* *) гражданскою скорбью». Фетъ вполнѣ основательно, съ своей точки зрѣнія, прибавляетъ: «мы постоянно искали въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ всяческихъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и гражданскихъ,—откуда же могли мы взять этой скорби тамъ, куда мы старались отъ нея уйти?» Фетъ говоритъ далѣе, что остракизмъ былъ бы понятенъ, еслибъ его стихи, подобно стихамъ Тютчева и А. Толстого, звучали порицаніемъ господствующаго направленія; «но ничего подобнаго въ нихъ не было и они подверглись гоненію, очевидно, только за чистоту своего служенія». Это не совсѣмъ точно: *порицаніе* явно и рѣзко высказывается въ посланіи Тургеневу, напримѣръ (т. II, стр. 258—259), въ сонетѣ *Къ памятнику Пушкина* (т. II, стр. 331). Презрѣніе Фета къ политической жизни выразилось и въ стихотвореніи Хрущову при полученіи прессъ-папье въ видѣ *Вандомской* колонны:

*) Курсивъ мой.

„Твоей привѣтливой щедротой,
Свободѣ въ память золотой
Кичась рѣзьбой и позолотой,
Іюльскій столпъ передо мной.

И мыслью понялъ я *свободной* *),
Игрушкѣ мѣсто на землѣ
Не тамъ, на площади народной,
А здѣсь, на письменномъ столѣ".

Есть у Фета нехорошая стихотворная выходка противъ творца *Отцовъ и дѣтей*, и вообще Шеншинъ нерѣдко вмѣшивается въ сочиненія Фета. Понятно поэтому несочувственное отношеніе къ нему многихъ и въ настоящее время. Какъ было бы хорошо издать отдѣльно его лучшія лирическія стихотворенія, которыя украсили бы всякую библіотеку, издать безпримѣснаго Фета. Поэмы Фета, относящіяся къ области *чистаго искусства*, гораздо слабѣе его прелестныхъ лирическихъ произведеній.

В. Гольцевъ.

---

*) *Отъ исторіи свободной*: вандомская—не іюльская колонна!

Болѣзнь и смерть Гоголя *).

(Посвящается памяти покойнаго профессора Московскаго университета С. С. Корсакова.)

Aristoteles ailt omnes ingeniosos melancholicos.

Cicero.

Вся образованная Россія собирается черезъ нѣсколько недѣль чествовать печальную годовщину кончины одного изъ великихъ писателей земли русской—Н. В. Гоголя.

Я подумалъ, что будетъ своевременно и умѣстно въ этомъ публичномъ засѣданіи общества спеціалистовъ попытаться бросить нѣкоторый свѣтъ на загадочныя до сихъ поръ обстоятельства его болѣзни и смерти—и это не праздное любопытство.

Медицинское, въ частности медико-психологическое, разслѣдованіе біографіи, условій творчества, нервно-психическаго здоровья, иногда даже симптомовъ предсмертной болѣзни великаго художника, есть единственный ключъ, который находится въ нашемъ распоряженіи, чтобы проник путь въ ту загадочную и таинственную лабораторію человѣческаго духа, имя которой—творческій геній.

Этюды такого рода въ особенности интересны и важны для тѣхъ, кто въ наукѣ работаетъ именно въ этомъ направленіи. Но они представляютъ интересъ также и для большой публики, хотя бы даже по тому одному, что по какому-то злополучному року наша родина лишалась своихъ художественныхъ геніевъ въ еще цвѣтущемъ возрастѣ. Подумайте только, что еще наше поколѣніе, люди сегодня еще не старые, могли бы застать въ живыхъ и быть свидѣтелями дѣятельности даже Пушкина, который всего года на три былъ старше В. Гюго, писателя намъ современнаго, творившаго, если можно такъ выразиться, еще на нашихъ глазахъ, а тѣмъ паче младшихъ членовъ этой же блестящей плеяды—Лермонтова и Гоголя.

---

*) Публичное чтеніе въ годичномъ засѣданіи Московскаго Общества Невропатологовъ и Психіатровъ.

Съ точки зрѣнія изслѣдованія и изученія психологическаго механизма художественнаго творчества, жизнь и труды Гоголя представляютъ особый интересъ.

До сихъ поръ загадочна его послѣдняя болѣзнь и неизвѣстно, страдалъ ли онъ душевнымъ разстройствомъ и отчего онъ умеръ *). Такъ, наприм., его біографъ Шенрокъ, въ своемъ извѣстномъ 4-томномъ трудѣ, говоря о послѣднихъ годахъ жизни Гоголя, пишетъ: «послѣднее 10-лѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія на ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза. Нелѣпо было бы повторять избитую легенду о сумасшествіи Гоголя, такъ долго державшуюся въ публикѣ, но нельзя въ то же время отрицать несомнѣнное нарушеніе въ немъ за послѣдніе годы, въ связи съ физическимъ разстройствомъ, и душевнаго равновѣсія. Никто изъ короткихъ знакомыхъ Гоголя не признавалъ въ немъ безусловно психическаго разстройства, хотя иные, какъ С. Т. Аксаковъ, считали его возможнымъ въ будущемъ; но, съ другой стороны, не было также никого, кто бы рѣшился утверждать, что въ послѣдніе годы не замѣчалось въ Гоголѣ чрезвычайно рѣзкой перемѣны, и это впечатлѣніе современниковъ не можетъ быть не принимаемо въ разсчетъ при сужденіи о послѣднихъ годахъ Гоголя. Однимъ словомъ, усиленіе въ немъ душевныхъ недуговъ и страданій—*безспорно,* но дошло ли оно до степени, предполагаемой многими—это большой вопросъ» **).

Эти 20 строкъ, принадлежащія перу не-врача, содержатъ съ нашей, медицинской точки зрѣнія рядъ противорѣчій и недоказанныхъ утвержденій.

Почему нелѣпо говорить о сумасшествіи Гоголя, если въ то же время нельзя отрицать въ немъ нарушенія душевнаго равновѣсія? Что въ такомъ случаѣ надо понимать подъ терминами *сумасшествіе* и *нарушеніе душевнаго равновѣсія?* Какова же душевная жизнь человѣка, когда ближайшіе друзья его, не признавая за нимъ безусловнаго психическаго разстройства, однако, считаютъ таковое возможнымъ въ будущемъ и въ такомъ случаѣ почему? Если, наконецъ, душевный недугъ дѣйствительно былъ, то какого характера?

Я привелъ эту выдержку изъ почтеннаго труда г. Шенрока для того, чтобы оправдать попытку психіатра разобраться во всѣхъ этихъ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ, ибо изъ нея очевидно только то, что самъ біографъ и С. Т. Аксаковъ, на котораго онъ ссылается, совершенно некомпетентны судить ни о степени душевнаго недуга Гоголя, ни о томъ, что вообще слѣдуетъ называть психическимъ разстройствомъ. Недаромъ г. Шенрокъ

---

*) Ломброзо, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о геніальности, совершенно бездоказательно и неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, сообщаетъ явно невѣрныя свѣдѣнія о болѣзни и смерти Гоголя, приписываетъ ему сексуальныя аномаліи и, что несомнѣнно ошибочно, утверждаетъ, будто Гоголь умеръ отъ сухотки спинного мозга (tabes dorsalis).

**) *Шенрокъ:* „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 3, 1897 г.

употребляетъ вульгарный терминъ *сумасшествіе*... То, что въ просторѣчіи именуется такъ, не совпадаетъ съ научнымъ терминомъ *психическаго разстройства* или *душевной болѣзни*. Послѣднее понятіе гораздо шире; съ первымъ же связывается обязательное представленіе о грубыхъ, очевидныхъ даже для непосвященнаго, симптомахъ, о бурномъ фантастическомъ бредѣ, о несомнѣнныхъ и явныхъ обманахъ чувствъ, о нелѣпыхъ инкогерентныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

А между тѣмъ, несмотря на недоумѣніе современниковъ и потомства, для самого Гоголя было подчасъ несомнѣнно, что онъ психически боленъ *); такъ въ одномъ письмѣ Погодину онъ говоритъ: «Я тебя прощаю, что ты огорчилъ меня... Ты многаго не понялъ... Я былъ боленъ тогда душею», а въ письмѣ къ Прокоповичу еще осенью 1837 г. сознается, что «боится ипохондріи, которая гонится за мною по пятамъ». Во многихъ случаяхъ онъ самъ называетъ свои страданія «нервическимъ разстройствомъ»; въ письмѣ къ художнику Иванову (изъ Неаполя отъ 28 декабря 1847 г.) онъ самъ *опредѣленно* признаетъ, что «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» есть плодъ патологическаго творчества. *„Нападенія на книгу мою,*—пишетъ онъ,—*отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ*“. И отцу Матвѣю (Неаполь, 12 января 1848 г.): «... книга моя есть произведеніе моего *переходнаго душевнаго состоянія*, *временнаго*, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянія... *книга эта не мой родъ*». Ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ современниковъ, включая сюда и многочисленныхъ пользовавшихъ его врачей, въ томъ числѣ и такихъ свѣтилъ тогдашней науки, какъ Оверъ, Иноземцевъ, Варвинскій въ Москвѣ и Шенлейнъ въ Берлинѣ, онъ подошелъ къ правильному пониманію своей болѣзни и истинной діагностикѣ, называя ее въ письмахъ къ Плетневу и Дондукову-Корсакову (изъ Москвы 4 марта 1842 г.) *періодическою* и притомъ въ такомъ тонѣ, изъ котораго явствуетъ, что этотъ характеръ болѣзни для него несомнѣненъ и что съ этимъ приходится примириться, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и роковымъ. Онъ пишетъ Плетневу: «Посылаю также письмо и къ князю Дондукову. Я хотѣлъ у него быть въ Москвѣ, но случившееся одно обстоятельство, а потомъ моя періодическая болѣзнь, подвернувшаяся на бѣду, помѣшали». Дондукову-Корсакову: «... а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, *во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи* въ своей комнатѣ, *иногда въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль*». Скажу болѣе. Нашъ великій и несчастный писатель,—очевидно, лишь благодаря своей геніальной наблюдательности,—до такой степени ясно созна-

*) Повидимому, и материнскій глазъ Маріи Ив. Гоголь подмѣтилъ психопатическія черты въ характерѣ ея сына еще въ ранней юности его, какъ объ этомъ можно догадываться на основаніи слѣдующаго указанія въ письмѣ Гоголя къ матери еще изъ школы (Нѣжинъ, 16 мая 1828 г.): „Но, впрочемъ, опасенія ваши насчетъ моего мнимо-ипохондрическаго состоянія въ этомъ мѣсяцѣ напрасны“.

валъ и такъ точно характеризовалъ свой душевный недугъ, такъ опредѣленно и категорически различалъ свои психическія страданія отъ своихъ многообразныхъ тѣлесныхъ недомоганій, что становится просто-таки удивительнымъ, какимъ образомъ оставались на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія и недоумѣнія у ближайшихъ его друзей при жизни его, и послѣ его кончины у потомства даже до самаго послѣдняго времени. Это можно объяснить себѣ только несовершенствомъ ученія о душевныхъ болѣзняхъ въ эпоху Гоголя, невѣжествомъ въ психіатріи большинства современныхъ ему врачей и отсутствіемъ всякаго понятія о душевныхъ болѣзняхъ даже у высокообразованныхъ людей того времени—и не только того времени, но и значительно позднѣе... А между тѣмъ въ своей обширной перепискѣ онъ такъ характерно отмѣчаетъ *періодичность* появленія у него того, что онъ называетъ «скукою», «хандрою», «тоскою», «состояніемъ ошеломленія», «безчувственно-соннымъ и бездѣйственнымъ», «нервическою раздражительностью», и притомъ совершенно независимо отъ состоянія физическаго здоровья, что діагностика душевной болѣзни его становится очевидною. Такъ въ 1846 г. онъ жалуется, наприм., Смирновой (27 января, Римъ) на рядъ болѣзненныхъ явленій (вѣроятно, малярійнаго и анемическаго происхожденія), которые мучаютъ его до такой степени, «что едва выбирается изо всего дня одинъ часъ, который бы можно было отдать занятіямъ... Но при всемъ томъ Богъ милостивъ: *я не унываю*... и мысли мои, несмотря на тѣлесный недугъ, нечувствительно зрѣютъ». Плетневу 8/20 февраля: «Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была моя болѣзнь тѣлесная, *душа моя была здорова;* даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла приближаться. *И тѣ душевныя* страданія, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много замолкнули вовсе». Языкову (26 февраля): «Какъ ни сильны были тѣлесные недуги, *но душа моя не болѣла и хандра не приходила*». Графинямъ Віельгорскимъ (7 апрѣля): «Что вамъ сказать о моемъ здоровьѣ тѣлесномъ? Оно не завидно... Мое *душевное здоровье* лучше прежняго». Невозможно, казалось бы, быть болѣе точнымъ и категоричнымъ и нельзя съ большею яркостью отмѣтить, что болѣзненныя явленія со стороны тѣлеснаго здоровья были ничтожны по сравненію съ психическими страданіями, возобновлявшимися съ такою роковою періодичностью, что больной съ радостью отмѣчаетъ, что «ни хандра, ни скорбь *еще* не находили» на него (письмо къ Толстому 2 января 1846 г.) и съ ужасомъ опасается ихъ приближенія и предчувствуетъ ихъ появленіе. Напримѣръ (къ Языкову. Франкфуртъ, 15 марта 1846 г.): «Занятія не идутъ никакъ. Боюсь хандры, которая можетъ усилить еще болѣзненное состояніе». Ему же (1 мая 1845 г.): «не хандра, но болѣзнь, производящая хандру, меня одолѣваетъ». Шереметевой (25 іюля 1846 г.): «Молитесь, другъ мой, да не оставляетъ меня (Богъ) въ минутахъ невыносимой скорби и унынія, которыя я уже чувствую и которыхъ, можетъ быть, цѣлый рядъ предстоитъ мнѣ впереди, въ степени сильнѣйшей»... Передъ поѣздкою въ Палестину Гоголь сочи-

няетъ даже особую молитву, которую разсылаетъ нѣсколькимъ ближайшимъ друзьямъ съ просьбой помолиться о немъ по «этой записочкѣ... сверхъ того, что находится въ обоихъ молебнахъ» (Къ Шереметевой. Неаполь, января 22 1848 г.). Въ этой спеціальной, нарочито составленной молитвѣ, мы читаемъ: «Душу же его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его! Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни!».

Стоитъ только въ этомъ молитвенномъ воплѣ изстрадавшагося больного писателя вмѣсто религіозно-мистическихъ образовъ, въ которыхъ старался онъ описать посѣщавшія его мучительныя душевныя состоянія, подставить теперешнюю научную терминологію, и мы получимъ полную симптоматологію его психоза, какъ будто заимствованную изъ соотвѣтствующей главы современнаго «ученія о душевныхъ болѣзняхъ».

Существуетъ распространенное въ публикѣ заблужденіе, будто человѣкъ, страдающій психозомъ, не сознаетъ и не можетъ сознавать своей болѣзни. Это совершенно ошибочно. Напротивъ, весьма часто, особенно въ началѣ заболѣванія, такое сознаніе очень ярко, и больной мечется во всѣ стороны за помощью, мучительно ощущая надвигающуюся на него грозу. Для болѣзни, которою страдалъ Гоголь, о чемъ ниже, такое состояніе не только обычно, но даже характерно *). Именно этимъ я и объясняю слѣдующій загадочный для его біографовъ инцидентъ изъ послѣдняго періода въ жизни Гоголя. Въ началѣ своего предсмертнаго заболѣванія Гоголь съ Никитскаго бульвара, гдѣ онъ жилъ, въ сырой, холодный, вѣтреный и темный февральскій вечеръ отправляется на извозчикѣ на другой конецъ города, за Сокольники, въ Преображенскую больницу. Подъѣхавъ, онъ сходитъ съ саней, ходитъ взадъ и впередъ у воротъ, затѣмъ долгое время остается въ полѣ, около больницы, стоя на одномъ мѣстѣ въ снѣгу, наконецъ, садится въ сани и уѣзжаетъ обратно. Это, очевидно, не просто прогулка. Тарасенковъ **), передающій этотъ эпизодъ, подозрѣваетъ, не хотѣлъ ли Гоголь посовѣтоваться съ извѣстнымъ въ то время, содержавшимся въ этой больницѣ Ив. Яковл. Корейшою, больнымъ, слывшимъ за прорицателя. Такое объясненіе я считаю совершенно невѣроятнымъ. Несмотря на мистическое настроеніе Гоголя въ послѣднее 10-лѣтіе его жизни, невозможно предположить, чтобы онъ былъ склоненъ къ столь грубымъ предразсудкамъ. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что духовный сынъ извѣстнаго своей строгостью о. Матвѣя счелъ бы такой поступокъ грѣховнымъ. Случай этотъ разъясняется легко, если вспомнить, что Преображенская больница и тогда, и значительно позже, была единственнымъ въ Москвѣ общественнымъ учрежденіемъ для душевно-больныхъ, что Го-

*) См., наприм., *Крепелинъ*. Психіатрія. Глава о періодическихъ депрессивныхъ формахъ (стр. 329): „Чувство собственнаго нездоровья всегда очень выражено. Поэтому нерѣдко больной является въ больницу добровольно“.

**) *Тарасенковъ:* „Послѣдніе дни жизни Гоголя“. Спб., 1857 г., стр. 11 и 27.

голь зналъ объ этомъ и, какъ это характерно для больныхъ его типа, почуявъ грозящую его душевной жизни катастрофу, бросился за помощью туда, но въ столь же характерной для его страданія нерѣшительности остановился передъ воротами больницы.

Къ сожалѣнію, должно признаться, что онъ напрасно бы постучался въ двери этого учрежденія: русская психіатрія была въ тѣ годы въ такомъ печальномъ положеніи, что едва ли изстрадавшійся поэтъ нашелъ бы тамъ ту помощь, которой, можетъ быть, искалъ *). Пишущій эти строки 20 лѣтъ тому назадъ засталъ Преображенскую больницу, еще до перехода ея въ вѣдѣніе городского управленія,—больницею вѣдомства приказа Общественнаго призрѣнія, и можетъ засвидѣтельствовать, что даже спустя 30 лѣтъ послѣ кончины Гоголя это было не лѣчебное заведеніе, а просто—домъ умалишенныхъ, на воротахъ котораго по праву могла бы красоваться надпись дантовскаго ада. Изъ архивныхъ дѣлъ этой больницы видно, что въ годъ смерти Гоголя въ ней служили въ качествѣ старшаго врача и ординаторовъ—д-ра Саблеръ **), Красовскій и Сокольскій. Въ числѣ консультантовъ у постели больного писателя мы не встрѣчаемъ ни одного изъ этихъ, въ то время, вѣроятно, единственныхъ въ Москвѣ врачей, знакомыхъ теоретически и практически съ психіатріею. Первые два въ тѣ годы уже имѣли частную лѣчебницу для душевно-больныхъ, гдѣ, вѣроятно, врачебное вмѣшательство было активнѣе и уходъ лучше, чѣмъ въ Преображенской больницѣ, и слѣдуетъ, можетъ быть, пожалѣть, что къ ихъ содѣйствію не обратились ни гр. А. П. Толстой, у котораго жилъ Гоголь въ послѣднее время своей жизни, ни приглашенные къ нему врачи.

Обратимся къ біографіи великаго писателя и посмотримъ, въ чемъ выражалась его душевная болѣзнь? Когда она началась и каковы были ея симптомы? Какъ классифицировали бы мы ее и какой діагнозъ поставили бы сегодня? Должна ли была она неизбѣжно привести такъ быстро къ смертельному исходу или были тому еще какія-либо другія причины? Постараемся сдѣлать это разслѣдованіе по той же программѣ, по которой обыкновенно пишемъ мы наши исторіи болѣзни.

Въ той главѣ такой historia morbi, которую мы, врачи, называемъ семейнымъ анамнезомъ, должно отмѣтить слѣдующее: 1) Гоголь родился отъ слишкомъ молодой матери: Марія Ивановна Гоголь-Яновская вышла замужъ въ 14 лѣтъ и Николай Васильевичъ былъ ея первенцемъ. 2) Несмотря на свой мягкій и нѣжный, полный эстетическаго чутья характеръ М. Ив. Гоголь была

---

*) Для характеристики этой больницы въ Гоголевскую эпоху заимствую изъ „Историческаго очерка о Преображенской больницѣ“, д-ра Константиновскаго, слѣдующія строки: „Въ 1839—40 гг. прежнія мѣры стѣсненія были замѣнены стульями, называемыми chaise de force. Въ 1850 г. введено въ коридорахъ и по главнымъ заламъ освѣщеніе ламповымъ масломъ; для освѣщенія же отдѣльныхъ комнатъ попрежнему употреблялись сальныя свѣчи и только на „ужинное“ время.

**) Имя д-ра Саблера сохранилось въ психіатрической литературѣ, какъ автора одной спеціальной статьи и нѣсколькихъ больничныхъ отчетовъ.

всетаки женщиною несомнѣнно психопатическаго темперамента. Близко знавшіе ее и всю семью Гоголей, школьный товарищъ Николая Васильевича, относительно недавно скончавшійся Данилевскій *) и Трахимовскій **),— прямо-таки считали ее ненормальною. Къ такому заключенію она подавала поводъ своею странною подозрительностью, подчасъ принимавшей, по разсказамъ ея родныхъ, характеръ бредовыхъ, навязчивыхъ идей, своимъ удивительнымъ легкомысліемъ въ практическихъ дѣлахъ, на что мы находимъ много указаній въ ея перепискѣ съ сыномъ и въ разсказахъ о ней ея дочерей, которыя передаютъ, наприм., что появленіе въ Васильевкѣ коробейника вызывало массу совершенно ненужныхъ и даже въ кредитъ покупокъ, такъ что потомъ приходилось догонять разносчика, чтобы возвратить ему излишне-пріобрѣтенныя вещи и, наконецъ тѣмъ, что Шенрокъ называетъ «болѣзненною мечтательностью» ея, ибо она способна была по нѣсколькимъ часамъ находиться въ состояніи какой-то странной задумчивости, причемъ и выраженіе лица ея рѣзко измѣнялось. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ въ письмахъ Николая Васильевича, надо полагать, что и онъ самъ не обманывался насчетъ психопатическаго состоянія М. Ив. Гоголь. Такъ наприм., онъ пишетъ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ (изъ Рима 12 апр. 1839 г.): «Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь, о ней была рѣчь». И въ письмѣ къ матери (Москва, 24 мая 1850 г.): «Ради Христа, берегите себя отъ этого тревожно-нервическаго состоянія, котораго начала у васъ уже есть».

Своего геніальнаго сына, своего «Никошу», она прямо-таки обожала, но и въ этомъ выходила за предѣлы нормальной материнской психологіи, какъ далеко ни отодвигать эти предѣлы; такъ наприм., она приписывала ему весь новѣйшій технической прогрессъ: изобрѣтеніе телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п., и не было никакой возможности разубѣдить ее; разсказывая объ этомъ, она не мало сердила сына. 3) Должно отмѣтить также, что между ближайшими родственниками Гоголя наблюдались душевныя заболѣванія. Такъ, выраженнымъ психозомъ страдалъ племянникъ его Трушковскій.

---

*) Изустное сообщеніе мнѣ извѣстнаго біографа Гоголя—Вл. Ив. Шенрока, имѣвшаго случай говорить съ Данилевскимъ и получить отъ него непосредственно данныя о впечатлѣніи, которое производила мать Гоголя.

**) Трахимовскій въ статьѣ, посвященной М. Ив. Гоголь (*Русская Старина* 1888 г., іюль), разсказываетъ о ней слѣдующее: „Настроеніе М. И. Гоголь часто стояло въ зависимости не столько отъ внѣшнихъ причинъ, сколько отъ свойствъ ея характера: добрая, религіозная, сострадательная, готовая всегда помочь, М. И. Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ была крайне впечатлительна и подозрительна: *бывали дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайнихъ предѣловъ, достигала почти болѣзненнаго состоянія*".

По всему тому, что извѣстно теперь о психикѣ М. И. Гоголь, можно съ увѣренностью сказать, что слово „почти", которымъ ради вящей осторожности пользуется здѣсь Трахимовскій, могло бы быть вычеркнуто изъ приведенной цитаты безъ ущерба для истины.

Отецъ Гоголя, Василій Аѳонасьевичъ, былъ, по словамъ Данилевскаго, человѣкъ въ высшей степени интереспый, безподобный разсказчикъ и обладалъ несомнѣннымъ эстетическимъ чутьемъ и литературнымъ талантомъ, писалъ стихи, и ему принадлежитъ авторство двухъ комедій, которыя сынъ его высоко цѣнилъ и о которыхъ критика того времени отзывалась, «что онъ изъ родного быта интересно и умно почерпнулъ элементы своей комедіи». Здоровья онъ былъ слабаго; мудрено опредѣлить теперь, чѣмъ онъ страдалъ, но умеръ онъ далеко не старымъ—всего 44-хъ лѣтъ отъ роду. Еще необходимо отмѣтить, что и Вас. Аѳон., и М. Ив. Гоголь отличались очень большою мнительностью вообще и въ частности по отношенію къ болѣзнямъ.

Личный анамнезъ нашего поэта таковъ: по совѣту близкаго друга семьи Гоголей, тогдашняго черниговскаго губернскаго прокурора, Баженова,—Николай Васильевичъ Гоголь на 12 году былъ помѣщенъ въ только что открытый Нѣжинскій лицей. Здѣсь, по отзывамъ его школьныхъ товарищей и на основаніи другихъ данныхъ, относящихся къ этой эпохѣ, можно сказать, что это былъ золотушный, блѣдный, болѣзненный мальчикъ, уже въ тѣ годы, вѣроятно, мнительный или преувеличивавшій свои страданія; такъ въ письмѣ къ родителямъ отъ 10 октября 1822 г. онъ пишетъ: «*я опасно былъ боленъ*». Подобное же извѣстіе повторяется черезъ годъ въ октябрѣ 1823 г. Весною 1827 года онъ пишетъ Высоцкому: «объ себѣ скажу, что я пролежалъ цѣлую недѣлю больнымъ, былъ боленъ весьма опасно, даже отчаявался объ выздоровленіи».

Учился плохо *), былъ порядочнымъ шалуномъ, но уже въ то время замѣтнымъ по своему большому юмору и художественному дарованію. Развитіе его было, повидимому, быстрое, но позднее.

Въ декабрѣ 1828 г. Гоголь переѣхалъ въ Петербургъ. Слѣдующіе 7 лѣтъ—суть лучшіе годы его жизни, время расцвѣта его генія и сознанія своей творческой миссіи. Онъ пишетъ матери: «Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1,000 р. жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время и на совершенные пустяки?»

Къ этой же эпохѣ относится его сближеніе съ Пушкинымъ и съ знаменитой, обаятельной по своему уму и красотѣ фрейлиной Россетъ, въ салонѣ которой собиралась вся вельможная и умственная аристократія того времени. Вліяніе этихъ двухъ лицъ было въ жизни Гоголя опредѣляющимъ, можно сказать, роковымъ. Относительно Россетъ достаточно вспомнить, что изъ нея вышла впослѣдствіи та самая знаменитая калужская губернаторша—Смирнова, которой адресована часть вызывавшей негодованіе Бѣлинскаго и много другихъ современниковъ Гоголя «Переписки съ друзьями», той самой переписки, о которой герой «Отцовъ и дѣтей» говоритъ у Тургенева—«скверно во рту,—точно писемъ Гоголя къ калуж-

*) *Кулѣжинскій:* „Воспоминанія учителя". *Москвитянинъ*, 1854 г., № 21.

ской губернаторшѣ начитался»; вспомните также, что это та самая А. О. Смирнова, которая въ сороковыхъ годахъ поселяется въ Римѣ и на Ривіерѣ одновременно съ Гоголемъ и, сама подпадая подъ его вліяніе, создаетъ и ему искусственную и нездоровую атмосферу,—частью въ видѣ постояннаго общества Віельгорскихъ, Толстыхъ и Апраксиныхъ, которое, по свидѣтельству его біографовъ, могло только усилить свойственную ему склонность къ мистицизму, частью и потому что сама она, въ то время уже поблекшая и блазированная красавица, находилась въ періодѣ нравственнаго кризиса и, какъ выражается Шенрокъ, «жгучей потребности очистить себя отъ мутныхъ осадковъ многолѣтней, безцѣльной великосвѣтской толчеи» *). Что же касается до Пушкина, то для того, чтобы оцѣнить степень его моральнаго значенія для Гоголя, достаточно вспомнить его собственное лирическое восклицаніе. «Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ видѣлъ я въ моей жизни». И потомъ, когда въ Парижѣ дошла до него вѣсть о кончинѣ Пушкина,—онъ, убитый и удрученный, говоритъ Ал. Ив. Тургеневу: «Ты знаешь, какъ я люблю свою мать, но если бы я потерялъ даже ее, то такъ не могъ бы быть огорченъ, какъ теперь—Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше»... Изъ авторской исповѣди извѣстно, что Гоголь долго колебался между литературой и другими профессіями, пока Пушкинъ, пораженный художественнымъ достоинствомъ прочтеннаго ему отрывка, не взялъ съ Гоголя слово написать большое сочиненіе и извѣстно также, что темы «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» были подсказаны Гоголю Пушкинымъ. До дня гибели Пушкина написаны всѣ лучшія произведенія Гоголя, послѣ этого онъ только мучительно бьется надъ 2-ю частью «Мертвыхъ Душъ» **). Съ удивительнымъ чутьемъ отмѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, что послѣ кончины Пушкина Гоголь сдѣлался боленъ и тѣломъ, и духомъ, и уже никогда не выздоровѣлъ совершенно. И уже первый біографъ Гоголя, Кулишъ, указываетъ на то, что «смерть

---

*) Близко знакомый со всѣмъ этимъ кружкомъ, С. Т. Аксаковъ называетъ А. О. Смирнову въ этомъ періодѣ ея жизни „кающейся Магдалиной“ и считаетъ вліяніе ея, ибо, по его „простому человѣческому смыслу Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, свой строго монашескій образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны“, еще болѣе вреднымъ, чѣмъ вліяніе перечисленныхъ выше лицъ, о чемъ онъ, однако, отзывается такъ: „Въ это время сошелся онъ (Гоголь) съ гр. А. П. Толстымъ и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для него. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто вродѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты имъ поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю, назову только Віельгорскую, Соллогубъ и Смирнову“. *Аксаковъ:* „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“.

**) Письмо С. Т. Аксакова, помѣченное „однимъ сыновьямъ“ отъ 23 февраля 1852 г.: „У Гоголя было два состоянія: творчество и вдохновеніе. Первое давно уже, вѣроятно, вскорѣ послѣ выхода „Мертвыхъ Душъ“, перешло въ мученичество, можетъ быть сначала благотворное, но потомъ перешедшее въ безполезную пытку“.

Пушкина положила въ жизни Гоголя рѣзкую грань... При жизни Пушкина—Гоголь былъ одинъ человѣкъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ». Вообще же біографы Гоголя отмѣчаютъ, что зерно будущаго аскетически-извращеннаго отношенія къ литературѣ можетъ быть замѣчено у Гоголя еще при жизни Пушкина, но обаяніе и авторитетъ послѣдняго были такъ колоссальны, что съ значительною вѣроятностью можно предположить, что пуля Дантеса погубила не одну, а двѣ славы русской словесности: скосила Пушкина и дала Гоголю такой моральный шокъ, отъ котораго онъ уже никогда болѣе не оправился,—именно время смерти Пушкина совпадаетъ у Гоголя съ явнымъ пониженіемъ художественнаго творчества, упадкомъ его генія и болѣзненнымъ отношеніемъ къ окружающему.

Дѣло будущихъ историковъ литературы прослѣдить въ его постепенныхъ фазисахъ—этотъ сложный психологическій процессъ, приведшій мягкаго юмориста пасѣчника Рудого Панька, потомъ грознаго сатирика, отъ котораго, по выраженію Императора Николая, «досталось всѣмъ, а всѣхъ больше мнѣ самому», въ домашнюю молельню Толстыхъ и въ исповѣдальню аскета и мистика отца Матвѣя, а въ литературѣ къ радикальному отрицанію всего того, чѣмъ онъ жилъ и что сдѣлалъ ранѣе.

Та задача, которая лежитъ въ предѣлахъ моей компетенціи, указывается мнѣ самими біографами Гоголя. Такъ, Шенрокъ говоритъ, напр., «что нравственное состояніе Гоголя заслуживаетъ особаго изученія съ иной, спеціально психологической (даже психіатрической) точки зрѣнія», а Кояловичъ *) напоминаетъ, «что біографія художника... не можетъ быть только лѣтописью внѣшнихъ фактовъ его жизни и дѣятельности; она должна обратиться, во-первыхъ, къ изученію духовной анатоміи и физіологіи того сложнаго цѣлаго, которое мы называемъ именемъ великаго человѣка».

Этимъ мы и займемся сейчасъ.

Въ этюдахъ этого рода надо различать двѣ стороны: 1) психологическій складъ личности и въ частности ея неправильныя психопатическія особенности и 2) развившуюся на этой почвѣ душевную болѣзнь, буде такова была въ дѣйствительности.

Въ читающей большой публикѣ очень распространена идея, впервые высказанная еще Аристотелемъ, повторенная затѣмъ многими крупными психофизіологами, напр., Maudsly, Moreau (de Tours) и др. и очень популяризованная въ послѣднее время Ломброзо—о патологическомъ происхожденіи генія, о ближайшемъ родствѣ геніальности и помѣшательства.

Въ одной изъ предшествующихъ моихъ работъ **), посвященныхъ изученію психологическаго механизма геніальнаго творчества, я уже указывалъ на то, что въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ, быть можетъ, невѣрная интерпретація фактовъ истинныхъ и правильно констатированныхъ.

---

*) *Кояловичъ:* „Дѣтство и юность Гоголя". *Московскій Сборникъ,* 1887 г., стр. 203.

**) См. „Больные писатели и патологическое творчество" въ Сборникѣ: „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая" 1901 г.

Если всѣ наши біологическія воззрѣнія настолько и въ такой мѣрѣ проникнуты эволюціонной теоріей, что стоитъ выдернуть эту основу изъ подъ нашихъ научныхъ построеній, чтобы все зданіе рушилось, то я не вижу причины, почему по поводу генія и его психопатическихъ особенностей мы должны говорить непремѣнно о дегенераціи, слѣдовательно, о возвращеніи къ типу пережитому, оставшемуся позади, а не о прогенераціи, о предвосхищеніи нѣкотораго будущаго высшаго типа—предвосхищеніи, конечно, неполномъ и несовершенномъ и уже поэтому самому представляющемся намъ съ болѣзненнымъ патологическимъ оттѣнкомъ.

Представимъ себѣ, напр., фабрику скрипокъ. Очевидно, браку выйдетъ очень много изъ той партіи товара, которая выдѣлывалась для воспроизведенія драгоцѣнныхъ инструментовъ по образцамъ Страдиваріуса или Амати, тогда какъ рыночная партія грубыхъ дешевыхъ инструментовъ почти совсѣмъ не дастъ отброса.

Изъ фабрики человѣческихъ душъ, можетъ быть, до сихъ поръ не вышло ни одного инструмента—безъ изъяна, безукоризненнаго по гармоніи всего психическаго склада, а выходили только болѣе или менѣе удачныя приближенія къ нѣкоторому идеальному будущему типу. Этимъ, можетъ быть, и объясняются тѣ психопатическія особенности, тѣ низменныя черты, которыя встрѣчаются въ біографіяхъ даже величайшихъ людей.

Впрочемъ, дегенерація или прогенерація—это вопросъ, конечно, спорный, но несомнѣнно, что въ психикѣ Гоголя мы даже въ ранніе годы отмѣчаемъ многія болѣзненныя стороны: это, во-первыхъ, дисгармоническое сочетаніе его душевныхъ свойствъ—самъ Гоголь указываетъ на это въ письмахъ къ матери. Еще въ школьномъ письмѣ (1-го марта 1828 г.) читаемъ мы: «Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несносимъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ уменъ, у другихъ—глупъ». А въ письмѣ изъ Любека (авг. 13, 1829 г.): «Часто я думаю о себѣ, зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ — чистую пламенѣющую жаркую любовь ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую *странную* смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго унпженнаго смиренія».

Съ этою характеристикою, которую Гоголь даетъ самъ себѣ, совершенно совпадаютъ отзывы о немъ близко стоявшихъ къ нему современниковъ, которыхъ онъ удивлялъ противорѣчіями, казалось бы непримиримыми въ

своемъ характерѣ. Такъ, въ «Воспоминаніяхъ о Гоголѣ» Арнольди *) мы читаемъ, напр., «Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія, я и братъ мой К.(онстантинъ) О.(синовичъ) Р.(оссетъ) собрались поздно вечеромъ у графа А.(лексѣя) К.(онстантиновича) Т.(олстого), который былъ тогда въ Калугѣ. Разговоръ зашелъ о Гоголѣ; каждый изъ насъ дѣлалъ свои замѣчанія о немъ и его характерѣ, о его странностяхъ. Разбирали его какъ писателя и какъ человѣка, и многое казалось намъ въ немъ необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ, напр., согласить его постоянное стремленіе къ нравственному совершенству съ его гордостью, которой мы всѣ были не разъ свидѣтелями? Его удивительный тонкій, наблюдательный умъ, видный во всѣхъ сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обыкновенной жизни, какую-то глупость и непониманіе вещей самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ? Вспомнили мы также его странную манеру одѣваться и его насмѣшки надъ тѣми, кто одѣвался смѣшно и безъ вкуса, его религіозность и смиреніе, и слишкомъ уже подчасъ странную нетерпѣливость и малое снисхожденіе къ ближнимъ; однимъ словомъ, нашли бездну противорѣчій, которую, казалось, трудно было и совмѣстить въ одномъ человѣкѣ».

Въ біографіи его въ этомъ отношеніи приходится встрѣчаться со странностями почти патологическими и съ трудомъ объяснимыми, наприм., когда онъ—человѣкъ безъ всякой научной подготовки—искалъ каѳедры всеобщей исторіи и съ изумительнымъ самомнѣніемъ надѣялся затмить «вялыхъ», какъ онъ выражается, профессоровъ того времени. Или то, что онъ иногда не брезгуетъ грубою лестью и въ этомъ съ удивительною наивностью сознается самъ. Или странное и необъяснимо-обидное лукавство, наприм., въ этомъ до сихъ поръ загадочномъ инцидентѣ съ матерью, которую онъ, по собственному признанію, нѣжно любилъ и которую такъ оскорбительно обманывалъ, когда по возвращеніи изъ-за границы въ теченіе нѣкотораго времени писалъ ей изъ Москвы письма, помѣченныя Тріестомъ, Вѣною и т. д., съ непонятною до сихъ поръ цѣлью. Или его жестокая выходка по отношенію къ нѣжно любившему его семейству С. Т. Аксакова. Или, наконецъ, его чрезвычайно странная первая поѣздка за границу, когда онъ, собравшись на долго, возвратился въ С.-Петербургъ, пробывъ за границею очень короткое время, и на всѣ вопросы объ этомъ упорно отмалчивался.

Есть одна сторона жизни, освѣщеніе которой было бы чрезвычайно интересно для установленія основныхъ чертъ психологіи или психопатологіи Гоголя,—именно отношеніе его къ женщинамъ. Это вообще психологическая реакція, весьма важная для характеристики личности и анализа ея душевной жизни. По отношенію къ Гоголю это было бы въ особенности интересно, ибо, если бы оказались достовѣрными смутные слухи, до сихъ поръ циркулирующіе по этому поводу, то мы натолкнулись бы, можетъ быть, на явно психопатическіе симптомы. Однако, несмотря на то, что до сихъ поръ еще живы кое-кто изъ лицъ, знавшихъ и встрѣчавшихъ Гоголя

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1862 г., № 1.

или его близкихъ друзей, несмотря на то, что и я въ теченіе этого изслѣдованія обращался къ людямъ, которые могли быть хорошо освѣдомлены—я получилъ только весьма неопредѣленныя и часто противорѣчивыя указанія; наконецъ, несмотря на обильный эпистолярный матеріалъ, даже его отношенія къ А. О. Смирновой остаются загадочными *). Такъ что эту сторону жизни и психологіи Гоголя приходится оставить безъ должнаго разслѣдованія и оцѣнки.

Но и того, что уже сказано выше, достаточно, чтобы характеризовать его какъ натуру, обладавшую геніальною художественною интуиціею, но съ дефектами интеллектуальной и моральной сторонъ и вообще очень выраженною дисгармоніею душевныхъ силъ, способностей и дѣйствій.

Уже въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ—Гоголь типичный неврастеникъ, какъ сказали бы мы теперь. Неврастеникъ съ ипохондрическими идеями. Можетъ быть, даже съ дѣтства: аналогичныя жалобы на здоровье встрѣчаются уже въ самыхъ раннихъ письмахъ къ родителямъ отъ 1821 г. Еще въ 1832 г. онъ въ письмѣ къ Погодину называетъ свое здоровье хилымъ и удивляетъ только что познакомившагося съ нимъ С. Т. Аксакова, которому онъ показался тогда совершенно здоровымъ, жалобами на свою болѣзнь, причина, которой «находится въ кишкахъ», и утвержденіемъ, что болѣзнь его неизлѣчима **); въ 1834 г. увѣряетъ, что его здоровье еле держится; въ 1839 г. пишетъ изъ Италіи, что оно non vale un fico (не стоитъ ни фиги). Между тѣмъ жалобы его сначала весьма неопредѣленны: «Мнѣ кажется, будто чувствую небольшую боль въ печонкѣ и спинѣ. Иногда болитъ голова, немного грудь»; или въ другомъ письмѣ: «голова моя страдаетъ всячески, если въ комнатѣ холодно, мои мозговыя нервы ноютъ и стынутъ. Если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно, малѣйшее движеніе производитъ въ головѣ такое странное ощущеніе, какъ будто она хотѣла треснуть» и т. п. въ томъ же родѣ.

Въ 1838 г. Гоголь совершенно серьезно пишетъ Данилевскому въ Парижъ, чтобы тотъ выбралъ ему парикъ, такъ какъ онъ собирается обрить себѣ голову, надѣясь въ этомъ найти облегченіе отъ постоянныхъ головныхъ болей; затѣмъ слѣдуетъ въ томъ же письмѣ (отъ 16 мая 1838 г. изъ Рима) характерное описаніе того, что мы называемъ теперь «неврастеническою каскою»: «тупѣетъ мое вдохновеніе, голова часто покрыта тяжелымъ облакомъ, которое я долженъ безпрестанно стараться разсѣивать». А годомъ позднѣе въ письмѣ къ Прокоповичу (Женева, 19 сен. 1839 г.)

---

*) Судя однако по нѣкоторымъ отрывочнымъ намекамъ, наприм., его признанію на этотъ счетъ д-ру Тарасенкову и нѣсколькимъ строкамъ въ письмахъ къ Данилевскому—надо предположить, что отношенія его къ Смирновой были, несмотря на настойчиво ходившіе слухи, совершенно платоничны и что вообще половое чувство было въ немъ рѣзко понижено даже въ молодые годы. См. также по этому поводу статью Чернидкой въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, 1890 г. и возраженія ей Шенрока.

**) *С. Т. Аксаковъ:* „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", стр. 6·

онъ жалуется: «чувствую, что на мозгъ мой какъ будто бы надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать,—душитъ мои мысли». Въ томъ же 1838 г. онъ пишетъ (25 іюня 1838 г.) Вяземскому: «всякое занятіе, самое легкое, отяжелѣваетъ мою голову» и Погодину (20 ноября 1838 г.): «работа моя вяла, нѣтъ той живости». Какъ видите—типичныя жалобы неврастеника, и онѣ съ разными варіантами повторяются въ теченіе всей жизни Гоголя. Ни въ это время, ни позднѣе, ни даже во время предсмертной болѣзни невозможно было констатировать объективно никакихъ сколько-нибудь существенныхъ патологическихъ измѣненій въ его организмѣ. Такъ, въ 1845 г. онъ заѣзжаетъ въ Галле къ тамошней знаменитости доктору Круккенбергу и затѣмъ пишетъ Языкову (изъ Карлсбада 25 іюля 1845 г.): «Круккенбергъ, осмотрѣвши и ощупавши меня всего—спинной хребетъ, грудь и все высохнувшее мое тѣло и нашедъ все въ надлежащемъ видѣ, рѣшилъ, что причина всѣхъ болѣзненныхъ припадковъ заключена въ сильнѣйшемъ нервическомъ разстройствѣ... произведшемъ всѣ недуги». Тогда же онъ обращается къ знаменитому Шёнлейну и пишетъ гр. Толстому (1 сен. 1845 г.), что тотъ рѣшилъ, что «во мнѣ разстройство въ нервической системѣ, такъ называемое nervoso fascoloso (sic!)», и назначилъ ему легкое водолѣченіе—обтиранія по утрамъ мокрой простыней, а затѣмъ морскія купанья. Единственно объективно констатированными болѣзненными явленіями были явленія хроническаго катарра кишечника и геморроя. Даже на смертномъ одрѣ его, говоритъ Д. Тарасенковъ, «единственнымъ важнымъ припадкомъ, продолжавшимся нѣсколько дней, была констипація».

На такой неустойчивой нервно-психической почвѣ развилась настоящая душевная болѣзнь.

Ради простоты изложенія я сразу скажу вамъ, какой діагнозъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, поставить. Гоголь приблизительно въ теченіе всей второй половины своей жизни страдалъ тою формою душевной болѣзни, которая въ нашей наукѣ носитъ названіе періодическаго психоза, въ формѣ такъ называемой періодической меланхоліи. По моему убѣжденію, единственное сомнѣніе, которое можетъ возникнуть по поводу этой діагностики, заключается въ томъ, не будетъ ли правильнѣе отнести страданія Гоголя въ ту подгруппу періодическихъ психозовъ, которая въ наукѣ именуется психозами циркулярными и характеризуется болѣе или менѣе правильными смѣнами маніакальнаго или экзальтаціоннаго фазиса болѣзни, въ которомъ настроеніе духа повышено, воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній облегчено, повышены также самочувствіе и наклонность къ дѣятельности, и фазиса меланхолическаго, депрессивнаго, въ которомъ картина болѣзни характеризуется угнетеніемъ психики, задержкою психическихъ актовъ подавленнымъ тоскливымъ настроеніемъ, причемъ, иногда эти фазисы раздѣлены свѣтлыми промежутками относительно нормальной душевной дѣятельности.

Но это будетъ уже споръ о деталяхъ. Да и классификаціонной грани между психозомъ циркулярнымъ и періодическимъ prorpie sic dictum пси-

хозомъ не всегда возможно провести строго. Хотя въ біографіи Гоголя и находятся указанія на періоды повышеннаго самочувствія *), но они выражены не рѣзко; напротивъ, очень рѣзко выражены и доминируютъ въ картинѣ болѣзни періоды депрессивные; я поэтому предпочитаю остановиться на діагнозѣ періодической меланхоліи **), интерпретируя относительно короткія состоянія возбужденія, приподнятаго тона и повышенныхъ самочувствія и самомнѣнія, какъ тѣ маніакальныя введенія и послѣсловія къ приступамъ періодической меланхоліи, которыя такъ обычны въ картинѣ этой болѣзни.

Для подтвержденія этой діагностики и для того, чтобы убѣдить васъ въ вѣрности ея—я прибѣгну къ самому простому пріему: я сопоставлю характеристику даннаго страданія изъ какого-нибудь распространеннаго догматическаго трактата по душевнымъ болѣзнямъ съ тѣмъ болѣе или менѣе отрывочнымъ описаніемъ болѣзненныхъ ощущеній Гоголя—какое даетъ онъ самъ въ своей перепискѣ.

Въ главѣ о періодической меланхоліи, въ извѣстномъ курсѣ психіатріи покойнаго проф. Корсакова мы читаемъ: «Въ случаяхъ періодической меланхоліи особенно выражено чувство глубокой апатіи, ощущеніе безжизненности, отчужденности». У Гоголя (въ письмѣ къ Балабиной, 1842 г., безъ даты): «Вижу знакомыя родныя лица, но они мнѣ кажутся не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей непонятныхъ мнѣ самому чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что ужасно, что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли и, если вамъ нуженъ теперь болванъ для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпу или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ». Едва ли можно болѣе образно и болѣе ярко охарактеризовать это ощущеніе безжизненности и отчужденности, которое какъ типичный симптомъ занесено въ соотвѣтствующую рубрику ученія о душевныхъ болѣзняхъ.

---

*) См., наприм., письмо къ С. Т. Аксакову 5-го ноября 1841 года изъ Рима: „Я глубоко счастливъ, несмотря на мое болѣзненное состояніе... я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей... Здѣсь видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета... Меня теперь нужно лелѣять... Конечно, эта ваза вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище“... Не должно забывать, что времени написанія этого письма предшествовалъ несомнѣнный и тяжелый меланхолическій приступъ, перенесенный въ Вѣнѣ и Римѣ.

**) *Kraepelin:* „Психіатрія“, ч. II, стр. 333—334. „Очень можетъ быть, что нѣкоторые случаи изъ категоріи въ началѣ описанныхъ (т.-е. періодическихъ) относятся собственно къ циркулярному помѣшательству. Если извѣстны циркулярныя формы съ сильнымъ преобладаніемъ маніакальныхъ приступовъ, то, несомнѣнно, существуютъ формы съ приступами преимущественно депрессивнаго характера. Поэтому нельзя отрицать возможности проявленія всѣхъ приступовъ кругового помѣшательства изрѣдка и въ формѣ лишь депрессивныхъ состояній... Они скорѣе всего напоминаютъ намъ нѣкоторыя длительныя психопатическія состоянія, на почвѣ которыхъ такія формы, очевидно, и разыгрываются“...

Въ психіатріи меланхолія опредѣляется какъ такая душевная болѣзнь, которая характеризуется, во-первыхъ и прежде всего, измѣненіемъ душевнаго чувства въ формѣ появленія душевной боли, доходящей до щемящей тоски, отчаянія и ужаса.

Не менѣе характерно въ письмахъ Гоголя описаніе и этого кардинальнаго симптома меланхоліи—тоски и того особаго состоянія, которому по-русски нѣтъ настоящаго наименованія, по-латыни же anxietas, по-французски angoisse.

Въ письмѣ къ Погодину Гоголь, описывая только что перенесенный въ Вѣнѣ приступъ болѣзни, говоритъ: «Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. И двухъ минутъ не могъ оставаться въ такомъ положеніи ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ которомъ я видѣлъ бѣднаго Віельгорскаго въ послѣднія минуты жизни». Письмо это (изъ Рима отъ 17 октября 1840 г.) чрезвычайно интересно и важно для нашего изслѣдованія, ибо, во-первыхъ, оно начинается съ того опредѣленнаго признанія въ душевной болѣзни, которое я уже цитировалъ выше, и, во-вторыхъ, даетъ подробную симптоматологію перенесеннаго Гоголемъ въ 40-мъ году меланхолическаго приступа. Онъ пишетъ: «...О, какъ бы не хотѣлось мнѣ открывать своего состоянія!... но знай все!... Нервическое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженье нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался, я самъ не понималъ своего положенія... Нервическое разстройство и раздраженіе возросло ужасно: тяжесть въ груди и давленіе никогда дотолѣ мною не испытанное, усилилось. По счастью доктора нашли, что у меня еще нѣтъ чахотки, что это желудочное разстройство, остановившееся пищевареніе и необыкновенное раздраженіе нервъ... Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія». Далѣе слѣдуетъ только что приведенная мною выше характеристика этой тоски, какъ смертнаго ужаса, и нѣсколько строкъ о переѣздѣ въ Римъ, но «ни Римъ, ни небо, ни то, что такъ бы причаровывало меня, ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу, не чувствую. Другъ мой, вотъ тебѣ мое положеніе. Не хотѣлось бы, страшно не хотѣлось бы открывать его... Письмо мое издери въ куски».

Эти мучительныя психопатическія ощущенія апатіи, тоски и ужаса по временамъ обостряются до такой степени, что, какъ это и свойственно меланхолическимъ состояніямъ, у Гоголя возникаетъ даже мысль о самоубійствѣ; въ началѣ 1846 г. онъ пишетъ, что онъ переноситъ «такія тяжкія и болѣзненныя состоянія, что повѣситься или утопиться кажется ему какъ бы похожимъ на какое-либо лѣкарство».

Придерживаясь того же пріема, возвращаюсь снова къ учебникамъ. Въ новѣйшей и очень обстоятельной монографіи Pilcz'a, посвященной періодическимъ психозамъ *), мы находимъ слѣдующее опредѣленіе инте-

*) *Dr. A. Pilcz*: „Die periodische Geistesstörungen". 1901, s. 107; у него же

ресующаго насъ душевнаго разстройства: «Періодическая меланхолія характеризуется періодическимъ возвращеніемъ меланхолическихъ состояній, которыя выражаются простыми элементарными разстройствами душевной дѣятельности, именно боязливо-тоскливою подавленностью и заторможеніемъ психомоторной и ассоціаціонной областей, при ясности сознанія и обыкновенно при отсутствіи бредовыхъ идей и обмановъ чувствъ».

Заимствую также, въ очень распространенномъ руководствѣ психіатріи проф. Крепелина, изъ главы о періодическихъ депрессивныхъ психозахъ слѣдующую ихъ клиническую характеристику:

«У больныхъ обнаруживается упадокъ духа, состояніе угнетенія, нелюдимость; они испытываютъ ощущеніе тревоги, стѣсненія, чувствуютъ себя неспособными къ работѣ, теряютъ аппетитъ и лишаются сна... однако, обыкновенно аффектъ не бываетъ очень сильнымъ и больной въ достаточной степени владѣетъ сознаніемъ... поведеніе больныхъ большею частью вполнѣ правильное. Въ присутствіи чужихъ людей они могутъ хорошо владѣть собою, вести разговоръ, могутъ временно отвлекаться отъ своихъ мыслей... сонъ всегда весьма недостаточный; аппетитъ—умѣренный, вѣсъ тѣла падаетъ».

При болѣе легкихъ приступахъ «болѣзнь выражается лишь чувствомъ простого внутренняго безпокойства... У больного возникаетъ мрачное, угнетенное настроеніе... упадокъ духа... при этомъ сознаніе вполнѣ сохранено... хотя у больного и возникаютъ «дурныя мысли», но онѣ не касаются его прошлаго *и выражаются въ религіозныхъ сомнѣніяхъ, въ печальныхъ опасеніяхъ за будущее (неизлѣчимость...)* о своемъ состояніи они во всякое время говорятъ охотно и связно и даже имѣютъ явную потребность въ утѣшеніи... вѣсъ тѣла... падаетъ... пищевареніе вялое... иногда приходится слышать жалобы на непріятныя ощущенія и легкія колики въ животѣ... первый приступъ болѣзни можетъ обнаруживаться около 20-го года жизни, но большее свое развитіе болѣзнь получаетъ, повидимому, лишь позднѣе. Промежуточные періоды между приступами длятся въ началѣ по нѣсколько лѣтъ и затѣмъ могутъ постепенно все болѣе и болѣе укорачиваться. Вообще болѣзнь имѣетъ наклонность, такъ сказать, *застаиваться* въ томъ отношеніи, что послабленія ея становятся менѣе и менѣе полными и въ концѣ-концовъ устанавливается стойкое болѣзненное состояніе съ періодическими ухудшеніями и улучшеніями».

Вотъ клиническая схема такая, какъ ее даетъ современное ученіе о душевныхъ болѣзняхъ. Какъ вы уже замѣтили, надѣюсь, и въ чемъ вы еще больше убѣдитесь дальше—въ эти рамки легко и безъ натяжки укладывается вся симптомотологія болѣзни Гоголя. И тѣ явленія, которыя, какъ періодически наступавшія состоянія апатіи, тоскливой тревоги, неспособности работать, навязчивыя идеи мистическаго характера—наводили друзей

стр. 110 „Для періодической меланхоліи характерно появленіе простыхъ меланхолическихъ состояній безъ бреда (melancholia sine delirio).

Гоголя на мысль о душевномъ заболѣваніи и также тѣ явленія, которыя и для нихъ и для позднѣйшихъ біографовъ многострадальнаго писателя казались противорѣчащими такому предположенію: сохраненіе ясности сознанія даже на высотѣ приступа, извѣстнаго самообладанія (въ особенности на людяхъ) и способности даже въ худшіе моменты разговаривать связно. Въ приведенномъ клиническомъ очеркѣ вы найдете даже второстепенные патологическіе симптомы, которые отмѣчаются въ исторіи болѣзни Гоголя: безпорядки со стороны брюшной полости, упадокъ питанія, похуданіе. Даже срокъ наступленія болѣзненныхъ приступовъ указанъ точно. Если наша догадка относительно 1833 г. вѣрна, то Гоголь перенесъ первый приступъ болѣзни въ возрастѣ около 24 лѣтъ и также вѣрно, что въ теченіе послѣдняго 5-лѣтія его жизни трудно уже говорить о періодическихъ припадкахъ психоза; промежутки между періодами становятся неясными и правильнѣе сказать, *что установилось длительное и постоянное болѣзненное состояніе съ чередующимися улучшеніями и ухудшеніями.*

Н. Баженовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О библіотекахъ при училищахъ—ученической и учительской и о каталогахъ для нихъ *).

Значеніе ученическихъ школьныхъ библіотекъ настолько ясно, что, считая излишнимъ останавливаться на подробномъ разборѣ этого значенія, укажу на него только вкратцѣ.

Школьныя библіотеки необходимы:

1) Какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, соотвѣтствующихъ успѣшности школьнаго обученія, такъ какъ чтеніемъ книгъ ученики могутъ пополнять и оживлять все преподаваемое въ школахъ.

2) Школьныя библіотеки—одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ достиженію главной цѣли начальныхъ училищъ, указанной Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ о нихъ 25 мая 1874 года «утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія».

3) Школьныя библіотеки не только содѣйствуютъ успѣшности школьнаго обученія, но продолжаютъ дѣло школы, служа для чтенія окончившимъ школу и взрослому сельскому населенію, которое допущено къ пользованію книгами школьныхъ библіотекъ по уставу 8 декабря 1828 года и циркуляру министра нар. просв. отъ 23 января 1873 года.

4) Школьныя библіотеки служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ рецидивизма безграмотности.

Въ виду указаннаго значенія школьныхъ библіотекъ какъ правительство, такъ и общество должны всѣми силами содѣйствовать не только устройству, но и возможно лучшей постановкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, послѣдней крайне препятствуетъ существующая въ настоящее время система допущенія книгъ, по которой въ библіотеки при начальныхъ училищахъ могутъ быть допущены только книги, значащіяся или въ каталогахъ, издаваемыхъ особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. нар. просвѣщ., или въ спискахъ, ежегодно печатаемыхъ въ журналѣ сего министерства (или

*) Докладъ А. А. Стаховича, предсѣдателя елецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта съѣзду, созванному попечителемъ моск. учебн. округа.

въ циркулярахъ по Учебному округу). Издаваемые ученымъ комитетомъ каталоги, страдаютъ многими недостатками, которые являются прежде всего слѣдствіемъ порядка разсмотрѣнія книгъ ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщенія. Здѣсь весьма интересно привести слѣдующую историческую справку *): 5 мая 1856 года состоялось Высочайшее утвержденіе предложенія мин. народн. просвѣщ. отъ 8 марта 1856 г. объ учрежденіи при мин. нар. просвѣщ. ученаго комитета, на обязанность котораго возлагалось: *подробно слѣдя за ходомъ всей нашей ученой и педагогической литературы, объявленіемъ своего мнѣнія объ особенно безполезныхъ или плохихъ сочиненіяхъ этого рода, препятствовать ихъ распространенію въ публикѣ.* Причемъ на комитетъ возложено также объявленіе конкурсовъ на составленіе учебниковъ.

Такой порядокъ не отмѣняется и закономъ 18 іюня 1863 года объ измѣненіяхъ въ учрежденіи мин. нар. пр., вошедшемъ и въ послѣднее изданіе Свода Законовъ 1893 года безъ всякихъ измѣненій въ той его части, которая касается разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, книгъ, періодическихъ изданій и проч. Въ положеніи 18 іюня говорится: «Ученый комитетъ имѣетъ назначеніемъ разсматривать, по порученію министра, книги, сочиненія и періодическія изданія, которыя предполагаются для распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ».

И далѣе: «Ученый комитетъ, по предложенію министра, назначаетъ конкурсы на составленіе лучшихъ учебныхъ руководствъ и присуждаетъ преміи». Обѣ эти статьи, со ссылкою на время Высочайшаго утвержденія Положенія, вошли въ новѣйшее изданіе Свода Законовъ безъ всякихъ измѣненій (ст. 448 и 449, т. XI, ч. 2 Св. зак. Изд. 1893 г.). Чтобы точнѣе опредѣлить задачи, возлагаемыя названными статьями на ученый комитетъ, мы обращаемся къ представленію министра въ государственный совѣтъ, куда онъ вноситъ вышеупомянутый проектъ. По словамъ министра, на ученомъ комитетѣ лежитъ разсмотрѣніе и оцѣнка учебныхъ руководствъ, «разсмотрѣніе другихъ книгъ и рукописей» И далѣе: «постоянное наблюденіе за тѣмъ, въ какихъ руководствахъ нуждаются учебныя заведенія для болѣе успѣшнаго и соотвѣтственнаго цѣли своего преподаванія и изысканіе средствъ къ удовлетворенію этой потребности, переводомъ ли образцовыхъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ учебниковъ или изданіемъ новыхъ въ Россіи; предупрежденіе распространенія въ публикѣ такихъ издаваемыхъ частными людьми всякаго рода учебныхъ книгъ и руководствъ, со включеніемъ сочиненій и переводовъ для дѣтскаго чтенія, кои по своему достоинству не заслуживаютъ одобренія и не обѣщаютъ той пользы, какой отъ изданій сего рода ожидать надлежитъ». Въ заключеніи своемъ министръ писалъ, что ученый комитетъ имѣетъ цѣлью разсмотрѣніе предположе-

*) „Собр. пост. по мин. нар. пр.“, т. III.—Докладъ 1894 г. коммиссіи о каталогахъ книгъ для пополненія ученическихъ и народныхъ библіотекъ Совѣщанія по вопросамъ о народномъ образованіи, организованнаго согласно постановленія москов. губерн. земск. собр. 10 декабря 1891 года.

ній по педагогической и учебной частямъ, съ обязательностью притомъ *подробно слѣдить за ходомъ всей нашей учебной и педагогической литературы* («Сборн. пост. по мин. нар. просв.», т. III, стр. 902—906). Представленіе министра въ этой своей части не вызвало никакихъ возраженій въ государственномъ совѣтѣ, какъ это видно изъ журналовъ совѣта, напечатанныхъ въ «Сборн. пост. по мин. нар. пр.», т. III, стр. 886.

Къ сожалѣнію, этотъ порядокъ разсмотрѣнія книгъ и учебниковъ, вполнѣ отвѣчающій задачамъ центральнаго органа въ учебномъ вѣдомствѣ и интересамъ народнаго образованія, былъ измѣненъ временными правилами 23 марта 1865 г., составленными самимъ ученымъ комитетомъ и представленными во всеподданнѣйшемъ докладѣ министромъ Головинымъ.

До 1865 года ученый комитетъ объявлялъ свои мнѣнія во всеобщее свѣдѣніе только объ особенно плохихъ или безполезныхъ сочиненіяхъ, теперь же онъ долженъ былъ, на основаніи § 5 правилъ 23 марта 1865 г., объявлять свои мнѣнія только объ одобренныхъ имъ къ употребленію учебникахъ.

Раньше изданія этихъ правилъ ученый комитетъ обязанъ былъ подробно слѣдить за ходомъ *всей нашей учебной и педагогической литературы*, а правилами 23 марта возложено на комитетъ разсмотрѣніе учебниковъ только по просьбамъ, представляемымъ или непосредственно на имя министра народнаго просвѣщенія, или поступающимъ къ нему черезъ попечителей учебныхъ округовъ.

Самое право просить о введеніи какой-либо книги предоставлено 1-мъ § правилъ только авторамъ и издателямъ, хотя приложеніемъ къ этой статьѣ мнѣнія объ учебникахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, предоставлено представлять на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія или ближайшаго учебнаго начальства и спеціалистамъ по учебной части.

Временныя правила эти не вошли въ позднѣйшія изданія Свода Законовъ, что совершенно понятно, такъ какъ самъ министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе на введеніе оныхъ въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на нѣсколько лѣтъ.

Всѣ вышеозначенныя законоположенія касаются всего ученаго комитета, но при немъ высочайшимъ повелѣніемъ 19 мая 1869 г. образованъ особый отдѣлъ, на который возложенъ надзоръ исключительно за книгами для народнаго чтенія и для народныхъ училищъ. И въ этомъ позднѣйшемъ изъ всѣхъ перечисленныхъ выше высочайшихъ повелѣній на особый отдѣлъ возложено *разсмотрѣніе опять-таки всѣхъ книгъ и притомъ не только издаваемыхъ со времени учрежденія отдѣла, но изданныхъ за истекшее десятилѣтіе.* При этомъ на само министерство возложено было войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о доставленіи министру народнаго просвѣщенія изъ главнаго управленія по дѣламъ печати списковъ о всѣхъ бывшихъ на разсмотрѣніи его книгахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія. И совсѣмъ не предполагалось, что особый

отдѣлъ будетъ ограничиваться разсмотрѣніемъ тѣхъ только книгъ, которыя представятъ ему сами издатели и авторы.

Хотя, казалось бы, существующій теперь порядокъ по разсмотрѣнію народныхъ, учебныхъ и дѣтскихъ книгъ долженъ былъ опредѣляться не временными, введенными въ 1865 году въ видѣ опыта на нѣсколько лѣтъ правилами, не вошедшими въ послѣднее изданіе Свода Законовъ, а положеніями 8 мая 1856 г., 18 іюня 1863 г., съ буквальною точностью воспроизведенными послѣднимъ изданіемъ Свода Законовъ, и особенно самымъ позднѣйшимъ изъ всѣхъ перечисленныхъ положеній, Высочайшимъ повелѣніемъ 19 мая 1869 г., единственнымъ законоположеніемъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ народнымъ и школьнымъ библіотекамъ, тѣмъ не менѣе на практикѣ и до послѣдняго времени существовалъ порядокъ, легализованный въ 1865 году.

Результатомъ такого порядка является:

1) Случайность одобренія книгъ, такъ какъ ученымъ комитетомъ разсматриваются книги главнымъ образомъ по просьбѣ и представленію ихъ въ особый отдѣлъ министерства народнаго просвѣщенія авторами или издателями, а не по собственному выбору ученаго комитета. При такомъ порядкѣ весьма естественно, что многія хорошія дѣтскія книги не попадаютъ на разсмотрѣніе, тѣмъ болѣе, что многіе авторы и издатели, особенно дешевыхъ дѣтскихъ и народныхъ книгъ, мало интересуются ихъ одобреніемъ министерствомъ, такъ какъ дешевыя книги и безъ одобренія могутъ найти себѣ хорошій сбытъ.

2) Незначительное количество книгъ, разсматриваемыхъ ученымъ комитетомъ, прямымъ слѣдствіемъ чего является и малое количество одобряемыхъ книгъ, такъ, наприм., въ промежутокъ 2 лѣтъ, прошедшихъ отъ изданія каталога для низшихъ училищъ въ 1897 г. до изданія этого каталога въ 1899 г. вновь одобрено по всѣмъ отдѣламъ названнаго каталога, за исключеніемъ отдѣла II (книгъ для учительскихъ библіотекъ), лишь 727 книгъ (т.-е. до 30 книгъ въ мѣсяцъ), что, конечно, составитъ весьма незначительный % по отношенію къ учебникамъ и книгамъ для дѣтскаго чтенія, изданнымъ за 2 указанные года *).

До 1894 года даже изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію петербургской коммиссіи народныхъ чтеній не всѣ были разсмотрѣны и допущены ученымъ комитетомъ.

Изъ «Опыта обзора книгъ для народнаго чтенія за 1892 г.» изданнаго московскимъ комитетомъ грамотности видно, что изъ 200 названій, признанныхъ комитетомъ грамотности пригодными для чтенія въ сельскихъ школахъ, одобрено ученымъ комитетомъ въ 1892 г. только 13, т.-е. 6½%. Несовершенства существующей системы разсмотрѣнія книгъ ярко отражаются на министерскомъ каталогѣ, дѣлая подборъ книгъ бѣднымъ и слу-

*) Что по отношенію къ ежегодно выходящимъ учебникамъ и дѣтскимъ книгамъ составитъ приблизительно *лишь* 15%.

чайнымъ. Возьмемъ для примѣра каталогъ для низшихъ училищъ изд. 1899 г. и заглянемъ въ отдѣлъ учебниковъ и учебныхъ пособій.

Здѣсь въ отдѣлѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ одобрено лишь одно пособіе: картины изъ русской жизни и природы, изд. Фену и К°—цѣною *въ 20 р.* (стр. 23).

По ариѳметикѣ не одобрено ни *одного наглядnаго пособія:* ни мѣръ, ни шведскихъ счетовъ и т. п., а между тѣмъ и такія учебныя пособія должны быть одобрены для того, чтобы быть допущенными къ употребленію въ школахъ (изъ стр. 10 *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900 г. видно, что ученый комитетъ даетъ оцѣнку и такимъ предметамъ, какъ фисгармоніи).

Въ учебныхъ пособіяхъ по исторіи и географіи, кромѣ стѣнныхъ картъ Россіи и Европы, не разрѣшено никакихъ другихъ картъ, разрѣшенъ лишь одинъ ручной атласъ Штрауха, изд. 1878 г. (стр. 33), на-ряду съ этимъ разрѣшена книга Михайлова: географическіе чертежы Европы, Азіи и Африки съ указаніемъ пріема классnаго черченія (стр. 32).

Нѣтъ ни одного nаглядnаго пособія по физической географіи, ни глобусовъ, ни теллурій, ни картинъ, какъ, наприм., Животовскаго.

Въ отдѣлѣ естествовѣдѣнія указано только 3 пособія: стѣнныя таблицы по зоологіи Лейтмана и его зоологическій атласъ и стѣнныя естественно-историческія таблицы, изданныя Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ, и на-ряду съ ними такое мало полезное пособіе какъ фонъ-Бооля таблица электрическаго телеграфа, изд. 1872 г.

При этомъ еще возникаетъ невольный вопросъ: перечисленныя пособія по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію допустимы только въ городскія уѣздныя и двухклассныя училища, или и въ народныя школы? Редакція объясненія по этимъ отдѣламъ (стр. 30, каталогъ низшихъ училищъ 1899 г.) не вполнѣ ясна. Въ объясненіи говорится: «помѣщенныя здѣсь руководства назначены для городскихъ, уѣздныхъ и отчасти двухклассныхъ сельскихъ училищъ и могутъ быть также пріобрѣтаемы въ ученическія и учительскія *библіотеки* одноклассныхъ сельскихъ школъ». Если отъ учебныхъ пособій перейти къ учебникамъ, то и здѣсь также рѣзко выступятъ случайность и бѣдность каталога; такъ, въ учебникахъ по Закону Божію 33% изъ общаго числа составляютъ учебники, изданные до 1880 г., и пропущена *книга первоначальнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ П. Авинскаго,* внесенная лишь въ ученическія библіотеки, но употребляемая во многихъ школахъ какъ учебникъ.

Въ учебникахъ по русскому языку обращаетъ вниманіе подавляющее число грамматикъ сравнительно съ руководствами къ изложенію мыслей; русскихъ грамматикъ—не считая славянскихъ—63, руководствъ къ изложенію мыслей—8. Разрѣшены 4 грамматики Пуцковича и не разрѣшено «его упражненіе въ изложеніи мыслей», по достоинству не уступающее грамматикамъ.

Особенное же вниманіе обращаетъ на себя недопущеніе I ч. «Роднаго Слова», составленнаго такимъ талантливымъ педагогомъ, какъ Ушинскій,

тѣмъ болѣе, что допущеніе этой книги не состоялось видимо не по недостаткамъ ея въ педагогическомъ отношеніи, а за направленіе *). И это для дѣтей 8-лѣтняго возраста. На стр. 42 помѣщено руководство къ «Нашему другу» Корфа, но «Нашъ другъ» не допущенъ какъ учебникъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства случайности и бѣдности I отдѣла каталога низшихъ училищъ 1899 г.

Та же случайность и бѣдность господствуютъ и въ другихъ его отдѣлахъ. Дабы не утомлять вниманія читателей, не будемъ разбирать каждый отдѣлъ подробно, укажемъ лишь на духовный отдѣлъ и отдѣлъ разсказовъ, повѣстей и сказокъ, какъ на отдѣлы, пользующіеся усиленнымъ спросомъ и наиболѣе богатые въ министерскомъ каталогѣ.

Въ духовномъ отдѣлѣ содержатся лишь 561 названіе гражданской печати и 61 церковной, что, конечно, составляетъ весьма незначительный % по отношенію къ числу выходящихъ въ Россіи книгъ духовнаго содержанія, гдѣ еще до 1894 г. ежегодно выходило болѣе тысячи духовныхъ книгъ **); отдѣлъ разсказовъ, повѣстей и сказокъ содержитъ въ себѣ 716 названій, что, конечно, составляетъ также весьма незначительный % по отношенію къ издаваемымъ въ Россіи дѣтскимъ книгамъ. Изъ этого числа 716 названій такимъ извѣстнымъ авторамъ, какъ Авенаріусъ, Аксаковъ, Андерсонъ, Аѳанасьевъ (сказки), Гоголь, Григоровичъ, Данилевскій, Де-Фоа, Дикенсъ, Доде, Достоевскій, Жуковскій, Засодимскій, Киплингъ, Кольцовъ, Короленко, Кругловъ, Крыловъ, Маминъ Сибирякъ, Некрасовъ, Немировичъ-Данченко, Никитинъ, Оржешко, А. Острогорскій, В. Острогорскій, Пушкинъ, Рубакинъ, Станюковичъ, А. Толстой, Л. Толстой, Тургеневъ, Е. Туръ— принадлежатъ 142 названія, что составитъ по отношенію къ общему числу книгъ 20%, причемъ нужно принять во вниманіе, что въ указанное число названій вошли разныя изданія книгъ одного и того же названія; такъ, наприм., изъ сочиненій Л. Толстого въ каталогѣ числится 5 книжекъ, но въ дѣйствительности это только три разсказа: «Кавказскій плѣнникъ», «Разсказъ о Севастопольской оборонѣ» и «Три смерти» разныхъ изданій.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія и на то, что разсказъ Л. Толстого «Богъ правду видитъ» допускается для *низшихъ* училищъ, какъ входящій въ составъ его «Книги для чтенія» (стр. 22), и не разрѣшается въ отдѣльномъ изданіи. Изъ разсказовъ И. Тургенева разрѣшены лишь «Муму», да и то для городскихъ училищъ, и «Перепелка», но не допущенъ даже «Бѣжинъ лугъ».

Изъ множества разсказовъ такого талантливаго дѣтскаго писателя, какъ Засодимскій, допущена только одна книга. Разсказы Баранцевича совершенно отсутствуютъ. Нѣтъ ни одной изъ прекрасныхъ сказокъ Кота Мурлыки,

---

*) Въ началѣ 80-хъ гг. I ч. „Родного Слова“ допускалась какъ учебникъ. Теперь Ушинскій возвращенъ школѣ.

**) *Церковный Вѣстникъ* (№ 13, 1901 г.) отмѣчаетъ, что въ министерскій каталогъ не внесены книги Священнаго Писанія. С. А. Рачинскій еще въ 1883 г. указывалъ курьезный фактъ: *Новый завѣтъ* былъ *одобренъ*, но *не рекомендованъ*.

хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, наприм., «Царевна Мелина», существуютъ въ отдѣльныхъ и весьма дешевыхъ изданіяхъ (1½ коп.).

Мало и количество стихотвореній, допущенныхъ въ школы, такъ, наприм., *совершенно отсутствуютъ стихотворенія Лермонтова, Плещеева, Майкова,* но на-ряду съ такимъ малымъ количествомъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей, разрѣшена *Калевала въ переводѣ Гранстремъ* (стр.160), цѣна 2 руб.

Случайность и бѣдность каталога еще ярче замѣтны, если обратить вниманіе на его отсталость. Такъ, изъ числа 561 книги духовнаго отдѣла разбираемаго каталога, книги, изданныя въ промежутокъ отъ 1860—70 г., составляютъ 1,2% общаго числа книгъ этого отдѣла.

Книги, изданныя отъ 1870—80 г.	10%
» » » 1880—85 »	11%
» » » 1885—90 »	11%
» » » 1890—95 »	42%
» » » 1895—99 »	25%

т.-е. 32% падаетъ на книги, изданныя 10 лѣтъ назадъ.

Въ отдѣлѣ разсказовъ, повѣстей и сказокъ книги по годамъ изданія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Изданныя отъ 1860—70 г.	1,2%
» » 1870—80 »	13%
» » 1880—85 »	16%
» » 1885—90 »	21%
» » 1890—95 »	22%
» » 1895—99 »	25%

книги, изд. до 1890 г. сост. 51%.

Устарѣвшія изданія учебниковъ должны еще больше идти въ ущербъ ихъ качеству, чѣмъ устарѣвшія изданія книгъ духовнаго и беллетристическаго содержанія, а учебники по годамъ изданія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Духов. от. изд. до 1890 г.	Руск. и сл. яз.	Ист. Геогр.	Естеств.	Ариѳм.
21,1%	54%	61,3%	72%	39,4%

Нужно еще замѣтить, что книги весьма часто одобряются спустя довольно продолжительное время послѣ своего выхода въ свѣтъ; такъ, изъ числа 727 книгъ, одобренныхъ въ промежутокъ 2-хъ лѣтъ отъ 1897 до 1899 г., 200 книгъ, т.-е. 27,4%, были одобрены спустя довольно продолжительное время послѣ своего выхода, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Одобренныя спустя 3 года послѣ изданія	77 кн.
4 г.	25 »
5 л.	25 »
6 »	18 »

7	»	19 кн.
8	»	8 »
9	»	6 »
10	»	6 »
11	»	2 »
12	»	2 »
13	»	5 »
14	»	4 »
17	»	3 »

Такая отсталость каталоговъ отъ современной дѣтской литературы, конечно, весьма невыгодно отражается на общемъ качествѣ матеріала, предлагаемаго для чтенія дѣтямъ. Кромѣ того та же отсталость каталоговъ ведетъ еще къ слѣдующему: многія книги, значащіяся въ каталогѣ, уже не имѣются въ продажѣ.

Такъ, по списку книгъ на 200 р., составленному въ 1899 г. елецкимъ училищнымъ совѣтомъ для пріобрѣтенія въ библіотеки, нельзя было купить многихъ (около 25—30%) книгъ уже распроданныхъ, хотя въ списокъ избѣгали помѣщать старыя изданія. Бываютъ случаи, что книги одобряются послѣ того, какъ онѣ уже всѣ распроданы, такъ какъ при современномъ оживленіи рынка дешевыя книги держатся на немъ отъ 6 м. до 1 г. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что въ каталогѣ чаще попадаются дорогія книги, чѣмъ дешевыя; такъ, въ него вошелъ «Кавказскій плѣнникъ» *Л. Толстого цѣною въ 10 и 5 к. и пять изданія его въ* $1^1/_2$ *коп.*

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ и того, что повѣсть Пушкина «Капитанская дочка» допущена въ изданіе Павленкова, цѣною въ 20 коп., *очень мелкой и слѣповатой печати,* тогда какъ существуетъ прекрасное изданіе московскаго общества грамотности *крупнымъ шрифтомъ и цѣною только въ 10 к.;* это послѣднее, несмотря на ходатайство со стороны общества грамотности, министерствомъ не допущено въ низшія училища, а лишь заслужило допущеніе въ народныя читальни. Книги общества грамотности издаются не иначе, какъ по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, и тѣмъ не менѣе особый отдѣлъ мин. нар. просвѣщенія *не нашелъ возможнымъ допустить* «Капитанскую дочку» *въ низшія училища.* Это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ, что у министерства отсутствуетъ стройный порядокъ при сравненіи и оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же произведеній или изданій и все это носитъ какой-то случайный характеръ.

Въ заключеніе повторимъ еще разъ, что всѣ перечисленные недостатки каталога, являются прямымъ результатомъ самой системы разсмотрѣнія книгъ, и до тѣхъ поръ, покуда она будетъ существовать, пока ученый комитетъ будетъ разсматривать только случайно представленныя ему книги, не слѣдя самъ за ходомъ дѣтской и учебной литературы, и держаться системы разрѣшительной, а не запретительной (въ смыслѣ указанія непригодныхъ книгъ), до тѣхъ поръ каталоги для низшихъ училищъ всегда бу-

дутъ страдать указанными выше недостатками. Недостатки существующей въ настоящее время системы разсмотрѣнія книгъ признаются самимъ министерствомъ, которое находитъ, что пополненіе каталоговъ книгами «встрѣчаетъ серьезное препятствіе въ томъ, что въ ученый комитетъ поступаютъ преимущественно только книги, представляемыя на его разсмотрѣніе ихъ авторами, или издателями, слѣдить же за всѣми вновь выходящими книгами ученый комитетъ не имѣетъ возможности» *).

Указавъ на важнѣйшее препятствіе, мѣшающее хорошей постановкѣ школьныхъ библіотекъ и заключающееся въ неудовлетворительности мин. каталога, нельзя, конечно, упустить изъ виду другого, еще труднѣе устранимаго препятствія,—недостатка матеріальныхъ средствъ. Конечно, изысканіе денежныхъ средствъ на улучшенія постановки народнаго образованія не входитъ въ задачи съѣзда, и не о немъ я буду говорить,—мнѣ кажется умѣстнымъ лишь обратить вниманіе моихъ сотоварищей по съѣзду, гг. предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ и губернскихъ управъ московскаго учебнаго округа, на весьма удобопримѣнимый на практикѣ способъ увеличенія состава школьныхъ библіотекъ при помощи устройства центральной ученической библіотеки при земской управѣ.

Книги въ центральной библіотекѣ выдаются въ опредѣленномъ числѣ экземпляровъ на руки гг. преподавателямъ, или довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, и по прочтеніи ихъ возвращаются обратно для обмѣна на новыя. Крайніе сроки обмѣна—учебное полугодіе; для болѣе частыхъ обмѣновъ сроки не опредѣляются. При устройствѣ такой центральной библіотеки, разъ пріобрѣтенныя книги будутъ достояніемъ не одной школы, но могутъ обойти ежегодно по нѣсколько школъ, число которыхъ, конечно, будетъ зависѣть отъ скорости обмѣна; кромѣ того, разъ пріобрѣтенныя въ центральной библіотекѣ книги не могутъ потерять интереса, а слѣдовательно и своей цѣнности, какъ прочитанныя, потому что, будучи прочитаны въ однѣхъ школахъ, могутъ быть взяты въ другія и, пока обойдутъ всѣ школы, черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ снова имѣть интересъ и для тѣхъ школъ, куда брались раньше и гдѣ теперь уже успѣлъ измѣниться составъ читателей.

Для гг. преподающихъ обмѣнъ книгъ не представляетъ, въ елецкомъ уѣздѣ, затрудненія, такъ какъ они всѣ ежемѣсячно получаютъ въ управѣ жалованье сами лично и по довѣренностямъ и могутъ при этомъ безъ затрудненія обмѣнить книги.

Вообще же при устройствѣ центральныхъ библіотекъ, если взять, что въ среднемъ каждая книга обмѣнится въ годъ по 4 раза (что можно считать скорѣе за минимумъ), то и при такомъ незначительномъ обмѣнѣ, производительность затраченныхъ на книги денегъ возрастетъ въ 4 раза противъ настоящей, когда книги пріобрѣтаются отдѣльно въ каждую библіотеку.

---

*) „Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія". Изданіе 2-е, 1896 г., стр. 5.

Елецкимъ земскимъ собраніемъ 1899 г. было ассигновано 400 руб. на пріобрѣтеніе книгъ для центр. библ., на каковую сумму пріобрѣтено и переплетено 750 книгъ разныхъ отд., причемъ для пріобрѣтенія выбирались, главнымъ образомъ, наиболѣе цѣнныя книги, которыя весьма рѣдко, въ силу дороговизны, попадаютъ въ школьныя библіотеки. Что центральная библіотека вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: съ 15 ноября 1900 г. (времени, съ котораго она начала функціонировать) до 21 февр. ею воспользовались уже 55 сельскихъ училищъ изъ 100. За это время при 73 выдачахъ взято 682 книги. Наибольшее число выдачъ на каждое училище—3, т.-е. нѣкоторыя училища ежемѣсячно мѣняютъ книги. Выдается за разъ не болѣе 10 книгъ на училище, каковая цифра, при ежегодномъ пополненіи библіотеки, конечно, будетъ постепенно возрастать. Даже и при такомъ незначительномъ числѣ книгъ обмѣнъ ихъ 4 раза равносиленъ пополненію каждой библіотеки 40 книгами. По отзывамъ гг. преподающихъ, книги центральной библіотеки читаются съ весьма большой охотой.

Отъ ученическихъ библіотекъ перейдемъ къ учительскимъ. Эти послѣднія имѣютъ, конечно, значеніе не меньшее, чѣмъ ученическія. Учителя—главные работники, непосредственными трудами которыхъ создается начальное народное образованіе. Успѣшность его всецѣло зависитъ отъ успѣшности ихъ работы, а какъ можетъ совершенствоваться и развиваться школьное дѣло, если не будутъ совершенствоваться и развиваться учителя? Единственное же средство развитія и совершенствованія сельскихъ учителей, разсѣянныхъ по глуши русскихъ деревень—чтеніе книгъ. Въ жизни сельскаго учителя книга имѣетъ выдающееся значеніе, она—не только источникъ самообразованія, она для учителя замѣняетъ друга, общество! Она удовлетворяетъ насущнѣйшимъ потребностямъ духовной жизни, на что имѣетъ право каждый человѣкъ, тѣмъ болѣе учитель, задача котораго служить на пользу просвѣщенія. Поэтому всѣ, кому дороги интересы народнаго образованія, должны всячески содѣйствовать каждому шагу по устройству и лучшей постановкѣ дѣла учит. библ.

Учительскія библіотеки должны, по моему мнѣнію, удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) служить дальнѣйшему самообразованію учителей, какъ въ области, относящейся къ ихъ педагогической дѣятельности, такъ и по отношенію къ всестороннему развитію; 2) доставлять учителямъ нравственный отдыхъ.

Но первымъ препятствіемъ, мѣшающимъ правильной постановкѣ учительскихъ библіотекъ является стѣсненіе выбора книгъ министерскими каталогами: для учительскихъ библіотекъ разрѣшены книги по каталогу для низшихъ учебныхъ заведеній, книги по каталогу для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, и книги для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. (Помѣщенныя въ «Опытахъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній», изд. 1896 г. и въ дополненіи къ нему, изданіе 1897 года).

Уже при простомъ указаніи на министр. каталогъ, по которому должны составляться учительскія библіотеки, возникаетъ невольный вопросъ, смѣшанный съ изумленіемъ—почему учителя, призванные учить и воспитывать дѣтей, считаются лицами несовершеннолѣтними?! А логически это такъ, потому что для чтенія учителей признаются нежелательными книги, выходящія изъ предѣловъ каталога среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются лица несовершеннолѣтнія *).

Но чтобы не быть голословными перейдемъ къ разбору указанныхъ каталоговъ. Во избѣжаніе утомленія читателей не будемъ касаться и здѣсь всѣхъ отдѣловъ, а разберемъ лишь 2 отдѣла наиболѣе существенныхъ: педагогическій и литературный. (Духовнаго касаться не будемъ; такъ, въ народныя читальни могутъ быть допущены всѣ книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ непригодными для народныхъ безплатныхъ читаленъ). Педагогическій отдѣлъ отличается бѣдностью: въ каталогѣ для среднихъ учебныхъ заведеній—педагогическаго отдѣла совсѣмъ нѣтъ, въ педагогическомъ отдѣлѣ каталога низшихъ училищъ и въ каталогѣ народныхъ читаленъ числится 84 автора, изъ нихъ только 5 извѣстныхъ, какъ-то: Диттесъ, А. Коменскій, Песталоцци, Ушинскій и Корфъ; нѣтъ сочиненій нашихъ извѣстныхъ педагоговъ Пирогова и Стоюнина.

Нѣтъ полнаго собранія сочиненій Ушинскаго. 1-й годъ «Родного Слова» Ушинскаго и руководство къ преподаванію по «Родному Слову», весьма цѣнныя въ дидактическомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, изданныя въ первый разъ въ 1864 году, разрѣшены лишь въ маѣ нынѣшняго года. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, май 1900 г.); 3-й же годъ «Родного Слова» не разрѣшенъ и до настоящаго времени. По внѣшкольному образованію народа также отсутствуютъ наиболѣе извѣстныя книги, какъ Пругавина, Вахтерова. Нѣтъ сочиненій и такихъ иностранныхъ педагоговъ и философовъ, какъ Дистервега, Локка, Эскироса, Фребеля, Прейфа.

Изъ педагогическихъ журналовъ разрѣшены лишь: *Образованіе, Русскій начальный учитель, Вѣстникъ Воспитанія, Энциклопедія семейнаго воспитанія и Дѣтская Помощь* (уже прекратившееся изданіе). Конечно, такъ составленный педагогическій отдѣлъ учительской библіотеки признать полнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ своему назначенію—нельзя. Перейдемъ отъ него къ литературному отдѣлу. Такого спеціальнаго во II отдѣленіи каталога низшихъ училищъ 1899 г. совсѣмъ нѣтъ—его замѣняетъ отдѣлъ книгъ «разнаго содержанія», въ который вошло 97 авторовъ—изъ нихъ 14, значащихся и въ каталогѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, 21 законоположеніе, 7 о борьбѣ съ пьянствомъ, 13 педагогиче-

*) При этомъ нужно замѣтить, что при составленіи „Опыта каталога ученическихъ библіотекъ для среднихъ учебныхъ заведеній", имѣлись въ виду тѣ изъ среднихъ юныхъ читателей, которые стояли *на менѣе высокомъ уровнѣ развитія, чѣмъ ихъ товарищи* (стр. 4, о. к. сред. учебн. завед.).

скихъ и 5 періодическихъ изданій для народа, 4 календаря, 1 планъ школьныхъ зданій, 1 по политической экономіи, 5 духовно-нравственныхъ, 1 словарь, 2 хрестоматіи и 23 литературныхъ произведенія, изъ которыхъ 9—отъ 1½—20 к. стоимостью. По дополненію 1900 г. прибавилось: 3 по законоположенію, 1 брошюра Алферова: Вопросы науки, искусства, литературы и жизни—ц. 20 к., 1 руководство къ типографскому дѣлу, 1 сочиненіе по призрѣнію бѣдныхъ, 1 педагогическій журналъ—всего 7 книгъ.

Литературный отдѣлъ въ каталогѣ для народныхъ читаленъ содержитъ въ себѣ 368 авторовъ въ 1776 названіяхъ, но изъ нихъ большинство дешевыхъ книжекъ цѣною до 50 к. уже вошло въ каталогъ для низш. учил. 1899 года, предназначенный для дѣтскаго чтенія, почему подобныя книги не могутъ, конечно, служить удовлетворенію запроса на чтеніе учителей.

Изъ числа же 368 авт., входящихъ въ литератур. отд. каталога народныхъ читаленъ, 57 авторовъ занимаютъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ литературахъ русской и иностранной, что составляетъ лишь 15,4% изъ общаго числа авторовъ этого отдѣла *).

Причемъ нельзя не замѣтить, что изъ разсказовъ Мамина-Сибиряка вошло 6 дѣтскихъ и одинъ для взрослыхъ (Летные), изъ сочиненій Золя—одна брошюра «Любовь къ животнымъ» въ 32 стр. Изъ Некрасова сборникъ стихотвореній для дѣтей цѣною въ 10 к., изданный петербургскимъ комитетомъ грамотности въ 1882 г. и въ томъ же году распроданный. Изъ Короленка «Дѣти подземелья» въ передѣлкѣ для дѣтей—цѣною въ 10 к. Г. Успенскаго совсѣмъ нѣтъ. Да изъ многихъ другихъ, поименованныхъ въ примѣчаніи писателей, вошли неполныя собранія сочиненій, а лишь нѣкоторыя. Къ тому же изъ общаго числа 368 авторовъ, вошедшихъ въ разбираемый отдѣлъ, 154 автора вошли и въ каталогъ среднихъ учебныхъ заведеній, (изданный 1899 г.) и въ томъ числѣ—15 выдающихся авторовъ.

Такая бѣдность въ выборѣ книгъ литературнаго отдѣла, конечно, не можетъ удовлетворить запросамъ читателя изъ педагогическаго персонала. Эта бѣдность еще больше бросается въ глаза, если обратить вниманіе на то, что рядомъ съ почти полнымъ отсутствіемъ такихъ авторовъ, какъ Маминъ-Сибирякъ, Чеховъ, Потапенко, Ожешко, встрѣчаются полныя сочиненія авторовъ, какъ Державина, Батюшкова, Богдановича, имѣющихъ

*) Къ авторамъ, занимающимъ видное мѣсто въ литературѣ—отнесены: Андерсенъ, Батюшковъ, Бичеръ-Стоу, Байронъ, Вагнеръ, Вальтеръ-Скоттъ, Гриммъ, Гюго В., Гёте, Грибоѣдовъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Гоголь, Галаховъ, Достоевскій, Державинъ, Данте, Диккенсъ, Жуковскій, Золя, Крыловъ, Кольцовъ, Котъ-Мурлыка, Карамзинъ, Костомаровъ, Лермонтовъ, Лѣсковъ, Маминъ-Сибирякъ, Маркъ Твенъ, Мильтонъ, Мольеръ, Немировичъ-Данченко, Никитинъ, Некрасовъ, Островскій, Пушкинъ, Плещеевъ, Писемскій, Полонскій, Потапенко, Потѣхинъ, Рубакинъ, Сенкевичъ, Сервантесъ, Станюковичъ, Свифтъ, Толстой Л., Толстой А., Тургеневъ, Фонъ-Визинъ, Чеховъ, Шиллеръ, Шекспиръ, Шевченко, Эзопъ, Эркманъ-Шатріанъ.

лишь историко-литературное значеніе. Теперь разберемъ литературный отдѣлъ, помѣщенный въ опытѣ каталоговъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, изданный въ 1896 г. и въ первомъ дополненіи къ нему. Причемъ, конечно, обратимъ вниманіе лишь на книги для старшаго возраста.

Въ «опытѣ каталога» въ отдѣлахъ русской словесности, исторіи русской литературы и теоріи словесности содержится 199 авторовъ. Изъ нихъ: Аблесимовъ, Бестужевъ, Веневитиновъ, Данилевскій, Г. П. Дельвигъ, А. Дмитріевъ, Н. П. Кохановская, Мерзляковъ и Цыгановъ, Никитинъ въ брошюрахъ цѣною до 25 к.; Новиковъ Н., Полевой Н., Полежаевъ—въ 15 к. (кромѣ собранія стихотвореній), Цыгановъ—повтореніе Мерзляковъ и Цыгановъ—отъ 4 до 30 к.; кромѣ того—7 сборниковъ стихотвореній, кромѣ А. Никитина и Пушкина, 2—хрестоматіи, какъ пособія, 62 образцовыхъ авторовъ-беллетристовъ, изучаемыхъ при прохожденіи теоріи словесности и 37—критическихъ, изъ которыхъ—ни одного спеціально о Толстомъ Л., Тургеневѣ и проч. первоклассныхъ русскихъ писателяхъ.

Отдѣлъ всеобщей литературы содержитъ 14 авторовъ—изъ нихъ 29 литературныхъ произведеній и 15 критическихъ, въ которыхъ тоже ни одного изслѣдованія, ни объ одномъ изъ первоклассныхъ русскихъ писателей въ отдѣльности.

Изъ новѣйшей литературы нѣтъ ни одного автора, какъ-то: Г. Успенскаго, Потапенка, Короленка, В. Гаршина, Щедрина, П. Боборыкина, Сенкевича, Ожешко, Вересаева, Мельникова (Печерскаго), Баранцевича, Каронина, Мачтета, Мамина-Сибиряка, А. Чехова, В. Дмитріевой, Некрасова, Надсона и т. д. и т. д.

Нѣтъ и критиковъ новѣйшихъ.

По дополненію къ «опыту каталога», издан. 1897 г., одобрено вновь—по исторіи русской литературы и теоріи словесности сочиненія 50 авторовъ, въ томъ числѣ: 3 Бестужева—по 10 и 15 к., Покровскаго—историческая хрестоматія добавлен. выпускъ V—IX, Пушкина, письма, входящія и въ собраніе его сочиненій. Сочиненія—Баратынскаго, Рылѣева, Анненской, Барышникова, Брилліанта, А. Царевскаго цѣною 20—25 к.

Изъ сочиненій Короленка всего 1—«Слѣпой музыкантъ»; кромѣ того 34 произведенія литературныхъ и 34 критическихъ, но безъ Бѣлинскаго, О. Миллера.

По всеобщей литературѣ: прибавлено 47 авторовъ, въ томъ числѣ сочиненія: Байрона, Бальзака, Гёте, Гольдсмитъ, Калидаса, Ламартина, Мольера, Оржешко (изъ всѣхъ сочиненій 1—за 7 к.), Сафира, Шеридана—въ брошюрахъ отъ 12 до 30 к. каждая, причемъ Байронъ, Гёте и Мольеръ вышли уже въ 1889 г. собраніемъ сочиненій; въ этомъ отдѣлѣ изъ общаго числа 47 прибавленныхъ авторовъ—12 критическихъ и 35 литературно-беллетристическихъ. Литературныхъ періодическихъ изданій ни одного, такъ какъ изъ 9 разрѣшенныхъ журналовъ: 6 дѣтскихъ, 1—научный, 1—философскій и 1—духовно-нравственный.

Принимая во вниманіе, что въ г. Ельцѣ и его уѣздѣ, который, конечно, не составляетъ исключенія въ Россіи, изъ 131 учащихъ (не считая помощниковъ), 61% съ среднимъ образованіемъ, т.-е. окончившихъ гимназіи, епархіальныя училища и учительскія семинаріи, 3%—съ высшимъ и меньше 36% съ образованіемъ ниже средняго, можно считать, что для большинства преподающихъ библіотеки, составляемыя по разобраннымъ каталогамъ, не имѣютъ значенія, такъ какъ всѣ сочиненія, помѣщенныя въ нихъ, изучаются и по меньшей мѣрѣ прочитываются всѣми, прошедшими курсъ средняго учебнаго заведенія. Если допустить даже не полное знакомство съ помѣщенными авторами, то, во всякомъ случаѣ, образцовыя произведенія каждаго изъ нихъ извѣстны всѣмъ окончившимъ среднія учебныя заведенія, какъ входящія въ обязательный курсъ теоріи словесности. Оставшагося же матеріала хватитъ самое большее на 1—2 года.

Основываясь же на самомъ скромномъ желаніи учащихъ, такъ типично выраженномъ въ докладѣ учительницы М. Н. Соллогубъ московскому учительскому съѣзду въ словахъ—«... книга изящно-литературнаго содержанія доставляетъ учителю нравственный отдыхъ, замѣняетъ ему общество, знакомитъ съ вопросами и задачами нравственной жизни...» (стр. 27 «Вопросы народнаго образованія въ Московской губер.» выпускъ II), можно смѣло сказать, что это желаніе, по существующимъ министерскимъ каталогамъ для учительскихъ библіотекъ, должно остаться безъ всякаго удовлетворенія. Учительскій персоналъ, представляющій собой въ большинствѣ элементъ съ извѣстной литературной подготовкой, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи многихъ книгъ, доступныхъ всякому русскому подданному, освобожденному отъ обязанности преподаванія: такъ какъ остающійся послѣ учительскихъ библіотекъ единственный путь къ чтенію—покупать книги на собственныя средства или подписываться въ частныя библіотеки—недоступенъ, какъ по матеріальному обезпеченію, такъ и по мѣсту жительства учителей.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на слѣдующее существенно важное обстоятельство, касающееся вышеупомянутыхъ министерскихъ каталоговъ. При оживленіи школьнаго и внѣшкольнаго образованія, существующемъ въ настоящее время, министерскіе каталоги становятся библіографическою рѣдкостью. Для примѣра укажемъ, что каталогъ для низшихъ училищъ, издан. 1899 г., былъ распроданъ въ мартѣ 1900 г. Магазинъ «Сотрудникъ школъ» Залѣсской, спеціализировавшійся для школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа, обратился въ началѣ февраля къ Мореву (преемнику фирмы Фену)—коммиссіонеру ученаго комит. министер. народн. просв. съ просьбой выслать нѣсколько сотенъ упомянутаго каталога. За № $^{582}/_{395}$ былъ полученъ отвѣтъ, что высылается *лишь* 5 экз. каталога *съ надбавкою 20%*, такъ какъ каталогъ сталъ видимо библіографической рѣдкостью. Приведенный примѣръ нельзя считать типичнымъ, такъ какъ въ печать проникли слухи, что на-дняхъ каталогъ для низшихъ училищъ выйдетъ изъ печати—слѣдоват. отсутствіе его на книжномъ

рынкѣ продолжится *не болѣе года*. Между тѣмъ всѣмъ извѣстны случаи отсутствія каталоговъ на рынкѣ *въ теченіе гораздо большаго времени*. Между тѣмъ Высочайше одобренными 23 марта 1865 г. временными правилами о порядкѣ разсмотрѣнія, одобрен. и введеніе въ употребл. учен. руковод. и пособій для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министер. народн. просвѣщ. § 6, предоставляется ученому комитету «печатать такой каталогъ ежегодно» въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Журналъ же этотъ стоитъ 14 р. 25 к. въ годъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго позволю себѣ предложить съѣзду слѣдующую резолюцію:

1. Такъ какъ на основаніи вышеизложенныхъ правилъ въ Высочайше одобренномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія 17 мая 1869 г. видно, что на особый отдѣлъ ученаго комитета возложено было разсмотрѣніе *всѣхъ* книгъ, издаваемыхъ для низшихъ училищъ, то нужна только *запретительная его санкція, а не исключительное разрѣшеніе*, и всѣ книги, не запрещенныя ученымъ комитетомъ для обращенія въ школьныхъ библіотекахъ, должны само собою считаться разрѣшенными.

2. Въ виду крайней затруднительности для ученаго комитета слѣдить за всѣми вновь выходящими книгами и на основаніи Положенія о совѣтахъ попечителей учебныхъ округовъ (II т., 1-я ч., стр. 40 Св. Закон. издан. 1893 г.), которымъ совѣтамъ предоставляется право разсмотрѣнія и оцѣнки книгъ, предназначенныхъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, было бы вполнѣ умѣстно ходатайствовать о томъ, *чтобы губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ предоставлено было право представлять на окончательное утвержденіе г. попечителя учебнаго округа списки всѣхъ незапрещенныхъ книгъ для школьныхъ библіотекъ*.

3. Въ виду крайней бѣдности списка книгъ, одобренныхъ для учительскихъ библіотекъ народныхъ школъ, справедливо ходатайствовать о томъ, чтобы было разрѣшено пріобрѣтать въ учительскія библіотеки *всѣ книги, не запрещенныя для выдачи въ публичныхъ библіотекахъ, приравнявъ къ симъ послѣднимъ учительскія библіотеки*.

4. Хотя уставомъ 8 декабря 1828 г. и циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія 23 января 1873 г. взрослое сельское населеніе и допущено къ пользованію книгами изъ сельскихъ школъ, но это право будетъ имѣть очень ограниченное значеніе до тѣхъ поръ, пока при библіотекахъ сельскихъ школъ не будетъ разрѣшено *образовать особые отдѣлы для взрослыхъ по каталогу книгъ, одобренныхъ для народныхъ библіотекъ* *).

А. Стаховичъ.

---

*) Уфимское земство исходатайствовало разрѣшеніе министра учредить народныя библіотеки при всѣхъ своихъ школахъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1901 годъ.—Губернскія земскія собранія.—† Н. И. Наумовъ.—Желательность открытія университетовъ для публики.—Мелкая земская единица и вопросы обложенія.—Ко 2-му съѣзду представителей городскихъ ломбардовъ.—Дѣло М. П. Старицкаго.—50-лѣтній юбилей П. И. Вейнберга.—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Минувшій годъ оставилъ по себѣ какое-то двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ былъ ознаменованъ довольно замѣтнымъ общественнымъ подъемомъ, выразившимся, главнымъ образомъ, въ чрезвычайно живомъ, можно даже сказать, страстномъ отношеніи къ проектамъ школьной и университетской реформъ. Обсужденіе этихъ проектовъ въ печати, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ и частныхъ обществахъ приняло размѣры важнаго и знаменательнаго общественнаго явленія, на которомъ съ интересомъ остановится будущій историкъ русской жизни. Въ высказанныхъ при этомъ обсужденіи взглядахъ, чаяніяхъ и надеждахъ историкъ найдетъ цѣнный матеріалъ для характеристики того внутренняго процесса, который неуклонно продолжаетъ развиваться въ русскомъ обществѣ, распространяясь и въ ширину, и въ глубину. Съ другой стороны, несмотря на настроеніе общества, или вѣрнѣе, вопреки ему, русская жизнь, за исключеніемъ области школьныхъ вопросовъ, шла по старому, давно проложенному руслу, развивая по инерціи тѣ же начала и принципы, которыми неизмѣнно характеризуется она вотъ уже два десятилѣтія. И можно смѣло сказать, что давно уже разладъ между настроеніемъ общества и дѣйствительностью не чувствовался въ такой степени, какъ въ истекшемъ году.

Читатели помнятъ тревожныя событія начала года: убійство министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова бывшимъ студентомъ Московскаго университета, покушеніе на жизнь оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, студенческіе безпорядки чуть ли не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и рядъ уличныхъ демонстрацій въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и др. городахъ. Эти событія вызвали въ правительственныхъ сферахъ мысль о ненормальности университетскаго строя и убѣжденіе въ необходимости коренныхъ реформъ въ школьномъ вопросѣ. На постъ министра народнаго просвѣщенія былъ призванъ бывшій военный министръ П. С. Ванновскій,

о благожелательномъ отношеніи котораго къ молодежи въ обществѣ циркулировали слухи еще во время предыдущихъ студенческихъ безпорядковъ. Всѣмъ памятенъ Высочайшій указъ на имя новаго министра. Въ немъ признавалась наличность «существенныхъ недостатковъ» въ учебномъ строѣ и выдвигался на первую очередь вопросъ о «коренномъ пересмотрѣ и исправленіи его». Въ дѣло воспитанія русскаго юношества рекомендовалось внести «сердечное о немъ попеченіе».

Этотъ указъ послужилъ сигналомъ для обсужденія вопроса о школьной реформѣ. Запретъ, не позволявшій касаться вопросовъ школьной жизни, былъ снятъ и лучъ живительнаго яркаго свѣта ворвался въ это сонное затхлое царство бюрократизма, рутины и застоя. Какъ изъ рога изобилія посыпались въ журналахъ и газетахъ статьи, разоблачавшія старую школу, раскрывавшія всѣ ея недостатки, всѣ ея язвы. Безъ преувеличенія можно сказать, что статьи эти представляли собою стонъ наболѣвшаго сердца. Эти статьи развернули мрачную, потрясающую картину условій, среди которыхъ воспитывается русское юношество. И ни одного свѣтлаго пятна не найдено было на этой картинѣ... Камня на камнѣ не оставила разрушительная критика въ зданіи старой школы. И каждая сильная статья, каждый новый ударъ встрѣчались привѣтствіями всего русскаго общества. *Московскія Вѣдомости* и *Гражданинъ* негодовали и злобствовали, но ихъ злоба доказывала только, какъ вѣрно и мѣтко попадаютъ удары.

Дворянскія собранія, городскія думы и всякаго рода просвѣтительныя общества спѣшили присоединить свои ходатайства къ голосу печати.

При такомъ настроеніи общества, при дружномъ и единодушномъ сочувствіи его, правительство приступило къ практическимъ шагамъ для осуществленія намѣченной программы.

Какъ извѣстно, еще при покойномъ Н. П. Боголѣповѣ была образована коммиссія для разработки проекта реформы средней школы. Коммиссія эта продолжала свои занятія и при новомъ министрѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ появилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеніе объ окончаніи работъ коммиссіи и о введеніи съ нынѣшняго же года нѣкоторыхъ изъ проектированныхъ ею измѣненій. Коммиссія выработала основныя положенія для новой общеобразовательной средней школы, составила таблицы уроковъ и конспекты учебныхъ плановъ и разсмотрѣла вопросъ о порядкѣ введенія новыхъ плановъ преподаванія. Планъ реформы выработанъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы закончить полное преобразованіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ 1905 г. По предположенію коммиссіи новая средняя школа должна быть единой, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній этого рода, съ семилѣтнимъ курсомъ, съ совершеннымъ исключеніемъ изъ программы греческаго языка, съ сохраненіемъ латинскаго лишь въ высшихъ четырехъ классахъ и съ замѣной этого языка для нежелающихъ изучать его дополнительнымъ курсомъ естествовѣдѣнія и графическими искусствами. Взамѣнъ упраздняемаго греческаго языка и

сокращенія преподаванія латинскаго вводится преподаваніе естественныхъ наукъ, законовѣдѣнія, обоихъ новыхъ языковъ, естествовѣдѣнія и усиливается преподаваніе русской и всеобщей исторіи, литературы и математики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія признала возможнымъ и отступленіе отъ этого общаго плана для школъ, содержимыхъ на средства городовъ, земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, и выработала планъ средней классической школы съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ. Такихъ гимназій предположено было сохранить пять, по одной: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ. На самомъ дѣлѣ ихъ сохранено было больше.

Коммиссія признала необходимымъ обратить также вниманіе на воспитаніе учащейся молодежи и пріученіе ея къ школьной дисциплинѣ, на усиленіе преподаванія гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, на введеніе подвижныхъ игръ, школьныхъ экскурсій и прогулокъ, а гдѣ возможно и ручного труда.

Всѣ эти предположенія коммиссіи должны были быть переданы чрезъ попечителей учебныхъ округовъ на обсужденіе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и на заключеніе оберъ-прокурора св. синода, митрополита петербургскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ которыхъ имѣются среднія учебныя заведенія. Заключенія эти должны были зимою поступить въ министерство народнаго просвѣщенія, послѣ чего предполагалось обсудить планъ реформы въ законодательномъ порядкѣ.

Для избѣжанія сразу значительной ломки учебнаго строя коммиссія проектировала прекратить съ начала 1901—1902 учебнаго года въ двухъ первыхъ классахъ гимназіи преподаваніе латинскаго языка и въ третьемъ, и четвертомъ преподаваніе греческаго; взамѣнъ же этихъ языковъ усилить преподаваніе русскаго языка и географіи и ввести съ перваго класса преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ окажется возможнымъ, и естествовѣдѣніе.

Всѣ эти предположенія, дѣйствительно, были осуществлены въ началѣ учебнаго года.

Что же касается дальнѣйшаго направленія дѣла и заключеній попечительскихъ совѣтовъ, петербургскаго митрополита, оберъ-прокурора св. синода и подлежащихъ министровъ о проектѣ реформы, то пока никакихъ сообщеній по этому предмету не появлялось.

Коммиссія проектировала также сравнять программы первыхъ трехъ классовъ промышленныхъ и техническихъ школъ съ программами первыхъ трехъ классовъ общеобразовательной школы и осуществить такимъ образомъ идею низшаго концентра, который, съ одной стороны, будетъ давать окончательное низшее образованіе, а съ другой, предоставлять право поступленія какъ въ общеобразовательную школу, такъ и въ спеціальныя среднія учебныя заведенія.

Выработанный коммиссіей планъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ

общества. Упраздненіе древнихъ языковъ и введеніе въ курсъ гимназіи естествовѣдѣнія давно уже составляло предметъ горячихъ желаній всего образованнаго общества. Осуществленіе низшаго концентра избавитъ родителей отъ необходимости съ самаго ранняго возраста предрѣшать участь дѣтей, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, и дастъ имъ возможность уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученья направлять ихъ въ спеціальную или общеобразовательную школу. Возможность эта облегчится и тѣмъ, что сама общеобразовательная школа будетъ состоять съ четвертаго класса изъ двухъ отдѣленій—реальнаго и классическаго и, слѣдовательно, вопросъ о дальнѣйшемъ образованіи будетъ рѣшаться родителями тогда, когда склонности и способности дѣтей хоть нѣсколько опредѣлятся. При этомъ не изучавшіе вовсе классическихъ языковъ будутъ имѣть право поступать на физико-математическій факультетъ, а съ повѣрочнымъ экзаменомъ по латинскому языку также на юридическій и медицинскій, и лишь для поступленія на историко-филологическій факультетъ будетъ требоваться знаніе обоихъ классическихъ языковъ.

Вполнѣ цѣлесообразно и сокращеніе гимназическаго курса на годъ. Нынѣшній восьмилѣтній курсъ слишкомъ продолжителенъ, благодаря чему на гимназической скамьѣ часто сидятъ юноши, которымъ время уже слушать университетскія лекціи. Желательно было бы только, чтобы семилѣтній курсъ былъ семилѣтнимъ не на словахъ, а на дѣлѣ, т.-е. чтобы преподаваніе велось такимъ образомъ, чтобы средніе ученики не сидѣли нѣсколько разъ въ одномъ классѣ по два года, какъ это сплошь и рядомъ случается теперь.

По поводу первыхъ шаговъ новой школы успѣли уже появиться замѣтки съ указаніями на разные недостатки дѣла. Такъ, программы по естествовѣдѣнію нѣкоторые находятъ не отвѣчающими цѣли, точно также находятъ неудовлетворительными и программы по исторіи и по русской литературѣ. Были голоса и противъ раздѣленія школы на два отдѣленія; если латинскій языкъ полезенъ,—говорили они,—то надо было оставить его обязательнымъ для всѣхъ, если же онъ вреденъ или хотя бы безполезенъ, то надо было его вовсе уничтожить. Раздались даже и одинокіе голоса сожалѣнія объ упраздняемыхъ классическихъ языкахъ. По поводу послѣднихъ жалобъ слѣдуетъ замѣтить, что на всѣхъ не угодишь, и что какъ ни идеальна была бы реформа, всегда найдутся недовольные. Что касается указаній на разные недостатки программъ, то въ нихъ, несомнѣнно, много справедливаго, но не слѣдуетъ забывать, что трудно было избѣжать недостатковъ въ такомъ огромномъ важномъ дѣлѣ, которое, несмотря на всѣ приготовленія, все же довольно быстро проводится. Недостатки эти, надо надѣяться, будутъ замѣчены и во-время исправлены.

Но министерству предстоитъ забота гораздо важнѣе исправленія выработанныхъ программъ. При обсужденіи разныхъ вопросовъ реформы мы неоднократно указывали на этихъ страницахъ, что ни новыя программы, хотя бы самыя идеальныя, ни упраздненіе классическихъ языковъ не принесутъ

желанныхъ результатовъ, пока не будетъ радикально измѣненъ *режимъ*, царящій въ нынѣшнихъ гимназіяхъ, пока не будетъ искорененъ этотъ затхлый духъ жестокаго формализма, уродующій характеры и губящій всякую пытливость мысли, всякій искренній порывъ, всякое стремленіе къ знанію. Программы, безспорно, важная вещь, но выше всякихъ программъ нравственная атмосфера, въ которой живутъ воспитанники школъ. И при прежнихъ программахъ и въ самый разгаръ классическихъ языковъ изъ школы выходили юноши развитые, любознательные и съ добрыми нравственными задатками, но это были исключительныя натуры, способныя идти противъ и вопреки теченію. Никакая школа не можетъ вырабатывать способныхъ натуръ, но каждая школа должна быть такъ устроена, чтобъ не заглушать, а развивать любознательность, пытливость мысли и доброе благородное направленіе характера. И въ этомъ отношеніи программы безсильны. Можно упразднить древніе языки, ввести естествовѣдѣніе, законовѣдѣніе и какіе угодно прекрасные предметы; но если нравственная атмосфера, которой будутъ дышать маленькіе естествовѣды и законовѣды, будетъ та же, что прежде, то изъ нихъ выйдутъ такіе же искалѣченные юноши, какъ и изъ теперешнихъ гимназистовъ. Вотъ на эту-то сторону дѣла министерство должно обратить особенное вниманіе. Памятуя знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта о «сердечномъ», умудренномъ, разумомъ отношеніи къ учащейся молодежи, оно должно приложить всѣ усилія къ оздоровленію нравственной атмосферы школы и къ установленію взаимнаго довѣрія и симпатіи между учащими и учащимися; оно должно установить въ школѣ такой режимъ, чтобъ учащіеся видѣли въ учителяхъ «наставниковъ, хранящихъ нашу юность»; людей, входящихъ въ ихъ радости и горести, искренно желающихъ имъ добра и съ готовностью содѣйствующихъ ихъ умственному и нравственному развитію, а не чиновниковъ, обезличенныхъ, озлобленныхъ, бездушныхъ, у которыхъ умъ и сердце заключены въ тѣсныя рамки официальныхъ программъ, министерскихъ циркуляровъ и директорскихъ внушеній.

Само собою разумѣется, что такой режимъ нельзя установить простымъ циркулярнымъ распоряженіемъ. Нужна долгая, настойчивая борьба съ теперешнимъ порядкомъ вещей. Никакой министръ, никакой реформаторъ, даже если онъ Петръ Великій, не обладаетъ такой силой, чтобъ сразу уничтожить наслѣдіе минувшаго. Нужны, наконецъ, люди для осуществленія благихъ намѣреній реформатора, такъ какъ если даже «законы святы, да исполнители лихіе супостаты», то объ этихъ супостатовъ, какъ о гранитную скалу, разобьются всякія реформы. Этихъ исполнителей министерство пока не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ нынѣшній педагогическій персоналъ, закаленный въ духѣ полицейски-классической школы, въ большинствѣ случаевъ едва ли окажется подходящимъ орудіемъ для проведенія реформы. И мы боимся за участь новаго вина, вливаемаго въ старые мѣхи. Министерство должно приложить всѣ усилія для постепеннаго заполненія педагогическихъ кадровъ людьми новаго направленія, соотвѣт-

ствующими его задачамъ и для повышенія уровня нынѣшняго персонала. Лучшее матеріальное положеніе, гарантія независимости, извѣстная свобода пріемовъ преподаванія, — ничего не должно быть забыто въ рядѣ мѣръ, способныхъ поднять достоинство и развитіе учителей.

Обращаясь къ университетскому вопросу, мы должны замѣтить, что онъ находится еще въ періодѣ подготовительнаго обсужденія предмета. Единственная мѣра, уже принятая, состоитъ въ отмѣнѣ «Временныхъ правилъ» 2 іюня 1899 г. объ отбываніи воинской повинности студентами, уволенными за безпорядки. Правила эти просуществовали два года, но желаннаго умиротворенія не принесли. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 5 іюня всѣ зачисленные въ солдаты на основаніи «Временныхъ правилъ» студенты, пользующіеся по семейному положенію льготой перваго разряда или неспособные къ службѣ по физическимъ недостаткамъ, должны были немедленно быть уволены отъ службы. Всѣ другіе студенты возстановлялись въ правахъ по отбыванію воинской повинности: отслужившіе обыкновенный срокъ увольнялись отъ службы, а остальнымъ предоставлялось дослужить до обычнаго срока независимо отъ срока, назначеннаго въ видѣ наказанія за безпорядки. Всѣ уволенные за послѣдніе безпорядки приняты были обратно въ университеты, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могли быть приняты по причинамъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія независящимъ.

Если въ практическомъ отношеніи университетскій вопросъ еще не подвинулся впередъ, зато подготовительное обсужденіе его уже почти закончилось. Всѣ университетскіе совѣты, запрошенные по поводу реформы, представили уже министерству свои заключенія. Мнѣнія и желанія совѣтовъ вполнѣ совпали съ мнѣніями и желаніями лучшей части общества. Основными пунктами намѣченной совѣтами программы являются: университетская автономія съ выборными ректоромъ, деканами и профессорами, академическая свобода, объединеніе студенчества въ формѣ различныхъ организацій—землячествъ, кружковъ, обществъ и т. д., и замѣна государственныхъ экзаменовъ курсовыми.

Программа эта обсуждается въ настоящее время министерствомъ. Надо надѣяться, что оно отнесется одобрительно къ заключеніямъ университетскихъ совѣтовъ и не остановится на какихъ-нибудь полумѣрахъ, которыя никого не удовлетворятъ и ни къ какимъ благимъ результатамъ не приведутъ. Только прямое и послѣдовательное безъ всякихъ заднихъ мыслей проведеніе принципа университетской свободы можетъ возстановить потрясенный университетскій строй и поставить академическую жизнь въ условія, необходимыя для спокойнаго и нормальнаго развитія ея.

Независимо отъ вопроса о средней школѣ и университетскаго министерство должно еще разсмотрѣть вопросъ о женскомъ образованіи и о начальныхъ училищахъ. Недавно были опубликованы временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ мини-

стерству народнаго просвѣщенія предстоитъ еще впереди гигантская работа огромной исторической важности. Теперь оно еще только въ самомъ началѣ этой работы. Остается пожелать, чтобъ энергія, съ которой оно начало дѣло преобразованія не ослабѣла, и чтобы живое, бодрое настроеніе, нынѣ его воодушевляющее, не покидало его во все время его трудной работы. Министерство можетъ быть увѣрено, что въ этой работѣ оно имѣетъ своимъ союзникомъ не только все лучшее русское общество, но и будущее, котораго не въ состояніи задержать никакія реакціонныя вѣянія и направленія.

Мы уже замѣтили, что минувшій годъ былъ крайне бѣденъ законодательными мѣропріятіями, имѣющими государственное значеніе. За цѣлый годъ такихъ мѣропріятій можно насчитать не болѣе какъ три-четыре.

7 мая государственному совѣту даровано было новое учрежденіе по случаю празднованія столѣтняго юбилея его. Никакихъ существенныхъ измѣненій въ организацію государственнаго совѣта новое учрежденіе не внесло. Изъ нововведеній, внесенныхъ имъ, слѣдуетъ отмѣтить упраздненіе департамента дѣлъ военныхъ, существовавшаго лишь номинально, установленіе годичнаго срока назначенія предсѣдателей и членовъ департаментовъ вмѣсто прежняго полугодового, и вмѣненіе министрамъ въ обязанность доводить своевременно до свѣдѣнія совѣта о движеніи дѣлъ, которыя имъ предоставлено привести въ исполненіе на основаніи Высочайше утвержденныхъ мнѣній совѣта. Самымъ важнымъ нововведеніемъ нынѣшняго учрежденія является образованіе въ составѣ государственнаго совѣта особыхъ совѣщаній и подготовительныхъ коммиссій для предварительнаго соображенія и разработки особо важныхъ и сложныхъ законопроектовъ. Особое совѣщаніе или коммиссія образуется по иниціативѣ департамента, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта, изъ членовъ совѣта, министровъ и другихъ лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности. Въ совѣщаніе могутъ быть приглашаемы свѣдущія лица. Коммиссіи отличаются отъ совѣщаній лишь по низшему рангу входящихъ въ ихъ составъ лицъ. Совѣщанія даютъ заключенія по представленнымъ на разсмотрѣніе департаментовъ законопроектамъ, а коммиссіи занимаются самой подготовкой проектовъ.

1-го октября введены были земскіе начальники въ губерніяхъ: витебской, минской и могилевской. 3-го іюня Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи земскихъ начальниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ. Къ 15 сентября временные губернскіе комитеты должны были представить въ министерство внутреннихъ дѣлъ результаты возложенной на нихъ разработки вопросовъ о числѣ новыхъ участковъ, о необходимыхъ кредитахъ и т. д. Такимъ образомъ въ самомъ близкомъ будущемъ состоится введеніе земскихъ начальниковъ и здѣсь. По свидѣтельству мѣстной печати проектируемая реформа не вызвала сочувствія

въ обществѣ, ожидавшемъ вмѣсто земскихъ начальниковъ введенія земскихъ учрежденій.

4-го іюня изданъ былъ законъ о предѣльныхъ срокахъ предостереженій. По новому закону первое предостереженіе сохраняетъ силу въ теченіе года, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ второе предостереженіе. Если же изданіе въ теченіе года получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ чего изданіе освобождается отъ предостереженій. Одновременно съ опубликованіемъ новаго закона сняты были предостереженія съ нѣсколькихъ изданій (въ томъ числѣ два предостереженія, тяготѣвшихъ надъ нашимъ журналомъ), а четыре изданія освобождены отъ дѣйствія прим. къ 144 ст. Уст. ценз., устанавливающаго особо строгій цензурный надзоръ послѣ третьяго предостереженія. Законъ 4 іюня, не коснувшись общаго положенія о печати, устранилъ давно уже для всѣхъ очевидную ненормальность, въ силу которой предостереженія, получавшіяся изданіемъ, числились за нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ, служа вѣчной угрозой его существованію, хотя бы со времени полученія предостереженій измѣнились и редакція, и направленіе изданія.

Изъ мѣръ внутренняго управленія намъ остается еще отмѣтить широкое распространеніе въ минувшемъ году положенія усиленной охраны на разныя города и мѣстности Имперіи. Среди распоряженій этого рода отмѣтимъ состоявшееся 1 декабря объявленіе въ состояніи усиленной охраны городовъ Риги, Юрьева, Минска, Могилева, Гомеля, Двинска, Витебска, Бѣлостока, Нижняго-Новгорода, Казани, Томска, Ярославля, Саратова, Полтавы, Самары, Кишинева и Виленской губерніи. Всего къ концу года въ состояніи усиленной охраны числились: Петербургъ и Москва, 23 губернскихъ города, 3 градоначальства, 10 губерній, 8 отдѣльныхъ уѣздовъ, 5 уѣздныхъ городовъ и 10 посадовъ и мѣстечекъ. Во всѣхъ объявленныхъ 1 декабря въ состояніи усиленной охраны городахъ изданы были мѣстной администраціей обязательныя постановленія о воспрещеніи сборищъ подъ угрозой штрафа до 500 руб. или ареста до 3 мѣсяцевъ.

Въ области городского самоуправленія единственной мѣрой, представляющей общій интересъ, является пріостановленіе имѣвшихъ начаться въ ноябрѣ мѣсяцѣ выборовъ гласныхъ петербургской думы и образованіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи для разработки проекта новаго городового положенія для Петербурга. Хотя пока идетъ рѣчь лишь о преобразованіи столичнаго городового положенія, но несомнѣнно, что съ этимъ преобразованіемъ связанъ и общій пересмотръ городового положенія. Такъ какъ дѣйствующее положеніе 1892 г. успѣло выяснить на практикѣ полную свою несостоятельность, то этотъ пересмотръ можно было бы только привѣтствовать, если бы реформа приблизила городское самоуправленіе къ населенію, расширивъ избирательныя права на бо̀льшій кругъ избирателей, и еслибъ органы самоуправленія были освобождены отъ излишней и стѣснительной административной опеки. Къ сожалѣнію,

слухи о реформѣ пророчатъ какъ разъ противоположное. Эти слухи говорятъ о замѣщеніи должностей городского головы и половины членовъ управы по назначенію, объ установленіи сессій думскихъ собраній два раза въ годъ, объ изъятіи медицинскаго дѣла и дѣла народнаго образованія изъ вѣдѣнія городского самоуправленія и т. п. Надо надѣяться, что слухи эти не получатъ осуществленія, такъ какъ городовое положеніе, основанное на двухъ противоположныхъ принципахъ,—выборномъ и бюрократическомъ, и суживающее сферу компетенціи городского самоуправленія, безъ сомнѣнія, дастъ еще худшіе результаты, чѣмъ дѣйствующее положеніе.

Изъ явленій земской жизни обратили на себя вниманіе въ минувшемъ году земско-статистическіе конфликты, возникшіе въ цѣломъ рядѣ губерній—Таврической, Харьковской, Екатеринославской, Олонецкой, Казанской, Нижегородской и Черниговской. Недоразумѣнія со статистиками, явившіяся слѣдствіемъ тѣхъ вѣяній, въ силу которыхъ нѣкоторыя земства принимаютъ явно бюрократическую окраску, выдвинули на очередь вопросъ объ урегулированіи положенія лицъ, служащихъ земству по найму.

Яркой иллюстраціей тѣхъ же новыхъ вѣяній, все усиливающихся за послѣдніе годы въ земствѣ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, являются и уѣздныя земскія собранія, состоявшіяся въ октябрѣ мѣсяцѣ. Во многихъ изъ этихъ собраній громко раздавались голоса, шедшіе вразрѣзъ съ лучшими традиціями земства.

Въ тѣхъ же уѣздныхъ собраніяхъ, а затѣмъ и въ губернскихъ оживленно дебатировался вопросъ о мелкой земской единицѣ. Большинство земствъ отнеслись къ вопросу сочувственно. Сочувственно также встрѣчался повсюду и вопросъ объ изданіи при московскомъ губернскомъ земствѣ общеземскаго органа печати. Потребность въ такомъ органѣ, давно уже чувствовавшаяся, стала теперь особенно настоятельной въ виду объявленнаго въ концѣ года министерскаго циркуляра о воспрещеніи земствамъ сноситься другъ съ другомъ по вопросамъ, имѣющимъ общее для всѣхъ ихъ значеніе.

Изъ вопросовъ общественной жизни намъ остается еще отмѣтить закрытіе административной властью двухъ обществъ—Союза писателей въ Петербургѣ и Общества взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій въ Москвѣ.

Минувшему году, какъ и предшественникамъ его, пришлось считаться съ продовольственной нуждой, вызванной неурожаемъ. Въ самомъ началѣ года официально объявлены были пострадавшими отъ недорода 10 губерній—Херсонская, Таврическая, Бессарабская, Подольская, части Кіевской, Томской и Тобольской и области Акмолинская, Семипалатинская и Забайкальская. На продовольственную помощь отпущено имъ было отъ правительства 5.529,519 р. Кромѣ того пострадавшимъ мѣстностямъ оказывалась помощь частными лицами и Краснымъ Крестомъ. Продовольственная кампанія на югѣ, въ особенности въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, была об-

ставлена своеобразными условіями, исключавшими возможность правильнаго развитія дѣла частной помощи голодающимъ. «Голодъ» подвергался здѣсь самому подозрительному изслѣдованію—достаточно вспомнить административное изслѣдованіе, производившееся въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, при участіи прокурора, жандармскихъ и полицейскихъ чиновъ,— а частная иниціатива, даже исходившая отъ пироговскаго комитета, подвергалась стѣсненіямъ и ограниченіямъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ появилось офиціальное сообщеніе о новомъ неурожаѣ въ 12 губерніяхъ—Вятской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Уфимской и Харьковской. Въ сентябрѣ списокъ этотъ былъ дополненъ губерніями — Орловской, Тамбовской, Тобольской, Томской, Енисейской и областями—Акмолинской и Семипалатинской. Наконецъ, по позднѣйшему сообщенію земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ пострадавшими отъ неурожая оказываются 33 губерніи и области съ населеніемъ въ 54 милліона чел.; однако, продовольственная кампанія ведется пока отдѣломъ лишь въ 19 губерніяхъ съ населеніемъ въ 40 милліоновъ человѣкъ, что объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя пострадавшія губерніи и области, какъ, наприм., Донская область и губерніи Царства Польскаго управляются на особомъ основаніи и не входятъ въ продовольственномъ отношеніи въ кругъ дѣятельности земскаго отдѣла. Въ восьми губерніяхъ 22 уѣзда объявлены неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи, т.-е. нуждающимися въ особыхъ мѣрахъ правительственной помощи.

Продовольственная кампанія въ пострадавшихъ мѣстностяхъ ведется въ обширныхъ размѣрахъ. Еще къ сентябрю общій имперскій продовольственный капиталъ, составлявшій къ тому времени лишь 530,000 руб., былъ увеличенъ отпускомъ изъ казны 14.000,000 руб. Изъ этой суммы по 1 ноября израсходовано уже 14.213,258 руб., причемъ обнаружилось, что этой суммой ограничиться нельзя будетъ и что удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ потребуетъ еще дополнительныхъ расходовъ.

Общее завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ въ пострадавшихъ губерніяхъ возложено на подлежащихъ губернаторовъ, а въ уѣздахъ—на уѣздныхъ предводителей дворянства или членовъ уѣздныхъ продовольственныхъ присутствій. Чины полиціи, земскіе начальники и члены съѣздовъ должны оказывать имъ содѣйствіе. Кромѣ того въ волостяхъ образованы попечительные участки, въ составъ которыхъ призываются мѣстные землевладѣльцы, приходскіе священники, земскій и врачебный персоналъ и народные учителя и учительницы.

Помимо административныхъ органовъ къ участію въ продовольственной кампаніи призваны и земства, которымъ указанъ рядъ мѣръ для борьбы съ голодомъ, какъ-то: устройство для населенія общественныхъ работъ, заготовленіе хлѣба для продажи по заготовительной цѣнѣ, врачебная помощь и предупрежденіе эпидемій и эпизоотій и организація благотворительныхъ попечительствъ. Особенное значеніе министерство придаетъ об-

щественнымъ работамъ, на организацію которыхъ открыты земствомъ кредиты. Такія работы къ ноябрю мѣсяцу были организованы въ губерніяхъ: Саратовской, Самарской, Симбирской, Вятской, Оренбургской, Воронежской и Уфимской, а въ настоящее время и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Съ той же цѣлью развитія общественныхъ работъ министерство вошло въ сношенія съ попечительствомъ о домахъ трудолюбія и министерствами императорскаго двора, земледѣлія и путей сообщенія.

Въ цѣляхъ предотвращенія распродажи за безцѣнокъ скота въ неуродившихъ мѣстностяхъ, министерство открыло земствамъ кредиты на заготовку кормовъ для продажи населенію по заготовительной стоимости и для выдачи кормовыхъ ссудъ.

Наконецъ, министерство предложило губернаторамъ организовать особые врачебные отряды, которые въ случаѣ надобности должны быть командированы губернскою властью на мѣсто эпидеміи.

Новыхъ правительственныхъ сообщеній о ходѣ продовольственной кампаніи съ ноября мѣсяца не появлялось.

Мы подвели краткій итогъ 1901 году. Бросая на него ретроспективный взглядъ, мы замѣчаемъ въ немъ два противоположныхъ теченія: одно преобладающее, ведущее свое происхожденіе еще съ самаго начала 80-хъ годовъ, другое—пока еще слабое, источникомъ котораго является памятный Высочайшій рескриптъ, возвѣщавшій школьную реформу. Эти два теченія, безъ сомнѣнія, вступятъ между собою въ борьбу, и ближайшее будущее Россіи зависитъ отъ того, какое изъ нихъ побѣдитъ: преобладающее, сильное матеріально, или новое, сильное своимъ идейнымъ и духовнымъ содержаніемъ. Для людей, привыкшихъ читать уроки исторіи, вопросъ о томъ, за кѣмъ останется *окончательная побѣда*, не подлежитъ сомнѣнію, но еще много, можетъ быть, приливовъ и отливовъ общественной жизни до этого окончательнаго момента. Пожелаемъ же новому теченію нашей общественно-государственной жизни силы и крѣпости и пусть наступающій 1902 годъ хоть нѣсколько приблизитъ насъ къ тому моменту, который доставитъ этому теченію полную побѣду!...

Изъ вопросовъ, обсуждавшихся на послѣднихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, обращаютъ на себя вниманіе вопросъ о мелкой земской единицѣ и объ изданіи при московской губернской управѣ общеземскаго органа. Второй изъ нихъ встрѣтилъ общее сочувствіе и прошелъ безъ дебатовъ, первый же вызвалъ во многихъ собраніяхъ горячія пренія. Противники мелкой земской единицы доказывали, что вопросъ этотъ еще не назрѣлъ, что земство не доросло до него, что, наконецъ, не въ учрежденіяхъ дѣло, а въ людяхъ, которыхъ мало и для наличныхъ земскихъ учрежденій. Такія возраженія были сдѣланы въ ярославскомъ и курскомъ земствахъ. Г. Обтяжновъ въ нижегородскомъ земствѣ видѣлъ въ мелкой земской единицѣ махинацію, направленную противъ уѣздныхъ земствъ губернскимъ, которое стремится забрать въ свои руки все земское дѣло.

Г. Зыбинъ въ томъ же нижегородскомъ собраніи и г. Линдъ въ тверскомъ находили учрежденіе мелкой единицы невозможнымъ при существованіи земскихъ начальниковъ. «Основаніемъ выборовъ,—говорилъ, напримѣръ, г. Зыбинъ,—служитъ земельный цензъ; земскіе начальники его имѣютъ. Сильно будетъ ихъ участіе въ этомъ органѣ управленія. Навѣрно они будутъ тамъ предсѣдателями. Всякій, кто знаетъ, что такое земскій начальникъ, можетъ себѣ представить, что это будетъ за самоуправленіе крестьянъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника! Пока существуютъ земскіе начальники, мелкое самоуправленіе практически неосуществимо!»

Несмотря на всѣ эти возраженія, изъ которыхъ послѣднее слѣдуетъ признать довольно серьезнымъ, почти всѣ собранія высказались за учрежденіе мелкой единицы. Отрицательно отнеслось къ ней тверское собраніе, которое признало учрежденіе мелкой земской единицы нежелательнымъ, и костромское, которое послѣ рѣчей гласныхъ Владимірова и Васькова, отложило обсужденіе вопроса до будущаго года.

Отлагая за недостаткомъ мѣста разсмотрѣніе другихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ губернскихъ собраніяхъ до слѣдующаго «обозрѣнія», приведемъ здѣсь представляющій большой общественный интересъ адресъ, поднесенный тамбовскимъ собраніемъ знаменитому его члену Б. Н. Чичерину:

«Глубокоуважаемый Борисъ Николаевичъ. Въ первый разъ тамбовское губернское земское собраніе, приступая къ очереднымъ занятіямъ, не находитъ васъ въ составѣ губернскихъ гласныхъ. Тяжкій недугъ лишилъ васъ возможности принять участіе въ дѣлахъ собранія, а это послѣднее воспользоваться вашими исполненными опыта, знанія дѣла и лучшихъ земскихъ традицій совѣтами.

Въ вашемъ лицѣ собраніе утратило одного изъ наиболѣе энергичныхъ поборниковъ самостоятельности земскихъ учрежденій, необходимости расширить ихъ компетенцію. Земской дѣятельности вы всегда придавали чрезвычайно важное значеніе. Еще въ 1869 г., на зарѣ земскихъ учрежденій, вы, сѣтуя на абсентеизмъ гг. губернскихъ гласныхъ, мѣшающій правильному теченію земскаго дѣла, высказали свое весьма серьезное къ нему отношеніе. «Земскія учрежденія,—говорили вы,—начало самоуправленія въ Россіи. Поэтому за успѣшный ходъ его мы отвѣчаемъ не только передъ своими избирателями, но и передъ Россіей, не только передъ настоящимъ русскимъ обществомъ, но и передъ тою Россіей, которая жила 1000 лѣтъ тому назадъ и будетъ, мы надѣемся, жить еще тысячелѣтія. Самоуправленіе не дается даромъ. Для того, чтобы оно двигалось, нужно живое содѣйствіе общества, нужны усердіе и работа. Для самоуправленія необходимы и нѣкоторыя жертвы, которыя общество въ правѣ требовать отъ своихъ членовъ. Правду сказать, тѣ жертвы, которыя отъ насъ требуются, не велики, тѣ обязанности, которыя на насъ лежатъ,—не тяжелы. Исполняемъ ли мы ихъ на самомъ дѣлѣ? Число съѣзжающихся гласныхъ служитъ на это краснорѣчивымъ отвѣтомъ».

Въ своемъ капитальномъ трудѣ по государственному праву, въ его послѣднемъ томѣ, вышедшемъ въ 1898 г., вы, останавливаясь на значеніи мѣстнаго самоуправленія въ государственномъ механизмѣ, такъ характеризуете ето значеніе. Широкое развитіе общественной самодѣятельности необходимо и для самой бюрократіи. Это одно, что ставитъ ее въ надлежащія рамки и исправляетъ многіе изъ присущихъ ей недостатковъ. Только въ постоянномъ, живомъ соприкосновеніи съ независимыми общественными силами она въ состояніи выйти изъ своей рутинной инерціи и наполнить свою формальную дѣятельность жизненнымъ содержаніемъ. Только встрѣчая всюду живыя преграды, она привыкаетъ сдерживать свой произволъ и пріобрѣтаетъ умѣніе ладить со свободными людьми, не требуя отъ нихъ безусловнаго подчиненія, а оказывая имъ уваженіе и стараясь удовлетворить законнымъ ихъ нуждамъ, что и составляетъ истинную цѣль управленія. Именно въ административной области всего болѣе необходимо взаимное ограниченіе независимыхъ силъ, которое одно обезпечиваетъ свободу и права гражданъ, а вмѣстѣ и законный ходъ правительственной дѣятельности. «Мѣстное самоуправленіе имѣетъ громадныя выгоды: во-первыхъ, мѣстныя нужды ближе всего мѣстнымъ жителямъ. Они знаютъ свои дѣла лучше, нежели кто-либо другой. Собственный интересъ побуждаетъ ихъ дѣлать то, что полезно для всѣхъ, изыскивать для этого наилучшія средства и производить улучшенія съ наименьшими тратами. Они способнѣе всѣхъ надзирать за исполненіемъ, такъ какъ все дѣло у нихъ на глазахъ и близко касается каждаго. Всякая дѣятельность идетъ успѣшнѣе, когда люди сами дѣлаютъ свои дѣла, нежели когда они ведутся посторонними лицами, въ нихъ не заинтересованными. Эта истина—самая простая и очевидная. Во-вторыхъ, самоуправленіе развиваетъ въ гражданахъ самодѣятельность, энергію, предпріимчивость; слѣдовательно, ведетъ къ высшему развитію общественныхъ силъ. Люди привыкаютъ полагаться на себя, а не ожидать всего отъ правительства. Черезъ это, въ-третьихъ, въ провинціяхъ развивается мѣстная жизнь, которая привязываетъ къ себѣ людей. Общественная жизнь равномѣрнѣе распредѣляется по всему государству, а не стягивается искусственно къ центру, оставляя члены безсильными. Въ-четвертыхъ, самоуправленіе связываетъ администрацію съ народомъ. Принимая участіе въ управленіи, каждый видитъ въ общественномъ дѣлѣ свое собственное и готовъ содѣйствовать ему всѣми силами. Этимъ люди отвлекаются отъ частныхъ интересовъ и привязываются къ общественнымъ. Развивается общественный духъ, который служитъ одною изъ лучшихъ опоръ разумнаго правительства. Въ-пятыхъ, самоуправленіе даетъ гражданамъ и ближайшее прекрасное знакомство съ общественными дѣлами. Они научаются знать, чего можно и чего нельзя требовать отъ правительства. Политическое образованіе принимаетъ направленіе не теоретическое, а практическое. Безразсудныя притязанія и легкомысленныя сужденія разбиваются объ опытъ и не находятъ себѣ почвы. Въ-шестыхъ, самоуправленіе является школой и для болѣе широкаго поприща. Государ-

ство можетъ набирать отсюда образованныхъ и опытныхъ дѣятелей; получаются государственные люди, знакомые съ общественными вопросами, не кабинетнымъ только образомъ, а изъ практики, видѣвшіе ихъ въ приложеніи, въ связи съ ихъ собственными интересами,—однимъ словомъ, съ яснымъ пониманіемъ» (тамъ же, стр. 493—494).

Такъ характеризуете вы значеніе мѣстнаго самоуправленія. Едва ли возможно болѣе рельефно выставить всѣ его положительныя стороны.

Но, придавая ему такое важное значеніе, вы требуете отъ дѣятелей самоуправленія, чтобы они стояли на должной высотѣ: «Только постоянная,—говорите вы,—неутомимая, безкорыстная дѣятельность на общественную пользу въ соединеніи съ стойкимъ обереганіемъ своихъ законныхъ правъ и съ сохраненіемъ полной своей независимости, можетъ поддержать мѣстное самоуправленіе на болѣе или менѣе высокомъ уровнѣ и содѣйствовать правильному его развитію. Все въ немъ зависитъ отъ количества и качества наличныхъ силъ, а также и отъ взаимныхъ ихъ отношеній. Здѣсь, какъ и вездѣ, согласіе обезпечиваетъ успѣхъ, а внутренніе раздоры парализуютъ всякую дѣятельность» (тамъ же, стр. 504). Такимъ общественнымъ дѣятелемъ въ правѣ гордиться не одна наша Тамбовская губернія, но и вся Россія. И поэтому отсутствіе ваше въ рядахъ гласныхъ повергаетъ собраніе въ глубокую печаль, особенно теперь, когда земство все болѣе и болѣе ограничивается въ своихъ правахъ, когда поле его дѣятельности все суживается и суживается. Кромѣ вашей общественной дѣятельности вы оставили глубокій слѣдъ по себѣ и въ наукѣ. Не земскому собранію, конечно, оцѣнивать эту сторону вашей дѣятельности. Оцѣнка ей сдѣлана учрежденіями болѣе компетентными и еще недавно подкрѣплена избраніемъ васъ въ почетные члены Императорскаго Московскаго университета. Принося вамъ чувство глубокой признательности за вашу многолѣтнюю полезную дѣятельность, какъ гласнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ свидѣтельствуя свое глубокое сожалѣніе объ отсутствіи вашемъ въ своихъ рядахъ, тамбовское губернское земское собраніе льститъ себя надеждой, что оно еще воспользуется вашимъ содѣйствіемъ, и шлетъ вамъ искреннія пожеланія многолѣтней плодотворной работы на пользу горячо любимаго вами земства и еще болѣе любимой Россіи».

Умеръ писатель Николай Ивановичъ Наумовъ. Покойный принадлежалъ къ плеядѣ беллетристовъ-народниковъ, пользовавшихся такой популярностью въ 70-ые годы. Разсказы его изъ народной жизни, помѣщавшіеся въ *Дѣлѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*, пользовались большимъ успѣхомъ. Впослѣдствіи они вышли отдѣльными изданіями подъ общими заглавіями: «Сила солому ломитъ», «Въ тихомъ омутѣ» и «Паутина».

А. С.

За послѣднее время очень много писалось по университетскому вопросу, писалось объ автономіи университета, о созданіи студенческихъ кор-

порацій, о реорганизаціи самыхъ плановъ прохожденія университетскихъ наукъ; но, намъ кажется, въ числѣ этихъ вопросовъ не былъ затронутъ одинъ, притомъ чрезвычайно важный,—это вопросъ о созданіи въ самомъ обществѣ интереса къ университетскому преподаванію. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее время много говорятъ о томъ, какъ пріучить студентовъ къ серьезному занятію наукой, какъ возбудить въ нихъ интересъ къ наукѣ, а между тѣмъ намъ думается, что у насъ есть одно средство, которое осталось пока неотмѣченнымъ. Конечно, для подъема научнаго интереса среди учащихся, словъ нѣтъ, необходимъ и высокій уровень преподавательскаго персонала, и лучшее оборудованіе университетовъ, болѣе правильная постановка практическихъ занятій, гдѣ люди пріучались бы къ самостоятельности въ работѣ, къ самостоятельному мышленію; но пока общество будетъ оторвано отъ университета, пока въ самомъ обществѣ не пробудится интересъ къ университетской наукѣ, всѣ эти мѣры, даже будучи осуществлены, далеко не достигнутъ того, чего онѣ могли бы достичь при другой обстановкѣ. Теперь нерѣдко у насъ въ Россіи, когда говорятъ о тормозахъ, стоящихъ на пути промышленному развитію ея, отмѣчаютъ недостаточную такъ назыв. индустріализацію нашего общества, т.-е. сравнительно небольшой интересъ въ обществѣ къ промышленной дѣятельности, отчего молодые люди, поддаваясь общественному мнѣнію, не особенно охотно посвящаютъ себя промышленной дѣятельности, а болѣе предпочитаютъ казенную службу. То же самое въ данное время замѣчается и относительно университетской науки. Молодые люди, пріѣзжающіе въ университетскій городъ и оторванные отъ своихъ близкихъ, родныхъ, инстинктивно стремятся сойтись съ обществомъ, а для этого они волей-неволей должны жить его интересами; между тѣмъ въ самомъ обществѣ едва ли когда-нибудь они услышатъ объ университетскомъ преподаваніи, но зато каждый день, каждый вечеръ будутъ слышать о театрѣ, о музыкѣ, о балетѣ,—и это создаетъ извѣстное направленіе въ студенчествѣ. Учащіеся въ лучшемъ случаѣ начинаютъ жить театромъ, музыкой, въ худшемъ же случаѣ—пристращиваются къ картамъ и другимъ удовольствіямъ, преобладающимъ въ данное время въ нашемъ обществѣ. И учащіеся волей-неволей должны сживаться съ этими интересами, такъ какъ въ противномъ случаѣ, будучи лишены корпоративнаго устройства, они рискуютъ остаться совершенно одинокими въ чуждомъ имъ городѣ. Но будь интересы у самого общества другіе, интересуйся само общество университетской наукой, учащіеся сами стали бы больше интересоваться знаніемъ. Теперь они знаютъ, что въ обществѣ услышатъ о новой пьесѣ, объ игрѣ такого или такой-то, и они считаютъ своимъ долгомъ идти въ уровень съ обществомъ, но они увѣрены, что никогда не услышатъ въ обществѣ о лекціи такого-то, о пріемахъ преподаванія его и вслѣдствіе этого въ учащемся глохнетъ интересъ къ университету. Учащіеся, какъ люди молодые, легко поддаются вліянію общества, сживаются съ этимъ послѣднимъ, живутъ его интересами и все болѣе и болѣе удаляются отъ университета,

такъ какъ само-то общество далеко стоитъ отъ университета и интересуется имъ только въ экстраординарные моменты жизни, да и опять-таки не съ точки зрѣнія чистой науки, преподаваемой тамъ. Конечно, общество не виновато въ этомъ своемъ пассивномъ отношеніи къ университету; въ немъ есть интересъ къ наукѣ и серьезный интересъ, который все болѣе и болѣе растетъ,—но двери университета закрыты для публики. Намъ думалось бы, что одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ расшевелить научную жизнь университетовъ—это пропитать само общество интересами къ наукѣ, а для этого открыть для него широко двери университета: университетъ долженъ быть свободно доступенъ для всѣхъ; только при этихъ условіяхъ, при наличности интереса общества къ наукѣ и при наличности дѣйствительнаго знакомства публики съ университетомъ будетъ создана вокругъ учащихся та научная атмосфера, которая такъ необходима для поддержанія интереса къ наукѣ. Преувеличенный интересъ у насъ къ театру, музыкѣ—ненормальное явленіе, объясняемое особыми условіями, въ которыя поставлена у насъ наша общественность. Словъ нѣтъ, искусство прекрасно, но съ однимъ только искусствомъ мы далеко не уѣдемъ,—это дессертъ, а намъ нуженъ хлѣбъ для нашего развитія. Допущеніе публики въ стѣны университета имѣло бы огромное вліяніе и на самый характеръ университетскаго преподаванія. Скажите пожалуйста, что сдѣлалось бы съ судомъ, если бы надъ нимъ не было контроля гласности, если бы двери суда не были открыты для публики, если бы нельзя было критиковать дѣйствій суда? Конечно, судъ замеръ бы, выродился бы, запутался бы въ формальностяхъ, сдѣлался бы бездушнымъ, шаблоннымъ. Отчасти то же самое дѣлается и съ университетскимъ преподаваніемъ, когда оно состоитъ внѣ контроля гласности; мы, конечно, не обобщаемъ нашего мнѣнія на всю преподавательскую коллегію, но о нѣкоторыхъ ея представителяхъ можно сказать, что они махаютъ рукой на дѣло преподаванія, обременяютъ себя другими занятіями и къ университетскому преподаванію относятся спустя рукава. Да и винить ихъ трудно: всѣ мы—люди, всѣ мы нуждаемся въ стимулахъ для правильнаго отправленія нашихъ обязанностей. Преподаватель, не находящій сочувствія къ себѣ въ обществѣ, такъ какъ общество не знаетъ его, пока двери университета закрыты для публики, въ то же время не находя и того сочувствія, на какое онъ въ правѣ былъ разсчитывать и среди слушателей при нерѣдко слабомъ научномъ интересѣ со стороны послѣднихъ, мало-по-малу начинаетъ терять любовь къ своему дѣлу, начинаетъ читать изъ-года въ годъ одинъ и тотъ же разъ на всегда составленный курсъ,—и много преподавателей погибло такимъ путемъ: нужна особая твердость воли, чтобы стоять на своемъ посту, никѣмъ не ободряемымъ, никѣмъ не поощряемымъ, и немногіе обладаютъ такой волей, а большинство покидаетъ его и, повторяемъ, за это нельзя винить, пока приходится дѣйствовать при существующихъ условіяхъ. Открытіе дверей университета для публики создало бы необходимый контроль надъ университетскимъ преподаваніемъ, внесло бы свѣжую струю въ уни-

верситетскую атмосферу, встряхнуло бы самихъ преподавателей, создало бы въ нихъ стимулъ къ дальнѣйшей работѣ, заставило бы тщательнѣе относиться къ разъ принятымъ на себя обязанностямъ. Преподаватели стали бы знать, что каждая фраза, сказанная ими въ аудиторіи, можетъ подвергнуться суровой и компетентной критикѣ. Россія—страна молодая, нуждающаяся въ развитіи своихъ силъ, а для этого первое условіе—широкое развитіе знанія; затѣмъ такое сближеніе науки съ обществомъ сдѣлало бы первую болѣе чуткой къ запросамъ общества: наука въ лицѣ своихъ представителей чаще стала бы откликаться на запросы жизни, и общественное мнѣніе относительно той или другой реформы, или того или другого явленія стало бы болѣе складываться подъ вліяніемъ безпристрастной науки.

У экономной хозяйки ничто не пропадаетъ зря, она все утилизируетъ, и съ небольшими средствами можетъ поставить хозяйство прекрасно. Мы очень не экономны — возьмемъ хотя бы сферу высшаго образованія. Для высшаго женскаго образованія создаются особыя школы, хотя прекрасно можно было бы высшее женское образованіе совмѣстить съ университетомъ; и болѣе богатыя страны, Америка, Германія, допускаютъ это, и первая особенно не нахвалится достигнутыми такимъ путемъ результатами. Мы бѣдны, и въ то же время не умѣемъ экономить, и чего Америка достигаетъ единичной тратой средствъ, мы достигаемъ, создавая особыя учрежденія. Съ точки зрѣнія простой экономіи это очень невыгодно. Кромѣ того, и результаты совмѣстнаго высшаго образованія мужчинъ и женщинъ прекрасны, какъ показываетъ опытъ Америки. Между тѣмъ было бы очень желательно, и опять-таки съ точки зрѣнія лучшей утилизаціи наличныхъ силъ, расширить сферу женскаго образованія, сдѣлавъ, наприм., для женщины доступнымъ изученіе не только медицины, но и юриспруденціи. Какую прекрасную роль женщина играетъ у насъ въ низшей сельской школѣ и это, несмотря на ничтожное, жалкое, прямо нищенское вознагражденіе! Какую роль женщина могла бы сыграть опять-таки въ нашей деревнѣ въ качествѣ ученаго юриста, повѣреннаго по дѣламъ! Мелкіе, темные адвокаты, которыми кишитъ деревня, слишкомъ эксплуатируютъ послѣднюю; университетски-образованные юристы не идутъ въ деревню, такъ какъ они не довольствуются тѣмъ гонораромъ, на который они могутъ разсчитывать въ деревнѣ, а между тѣмъ сколько интересовъ вслѣдствіе этого остается незащищенными, сколько правъ утрачивается вслѣдствіе отсутствія на мѣстѣ лицъ, къ которымъ сельскіе обыватели могли бы обращаться съ полнымъ довѣріемъ! Здѣсь открывается широкое поле для приложенія женскаго труда. Нѣтъ сомнѣнія, женщина-юристъ и въ это свое новое дѣло, какъ и въ народную школу, внесетъ тотъ же пылъ, то же твердое служеніе дѣлу, ту же горячую защиту справедливости... Сколько добра женщина сдѣлала и на другомъ поприщѣ служенія деревнѣ—на поприщѣ медицины въ качествѣ фельдшерицы!... Особенно, быть можетъ, женщина была бы полезна въ роли волостного писаря. Волостные писаря теперь въ деревнѣ высту-

паютъ наиболѣе часто въ качествѣ крестьянскихъ юрисконсультовъ, и нерѣдко при маломъ нравственномъ уровнѣ, лишенные юридическаго образованія, они выполняютъ эту свою роль очень неудовлетворительно. Наша же интеллигентная дѣвушка рвется къ высшему образованію: откройте ей двери университетовъ, въ частности юридическихъ факультетовъ, допустите ее къ адвокатурѣ, къ замѣщенію мѣстъ волостныхъ писарей, и наша деревня обогатится новой культурной силой, хорошо образованной, которая сумѣетъ много сдѣлать для деревни. Женщина-юристъ, живя въ деревнѣ и близко соприкасаясь съ населеніемъ, сумѣетъ поднять чувство законности въ населеніи; самыя злоупотребленія, находя отпоръ въ такой силѣ, будутъ рѣже случаться, выиграетъ и сама администрація, выиграетъ и деревня, получивъ въ лицѣ такихъ женщинъ-юристовъ носителей и твердыхъ защитниковъ права.

Какъ мы уже сказали, и съ финансовой стороны открытіе университетовъ для женщинъ было бы только выгодно. Сколько теперь женщинъ учатся за границей, а это все соединено съ отливомъ золота за границу! Министерство финансовъ за послѣднее время тщательно старается законопатить всѣ дыры, чрезъ которыя совершается золотая течь изъ Россіи въ Европу; такъ, оно предписываетъ сократить казенные заказы за границу, да и въ Россіи казенные заказы предписывается производить изъ русскихъ матеріаловъ. Почему же не обращается вниманія на эту течь—огромную массу нашей учащейся молодежи за границей — чрезъ которую много золота уходитъ за границу? Пора предпринять мѣры въ этомъ отношеніи, и средство для этого очень простое, притомъ уже испытанное на Западѣ, открытіе дверей университета для обоихъ половъ. Сколько золота оставалось бы въ Россіи съ проведеніемъ этой мѣры, сколько новыхъ интеллигентныхъ силъ получила бы Россія! А вѣдь каждая новая интеллигентная сила является ферментомъ въ нашемъ застоявшемся обществѣ.

Путемъ открытія дверей университетовъ мы изъ свѣта науки могли бы извлечь наибольшую пользу для нашей бѣдной страны, и сколько гадовъ попряталось бы, когда свѣтъ науки далеко засіялъ бы за стѣны университетовъ.

Единственно публичная вещь въ университетѣ, это—раздача ученыхъ степеней магистровъ и докторовъ, и посмотрите, какъ публика собирается и какъ она выражаетъ свое мнѣніе. Мы больше интересуемся, какъ готовится наше кушанье; такъ, въ нормальныхъ столовыхъ съ этой цѣлью для каждаго посѣтителя столовой установлено право посѣщать кухню, смотрѣть, какъ тамъ готовятся блюда. На минеральныхъ водахъ нерѣдко разливъ воды въ бутылки для продажи публиченъ. Но мы не даемъ публикѣ права контроля надъ тѣмъ, какъ приготовляются и какими дѣйствительно знаніями обладаютъ тѣ люди, которымъ общество вручаетъ свои цѣннѣйшіе интересы, интересы здоровья, интересы имущественнаго благосостоянія, чести, интересы воспитанія своихъ дѣтей и т. д. Общество въ правѣ это знать, въ правѣ требовать публичныхъ испытаній. И пусть сами испытанія бу-

дутъ свободно обсуждаться въ печати, выдача университетскихъ дипломовъ—это своего рода приготовленіе духовной пищи для общества, и общество, повторяемъ, въ правѣ знать, какъ эта пища приготовляется, не совершается ли здѣсь фальсификація, по какимъ либо мотивамъ, не наклеивается ли на лицахъ, не обладающихъ высшимъ образованіемъ, въ истинномъ значеніи этого слова, ярлыкъ высшаго образованія.

Итакъ, открытіе университетовъ для публики было бы въ интересахъ экономическаго развитія Россіи, въ интересахъ широкаго развитія образованія, котораго такъ жаждетъ наше отечество, наконецъ, въ интересахъ *солидности* даваемаго университетами научнаго развитія. А допущеніе женщинъ въ университеты подарило бы Россіи новую культурную силу!

Наши земскія учрежденія не имѣютъ подъ собой корней въ мѣстномъ населеніи: мы имѣемъ въ виду отсутствіе органовъ, которыми бы располагало земство на мѣстахъ для проведенія своихъ предначертаній.

Такой порядокъ вещей тяжело отражается на земствѣ, и характерно, что за послѣднее время рядъ земствъ выступаетъ съ проектами созданія особыхъ такъ называемыхъ попечительствъ, для проведенія своихъ предписаній на мѣстѣ; такъ, воронежское и владимірское губернскія земства выступаютъ съ проектами санитарныхъ попечительствъ. Въ докладѣ воронежской управы говорится, что борьба съ эпидеміей, устройство яслей и пріютовъ, врачебно-санитарный надзоръ за школами—все это требуетъ активнаго участія мѣстныхъ общественныхъ силъ. Уѣздныя земскія собранія большею частью отнеслись сочувственно къ этому проекту. Докладъ владимірской губернской управы по этому вопросу аналогиченъ съ воронежскимъ: кромѣ необходимости,—говорится въ докладѣ владимірской управы,—поддерживать всевозможными мѣрами санитарное состояніе селеній на извѣстномъ уровнѣ и тѣмъ способствовать уменьшенію столь гибельныхъ эпидемій,—въ видахъ охраненія народнаго здравія является нужда въ проведеніи въ среду населенія и другихъ свѣдѣній, какъ, напримѣръ, путемъ распространенія брошюръ и листковъ знакомить его съ основными правилами гигіены и діэтетики и т. п. Печальное положеніе крестьянскихъ селеній въ санитарномъ отношеніи почти всецѣло обусловливается отсутствіемъ мѣстнаго надзора. Этотъ надзоръ, это попеченіе о народномъ здоровьи и должны быть на мѣстахъ поручены санитарнымъ попечительствамъ подъ контролемъ мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ органовъ. Во владимірскомъ же уѣздномъ земствѣ по иниціативѣ александровскаго земства возникалъ вопросъ объ организаціи пожарныхъ попечительствъ для болѣе успѣшнаго проведенія обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ. Нѣкоторыя земства возбудили вопросъ объ организаціи школьныхъ попечительствъ.

Двѣнадцать губернскихъ гласныхъ новгородскаго земства въ особой запискѣ говорятъ, что дѣятельность земства настолько затруднена на мѣстѣ, что по многимъ отраслямъ грозитъ принять форму окаменѣлости; въ

особенности это касается организаціи мелкаго кредита и разнаго рода хозяйственныхъ мѣропріятій, и для проведенія мѣръ на мѣстахъ эти двѣнадцать гласныхъ предлагаютъ организовать земскія попечительства, хотя бы по одному на волость.

На земскія попечительства, проектируемыя упомянутыми 12-ю гласными новгородскаго земства *), предполагается возложить серьезныя задачи, какъ-то: заботы по благоустройству школъ, ходатайства объ открытіи новыхъ школъ, библіотекъ, читаленъ и т. д. Заботы по организаціи мелкаго кредита, по организаціи медицинской помощи, по организаціи кредита подъ залогъ хлѣба при помощи земства, заботы по распространенію травосѣянія, по распространенію и проведенію въ среду населенія тѣхъ или другихъ улучшеній по сельскому хозяйству, напримѣръ, устройство опытныхъ полей, улучшеніе породъ скота, заботы по снабженію крестьянъ улучшенными орудіями и сѣменами хлѣбовъ и травъ, указаніе земству испортившихся на земскихъ дорогахъ мостовъ и ходатайство объ устройствѣ новыхъ и т. д.

О созданіи подобной же организаціи недавно возникъ вопросъ и въ московскомъ губернскомъ земствѣ. Опытъ показалъ, говорится въ докладѣ московской губернской земской управы, что земство, несмотря на большую затрату труда и энергіи не можетъ провести въ жизни ту или другую мѣру, такъ какъ для осуществленія своихъ мѣропріятій на мѣстамъ земство не имѣетъ соотвѣтственныхъ органовъ. Въ докладѣ рекомендуется организація особыхъ экономическихъ попечительствъ; обязанности ихъ—доставлять уѣзднымъ управамъ различныя свѣдѣнія, представлять имъ же о различныхъ экономическихъ нуждахъ какъ цѣлыхъ селеній, такъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ, исполнять различныя порученія земскихъ управъ по экономической части. Въ самомъ дѣлѣ, безъ такихъ органовъ невозможно осуществить нѣкоторыя мѣропріятія, напр., трудно организовать мелкій кредитъ сельскому населенію, такъ какъ безъ мѣстныхъ органовъ совершенно невозможно услѣдить за тѣмъ, чтобы ссуды выдавались только лицамъ дѣйствительно въ нихъ нуждающимся.

Мы не будемъ останавливаться на многихъ другихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о назрѣвшей потребности—созданія особыхъ органовъ на мѣстахъ для проведенія тѣхъ или другихъ мѣропріятій земства.

Ясно, что для успѣшности работъ земствъ необходимо, чтобы эти послѣднія стали въ болѣе тѣсную связь съ населеніемъ; но изложенные проекты въ сущности являются лишь палліативами, радикальнымъ же средствомъ для рѣшенія этого вопроса являлось бы созданіе земской единицы, о которой рѣчь поднималась на экономическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ прошломъ году.

Резолюція съѣзда по вопросу о мелкой земской единицѣ была принята въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) См. *Саратовская Земская Недѣля* 1901 г., № 1—16 „Общественная хроника“.

I. Для того, чтобы земство могло вполнѣ удовлетворительно выполнить лежащія на немъ задачи въ области экономическихъ и въ частности сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія, по мнѣнію съѣзда, является безусловно необходимымъ образованіе новой, меньшей чѣмъ уѣздъ, земской единицы.

II. Мелкая единица эта должна обладать слѣдующими основными чертами дѣйствующихъ земскихъ учрежденій: 1) она должна носить характеръ обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, на которую распространилось бы ея дѣйствіе; 3) она должна имѣть характеръ всесословный; 4) она должна пользоваться правомъ самообложенія; 5) подобно тому, какъ между нынѣ существующими земскими учрежденіями—губернскими, съ одной стороны, и уѣздными, съ другой, существуетъ нѣкоторая опредѣляемая закономъ связь, такъ должна быть установлена связь новой мелкой земской единицы съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями даннаго уѣзда и губерніи, причемъ, однако, разсмотрѣть частности этихъ отношеній съѣздъ не нашелъ для себя возможнымъ; 6) мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы.

III. Съѣздъ признаетъ существенно важнымъ, чтобы вопросъ о своевременности учрежденія подобной мелкой земской единицы, а также о подробностяхъ ея организаціи, былъ переданъ на заключеніе земскихъ собраній.

Съѣздъ призналъ, кромѣ того, необходимымъ, чтобы въ собраніяхъ новыхъ будущихъ земскихъ органовъ было сохранено гласное веденіе дѣлъ и чтобы изъ участія въ собраніяхъ были исключены всѣ лица, исправляющія судебныя и административныя должности на территоріи данной единицы. (См. *Хозяинъ*, 1901 г., № 8. «Вопросы общественнаго представительства на первомъ агрономическомъ съѣздѣ»).

Созданіе мелкой земской единицы—требованіе времени. Въ самомъ дѣлѣ: наши уѣзды по своей площади слишкомъ обширны *) и, какъ продуктъ административнаго подраздѣленія, они не однородны по своему экономическому характеру, а потому и потребности разныхъ частей уѣзда крайне различны, все это создаетъ большія трудности въ удовлетвореніи нарастающихъ потребностей въ уѣздѣ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ уѣздахъ создаются дачныя мѣстности, гдѣ особенно настоятельно выступаютъ потребности въ благоустройствѣ, въ проведеніи хорошихъ дорогъ, улицъ, разбитіи парковъ, а для этого нужны средства, получить же послѣднія отъ уѣзднаго земства—довольно затруднительно, такъ какъ наши земства съ грѣхомъ пополамъ сводятъ концы съ концами и для нихъ совершенно не подъ силу удѣлять часть своихъ средствъ на благоустройство отдѣльныхъ мѣстностей. Будь же у насъ организованы мелкія земскія единицы, имѣющія своей задачей обслуживаніе интересовъ болѣе мелкихъ

*) См. *Русскія Вѣдомости*, № 332.

районовъ, естественно, что они находили бы легче средства для удовлетворенія назрѣвающихъ потребностей въ данной мѣстности, такъ какъ населеніе даннаго района, вѣроятно, охотно согласилось бы на несеніе нѣкотораго дополнительнаго обложенія, зная, что средства, полученныя такимъ путемъ, пойдутъ исключительно на благоустройство ихъ мѣстности.

Какъ мы только что видѣли, проекты созданія разнаго рода попечительствъ исходятъ изъ сознанія необходимости болѣе зорко слѣдить за возникающими потребностями въ разныхъ районахъ уѣзда, въ цѣляхъ лучшаго удовлетворенія послѣднихъ. Потребность эта настолько сильна, что въ московскую уѣздную управу недавно вносился проектъ положенія объ общественномъ управленіи пригородовъ и дачныхъ колоній въ Московскомъ уѣздѣ, именно потому, что особыя потребности и нужды этихъ поселеній особенно настоятельно чувствуются. По проекту этихъ новыхъ общественныхъ управленій, въ ихъ завѣдываніе отводится содержаніе въ исправности и устройство въ районѣ поселенія площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, общественныхъ садовъ, водопроводовъ, прудовъ, колодцевъ, дорогъ, ведущихъ къ поселенію, и т. д.; попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства, устройство благотворительныхъ и лѣчебныхъ заведеній; участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія, развитіе средствъ врачебной помощи населенія и изысканіе способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи; попеченіе о лучшемъ устройствѣ поселеній, а также о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ и другихъ бѣдствій; попеченіе о развитіи народнаго образованія, объ устройствѣ общественныхъ библіотекъ, читаленъ, музеевъ, театровъ и другихъ подобнаго рода общеполезныхъ учрежденій...

Учрежденія общественнаго управленія составляютъ общее собраніе гласныхъ и управа поселенія. Гласные избираются на 4 года въ особомъ избирательномъ собраніи (*Русскія Вѣдомости*, № 270). Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой организаціи; но уже и отсюда видно, какъ дифференціація мѣстности въ экономическомъ отношеніи, создавая новыя потребности, настоятельно требуетъ организаціи мѣстныхъ управленій болѣе близкихъ къ населенію.

И не удивительно, что этотъ вопросъ созданія мелкой земской единицы или особыхъ органовъ при земствѣ, близкихъ къ населенію, особенно обострился теперь именно, вслѣдствіе промышленнаго развитія Россіи, подъ вліяніемъ котораго ярко выдѣляются отдѣльныя мѣстности съ особымъ складомъ. Когда Россія была исключительно страной земледѣльческой, то и потребности ея въ разныхъ мѣстахъ были болѣе или менѣе однообразны, и потому органы мѣстнаго управленія, охватывающіе даже большія пространства, легко могли слѣдить и удовлетворять потребности обширныхъ районовъ; не то теперь, съ промышленнымъ развитіемъ Россіи и съ развитіемъ городскихъ поселеній. Въ дачныхъ поселеніяхъ возникаютъ такія потребности, которыхъ не знаетъ остальная деревенская Россія, возникаютъ потребности въ устройствѣ водопроводовъ, бульваровъ, театровъ,

и, конечно, уѣздныя земства не могутъ на такія нужды удѣлять своихъ средствъ, и потому многія насущныя потребности новыхъ районовъ остаются неудовлетворенными. Эти потребности, быть можетъ, покажутся уѣзднымъ земствамъ потребностями роскоши; между тѣмъ для этихъ районовъ съ дачнымъ характеромъ удовлетвореніе ихъ является вопросомъ жизни, безъ чего можетъ пріостановиться притокъ дачниковъ, и мѣстность можетъ не получить того развитія, на которое она по своимъ естественнымъ условіямъ въ правѣ разсчитывать. И если будутъ созданы такія болѣе мелкія единицы, то несомнѣнно онѣ при правильной организаціи могутъ энергично взять въ свои руки удовлетвореніе этихъ потребностей.

«Нижегородское губернское земское собраніе 5 декабря единогласно постановило возбудить ходатайство объ учрежденіи мелкой земской единицы. Главныя положенія, принятыя собраніемъ, сводятся къ слѣдующему: при настоящихъ условіяхъ общественной жизни у сельскаго населенія наблюдается крайне слабое проявленіе, если не полное отсутствіе общественной самодѣятельности, которое является коренной причиной всѣхъ бѣдствій деревни. Сельское населеніе не объединено никакой общественной организаціей, а также не имѣетъ административной связи съ сельскими жителями не крестьянскаго сословія, имѣющими съ крестьянами много общихъ мѣстныхъ интересовъ. Такое объединеніе въ лицѣ мелкой земской единицы принесло бы громадныя услуги въ дѣлѣ выполненія такихъ повинностей, которыя единоличными усиліями не могутъ успѣшно выполняться. Таковы: содержаніе дорогъ, мѣстной почты, борьба съ нищенствомъ, учрежденіе библіотекъ и т. п. Помимо всего этого, участіе населенія въ веденіи мѣстныхъ общественныхъ дѣлъ давало бы ему общественное воспитаніе и развивало бы самодѣятельность, этотъ рычагъ прогресса» (*Торг.-Пр. Газ.*).

Всѣ эти проекты созданія мелкой земской единицы и особыхъ земскихъ попечительствъ—характерные симптомы настоятельной *) потребности поставить земскія учрежденія ближе къ населенію.

---

*) Вотъ что мы читаемъ въ *Русск. Вѣд.* (№ 265): Демянскъ, Новгородской губ. 9 и 10 сентября происходили засѣданія демянскаго экономическаго совѣта при уѣздной земской управѣ. Между прочимъ экономическій совѣтъ обсуждалъ вопросъ о мелкой земской единицѣ. Уѣздная земская управа высказалась за необходимость учрежденія мелкой земской единицы съ основными чертами, намѣченными агрономическимъ съѣздомъ, такъ какъ, по мнѣнію управы, народная жизнь въ настоящее время настолько осложнилась и предъявляетъ требованіе на удовлетвореніе разнообразныхъ нуждъ, что уѣздное земство фактически лишено возможности удовлетворить ихъ. Экономическій совѣтъ присоединился къ мнѣнію управы. Отношенія мелкой земской единицы къ существующимъ земскимъ учрежденіямъ, по мнѣнію совѣта, должны быть такія же, какъ между уѣзднымъ и губернскимъ земствами. Территорія мелкой земской единицы не должна пріурочиваться къ границамъ волости, общества или прихода. Вмѣстѣ съ тѣмъ экономическій совѣтъ выразилъ мнѣніе, чтобы въ самоуправленіе мелкой земской единицы не входили лица, занимающія судебныя и административныя должности на ея территоріи. На послѣднемъ постановленіи очень настаивали члены изъ крестьянъ.

Какъ растутъ и развиваются потребности отдѣльной мѣстности, совершенно справедливо говорилъ одинъ изъ гласныхъ московскаго земскаго собранія, могутъ знать люди только близко къ нимъ стоящіе, т.-е. представители мѣстнаго населенія. Центральный органъ въ лицѣ земскаго собранія разрѣшаетъ теперь вопросъ о нуждахъ и потребностяхъ отдѣльныхъ районовъ уѣзда, не зная ихъ близко. Если бы эти вопросы разсматривались мѣстными органами, то, быть можетъ, рѣшеніе было бы другое. На мѣстахъ нужны не исполнительные органы земской управы, которые проектируются въ докладѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей уѣзда, а самостоятельная самоуправляющаяся и самооблагающаяся организація. Мѣстные исполнители органа будутъ связаны съ земствомъ механически, а съ самостоятельными единицами связь у земства явится внутренней, живой (*Русскія Вѣдомости*, № 275). Гласный Н. Каблуковъ настаивалъ на томъ, чтобы въ каждой мѣстности существовала земская единица, которая выясняла бы нужды и потребности своей территоріи и изыскивала бы средства для ихъ удовлетворенія. У каждой мѣстности есть свои потребности, которыхъ нѣтъ въ другихъ районахъ и которыя поэтому должны удовлетворяться изъ мѣстныхъ, а не общеземскихъ средствъ, и обсуждаться въ мѣстныхъ, а не земскихъ собраніяхъ.

Мы вполнѣ раздѣляемъ это воззрѣніе о предпочтительности такой мелкой самоуправляющейся земской единицы, такъ какъ наличность ея можетъ дѣйствительно обезпечить удовлетвореніе нарастающихъ потребностей, и желательно было бы въ возможно скорѣйшемъ времени разрѣшеніе этого вопроса въ общемъ порядкѣ для всей Россіи.

Кромѣ того, что организація мелкихъ земскихъ единицъ съ правомъ самообложенія дастъ возможность лучше удовлетворять новыя растущія потребности отдѣльныхъ районовъ, это можетъ оказать благотворное вліяніе и на урегулированіе мірскихъ повинностей нынѣшнихъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Ненормальность финансоваго хозяйства сельскихъ и волостныхъ обществъ очевидна. Дѣло въ томъ, что эти административныя единицы выполняютъ много функцій общегосударственнаго характера, напримѣръ, хотя бы ужъ тотъ простой фактъ, что должностные органы волостного и сельскаго общества играютъ роль низшихъ полицейскихъ органовъ государства, услугами которыхъ одинаково пользуются всѣ русскіе граждане и т. д. Между тѣмъ всѣ сборы сельскихъ волостныхъ обществъ носятъ сословный характеръ и исключительно лежатъ на крестьянахъ. При созданіи мелкой земской единицы, обладающей правомъ обложенія всѣхъ лицъ, живущихъ на данной территоріи, такой порядокъ могъ бы быть измѣненъ, и сельскимъ и волостнымъ обществамъ могъ бы быть приданъ характеръ исключительно хозяйственныхъ союзовъ; всѣ же остальныя функціи, лежащія на нихъ теперь, можно было бы переложить на новую единицу и, слѣдовательно, удовлетвореніе этихъ общихъ потребностей новыхъ единицъ стало бы совершаться за счетъ средствъ, получаемыхъ путемъ обложенія *всѣхъ* лицъ, живущихъ на данной территоріи.

Такая реформа крайне настоятельна: платежныя силы деревенскаго населенія Россіи истощаются, между тѣмъ на этихъ слабыхъ плечахъ покоится удовлетвореніе и многихъ общегосударственныхъ потребностей, выполненіе которыхъ возложено исключительно на сельскія и волостныя общества. Нужно привлечь къ этому и другіе классы русскаго общества, плечи которыхъ болѣе способны вынести растущія потребности.

Въ 1899 году въ Вологдѣ состоялся первый съѣздъ распорядителей городскихъ ломбардовъ. Вологда была избрана мѣстомъ съѣзда потому, что здѣсь возникъ первый городской ломбардъ. Уставъ этого ломбарда былъ утвержденъ 12 декабря 1886 года, а самый вопросъ возникъ по иниціативѣ бывшаго вологодскаго городского головы Х. С. Леденцова, который и внесъ для учрежденія 1-го ломбарда свыше 6,000 руб. Уставъ вологодскаго ломбарда и до сихъ поръ является образцовымъ (Собраніе узаконеній 1887 г. № 7-й). И до сихъ поръ городской вологодскій ломбардъ стоитъ на высотѣ своего положенія, обслуживая преимущественно бѣдный людъ; такъ, въ 1900 году было выдано ссудъ въ размѣрѣ отъ 2 до 6 руб. 21,823, на сумму 65 тыс. 97 руб., а всего за 1900 г. услугами ломбарда воспользовалось 68 тыс. заемщиковъ. Конечно, мелкія ссуды не даютъ прибыли ломбарду, и убытки по нимъ покрываются прибылью отъ болѣе крупныхъ ссудъ. Тѣмъ не менѣе основной капиталъ ломбарда растетъ и на 1 января 1900 года онъ достигъ 33,577 руб. Насколько велика потребность въ такого рода учрежденіи у насъ въ Россіи видно изъ того, что въ Вологдѣ ежедневно къ услугамъ ломбарда обращаются отъ 200 до 250 чел. бѣдныхъ кліентовъ, которые нуждаются въ ссудахъ отъ 2 до 6 руб. За 1899 г. въ томъ же вологодскомъ ломбардѣ было выдано мелкихъ ссудъ отъ 2 до 6 руб. 19,928, на сумму въ 56,404 руб. *).

Съ легкой руки Вологды ломбарды стали распространяться и по другимъ городамъ Россіи, и теперь они существуютъ въ Тифлисѣ, Перми, Рыбинскѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Ельцѣ, Суздали и т. д., и развитіе ихъ идетъ навстрѣчу насущной потребности: въ нашихъ городахъ—масса бѣднаго люда, который нуждается въ дешевомъ кредитѣ, и не будь этихъ учрежденій, они вынуждены были бы обращаться къ ростовщикамъ. Насколько велика потребность въ этого рода учрежденіяхъ, видно хотя бы изъ дѣятельности московскаго ломбарда, въ которомъ 1899 г. было выдано 262,205 ссудъ на сумму въ 2 милл. 510 тыс. руб. Огромное количество выданныхъ ссудъ составляетъ мелкія ссуды отъ 1 до 5 руб.: такихъ ссудъ въ 1899 г. было выдано 191 тыс. почти на 520 тыс. руб. Въ 1900 г. московскимъ ломбардомъ выдано 365 тыс. ссудъ на сумму въ 3 милл. 652 тыс.; при этомъ 76% всего числа ссудъ, съ которыми городской ломбардъ оперировалъ, составляютъ мелкія ссуды.

---

*) См. итоги вологодскаго ломбарда, особенно сводные за 10 лѣтъ (отъ 1888 по 1899 г

За послѣднее время ломбарды не только стали развиваться въ городахъ, но и нѣкоторыя земства начинаютъ ихъ устраивать, или во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ ставится на очередь. Это дѣло чрезвычайно важное для населенія не только нашихъ городовъ, но и деревень, а между тѣмъ въ практикѣ ломбардовъ возникаетъ много вопросовъ, которые, не будучи разрѣшены, тормозятъ развитіе ломбардовъ или создаютъ для нихъ очень неблагопріятныя условія для ихъ дальнѣйшаго развитія. Къ числу этихъ вопросовъ, напримѣръ, принадлежитъ вопросъ объ отобраніи судебной властью похищенныхъ и заложенныхъ въ ломбардѣ вещей. Оказывается, что за послѣднее время развивается особый родъ продѣлокъ съ ломбардами: г. Х. является въ ломбардъ, закладываетъ свои часы и получаетъ ссуду, затѣмъ прямо изъ ломбарда отправляется въ полицейскій участокъ съ заявленіемъ, что у него украдены часы подъ нумеромъ такимъ-то, а потому онъ и проситъ принять мѣры къ отысканію ихъ. Полиція по сему предмету сносится съ сыскнымъ отдѣленіемъ, которое разсылаетъ во всѣ ломбарды запросы о часахъ за № такимъ-то и, конечно, получаетъ отвѣтъ, что часы есть и заложены тамъ-то. Тогда г. Х. отправляется къ мировому судьѣ и возбуждаетъ уголовное дѣло о кражѣ у него часовъ, а на вопросъ судьи отвѣчаетъ, что подозрѣній у него ни на кого не имѣется, а часы проситъ ему возвратить. Судья обыкновенно постановляетъ: дѣло о кражѣ за неразысканіемъ виновнаго прекратить, а часы возвратить г. Х., каковые тотъ и получаетъ обратно безъ возврата ссуды на основаніи ст. 1664, X т., ч. I.

Этотъ вопросъ возбуждался и на всероссійскомъ съѣздѣ въ Вологдѣ, и съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ измѣненіи § 28 вологодскаго ломбарда въ томъ смыслѣ, что «ни одна заложенная въ ломбардѣ вещь не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ взята изъ онаго, прежде нежели будутъ заплачены сполна слѣдующія ломбарду деньги, исключая случая, когда имущество по судебному рѣшенію будетъ признано тайно похищеннымъ *), въ случаѣ же прекращенія дѣла за необнаруженіемъ виновнаго потерпѣвшее лицо обязано уплатить сумму, выданную ломбарду по закладу». Такое измѣненіе избавило бы ломбарды отъ многихъ убытковъ, которые въ данное время и приходится нести. Много имъ другихъ вопросовъ было поставлено на обсужденіе 1-го съѣзда въ Вологдѣ,—вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ въ значительной степени зависитъ дальнѣйшее развитіе ломбардовъ. Черезъ 3 года былъ назначенъ новый съѣздъ и теперь, повидимому, мѣсто его опредѣляется, это—Москва. Мы не можемъ не пожелать скорѣйшей организаціи такого съѣзда, такъ такъ отъ его успѣха во многомъ зависитъ дальнѣйшая судьба залогового кредита для бѣднаго населенія нашихъ селъ и городовъ. Земства, гдѣ этотъ вопросъ только теперь начинаетъ подниматься, найдутъ тогда уже нѣкото-

*) Организація 1-го всероссійскаго съѣзда распорядителей ломбардовъ въ г. Вологдѣ. Вологда, 1899 г.

рый опытъ и въ этой новой области несомнѣнно окажутся на высотѣ своего положенія.

По газетнымъ извѣстіямъ въ настоящее время распорядители петербургскаго ломбарда обратились въ московскую городскую управу съ просьбой исходатайствовать у городской думы согласіе на созывъ съѣзда въ Москвѣ въ 1902 г. Городская дума изъявила свое согласіе на это.

О.

За послѣднее время весь украинскій югъ былъ сильно взволнованъ затянувшимся на нѣсколько лѣтъ громкимъ литературнымъ дѣломъ, которое закончилось недавно въ кіевскомъ окружномъ судѣ и, несомнѣнно, перейдетъ черезъ всѣ судебныя инстанціи. По своему основному характеру и подробностямъ оно чрезвычайно типично для положенія малорусскаго писателя и, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ условія его жизни и литературной дѣятельности.

Возникло оно по жалобѣ извѣстнаго украинскаго писателя, М. П. Старицкаго, на котораго систематически возводилъ разныя обвиненія рецензентъ *Кіевлянина*, г. Александровскій. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій страницы этой «охранительно-патріотической» газеты гостепріимно открыты для всякихъ издѣвательствъ надъ малорусскимъ словомъ и его радѣтелями, для доносовъ на «душокъ» малорусскихъ произведеній, ихъ демократизмъ, сепаратизмъ и пр. Почти про каждаго изъ малорусскихъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей упорно и настойчиво распространялись тамъ клеветническія выдумки, и дерзость доносителей и инсинуаторовъ возрастала тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе сознавали они свою безнаказанность и безотвѣтность противниковъ. Нужно отдать имъ справедливость: они очень ловко «эксплуатировали проскрипцію украинскаго слова», цензурные запреты и ограниченія. Одно время были запрещены переводы и передѣлки. Кое-кто изъ малорусскихъ писателей, желая проскользнуть черезъ цензурныя тенета, печаталъ переводы *общеизвѣстныхъ* произведеній безъ обозначеній. При первой возможности, конечно, переводы и заимствованія указывались. Всѣ объ этомъ знали, что, однако, не помѣшало гг. Александровскимъ толковать о злонамѣренномъ плагіатѣ, взывать къ «литературной этикѣ». Замѣтьте, взываетъ объ этомъ тотъ самый г. Александровскій, который, какъ было доказано на судѣ, въ 1897 г. въ петербургскомъ журналѣ дословно, безъ всякихъ оговорокъ, перепечатывалъ газетныя статьи 1894 г.!...

Подогрѣтая партійной борьбой и чисто провинціальными счетами, клевета не останавливалась ни передъ чѣмъ и дошла, наконецъ, до уголовныхъ обвиненій. Полемика въ прессѣ только увеличила сутолоку и еще болѣе запутывала отношенія. Въ концѣ концовъ спохватились и обратились къ суду, съ чего, собственно, слѣдовало начать.

Какъ указала на судѣ дочь г. Старицкаго, Л. М. Черняховская, «всякому свойственно защищать свою честь, но личная защита не говоритъ

за правоту дѣла, ибо не устанавливаетъ ложности взведенныхъ обвиненій, такъ какъ въ такомъ случаѣ нѣтъ безпристрастной инстанціи, которая бы разобрала всѣ факты и высказалась бы, что сообщенные печатно факты составляютъ завѣдомую ложь. Ни личная защита, ни защита другихъ и третьихъ лицъ,—ничто, кромѣ суда, не сможетъ смыть оскорбленія, брошеннаго клеветникомъ, и реабилитировать честь поруганную».

Г. Александровскій, не обинуясь, много разъ обзывалъ въ печати г. Старицкаго «драматургомъ-хищникомъ», скрывающимъ источники и заимствованія, занимающимся «перепиской чужихъ пьесъ», «похищающимъ у другихъ и литературное имя, и литературную собственность», получающимъ авторскій гонораръ за чужія произведенія. Что же дало ему право на такія тяжкія обвиненія? Какъ обнаружилось во время суда, совершенно случайныя совпаденія, всегда и вездѣ возможныя, чисто внѣшнія сближенія сюжетовъ, несмотря на существенныя внутреннія различія,—умышленное игнорированіе установленныхъ и завѣдомыхъ фактовъ. Г. Старицкій нѣкоторыя изъ своихъ пьесъ въ каталогѣ драматическаго общества называетъ передѣлками, получаетъ за нихъ гонораръ, какъ за передѣлку, но г. Александровскій не перестаетъ обвинять его въ томъ, что онъ скрываетъ неоригинальность своихъ пьесъ и получаетъ за нихъ авторскій гонораръ. На основаніи двухъ-трехъ тенденціозно подобранныхъ, а то и прямо фальсифицированныхъ фактовъ дается ужасающая характеристика всей литературной дѣятельности писателя, съ очень знаменательными намеками и экивоками въ «кіевлянинскомъ» духѣ.

Г-жа Черняховская горькимъ опытомъ дошла до своего грустнаго вывода *): «если тяжело положеніе русскаго писателя гуманнаго направленія, то еще тяжелѣе положеніе малорусскаго писателя. Здѣсь для дѣятелей извѣстнаго направленія полный разгулъ. Нѣтъ той пошлости, нѣтъ того оскорбленія, нѣтъ той плоской насмѣшки, которыми бы не бросали въ писателя, разъ онъ имѣетъ несчастіе считаться малорусскимъ литераторомъ. Не чуждаются ни грубой неправды, ни передержки, ни подтасовки фактовъ, ни простой брани... Здѣсь издѣваются надъ самыми святыми убѣжденіями, здѣсь выносится на торжище личность автора, его убѣжденія, его частная жизнь, его семейныя отношенія — все, на счетъ чего только ни пожелаетъ сострить рецензентъ. Проходитъ такъ цѣлая жизнь безправнаго писателя подъ градомъ этихъ нападокъ, но ничѣмъ нельзя погасить ту великую идею, которая освѣщаетъ жизнь дѣятелей народнаго слова»...

Несмотря на то, что въ эксперты былъ приглашенъ одинъ изъ кіевлянинскихъ столповъ, тоже на своемъ вѣку не мало обвинявшій малорусскую литературу въ разныхъ преступленіяхъ, проф. Флоринскій, и несмотря на его весьма загадочное поведеніе во время суда (онъ, напр., ссылался на незнаніе очень извѣстнаго произведенія Ожешковой, знакомство съ которымъ было

*) См. *Кіевское Слово*, 1901 г., № 4989.

очень важно для установленія самаго факта клеветы,—затруднялся познакомиться съ нимъ въ оригиналѣ и послѣ долгихъ разговоровъ прочелъ его въ русскомъ переводѣ, хотя давно уже читаетъ въ Кіевскомъ университетѣ лекціи по польскому языку и пр.), судъ призналъ доказаннымъ самый фактъ злостнаго оклеветанія г. Старицкаго и приговорилъ г. Александрова къ заключенію въ тюрьмѣ на недѣлю.

Это, конечно, очень хорошій урокъ для тѣхъ господъ, которые обращаютъ печатное слово въ орудіе сыска и клеветнической расправы.

Въ декабрѣ минувшаго года въ Петербургѣ чествовали популярнаго стараго литератора, свидѣтеля лучшихъ временъ, Петра Исаевича Вейнберга. Полвѣка работаетъ онъ въ сферѣ искусства и, благодушный, даровитый садовникъ слова, бережно и любовно пересаживаетъ на русскую почву красивые цвѣты западной литературы. Съ юныхъ лѣтъ очарованный поэзіей, онъ остался ей вѣренъ до вечера своей жизни и, старый рыцарь музъ, продолжаетъ служить имъ и понынѣ. Трагики античнаго міра, Шекспиръ, Байронъ, Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Ленау, Гюго,—поэты разныхъ языковъ и разныхъ настроеній,—всѣ они нашли себѣ въ Петрѣ Вейнбергѣ вдумчиваго истолкователя, и онъ искусно претворилъ ихъ созданія въ свою родную рѣчь. Въ журналѣ *Изящная Литература*, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ своей извѣстной серіи европейскихъ классиковъ онъ воспитывалъ художественный вкусъ русской публики и подарилъ ей цѣлый рядъ талантливыхъ переводовъ изъ области изящнаго творчества. Въ исторіи литературнаго сближенія Россіи и Запада П. И. Вейнбергъ займетъ видную страницу, потому что онъ, вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, является чуткимъ и звучнымъ эхо всѣхъ лучшихъ пѣсенъ Европы. Но есть одинъ поэтъ, которому Несторъ нашей переводной литературы отдалъ свое исключительное вниманіе, свою первую и, вѣроятно, свою послѣднюю любовь. Это — Генрихъ Гейне. Когда Вейнбергъ былъ еще *Гейне изъ Тамбова* и въ шутливыхъ пародіяхъ и остроумныхъ стихахъ отзывался на злобы русскаго дня; когда въ восьми строкахъ своей знаменитой пѣсенки о генеральской дочери и титулярномъ совѣтникѣ онъ сумѣлъ дать исполненную грусти и смѣха картину общественнаго быта,—тогда уже виденъ былъ въ немъ горячій приверженецъ великаго нѣмецкаго лирика. И съ тѣхъ поръ Вейнбергъ не измѣняетъ своему культу Гейне: онъ выпустилъ полное собраніе его произведеній—большей частью въ собственныхъ переводахъ; онъ составилъ его біографію, читалъ о немъ лекціи, и пишущій эти строки слышалъ, какъ умиленно разсказывалъ Петръ Исаевичъ съ каѳедры о своемъ посѣщеніи одинокой могилы Гейне на парижскомъ кладбищѣ. Въ наши дни Вейнбергъ, современникъ Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, близкій другъ Григоровича, вращавшійся въ кружкахъ Некрасова, Полонскаго, Майкова, является какъ бы живой лѣтописью новѣйшей русской литературы и носитъ на себѣ отблескъ той яркой плеяды славныхъ именъ, которыми свѣтится наше искусство. Дѣятельность

Вейнберга, это—соединительное звено между западной и русской поэзіей, а его личность—такое же звено между писателями жившими и писателями живущими. Поэтому все культурное русское общество сердечно раздѣляетъ съ П. И. Вейнбергомъ его прекрасный и достойный праздникъ.

Общество Любителей Россійской Словесности, озабочиваясь лучшимъ устройствомъ юбилейной выставки въ честь Гоголя и Жуковскаго, обращается ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ какіе-либо предметы, такъ или иначе относящіеся къ личностямъ чествуемыхъ писателей,—посвященныя имъ отдѣльныя изданія, журнальныя и газетныя статьи, съ просьбой выслать ему ихъ на время выставки (въ Москву, въ Историческій Музей, на имя А. И. Станкевича). По миновеніи надобности все присланное будетъ возвращено. Оставленное владѣльцами могло бы положить начало музеямъ Гоголя и Жуковскаго, по образцу уже существующихъ музеевъ въ честь Грибоѣдова и Достоевскаго.

1901 годъ въ политическомъ отношеніи.

Не радостно прошелъ первый годъ XX столѣтія. Китайская война, ея цѣли и способы веденія не дѣлаютъ большой чести европейской цивилизаціи. Но эта война почти окончена, иностранныхъ войскъ на территоріи Небесной имперіи осталось немного, императорскій дворъ вернулся въ Пекинъ. Негодованіе противъ европейцевъ долго еще не пройдетъ, разумѣется. Китай вступитъ, вѣроятно, «на путь просвѣщенія», то-есть начнетъ усиленно вооружаться по европейскимъ образцамъ. Наше положеніе въ Манджуріи продолжаетъ быть труднымъ. До сихъ поръ приходится посылать экспедиціи противъ разбойничьихъ отрядовъ, бродящихъ и по Манджуріи, и по Монголіи. Но отношенія между Россіей и Японіей вполнѣ удовлетворительны, а это является важнымъ обезпеченіемъ мира на Дальнемъ Востокѣ.

Другая несчастная война все еще тянется. Англія никакъ не можетъ справиться съ геройскими защитниками независимости бурскихъ республикъ, давно уже офиціально присоединенныхъ. Мы указывали неоднократно на то, что значительная часть англійскаго общества недовольна жестокостью веденія войны и вообще правительственною политикою по отношенію къ бурамъ. Но «любовь къ отечеству и народная гордость» сдерживаютъ протесты, требуютъ, чтобы война была доведена до побѣдоноснаго конца Только малочисленныя группы радикаловъ и либераловъ открыто возстаютъ противъ правительства. Нападенія континентальной печати раздражаютъ англичанъ. Чемберленъ и его единомышленники высокомѣрно противопоставляютъ Великобританію съ ея колоніями остальному міру, который будто бы завидуетъ и боится британскаго могущества. Масла въ огонь подлили рѣчь Чемберлена, въ которой онъ сказалъ, что нѣмцы вели послѣднюю войну съ французами болѣе жестоко, чѣмъ англичане съ бурами, и первая рѣчь германскаго канцлера въ парламентѣ съ порицаніемъ Чемберлену. Второю рѣчью графъ Бюловъ поспѣшилъ дипломатически отступить отъ первоначальнаго заявленія.

Англійская печать негодуетъ на континентальную, и она отчасти права. нападая на политику Чемберлена-Салисбюри, забываютъ Англію Гладстона, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится всѣми друзьями политической свободы и справедливости. Къ сожалѣнію, шовинизмъ не составляетъ печальной особенности англійскаго національнаго характера, и его несимпатичныя проявленія омрачаютъ исторію и другихъ народовъ. Нынѣшній бри-

танскій парламентъ поддерживаетъ политику Чемберлена; за нее выступаетъ, отрекаясь отъ завѣтовъ Гладстона, и крупнѣйшій изъ современныхъ вождей либеральной партіи, лордъ Розбери. Но германской, напримѣръ, печати, укоряющей англичанъ, между прочимъ, за притѣсненія Ирландіи, не мѣшало бы остановиться на германской политикѣ въ Познани и Силезіи. Читатели знаютъ печальное вжесинское дѣло, такъ прискорбно зарекомендовавшее и прусскую школьную администрацію, и прусское правосудіе. А между тѣмъ большинство нѣмецкаго общества стоитъ за подавленіе польской національности. Въ этомъ же смыслѣ и въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ высказывается и тронная рѣчь при открытіи въ нынѣшнемъ году прусскаго ландтага.

Польское общество живо почувствовало и наносимое ему оскорбленіе, и грозящую ему опасность. Чехи дружно откликнулись на польскія заявленія, и въ результатѣ получилось усиленіе анти-германскаго движенія въ Австріи. Такимъ образомъ, унаслѣдованный двадцатымъ вѣкомъ національный вопросъ продолжаетъ развиваться въ острой формѣ.

Выражая полное сочувствіе борьбѣ поляковъ и чеховъ противъ германизаціи, мы не можемъ не симпатизировать и стремленію галиційскихъ русскихъ (русинъ) къ охранѣ и развитію ихъ языка. Мы считаемъ политически совершенно безплоднымъ споръ, *языкъ* или *нарѣчіе* у галичанъ: для пріобрѣтенія права говорить и писать по своему это безразлично.

Намъ доставлена петиція, съ которою обратилось въ цислейтанскій рейхсратъ научное товарищество имени Шевченка въ Львовѣ, въ декабрѣ истекшаго года. Петиція имѣетъ въ виду созданіе въ Львовѣ самостоятельнаго русинскаго университета. Составители ходатайства приводятъ въ свою пользу историческія, законодательныя, національныя и культурныя основанія. Первоначально университетъ въ Львовѣ (Лембергѣ) назначался русинамъ (краковскій—полякамъ). Но въ настоящее время преподаваніе, за немногими исключеніями, ведется въ немъ на польскомъ языкѣ. § 19 австрійской конституціи признается равноправность всѣхъ населяющихъ имперію племенъ въ дѣлѣ языка, въ школѣ, учрежденіяхъ и общественной жизни. Между тѣмъ русины, которыхъ въ Австріи около четырехъ милліоновъ, не имѣютъ своего университета. Студенты-русины вынуждены учиться въ австрійскихъ университетахъ или по-польски, или по-нѣмецки, что задерживаетъ культурное развитіе народа *). Число студентовъ-русинъ перешло уже за 800 и постоянно возрастаетъ.

Со всѣхъ сторонъ, говорится въ петиціи, мы слышимъ призывы: необходимо основать самостоятельный русинскій университетъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ усиленіе національнаго духа. И это усиленіе перекрещивается съ унитарными и централизаторскими стремленіями господствующихъ (не всегда численно) въ государствѣ племенъ. Такъ дѣйству-

*) Въ Галиціи въ 50% народныхъ школъ и въ четырехъ высшихъ гимназіяхъ преподаваніе ведется по-русински.

ютъ, напримѣръ, мадьяры по отношенію къ словакамъ, сербамъ и румынамъ. По офиціальной венгерской переписи 1890 года словаковъ числилось 1.910,279. Теперь можно положить круглымъ числомъ два милліона. Ближайшіе ихъ сосѣди, наиболѣе близкіе и по языку, чехи внимательно изучаютъ исторію и бытъ словаковъ, поддерживаютъ ихъ въ борьбѣ противъ мадьяризаціи *). Съ великимъ трудомъ удалось словакамъ въ 1870 г. учредить частныя гимназіи на своемъ языкѣ. Но въ 1875 году онѣ были закрыты Коломаномъ Тиссою, и у словаковъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного средне-учебнаго заведенія. Такимъ образомъ національно-государственная несправедливость обходитъ почти всю Европу.

Въ Босніи и Герцеговинѣ мадьяризація и онѣмеченіе развиваются параллельно. Подъ конецъ прошлаго года въ западной печати появились упорные слухи о скоромъ офиціальномъ присоединеніи этихъ областей къ Габсбургской монархіи. Сербская печать забила тревогу. Дѣйствительно, мадьяро-нѣмецкія стремленія отрѣзать Черногорію отъ Сербіи и Болгаріи, выйти на берега Адріатическаго и Эгейскаго морей, очень опасны для всѣхъ славянъ Балканскаго полуострова. Въ послѣднее время, къ счастію, съ возстановленіемъ королемъ Александромъ нарушенныхъ его отцомъ конституціонныхъ гарантій, произошло сближеніе между Сербіей и Болгаріей. Къ сожалѣнію, внутреннее ихъ состояніе, въ особенности Болгаріи, неудовлетворительно. Попытка болгарскаго правительства заключить иностранный заемъ, на тяжелыхъ для народа условіяхъ, повела къ паденію кабинета Каравелова и немедленно вслѣдъ затѣмъ Данева. Собраніе народныхъ представителей распущено. Финансы княжества можно было бы поправить сокращеніемъ военныхъ расходовъ, теперь очень обременительныхъ, но на это не соглашается князь Фердинандъ.

Его сюзеренъ, турецкій султанъ, продолжаетъ политику, которую жестоко осудитъ не только моралистъ, не только каждый человѣкъ, которому на самомъ дѣлѣ святы евангельскіе завѣты, но и каждый политикъ и дипломатъ, не порвавшій окончательно связи съ этими завѣтами. Имущество, человѣческое достоинство и жизнь христіанскихъ подданныхъ падишаха не имѣютъ никакихъ гарантій. Реформы, которыя 23 года тому назадъ Европа торжественно потребовала для Македоніи и Арменіи, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ игнорируются султаномъ. Вина падаетъ, конечно, на мнимо-христіанскія державы Европы, въ особенности на дружащую съ турецкимъ правительствомъ гогенцоллернскую имперію. Помогая развитію военныхъ силъ Турціи и домогаясь отъ нея торговыхъ выгодъ въ Малой Азіи, Германія въ то же время подталкиваетъ Австро-Венгрію къ Албаніи и Македоніи. Для этого Австріи надо, конечно, стать твердою ногою въ Босніи и Герцеговинѣ. Слѣдуетъ напомнить, что на берлинскомъ

*) Извѣстный французскій славистъ, Луи Леже, отмѣчаетъ, что на парижской всемірной выставкѣ въ венгерскомъ отдѣлѣ народнаго образованія всѣ учебники, пособія и т. п. были исключительно на мадьярскомъ языкѣ (*Les Slovaques, Questions Dipl. et Col.*, 15 décembre 1901).

конгрессѣ предложеніе передать Австро-Венгріи управленіе этими провинціями было сдѣлано лордомъ Салисбюри и поддержано покойнымъ Бисмаркомъ. Знатоки международнаго права полагаютъ, что султанъ съ тѣхъ поръ сталъ *nudus dominus*, а фактическимъ властелиномъ явилась Австро-Венгрія.

Графъ Андраши фанфаронски заявилъ, что въ Боснію и Герцеговину будутъ посланы эскадронъ гусаръ и оркестръ военной музыки и занятіе благополучно совершится. Мусульманское населеніе оказало однако сопротивленіе, и пришлось пролить не мало крови и истратить не мало денегъ, чтобы оккупація сдѣлалась фактомъ. Австрійское управленіе,—надо отдать ему справедливость,—не безуспѣшно стремилось улучшить положеніе земледѣльцевъ-несобственниковъ (кметовъ) по отношенію къ землевладѣльцамъ (беги и аги—главнымъ образомъ потурчившіеся сербы-магометане). Десятина въ пользу правительства замѣнена денежнымъ сборомъ, но эта реформа далека отъ справедливости, а къ поземельному налогу власти еще не приступаютъ (кадастра нѣтъ). Соціальная и религіозная рознь нѣсколько смягчилась, но отнюдь не устранена. Австрійскій императоръ, по соглашенію съ константинопольскимъ патріархомъ, получилъ исключительное право назначать епископовъ. Естественно, что пользованіе этимъ правомъ со стороны католическаго государя лежитъ не въ интересахъ православнаго сербскаго населенія, и католическая пропаганда очень поощряется австрійскими властями, которыя искусно пользуются распрями между кроатами-католиками и сербами-православными.

За движеніемъ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ не безъ тревоги слѣдятъ и въ Италіи, имѣющей свои виды на албанское побережье. Говорить, впрочемъ, о серьезномъ столкновеніи между ними нѣтъ никакого основанія: Италіи рискованно поссориться съ Австріей и прикрывающею ее Германіей. Хотя тройственный союзъ и много потерялъ въ глазахъ итальянцевъ, всетаки правительство не рѣшается отъ него отказаться. Въ царствованіе новаго короля, наученное горькими уроками абиссинской войны, правительство Цанарделли-Принетти отказалось отъ колоніальныхъ приключеній и отъ шовинистской политики, вызывавшей столкновеніе съ Франціей. Изъ послѣднихъ заявленій Делькассе и Принетти видно, что отношенія между Италіей и Французскою республикою приняли успокоительный, благожелательный характеръ. Франція, повидимому, завѣрила сосѣдку, что не имѣетъ никакихъ агрессивныхъ притязаній на Триполисъ.

Это измѣненіе международной политики даетъ возможность нынѣшнему радикальному кабинету позаботиться наконецъ о бѣдственномъ населеніи и земледѣльческихъ, и фабрично-промышленныхъ округовъ государства.

Финансы Италіи стали поправляться: вмѣсто дефицита въ семь слишкомъ милліоновъ, который оказался въ 1900—1901 гг., годъ закончился излишкомъ въ 47 милліоновъ лиръ, несмотря на то, что китайская экспедиція поглотила пятнадцать милліоновъ. Кабинетъ строго велъ расходы и

сберегъ на нихъ восемь милліоновъ. По отчету министра финансовъ, ди-Брольо, косвенные налоги и налоги на движимую собственность дали на 40 милліоновъ болѣе смѣтныхъ предположеній. На 1901—1902 годъ правительство разсчитывало израсходовать семнадцать милліоновъ на желѣзныя дороги, уплатить въ погашеніе долга около пятнадцати милліоновъ и всетаки получитъ излишекъ больше, чѣмъ въ тридцать милліоновъ лиръ.

Въ 1902—1903 г. предвидится также бюджетный излишекъ въ 14 милліоновъ. Такое состояніе государственнаго казначейства позволитъ приступить къ серьезнымъ финансовымъ и экономическимъ реформамъ.

Въ противоположность Италіи, внутреннее положеніе Испаніи не улучшилось въ истекшемъ году. Ни экономическія условія населенія, ни политическія отношенія несчастливой страны не подаютъ надеждъ на скорое исцѣленіе терзающихъ ее бѣдствій. *Консерваторамъ* приходится охранять эти бѣдствія, прогрессивныя группы составляютъ меньшинство и не могутъ покуда выступить въ творческой работѣ.

Скончался одинъ изъ вождей республиканцевъ-федералистовъ, пользовавшійся уваженіемъ всѣхъ партій, престарѣлый Пи-и-Маргаль. Онъ родился въ Барселонѣ 27 апрѣля 1824 г., въ недостаточной семьѣ. Совсѣмъ юношей, онъ выступилъ на литературную дѣятельность съ сочиненіями по исторіи искусства и по средневѣковой исторіи (въ 1842—1851 году). За послѣднее онъ былъ отлученъ отъ церкви *).

Съ 1850 года Пи-и-Маргаль вступаетъ въ политическую жизнь сначала воинствующимъ журналистомъ, почти одновременно съ Кастеляромъ. Въ 1866 году онъ участвовалъ въ неудавшемся заговорѣ, послѣ котораго вмѣстѣ съ другими заговорщиками противъ королевы долженъ былъ бѣжать за границу. Воротившись на родину наканунѣ революціи 1868 года, онъ былъ въ слѣдующемъ году выбранъ въ Барселонѣ депутатомъ въ учредительные кортесы. Король Амедей, вслѣдствіе оппозиціи ему со стороны консерваторовъ и республиканцевъ, вынужденъ былъ отказаться отъ трона, и въ

*) Кстати въ каталогъ книгъ, запрещенныхъ римско-католическою церковью въ 1900 г., вошли слѣдующія:

Сочиненія французскихъ энциклопедистовъ, трактатъ Гельвеція „О человѣкѣ“, почти всѣ сочиненія Вольтера, „Le fataliste et son maître“ Дидро, „Эмиль“, „Новая Элоиза“, „Общественный договоръ“ Руссо, „Политическая экономія“ Милля, „Исторія философіи“ Кузена, „Позитивная философія“ Ог. Конта, „Operette morali“ Леопарди, „Критика чистаго разума“ Канта, „Философія отцовъ церкви“ Губера, „Теологико-политическій трактатъ“ Спинозы, важнѣйшія сочиненія Локка, всѣ сочиненія Юма, философскія сочиненія Декарта и мн. друг. Изъ историческихъ сочиненій запрещены: „Римскіе папы“ Ранке, „Исторія Рима въ средніе вѣка“ и другія сочиненія Грегоровіуса, „Исторія цивилизаціи Англіи“ Галлама, „Исторія французской революціи“ Минье, всѣ сочиненія Ренана, „Исторія испанской инквизиціи“ Льоренте, „Исторія итальянскихъ государствъ въ средніе вѣка“ Сисмонди и друг. Изъ беллетристовъ запрещены: цѣликомъ—Еженъ Сю, Бальзакъ, оба Дюма, Мюрже, Ж. Зандъ и Стендаль, „Пѣсни“ Беранже, „Воспоминанія“ Ламартина, „Notre Dame de Paris“, „Les misérables“ Гюго, „Neue Gedichte“, „Reisebilder“, „De l'Allemagne“, De la France“ Гейне, „Альбигойцы“ Ленау и т. д.

Испаніи была превозглашена республика. Пи-и-Маргаль игралъ видную роль въ этой эфемерной республикѣ, сначала какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, потомъ, какъ министръ-президентъ, наконецъ, какъ президентъ республики. Стойкій республиканецъ, онъ, не желая вступать въ компромиссы, удалился съ этого поста (его смѣнилъ Сальмеронъ, потомъ Кастеляръ). Государственный переворотъ, произведенный генераломъ Павіа, возстановилъ бурбонскую монархію.

Пи-и-Маргаль удалился до 1886 года съ политическаго поприща. Съ этого года до самой смерти каталонскіе избиратели посылали его въ кортесы. И тамъ, и въ своей газетѣ онъ продолжалъ защищать убѣжденія своей молодости. Въ 1874 году въ него дважды стрѣлялъ фанатикъ католическій монахъ, но промахнулся.

Пи-и-Маргаль былъ политическимъ человѣкомъ, которому не было мѣста въ современной Испаніи, раздираемой междуусобіями, гдѣ сталкиваются двадцатый и семнадцатый вѣкъ, гдѣ основныя требованія правомѣрнаго государственнаго строя встрѣчаютъ ожесточенное противодѣйствіе со стороны реакціонеровъ, все еще могущественныхъ клерикаловъ и непримиренныхъ карлистовъ. Жестокое пораженіе, нанесенное Испаніи Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, и потеря почти всѣхъ колоній не образумили клерикаловъ-реакціонеровъ. Теперь для Испаніи, внѣ Пиренейскаго полуострова, главный интересъ представляетъ, пожалуй, еще уцѣлѣвшая колонія въ Марокко. О ней и вообще объ отношеніяхъ Испаніи къ марокканскому вопросу говоритъ Юліанъ Рибера въ *Revista de Aragon* *). Авторъ жестоко осуждаетъ тщеславную и несправедливую политику, которая вызываетъ внутренніе раздоры и междуусобныя войны въ самой Испаніи и повела къ потерѣ богатыхъ колоній. Такого же мнѣнія онъ и объ отношеніяхъ къ Марокко: безтактные правители испанскихъ владѣній на сѣверномъ берегу Африки вызываютъ столкновенія съ туземцами, а правительство, вмѣсто того, чтобы отозвать ихъ, шлетъ ультиматумы султану и вымогаетъ отъ него штрафы и вознагражденія.

Рибера противъ союза съ Англіей, которая удовольствуется Танжеромъ, но не вступится за Испанію, если она придетъ въ столкновеніе съ Франціей. Покуда англичане владѣютъ Гибралтаромъ, въ нихъ трудно видѣть друзей Испаніи. Съ Франціей соглашеніе возможно по всѣмъ пунктамъ, и во всякомъ случаѣ марокканскій вопросъ безъ нея разрѣшиться не можетъ: алжирская граница представляетъ превосходную операціонную базу и для защиты, и для нападенія. Франція можетъ оказать благотворное вліяніе на внутреннія дѣла Испаніи, и было бы безумiемъ превращать ее во врага.

Дѣйствительно, для Испаніи Франція могла бы оказаться драгоцѣнною союзницею и послужить благотворнымъ примѣромъ. Было бы въ высшей степени полезно для внутренняго развитія Пиренейскаго полуострова, еслибъ испанское правительство послѣдовало французскому въ отношеніи, напри-

*) Я ссылаюсь на эту статью по изложенію въ *Quest. Dipl. et Colon.*, въ январьской книжкѣ нынѣшняго года.

мѣръ, къ римско-католической церкви. Правда, принципъ, провозглашенный Кавуромъ,—свободная церковь въ свободномъ государствѣ,—еще не осуществленъ во Франціи, но съ закономъ о конгрегаціяхъ могуществу духовенства нанесенъ сильный ударъ. Правительство Вальдека-Руссо стоитъ за конкордатъ и отказываетъ крайнимъ партіямъ въ уничтоженіи представительства при Ватиканѣ и бюджета вѣроисповѣданій. Въ послѣднихъ парламентскихъ дебатахъ бюджетъ этотъ принятъ большинствомъ 350 противъ 187.

Во время преній аббатъ Лемиръ признавалъ, что конкордатъ не носитъ никакого религіознаго характера: онъ является соглашеніемъ между двумя сторонами, — римскимъ первосвященникомъ и французскимъ правительствомъ,—лѣвая аплодировала оратору, правая молчала.

Нельзя не отмѣтить, что въ кругу умѣренныхъ республиканцевъ, согласныхъ на сохраненіе конкордата, часто выражается недовольство Ватиканомъ. Часть бюджета культовъ идетъ на поддержаніе католическихъ миссій на Востокѣ; но эти миссіи плохо себя зарекомендовываютъ и руководятся изъ Рима *Пропагандою вѣры*, во главѣ которой стоитъ такой врагъ Франціи, какъ кардиналъ Ледоховскій. Многіе поэтому стремятся къ національзаціи католической церкви во Франціи, къ галликанизму.

Среди относительнаго затишья въ политической жизни республики, въ значительной степени объясняющагося спокойной твердостью кабинета Вальдека-Руссо, нарастаетъ, повидимому, знаменательное движеніе. До извѣстной степени оно имѣетъ связь съ дѣломъ Дрейфуса. Еще во время реннскаго процесса замѣчено было, что знаменитый защитникъ Дрейфуса, Лабори, измѣнилъ свою тактику и отказался отъ рѣчи, предоставивъ произнести ее своему оппортюнисту-товарищу, который тщательно избѣгалъ всего, что могло вызвать раздраженіе замѣшанныхъ въ дѣлѣ генераловъ.

Въ концѣ прошлаго года Лабори выступилъ съ разъясненіями, напечатанными въ нѣсколькихъ №№ газеты *Le Journal*. Дѣло Дрейфуса,—говоритъ Фернандъ Лабори,—отошло въ исторію; но въ немъ осталось много темнаго и жива его связь съ настоящимъ. Оно все еще волнуетъ Францію.

Лабори сообщаетъ, что Рейнакъ,—другъ Дрейфуса,—предложилъ ему передать другому адвокату защиту его противъ обвиненія вдовою полковника Анри. Этотъ отказъ, послѣ амнистіи, принятой Дрейфусомъ вопреки совѣту Лабори, носитъ политическій характеръ.

Отмѣчая клеветы и преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, краснорѣчивый адвокатъ въ статьѣ *Человѣкъ и идея* заявляетъ, что въ дѣлѣ Дрейфуса для него неразрывно связаны были и частная, и политическая его стороны. Разъ *человѣкъ* отказался отъ политической борьбы и удовольствовался амнистіей, положившей конецъ его личнымъ страданіямъ и страданіямъ его семейства,—для Лабори исчезла изъ процесса *идея*. Настойчиво и горячо говоритъ онъ объ этой идеѣ, о справедливости, ставящей въ основу государственнаго и общественнаго строя достоинство и свободу человѣческой личности, не взирая на племя и религію.

Эту идеалистическую цѣль имѣетъ въ виду Лабори и въ другихъ своихъ статьяхъ, и въ публичныхъ бесѣдахъ. Одна изъ послѣднихъ была посвящена вопросу о нравственныхъ идеяхъ и политикѣ (въ громадномъ переполненномъ залѣ, въ присутствіи Фредерика Пасси, Трарьё, Клемансо и многихъ другихъ знаменитостей, при дружныхъ и восторженныхъ рукоплесканіяхъ въ честь прибывшихъ Золя и полковника Пикара). Лабори былъ встрѣченъ горячею овацiею. Конференція была организована демократическою школьною лигою, и ораторъ обратился прежде всего съ благодарностью къ учащейся молодежи. Останавливаться на его рѣчи въ общемъ обзорѣ года было бы, такъ сказать, непропорціонально; но въ ней выражается то знаменательное движеніе, которое съ новою силою возрождается во Франціи. Съ энтузіазмомъ произносимое восхваленіе истины, нравственности, идеала съ неменьшимъ энтузіазмомъ встрѣчалось разнообразно составленною аудиторіею.

Въ этомъ не мало, если хотите, романтизма, но того романтизма, въ основѣ котораго восторженное исканіе правды сочетается съ культомъ разума и науки. Не даромъ Франція готовится въ нынѣшнемъ году торжественно отпраздновать столѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Франція вступаетъ на вѣрный путь для разрѣшенія вопроса о преобразованіи средней школы. Кратко и точно резюмируетъ стремленія большей части французскаго общества Фернёйль въ статьѣ, напечатанной въ послѣдней книжкѣ прошлаго года извѣстнаго журнала *Revue Politique et Parlementaire.*

Давно пора,—говоритъ Фернёйль—разрѣшить эту задачу, волнующую общество, вызывающую страстные споры. Нельзя держать школьное дѣло въ неустойчивости: это компрометируетъ высшіе интересы національнаго воспитанія. При колебаніяхъ и компромиссахъ системы образованія безсильны выполнить ихъ общественныя цѣли. Нельзя держать въ неизвѣстности и тревогѣ семью, учащихся и самихъ учащихъ.

Проектъ парламентской коммиссіи, который скоро подвергнется обсужденію въ палатѣ депутатовъ, имѣетъ между прочимъ въ виду бо̀льшую самостоятельность лицъ, завѣдывающихъ учебными заведеніями, и учрежденіе совѣта съ участіемъ выдающихся въ мѣстности людей, близкихъ заведенію по воспитанію. Учебные планы и правила, въ предѣлахъ общихъ основаній, предполагается разнообразить по мѣстнымъ условіямъ. Фернёйль предлагаетъ первый циклъ гимназическаго обученія,—по-нашему до 5-го класса, посвятить родному и новымъ иностраннымъ языкамъ, исторіи, географіи, элементамъ математики и естественнымъ наукамъ. Затѣмъ среднее учебное заведеніе раздвояется на классическое и современное, причемъ изъ послѣдняго мертвые языки исключаются. И та, и другая школа надѣляется равными правами.

*) Чехи уже увѣдомили (литературное общество *Май*), что желаютъ принять участіе въ этихъ торжествахъ. Будетъ, между прочимъ, открытъ въ Парижѣ, на площади Вогезовъ, музей Виктора Гюго.

Опытъ, уже сдѣланный во Франціи, блистательно доказалъ, что не классическая, реальная школа съ полнымъ успѣхомъ подготовляетъ и ко всѣмъ университетскимъ факультетамъ, и къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Фернёйль совѣтуетъ не отставать въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, отъ Германіи. Въ интересахъ культурнаго роста страны и общественной справедливости необходимо, чтобы будущіе руководители фабричныхъ, торговыхъ и т. п. предпріятій получили широкое умственное развитіе, основанное не только на физико-математическихъ и естественныхъ наукахъ, но и на исторіи, и литературѣ, родной и иностранной. Въ этомъ смыслѣ высказываются многія компетентныя лица, въ томъ числѣ Дарбу, деканъ парижскаго физико-математическаго факультета.

Знаменитый Грeаръ констатируетъ, что *современное обученіе (l'enseignement moderne)* доказало уже свою живучесть и плодотворность и вступило въ рѣшительное соперничество съ классическою школою. Въ 1898 году въ классическія гимназіи, въ шестой классъ, вступило 2,713 учениковъ, въ шестой классъ современной школы—2,893.

Самой классической школѣ лучше признать себѣ равноправною школу современную и, потерявши въ количествѣ, постараться улучшиться качественно.

Изъ небольшихъ европейскихъ государствъ наиболѣе важныя событія произошли во внутренней жизни Даніи. Король, послѣ долголѣтней борьбы съ все возраставшею демократіею, призвалъ, наконецъ, къ власти представителей парламентскаго большинства. Глава новаго кабинета Дейнцеръ (Deuntzer) на громадномъ политическомъ банкетѣ, которымъ привѣтствовали новое министерство, выступилъ съ либеральною, но умѣренною программою. Онъ обѣщалъ расширеніе избирательныхъ правъ, публичность судебныхъ засѣданій, судъ присяжныхъ (въ судебномъ отношеніи Данія очень отсталая страна), преобразованіе, въ интересахъ справедливаго распредѣленія, податной системы. Министръ финансовъ Хаге (Hage) представилъ бюджетъ на 1902—1903 годъ. Онъ заключаетъ въ себѣ проектъ займа въ 30.715,000 кронъ, изъ которыхъ большая часть предназначается на постройку желѣзныхъ дорогъ, а десять—на пособія для пріобрѣтенія земледѣльцами небольшихъ участковъ. Свою рѣчь министръ финансовъ кончилъ такимъ образомъ: «Мы должны бороться лойяльно и уважать права каждаго, чтобы побѣжденный не почувствовалъ никакой горечи отъ своего пораженія. Пусть побѣдитель докажетъ свою скромность въ побѣдѣ, потому что и онъ въ свою очередь можетъ быть побѣжденъ. Право, равное для всѣхъ, вотъ—великое благодѣяніе, которое намъ приноситъ XX столѣтіе. Надѣемся его сохранить».

Данія счастливо вступила въ новый вѣкъ.

В. Г.

«Ирининская Община» князя А. И. Сумбатова.

(Малый театръ).

— Да! Я напишу, какъ трудно дѣлать стойко самое простое дѣло. Я напишу, какими тяжелыми путями люди идутъ впередъ къ свѣтлому и чистому общему счастію,—говоритъ добрая идеалистка Анна Евгеніевна.

— И какой дорогой цѣной надо платить за каждый шагъ,—продолжаетъ ея рѣчь докторъ, глядя на любимую женщину, Ирину Бойцову.

— Это давно написано,—возражаетъ нетерпѣливо антипатичный ихъ собесѣдникъ Истоковъ, человѣкъ изъ породы новыхъ хищниковъ.

На это та же неисправимая идеалистка замѣчаетъ, что такіе уроки надо чаще повторять, надо чаще показывать картины дѣйствительности, приводящія къ такимъ горькимъ выводамъ о жизни.

Впрочемъ, выводы эти не такъ ужъ «горьки и безотрадны»: вѣдь впереди, послѣ всѣхъ этихъ тяжкихъ жертвъ, всетаки ожидаются великія и богатыя милости фортуны, разумѣя эти слова въ нравственномъ смыслѣ, т.-е. ожидается въ концѣ концовъ побѣда борца, отважившагося, не взирая на гоненія и клевету враговъ, пойти поработать на общее дѣло. «Знаете, это даетъ бодрое настроеніе»,—лепечетъ въ отвѣтъ на эти рѣчи собесѣдниковъ легкомысленная, экзальтированная дамочка, Нина, разумѣя подъ словомъ «настроеніе» что-то особенно заманчивое, таинственное и символически сладостно неясное...

Что бы тамъ ни разумѣла веселая барынька, а бодрое настроеніе отъ картинъ борьбы, съ побѣдой въ результатѣ, несомнѣнно, получается, а это, право же, всегда скорѣе хорошо, чѣмъ плохо. И въ этомъ заключается между прочимъ одна изъ существенныхъ причинъ успѣха новой пьесы князя А. И. Сумбатова «Ирининская Община», откуда я взялъ только что приведенный разговоръ. Разговоръ этотъ содержитъ въ себѣ какъ бы признаніе и самого автора о цѣли и задачахъ его новаго труда.

Да, онъ намъ показалъ, какъ тяжко быть у насъ общественнымъ дѣятелемъ, сколько нравственныхъ терзаній выпадаетъ на долю каждаго, взявшаго на себя какое бы то ни было, хотя бы и самое маленькое дѣло. И правъ, о, безконечно правъ, разумѣется, авторъ, когда на ядови-

тое замѣчаніе, что все это давно уже говорилось, возражаетъ съ искреннимъ убѣжденіемъ устами нѣкоей Анны Евгеніевны, что такія вещи надо чаще повторять.

Надо чаще повторять, что побѣды и успѣхъ стоятъ тяжкихъ и долгихъ усилій, стойкой воли, желѣзной брони терпѣнія и презрѣнія къ вражескимъ кознямъ. Иначе не стоитъ и бороться за смѣлое и отвѣтственное дѣло.

А страшно это испытать—положеніе одинокаго новатора и начинателя посреди лукавыхъ, злыхъ предателей и клеветниковъ. Автору оно напомнило энергичныя строки Торквато Тассо въ его «Освобожденномъ Іерусалимѣ», которыя князь А. И. Сумбатовъ и взялъ себѣ въ эпиграфы новой его комедіи:

Никто, о вождь, не можетъ похвалиться,
Что въ лѣсъ войдетъ сквозь тысячи препонъ.
Въ тройную сталь тотъ долженъ облачиться
И всякихъ чувствъ тотъ долженъ быть лишенъ,
Кто выслушать безъ трепета захочетъ,
Какой тамъ свистъ, какой тамъ громъ грохочетъ...

Сплетни, пасквили, доносы—вотъ награда смѣльчаку. Не нова, что и говорить, эта мысль, но проявляется она въ каждое время по особому. Сумѣлъ обставить свою идею чертами нашихъ дней Сумбатовъ. И въ этой отзывчивости на современныя явленія и теченія заключается вторая заслуга автора. Тутъ задѣты и нѣкоторыя новыя стороны общественныхъ движеній послѣдняго времени: отмѣченъ поворотъ въ средѣ нашей крупной буржуазіи въ сторону дѣятельности, направленной къ улучшенію быта рабочаго класса, проведена струйка демократическаго характера въ средѣ интеллигенціи, сочувствующей бѣдствующему люду, выставленъ типъ дѣятеля-организатора и начинателя въ области реформированія условій труда человѣка, вышедшаго изъ трудового сословія и сознавшаго свой долгъ служенія родной средѣ, показана интеллигентная представительница капитала, милліонерша-фабрикантка, рѣшившаяся отдать народу тѣ милліоны, которые ея родъ пріобрѣлъ его трудомъ, и рядомъ съ этимъ раскрыта картина оборотной стороны медали. Это—хищники-эксплуататоры изъ среды вымирающаго барства, задыхающіеся въ атмосферѣ жадной корысти, обмана, ажіотажа, нечестной наживы и ловкаго, деликатнаго обирательства, это культурные люди, цѣпко ухватившіеся за послѣднія модныя слова новыхъ интеллектуальныхъ теченій, поощряющіе буржуазную умственную лѣнь, нѣгу эгоистическаго самодовольства и копанья въ смутныхъ тонкостяхъ мельчайшихъ сибаритскихъ ощущеній, примазавшейся къ пресловутымъ декадентщинѣ и символизму на россійской почвѣ самодѣльщины, это новые Репетиловы, въ области искусства подхватившіе ходячую теорію «настроеній» и обратившіе ее въ непроходимую пошлость, и это въ одно и то же время ловкіе дѣльцы, готовые въ погонѣ за успѣхомъ въ биржевой игрѣ, утопить другъ друга безъ малѣйшей жалости, при-

бѣгающіе ради удаленія своего конкурента съ рынка ко всякимъ подлостямъ, подкупамъ, доносамъ и жестокой, совершенно сознательной клеветѣ. И даже высшіе представители умственной жизни, работники слова, журналисты, дѣлаютъ себѣ изъ своей благородной по идеѣ профессіи орудіе вопіющаго зла, шантажа, не щадя ничего и никого, лишь бы скорѣе добиться извѣстности, славы, значенія.

Всѣ эти гады новаго типа, облеченные культурнымъ лоскомъ, обступили со всѣхъ сторонъ двухъ богачей—милліонершу и ея родственника,—желая поживиться чѣмъ только можно на ихъ счетъ. Ради этой цѣли они не останавливаются ни передъ какими самыми наглыми и гнусными средствами.

Всякій, кто познакомится съ этими картинами и типами, невольно подумаетъ: «Здѣсь московскій духъ, здѣсь Москвою пахнетъ».

Ирина Владиміровна Мамасова, ради поддержанія своего захудалаго дворянскаго рода и въ особенности для матеріальнаго обезпеченія братца своего, маменькина любимца, Фантина Владиміровича, вышла замужъ за мужика Тараса Бойцова, обладавшаго золотыми мѣшками и крупною фабрикой. 10 лѣтъ она жила съ нимъ, горько сознавая всю глубину различія между нимъ и ею по степени духовнаго развитія. Она его не любила, но честная ея натура не позволяла ей измѣнять мужу. Она только тихо прозябала, смиренно вынося свой крестъ. Когда Тарасъ Бойцовъ серьезно захворалъ, то къ больному былъ приглашенъ молодой хирургъ, Романъ Борисовичъ Бѣлой.

Неотразимое впечатлѣніе произвелъ на Ирину Владиміровну этотъ врачъ своимъ необыкновенно гуманнымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ больному. Видно было, что докторъ смотрѣлъ на своего паціента не какъ на паціента только, а какъ на ближняго, какъ на человѣка, и любилъ больного какъ брата, и что это вытекало у него прямо изъ самой его любвеобильной натуры. Ирину Владиміровну эта черта въ новомъ и невольномъ знакомомъ плѣнила. Она сама въ силу его примѣра впервые душевно, искренно полюбила своего умирающаго мужа. Полюбила, конечно, какъ человѣка. Бойцовъ сталъ ей и близокъ, и дорогъ. Встрѣчи съ врачомъ заронили въ ея душу сознаніе, впервые явившееся у нея, что есть за предѣлами ея будничной и эгоистической жизни иные интересы, иной образъ жизни и высшія задачи.

Скончался Бойцовъ. Вдова опять духовно осиротѣла. Но жажда жизни новой, невѣдомой для нея и искра любви къ доктору, день ото дня мерцавшая яснѣе и готовая раздуться въ пламя, не давала ей покою. Кончилось тѣмъ, что Бойцова рѣшила поѣхать къ нему, придумавъ для оправданія своего визита мотивъ, который, по ея разсчету, долженъ былъ плѣнить врача. Она предложила ему свои средства на постройку лѣчебницы для чернорабочихъ. Ирина Владиміровна не ошиблась въ своихъ надеждахъ. Бѣлой пришелъ въ неописанный восторгъ: да вѣдь эта мечта, лѣлѣемая имъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, со студенческой скамьи!...

Ирина Владиміровна собираетъ лицъ, на помощь которыхъ она надѣется, и проситъ ихъ, чѣмъ могутъ, содѣйствовать разрѣшенію и организаціи новаго учрежденія, которому, по предложенію одного изъ присутствовавшихъ, дано названіе: «Ирининская Община». Тутъ будетъ и больница для рабочихъ, получившихъ увѣчье, и пріютъ для калѣкъ, требующихъ продолжительнаго, а то и на всю жизнь ухода.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бойцова подпала подъ постоянное вліяніе Бѣлого, она совершенно преобразилась: стала полна энергіи, жизни, плановъ. Бѣлой внушаетъ ей сдѣлать на фабрикѣ разныя реформы въ цѣляхъ улучшенія условій, въ которыхъ живутъ рабочіе. И она горитъ всѣми этими добрыми стремленіями.

Не прошли эти ея мечты безнаказанно для нея. Всѣ, кто зарился на ея милліоны, почуяли въ Бѣломъ своего врага: онъ помѣшаетъ ихъ завѣтнымъ планамъ—поживиться на счетъ ея милліоновъ. Особенно горячится дядя Ирины, купецъ Оборышевъ, крупный предприниматель, у котораго случайно дѣла пошатнулись. На поправку ему нужны 3 милліона рублей. Но гдѣ взять? Ирина, дѣло для него ясное, ни за что не ссудитъ ими дядю. Тогда на выручку старику предлагаетъ свои услуги дѣлецъ Истоковъ, но на условіи—въ случаѣ успѣха, Оборышевъ заплатитъ ему полмилліона. И пусть пока старикъ даетъ ему на эту сумму уже впередъ векселей. Условіе—ужасно ростовщическое, прямо безбожное! Но, дѣлать нечего, старикъ соглашается: иначе придется и разориться и кое за что еще по Владиміркѣ прогуляться. Какъ ни силился Истоковъ уговорить Ирину, она не сдалась.

Тогда Истоковъ задумываетъ употребить послѣднюю мѣру для того, чтобы выжить доктора и помѣшать его предпріятіямъ. Онъ зоветъ къ себѣ молодого человѣка, Нура, жаждущаго чѣмъ-нибудь, хотя бы подлымъ прославить свое имя, и склоняетъ его написать лживый клеветническій пасквиль на доктора. Юноша, предвкушая своими шантажными статьями пріобрѣсти извѣстность и всколыхнуть всю Москву, падкую на сплетни всякаго рода, съ радостью соглашается исполнить всѣ мерзкія порученія Истокова.

Юноша прекрасно справился съ своей задачей: пошли по газетамъ слухи о томъ, что одинъ молодой врачъ уморилъ милліонера, сдѣлавъ ему нарочно смертельную операцію и имѣя въ виду жениться потомъ на богатой вдовушкѣ. Дѣло дошло до того, что на Бѣлого поступилъ къ прокурору доносъ. Къ счастію для доктора, доносчикъ вскорѣ сознался, что онъ былъ подкупленъ деньгами. Однако, сплетня пошла и сдѣлала-таки свое дѣло: многіе повѣрили. Это приводитъ Ирину въ отчаяніе. Она уговариваетъ доктора бросить все и поѣхать съ ней за границу. Но Бѣлой заявляетъ ей, что онъ не способенъ уступать никакимъ происканъ и навѣтамъ, что они никоимъ образомъ не испугаютъ его: онъ не оставитъ своей цѣли. Ирина бросаетъ ему упрекъ: онъ не любитъ ея, онъ предпочитаетъ ей свое дѣло, свои мечты, которыхъ онъ, очевидно, не склоненъ принести въ жертву ей. Онъ смѣло и прямо отвѣчаетъ ей, что какъ

бы ни любилъ онъ ее, но завѣтной идеи своей онъ ради нея не броситъ. Тогда она заявляетъ любовнику, что его идеи и планы стали ей дороги не сами по себѣ, а только потому, что она любитъ его. Онъ рѣшаетъ, что имъ надо разстаться.

А тѣмъ временемъ ее начинаютъ обступать хищники со всѣхъ сторонъ, то прося, то прямо требуя денежныхъ милліонныхъ подачекъ разнаго рода. У нея голова теряется отъ всѣхъ этихъ наглыхъ вымогательствъ. Хищники ни передъ чѣмъ не останавливаются и клевещутъ ей безъ зазрѣнія совѣсти на Бѣлого, обвиняя его въ корыстныхъ побужденіяхъ. Добились враги и того, что не состоялось утвержденіе устава.

Ирина, измученная сплетнями, оскорбленіями и натискомъ со стороны разыгравшихся аппетитовъ, не въ силахъ переносить свое одиночество, зоветъ снова къ себѣ Бѣлого. Она готова посвятить его дѣлу всѣ свои силы и душу, и средства, но не можетъ при этомъ не подвергнуть его цѣлому граду упрековъ за то, что онъ ее не любитъ такъ, какъ любитъ она его. Бѣлой успокаиваетъ ее, вдохнувъ въ нее одушевлявшую его вѣру въ свое дѣло, въ свои задачи, и она соглашается остаться въ Москвѣ и работать вмѣстѣ съ нимъ.

Уже изъ этого краткаго изложенія комедіи видно, что она даетъ намъ правдивую и современную исторію. Дѣло общественное не обходится безъ терноваго вѣнца. И даже такое маленькое, какъ устройство лѣчебницы и общины, окружено такими препонами и злоключеніями, что у человѣка, мало-мальски слабаго волей, руки опускаются. Что же ожидать отъ людей, берущихъ на себя иного рода задачи, задачи высшихъ размѣровъ; предпріятія, требующія высокаго гражданскаго подвига и самоотверженія?

Такихъ, впрочемъ, людей—чрезвычайно мало. И не къ нимъ принадлежитъ герой новой комедіи, Бѣлой. Это—въ сущности человѣкъ счастливый. Онъ счастливъ тѣмъ, что принадлежитъ къ людямъ, въ умственномъ отношеніи довольно-таки, признаться, ограниченнымъ. Это—изъ тѣхъ, что изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса. Ему кажется, что его дѣло, маленькое дѣло, важнѣе всякаго крупнаго (см. XII сцена, III ак.). Онъ не умѣетъ задаваться общественными вопросами съ высшей, болѣе широкой точки зрѣнія, не умѣетъ обобщать явленій и возводитъ это даже въ принципъ: я,—говоритъ онъ,—не соціологъ, не политикъ. Онъ просто увидалъ нужду, увидалъ бѣдняковъ, калѣкъ, изувѣченныхъ на работѣ, сердце его содрогнулось,

> И сердце я спросилъ, и сердцемъ я рѣшилъ:
> Услышавъ братскій стонъ, безъ думъ и размышленья
> Идти и помогать, насколько станетъ силъ...

Такъ бы онъ могъ сказать словами Надсона. Да, именно сердцемъ онъ рѣшалъ соціальные вопросы,—сердцемъ, а не умомъ. И притомъ рѣшалъ узко, хотя практически и правильно съ точки зрѣнія маленькихъ, но добрыхъ дѣлъ. Зато отъ всякихъ теоретическихъ, принципіальныхъ поста-

новокъ вопроса онъ чурался; не признавалъ онъ и того настроенія, которое онъ окрестилъ презрительнымъ названіемъ: «отвлеченная скорбь» (сц. XIV, д. IV). Такую скорбь—мы ее называемъ гражданской—онъ ставитъ въ одинъ рядъ съ безплоднымъ унынiемъ и малодушіемъ.

Какъ бы то ни было, какъ ни малъ умственный кругозоръ этого человѣка, но нельзя не отмѣтить высокихъ его качествъ души, благодаря которымъ онъ способенъ сдѣлать много хорошаго. Это человѣкъ желѣзной силы воли, стойкаго характера, «честный рабочій волъ», какъ его назвалъ одинъ родственникъ Ирины. Энергія его несокрушима: что онъ захотѣлъ, того ужъ добьется во что бы то ни стало. И людей поведетъ за собою, вѣрящихъ въ него, какъ повелъ Ирину. А и тѣ, кто не сочувствуетъ ему, кто даже прямо враждебенъ къ нему, подобно его помощнику—доктору Индусову, всетаки противъ всякой воли своей должны будутъ пойти за нимъ. Такова власть сильнаго духомъ человѣка.

И немудрено, что такіе люди, какъ онъ, принимаются многими ихъ почитателями за героевъ, какъ смотрѣли на него Ирина и Анна Евгеніевна, экзальтированная дама, искренно проникнутая самыми лучшими стремленіями. Онъ и въ самомъ дѣлѣ по нравственной своей мощности, силѣ воли и упорству походитъ, пожалуй, на героя.

Нашлись между критиками пьесы такіе, которые взгляды Бѣлого приписали самому автору. Мнѣ кажется, эта догадка довольно произвольнаго характера. Дѣйствующее лицо пьесы, хотя бы оно было и прекраснѣйшимъ человѣкомъ, вовсе не должно быть непремѣнно выразителемъ взглядовъ автора. Я знаю, что Бѣлой—сторонникъ маленькихъ и сѣренькихъ честныхъ дѣлъ, что онъ вѣритъ «только въ работника», какъ онъ выражается, что теоріямъ и отвлеченнымъ положеніямъ соціологіи онъ не придаетъ никакой практической цѣны. Но какъ думаетъ на этотъ счетъ князь Сумбатовъ, объ этомъ у меня нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, какъ ни узки подобныя личности, но своею благородною дѣятельностью они всегда въ высокой степени полезны и всегда до крайности нужны.

Не могу не отмѣтить исполненія этой роли г. Южинымъ. Трудно въ такихъ роляхъ не удариться мѣстами въ паѳосъ. Авторъ, видимо опасавшійся этого, указываетъ на необходимость спокойнаго, сдержаннаго тона для актера, изображающаго Бѣлого. Г. Южинъ до конца выдержалъ этотъ тонъ и держалъ себя все время просто и искренно.

Въ роли Ирины выступила г-жа Ермолова и все время захватывала душу зрителей. Мы мучились вмѣстѣ съ нею ея душевными терзаніями: чувствомъ гадливости при видѣ назойливыхъ хищниковъ и ужасомъ отчаянія при каждомъ извѣстіи о новыхъ козняхъ враговъ. Но какъ она была оживлена, бодра и чуть не дѣтски весела вначалѣ, когда она вся была охвачена бодрою увѣренностью въ своихъ силахъ, жаждой подвига и широкой дѣятельности, и счастливымъ сознаніемъ, что она любима, что у нея есть вождь и опора, есть смыслъ жизни!

Г-жа Лешковская типично и цѣльно провела характерную и впервые выпукло отмѣченную въ драматической литературѣ фигуру декадентки русскаго фасона. Авторъ вложилъ сюда не мало остроумія, мѣстами, впрочемъ, грозящаго перейти въ шаржъ. Это—Нина, молодая дамочка, очень легкомысленная и, какъ иныя изъ героинь Островскаго, «всякую моду подражающая». Она помѣшана на словахъ: «настроеніе», «гармонія», «неясное», «недосказанное», «туманное». Она не признаетъ никакихъ убѣжденій. Ее шокируетъ это заношенное слово. «Убѣжденіе это что-то грубое, вродѣ быка»,—говоритъ она. Она только то и понимаетъ, по ея словамъ, чего нельзя объяснить словами. А когда ей объясняютъ словами, она перестаетъ понимать. «Вы меня чувствуете»?—поминутно она спрашиваетъ. Она вѣритъ только въ смутныя чувства.

Этотъ типъ хорошо и подмѣченъ, и осмѣянъ авторомъ, а въ прекрасномъ воспроизведеніи его г-жей Лешковской онъ является въ видѣ очень яркой фигуры.

Очень удаченъ былъ г. Ленскій въ роли дѣльца Истокова, этого вѣчно шумнаго, бурнаго человѣка, умѣющаго искусно разыграть изъ себя искреннѣйшаго, завзятаго декадента и символиста, сыплющаго всюду громкія и даже либеральныя фразы. Въ то же время онъ—ловкій дѣлецъ и аферистъ, способный на всякую гнусную клевету и низость, что онъ и продѣлываетъ безъ всякихъ мукъ сомнѣнія и колебанія, съ легкой душой.

Г-жа Никулина удивительно легко справилась съ нелегкой ролью передовой женщины, Анны Евгеніевны,—дамы экзальтированной, слишкомъ восторженной, очень живо воспламеняющейся. То-и-дѣло она негодуетъ, кипитъ, суетится,—даже тамъ, гдѣ ея, собственно, не нужно. Было бы большое искушеніе тутъ удариться въ шаржъ. Но г-жа Никулина справедливо поняла, что эта нескладная женщина—въ сущности и искренній, и добрый, и честный человѣкъ. И она вложила въ ея рѣчи немало естественности и простоты.

Г-жѣ Садовской пришлось, къ сожалѣнію, выступить совсѣмъ не въ ея роли. Старуха Мамасова, урожденная Пичкирякова, очень гордится своимъ древнимъ родомъ, ни на минуту не забываетъ, что она—bien-née. Она должна держаться съ подобающей величавостью, надутая собой. У г-жи Садовской этого не выходитъ. Мѣстами, впрочемъ, и самъ авторъ впадаетъ въ довольно грубый бытовой тонъ, заставляя эту воспитанную даму поминутно бранить покойнаго Бойцова довольно крѣпкими словами: рожа, скотина, алтынникъ, чурбанъ и проч. Вообще эта роль въ пьесѣ вышла не совсѣмъ правдивой.

Шаржемъ, скорѣе подходящимъ для водевиля, чѣмъ для комедіи, проникнута и фигура сына Мамасовой, Фантина. Все время онъ только подергивается, да говоритъ несуразный вздоръ. Поговоритъ двѣ минуты и уже хватается за високъ и жалуется, что умственное напряженіе ему вредно. Роль эта невольно шаржированной вышла и въ исполненіи ея г. Правдинымъ. Кстати сказать, этому артисту она совершенно не под-

ходитъ. Фантимъ, которому не болѣе 30 лѣтъ, являлся и по лицу, и по голосу человѣкомъ, которому за 40 лѣтъ.

Въ общемъ же, комедія прошла очень удачно, имѣла хорошій успѣхъ и заинтересовала публику современностью затронутыхъ въ ней вопросовъ. Нечего и говорить, какъ помогала этому успѣху сценичность компановки пьесы. Что же касается до идеи этой, справедливо сказать, общественной комедіи, то она совершенно по-моему ясно выражена словами дѣйствующихъ лицъ, а также эпиграфомъ изъ Торквато Тассо, приведенными мною въ началѣ этой статьи. Это—трудность какого бы то ни было добраго общественнаго предпріятія, всегда у насъ окружаемаго цѣлымъ лѣсомъ помѣхъ, интригъ и доносовъ. Жаль только, что авторъ не постарался какъ-нибудь дать понять читателямъ и зрителямъ, что онъ не солидаренъ съ узкими воззрѣніями хорошаго, но довольно ограниченнаго доктора на задачу жизни человѣка.

Проповѣдь маленькихъ дѣлъ, предпочтеніе ихъ крупнымъ и пренебреженіе къ общимъ, отвлеченнымъ вопросамъ, руководствованіе однѣми человѣколюбивыми и личными симпатіями при выборѣ себѣ дѣла и орудій для осуществленія своихъ добрыхъ цѣлей—все это можетъ побудить наивнаго зрителя, какъ это и было не разъ, подумать, будто и самъ авторъ не склоненъ брать вопросы съ болѣе глубокой и широкой идейной точки зрѣнія, которую, впрочемъ, требуютъ другія дѣйствующія лица комедіи—главнымъ образомъ Истоковъ, а отчасти и Анна Евгеніевна.

Но выражаемая ими нерѣдко—у Истокова, впрочемъ, только на словахъ,—жажда подвиговъ, сильныхъ натуръ, борьбы не служитъ ли отголоскомъ реакціи и временному увлеченію извѣстной части молодого общества, реакціи противъ начавшихъ уже ветшать декадентщины и каррикатурнаго россійскаго символизма. И не служитъ ли это также признакомъ появленія новаго движенія на смѣну недавней проповѣди мелкихъ дѣлъ? Жизнь требуетъ людей силы, но и этого еще мало: они должны быть одушевлены сознательной и общей идеей, вытекающей изъ ихъ міросозерцанія, основаннаго на данныхъ науки и житейскихъ наблюденіяхъ.

Эту идею почти прямо высказываетъ Истоковъ, — этотъ новый нашъ Репетиловъ, это живое эхо всяческихъ новыхъ теченій.

В. Е.

Письмо въ редакцію.

Въ книгѣ XI *Русской Мысли* за 1901 годъ, въ отдѣлѣ провинціальной хроники, была напечатана замѣтка г. Евг. Чирикова, бросающая тѣнь на дѣятельность правленія общественной библіотеки имени И. И. Лажечникова, въ г. Коломнѣ. Въ опроверженіе обвиненій, изложенныхъ въ этой замѣткѣ, правленіе библіотеки представляетъ съ своей стороны нижеслѣдующее:

Отставной подполковникъ С. сводитъ всѣ свои обвиненія противъ правленія библіотеки къ тремъ пунктамъ.

1. «Я нахожу, что дѣйствія правленія по выдачѣ безъ баллотировки дипломовъ на званіе почетныхъ членовъ тѣмъ лицамъ, кои пожертвовали библіотекѣ книги, неправильны, не согласованы съ уставомъ». Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи подполк. С. считаетъ неправильнымъ признаніе почетными членами лишь 2-хъ лицъ: П. П. Суворова и А. С. Суворина. § 17 устава библіотеки гласитъ: «Въ обязанности правленія входитъ: в) *изысканіе мѣръ къ увеличенію средствъ библіотеки*: пріемъ пожертвованій въ пользу библіотеки *книгами*, деньгами и другимъ имуществомъ»; § 11 того же устава гласитъ: «Вѣдѣнію очередного собранія подлежитъ: в) выборъ членовъ правленія, ревизіонной коммиссіи и почетныхъ членовъ. *Примѣчаніе.* «Въ почетные члены библіотеки могутъ быть избираемы лица, оказавшія услуги библіотекѣ. Лица, пожертвовавшія на нужды библіотеки не менѣе 100 р. единовременно, становятся ея почетными членами безъ избранія».

Въ печатномъ отчетѣ библіотеки за 1899 г. значится: «Въ общихъ собраніяхъ 8 февраля и 4 апрѣля безъ баллотировки, на основаніи примѣчанія къ § 11 устава, были признаны почетными членами библіотеки 17 лицъ (слѣдуютъ фамиліи). Въ числѣ этихъ лицъ: Н. А. Хабаровъ, К. Т. Солдатенковъ, А. Ф. Марксъ, П. П. Суворовъ и А. С. Суворинъ были признаны почетными членами не за денежное пожертвованіе, а за пожертвованіе *книгами* на сумму не менѣе 100 руб.

При первоначальномъ устройствѣ библіотеки г. Суворину былъ сдѣланъ правленіемъ заказъ болѣе чѣмъ на 1,000 руб.; въ счетъ книгъ ему

не были уплачены всѣ деньги, такъ какъ г. Суворинъ изъявилъ согласіе сдѣлаться почетнымъ членомъ библіотеки и болѣе 100 руб. не дополучилъ съ библіотеки, вслѣдствіе чего правленіе и зачислило его въ почетные члены.

Г. Суворовъ, пожертвовавшій книгъ на 200 руб., на тѣхъ же основаніяхъ зачисленъ правленіемъ въ число почетныхъ членовъ, о чемъ и значится въ журналѣ общаго собранія.

Изъ вышеизложеннаго видно, насколько было справедливо требованіе подполк. С. о какой бы то ни было баллотировкѣ по отношенію къ гг. Суворову и Суворину.

2. «Я нахожу и могу доказать, что журналы о засѣданіяхъ общихъ собраній 13 января и 8 марта 1900 г. составлены неправильно», говоритъ далѣе подполк. С.

Вопросъ о правильности составленія журналовъ общихъ собраній 13 янв. и 8 марта 1900 г. былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи 13 мая 1900 г., которое, признавъ ихъ правильными, утвердило.

На журналѣ общаго собранія 13 мая 1900 г. подполковникомъ С. была сдѣлана очень обширная надпись, совсѣмъ не относящаяся къ предмету собранія и касающаяся лишь частныхъ случаевъ неудовольствія его отдѣльными членами правленія, о чемъ въ собраніи имъ заявлено не было. Вслѣдствіе этого предсѣдатель собранія, извѣстный общественный дѣятель, М. П. Щепкинъ, на томъ же журналѣ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «прочтя это объясненіе, считаю своимъ долгомъ удостовѣрить, что существенные пункты изложеннаго здѣсь мнѣнія г. С., да еще въ формѣ, оскорбительной для другихъ членовъ общества, не были имъ высказаны въ собраніи 13 мая, а если бы г. С. и пожелалъ высказать ихъ такъ, какъ они здѣсь записаны, то не были бы допущены къ тому, на основаніи правилъ, дѣйствующихъ по веденію благоустроенныхъ собраній. Предсѣдатель общаго собранія 13 мая, М. Щепкинъ».

3. Въ третьемъ пунктѣ своего протеста подполк. С. говоритъ такъ: «Я нахожу расходъ въ 272 р. на выписку дѣтскихъ книгъ случайнымъ, не обоснованнымъ».

По журнальному постановленію правленія отъ 1 окт. и 1 ноября 1899 года, въ виду крайняго недостатка въ библіотекѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, было куплено дѣтскихъ книгъ, также и по другимъ отдѣламъ на сумму свыше 300 р. (изъ нихъ на 272 р. у Думнова и на 30 р. у Сытина). Выборъ этихъ книгъ былъ сдѣланъ по каталогу Кайдановой, который считается однимъ изъ лучшихъ и о которомъ Н. А. Рубакинъ въ своихъ «Этюдахъ о русской читающей публикѣ» даетъ лестный отзывъ. Насколько эта покупка соотвѣтствовала потребностямъ библіотеки, видно изъ того, что въ 1-й годъ дѣятельности библіотеки до улучшенія дѣтскаго отдѣла было удовлетворено требованій 531, а во 2-й годъ, послѣ означенной покупки,—2,214.

Изъ этого можно видѣть, насколько заслуживаютъ довѣрія утвержде-

нія подполковника С., что это были залежавшіяся въ складѣ Думнова книги. Что касается до увѣренія подполковника, что «два члена правленія Р. и Х. устроили на свои личныя средства при библіотекѣ торговлю учебниками для гимназистовъ», то дѣло происходило такъ: гг. Лозовскій, М. А. и Верховскій, А. П. (члены правленія библіотеки), желая облегчить ученикамъ гимназіи пріобрѣтеніе учебниковъ за дешевую цѣну, предложили 600 р. на покупку учебниковъ, а директоръ гимназіи, онъ же и предсѣдатель правленія библіотеки, далъ свое согласіе на пріобрѣтеніе гимназистами этихъ книгъ изъ помѣщенія библіотеки. Къ сожалѣнію, это предпріятіе, по существу очень полезное, не удалось. Въ теченіе перваго мѣсяца 1899—1900 учебнаго года (отъ 15 авг. до 15 сент.) было продано книгъ на 434 р., а на 272 р. книгъ осталось на рукахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ не оставалось другого выхода, какъ возвратить эти книги книгопродавцу, который, отказавшись заплатить за нихъ деньги, предложилъ принять отъ него на соотвѣтствующую сумму книгъ разнаго содержанія, необходимыхъ библіотекѣ, на что правленіе и выразило свое согласіе. Тѣмъ болѣе, что въ это самое время предстояло сдѣлать новый заказъ книгъ для библіотеки на сумму до 300 р.

Спрашивается, гдѣ же здѣсь торговля книгами, устроенная на личный счетъ членовъ правленія Р. и Х., которые какъ бы обвиняются въ извлеченіи доходовъ изъ этой операціи? Какъ хотите, тутъ было своего рода увлеченіе, естественное желаніе помочь бѣднымъ учащимся гимназистамъ, придти имъ на помощь услугами библіотеки—и только. Одно лишь предвзятое желаніе подполковника С. во что бы то ни стало представить себя обличителемъ неправды и злоупотребленій со стороны непріятныхъ ему членовъ правленія могло внушить ему мысль о своекорыстныхъ цѣляхъ этихъ послѣднихъ.

Правленіе коломенской общественной библіотеки имени И. И. Лажечникова.

Г. Коломна, 20 декабря 1901 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь 1902 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія.—Политическая экономія, статистика.—Исторія, исторія литературы.—Этнографія, географія.—Изданія для народа.—Книги для дѣтей. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го декабря 1901 г. по 1-е января 1902 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Алексѣй Плетневъ. „На чужбинѣ и дома“. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни, статьи, письма издалека.—*Иванъ Щеглов.* „Юмористическіе очерки“.—*Теодоръ Герцль.* „Философскіе разсказы“.—*Н. И. Галицкій.* „На берегахъ Невы“.—„Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ: Иностранные поэты. Польскіе поэты. Родные поэты“.—*А. Барановъ.* „Въ защиту несчастныхъ женщинъ.

Алексѣй Плетневъ. На чужбинѣ и дома. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни, статьи, письма издалека. Спб., 1901 года, стр. VI, 371. Ц. 1 руб. 50 коп. Эта книга снабжена предисловіемъ, изъ котораго видно, что г. Плетневъ высоко цѣнитъ свое значеніе въ исторіи русской литературы. Онъ даетъ въ немъ ключъ и комментарій къ своимъ разнообразнымъ произведеніямъ и выясняетъ ихъ связь съ общимъ ходомъ умственной жизни Россіи. Г. Плетневъ сообщаетъ намъ, что онъ выступилъ на литературное поприще въ то время, когда умеръ Тургеневъ. При всемъ своемъ уваженіи къ послѣднему, авторъ находитъ всетаки, что Тургеневъ не былъ выразителемъ русскихъ національныхъ стремленій, вслѣдствіе чего и возникла борьба двухъ силъ: западничества и славянофильства. Въ разгаръ этой борьбы г. Плетневъ „проводилъ лѣто на берегахъ Женевскаго озера, испытывая ту внутреннюю неудовлетворенность“, смыслъ которой опредѣлился для него только позднѣе. На Женевскомъ озерѣ, бесѣдуя съ русской молодежью швейцарскихъ университетовъ, г. Плетневъ сдѣлался націоналистомъ и началъ вкладывать въ уста своихъ героевъ такія фразы, которыя предвосхищали идею *Русскаго Собранія* (стр. III). Вотъ почему онъ не можетъ „не привѣтствовать съ патріотической радостью признаки недавняго пробужденія нашего національнаго чувства. Нѣсколькимъ русскимъ людямъ, какъ А. А. Суворинъ, В. В. Комаровъ, баронъ А. Н. Штиглицъ, А. В. Васильевъ, С. Н. Сыромятниковъ, В. Л. Величко, Н. А. Энгельгардтъ, и другимъ удалось, наконецъ, соединить свои усилія и таланты съ цѣлью направить нашу общественную мысль къ тому „русскому морю“, о которомъ говорилъ еще нашъ великій Пушкинъ“ (стр. VI). Заинтересованный самокритикой и автобіографіей г. Плетнева, читатель обращается къ его произведеніямъ, бо́льшая часть которыхъ появлялась въ видѣ газетныхъ фельетоновъ и корреспонденцій.

И что же? Полное разочарованіе. Оказывается, что у г. Плетнева не было никакихъ основаній сопоставлять прекращеніе литературной дѣятельности Тургенева съ началомъ своей собственной литературной дѣятельности. Между этими двумя писателями ничего общаго нѣтъ. У Тургенева, можетъ быть, и не было національнализма, но зато у него былъ талантъ; у г. Плетнева навѣрное нѣтъ таланта, но зато у него есть національнализмъ. И оттого беллетристическія сочиненія послѣдняго автора бездарны, а его корреспонденціи и фельетоны скучны и тусклы.

Иванъ Щегловъ. Юмористическіе очерки. Изданіе А. С. Суворина. Спб. Цѣна 1 р. Если бы настойчивое и горячее желаніе быть остроумнымъ всегда осуществлялось, то очерки г. Щеглова навѣрное были бы остроумными. На каждой страницѣ, почти въ каждой строкѣ, вы замѣчаете, какъ добросовѣстно и усиленно старается авторъ разсмѣшить васъ и сказать что-нибудь острое, тонкое, оригинальное. Онъ выдумываетъ для своихъ героевъ разнообразныя ситуаціи, дѣлаетъ намеки на злобы дня, въ потѣ лица своего выкидываетъ уморительнѣйшія колѣнца,—но нѣтъ, все напрасно: не змѣятся улыбкой суровыя уста читателя. Темы, что ли, избираетъ г. Щегловъ ужъ очень банальныя (обманутый мужъ, праздничные визиты, любительскій спектакль, бездарный драматургъ, барыня на курортѣ), разрабатываетъ ли онъ ихъ подобно своему же бездарному драматургу,—какъ бы то ни было, его юморъ звенитъ тусклымъ звономъ фальшивой монеты. Вотъ, напримѣръ, писатель Еромузовъ въ пьяномъ видѣ хотѣлъ покончить съ бременемъ своей жизни, но вмѣсто этого „облегчилъ себя совсѣмъ инымъ способомъ“ (стр. 145); вотъ передъ нами „гуманитарный комитетъ для воспособленія вконецъ искалѣченнымъ жизнью и выжившимъ изъ ума русскимъ литераторамъ“ (стр. 291); вотъ авторъ мило шутитъ: „пускай лопаются въ вашей жизни одна за другой благороднѣйшія надежды... лишь бы не лопались ваши сапоги!“ (стр. 286). Не правда ли, какая страстная и какая несчастная любовь къ остроумію? Но, кромѣ пошлости фельетоннаго гаера, для г. Щеглова характерна еще нехорошая озлобленность противъ кого-то или чего-то: она слышится на многихъ страницахъ его очерковъ; авторъ какъ бы хочетъ колоть, язвить, кусать,—къ счастію, онъ дѣлаетъ это не острыми орудіями.

Теодоръ Герцль. Философскіе разсказы. Переводъ съ нѣмецкаго Е. М. и А. К. XX вѣкъ. Спб., 1902 года. Ц. 1 руб. 25 коп. Лица, скрывшіяся подъ иниціалами Е. М. и А. К., взяли на себя неблагодарный трудъ прибавить къ отечественной скверной беллетристикѣ еще беллетристику, тоже скверную, но зато чужую. Лучшаго выбора въ этомъ отношеніи, чѣмъ разсказы Герцля, они сдѣлать не могли. Вѣроятно, самъ авторъ, назвавъ свои произведенія философскими, хотѣлъ этимъ указать на то, что они—произведенія не художественныя. Правильнѣе всего было бы назвать разсказы Герцля не философскими, а плоскими, Авторъ совсѣмъ лишенъ таланта, выдумки и остроумія, но богато одаренъ невыносимой буржуазностью, благодушнымъ самодовольствомъ и высокой нравственностью. Когда же онъ хочетъ быть шалуномъ и граціознымъ (см., напримѣръ, разсказъ „Исцѣленіе сплина), то это, въ силу его почтенныхъ свойствъ, выходитъ очень неуклюже.

Н. И. Галицкій. На берегахъ Невы. Спб., 1901 года. Въ послѣсловіи къ этой книгѣ г. Галицкій сообщаетъ, что хотя авторомъ ея значится онъ, но въ дѣйствительности эта „веселая исторія одной странной тоскующей души“ представляетъ собою слегка редактированныя имъ записки его покойнаго друга А. Д. Воеводина,—„записки не-

удачника“. И г. Галицкій обращается къ читателю съ просьбой: „если вы дойдете до конца этихъ записокъ, этого немного страннаго, немного больного, но, во всякомъ случаѣ, интереснаго человѣческаго документа, то пожалѣйте покойнаго и скажите—да будетъ миръ его больной душѣ“! Исполнить эту просьбу по человѣчеству можно,—но только читатель всетаки не понимаетъ, зачѣмъ г. Галицкій опубликовалъ рукопись патологическаго характера, рукопись, которую столь же трудно и мучительно читать, какъ трудно и мучительно слушать бредъ разстроеннаго воображенія. Подобныя записки могутъ имѣть серьезный интересъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ переработаны умѣлой рукой художника-психолога,—въ данномъ случаѣ это условіе отсутствуетъ.

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Иностранные поэты (Гете, Шенье, Гердеръ, Вальтеръ-Скоттъ, Тенисонъ, Мюссе, Фрейлигратъ, Шиллеръ, два выпуска, Бюргеръ, Фоссъ, Соути, Краббъ, Уландъ, Лонгфелло, Муръ, Борнсъ, Гейне, Гюго, Ламартинъ, Гудъ, Виньи). Польскіе поэты (Мицкевичъ, поэма Конрадъ Валленродъ, Кондратовичъ-Сырокомля). Родные поэты (князь А. И. Одоевскій и А. И. Полежаевъ, Козловъ, кн. Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Гнѣдичъ, Веневитиновъ, Языковъ, Баратынскій, Давыдовъ, Подолинскій, Шевченко). М. 1901 г. Цѣна каждой книжки 10 коп. Безспорно, полнаго сочувствія заслуживаетъ мысль распространить въ очень большомъ кругѣ читателей образцы поэтическаго творчества какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго. Многіе изъ иностранныхъ поэтовъ совершенно чужды нашему обществу, хотя нѣкоторыя произведенія ихъ собраны въ извѣстной книгѣ Гербеля и разсѣяны въ переводной литераттрѣ. Второстепенные русскіе поэты тоже забыты, и было бы справедливо воскресить ихъ для современныхъ читателей. Общество распространенія полезныхъ книгъ идетъ на встрѣчу этой потребности и выпустило уже 35 брошюрокъ малаго формата и мелкаго шрифта, размѣромъ въ 3—$3^1/_2$ листа,—брошюрокъ, гдѣ даются біографія, общая характеристика поэта и образчики его стихотвореній; иностранные авторы представлены въ извѣстныхъ русскихъ переводахъ. Книжки разсчитаны на средняго читателя,—вѣроятно, учащагося; поэтому характеръ вводныхъ очерковъ довольно элементаренъ. Выборъ стихотвореній сдѣланъ не всегда удачно въ смыслѣ типичности. Напримѣръ, въ книжкѣ, посвященной Лонгфелло, нѣтъ отрывковъ изъ пѣсни о Гайаватѣ; изъ Фрейлиграта не приведены его политическія стихотворенія. То, что Шиллеру удѣлено два выпуска, обидно для Гете, котораго ограничили одной маленькой брошюрой. Изъ Гейне тоже не взято многое, что уяснило бы читателямъ его литературную физіономію; почему-то стихотвореніе *Du bist wie eine Blume* дано въ двухъ переводахъ—Мейснера и Плещеева (стр. 35 и 44). Въ біографіи Баратынскаго извѣстная строфа его оды *На смерть Гете*

> Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
> Ручья разумѣлъ лепетанье и т. д.

комментируется въ томъ смыслѣ, будто авторъ имѣетъ въ виду естественно-научныя занятія великаго нѣмецкаго поэта (стр. 23). Какъ внѣшній недостатокъ изданія (а внѣшность въ подобныхъ изданіяхъ важна) слѣдуетъ отмѣтить мелкій шрифтъ стихотвореній и непріятную обложку выпусковъ: бумага ея, чрезмѣрно глянцевитая и словно умащенная, приводитъ къ тому, что книжки буквально скользятъ изъ рукъ читателей,—а вѣдь не такова должна быть участь книжекъ...

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1902 г., стр. 162. Ц. 40 к. Авторъ, сотрудникъ поволжскихъ газетъ и иниціаторъ казанскаго „Общества защиты несчастныхъ женщинъ", излагаетъ исторію возникновенія послѣдняго, сообщаетъ свѣдѣнія объ его уставѣ и дѣятельности и рядомъ полубеллетристическихъ набросковъ иллюстрируетъ свою завѣтную мысль о необходимости оберегать женщину отъ несчастія и паденія. Въ изложеніи г. Баранова есть нѣкоторый избытокъ наивнаго паѳоса, его художественные пріемы и краски не отличаются новизной и оригинальностью; но къ общимъ взглядамъ его можно отнестись только съ симпатіей. То зло, противъ котораго онъ ополчается, глубоко вкоренилось въ нашу жизнь и нравы, и мы закрываемъ на него глаза. Поэтому люди, которые идутъ на него моральной войной, часто встрѣчаютъ недовѣріе и насмѣшку; а вѣдь самое трагичное на свѣтѣ—это когда о трагедіи говорятъ насмѣшливо. Великая трагедія падшей женщины именно и протекаетъ среди смѣющихся людей; это придаетъ борьбѣ съ нею особенную, специфическую трудность. Оттого всякій искренній призывъ къ такой борьбѣ заслуживаетъ полнаго и сочувственнаго вниманія. Казанская организація защиты несчастныхъ женщинъ является однимъ изъ выраженій дѣятельнаго протеста противъ равнодушія и безучастія къ судьбѣ „погибшихъ и погибающихъ".

ФИЛОСОФІЯ.

Эдмундъ Кенигъ. „В. Вундтъ. Его философія и психологія".—*А. Казариновъ.* „О человѣческомъ мышленіи".

Эдмундъ Кенигъ. В. Вундтъ. Его философія и психологія. Переводъ съ нѣмецк. С. Штейнберга. Съ портретомъ В. Вундта. Изд. редакціи журнала „Образованіе". Библіотека философовъ. VII. Спб., 1902 года. Ц. 50 к. Въ современной психологіи имя Вундта является центральнымъ. Изъ лейпцигской лабораторіи знаменитаго ученаго вышло много дѣятелей психологической экспериментаціи, и они продолжаютъ дѣло, унаслѣдованное имъ отъ Фехнера, но разработанное вполнѣ самостоятельно. При этомъ Вундтъ не только экспериментаторъ и не только психологъ: строгій реалистъ въ методѣ своихъ изслѣдованій, онъ по своему общему міровоззрѣнію приближается къ идеалистамъ послѣкантовской эпохи и признаетъ наличность только одного опыта—внутренняго. У него есть цѣльная философская система, у него есть монографіи, позвященныя логикѣ и этикѣ. Кенигъ въ своей книгѣ, принадлежащей къ извѣстной серіи „Frommanns Klassiker der Philosophie", объективно и въ историческомъ освѣщеніи излагаетъ основные пункты теорій Вундта. Онъ разбираетъ тѣ плодотворныя идеи актуальности, развитія, творческаго синтеза, возрастанія духовной энергіи, которыя проходятъ черезъ все міросозерцаніе нѣмецкаго мыслителя и которыя счастливо отличаютъ нашего философа отъ болѣе одностороннихъ представителей экспериментальной психологіи. Для Вундта фактъ обусловленности элементарныхъ психическихъ явленій физіологическими вовсе не служитъ указаніемъ на то, что душевная жизнь человѣка во всемъ объемѣ представляетъ лишь рефлексъ или отраженіе физіологическихъ процессовъ мозга; наоборотъ, именно тщательный психологическій анализъ и ведетъ къ признанію особой природы и особой закономѣрности душевныхъ явленій. Философскія воззрѣнія Вундта, изложенныя въ его

„Системѣ философіи“, заставили отшатнуться отъ него сторонниковъ „чистаго опыта“, которые до появленія этой книги—впрочемъ, безо всякого повода съ его стороны—видѣли въ немъ глашатая ихъ собственнаго протеста противъ умозрѣнія; и многіе, по выраженію Кенига, должны были констатировать, что Савлъ, гнавшій спекулятивную философію, обратился въ Павла, который, не удовлетворяясь однимъ только опытомъ, сдѣлалъ предметомъ своей ищущей мысли царство идей и оказалъ противодѣйствіе тому направленію психологическаго изслѣдованія, которое, вопреки своимъ притязаніямъ на строгую научность и эмпиризмъ, въ дѣйствительности представляетъ собою возвращеніе къ догматизму матеріалистической метафизики. Русскій переводъ книги сдѣланъ далеко не безукоризненно въ литературномъ отношеніи, но точно. Есть отдѣльныя погрѣшности: напримѣръ, *Wahrnehmungsvorstellungen* г. Штейнбергъ переводитъ *воспринимаемыя представленія*, вмѣсто—*образы воспріятія*; нѣмецкую фразу: „zur Auffassung eines äusseren Vorgangs *Zeit* und *zwar* von verschiedenen Menschen *verschiedene Zeit* gebraucht wird“ г. Штейнбергъ передаетъ такъ: „для воспріятія внѣшняго явленія требуется время, различное для различныхъ субъектовъ“ (стр. 24),—здѣсь потерянъ очень важный оттѣнокъ мысли Вундта.

А. Казариновъ. О человѣческомъ мышленіи. М., 1901 г. Эта брошюра, которая при своихъ 59 страницахъ стоитъ 1 р., имѣетъ болѣе внѣшнюю цѣнность, чѣмъ внутреннюю. Авторъ дурно владѣетъ русскимъ языкомъ, и его изложеніе не удовлетворяетъ не только стилистическимъ, но даже и грамматическимъ требованіямъ. То же, что служитъ предметомъ такого безграмотнаго изложенія, сводится къ слѣдующей мысли. Психическая сила человѣка обусловлена организаціей не головного мозга, а руки; именно въ послѣдней, въ ея способности къ детальной и микроскопической работѣ, кроется источникъ умственнаго прогресса. Самая же эта способность—результатъ нашего врожденнаго стремленія отличать полезное отъ вреднаго. Для автора рука—не только исполнительный, но и творческій факторъ; г. Казариновъ не довольствуется одной лишь наружной аналогіей между функціями руки и ума, работа которыхъ, сперва нечленораздѣльная, грубая и громоздкая, потомъ становится изящной и тонкой,—онъ утверждаетъ, что при образованіи какъ простыхъ, такъ и сложныхъ мыслей участвуетъ не слово, а рука. Простое соображеніе, что развитыя человѣческія руки—созданіе разума, а не разумъ—созданіе рукъ, это соображеніе не чуждо самому автору (стр. 55); но въ своей логической безпечности онъ не замѣчаетъ его разрушительнаго вліянія на всю предыдущую аргументацію. Въ общемъ, крупица истины разведена у г. Казаринова въ огромномъ сосудѣ курьезовъ и ошибокъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

Евгеній Филипповичъ. „Основаніе политической экономіи“.—„Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г.“.—„Статистика по казенной продажѣ питей за 1897 и 1898 г.“.

Евгеній Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Переводъ съ нѣмецкаго изданія. Спб., 1901 г. Русская литература очень бѣдна учебниками по политической экономіи; между тѣмъ въ настоящее время экономическіе вопросы играютъ крупную роль въ Россіи. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія учебника проф. Филлиппо-

вича въ русскомъ переводѣ, такъ какъ этотъ учебникъ отличается выдающимися чертами: 1) полнотой,—разсматриваются проблемы не только теоретическаго, но и практическаго характера; 2) пропорціональностью частей; 3) ясностью изложенія, и 4) по каждому отдѣлу приводятся библіографическія указанія. Для правильной оцѣнки этого труда нужно имѣть въ виду, что это лишь первый вступительный томъ и потому нѣкоторые вопросы, наприм., о формахъ производства, о профессіональныхъ союзахъ затрагиваются лишь вскользь, такъ какъ они съ большей полнотой обсуждаются во 2-мъ томѣ. Русская литература несомнѣнно съ переводомъ этой книги обогатилась. Переводъ сдѣланъ хорошо. Цѣна нѣсколько высока (3 р.). Очень желательно было бы появленіе на русскомъ языкѣ второго тома этой книги, посвященнаго вопросамъ экономической политики.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г. Составлено въ статистическомъ отдѣленіи главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.—Статистика по казенной продажѣ питей за 1897 и 1898 г. Съ обычной обстоятельностью составлены приводимыя нами выше изданія главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Богатый матеріалъ этихъ изданій въ достаточной степени освѣщаетъ положеніе производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. Такъ, мы здѣсь опять видимъ сокращеніе винокуренныхъ заводовъ: съ 2,055 (1897—1898 г.) до 2,049 (1898—1899 г.). Количество водочныхъ заводовъ упало за тотъ же періодъ времени со 180 до 156, тогда какъ еще въ 1888—1889 г. насчитывалось 267 водочныхъ заводовъ; слѣдовательно, за 10-лѣтній періодъ времени мы наблюдаемъ здѣсь уменьшеніе на 41%. Количество табачныхъ фабрикъ сравнительно съ предшествующимъ годомъ не сократилось, но сравительно съ 1889 годомъ упало очень значительно: съ 342 до 258. Число спичечныхъ фабрикъ упало со 151 до 134, а если вспомнимъ, что въ 1889 г. было 312 фабрикъ, то сокращеніе окажется громадное. Сократилось и количество пивоваренныхъ заводовъ съ 1,035 до 1,018, слѣдовательно, вездѣ мы видимъ концентрацію производства, такъ какъ сумма производства растетъ. Второе изданіе исключительно посвящено обзору казенной продажи питей, къ которому приложенъ отчетъ петербургскаго попечительства народной трезвости за 1898 годъ. Дѣятельность этого попечительства чрезвычайно почтенна, насъ только удивляетъ, почему попечительство исключило изъ своихъ непосредственныхъ задачъ доставленіе рабочему населенію столицы дешевыхъ здоровыхъ жилищъ, хотя въ то же время признало входящимъ въ кругъ своихъ задачъ созданіе пріютовъ для пришлыхъ рабочихъ, прибывающихъ сюда весной и остающихся до осени (стр. 318); но дурныя жилищныя условія—несомнѣнно одна изъ коренныхъ причинъ алкоголизма, какъ говорятъ сами рабочіе (см. по этому поводу опросъ рабочихъ, въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ „Еще нѣсколько словъ о винной монополіи). Въ общемъ отмѣчаемыя нами изданія являются чрезвычайно цѣнными для всѣхъ интересующихся экономическими и финансовыми вопросами Россіи.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Е. В. Тарле. „Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени“.—„Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру (1812—1826 г.)“. — „Извѣстія калужской ученой архивной коммиссіи“.— *Е. К.* „Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX стол.“.— *В. В. Сиповскій.* „Изъ исторіи русской литературы XVIII в. Опыты статистическихъ наблюденій“.—*П. Смирновскій.* „Исторія русской литературы XIX в. Вып. IV“.—*В. В. Сиповскій.* „Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 г.). Критико-библіографическій обзоръ“. — „Сборникъ Кирши Данилова“.—*А. Круковскій.* „Сборникъ отзывовъ о русскихъ писателяхъ“.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Приложенія: I. Переводъ Утопіи съ латинскаго. II. Неизданная рукопись современника о Т. Морѣ. Изд. ред. журнала „Міръ Божій“. Спб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к. „Т. Моръ совсѣмъ не вѣрилъ въ существованіе своей Утопіи... Потому-то его литературная дѣятельность такъ и интересна съ этой точки зрѣнія: въ его построеніяхъ мы видимъ, до какой степени самая идея безнадежности практическихъ улучшеній и ихъ невозможности придаетъ иногда широту теоретическому полету мысли... При свѣтѣ изученія эпохи и дѣятельности Т. Мора историки и обществовѣды могутъ добыть нѣкоторыя методологическія нити, которыя хоть отчасти въ состояніи будутъ помочь трудному дѣлу анализа причинъ измѣненій въ сложныхъ общественныхъ ученіяхъ прошлаго и настоящаго... Если настоящей работѣ удастся хоть немного посодѣйствовать болѣе твердой постановкѣ этого труднаго вопроса объ отношеніяхъ между историческою практикою и теоріею,—авторъ почтетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Разсматривая значеніе Утопіи для экономической исторіи Англіи и для исторіи общественныхъ ученій, онъ не забывалъ и объ этомъ третьемъ значеніи труда Мора: о значеніи его, какъ благодарнаго объекта отвлеченно-научнаго, теоретическаго анализа“. Этими несовсѣмъ ясными словами г. Тарле опредѣляетъ задачи своей работы (предисловіе, стр. V). На стр. 167 находится, впрочемъ, указаніе и еще на одну задачу: „Все вышеизложенное (недостаточная разработка въ литературѣ вопроса объ источникахъ Утопіи Т. Мора) собственно и внушило намъ мысль, что работы, подобныя настоящей, еще не могутъ почесться лишними“.

Такимъ образомъ, г. Тарле, если мы вѣрно понимаемъ приведенныя слова, ставитъ себѣ четыре задачи: 1) указать значеніе Утопіи для экономической исторіи Англіи; 2) „добыть нѣкоторыя методологическія нити, чтобы помочь трудному дѣлу анализа причинъ измѣненій въ сложныхъ общественныхъ ученіяхъ прошлаго и настоящаго“; 3) посодѣйствовать „болѣе твердой постановкѣ труднаго вопроса объ отношеніяхъ между историческою практикою и теоріей“; 4) представить анализъ слѣдовъ разныхъ литературныхъ источниковъ въ трактатѣ Мора.

Нужно сознаться, что задачи эти дѣйствительно сложныя, что ихъ разрѣшеніе требуетъ, во-первыхъ, спеціальныхъ знаній въ области экономической исторіи Англіи, въ области экономической исторіи общественныхъ ученій, и въ области философіи, и во-вторыхъ (для третьей задачи), способности къ глубокому психологическому анализу. Между тѣмъ г. Тарле, повидимому, не обладаетъ ни необходимыми знаніями, ни необходимой психологической проницательностью. Что касается послѣдней, то она оказывается, пожалуй, и лишней, ибо г. Тарле, поставивъ себѣ въ предисловіи психологическую задачу, на всемъ протяженіи своего

труда совершенно забываетъ о ней, только однажды отмѣчая, что Т. Моръ болѣе желалъ осуществленія на дѣлѣ его идеала, чѣмъ вѣрить въ него. Что же касается знаній въ области экономической исторіи и исторіи политическихъ ученій, то какъ „очеркъ литературы предмета“ (стр. 152—167, ср. предисловіе, стр. III), такъ и многочисленныя подстрочныя примѣчанія и самый текстъ книги свидѣтельствуютъ, что г. Тарле приступилъ къ своей работѣ съ весьма легкимъ багажомъ. Онъ говоритъ, напр., что о вліяніи Платона на Мора въ литературѣ только кое-гдѣ упоминается, „и то только упоминается, не болѣе“ (стр. 152), а онъ, г. Тарле, первый подвергъ это вліяніе научному анализу; между тѣмъ этотъ анализъ произведенъ весьма тщательно въ спеціальной диссертаціи г-жи Лины Вегеръ, и тому же вопросу посвящена глава въ Исторіи философіи Риттера.

Г. Тарле, проводя странную параллель между экономическими условіями, окружавшими Платона, и таковыми же условіями эпохи Мора, замѣчаетъ, что взглядъ Бюхера о полной противоположности экономическаго строя древности и средневѣковья „не въ состояніи объяснить въ сущности ни одного крупнаго факта“; фактовъ, могущихъ подтвердить его, „не существуетъ вовсе“, и онъ „никакими подтвержденіями не былъ обставленъ, а былъ, такъ сказать, декретированъ его авторомъ въ качествѣ аксіомы, не требующей доказательствъ“ (стр. 176—177).

Взгляды Бюхера, какъ извѣстно, развиты въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ научныхъ трудовъ этого автора, которые, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ, не извѣстны г. Тарле даже по заглавію.

Производя разсчетъ численности населенія Англіи въ XVI в., г. Тарле, какъ оказывается, совершенно не знаетъ того, что этими же разсчетами задолго до него занимался, и притомъ во всеоружіи знанія, Торольдъ Роджерсъ, и пришелъ къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ онъ (22 милл. жителей, а не 5, какъ утверждаетъ г. Тарле); несмотря на изслѣдованіе Роджерса, г. Тарле все еще воображаетъ, что для эпохи до Т. Мора „никакихъ подсчетовъ (численности англійскаго населенія) у насъ нѣтъ“ (стр. 132), тогда какъ подобные разсчеты, и притомъ достаточно точные, существуютъ для XI и XIV в. (см. Роджерсъ и книги „Народонаселеніе“, изд. М. Водовозовой, стр. 28—30).

Любопытно, что всѣ эти утвержденія, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ тѣми же ошибками, встрѣчаются въ извѣстной книгѣ Фроуда (History of England, т. I, Лпц., 1861 г., стр. 2), авторъ которой имѣлъ на нихъ право, ибо онъ писалъ задолго до новѣйшихъ изысканій въ этой области. Онъ же ссылается на памфлетъ нѣкоего Фиша „Моленіе нищихъ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1531 г., въ которомъ указано число хозяйствъ въ Англіи въ то время,—число, на которомъ Фроудъ строитъ свои разсчеты (ibid.). Эта ссылка и всѣ эти разсчеты находятся и у г. Тарле (стр. 133), причемъ г. Тарле ссылается не на Фроуда, а на первоисточникъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что его онъ никогда не видѣлъ.

Благодаря этому, выводы, къ которымъ приходитъ г. Тарле въ экономической части своего „изслѣдованія“, крайне блѣдны. Его изслѣдованіе есть диссертація, представленная въ Кіевскій университетъ, и главные выводы ея были напечатаны въ видѣ „Приложеній къ диссертаціи Е. В. Тарле“. Первый тезисъ таковъ: „Основною причиною ускоренія и обостренія аграрнаго кризиса въ Англіи XV—XVI в. было стремленіе купеческаго капитала расширить пастбищную площадь, необходимую для торговыхъ цѣлей“. Да кто же этого не знаетъ? Аграрный кризисъ

XV—XVI в., вызванный расширеніемъ пастбищъ, вслѣдствіе спроса на англійскую шерсть за границей,—да это фактъ, имѣющійся чуть ли не въ учебникахъ, и во всякомъ случаѣ хорошо извѣстный всѣмъ, читавшимъ маленькую, но очень хорошую брошюру Ченея („Аграрный переворотъ въ Англіи", русск. перев. подъ ред. Рубакина. Спб., 1899 г.; ею очень усиленно пользуется г. Тарле, важно, но совершенно неосновательно называя ее „Ченеевскимъ собраніемъ текстовъ", стр. 60), Эшлея, Роджерса, не говоря уже о несуществующихъ въ русскихъ переводахъ работахъ Каутскаго и др.

Такъ же шаблоненъ второй тезисъ, признающій вліяніе аграрнаго законодательства на ходъ аграрнаго кризиса (все это есть у Ченея), третій и въ особенности четвертый: „Утопія Т. Мора есть вѣрное изображеніе общественныхъ недуговъ его времени и имѣетъ первостепенную цѣнность, какъ историческій источникъ". Этого не знаетъ развѣ тотъ, кто никогда и ничего не слыхалъ о Морѣ, книгой котораго, какъ неоцѣненнымъ источникомъ, пользуются и Ченей, и Эшлей, и Карлъ Марксъ и всѣ вообще, кому только приходилось говорить объ экономическомъ состояніи Англіи XVI в.

Не только экономическій отдѣлъ, составляющій $^1/_3$ изслѣдованія г. Тарле, поражаетъ ничтожностью своихъ результатовъ. Отдѣлъ, посвященный мѣсту Мора въ исторіи общественныхъ ученій, еще блѣднѣе. Пятый тезисъ г. Тарле гласитъ: „Криминалистическія воззрѣнія Т. Мора отличаются широтою и вдумчивостью, первыми по времени въ исторіи европейской культуры". Въ текстѣ книги г. Тарле съ видомъ ученаго, открывающаго нѣчто до него совершенно неизвѣстное, заявляетъ: „Если бы Т. Моръ (несмотря на частое упоминаніе его имени по разнымъ поводамъ и всегда почти по наслышкѣ) не былъ такъ глубоко забытъ, слова приведенной тирады (изъ Т. Мора), а вовсе не выдержки изъ Беккаріи, начинали бы собою исторіографію борьбы противъ смертной казни" (стр. 123). Итакъ, Т. Моръ забытъ, а г. Тарле воскрешаетъ его въ памяти человѣчества. Да какая же исторіографія борьбы противъ смертной казни начиналась съ Беккарія? Кистяковскій начинаетъ ее съ Августина, и тотъ же Кистяковскій отводитъ въ ней видное мѣсто Т. Мору (см, учебникъ Уголовнаго Права, 2 изд., Кіевъ, 1882 г., стр. 74—75).

Итакъ, изъ книги Тарле читатель выноситъ очень немного, и въ этомъ немногомъ очень много прямо ошибочнаго. Всего болѣе ошибочнаго въ самомъ изложеніи идей Мора. Г. Тарле считаетъ Мора послѣдователемъ Платона, тогда какъ онъ былъ эпикуреецъ, и въ литературѣ это давно и прекрасно доказано. Онъ утверждаетъ, что Моръ подъ конецъ жизни преслѣдовалъ еретиковъ, и, повидимому, вовсе не знаетъ, что Моръ самъ (а безусловную правдивость его признаетъ и г. Тарле) отрицалъ справедливость этого обвиненія. Г. Тарле приписывалъ Мору требованіе „твердой правительственной власти", въ которой будто бы нуждаются даже жители счастливой Утопіи (стр. 183), тогда какъ Моръ въ своей Утопіи принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы ограничить власть и оградить общество отъ ея деспотическихъ поползновеній,—и т. д. безъ конца. Скажемъ коротко: гораздо болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о Морѣ, его Утопіи и создавшей ее эпохѣ читатель можетъ почерпнуть даже изъ краткой біографіи Мора Яковенка, изданной въ извѣстной біографической библіотекѣ Павленкова, чѣмъ изъ изслѣдованія г. Тарле. Еще лучше можетъ читатель ознакомиться съ предметомъ по книгѣ Каутскаго: „Th. More und seine Utopie" (Штутгартъ, 1890 г.), къ сожалѣнію, не существующей еще въ русскомъ переводѣ. Г. Тарле знаетъ эту книгу,

и даже очень хорошо знаетъ, по крайней мѣрѣ, ея первый отдѣлъ, трактующій о „вѣкѣ гуманизма и реформаціи“. Нѣкоторыя мѣста книги г. Тарле (наприм., о торговлѣ шерстью въ XV—XVI в., о конкуренціи между Англіей и Испаніей на Нидерландскомъ рынкѣ, стр. 91—92) явно навѣяны (чтобы не сказать больше) соотвѣтственными мѣстами книги Каутскаго (стр. 166 и 223—225). Между тѣмъ г. Тарле, чтобы отстоять за своей книгой характеръ самостоятельнаго изслѣдованія, спѣшитъ дискредитировать въ глазахъ читателя книгу Каутскаго. Послѣдній, правда, способенъ „писать блестящія личныя характеристики“, и вообще онъ „ярко даровитый человѣкъ“ (стр. 157); его книга „съ методологической точки зрѣнія стоитъ на гораздо болѣе реальной и научной почвѣ“, чѣмъ другія біографіи Мора (стр. 155), но всетаки вообще методъ Каутскаго въ этой (историко-экономической) части его работы крайне простъ. Онъ беретъ извѣстный историческій фактъ, и затѣмъ даже безъ попытки фактическихъ доказательствъ путемъ чисто-словесныхъ построеній старается логически вывести необходимость этого факта... Словесныхъ построекъ чрезвычайно много въ книгѣ К.“ (стр. 157). Мнѣнія его о гуманистахъ „еще курьезнѣе“ (ibid.). „Эти словесныя элукубраціи похожи прямо на каррикатуру“ (стр. 159). Для доказательства г. Тарле приписываетъ Каутскому мнѣніе (дѣйствительно крайне глупое), будто „англійская реформація есть продуктъ морскихъ разбоевъ со стороны испанцевъ, нарушавшихъ англійскіе торговые интересы“ (стр. 159), и имѣетъ смѣлость при этомъ сослаться на стр. 249—251 книги Каутскаго. Ни на этихъ страницахъ, ни во всей книгѣ К. нѣтъ ничего подобнаго тому, что г. Тарле приписываетъ этому писателю. И вообще во всей книгѣ Каутскаго не говорится ни одного слова объ испанскихъ морскихъ разбояхъ (говорится только отъ англійскихъ морскихъ разбояхъ, но не въ нихъ Каутскій видитъ причину реформаціи, а въ другихъ политическихъ и экономическихъ событіяхъ, которыя онъ и разбираетъ). На стр. 155 г. Тарле приводитъ довольно глупую цитату изъ Каутскаго на нѣмецкомъ языкѣ, но при сличеніи ея съ подлинникомъ оказывается, что глупость ея происходитъ отъ пропуска двухъ строкъ,—что̀, однако, не отмѣчено точками.

Къ книгѣ г. Тарле приложенъ переводъ Утопіи. Въ глазахъ публики это приложеніе великаго произведенія могло бы искупить многіе недостатки работы, если бы... если бы этотъ переводъ могъ познакомить читетеля съ настоящей Утопіей настоящаго Мора. Но этотъ переводъ въ дѣйствительности есть только фальсификація Утопіи. Цѣлыя страницы подлинника (стр. 75—76 и 77—79 по изд. Циглера и Михельса), не говоря уже о множествѣ отдѣльныхъ фразъ (наприм., „aut opera liberis dabur“, стр. 75 ibid., соотвѣтствуетъ стр. 83 перевода, harum quae proximae inter se sunt milia 24 separant“, стр. 44 и мн. др.), выкинуты безъ всякихъ на то причинъ и безъ всякаго указанія на это въ текстѣ, въ предисловіи или въ примѣчаніи (напротивъ, въ прим. на 1 стр. перевода г. Т. прямо заявляетъ о своемъ стремленіи къ возможной полнотѣ); все, что говорится о философскихъ воззрѣніяхъ утопійцевъ (т.-е. самого Мора), даже отдаленнымъ образомъ не напоминаетъ подлинника; scholastici, т.-е. студенты, переводится словомъ „школяры“ (стр. 85), шаги (passus) переводятся футами, благодаря чему происходитъ путаница (стр. 48—52), окружность — площадью поверхности (стр. 48); городъ, лежащій на болѣе удобно для делегатовъ отъ другихъ городовъ, обращается въ городъ *одинаково* для нихъ близкій (стр. 49); янтарь подлинника замѣняется свѣтящейся жидкостью (стр. 54), parva logicalia (названіе главы въ учебникѣ логики Петра Испанскаго) переводится ка-

кими-то „низшими логическими школами“ (?! стр. 76); взамѣнъ общихъ идей г. Тарле ставитъ какія-то „вторичныя идеи“ (?! ibid.), in castello, т.-е. въ крѣпости, онъ переводитъ: „въ Новой Кастиліи“ (стр. 9), которая оказывается по ходу разсказа въ Бразиліи, а большой городъ Каликутъ, открытый Васко-де-Гамой, и хорошо извѣстный Мору, г. Тарле переводитъ Калькуттой (стр. 9), возникшей полтора столѣтія спустя послѣ смерти Т. Мора,—и т. д. безъ конца.

Замѣтимъ, впрочемъ, что честь всѣхъ этихъ ошибокъ принадлежитъ не г. Тарле. Каутскій, разбирая одинъ безграмотный нѣмецкій переводъ Утопіи, исполненный нѣкіимъ Коте, и доказывая, что этотъ г. Коте переводилъ Утопію не съ подлинника, а съ несовсѣмъ удачнаго англійскаго перевода Бернета, говоритъ: „Моръ сообщаетъ объ одной крѣпости. Бернетъ перевелъ castellum—Новой Кастиліей и какъ разъ этотъ же курьезъ находимъ у Коте... Въ латинскомъ оригиналѣ говорится о Каликутѣ... который во время Мора велъ торговлю съ Европой. Коте не слыхалъ объ этомъ городѣ и потому не задумываясь превращаетъ его въ Калькутту (*Каутскій*, стр. 216—258).

Такъ вотъ что! замѣтимъ, что и „вторичныя идеи“, и „логическія школы“ мы находимъ также у Коте. Но какъ же г. Тарле не дочиталъ до конца ту самую книгу Каутскаго, которую онъ такъ сильно бранитъ и первымъ отдѣломъ которой онъ такъ сильно пользуется? Это составляетъ для насъ психологическую загадку.

Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру (1812—1826 гг.). Черниговъ, 1901 г. Въ этихъ письмахъ во весь ростъ рисуется извѣстный любимецъ Павла, гр. Кушелевъ. Рабская преданность вѣнценосному покровителю, а потомъ благоговѣйный культъ его памяти, суровая простота привычекъ и взглядовъ, рѣзко отрицательное отношеніе къ аристократическимъ замашкамъ не только вновь созданной знати, но и собственнаго сына идутъ у него объ руку съ глубокою отцовскою нѣжностью, затаеннымъ негодованіемъ на холодность и неотзывчивость своего горячо любимаго сына Александра, прямолинейною искренностью и честностью сужденій. Въ письмахъ попадаются мѣста, представляющія большой научный и обще-литературный интересъ.

Престарѣлый дѣятель екатерининскихъ и павловскихъ временъ въ 1821 г. съ почти юношескою горячностью нападаетъ на русское правительство за то, что оно не идетъ на помощь возставшимъ грекамъ. „Турки бьютъ и режутъ (письма печатаются съ орѳографіей подлинниковъ) грековъ, мы вступаемся за неаполитанцевъ, а за грековъ нетъ. Императрица воспользовалась бы теперешнимъ случаемъ. Незнаю, что мыслитъ о своихъ единоземцахъ г. Каподистри и что ваша министерія, неужли дадитѣ перерезать всѣхъ грековъ? Тогда уже поздо будетъ имъ помогать, да и нашимъ отъ буйности турецкой будетъ озлобленіе“ (стр. 10). По этому поводу онъ вспоминаетъ любопытный случай изъ своего прошлаго (стр. 13). „Съ нами въ Архипелагѣ былъ некто Миловскій при гр. Орловѣ. Человѣкъ съ большими познаніями. Онъ былъ по иностранной части. Когда изъ Архипелага флотъ возвратился, и Орловъ на набережной встрѣтилъ Миловскова, и спросилъ его, что онъ прогуливается, на что онъ отвѣчалъ: „такъ, ваше сіятельство: хожу по солнцу, высушиваю греческія слезы, которыми мы облиты, оставя ихъ на жертву туркамъ безъ всякой защиты за всѣ ихъ къ намъ услуги“. Чуть, намъ, и теперь не тоже ли бы сказать должно. Тогда поздно уже имъ помогать, когда ихъ всѣхъ перережутъ. Буде имъ и Богъ поможетъ, но всѣ они уже будутъ непреданы Россіи, которая ихъ такъ оставила, и мысль

покойной Екатерины уже не можетъ исполниться, и они найдутъ уже начальникомъ не Константина. И такъ у васъ говорятъ про войну. Но должно ковать железо какъ горитъ, а не тогда какъ простынетъ".

Несмотря на боязнь перлюстраціи писемъ (стр. 17), этотъ „laudlator temporis acti", восхваляя павловскія времена и личность безвременно скончавшагося царя (стр. 72, 74), не скрываетъ своего недовольства настоящими порядками и холодностью сыновей Павла къ молодымъ Кушелевымъ: „Но будѣ бы продолжилъ Богъ жизнь Его (Павла), то уже бы оба (сыновья Г. Г. Кушелевы) были не въ техъ чинахъ, каковыя нынѣ имѣетѣ. Аминь".

Не нравится ему и общій духъ времени. Въ 1821 г. онъ жалуется съ горечью (стр. 4): „Кажется, повсеместно вырывается адскій духъ своевольства и неподчиненности, и все сіе происходитъ, что вѣра упала и христіанство остается пока на словахъ, а не на дѣлѣ". Дѣло декабристовъ наводитъ его на такія размышленія (стр. 70): „Французской языкъ не дѣлаетъ честнымъ человѣкомъ, а большою частію передаетъ французское безбожіе, дерзость и буйство: отъ сей-то заразы произошли возмущенія. Слава Богу, что Богу угодно было въ самомъ началѣ прекратить оное странное подражаніе нашихъ бунтовщиковъ французскимъ: тамъ сапожники и бродяги хотѣли быть генералами, а у насъ генералы хотѣли здѣлаться сапожниками. Но примѣрное наказаніе и публичное можетъ быть остановитъ дерзость къ подражанію, и благость и трудолюбіе Государя, пріемлющаго правленіе въ собственныя руки, привяжетъ ещѣ более сердца верноподданныхъ, когда всѣ проистекать будетъ прямо отъ Него, и сатраны и визири не будутъ всемъ править" (намекъ на Аракчеева?). Въ его словахъ часто сквозитъ искренне патріотическое увлеченіе. Молодому императору Николаю I онъ желаетъ (стр. 70) прежде всего „истребить грабежи, и окружить себя честными, безпристрастными и боящимися Бога человѣками, русскими, любящими Государя и отѣчество. Волтеръ извергъ по верѣ, но сказалъ справедливо, что государство опирающееся на чужіе подпоры—подвержено паденію. Чужеземцу нужны дѣньги, а отѣчество его не Россія. Равно и часные люди, употребляющія наймѣтовъ чужеземцовъ, и своихъ служителей неупотребляющія—подвержены быть окрадены и обмануты". Въ 1825 г. онъ даетъ (стр. 50) сыну свой „последней советъ": „Пожалуй, люби свое отѣчесто боле чужбины; употребляй у себя более служителей русскихъ, а не чужеземцовъ; не расточай имущества на пустую пошлость, которая и съ тѣми новыми несогласна: богатея тебя вошли въ неоплатные долги и лишаются имѣнія и изъ роскоши впадаютъ въ бѣдность".

Жаль, что издателями этой любопытной переписки умышленно „опущены примѣчанія о лицахъ и мѣстахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ"— на основаніи наивнаго соображенія: „все это, предполагается, болѣе или менѣе (?) уже извѣстно читателю (!) изъ большой литературы позднѣйшаго періода, и только безъ нужды (?!) обременяло бы текстъ". Итакъ издатели благосклонно предоставляютъ читателямъ прибѣгнуть къ собственной широкой начитанности въ историческихъ матеріалахъ начала XIX в., положившись на свою богатую память или пустившись на собственный рискъ и страхъ въ безбрежное море популярной литературы и историческихъ изслѣдованій!

Извѣстія калужской ученой архивной коммиссіи. Казань, 1901 г. „Гвоздемъ" настоящаго выпуска „Извѣстій" (такъ, повидимому, думаютъ ихъ издатели) являются пушкинскія бумаги, переданныя въ калужскій

губернскій историческій музей семьей Гончаровыхъ и напечатанныя съ документальной точностью. Предисловіе ничего не говоритъ о томъ, что письма Пушкина къ Гончаровымъ являются теперь въ свѣтъ не въ первый разъ: всѣ они вошли въ изданіе литературнаго фонда. Напечатанныя, кажется, впервые письма Н. Н., Н. О. и С. Л. Пушкиныхъ интереса не представляютъ: это—офиціальныя отписки по случаю только что состоявшагося брака.

Зато своеобразный интересъ представляютъ выдержки изъ семейнаго альбома Гончаровыхъ, съ которымъ слѣдовало бы познакомить подробнѣе.

Подъ однимъ стихотвореніемъ подписано *А. П.* Г. Четыркинъ (предсѣдатель калужской архивной коммиссіи) не сомнѣвается, что это—А. С. Пушкинъ.

Вотъ самые стихи:

Пишите напередъ—Пегасъ у васъ въ рукахъ (?),
А я за вами вслѣдъ, сидя на полозахъ,
Скажу, что я равно Надежду почитаю
И день сей праздновать стократно ей желаю.

Эти ужасныя вирши приписываются Пушкину; однако, намъ ничего не говорятъ о томъ, его ли почеркомъ онѣ написаны, есть ли у издателей какія-нибудь другія основанія порочить такъ литературную славу великаго поэта, кромѣ злосчастныхъ буквъ *А. П.* Между тѣмъ

Такіе, сударь мой, стихи
Противъ поэзіи есть тяжкіе грѣхи!

Они написаны подъ двустишіемъ:

Безъ денегъ, безъ чиновъ *Надежду* кто имѣетъ,
Богаче Креза тотъ, онъ свѣтомъ всѣмъ владѣетъ.

По утвержденію г. Четыркина, подъ нимъ стоитъ подпись: „N. Ганчеровъ“. Между тѣмъ видѣвшій этотъ альбомъ и описавшій его въ *Новомъ Времени* (1900 г., № 8830) г. Щегловъ говоритъ, что подпись—„N. Гончарова“.

По его словамъ, „здѣсь (въ музеѣ) имѣется нѣсколько автографовъ Пушкина... и, что рѣшительная рѣдкость, два автографа жены (тогда еще невѣсты?) Пушкина Н. Н. Гончаровой... Одинъ, вдобавокъ, стихотворный!... Жена Пушкина, какъ извѣстно, кроила подчасъ стишки и, судя по одному письму къ ней Пушкина, довольно-таки плачевные. („Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ—и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ, о своемъ здоровьи“)... Сличеніе почерка (приведеннаго выше стихотворенія) съ сосѣднимъ прозаическимъ автографомъ Гончаровой и ея излюбленнымъ въ подписи французскимъ N не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности поэтической попытки. А внизу—четверостишіе самого Пушкина, который галантно, какъ заправскій женихъ, какъ бы вторитъ въ тонъ ея дилетантской поэзіи... Подписано „А. П.“—какъ бы тонкій намекъ, что подобная жениховская „поддѣлка“ не заслуживаетъ полной пушкинской подписи“.

Что же передъ нами—Н. А. Гончаровъ или Н. Н. Гончарова, пародія и иронія Пушкина или чьи-то малограмотные стихи, по недоразумѣнію приписанные великому поэту?

„Мудрый Эдипъ, разрѣши“!

А всетаки издателямъ слѣдовало бы оговориться о почеркѣ и о разногласіи съ г. Щегловымъ...

Е. К. Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX стол. Тифлисъ, 1901 г. Какъ видно изъ предисловія, названное сочиненіе есть первый опытъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Авторъ пользовался неразобранными еще архивными документами и имѣлъ въ виду намѣтить проявленія религіозной жизни за періодъ, послѣдовавшій со дня присоединенія грузинскаго царства къ Россіи. Настоящая книга заключаетъ предисловіе, введеніе (церковно-политическія сношенія Грузіи съ единовѣрной Россіей) и пять главъ изложенія.

Первая глава разсматриваетъ измѣненія, которымъ подверглись устройство и управленіе грузинскою церковью съ 1801 г. Вторая обнимаетъ церковное управленіе въ Западной Грузіи (имеретинскій католикосатъ), третья посвящена миссіонерской дѣятельности (среди осетинъ, несторіанъ, абхазцевъ, дѣятельность епископа Гавріила), четвертая занята обзоромъ духовно-просвѣтительной дѣятельности экзархата (открытіе школъ грамоты, духовныхъ училищъ и семинарій, печатаніе книгъ и пр.); наконецъ, пятая разсматриваетъ мѣры къ улучшенію быта духовенства и дальнѣйшее развитіе церковно-религіозной жизни. Наиболѣе цѣнною частью въ этомъ интересномъ трудѣ являются свѣдѣнія, заимствованныя изъ архивныхъ документовъ и выясняющія различныя стороны церковной жизни Грузіи за сто послѣднихъ лѣтъ. Историческія экскурсіи, предпринимаемыя авторомъ для полноты того или другого вопроса, придаютъ книгѣ цѣльность и связываютъ преемственной нитью прошлое и настоящее грузинской церкви. Изъ портретовъ, которыми снабжена книга, наименѣе рѣдкими въ изданіяхъ можно считать портреты преосв. Гаіоза, просвѣтившаго осетинъ, грузинскаго историка-археолога Пл. Іосселіани и перваго экзарха Варлаама (изъ князей Эристовыхъ).

В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русской литературы XVIII в. Опыты статистическихъ наблюденій. Спб., 1901 г. „Опытъ“ г. Сиповскаго чрезвычайно интересенъ и по содержанію, и со стороны своихъ методологическихъ пріемовъ. Авторъ совершилъ громадную подготовительную работу—подсчиталъ по годамъ за XVIII в. цифры выходившихъ книгъ по беллетристикѣ и журналовъ, сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и съ общимъ теченіемъ тогдашней общественной жизни, представилъ выпукло и ярко всѣ перипетіи тогдашняго нашего литературнаго развитія въ графическихъ таблицахъ. Изслѣдованіе получило прочный научный базисъ и привело къ очень любопытнымъ выводамъ. Какъ первая (и очень удачная) попытка въ этомъ родѣ, оно имѣетъ большое принципіальное значеніе. Авторъ пока смогъ объяснить не всѣ колебанія литературнаго роста и развитія, но твердо намѣтилъ вѣхи для будущихъ изслѣдованій—своихъ и чужихъ.

Очень любопытны и почти сплошь очень свѣжи его окончательные выводы.

„Царствованіе императрицы Екатерины II было въ жизни русской литературы той эпохой, съ которой начинается ея исторія, т.-е. тотъ закономѣрный процессъ развитія, всѣ явленія котораго въ ясной причинной связи между собой и отнюдь не случайны, и не разрозненны (маленькое увлеченіе спеціалиста: закономѣрность, конечно, была и раньше, хотя мы ея пока не можемъ объяснить; исторія началась, разумѣется, съ-испоконъ-вѣку). 80-е годы XVIII в. (1788 г.) въ исторіи русской литературы и журналистики были той эпохой, когда правительственная дѣятельность Екатерины наиболѣе чувствительно сказалась на русскомъ обществѣ. Реакція во взглядахъ Екатерины II, начавшаяся въ *80-хъ*

годахъ, ясно отразилась на производительномъ творчествѣ русскаго общества въ началѣ *90-хъ годовъ*: очевидно, русское общество хотя оказалось неспособнымъ къ борьбѣ съ правительственнымъ режимомъ, однако разошлось съ нимъ очень замѣтно въ настроеніяхъ—ясное доказательство пробужденія самостоятельности. Конецъ царствованія Екатерины (1796 г.)—полное банкротство великолѣпнаго правленія Семирамиды Сѣвера, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, политики „просвѣщеннаго абсолютизма“. Впрочемъ, русское общество и погнулось, но устояло и даже при Павлѣ немного оживилось—новое доказательство пробужденія самодѣятельности въ обществѣ, залогъ будущаго *самостоятельнаго* развитія. Общее впечатлѣніе, полученное нами отъ статистическихъ наблюденій, таково: а) русское общество даже въ XVIII в. было очень жизнеспособнымъ—оттого такъ быстръ подъемъ книги въ царствованіе Екатерины; b) рядъ колебаній, повышеній и пониженій — результатъ политики „просвѣщеннаго абсолютизма“, то ускорявшаго, то замедлявшаго поступательный ходъ естественнаго развитія общества; c) передъ нами за 75 лѣтъ нарисована грустная картина одного изъ эпизодовъ русской цивилизаціи: это энергичное стремленіе вверхъ, съ постоянными задержками и, наконецъ, такое же быстрое паденіе внизъ не было ли однимъ изъ обычныхъ, характерныхъ явленій въ исторіи русской жизни? Книга—чуткій барометръ настроеній общества, и, можетъ быть, подсчетъ ея въ XIX в. дастъ рядъ такихъ же краснорѣчивыхъ колебаній. Романъ, особенно „англійскій“, самый распространенный литературный родъ въ XVIII в. Въ лицѣ Карамзина и его единомышленниковъ русская журналистика пріобрѣтаетъ вполнѣ „литературный“ характеръ, чуждый иныхъ тенденцій, кромѣ „художественныхъ“.

Все это открываетъ широкіе горизонты для изслѣдователей русской литературы XVIII в.

П. Смирновскій. Исторія русской литературы XIX в. Вып. IV. Спб., 1901 г. 4-й выпускъ труда г. Смирновскаго посвященъ Дмитріеву, В. Л. Пушкину, А. Е. Измайлову и Нарѣжному. Въ немъ тѣ же достоинства и недостатки, что и въ первыхъ трехъ выпускахъ: добросовѣстная компиляція, съ очень неглубокимъ пониманіемъ основныхъ теченій русской литературы начала XIX в.; сѣренькое изложеніе, которое спеціалистамъ не дастъ ничего новаго и интереснаго, но можетъ пригодиться большой публикѣ, какъ довольно грамотно составленный сводъ научныхъ фактовъ и соображеній, до сихъ поръ остававшихся исключительно ученымъ достояніемъ. Подчасъ у г. Смирновскаго замѣчается досадная неразборчивость въ руководствахъ: онъ, напр., повторяетъ наивную аргументацію проф. Халанскаго, который вздумалъ доказывать сильное вліяніе В. Л. Пушкина на его геніальнаго племянника сомнительными сопоставленіями ихъ стиховъ и буквальнымъ пониманіемъ ироническихъ отзывовъ. Кто хоть немного знакомъ съ нашей старинной литературой, тотъ не отнесется серьезно къ стихотворной „жидени“ литературнаго шута начала XIX в., посмѣшища всѣхъ, даже ближайшихъ родственниковъ. Встрѣчаются и въ другихъ случаяхъ подобные промахи. Меньше ихъ въ отдѣлѣ о Нарѣжномъ—потому, что г. Смирновскій слѣдовалъ, главнымъ образомъ, одному источнику, въ общемъ довольно удачному.

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библіографическій обзоръ. Спб., 1901 г. Книга г. Сиповскаго составилась изъ статей, которыя печатались въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1901 г. Авторъ поставилъ себѣ сложную и трудно достижимую цѣль, при полной неупорядоченности на-

шего библіотечнаго дѣла—подвести итоги всему вышедшему о Пушкинѣ за юбилейный періодъ (кромѣ газетныхъ статей, которыя указываются только случайно). Въ предѣлахъ возможнаго онъ выполнилъ свою задачу прекрасно. Абсолютной полноты ему не удалось достигнуть, такъ какъ ни одно изъ нашихъ книжныхъ собраній не имѣетъ даже и приблизительно полной коллекціи всѣхъ юбилейныхъ изданій о Пушкинѣ. Много времени, усилій и любви къ дѣлу нужно было потратить, чтобы достигнуть и полноты относительной. Во всякомъ случаѣ, обзоръ г. Сиповскаго полнѣе, подробнѣе и систематичнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему трудовъ подобнаго рода, довольно многочисленныхъ,—и въ этомъ его большая заслуга. Это не сухой и голый библіографическій перечень, а съ большимъ одушевленіемъ и знаніемъ дѣла написанное историко-литературное изслѣдованіе, въ которомъ авторъ, излагая наиболѣе цѣнное и интересное въ чужихъ изслѣдованіяхъ, оспаривая скороспѣлые и непродуманные выводы, самъ исходитъ изъ цѣльнаго пониманія поэта и его творчества, многое добавляетъ, при разборѣ чужихъ выводовъ, изъ собственныхъ изученій и прежнихъ изслѣдованій. Въ результатѣ у читателей получается цѣльное впечатлѣніе по ряду основныхъ вопросовъ „Puschkiniana“, а это цѣннѣе абсолютной библіографической полноты.

Въ началѣ своего очерка г. Сиповскій характеризуетъ самое чествованіе 1899 г. и обзоры юбилейныхъ торжествъ, указываетъ вновь изданные къ юбилею матеріалы, общіе очерки жизни и дѣятельности Пушкина, біографическіе очерки частнаго характера и характеристики; затѣмъ онъ подводитъ итогъ историко-литературной оцѣнкѣ Пушкина, разработкѣ вопроса объ его отношеніяхъ къ иностраннымъ и русской литературамъ, объ его значеніи, какъ народнаго, національнаго поэта и какъ воспитателя общества; въ концѣ перечислены новыя данныя по литературной исторіи отдѣльныхъ Пушкинскихъ произведеній и библіографическіе обзоры Пушкинской юбилейной литературы.

Мы убѣждены, что не только завзятые „пушкиніанцы“, но и вообще поклонники великаго поэта (а ихъ, къ счастію, не мало, и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается) отнесутся съ полнымъ вниманіемъ къ прекрасному труду г. Сиповскаго.

Сборникъ Кирши Данилова. Спб., 1901 г. Какъ одна изъ наиболѣе раннихъ записей нашихъ былинъ въ наименѣе извѣстномъ районѣ, сборникъ Кирши Данилова представлялъ и до сихъ поръ представляетъ громадный научный интересъ. Но рукопись, съ которой были сдѣланы первыя изданія, долго считалась утерянной, и только въ самое послѣднее время счастливый случай возвратилъ ее русской наукѣ. Находка тѣмъ болѣе важна, что прежнія воспроизведенія текста были и неточными, и неполными: особая стыдливость цензуры и издателей привела къ цѣлому ряду чувствительныхъ пропусковъ; своеобразныя научныя понятія вызвали грубое нивелированіе языка издаваемыхъ былинъ.

Новое изданіе публичной библіотеки, которой кн. М. Р. Долгоруковъ пожертвовалъ найденную рукопись, даетъ въ руки изслѣдователямъ подлинный, не подправленный, почти полный текстъ (замѣнены точками только совершенно нецензурныя мѣста). Прекрасная вступительная статья редактора П. Н. Шеффера знакомитъ съ исторіей сборника и значеніемъ настоящаго изданія. Это—крупное пріобрѣтеніе для исторіи нашего былевого эпоса.

А. Круковскій. Сборникъ отзывовъ о русскихъ писателяхъ. Пособіе при изученіи отечественной литературы. Поневѣжъ, 1901 г. Г. Круковскій задумалъ составить историко-литературное пособіе для

средней школы, хрестоматическаго характера. Отдѣльныя мѣста, иногда даже фразы изъ разныхъ научныхъ изслѣдованій и критическихъ статей, по идеѣ составителя, должны были складываться въ общую, цѣльную и выразительную картину. Но отзывы слишкомъ дробны, зачастую слишкомъ устарѣли, и иногда очень произвольны или безсодержательны; набраные отовсюду отрывки и обрывки въ общемъ плохо вяжутся другъ съ другомъ и производятъ смутное впечатлѣніе. О Капнистѣ *всего одна* фраза: „Ябеда“ Капниста замѣчательна больше по цѣли, нежели по выполненію“. Одинъ (изъ двухъ) отзывовъ о Хемницерѣ гласитъ: „Хемницеръ изумителенъ сочувствіемъ души своей съ внутренней красотой поэзіи“ (стр. 19) и пр. Что дадутъ учащимся подобныя фразы, можетъ быть, и умѣстныя на своемъ мѣстѣ, но въ данномъ случаѣ неудачно выхваченныя?

ЭТНОГРАФІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

Э. Лангъ. „Миѳологія“.—„Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи“. Собраны и изданы подъ редакціей и съ введеніемъ *Р. Н. Гинзбурга и П. С. Марека.—В. А. Долоруковъ.* „Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи“.

Э. Лангъ. Миѳологія. Переводъ подъ редакціей Н. Н. и В. Н. Харузиныхъ. Изданіе В. Линдъ. М., 1901 г. Стр. 209. Ц. 80 к. Эта книга, посвященная одному изъ самыхъ интересныхъ выраженій первобытной культуры—миѳологическому творчеству, отчасти заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей популярно-научной литературѣ. Лангъ не только высказываетъ свой взглядъ на происхожденіе и развитіе миѳовъ, но и подвергаетъ остроумной критикѣ другія теоріи, касающіяся даннаго вопроса. Особенно удачно разрушаетъ онъ извѣстную филологическую гипотезу Макса Мюллера, по которой миѳы составляютъ вырожденіе и болѣзнь языка и вызваны нѣкоторыми явленіями въ области послѣдняго. Лангъ становится на другую, болѣе глубокую и естественную точку зрѣнія. Для него миѳы можно понять лишь въ томъ случаѣ, если мы поймемъ общество, законы и обычаи людей, находящихся въ дикомъ и первобытномъ состояніи. Источникъ миѳовъ лежитъ въ психологіи и интеллектуальномъ развитіи примитивныхъ народовъ. Миѳъ вырастаетъ изъ своей соціальной обстановки, и то дикое, неразумное, непристойное, что поражаетъ насъ даже въ изящной миѳологіи Эллады, является лишь отголоскомъ и наслѣдіемъ дикой, неразумной, непристойной дѣйствительности. Только антропологическая теорія, представителемъ которой и служитъ Э. Лангъ, можетъ объяснить странныя преданія о началѣ міра, гнусныя и смѣшныя приключенія боговъ, отталкивающіе разсказы о царствѣ мертвыхъ. Разсматривая нелѣпое въ миѳахъ какъ переживаніе, авторъ даетъ имъ своеобразное освѣщеніе, и его книга очень интересна и поучительна. Переводъ ея сдѣланъ тщательно.

Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи. Собраны и изданы подъ редакціей и съ введеніемъ С. М. Гинзбурга и П. С. Марека. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя сборника пѣсенъ на разговорно-еврейскомъ языкѣ, имѣющихся въ Азіатскомъ музеѣ Императорской академіи наукъ, составл. С. Е. Винеромъ. Изданіе редакціи „Восхода“. Спб., 1901 г. Стр. XXX, 329, XIV. Ц. 2 р. 50 к. Эту книгу надо разсматривать какъ одно изъ выраженій пробудившагося у русскихъ интеллигентныхъ евреевъ національнаго самосознанія. Собрать народныя пѣсни и возсоздать по нимъ бытовую исторію народа—это, несомнѣнно, очень плодотворное и нужное дѣло. Составители настоящаго сборника (болѣе 50 лицъ) справились со своей задачей вполнѣ

умѣло. Предъ нами обширный томъ, содержащій въ себѣ 376 пѣсенъ; онѣ являются отраженіемъ всѣхъ крупныхъ моментовъ внутренней и внѣшней жизни евреевъ. Здѣсь есть пѣсни религіозно-духовнаго, національнаго содержанія, праздничныя, пѣсни историческаго характера, колыбельныя, дѣтскія и школьныя, любовныя, пѣсни о женихѣ и невѣстѣ, свадебныя, семейныя, бытовыя, солдатскія. Текстъ пѣсенъ напечатанъ на разговорно-еврейскомъ языкѣ съ приложеніемъ латинской транскрипціи. Нѣкоторыя пѣсни историческаго содержанія снабжены необходимыми пояснительными примѣчаніями. При каждой пѣснѣ обозначены фамиліи лицъ, ее доставившихъ, и названіе мѣстности, гдѣ она распѣвается и записана. Введеніе гг. Гинзбурга и Марека представляетъ собою краткій анализъ собранныхъ пѣсенъ; выясняются общія черты той картины, которую въ своей совокупности даютъ народныя пѣсни. Хронологически-послѣдней темой ихъ является эмиграціонное движеніе евреевъ—главнымъ образомъ, въ Америку.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Шестое изданіе. Томскъ, 1901—1902 г. Ц. 1 р. 25 к. Не такъ еще давно всякія путешествія по Сибири были сопряжены съ такими трудностями, что мало кто рѣшался добровольно ознакомиться съ природой и бытомъ жителей этой обширной нашей окраины. Но съ постройкой великаго желѣзно-дорожнаго пути этотъ непочатый край привлекъ вниманіе и русскихъ, и иностранныхъ капиталистовъ, промышленниковъ и юристовъ, и „Путеводитель по Сибири“ сдѣлался необходимъ. Послѣднее изданіе этой книги значительно расширено и дополнено новыми свѣдѣніями, добытыми не только изъ печатныхъ источниковъ, но и изъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ составителя. Кромѣ расписаній поѣздовъ и пароходныхъ рейсовъ и другихъ практическихъ свѣдѣній, читатель найдетъ здѣсь и описанія попутныхъ городовъ, краткіе историческіе очерки и справки, а удовлетворительно исполненные рисунки восполняютъ отсутствіе топографическихъ замѣтокъ. Если бы въ книгѣ среди текста не попадались торговыя объявленія, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оно представляло бы даже научный интересъ. Обращаетъ на себя вниманіе новый отдѣлъ, посвященный судоустройству и судопроизводству по уставамъ Александра II, народнымъ судамъ, инородческому управленію, институту крестьянскихъ начальниковъ и т. д.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности: 1) Ев. Сно. Генри Стенли, его жизнь и путешествія. Ц. 5 к. 2) Его же. Фритіофъ Нансенъ, отважный путешественникъ. Ц. 5 к. 3) Проф. А. Красновъ. О полярныхъ странахъ. Ц. 2 к. 4) Буры и ихъ страна. Ц. 2 к. 5) Бесѣды о внутренности земли. Ц. 4 к. 6) Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія. Ц. 10 к. 7) Л. Колесникова. Разсказы о жизни звѣрей. Ц. 1½ к. 8) Бузкова Е. „Хижина дяди Тома“ и рабство негровъ въ Америкѣ. Ц. 3 коп. 9) Е. Сно. М. В. Ломоносовъ. Ц. 1½ коп. 10) Рыжакъ. По М. Серао. Ц. 3 к. 11) Джеромъ-Джеромъ. Джонъ Ингерфильдъ. Ц. 1½ к. 12) Де що сь кобзаря. Т. Г. Шевченко. 13) В. Соболевъ. Бесѣда врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ. (О заразѣ вообще, о скарлатинѣ, о брюшномъ тифѣ, о натуральной оспѣ). Ц. 3 к. (то же отдѣльными книжками по 1½ к.). Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности суще-

ствуетъ тридцать второй годъ, и особенно за послѣднее время все болѣе и болѣе развиваетъ свою дѣятельность, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Въ наше время платоническихъ заботъ о народномъ образованіи существованіе и процвѣтаніе такого просвѣтительнаго общества, какъ харьковское, не могутъ не привѣтствовать отъ всей души искреннѣе друзья народнаго просвѣщенія. Уже болѣе пяти лѣтъ (если не больше) всякаго рода просвѣтительныя общества превращаются у насъ изъ дѣятельныхъ въ недѣятельныя. Такъ было съ петербургскимъ и московскимъ комитетами грамотности; такъ было съ тамбовскимъ обществомъ народныхъ чтеній и проч. и проч. Трубные гласы о частной иниціативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія раздаются за послѣдніе годы все рѣже и рѣже, звучатъ они все тише и тише, и къ нимъ примѣшиваются не только робкія, но и вялыя нотки. Старѣютъ очень быстро и къ тому же еще недавно такія живыя стремленія русской культурной публики, направленныя къ развитію внѣшкольнаго народнаго образованія. Не интересной становится для нея эта область, и въ ней съ каждымъ годомъ все больше и больше вѣетъ несомнѣнной мертвечиной. И люди, имѣвшіе возможность слѣдить по мѣрѣ силъ за общимъ развитіемъ русской жизни, невольно спрашиваютъ себя: не наступаетъ ли конецъ культурной работѣ? Какой глубокій и роковой это вопросъ! Сколько дѣятельныхъ рукъ должны безсильно опуститься въ случаѣ его положительнаго рѣшенія! Сколько просвѣтительныхъ надеждъ и прекрасныхъ чаяній должны, повидимому, разбиться! Но нѣтъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ: ни унывать, ни опускать руки не приходится, и не скоро еще придется. Перемѣна направленія общественной работы не есть еще прекращеніе ея. *Читатель идетъ.* Онъ идетъ откуда-то снизу, идетъ толпой, идетъ все болѣе и болѣе сплоченной массой. Его нельзя не видѣть. Его нельзя не замѣчать. И культурные работники изъ чистой публики его, наконецъ, увидѣли, а многіе и оцѣнили. Оглянитесь назадъ и припомните, что предлагалось „читателю изъ народа“ десять лѣтъ тому назадъ и что предлагается теперь. Еще такъ недавно этого самаго читателя кормили отбросами со своего читательскаго стола, выдумывали для него какую-то „особую литературу для народа“, „особую науку для народа“, особыхъ авторовъ, особыхъ издателей... Теперь этотъ самый читатель все съ большимъ и большимъ аппетитомъ начинаетъ поглощать тѣ же самыя книги, что и мы, и очень опредѣленно выражаетъ свое неудовольствіе, когда ему преподносятъ нѣчто „особое“, спеціально для его наставленія состряпанное... Наставленія какъ будто перестаютъ дѣйствовать, и разнаго сорта „наставители“ волей-неволей увидѣли въ этомъ новомъ читателѣ—*человѣка*, такого же мыслящаго человѣка, какимъ они мнятъ себя самихъ.

Угадало ли эти новыя потребности харьковское общество грамотности? Повидимому, есть основаніе думать, что оно внимательно присматривается къ жизни и искренне желаетъ идти ей навстрѣчу. Общество съ каждымъ годомъ проявляетъ все большую жизненность. Въ немъ несомнѣнно есть нѣкоторые признаки души живой. Его работа очень разностороння и разнообразна, и если однѣ отрасли идутъ вяло, зато въ другихъ чувствуется какъ будто кипѣніе. Чужой человѣкъ, посѣтившій Харьковъ, невольно поражается (какъ это было съ пишущимъ эти строки) относительно-высокимъ интеллигентнымъ уровнемъ харьковскихъ культурныхъ работниковъ, бодрымъ настроеніемъ многихъ изъ нихъ; поражается ихъ числомъ (въ харьковскомъ обществѣ грамотности болѣе 800 членовъ), множествомъ различныхъ начинаній, изъ которыхъ многія идутъ очень

успѣшно. Правда, и ликъ солнца не безъ пятенъ; но будемъ пока довольны и тѣмъ, что̀ есть, лишь бы въ людяхъ, стоящихъ у жизни, побольше было правильнаго пониманія и знанія народныхъ стремленій, а главное—побольше дѣятельнаго настроенія. Харьковское общество грамотности работаетъ въ области какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія. Судя по послѣднему (1899 г.) отчету, общество содержало въ 1899 г. на свои средства 2 ежедневныхъ смѣшанныхъ школы, 2 ежедневныхъ женскихъ со швейными мастерскими, молярно-декоративную (имени Н. Бородаевскаго), деркачевскую, хуторскую, сельскую и 6 воскресныхъ (3 мужскихъ и 3 женскихъ). Общество же открыло въ Харьковѣ нѣсколько (5) безплатныхъ народныхъ библіотекъ; кромѣ того нѣсколько библіотекъ открыты мѣстными отдѣленіями общества въ Богодуховѣ, Волчанскѣ, Старобѣльскѣ. Децентрализація дѣятельности, болѣе или менѣе строго проведенный принципъ коллегіальности, выборное начало—все это такія особенности харьковскаго общества, которыя дѣлаютъ его интереснымъ для работающихъ въ немъ и даютъ имъ возможность проявляться въ жизни. При обществѣ существуетъ особый комитетъ сельскихъ библіотекъ, дѣйствующій очень энергично и сумѣвшій открыть съ 1 января 1894 г. по 1 января 1901 г. *двѣсти одну* сельскую библіотеку въ предѣлахъ губерніи. Судя по отчету 1899 г., благодаря этимъ библіотекамъ, въ теченіе года пошло въ грамотную деревенскую толпу не менѣе (если не болѣе) трехсотъ тысячъ хорошихъ книгъ. При комитетѣ сельскихъ библіотекъ основанъ большой складъ дешевыхъ книгъ и картинъ, которыми снабжаются открываемыя библіотеки. Отчетъ о дѣятельности этихъ библіотекъ, только что вышедшій, составленъ превосходно, и каждый, кто интересуется библіотечнымъ дѣломъ, найдетъ тамъ для себя массу интересныхъ и поучительныхъ данныхъ. Выборомъ книгъ для распространенія завѣдуетъ особая коммиссія. Въ теченіе 1899 г. оборотъ этого склада выразился въ *25,691 р.* Комитетъ сельскихъ библіотекъ издалъ, кромѣ каталога, очень полезное „Руководство къ устройству народныхъ библіотекъ и читаленъ“. Кромѣ этого комитета, существуетъ при харьковскомъ обществѣ коммиссія народныхъ чтеній, которая устраиваетъ свои чтенія въ 7 пунктахъ Харькова, не считая аудиторій, устроенныхъ въ разныхъ городахъ отдѣленіями общества. Въ харьковскихъ аудиторіяхъ ежегодно бываютъ десятки тысячъ народу. Коммиссія народныхъ чтеній въ свою очередь издала еще весьма полезное „Руководство къ устройству и веденію народныхъ чтеній“, выходящее вторымъ изданіемъ. Кромѣ этой коммиссіи, при обществѣ существуетъ цѣлый рядъ другихъ коммиссій и учрежденій (санитарный комитетъ съ отдѣленіемъ лѣтнихъ колоній, коммиссія для изученія вопроса о всеобщемъ обученіи въ Харьковѣ, особая коммиссія изъ представителей общества и попечительства о народной трезвости о постройкѣ народнаго дома въ Харьковѣ и пр. и пр.). Особеннаго же вниманія заслуживаетъ издательскій комитетъ общества, открывшій свою дѣятельность въ 1891 г., а за послѣдніе годы сильно двинувшій ее впередъ. Мы имѣли уже случай говорить объ этой сторонѣ дѣятельности харьковскаго общества (см. *Русскую Мысль* 1894 г.). Мы еще тогда отмѣчали удачное начало этого рода дѣятельности. За истекшее шестилѣтіе издательство сдѣлало большіе успѣхи. Въ 1894 г. было издано обществомъ 14 брошюръ; къ 1899 г. число ихъ увеличилось до 41, а въ настоящее время до 75. Особенность этихъ изданій та, что они приближаются по своей дешевизнѣ и по внѣшнему виду къ изданіямъ „Посредника“. Тѣ и другія въ отдѣльной продажѣ идутъ приблизительно по

1½ к. за печатный листъ, а харьковскіе трехъ-листовки даже дешевле „посредниковскихъ“. Что же касается до продажи сотнями, то сытинскія изданія все же идутъ дешевле (отъ 65 до 90 к. за сотню, тогда какъ харьковскія—1 р. 5 к.) Зато внѣшность харьковскихъ изданій немного опрятнѣе. Всѣ эти цифры показываютъ, что интеллигентная издательская фирма почти сумѣла удешевить свои изданія до уровня „лубочныхъ“, не поступаясь ни содержаніемъ ихъ, ни внѣшнимъ видомъ. Это несомнѣнно заслуга харьковскаго общества. Заслуга эта еще больше, если принять въ разсчетъ, что харьковское общество платитъ нѣкоторымъ авторамъ гонораръ. Разумѣется, самый важный вопросъ для всякой интеллигентной фирмы—это вопросъ о сбытѣ книжнаго товара. Съ этой стороны харьковское общество тоже сумѣло довольно хорошо обставить себя. Оно печатаетъ свои изданія обыкновенно по 10,000 экземп.; нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ повторными изданіями. Одно изданіе комитета („Сборникъ произведеній Пушкина“) разошлось въ количествѣ болѣе 200 т. экз. Впрочемъ, просматривая таблицу сбыта изданій харьковскихъ, нельзя не замѣтить, что они расходятся довольно медленно (иныя по 250 экз. въ годъ, а то и меньше). Объясняется это малымъ числомъ пунктовъ сбыта и отсутствіемъ торговыхъ связей. Эта сторона дѣятельности заслуживаетъ особаго вниманія; ее должно, а главное—можно упорядочить. Дешевую книгу нужно раздавать на коммиссіи деревенскимъ лавочникамъ, земскимъ книжнымъ складамъ, складамъ попечительствъ, потребительнымъ обществамъ и пр., и пр. Харьковское общество должно выдвинуть изъ своей среды особую коммиссію для организаціи книжной торговли, для наступательнаго дѣйствія на покупателя.

Переходя теперь къ обзору качественной стороны харьковскихъ изданій, мы прежде всего должны отмѣтить стремленіе общества создавать *научную* народную книгу. Создать эту книгу, за неимѣніемъ авторовъ, знающихъ читателя изъ народа, особенно не легко. Харьковское общество все же кое-что сдѣлало въ этомъ направленіи. На первый планъ среди народныхъ изданій мы должны поставить книжки географическія. Лучшая изъ нихъ — книжка проф. А. Н. Краснова „О полярныхъ странахъ“. Она представляетъ собою довольно полный и обстоятельный очеркъ природы, флоры и фауны полярныхъ странъ и быта ихъ жителей,—очеркъ, написанный хорошимъ языкомъ. Отъ другихъ книжекъ, уже имѣвшихся въ продажѣ и посвященныхъ полярнымъ странамъ, книжка Краснова отличается тѣмъ, что не затрогиваетъ исторіи путешествій въ эти страны, а главное вниманіе посвящаетъ уясненія той связи, какая существуетъ между разными физико-географическими условіями данной страны съ ея флорой, фауной и жизнью человѣка. Въ вину автору можно поставить лишь то, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на борьбу расъ. Не дурно составлена книжка „Буры и ихъ страна“. Здѣсь читатели найдутъ краткое описаніе государственнаго строя бурскихъ республикъ и краткую исторію ихъ войнъ съ англичанами. Языкъ этой книжки не такъ простъ, какъ предыдущій. Двѣ брошюры г. Сно (о Генрихѣ Стэнли и Фр. Нансенѣ) значительно уступаютъ предыдущимъ, такъ какъ г. Сно незнакомъ, повидимому, съ своимъ читателемъ, не умѣетъ писать интересно, не всегда бываетъ наученъ и пишетъ очень тяжелымъ языкомъ съ длинными фразами. Обѣ книжки содержатъ біографіи знаменитыхъ путешественниковъ въ связи съ исторіей ихъ путешествій. Больше удалась автору книга о Нансенѣ, благодаря довольно интереснымъ выборкамъ изъ дневника самого путешественника. Менѣе удалась біографія Стэнли. Г. Сно совершенно

неправильно освѣтилъ личность Стэнли и какъ-то странно умолчалъ о темныхъ сторонахъ знаменитаго путешественника. См., наприм., исторію перехода Стэнли изъ арміи южанъ въ армію сѣверянъ во время американской войны за освобожденіе невольничества. Совершенно невѣрно (стр. 52), что Стэнли былъ первымъ европейцемъ, появившимся у Мтезы (до него были Спикъ, Грантъ, Бекеръ). Совершенно невѣрно (стр. 56), что „Стэнли нашелъ верхній истокъ Нила“: это сдѣлалъ С. Бекеръ. Напрасно авторъ думаетъ, что „Стэнли пересѣкъ Африку въ самой широкой ея части“ (стр. 78). Далѣе авторъ цѣлыхъ 6 страницъ занялъ неинтересной негритянской сказкой о „королевичѣ (sic), который хотѣлъ достать мѣсяцъ“ и ни слова не сказалъ о возмутительной европейской политикѣ грабежа и дѣлежа Африки, о непомѣрныхъ несправедливостяхъ, совершенныхъ при основаніи государства Конго и т. п. Изъ книжекъ по естествознанію, изданныхъ харьковскимъ обществомъ, отмѣтимъ „Разсказы о жизни звѣрей“, Л. Колесниковой, составленные по Брэму, и недурную книжку М. Бжезинскаго „Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія“. Въ ней довольно удачно (хотя, къ сожалѣнію, недостаточно простымъ языкомъ) даются понятія о физическихъ и химическихъ свойствахъ воздуха и о явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ. Къ сожалѣнію, книжка эта не чужда научныхъ неточностей. Наприм., на стр. 8, описывая устройство барометра, авторъ позабылъ сказать о томъ, что барометрическая трубка съ одного конца запаяна; далѣе читателю сообщается, что кислородъ нуженъ „*только* для горѣнія и дыханія“. На стр. 58 причина, производящая вѣтеръ, объясняется совершенно невѣрно, а о циклонахъ и антициклонахъ авторъ умалчиваетъ. На стр. 59 мусоны приравниваются къ бризѣ. На стр. 67 причины фена объяснены совсѣмъ неправильно. Книжка „О внутренности земли“ уступаетъ по исполненію предыдущей. Неизвѣстный авторъ задумалъ дать въ ней читателю понятіе о составѣ толщи земной и о процессахъ, происходящихъ въ послѣдней. Къ сожалѣнію, онъ не справился съ своею задачей: читатель, незнакомый съ геологическими явленіями изъ другихъ, болѣе обстоятельно и талантливо написанныхъ книгъ, мало что вынесетъ изъ чтенія этой книжки. Авторъ совершенно не понимаетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ. Книга богата странностями. Наприм., на стр. 13 вулканы опредѣляются, какъ „горы, *выпускающія* подземный огонь“. На стр. 1 авторъ „*опоясываетъ* землю *пополамъ*“ (sic), на стр. 17 путаетъ понятія *газъ* и *паръ*. Причину вулканическихъ явленій онъ совершенно не объясняетъ. Прежде чѣмъ издавать эту книжку, слѣдовало бы тщательнѣе проредактировать ее и подумать о томъ, кому собственно она предназначается. Изъ историческихъ книжекъ, изданныхъ харьковскимъ обществомъ грамотности, хорошее впечатлѣніе производитъ очеркъ Е. Бузковой „Хижина дяди Тома и рабство негровъ въ Америкѣ“. Здѣсь авторъ сопоставляетъ Бичеръ Стоу и Линкольна. Первая боролась съ рабствомъ, какъ авторъ знаменитой книги; второй боролся съ рабствомъ, какъ государственный человѣкъ. Г-жа Бузкова, составляя свою книжку, повидимому, ни на минуту не забывала, что она пишетъ для читателей, помнящихъ еще крѣпостное право, не избѣгала дѣлать отъ времени до времени теоретическія отступленія; это придало книжкѣ особый интересъ. Книжка хорошо задумана и (если не считать длинныхъ фразъ и неправильнаго объясненія терминовъ) недурно исполнена. Менѣе удачна біографія М. В. Ломоносова, составленная г. Сно. На рынкѣ народныхъ изданій существуетъ нѣсколько біографій его (Е. Некрасовой, Михневича, Фурмана и друг.). Отъ новой можно было бы и ожидать чего-нибудь новаго, а

мы не нашли въ ней даже достаточно опредѣленной оцѣнки заслугъ Ломоносова. Въ отдѣлѣ беллетристики слѣдуетъ прежде всего отмѣтить отрывки изъ Кобзаря Шевченка, на малороссійскомъ языкѣ, и недурный разсказъ, передѣланный изъ разсказа М. Серао „Рыжакъ“ (имѣется въ изданіи „Посредника“, подъ заглавіемъ „Любовь преступника“). Это—трогательная исторія нѣжной привязанности каторжника къ ребенку. Разсказъ Дж. Джерома „Джонъ Ингерфильдъ“, повидимому, впервые появляется въ дешевомъ изданіи. Содержаніемъ его служитъ исторія одного брака по разсчету, превращающагося въ бракъ по любви подъ вліяніемъ дѣятельной любви къ людямъ (въ данномъ случаѣ къ фабричнымъ рабочимъ). Что касается до отдѣла прикладныхъ знаній, то слѣдуетъ отмѣтить очень недурную книжку неизвѣстнаго автора „О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ“ и хорошія книжки д-ра В. Соболева „Бесѣды врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ“. Эти послѣднія написаны живымъ, хорошимъ языкомъ и обнаруживаютъ въ авторѣ знакомство съ читателемъ.

Сводя все къ одному, мы должны отмѣтить, что качественная сторона изданій харьковскаго общества грамотности требуетъ еще нѣкоторыхъ улучшеній, хотя, отмѣчая недостатки той или иной книжки, мы вовсе не желаемъ этимъ доказывать полную непригодность ея. При томъ богатствѣ научныхъ и литературныхъ силъ, какія находятся въ распоряженіи харьковскаго комитета, многихъ недостатковъ, указанныхъ выше, можно бы было и избѣжать, подвергая книги болѣе тщательной редакціи въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Можно было бы и внимательнѣе отнестись къ вопросу: „да кто же именно будетъ читателемъ этихъ изданій“ и постараться захватить ими *самый низшій* уровень читателей. Будемъ надѣяться, что въ этомъ направленіи и станетъ развиваться издательская дѣятельность комитета, и въ числѣ своихъ первыхъ требованій, предъявляемыхъ къ *авторамъ* книгъ, онъ поставитъ имъ *знакомство съ читателемъ изъ народа*, съ его запросами, его потребностями, его жизнью.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Д. И. Тихомировъ. „О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“).—*П. Засодимскій.* „Въ пріютѣ“. „Въ лѣсу“. „Зима въ деревнѣ“.—„Всемірные свѣточи. Разказы изъ жизни великихъ людей. Шиллеръ и Гёте“. По Огорну и Эрлиху состав. *М. Градстремъ.—Клавдія Лукашевичъ.* „Побѣдила“. Комедія въ 4-хъ дѣйств. для дѣтей. „Въ сельской школѣ“. Сцены для школьнаго театра. „Веселые дни“. Сцены изъ народнаго быта. „Среди цвѣтовъ“. Фантаст. ком. для дѣтей.

Д. И. Тихомировъ. О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. Москва, 1901 г. Ц. 10 коп. Скоро русская земля будетъ чествовать память одного изъ лучшихъ и величайшихъ своихъ писателей, скоро воздвигнетъ она ему и памятникъ въ сердцѣ Россіи — Москвѣ. Но весь ли русскій народъ приметъ участіе въ этомъ знаменательномъ торжествѣ? 21-го февраля 1902 года минетъ пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Гоголя—и его сочиненія сдѣлаются національной собственностью, т.-е. будутъ издаваться по общедоступной цѣнѣ; тѣмъ не менѣе весь ли русскій народъ будетъ ихъ читать? Къ сожалѣнію, и теперь, въ XX вѣкѣ, многіе милліоны русскихъ людей остаются еще безграмотными и полуграмотными—они не знаютъ Гоголя, не

прочтутъ его безсмертныхъ произведеній, не поймутъ, за что поставленъ ему памятникъ, какъ не знаютъ, за что поставленъ памятникъ Пушкину, задушевному другу Гоголя, его внушителю и литературному учителю. Знаменитая „Тройка“, воспѣвавшаяся Гоголемъ болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, устала, должно быть, скакать впередъ, давно уже плетется шагомъ, и ее стали уже обгонять „другіе народы“, напримѣръ, японцы; скоро обгонятъ, можетъ быть, и турки. Но остановиться этой „тройкѣ“ всетаки нельзя; сработанный ярославскимъ мужикомъ экипажъ безъ желѣзныхъ винтовъ все же понемногу катится впередъ, влекомый усталыми конями. Грамота (пока все одна грамота) растетъ понемногу во всѣ стороны; но только счастливое меньшинство получаетъ образованіе, дѣлающее доступнымъ Гоголя, а о грамотѣяхъ нужны особыя заботы друзей; только при ихъ помощи они узнаютъ нашего великаго писателя, поймутъ его и оцѣнятъ. И одного изъ такихъ друзей грамотѣи имѣютъ въ лицѣ автора книги о жизни Гоголя, Д. И. Тихомирова. Простымъ и толковымъ словомъ, въ тепломъ и связномъ разсказѣ онъ въ этой книжкѣ знакомитъ грамотныхъ читателей съ характерными чертами жизни Гоголя, отмѣчая особенно тѣ изъ этихъ чертъ, которыя имѣли затѣмъ свое вліяніе на характеръ творчества нашего писателя. Тѣ же читатели усвоятъ себѣ изъ разсказа полное понятіе о смыслѣ произведеній Гоголя, употребившаго свой великій талантъ на изображеніе отрицательныхъ сторонъ въ жизни людей своей эпохи, сторонъ, присущихъ, впрочемъ, представителемъ не только нашей, но и всѣхъ эпохъ человѣческой жизни. Эта наиболѣе трудная задача (разъясненіе смысла и значенія произведеній Гоголя) выполнена г. Тихомировымъ въ высшей степени удачно. Авторъ очень удачно отмѣчаетъ вѣроятное вліяніе всей обстановки барской усадьбы Трощинскаго, далекаго родственника Гоголей, куда въ дѣтствѣ привозили Никошу Гоголя. Умѣнье и тактъ проявилъ авторъ и въ трудномъ вопросѣ о перепискѣ съ друзьями. Книжка появляется какъ нельзя болѣе во-время, и мы можемъ только пожелать ей самаго широкаго круга читателей.

П. Засодимскій. Въ пріютѣ (изъ жизни одной бѣдной дѣвочки). Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.—Въ лѣсу. Изъ деревенской жизни. Съ иллюстраціями. Ц. 25 коп., въ папкѣ 40 коп.—Зима въ деревнѣ. Съ иллюстраціями. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 коп. Изданіе Курнина. Москва, 1901 г. П. Засодимскій занимаетъ видное мѣсто среди писателей для дѣтей. Его произведенія проникнуты гуманными началами и стремленіемъ пробудить въ сердцахъ читателей любовь къ родному краю,—чѣмъ эти произведенія несомнѣнно оказываютъ нравственно-благотворное вліяніе на дѣтей. Къ сожалѣнію (общая участь спеціально-дѣтской литературы!), художественная сторона разсказовъ П. Засодимскаго оставляетъ желать очень многаго. Въ его описаніяхъ природы чувствуется шаблонъ, а изображеніе персонажей разсказовъ недостаточно жизненно, несмотря на то, что авторъ тщательно подбираетъ типичныя черты. Затѣмъ на произведеніяхъ П. Засодимскаго лежитъ характерная также для дѣтскихъ писателей черта, а именно: бѣдность въ выборѣ темъ. Пересмотрите любую дѣтскую библіотеку, и вы поразитесь, до чего часто эксплуатируется различными авторами одно и то же содержаніе. Вотъ, наприм., разсказъ П. Засодимскаго: „Въ пріютѣ“. Бѣдная дѣвочка попадаетъ въ пріютъ, гдѣ ее непріятно поражаетъ непривѣтливость начальства, злыя выходки подругъ и гдѣ, несмотря на матеріальное довольство, холодно ея дѣтскому сердцу. Вотъ другой разсказъ подъ заглавіемъ: „Въ лѣсу“. Крестьянская дѣвочка, помогая отцу собирать хворостъ, заблу-

дилась зимою въ лѣсу. Встрѣча съ бродягой, скрывающимся отъ людскихъ преслѣдованій, спасаетъ ее. Въ огрубѣломъ сердцѣ вспыхиваетъ жалость къ ребенку, и бродяга, поборовъ боязнь за себя, провожаетъ дѣвочку до деревни. Развѣ не читали дѣти множества подобныхъ же разсказовъ? Большинство читателей съ первыхъ строкъ разскажутъ сами дальнѣйшее содержаніе книжекъ. Скукой вѣетъ отъ этихъ традиціонныхъ образовъ злой пріютской надзирательницы, робкой „новенькой“, преслѣдуемой жестокими товарками, отъ описанія добродѣтельнаго поступка, совершеннаго представителемъ міра преступленія и порока. Чѣмъ можно объяснить эту скудость содержанія дѣтской литературы? По нашему мнѣнію, дѣло заключается, главнымъ образомъ, въ предвзятыхъ взглядахъ писателей, думающихъ своими произведеніями прежде всего поучать дѣтей, но при этомъ забывающихъ, что жизнь во всемъ ея разнообразіи и правдивое отраженіе этой жизни въ искусствѣ говорятъ сами за себя и говорятъ несравненно сильнѣе, чѣмъ односторонность, выдумка и сентенція (вродѣ той, напримѣръ, которую мы встрѣчаемъ въ разсказѣ: „Въ пріютѣ“, на стр. 18 по поводу выраженія: „лѣнь—мать всѣхъ пороковъ“). „Зима въ деревнѣ“ представляетъ собою очеркъ, въ которомъ авторъ знакомитъ дѣтей съ картинами русской зимней природы, съ крестьянскими зимними работами, наприм., рубкой деревьевъ, женскими работами, различными видами охоты, разнообразными „сидячими“ и отхожими промыслами, вродѣ кузнечнаго, рогожнаго, извознаго и т. п. Намъ думается, что исчерпать поставленную авторомъ задачу на сорокъ одной страницѣ крупной печати трудно; этимъ и объясняется сухость изложенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, скучное перечисленіе нѣкоторыхъ названій, наприм., губерній, и разбросанность матеріала. Изображеніе природы не вездѣ удачно: на первой страницѣ безпрестанное повтореніе слова „поле“ портитъ впечатлѣніе отъ общаго описанія картины. Сантиментальныя обращенія къ читателю (стр. 6 и 10) намъ кажутся излишними. Въ общемъ очеркъ можетъ быть полезенъ свѣдѣніями о родной странѣ. Изданія Курнина отличаются нѣкоторымъ изяществомъ; иллюстраціи, впрочемъ, не вездѣ одинаковаго достоинства: такъ, наприм., на обложкѣ книги: „Въ пріютѣ“ картинка производитъ непріятное впечатлѣніе аляповатымъ исполненіемъ.

Всемірные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей, Шиллеръ и Гёте. Три разсказа изъ исторіи нѣмецкой литературы. Составлено по Огорну и Эрлиху, М. Гранстремъ. Съ 75 рисунками. Спб., 1902 г. Стр. 289. Ц. 2 р. Красиво изданная книга, въ живомъ и драматическомъ разсказѣ излагающая біографіи двухъ великихъ писателей. Въ наше время мало кто „говоритъ о Шиллерѣ, о славѣ, о любви“, и для современнаго юношества идеалистическая струя была бы особенно цѣлебной. „Всемірные свѣточи“ переносятъ воображеніе именно въ такой идеалистическій міръ, въ міръ поэзіи и литературныхъ интересовъ, въ германскія Аѳины—Веймаръ, переносятъ къ вѣчнымъ образамъ Фауста, Ифигеніи, Карла Мора, Позы. На фонѣ нѣмецкаго города, „подъ небомъ Шиллера и Гёте“ изображается славная жизнь поэтовъ, ихъ трогательная дружба, поучительная исторія ихъ творчества. Дѣйствительность и поэзія, Wahrheit und Dichtung, очень искусно связаны въ книгѣ г. Гранстремъ, и производитъ она свѣтлое и прекрасное впечатлѣніе. Въ душѣ читателя остаются соединенными образы Шиллера и Гёте, какъ соединены они между собою на веймарскомъ памятникѣ. Рисунки очень хороши, въ особенности виды городовъ и зданій.

Клавдія Лукашевичъ. Побѣдила. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ для дѣтей.—Въ сельской школѣ. Сцены для школьнаго театра.—Веселые дни. Сцены изъ народнаго быта для дѣтей средняго возраста, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣснями и плясками. (Съ приложеніемъ нотъ). — Среди цвѣтовъ. Фантастическая комедія для дѣтей, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ танцами и пѣніемъ. (Съ приложеніемъ нотъ). Пѣсенки аранжированы В. Сокольскимъ. Дѣтскій театръ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. В. Тулупова. М., 1901—1902 г. По 15 коп. Главный недостатокъ дѣтскаго театра г-жи Лукашевичъ заключается въ избыткѣ добродѣтели и сладости. Всѣ пьески должны будить въ дѣтяхъ хорошія чувства, всѣ онѣ поэтому рисуютъ жизнь въ розовыхъ краскахъ идилліи и всѣ онѣ напитаны моралью. Читаешь ихъ—точно сиропъ пьешь... Конечно, мы говоримъ съ точки зрѣнія взрослаго человѣка; но вѣдь хорошая дѣтская книга съ интересомъ читается и взрослыми. Когда же вы раскрываете комедіи и сцены г-жи Лукашевичъ, вамъ хочется поскорѣе закрыть ихъ. Одно обиліе уменьшительныхъ словъ способно навести одурь; посмотрите, напримѣръ, 11 страницу „Среди цвѣтовъ“: на протяженіи нѣсколькихъ строчекъ вы можете быть задушены лаской,—*цвѣточки, дѣточка, Маргариточка, внученька, глазыньки* (все это говоритъ старый садовникъ). И еще вопросъ, насколько вообще педагогиченъ дѣтскій театръ. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ представлять собою нѣчто живое и естественное; сантиментальность въ немъ, какъ и всюду, только вредна. Если бы г-жа Лукашевичъ отрѣшилась отъ своей манеры и не обращала жизнь въ кондитерскую, она при своихъ несомнѣнныхъ литературныхъ способностяхъ могла бы, въ качествѣ писательницы для дѣтей, работать болѣе успѣшно.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1901 г. по 1 января 1902 г.

Адамовичъ, С. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи съ прил. таблицъ. Кіевъ, 1898 г.

Альманахъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ за 1901 г. М., 1901 г. Ц. 2 р.

Арефьевъ, В. Описаніе Сибири. Очерки для нар. чтенія. Вып. 2-й. Изд. кн. маг. П. И. Макушина. Томскъ, 1901 г.

Байронъ. 1) Каинъ. Земля и небо. Ц. 25 к. 2) Манфредъ. Двое Фоскари. Ц. 25 к. Пер. Е. Зарина. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1901 г.

Бальдвинъ, Дж. Маркъ. Введеніе въ психологію. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Беръ, Б. Стихотворенія. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Браиловскій, С. Опіумъ, его культура и потребленіе въ Уссурійск. краѣ. Хабаровскъ, 1901 г. Ц. 50 к.

Буланина, Елена. „Раздумье“. Стихотворенія. М., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вагнеръ, Н. П. Картины изъ жизни животныхъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1901 г.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Норвежцы—Шведы. Спб., 1901 г. Ц. 40 к.

Гагенъ, В. А. Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

Герцль, Т. Философскіе разсказы. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гёте. Фаустъ. Ч. 1-я. Пер. кн. Д. Н. Цертелева. М., 1901 г. Ц. 1 р.

— Лисъ Патрикѣичъ. Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Вып. I. Пер. В. С. Лихачева. Изд. А. Ф. Маркса. Подп. ц. 12 р., съ перес. 14 р. Спб., 1902 г.

Глинка, О. Личный составъ жел. дор. Спб., 1901 г.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. 15 книгъ иллюстрирован. изданій. Издан. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. 27 к., съ перес. 1 р. 70 к. Спб., 1901 г.

Покровская, М. Врачебно-полицейск. надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.

Голицынъ, Дм. Отъ смутныхъ дней. Романъ. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Горькій, М. Разсказы. Т. V. Издан. т-ва „Знаніе“. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

Гранстремъ, М. (по Огорну и Эрлиху). „Всемірные свѣточи“. Разсказы изъ жизни великихъ людей: Шиллеръ и Гёте. Сбп., 1902 г.

Грантъ Алленъ. Въ тайникахъ природы. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.

Грибовскій, В. Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.

Гриммъ, бр. Сказки въ выпускахъ (8 книгъ). Подъ ред. Н. В. Тулупова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1902 г.

Громовъ, Т. Первоначальныя понятія о теплотѣ съ примѣрами изъ области техники. Саратовъ, 1901 г. Ц. 40 к.

Де-Норвенъ, А. Американскіе милліардеры. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джемсъ, В. Стоитъ ли жить? 2-е изд. М., 1901 г. Ц. 20 к.

Джемсъ, Уилльямъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Пер. съ англ. А. Громбаха. Изд. С. Скирмунта. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Добрышенъ, Б. Работа податной инспекціи. Вып. I. Спб., 1902 г.

Догановичъ, А. Любимчикъ. Исторія одного попугая. Изд. В. С. Спиридонова. М., 1901 г. Ц. 25 к.

Дубровская, Б. Изъ жизни сѣренькихъ людей. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Дэджонъ, А. Искусство долго жить. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Д'Эйхталь, Е. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Екатеринославское научное общество. Сентябрь—ноябрь 1902 г. Екатеринославъ, 1901 г.

Засодимскій, П. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспоминанія и разсказы. М., 1901 г. Цѣна въ папкѣ 75 к.

Извѣстный. Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока. Спб., 1902 г. Ц. 55 к.

Каниве, Ш. Дитя моря. Романъ для юношества. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Каталогъ библіотеки при справочно-педагогич. комит. Харьковъ, 1901 г. Ц. 35 к.

Кенигъ, Эдм. В. Вундтъ, его философія и психологія. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

Кондрашева, Е. Н. Юность Кати и Вари Солнцевыхъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1901 г.

Короленко, П. П. Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска XVIII столѣтія. Издан. „Вѣстника казачьихъ войскъ". Спб., 1901 г. Ц. 20 к.

Круберъ, А., Григорьевъ, С., Барковъ, А., и Чефрановъ, С. Иллюстр. геогр. сборникъ. Европа. Изд. т-ва И. Н. Кушнерева и К°. М., 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Кругловъ, А. 1) Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. 2) Дѣтямъ. Стихотвор. Ц. 50 к. 3) Святитель Николай Чудотв. Ц. 25 к. Изд. В. С. Спиридонова. М., 1901 г.

Куркинъ, П. Дѣтская смертность въ Московской губ. и ея уѣздахъ. Вып. I. Изд. моск. губ. земства. М., 1902 г. Ц. 3 р.

Лависсъ, Э., и Рамбо, А. Исторія французской революціи. 1789—1799 гг. Пер. съ фр. М. Іолшина. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лебедевъ, В. Царскій духовникъ. Истор. повѣсть. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

— Историческій разсказъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1901 г. Ц. 30 к.

Лесгафтъ, П. Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. Ч. II. Спб., 1901 г. Ц. 2 р.

Лиданова, Л. Мимолетныя тучки. Разск. для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1902 г. Цѣна въ папкѣ 75 к.

Литературный сборникъ „Волжскаго Вѣстника". Казань, 1900 г.

Ломницкій, С. Персія и персы. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.

Лохвицкая, М. Стихотворенія. Т. III. 1898—1900 гг. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.

Луговой, А. Pollice verso. — „Добей его!" Съ 87 рис. А. В. Маковскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1901 г. Ц. 3 р.

Лукашевичъ, Кл. Дѣтскій театръ: 1) Побѣдила. Ц. 15 к. 2) Въ сельской школѣ. Ц. 15 к. 3) Веселые дни. Ц. 15 к. 4) Среди цвѣтовъ. Ц. 15 к. М., 1902 г.

— 1) Курскій астрономъ-самоучка Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Ц. 5 к. 2) Одинъ изъ многихъ. Ц. 3 к. 3) Искра Божія. Ц. 4 к. 4) Бѣдный родственникъ. Ц. 5 к. 5) Къ свѣту. Ц. 8 к. 6) Другъ несчастныхъ д-ръ Гаазъ.

Любовичъ, Н. Статист. методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава, 1901 г.

Мандельштамъ, І. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ—Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Медико-хозяйств. отчетъ по Покровской психіатр. больницы моск. губ. земства за 1900 г. Годъ 8-й. М., 1901 г.

Мирянинъ. Нищіе духомъ (объясненіе первой заповѣди блаженства). Спб., 1902 г. Ц. 10 к.

Мюнхгаузенъ, баронъ. Разсказы объ его удивительныхъ приключеніяхъ и походахъ въ Россіи и друг. странахъ. Пер. З. А. Венгерова. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

Натансонъ, В. Популярная физика. Изд. А. Ю. Маноцковой. М., 1902 г. Ц. 85 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. За далекихъ братьевъ. Повѣсть изъ послѣдней русско-турецкой войны. Изд. ред. журнала „Всходы". Спб., 1902 г. Ц. 80 к.

Нибуръ, І. Рабство какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Изд. маг. „Книжное дѣло". М., 1902 г. Ц. 2 р.

Николаева, Е., и Заморенко, Е. Начальное обученіе глухонѣмыхъ родной рѣчи. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.

Новиковъ, Н. И. 1) Трутень. Въ 2-хъ ч. Ц. 40 к. 2) Живописецъ. Въ 2-хъ ч. Ц. 40 к. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1901 г.

Ньюманъ, Д. Бактеріи. Пер. съ англ. Е. Гурвичъ, подъ ред. В. Веронина. М., 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

Общество распространенія полезныхъ книгъ: 1) Родные поэты. 2) Иностранные поэты. М., 1901 г. Ц. 10 к.

Оларъ, А. Политическая исторія французской революціи. Изд. С. Скирмунта. М., 1902 г. Ц. 3 р.

Отчетъ о дѣят. нижегор. гор. санитарн коммиссіи за 1899—1900 гг. Н.-Новгородъ, 1901 г.

Отчетъ коломенской обществ. библіотеки имени Ив. Ив. Лажечникова за 1900 г. (годъ 2-й). Коломна, 1901 г.

Отчетъ о дѣят. станціи Пастёра при Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1900 г. М., 1901 г.

Отчетъ о дѣятельности учебн. отдѣла общества расп. техн. знаній, сост. подъ августѣ. покров. Е. И. В. Велик. Кн. Алексѣя Александровича за 1900 годъ. М., 1901 г.

Отчетъ русскаго театральнаго общества за 1900 г. Спб., 1901 г.

Отчетъ псковской город. общ. библ. за 1900 г.—Докладъ ревизіонной коммиссіи за 1900 г. 3-й годъ существованія. Псковъ, 1901 г.

Педагогическіе курсы нижегор. губ. земства съ 4 по 25 іюня 1900 г. Изд. губ. земства. Н.-Новгородъ, 1901 г.

Переводчикова, А. В. Стихотво-

ренія. Изданіе 2-е. Саратовъ, 1901 г. Ц. 50 к.

Пирлингъ, П. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Письма Н. В. Гоголя. Подъ ред. В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1901 г. Ц. за 4 т. 6 р.

По книгѣ В. Брёггера и Н. Рольфсена. Пер. А. и П. Ганзенъ. Фритьофъ Нансенъ. Изд. 2-е. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1901 г.

Подъяпольскій, П. О гипнотизмѣ и внушеніи. Саратовъ, 1901 г.

Покровскій, Н. 1) Изъ галлереи дѣтскихъ портретовъ. Ц. 25 к. 2) Въ семейномъ кругу. Сборникъ стихотвореній. Ц. 30 к. Изд. В. С. Спиридонова. М., 1901 г.

Радцигъ, Ант. Лѣсъ и лѣсное хозяйство. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ризонъ, У. Университетскія и соціальныя поселенія. Пер. съ англ. подъ ред. проф. Д. М. Петрушевскаго. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб., 1901 г. Ц. 80 к.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. II. М., 1901 г.

Россовъ, П. Русскій Китай. Портъ-Артуръ, 1902 г. Ц. 2 р.

Сборникъ историческ. общества при Императорскомъ С.-Петерб. университетѣ, издаваемый подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. 12-й. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ учено-литературнаго общества при Импер. юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ, 1901 г. Ц. 2 р.

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей. Вып. II. М., 1901 г.

Скальковскій, К. Сатирическіе очерки и воспоминанія. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скуратовъ, П. Театральная правда. Очерки и фантазіи. Одесса, 1901 г. Ц. 75 к.

Случевскій, К. „Пѣсни изъ уголка“. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соболевъ, М. Н. Коммерческ. географія Россіи. 2-е изд. Томскъ, 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Соколинскій, А. 15 разсказовъ. М., 1902 г. Ц. 80 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. „Герои“. Разсказы для дѣтей. Изд. т-ва Д. И. Сытина. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Сохинъ, И. Прося. Разсказъ. Спб., 1901 г. Ц. 30 к.

Суворовъ, Н. Учебникъ церковнаго права. Изд. 2-е. М., 1902 г. Ц. 3 р.

Тарле, Е. В. Исторія Италіи въ новое время. Изд. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

Твэнъ, М, Жанна д'Аркъ. Пер. съ англ. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. картографическ. зав. А. Ильина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Труды одесск. филлоксерн. комитета.— Отчетъ одесск. филлоксерн. комитета. Одесса, 1901 г.

Тулуповъ, Н. В. (по Аѳанасьеву и друг.). Сборникъ русскихъ сказокъ для маленьк. дѣтей. Въ 4-хъ вып. М., 1902 г. Цѣна каждаго вып. въ папкѣ 25 к.

Успенскій, Н. Собраніе поэтическихъ произведеній. Вып. I. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

Филитисъ, Н. Подвижныя школьныя игры. Изд. 2-е. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1901 г. Ц. 40 к.

Фостеръ, М., и **Шоръ, Л.** Физіологія для начинающихъ. Съ 111 рис. въ текстѣ. М., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фришмутъ, М. Критическіе очерки и статьи. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Харьк. общество распр. въ народѣ грамотности: 1) Бесѣда врача съ крестьянами о заразн. болѣзняхъ. 2) Отважный путешественникъ Фритіофъ Нансенъ. 3) Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія. 4) Бесѣды о внутренности земли. 5) Буры и ихъ страна. 6) Маленькій Стась. 7) Генри Стэнли, его жизнь и путешествія. 8) О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ. 9) Катуко, повѣсть изъ жизни эскимосовъ. Харьковъ, 1901 г.

Хозяйственно-статистич. обзоръ Уфимск. губ. за 1900—1901 гг. Ч. VI, вып. I. Изд. уфимск. губ. земск. управы. Уфа, 1901 г. Ц. 1 р.

Цертелевъ, Д. Н. Стихотворенія. 1883—1901 гг. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Чайковскій, М. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II, вып. VII. Изд. П. Юргенсона. М., 1901 г. Подп. 6 р.

Чеховъ, Ант. Разсказы. Т. VI. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чтенія въ обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Импер. казанск. университетѣ. Казань, 1901 г.

Шубартъ, Ив. Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельск. хозяйства. Пер. съ нѣм. съ примѣч. Ю. С. Еремѣевой. Кіевъ, 1901 г. Ц. 30 к.

Щегловъ, Ив. Юмористическ. очерки. Издан. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Эйзерманъ, К. Судебная ошибка. Быль. Орѣхово-Владим. губ. 1901 г. Ц. 8 к.

Юрьева, М. Суровая школа. Изданіе В. С. Спиридонова. М., 1901 г. Ц. 25 к.

1901-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV. Спб., 1901 г.

Тверская Областная библиотека имени А. С. Пушкина
Книгохранилище

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

Беллетристика: *Алексѣй Плетневъ.* „На чужбинѣ и дома“. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни, статьи, письма издалека.—*Иванъ Щегловъ.* „Юмористическіе очерки“.—*Теодоръ Герцль.* „Философскіе разсказы“.—*Н. И. Галицкій.* „На берегахъ Невы“.—„Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ: Иностранные поэты. Польскіе поэты. Родные поэты“.—*А. Барановъ.* „Въ защиту несчастныхъ женщинъ“. 1

Философія: *Эдмундъ Кенигъ.* „В. Вундтъ. Его фолософія и психологія“.—*А. Казариновъ.* „О человѣческомъ мышленіи“ 4

Политическая экономія, статистика: *Евгеній Филипповичъ.* „Основанія политической экономіи“.—„Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г.“.—„Статистика по казенной продажѣ питей за 1897 и 1898 г. 5

Исторія, исторія литературы: *Е. В. Тарле.* „Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени“.—„Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру (1812—1826 г.).“—„Извѣстія калужской ученой архивной коммиссіи“.—*Е. К.* „Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX стол.“—*В. В. Сиповскій.* „Изъ исторіи русской литературы XVIII в. Опыты статистическихъ наблюденій“.—*П. Смирновскій.* „Исторія русской литературы XIX в. Вып. IV“.—*В. В. Сиповскій.* „Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 г.). Критико-библіографическій обзоръ“.—„Сборникъ Кирши Данилова“.—*А. Круковскій.* „Сборникъ отзывовъ о русскихъ писателяхъ“ 7

Этнографія, географія: *Э. Лангъ.* „Миѳологія“.—„Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи“. Собраны и изданы подъ редакціей и съ введеніемъ *С. М. Гинзбурга и П. С. Марека.*—*В. А. Долгоруковъ.* „Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. 17

Изданія для народа: „Изданія харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности“ 18

Книги для дѣтей: *Д. И. Тихомировъ.* „О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ“. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“).—*П. Засодимскій.* „Въ пріютѣ“. „Въ лѣсу“. „Зима въ деревнѣ“. — „Всемірные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей. Шиллеръ и Гёте. По Огорну и Эрлиху состав. *М. Градстремъ.*— *Клавдія Лукашевичъ.* „Побѣдила“. Комедія въ 4-хъ дѣйств. для дѣтей. „Въ сельской школѣ“. Сцены для школьнаго театра. „Веселые дни“. Сцены изъ народнаго быта. „Среди цвѣтовъ“. Фант. ком. для дѣтей 23

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1901 г. по 1 января 1902 г.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

находящіяся при конторѣ журнала

(*Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., домъ Аплаксиной*).

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.

III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 р.

IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета Министерств. Народн. Просв. допущена въ народныя библіотеки и читальни.

VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. Ив.** Драма за сценой. Ц. 1 р.

VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

IX. **Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.

XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.

XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.

XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.

XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(*Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева*).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Дружинина). Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. А. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Его же. Маленькій приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Ла

уры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юно́ша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. $1^1/_2$ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 к.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Эхштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*) 92 стр. Ц. 20 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 15-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

съ 1-го января 1902 года, въ гор. Харьковѣ,

„ГОРНО-ЗАВОДСКАГО ЛИСТКА“.

Изданіе двухнедѣльное, выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ объемѣ отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ.

„Горно-Заводскій Листокъ“ издается при участіи Редакціоннаго Комитета, состоящаго изъ гг. горныхъ инженеровъ: Н. С. Авдакова, А. А. Ауэрбаха, Д. И. Иловайскаго, В. Н. Курбановскаго, Н. Н. Летуновскаго, А. В. Миненкова, И. Н. Моренца, И. А. Стемпковскаго, С. Н. Сучкова, Е. Н. Таскина, Н. Ф. фонъ-Дитмара и О. М. Шена по нижеслѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Отдѣлъ научный. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ научнымъ предметамъ, имѣющимъ приложеніе къ горному и заводскому дѣлу. Горное обозрѣніе и обученіе. 3. Отдѣлъ горный. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ отраслямъ горнаго дѣла и въ особенности по разработкѣ полезныхъ ископаемыхъ. 4. Отдѣлъ заводскій. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ вопросамъ заводскаго дѣла. 5. Отдѣлъ экономическій. Горное законодательство, горное хозяйство и статистика. Разработка условій, вліяющихъ на развитіе горной и заводской промышленности и въ особенности соляной, желѣзной и нефтяной. 6. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ по всѣмъ отраслямъ горнаго и заводскаго дѣла. Критика и библіографія. 7. Корреспонденціи изъ разныхъ Горнозаводскихъ Округовъ о состояніи горнаго промысла. 8. Мѣстныя извѣстія, до Южной Русской горной промышленности относящіяся. 9. Разныя извѣстія, смѣсь, справки по горно-заводскому дѣлу, чертежи, планы, рисунки, объявленія.

Подписка на изданіе принимается въ г. Харьковѣ въ конторѣ редакціи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на ½ года 4 руб.

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

ВЪ СКЛАДАХЪ ИЗДАНІЙ
А. Ю. МАНОЦКОВОЙ.

Москва, 1) типографія Кушнерева и К⁰, 2) магазинъ „Книжное дѣло“ Моховая; 3) С.-Пет. книжный складъ Звонарева, Б. Московская, 12 и 4) С.-Пет. типографія Мин. Путей Сообщенія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰

находятся слѣдующія новыя книги собствен. изданія:

П. Лафаргъ.—„Умственный трудъ и машина“. Перев. съ франц. Ц. 45 к.

Л. Штейнъ.—„Къ аграрному вопросу“. Вып. I (самостоятельное цѣлое). Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX в. Ц. 75 к.

Эр. Махъ. — „Научно-популярные очерки“. Вып. I (представляющій самостоят. цѣлое). „Этюды по теоріи знанія“. Пер. А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ предисл. къ русск. изд. Э. Маха. Ц. 1 р. 25 к.

Эр. Махъ. — „Научно-популярные очерки“. Вып. II (самостоятельное цѣлое).— „Этюды по естествознанію“. Перев. А. А. Мейера, подъ редак. П. К. Энгельмейера, съ портр. Эр. Маха. Ц. 1 р. 20 коп.

Фр. Іодль.—„Давидъ Юмъ, его жизнь и философія“. Перев. А. А. Мейера. Ц. 1 р. 20 к. (трудъ этотъ премированъ Мюнхенскимъ университетомъ).

Эр. Лависсъ.—„Всеобщая исторія“ для дѣтей старшаго возраста. Приложенія и 13 картъ. Перев. съ 14 франц. изданія. Ц. 1 р. 20 к.

В. И. М.—„Чехія и чехи“. Очеркъ съ рис. и картой. Ц. 40 к.

„Научно-популярная библіотека А. Маноцковой“
для юношества и самоучекъ.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

№ 1—*К. Петерсъ.*—Популярная минералогія“. 58 рис. Ц. 80 к.

№ 2—*Проф. І. Нусбаумъ.*—„Основы біологіи“. 40 рис. Ц. 80 к.

№ 3—*З. Геринъ.*—„Основы полит. экономія“. (Экопом. бесѣды). Ц. 75 к.

№ 4—*Д-ръ Штерминъ.* —„Наука о здоровьи“. (Основы гигіены). 13 рис. Ц. 80 к.

№ 5—*Л. Жерарденъ и Томэ.*—„Общая ботаника“. 68 рис. Ц. 1 р.

№ 6—*Ф. Піотровскій.*—„Наука о погодѣ“. (Основы метеорологіи). 52 рис. Ц. 75 к.

№ 7—*Проф. Холлъ.*—„Антропологія“. Съ 10 рис. Ц. 85 к.

№ 8—В. *Натансонъ.*—„Популярная физика“. Съ 140 рис. Ц. 85 к.

Выписывающіе изъ главнаго склада всю серію цѣликомъ получаютъ ее за 6 р. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ Москву, магазинъ „Книжное дѣло“ (отдѣленіе книгоиздательства и главный складъ изданій *А. Ю. Маноцковой*), а равно и въ другіе склады.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 2-ю и 3-ю СЕРІЮ

„Научно-популярной библіотеки А. Ю. Маноцковой“
для юношества и самоучекъ.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

№ 1—*Фраасъ.*—„Геологія“, съ многр. рис.

№ 2—*Гюнтеръ.* — „Физическая географія“, съ многр. рис.

№ 3—*Бернштейнъ.*—„Популярная химія“, съ политипажами.

№ 4—*Гейльпернъ.* — „Астрономія“, съ многр. рис.

№ 5—*Эльзенгансъ.*—„Популярная Психологія и Логика“.

№ 6—*Захаріевъ.*—„Дарвинизмъ“, 30 рис.

№ 7—*Томэ.* — „Описательная ботаника“ (системат. и морфологія), съ многр. рис.

№ 8—*Габерландъ.*—„Популярная этнографія“, съ многр. рис.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№ 1—*І. Вальтеръ.*—„Общая океанографія“, 72 рис.

№ 2—*А. Бишофъ.*—„Основа финансовой науки“.

№ 3—*Ф. Кирхнеръ.*—„Этика“.

№ 4—*Морзелли.*—„Общая соціологія“.

№ 5—*Заборовскій* (съ дополн. по Неймайеру и Гетчинсону) — „Палеонтологія“, съ многр. рис.

№ 6—*Брефельдъ.*—„Популяр. бактеріологія“, съ рис.

№ 7—*Э. Д.*—„Исторія мірозданія“, съ рисун.

№ 8—*Т. Фенета.*—„Всеобщая исторія“.

По соображеніямъ редакціоннымъ и цензурнымъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ авторовъ могутъ быть замѣнены другими.

Подписная цѣна на каждую серію порознь 5 р.,—на обѣ серіи вмѣстѣ 9 р.

По выходѣ изъ печати цѣна будетъ значительно повышена.

Обѣ серіи выйдутъ въ теченіи 1901—2 года и будутъ заключать въ себѣ до 100 листовъ каждая, т.-е. по 10—15 листовъ въ каждой книгѣ.

Допускается разсрочка: а) при подпискѣ на одну серію 3 р. и при полученіи 4-го №—остальные 2 р. (наложеннымъ платежомъ). 2) При подпискѣ на обѣ серіи 5 р. и при полученіи 8-го №—4 р. (наложеннымъ платежомъ).

Для земствъ, различныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускаются болѣе льготныя условія подписки, а именно:

1. При подпискѣ на 10 и бол. экз. каждой серіи дѣлает. уступка съ подп. цѣны—10%
2. » » » 25 » » » » » » » » » —15%
3. » » » 50 » » » » » » » » » —20%
4. » » » 100 » » » » » » » » » —25%

Съ требованіями и подпиской слѣдуетъ обращаться въ главный складъ и отдѣленіе книгоиздательства А. Ю. Манонковой: Москва, магазинъ „Книжное Дѣло“, Моховая, 26.

Проспекты по первому требованію высылаются безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

XIII Г. **на журналъ** XIII Г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года, кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, прив.-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, прив.-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. Васильевъ. В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, д-ръ Д. Н. Жбанковъ, д-ръ Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив. доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, И. М. Красноперовъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Д. Сатуринъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, прив.-доц. А. Н. Филипповъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе друг.

Журналъ допущенъ ученымъ комитетомъ министерства нар. просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Съ 1901 г. журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 руб., въ полгода 3 руб.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячный художественно-педагогическій журналъ

ВѢСТНИКЪ УЧИТЕЛЕЙ РИСОВАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2) Художественная и педагогическая хроника. 3) Обзоры и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4) Обзоръ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отзывы о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5) Фельетонъ. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6) Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и педагогическихъ учрежденій, обществъ, коммиссій, съѣздовъ и т. п. 7) Краткія извѣстія. 8) Некрологи. 9) Объявленія.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ будутъ помѣщаться приложенія на отдѣльныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ предѣлахъ программы.

12 НОМЕРОВЪ ВЪ ГОДЪ.

Срокъ выхода 15-е число каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля.

Подписной годъ начинается 15 сентября.

Подписка принимается: отъ городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40; въ Москвѣ—въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Неглинный проѣздъ, д. Третьяковыхъ.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно на имя редактора-издателя А. Н. Смирнова.

С.-Петербургъ, Озерной пер., д. № 6, кв. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г. (2-й г. изданія)

САМОПОМОЩЬ

популярный журналъ для семьи, гигіеническій, сельскохоз., техническій и педагогическій.

12 №№ журнала въ годъ и 48 приложеній „Библ. Самопомощи“.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями **4** р. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ“! вотъ девизъ нашего времени и идея самопомощи все болѣе входитъ въ сознаніе людей. Журналъ „Самопомощь“ посвящается этой идеѣ. Это первый русскій популярный журналъ, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждаго. Провинціальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложеніяхъ въ ясной и общедоступной формѣ много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій въ области медицины и гигіены, сельскаго хозяйства и домоводства, техники и ремеслъ, воспитанія и обученія и пр.

Премія для подписчиковъ:

Подписчики, подписавшіеся до 1 января 1902 года получатъ въ видѣ преміи журналъ „Самопомощь“ со всѣми приложеніями въ теченіе октября, ноября и декабря текущаго года **безплатно**, а всего получатъ 15 №№ и 60 приложеній.

Подписчики по желанію могутъ подписаться наложеннымъ платежомъ, о чемъ заявляютъ редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № журнала имъ высылается немедленно, съ наложеніемъ платежа 4 руб. 25 коп. (25 коп. почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ высылаются обыкновеннымъ порядкомъ.

№ журнала для ознакомленія высылается съ 4 очередными приложеніями за 50 коп. деньгами или марками.

Подробная программа безплатно.

Съ ноября мѣсяца с. г.

въ гор. Читѣ будетъ издаваться частная политическая, литературная и экономическая газета

„ЗАБАЙКАЛЬЕ“

подъ редакціею П. М. Мартынова.

Срокъ выхода газеты ТРИ раза къ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ — 6 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб. 25 коп., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

Годовые подписчики, подписавшіеся въ текущемъ году — получаютъ газету со дня подписки, безъ всякихъ приплатъ къ подписной цѣнѣ. Кромѣ того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, подписавшимся въ теченіе октября и ноября с. г., будетъ выданъ отрывной на 1902 г. календарь БЕЗПЛАТНО. Гг. иногородніе, желающіе получить календарь съ папкой, подъ казенной бандеролью, благоволятъ прибавлять къ подписной цѣнѣ 3 п 7-микопеечныхъ марки.

Газета *„Забайкалье“* будетъ выходить по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками, когда срокъ выхода газеты по необходимости измѣняется.

Въ тѣ дни, когда газета не выходитъ, а событія, сообщаемыя Телеграфнымъ агентствомъ имѣютъ большій или меньшій интересъ, редакція будетъ выпускать *телеграфные бюллетени* и разсылать городскимъ подписчикамъ *въ тотъ же день*, а гг. иногороднимъ вмѣстѣ съ газетой, въ видѣ безплатныхъ приложеній.

Розничная продажа газеты: у разносчиковъ по **7**, а въ редакціи по **5** коп. за №.

Объявленія принимаются по слѣдующему разсчету: за строку петита — 20 коп., на 4-й страницѣ—10 коп. За украшенія, бордюры и пр. прибавляется 50 коп. Объявленія, поданныя на большее число разъ, принимаются по соглашенію.

Вся корреспонденція, какъ простая, такъ и денежная, адресуется въ Читу, **Павлу Мартыновичу Мартынову.**

Подписка принимается: *въ Читѣ,* въ конторѣ редакціи: уголъ Большой и Срѣтенской улицъ, д. Соловьева.

При конторѣ редакціи будутъ открыты книжный и писчебумажный магазины. Послѣдній обильно снабженъ ученическими тетрадями, карандашами, досками и проч.

Контора редакціи приметъ на себя выписку другихъ газетъ и журналовъ БЕЗВОЗМЕЗДНО.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

Южно-Русскую Сельскохозяйственную Газету.

Еженедѣльное изданіе Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Сельскохозяйственной промышленности.

Программа газеты:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Хроника. 3) Земскій отдѣлъ. 4) Внутреннія извѣстія. 5) Заграничныя извѣстія. 6) Научныя статьи. 7) Фельетонъ. 8) Среди газетъ и журналовъ. 9) Библіографія. 10) Разныя извѣстія.

Пробный № высылается за семикопеечную марку.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: за годъ—**4** руб., за $^1/_2$ года—**2** р., 3 мѣс.—**1** руб., 1 мѣс.—**50** коп. Въ розничной продажѣ 1 №—**15** коп. Объявленія за 1 строчку петита на 1-й страницѣ—**20** к., на послѣдней—**10** коп., при повтореніи уступка; за три раза—15%, 5 разъ—20%, 10 разъ—25%; далѣе по соглашенію.

Статьи, присылаемыя для напечатанія, въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію. Непринятыя возвращаются, если на это приложены марки. Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными.

Адресъ редакціи: г. Харьковъ, Петровскій пер., № 9.

Редакторъ А. Бенике.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

30-й г. изд. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 30-й г. изд.

ПРИРОДА и ОХОТА

и

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА.

Журналы **Природа и Охота** и **Охотничья Газета** циркуляромъ **Главнаго штаба Военнаго Министерства** рекомендованы во войскамъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „**Природы и Охоты**“ (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ „**Охотничьей Газеты**“.

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Премія: „Звѣри Россіи“—

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ, со множествомъ иллюстрацій въ текстѣ профессора звѣрописи **А. С. Степанова** и художника **Высоцкаго** и

съ

„Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

будутъ выходить при книгахъ журнала „Природа и Охота“ до окончанія всего труда

ПРЕМІЯ 1902 ГОДА:

Охотничій календарь Л. П. Сабанѣева.

Полная справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Дополненное и исправленное 4-е изданіе съ 500 рисунками въ текстѣ, до 800 стр. большого формата. Съ приложеніемъ къ книгѣ лѣчебника собакъ, описанія всѣхъ породъ собакъ, дрессировки, натаски и пр. и законовъ объ охотѣ.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.— Путешествія зоологовъ и охотниковъ. — Руководящія статьи. — Описаніе способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ—борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки, натаски и лѣченія. — Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ. — Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстопахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.—Ветеринарный отдѣлъ.— Юридическій отдѣлъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границею.— Библіографическія замѣтки. — Обзоръ иностранной литературы. — Вопросы охотниковъ и отвѣты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ пересыл. и доставкой . . . **15** р. | на полгода . . **7** р. **50** к. | за границу . . **20** р.

Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: **Москва, Пречистенка, домъ Станицкой.**

Издатель-редакторъ ***Н. В. Турчинъ.***

Продолжается подписка
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ-НА-ДОНУ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

выходящую въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.
Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Брюсселѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ. Ежедневныя телеграммы спеціальн. корреспондента изъ Петербурга.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: 12 мѣсяц.—8 р., 11 м. 7 р. 50 к., 10 м.—7 р., 9 м.—6 р., 8 м.—5 р. 50 к., 7м.—5 р., 6 м.—4 р. 50., 5 м.—4 р., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р., 50 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ за строку петита въ 1 столбецъ 12 к., послѣ текста 6 коп.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы, или правленія внѣ Донской, Терской и Кубанской областей и Екатеринославской, и Черноморской губерній, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Мэтцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, д. Сытова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Б. Морской, № 11, по таксѣ: позади текста 10 к., а впереди текста—20 к. за строку петита или занимаемое ею мѣсто.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:
Въ главной конторѣ въ Ростовѣ-на-Дону, Б. Садовая, д. Панченко. Телефонъ 640; и отдѣленіяхъ конторы: въ Новочеркасскѣ—Московская ул., д. Игнатова; въ Таганрогѣ—Варваціевскій пер., д. Знаменской, № 35; въ Екатеринодарѣ—Городская библіотека имени А. С. Пушкина; въ Новороссійскѣ—при типографіи М. Н. Корицкаго; Маріуполѣ—Екатеринин. ул., д. Ковальскаго; въ Азовѣ—у И. Г. Самойловича, въ конторѣ Е. Л. Гушнера; ст. Каменской—въ магазинѣ Савичева и у Н. Д. Ревунова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—въ книжн. магаз. П. Гулова; въ Луганскѣ—Почтовая ул., аптекарскій маг. Макарова; въ Юзовкѣ—Екатериносл. губ., контора П. Браиловскаго; въ Армавирѣ—при публичн. библіот. общ-ва попеченія о дѣтяхъ у А. А. Сорокиной въ Ставраполѣ-Кавказскомъ—въ табачн. маг. г. Терзіева; въ поселкѣ Дмитріевскомъ, при ст. Макѣевкѣ, екат. ж. д. въ магазинѣ П. Гулова.

Редакція газеты ДОНСКАЯ РѢЧЬ помѣщается въ Ростовѣ-на-Дону, въ новомъ городскомъ домѣ, входъ съ Николаевскаго переулка, телефонъ № 139.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
НА

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

политики, литературы и общественной жизни.
ГОДЪ ИЗДАНІЯ XIX.
Выходитъ въ г. Томскѣ ежедневно.

Программа газеты: 1) Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства. 2) Передовыя статьи. 3) Дѣйствія Правительства. 4) Текущія замѣтки. 5) Желѣзнодорожныя извѣстія. 6) Мысли въ слухъ. 7) Маленькій фельетонъ. 8) Сибирская лѣтопись. 9) Торговый отдѣлъ. 10) Мѣстная хроника. 11) Судебная хроника. 12) Театръ и музыка. 13) Среди газетъ и журналовъ. 14) Корреспонденціи. 15) Внутренняя хроника. 16) Заграничная хроника. 17) Между прочимъ. 18) Фельетонъ. 19) Справ. отдѣлъ.

Подписная цѣна съ дост. въ Томскѣ: на годъ—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—50 к. Съ перес. въ друг. города: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 65 к., на 1 мѣс.—75 к. За границу на годъ—12 р.

Пріемъ объявленій для *Сибирскаго Вѣстника*, подписка на него и продажа отдѣльныхъ номеровъ его производится въ главной конторѣ редакціи въ Томскѣ, Нечаевская ул., домъ Болотовой, на углу Дворянской, и кромѣ того: объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ главныя конторы или правленія внѣ Пермской губ. и Сибири, принимаются исключительно въ Москвѣ, въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метиль и К°—Мясницкая, д. Сытова, и въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ—Большая Морская, № 11, и печатаются по 15 к. за строку петита позади текста, а впереди по двойной цѣнѣ.

13-й г. изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г. на** 13-й г. изданія.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
И ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ свѣдѣній практическаго характера.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

За истекшія двѣнадцать лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица: Профессора и адъюнкты-профессора Технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго и Кіевскаго Политехническихъ институтовъ и др. — В. И. Альбицкій, К. А. Владиміровъ, П. В. Войнаровскій, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, П. Ф. Ерченко, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурницкій, Н. П. Ланговой, С. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Предтеченскій, Б. Н. Писаревъ, П. С. Страховъ, Н. И. Тавилдаровъ, С. Л. Франкфуртъ, П. К. Худяковъ, М. М. Черепашинскій, В. В. Шкателевъ и друг. Преподаватели, ассистенты, лаборанты: И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, Е. И. Орловъ, Н. А. Пановъ, В. А. Пантелѣевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, А. Н. Шустовъ и друг. Представители фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій: М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Н. Н. Аляпичковъ, Л. Я. Аркинъ, А. Г. Бадюлъ, Г. М. Барановъ, В. Я. Беинъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, Н. Н. Ботвинкинъ, И. П. Боклевскій, С. И. Бокастовъ, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Е. Я. Вайнъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневскій, Г. В. Вдовишевскій, С. В. Ганшинъ, П. Гарберъ, К. Ф. Гессель, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель, А. Ф. Грязновъ, А. В. Грушке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, К. Г. Дементьевъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, В. Ефременковъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Зябловъ, П. К. Касаткинъ, Д. Кирпичниковъ, И. А. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. К. Лейхманъ, Л. М. Лялинъ, П. А. Малыхъ, И. Г. Манохинъ, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, И. М. Нелюбинъ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Неймайеръ, С. Ф. Николаевскій, С. Я. Никитинскій, М. И. Носачъ, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персіяниновъ, Н. А. Песоцкій, П. Т. Плаксицкій, В. Е. Полуектовъ, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ, К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Рейманъ, Н. Родимцевъ, М. А. Рыловъ, А. Э. Сабекъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Синтицъ, А. А. Соломка, Б. А. Солонина, О. Старикъ, Н. Д. Степановъ, И. Тауберъ, М. Н. Триполитовъ, А. Н. Угаровъ, А. Г. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фуксъ, Г. Г. Хелимскій, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, А. Ѳ. Шварабовичъ, д-ръ Юркевичъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ, М. Е. Эфросъ и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Полные экземпляры журнала за 1890, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. высылаются по **16** руб. Выписывающіе за всѣ двѣнадцать лѣтъ сразу платятъ **100** руб.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№. Пробные №№ высылаются по первому требованію по **1** руб. **50** коп.

Допускается разсрочка. **16** р. въ годъ съ перес. и дост., за $^1/_2$—**9** р. Учащимся—скидка въ **25**%. Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. **К. А. Казначеевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г.

на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

18-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками и чертежами въ текстѣ образцовъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями къ нимъ, относящимися. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Ремесленная Газета необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ въ *Ремесленной Газетѣ* будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать безплатно отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

а) **50 №№** *Ремесленной Газеты*, содержащихъ до 1,000 статей, со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и приложеніяхъ, б) иллюстрированный настѣнный календарь и в) двѣнадцать слѣдующихъ премій-сборниковъ*, составленныхъ изъ новѣйшихъ лучшихъ образцовъ:

Примѣчаніе. Эти новые сборники вмѣстѣ съ изданными въ предшествующіе годы могутъ составить рѣдкія и богатыя собранія рисунковъ и чертежей образцовыхъ издѣлій по всѣмъ ремесламъ.

1) **Сборникъ** рисунковъ мебели, столярныхъ и пр. издѣлій. 1-я серія. 2) **тоже**—2-я серія. 3) **Сборникъ** рисунковъ мягкой мебели. 4) **Сборникъ** рисунковъ драпировокъ для оконъ, дверей и проч. 5) **Сборникъ** рисунковъ токарныхъ и рѣзныхъ работъ. 6) **Сборникъ** ажурныхъ (выпиловочныхъ) и т. п. работъ. 7) **Сборникъ** плотничныхъ и т. п работъ—дверей, воротъ, оградъ и проч. 8) **Сборникъ** рисунковъ желѣзныхъ воротъ, оградъ и проч.—1-я серія. 9) **тоже**—2-я серія. 10) **Сборникъ** разнаго рода слесарныхъ и т. п. работъ. 11) **Сборникъ** рисунковъ экипажей. 12) **Сборникъ** рисунковъ ювелирныхъ издѣлій изъ серебра, золота и проч.

Примѣчаніе. Эти сборники въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить каждый по 1 руб. (съ пересылкой).

Каждый подписчикъ всегда можетъ не соотвѣтствующій его нуждамъ сборникъ продать лично или при посредствѣ мѣстнаго книжнаго магазина, спеціалисту по соотвѣтствующему ремеслу.

Кромѣ того будутъ приложены къ *Ремесленной Газетѣ* образцы новѣйшихъ мужскихъ модъ всѣхъ сезоновъ и образцы модной обуви мужской и женской (отдѣльно они стоятъ за границей 15 р.).

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, за полгода—**4 руб.**

Полные экземпляры *Ремесленной Газеты* со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892 гг. (безъ книгъ), 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. высылаются по 5 р.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

Ремесленная Газета рекомендована г. министромъ народнаго просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-издатель ученый инженеръ-механикъ А. А. Казначеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

на еженедѣльный художествен.-литератур. журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ТОВАРИЩЪ.

(III-й годъ изданія).

Въ журналѣ помѣщаются беллетристическія произведенія и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній. Журналъ имѣетъ цѣлью дать дѣтямъ интересное и воспитательное чтеніе, развивать ихъ умъ и художественный вкусъ и знакомить съ выдающимися событіями текущей жизни.

Журналъ „ТОВАРИЩЪ"—первая попытка изданія въ Россіи еженедѣльнаго художественно-литературнаго журнала для дѣтей.

Имѣя въ виду врожденную потребность дѣтей въ печатлѣніяхъ художества, редакція „Товарища" задалась цѣлью принести посильную помощь въ развитіи художественнаго вкуса дѣтей, въ связи съ этическими и просвѣтительными задачами, для чего пригласила къ сотрудничеству лучшія наши литературн. и художествен. силы.

„Товарищъ" будетъ живымъ еженедѣльнымъ дѣтскимъ органомъ, помощникомъ родителей и воспитателей, а еженедѣльный выходъ журнала обезпечиваетъ подписчикамъ чтеніе, распредѣленное на короткіе промежутки времени. Въ теченіе года въ журналѣ будетъ помѣщено до 1,000 рисунковъ. Редакція не обѣщаетъ своимъ подписчикамъ никакихъ „премій", можетъ обѣщать лишь постоянное улучшеніе самого изданія, какъ съ внѣшней стороны, такъ и внутренней.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *В. И. Анучинъ, К. С. Баранцевичъ, И. Бѣлоусовъ, Н. П. Вагнеръ, (Колъ-Мурлыка, Галина, Н. И. Герардовъ, Д. И. Глущенко, Д. М. Головачевъ, Максимъ Горькій, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, О. Григорьева, О. Д. Дрожжинъ, Д. А. Клеменцъ, П. Ф. Лесгафтъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Л. Мельшинъ, И. Нажавинъ, Г. Н. Потанинъ, Н. А. Танъ, М. К. Цебрикова* и мн. др.

Художественной частью попрежнему завѣдуетъ **М. А. Курковскій.**

Подписная цѣна на журналъ „ТОВАРИЩЪ": на годъ *4* р., на $^1/_2$ года—*2* руб. За границу *6* р. съ перес. и доставкой. **Подписка принимается** въ отдѣленіяхъ конторы журнала: Спб., Невскій пр., д. 66, въ кн. маг. М. В. Попова. Москва, контора Н. Печковской, Петровскія линіи. Иногородніе обращаются исключительно въ главную контору журнала: *С.-Петербургъ, Песочная ул., д, 10.*

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. журналъ допущенъ въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (IV годъ изданія)

НА ГАЗЕТУ

АСХАБАДЪ.

Ежедневный (не исключая дней и послѣпраздничныхъ) вѣстникъ литературы, политики, торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

Выходитъ въ прежнемъ увеличенномъ размѣрѣ.

Программа газеты: Дѣйствія и распоряженія правительства. — Передовыя статьи. — Общая хроника. — Иностранныя извѣстія. — Новости прессы. — Мѣстная и областная хроника. — По Азіи. — Научный отдѣлъ. — Торгово-промышленный отдѣлъ. — Зрѣлища. — Судебная хроника. — Библіографія. — Смѣсь. — Телеграммы. — Справочный отдѣлъ. — Фельетонъ. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: Безъ доставки на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣс.—2 руб. и на 1 мѣс.—75 к. Съ доставкою на домъ: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. 50 к., на 3 мѣс.—2 руб. 50 к. и на 1 мѣс.—1 руб. Для иногородныхъ: на годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣс.—3 руб. и на 1 мѣс.—1 руб. 50 к. За границу—10 руб. За перемѣну адреса: съ иногор. на иногородній 20 к., съ городского на иногородній 1 р. Отдѣльные номера 5 к.

Для удобства какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по одному рублю до уплаты всей суммы.

Подписку и объявленія направлять: АСХАБАДЪ, въ контору редакціи газеты, уголъ Почтовой и Скобелевской площади, домъ Хубова.

Ред.-изд. **З. Д. Джавровъ.**

5-й г. изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 5-й г. изданія.

на 1902 годъ

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ **М. С. Копыловымъ** подъ редакціей **М. К. Лемке**

ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

Новая редакція ставитъ своею задачею детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государств. жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Данилинъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Каплант, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ, Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Поюровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна **ПОНИЖАЕТСЯ** и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава **8** руб., для иногородныхъ **10** руб. Подробности подписки слѣдующія:

Условія подписки на 1891 годъ.	на 12 мѣс.		на 11 мѣс.		на 10 мѣс.		на 9 мѣс.		на 8 мѣс.		на 7 мѣс.		на 6 мѣс.		на 5 мѣс.		на 4 мѣс.		на 3 мѣс.		на 2 мѣс.		на 1 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ дост. въ Екатеринославѣ.....	8	7 50	7	6 50	6	—	5	50	5	4	25	3	25	2	50	1	75	1	—
Съ перес. иногор.	10	9 50	9	8 25	7	50	6	75	6	5	25	4	50	3	50	2	40	1	25
За границу	23	21 —	19	17 —	15	—	13	50	12	10	50	9	—	7	—	4	50	2	50

Открыта подписка на 1902 годъ (XX годъ изданія)

на изданіе литературной и политической газеты

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Выходитъ въ гор. Иркутскѣ подъ редакціей И. И. Попова ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Программа изданія: 1) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи. 4) Очерки сибирской жизни. 5) Сибирскіе вѣсти и факты. 6) Обозрѣніе русской общественной жизни. 7) Политическое обозрѣніе. 8) Хроника г. Иркутска. 9) Корреспонденціи. 10) Научный отдѣлъ. 11) Литературное обозрѣніе. 12) Изящная литература — фельетоны, разсказы, стихотворенія и проч. 13) Судебная хроника. 14) Торгово-промышленныя свѣдѣнія по Сибири. 15) Справочный отдѣлъ. 16) Объявленія.

При газетѣ издаются въ видѣ приложеній періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой внутри имперіи: на годъ—9 руб., на полгода—5 руб., на 3 мѣс.—3 руб., на 1 мѣс.—1 руб., со сборн. на годъ—11 руб. За границу на годъ—13 руб., на полгода—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—1 руб. 50 коп., со сборн. на годъ—15 руб. За перемѣну адреса—40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

IV г. изд. **журналъ для семьи** IV г. изд.

„СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ"

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. **профессоровъ и врачей по ихъ спеціальностямъ.**

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполнѣ доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всѣмъ вопросамъ популярной медицины, гигіены и санитаріи, освѣщающихъ всѣ могущіе интересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья;

24 приложенія, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д., поскольку они затрагиваютъ вопросы о человѣч. здоровьѣ и вполнѣ примѣнимы при каждой семейной обстановкѣ. Кромѣ того, въ теченіе 1902 г. подписчики получатъ **безплатно** и безъ всякой доплаты за пересылку **16** приложеній, весьма полезныхъ въ каждой семьѣ:

12 книгъ общедост. библіотеки „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ".

Подача первой помощи, проф. *Эсмарха*, съ рисунками.—**Здоровые и больные нервы**, проф. *Крафтъ-Эбинга*.—**Искусство продлить жизнь**, проф. *Эбштейна*.—**Поваренная книга**. Діэтика для желудоч. зольныхъ проф. *Бидерта*.—**Массажъ и его примѣненіе**, д-ра *Бернъ*, съ рисунками.—**Водолѣченіе** (дома у себя). Д-ра *Дювалъ*, сочин. удостоен. преміи Пар. Академіи.—**Гигіена повседневной жизни**, проф. *Гравичъ*.—**Какъ сохранить здоровье дѣтей**, проф. *Фишль*.—**Гигіена кожи, волосъ и ногтей**, проф. *Ралле*.—**Гигіена зубовъ и рта**, проф. *Бертенъ*.—**Глазъ и уходъ за нимъ**, проф. *Фика*.—**Домашняя гимнастика**, д-ра *Ангерштейна* и

ОБЩЕДОСТУПНОЕ РУКОВОДСТВО къ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ БОЛѢЗНЕЙ

И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ.

Въ 4-хъ томахъ.

Подъ редакц. проф. **В. Г. Хлопина**.—Введеніе проф. **Ф. Ф. Эрисмана**.

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря сего года получатъ 8 номеровъ журнала съ двумя къ нимъ приложеніями **за ноябрь и декабрь 1901 года** **БЕЗПЛАТНО** и, кромѣ того, въ началѣ года одновременно всѣ 4 тома Руководства къ предупрежденію болѣзней.

Цѣна съ пересылкой на годъ—**5** руб. **Разсрочка допускается.**

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья", С.-Петербургъ, Коломенская ул., соб. домъ.

Отв. редакторъ *А. О. Дукатъ*.

Открыта подписка на 1902 годъ (второй годъ изданія)

на безцензурный научно-общественный журналъ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

посвященный экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, земскому и городскому самоуправленію.

Редакторъ-издатель проф. **Л. В. Ходскій.**

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Ямская ул., 30.*

Подписная плата съ доставкою и пересылкою за годъ 10 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., остальное къ маю мѣсяцу. Экземпляры журнала за 1900 и 1901 гг. по 6 руб. за годъ. Можно наложеннымъ платежомъ. Заграничные подписчики добавляютъ за перес. по 2 р. въ годъ. Подписываться можно во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ коммиссіонная уступка 5%.

Въ 1901 году въ журналѣ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи: „Развитіе воззрѣній на методъ въ политической экономіи", *В. Святловскаго.* — „Кантіанизмъ въ новѣйшей соціально-экономической литературѣ", *К. Форлендера.*—„Теоретическіе итоги русскаго марксизма", *Константина —ова.*—„Принципы финансоваго хозяйства", *Л. Ходскаго.* — „Промышленное оживленіе и желѣзнодорожныя перевозки", *В. В.*—„Д. И. Менделѣевъ и уральская горная промышленность", *И. Остроумова.*—„Объ организаціи статистики урожаевъ въ Россіи", *А. Котельникова.*—„Государственный промысловой налогъ", *А. Еропкина.* — „Экономическое положеніе духоборовъ въ Канадѣ", *В. Б. Б.* —„Къ вопросу объ устройствѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ", *В. Маноцкова.*—„Ссудо-сберегательныя товарищества", *С. Прокоповича.* — „Тресты и синдикаты", *І. Дженкса.* — „Фабіанцы и ихъ воззрѣнія на общественное хозяйство", *Е. Булгаковой,* — „Англійское рабочее законодательство", *Эд. Бернштейна.*—„Опытъ законодательной нормировки заработной платы", *В. Рива.*—„Экономическая сторона университетскаго вопроса", *Л. Х.*—„С.-Петербургскій Политехническій Институтъ", *Ординарнаго Обозрѣвателя.* — „Указатель экономическихъ журнальныхъ статей и книгъ, отмѣченныхъ критикой въ русскихъ журналахъ за 1900 годъ.

Кромѣ постоянныхъ—внутренняго и литературнаго обозрѣній,—въ журналѣ помѣщаются обозрѣнія по земскому и городскому хозяйству, экономической жизни въ иностранныхъ государствахъ и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: Г. Баскинъ, П. Берлинъ, В. Б. Б., Е. Булгакова, Л. Бухъ, В. Бѣлинскій, А. Веснинъ, П. Вихляевъ, В. В., О. Г—въ, П. Головачевъ, П. Голубевъ, прив.-доц. І. Гольдштейнъ, І. Десятовъ, П. Е., А. Еропкинъ, проф. В. Залѣскій, А. Кауфманъ, А. Котельниковъ, Н. Крыловъ, І. Кулишеръ, К. Купаловъ, М. Курчинскій, проф. В. Лебедевъ, проф. В. Левитскій, В. Маноцковъ, В. М—скій, В. Мейенъ, проф. А. Миклашевскій, М. Неручневъ, А. Одарченко, П. Одарченко, Р. Ольгинъ, И. Остроумовъ, С. Прокоповичъ, А. Радцигъ, прив.-доц. В. Святловскій, В. Скалонъ, Е. Смирновъ, Г. Содовскій, Старый профессоръ, В. Тотоміанцъ, В. Туторскій, проф. А. Фортунатовъ, проф. Л. Ходскій, проф. Н. Цытовичъ, Г. Шрейдеръ, Ф. Щербина и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа.

Преподаватели, студенты, лица, служащія по земскому и городскому управленію, а также въ учрежденіяхъ финансоваго вѣдомства, г. контроля и т. п., по желанію, при заявленіи конторѣ, могутъ пользоваться уступкою 20%, т.-е. 8 руб. въ годъ и 4 р. 80 к. за старый годъ.

Подписчики на „НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО" могутъ пріобрѣтать въ конторѣ журнала всѣ книги проф. Л. В. Ходскаго съ уступкою 20%.

За напечатаніе при журналѣ объявленій взимается: за одну страницу 20 руб., 1/2 стр. 10 руб., 1/4 стр. 5 руб., 1/8 стр. 2 руб. 50 к. При повторныхъ публикаціяхъ, а равно для подписчиковъ на журналъ дѣлается 30% уступки.

Открыта подписка на 1902 годъ

(пятый годъ)

НА ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ЦАРИЦЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Вступая въ пятый годъ изданія газеты „Царицынскій Вѣстникъ“, редакція будетъ попрежнему стремиться къ улучшенію его какъ въ отношеніи содержанія, такъ и съ внѣшней стороны. Чтобы сдѣлать газету болѣе интересной, редакція пригласила новыхъ сотрудниковъ изъ Петербурга и Москвы. Не увеличивая объема газеты, редакція будетъ давать особыя прибавленія къ газетѣ.

Программа газеты:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства. 3) Хроника, въ которую входятъ всѣ событія дня и происшествія, отчеты о засѣданіяхъ суда, думы, земскаго собранія, дворянскаго собранія, благотворительныхъ и другихъ обществъ и учрежденій; рецензіи о зрѣлищахъ, концертахъ и т. п. увеселеніяхъ. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Поволжья, съ Дона и другихъ. 5) Фельетонъ: очерки мѣстной общественной жизни (въ стихахъ и прозѣ), провинціальное обозрѣніе на основаніи газетныхъ извѣстій. 6) Среди газетъ: выдержки и всевозможныя перепечатки изъ газетъ. 7) Желѣзнодорожныя извѣстія. 8) Торговый отдѣлъ. 9) Сторонніе сообщенія. 10) Справочный указатель. 11) Объявленія. Срокъ выхода ежедневный, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресеньями и праздниками.

Подписная цѣна:

На годъ съ перес. и доставкой—6 р.; безъ пересылк. и доставки—5 руб. 50 коп. На полгода—5 р.; на 1 мѣсяцъ—1 р.; на полгода 4 р.

Адресоваться слѣдуетъ: Царицынъ, въ редакцію газ. „Царицынскій Вѣстникъ“.

Редакторъ-издатель *Е. Д. Жимановскій.*

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ФИНЛЯНДСКАЯ ГАЗЕТА“

первый русскій органъ въ Финляндіи, издаваемый въ Гельсингфорсѣ при управленіи Финляндскаго генералъ-губернатора,

будетъ выходить въ ***1902*** году по вторникамъ, четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ (кромѣ дней послѣпраздничныхъ). Въ промежуточные дни, въ случаѣ надобности, будутъ выпускаемы **особыя прибавленія.**

Одинъ разъ въ мѣсяцъ газета будетъ давать подписчикамъ **Приложеніе** литературнаго или историческаго содержанія.

Еженедѣльно будетъ выходить не менѣе одного нумера на финскомъ языкѣ

„Suomen Sanomat“.

Подписка на 1902 годъ принимается: въ Гельсингфорсѣ—въ „Русской книжной торговлѣ“ (Зап. Генриховская ул., 10) и въ редакціи. Въ Петербургѣ — въ конторахъ редакцій: „Правительствен. Вѣстника“, „Русскаго Инвалида“, „Свѣта“, въ экономическомъ обществѣ офицеровъ гвардейскаго корпуса (Литейный пр., 20) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію ***„Финляндской Газеты“*** въ Гельсингфорсѣ (адресъ почтовому учрежденію извѣстенъ). Объявленія принимаются на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ. Плата за строчку петита или занимаемое ею мѣсто на 4-й страницѣ—$7\frac{1}{2}$ коп. или 20 пенни.

При многократномъ печатаніи уступка по соглашенію съ конторой газеты.

Подписная цѣна остается прежняя.

Въ Гельсингфорсѣ: на годъ — 9 марокъ, на полгода — 5 марокъ, на три мѣсяца—3 марки, на одинъ мѣсяцъ — 1 марка. Съ пересылкой въ другіе города: на годъ—4 р. или 11 м., на полгода — 2 р. 50 к. или 6 м., на три мѣсяца—1 р. 50 к. или 4 м., на одинъ мѣсяцъ—50 коп. или 1 м. 50 п. За границу: на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р. Въ розничной продажѣ—10 пен. Доли рубля и марки могутъ высылаться почтовыми марками. При годовой подпискѣ допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Редакторъ *И. А. Баженовъ.*

Открыта подписка на 1902 г.

(XX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „ЮЖАНИНЪ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ: 1) Оффиціальный отдѣлъ. 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ. 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго телеграфнаго агентства“. 4) Земскій отдѣлъ. 5) Провинціальная жизнь. 6) Хроника. 7) Наша печать. 8) Мѣстная хроника. 9) Письма въ редакцію. 10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные. 11) Театръ и музыка. 12) Наука, искусство и литература. 13) Судебная хроника. 14) Корреспонденція. 15) Иностранныя извѣстія. 16) Заграничная жизнь. 17) Спортъ, смѣсь и шахматы. 18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону). 19) Справочный листокъ. 20) Объявленія.

ФОРМАТЪ ГАЗЕТЫ НѢСКОЛЬКО УВЕЛИЧЕНЪ.

Условія подписки на газету „Южная Россія“:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ доставкой на домъ въ городѣ и перес. иногородн.	8	7 50	7 —	6 40	5 80	5 20	4 50	4 —	3 25	2 75	2 —	1 20
Безъ доставки и пересылки	7	6 50	6	10 5	60 5	10 4	60 4	— 3	75 3	— 2	50 1	80 1 —

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить чрезъ январь 1903 года.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ, въ два срока, съ доставкою: къ первому января—4 р. 50 к. и къ 1 мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1-му января — 4 р. и къ 1 мая — 3 р.; въ три срока съ доставкою: къ 1-му января — 3 р., къ 1-му апрѣля — 3 р. и къ 1-му іюня — 2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: Въ гор. Николаевѣ (Херсон. губ.) въ конторѣ „Южная Россія“, уголъ Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера. Въ гор. Кременчугѣ: А. М. Михилевича, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго). Въ Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

Открыта подписка на 1902 г. (IX г. изданія)
на еженедѣльный иллюстриров. экономическій и сельскохозяйственный журналъ
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

ХОЗЯИНЪ

Кромѣ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хозяйственной дѣятельности земства, обзоры научно-хозяйственной литературы, русская сельско-хозяйственная и техническая печать, хозяйственная жизнь въ Россіи, библіографіи, рынки, отвѣты на вопросы.

Подписчики въ 1902 году получатъ безплатно слѣдующія 6 „Книжекъ Хозяина“:

Пособіе при выборѣ и уходѣ за сел.-хоз. машинами и орудіями. *Д. Д. Арцыбашева.* Со многими рисунками. 2 выпуска. Содержаніе: Общія данныя при покупкѣ машинъ. Машины для обработки почвы. Сѣялки и сажалки. Машины для уборки урожаевъ. Молотилки, паровые и керосиновые двигатели, приводы. Машины для очистки и сортировки сѣмянъ. Орудія для луговой культуры. Сепараторы и проч.

Раціональное возд[illegible]ываніе кормовыхъ растеній. *Ф. Г. Штеблера.* Перев. съ нѣм. М. А. Энгельгардта. Съ 141 рисун. Содержаніе. Общія данныя. Однолѣтнія и многолѣтнія кормовыя растенія. Смѣси кормов. растеній. Смѣси для постоянныхъ луговъ. Уходъ за искусственными и естественными лугами.

Почва, ея природа, свойства и основные принципы обращенія съ нею. *Ф. Г. Кинга.* Перев. съ англ. съ дополн. М. А. Энгельгардта. Съ 45 рис. Содержаніе: Природа, происхожденіе, химическій и механич. составъ и различные типы почвъ. Почвенный азотъ и влага. Отношеніе почвы къ температурѣ, воздуху и влагѣ. Дренажъ и орошеніе.

Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ. *Д-ра К. Бемера.* Перев. съ нѣм. агрон. Н. Д. Черницына. Содержаніе: Способы уборки, приготовленія и сохраненія сѣна. Приготовленіе и употребленіе силосованнаго корма. Уборка и сохраненіе корнеплодовъ.

Ранняя выгонка овощей *И. Беттнера.* Съ 84 рис. Содержаніе: Подъ стекломъ. Устройство, набивка и уходъ за парниками. Враги парниковъ. Культура раннихъ овощей. Сѣмена и сорта и проч. Промежуточныя культуры. Отдѣльные мѣсяцы года. Культура 20 отдѣльныхъ овощей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ прилож. **шесть руб.** съ перес.; **на полгода—три руб.**: Разсрочка по 1 р. (въ первые 6 мѣс.).

Пробные №№ **безплатно.** Новые годовые подписчики получатъ журналъ со дня подписки по 1 января 1902 года **безплатно.**

Ред. *А. П. Мертваго.* Петербургъ, Невскій, 92. Изд. *И. А. Машковцевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„КУРСКУЮ ГАЗЕТУ“.

Съ 11 октября 1901 года газета будетъ выходить при новомъ составѣ редакціи, 3 раза въ недѣлю.

Подписная цѣна: За годъ—4 руб., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 руб. 25 коп., за 1 мѣс.—50 коп. Отдѣльные номера по 5 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Курскъ, Золотаревская ул., д. Дрыжакова.

За редактора издательница
С. А. Григорьева-Сидорова.

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА

ТЕРСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Въ официальномъ отдѣлѣ печатаются текущія распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія и сыскныя статьи.

Неофиціальная часть заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководящія статьи; 2) статьи и сообщенія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ или изученія области въ историческомъ, экономическомъ, этнографическомъ, хозяйственномъ и т. п. отношеніяхъ; 3) мѣстныя извѣстія; 4) корреспонденціи; 5) обзоръ печати; 6) внутреннія извѣстія; 7) иностранныя извѣстія; 8) изъ газетъ и журналовъ; 9) театръ и музыка; 10) судебная хроника; 11) наблюденія и замѣтки; 12) свѣдѣнія о новыхъ книгахъ (библіографія); 13) телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства; 14) справочныя свѣдѣнія; 15) фельетонъ и 16) частныя объявленія.

Условія подписки съ пересылкою и доставкою:

На годъ 6 р., 11 мѣс.—5 р. 75 к., 10 мѣс.—5 р. 50 к., 9 мѣс.—5 р., 8 мѣс.—4 р. 50 к., 7 мѣс.—4 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 5 мѣс.—3 р., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р.

Перемѣна адреса 20 коп.

Контора редакціи: Владикавказъ, Сергіевская улица, собств. домъ № 10. Телефонъ № 72.

Редакторъ Г. А. Вертеповъ.

IV г. **Принимается подписка на 1902 годъ.** **IV г.**

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПРОМЫШЛЕННОЕ

САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. З. и Г. И. и удостоенъ золотой медали.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ ЖУРНАЛЪ ДАЕТЪ:

КНИГИ, РИСУНКИ, СѢМЕНА, ДИЧКИ, ЧЕРЕНКИ И ПРОЧ.

Подписчики имѣютъ право помѣстить въ теченіе года 3 раза по 5 строкъ свои объявленія безплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ—3 р.; 1/2 года—1 р. 50 к.; 3 мѣс.—1 руб.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. П. Алферовъ, Н. В. Андросовъ, М. С. Балабановъ, Н. М. Буренковъ, В. І. Гомилевскій, С. Н. Гаховичъ, Н. Игнатьевъ, Н. И. Кичуновъ, Х. И. Клейнъ, И. И. Кабештовъ, К. Г. Мейеръ, С. А. Мокржецкій, Я. Т. Павленко, Л. П. Симиренко, Р. И. Шредеръ и мн. др.

ПРОБНЫЕ НОМЕРА БЕЗПЛАТНО.

Ближайшее руководство журналомъ приняли: *Н. И. Кичуновъ и С. А. Мокржецкій.*

Для удобства подписчиковъ и читателей при конторѣ журнала открытъ книжный складъ литературы по садоводству. Складъ садовыхъ принадлежностей и опрыскивателей.

Редакція принимаетъ на себя изданіе садовыхъ прейсъ-курантовъ и каталоговъ съ редакціей послѣднихъ относительно терминологіи.

КАТАЛОГИ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Адресъ редакціи и конторы: Харьковъ, Рыбная улица, № 32.

Редакторъ-издатель Н. В. Петровъ.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д. 4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

УРАЛЬСКОЕ ГОРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Еженедѣльный журналъ, издаваемый Совѣтомъ Съѣзда Уральскихъ Горнопромышленниковъ.

Годъ изданія пятый.

Благодаря участію многихъ техниковъ спеціалистовъ, „Уральское Горное Обозрѣніе“ въ спеціальныхъ отдѣлахъ слѣдитъ за развитіемъ и прогрессомъ горной, горнозаводской и горнолѣсной техники; помѣщаетъ статьи по горному дѣлу и геологіи, металлургіи, лабораторной практикѣ химика, по механикѣ въ приложеніи ея къ горному и горнозаводскому дѣлу, по лѣсному хозяйству горныхъ заводовъ, работающихъ на древесномъ топливѣ, по золото-и платинопромышленности.

„Уральское Горное Обозрѣніе“ является органомъ Совѣта Съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, Совѣта Съѣзда уральскихъ золотопромышленниковъ, Совѣщанія уральскихъ химиковъ, заключаетъ кромѣ техническаго отдѣлы узаконеній и распоряженій Правительства, торгово-экономическій, библіографіи и статистическій; слѣдитъ, насколько то возможно, за положеніемъ производства и потребленія продуктовъ горной и металлургической промышленности Россіи.

Редакторъ **Вл. Мамонтовъ.**

Редакція и контора изданія: **г. Екатеринбургъ, домъ Ижболдина. Телефонъ № 174.**

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ **6 р.**, на полгода **4 р.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ХУТОРЯНИНЪ,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, органъ Полтавскаго Общ. сельскаго хозяйства.

НА 1902 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельскохозяйств. учеб. заведеній М. З. и Г. И.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 руб., на полгода—1 руб.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи „Хуторянина“, при Обществѣ сельскаго хозяйства; 2) въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы „Хуторянина“ при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3.—13; 3) въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) въ Кіевѣ—книжн. магаз. „Кіевск. Старины“, Безаковская, 14.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1902 г.

на ежедневную, кромѣ дней послѣ праздниковъ, общедоступную газету

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ,

издающуюся въ Томскѣ.

Въ предстоящемъ году редакціей попрежнему будетъ обращено особенное вниманіе на возможно полное и разностороннее ознакомленіе своихъ читателей съ жизнью Сибири и на выясненіе ея нуждъ и ея экономическаго и умственнаго роста. Согласно такой задачѣ статьи и замѣтки, имѣющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ концовъ Сибири и „Хроника Сибири“ будутъ составлять главные и основные отдѣлы газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ ежедневно получаемыхъ телеграммъ и въ постоянныхъ отдѣлахъ газеты: „Русская жизнь“ и „Заграничная хроника“, читатели **Сибирской Жизни** будутъ своевременно ознакомляемы со всѣми болѣе крупными явленіями въ области государственной и общественной дѣятельности, науки и искусства какъ остальной части нашего обширнаго отечества, такъ и другихъ государствъ.

Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ, любезно обѣщали продолжить свое сотрудничество и въ будущемъ году нѣкоторые профессора Томскаго университета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ. .	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города.	5 „	4 „ — „	3 „ — „	50 „
Съ пересылкой за границу .	9 „	7 „ — „	5 „ — „	1 „

За печатаніе въ **Сибирской Жизни** объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 к., позади текста—10 к. За разсылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 р. за 1000 экземп.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: *въ г. Томскъ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.*

Издатель **П. Макушинъ.** Редакторы: **П. Макушинъ, А. Макушинъ.**

1902 годъ. XII г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 годъ.

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.
Для иногородныхъ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

Цѣна объявленій: За строку петита на первой страницѣ—20 к., на послѣдней—10 к. За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню.

Мелкія суммы принимаются почтовыми марками.

Подписка и объявленія принимаются въ Тобольскѣ: въ конторѣ редакціи (на горѣ, Большая ул., д. М. М. Емельяновой); въ Епархіальной типографіи; въ аптекарскомъ магазинѣ Ф. В. Дементьева; въ помѣщеніи „Народной аудиторіи“ у А. М. Садкова; въ магазинѣ Д. И. Голева-Лебедева. **Въ Тюмени:** въ книжномъ магазинѣ „Польза“. **Въ Ялуторовскѣ:** въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. **Въ Курганѣ:** въ книжномъ магазинѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. **Въ Омскѣ:** въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. **Въ Томскѣ:** въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и въ Правленіи Общества взаимопомощи книгопечатниковъ. **Въ Барнаулѣ:** въ магазинѣ М. В. Вершинина. **Въ Каинскѣ:** у нотаріуса І. С. Мягчиловичъ-Вольскаго. **Въ Иркутскѣ:** у А. В. Пихтина, уголъ Почтамтской и Баснинской, д. Швецовой и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. **Въ Екатеринбургѣ:** въ библіотекѣ Шабарова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, Редакція «Сибирскаго Листка».

Редакторъ-издательница **М. Н. Костюрина.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

Донского Отдѣла Императорскаго Россійск. Общества Садоводства.

ПРОГРАММА:

1. Правительственныя распоряженія, касающіяся плодоводства, виноградарства, шелководства, пчеловодства и огородничества; протоколы собраній отдѣла, годичные отчеты его, доклады коммиссій и т. п. 2. Отдѣльныя статьи, очерки, изслѣдованія по плодоводству, виноградарству, шелководству, пчеловодству и огородничеству, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. 3. Разныя замѣтки и наблюденія хозяевъ. 4. Обзоръ спеціальной литературы. 5. Разныя извѣстія. 6. Библіографія. 7. Вопросы и отвѣты. 8. Объявленія хозяевъ и торговыхъ фирмъ.

Задача журнала заключается въ установленіи болѣе живой связи между Донскимъ Отдѣломъ Императорскаго Россійскаго Общества садоводства и хозяевами какъ Донской области, такъ и Сѣвернаго Кавказа и прилегающихъ къ области губерній.

Въ журналѣ изъявили принять участіе: директоръ кавказской шелководственной станціи **Н. Н. Шавровъ**, спеціалистъ по пчеловодству при департаментѣ земледѣлія **Л. А. Потѣхинъ**—владѣлецъ обширнаго плодоваго питомника на югѣ Россіи, **Л. П. Симиренко**, агрономъ-статистикъ мелитопольскаго земства—**Г. В. Корвацкій**, пчеловодъ **П. Н. Слуховъ** и многіе другіе спеціалисты.

„ВѢСТНИКЪ“ будетъ выходить ежемѣсячно съ 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 года.

Подписная цѣна: на годъ съ перес.—2 руб., на полгода—1 р. Плата за объявленія: за цѣлую страницу въ $^1/_8$ долю листа—8 р. за $^1/_2$ страницы—5 р. за $^1/_4$ стр.—3 р. и за $^1/_8$ стр.—2 р. за каждый разъ. Годовыя объявленія съ уступкой по соглашенію. Постояннымъ сотрудникамъ и дѣйствительнымъ членамъ Отдѣла, внесшимъ членскій взносъ, „Вѣстникъ“ высылаетъ безплатно. На отвѣтъ по запросамъ просятъ прилагать семикопеечную марку.

Адресъ редакціи: Новочеркасскъ, Платовскій проспектъ, № 51, д. Уразовскаго. Подписка и объявленія принимаются также и въ книжномъ магазинѣ В. М. Кленина, Платовскій просп., д. Абрамовой и въ магаз. Б. И. Бабенко, Плат. пр., д. Фалченковой.

Редакторы: *А. Соколовъ, Н. Авиловъ, А. Уразовскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

выходящую три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ. Открывая подписку на будущій **1902 г.** (шестнадцатый годъ изданія), редакція не находитъ нужнымъ прибѣгать къ общепринятымъ обѣщаніямъ; постоянная забота редакціи отвѣтить требованіямъ читателей — служитъ лучшей порукой съ каждымъ годомъ возрастающаго успѣха газеты. Кромѣ постояннаго мѣстнаго фельетона, передовой статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ и широко поставленнаго отдѣла „мѣстной хроники“ и корреспонденцій изъ всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ Сѣверо-Западнаго края, газета даетъ литературные и научные фельетоны, а также обозрѣніе текущихъ злобъ дня нашего края. Особенное вниманіе обращено на изученіе жизни нашихъ уѣздовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и перес.		Безъ доставки и перес.	
На 12 мѣс.	4 р. — к.	На 12 мѣс.	3 р. — к.
„ 9 „	3 „ — „	„ 9 „	2 „ 50 „
„ 6 „	2 „ 50 „	„ 6 „	2 „ — „
„ 3 „	1 „ 50 „	„ 3 „	1 „ — „
„ 1 „	— „ 75 „	„ 1 „	— „ 50 „

Подписка принимается въ главной конторѣ: Минскъ, Захарьевская ул., д. Ландау и въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка подписной платы. **Лица**, подписавшіяся на 1902 г. въ теченіе ноября и декабря, получаютъ газету со дня подписки до новаго года безплатно.

За редактора-издателя ***И. П. Фотинскій.***

Объ изданіи съ 1-го января 1902 года въ Петербургѣ новой ежедневной газеты

РУССКІЙ ГОЛОСЪ

политической и литературной въ двухъ изданіяхъ: въ большомъ и маломъ объемѣ съ самою обширною программою и БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Въ наше время разнузданнаго эгоизма, когда бокъ-о-бокъ съ самосознаніемъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ и обязанностей уживаются въ ущербъ здравому смыслу самые гнусные инстинкты и необузданныя страсти, когда добродѣтель и справедливость остановились въ смущеніи передъ наглымъ хохотомъ скомороховъ, когда сильный топчетъ слабаго, когда, извращая нравственныя оцѣнки, честность клеймятъ подлостью, а подлость величаютъ честностью, когда, наконецъ, ажіотажъ и хищенія среди бѣлаго дня совершаютъ свои пиршества — въ такіе моменты главная задача „Русскаго Голоса“ стремиться неуклонно и съ полною энергіею къ широкой популяризаціи свѣтлыхъ міровоззрѣній, основанныхъ на незыблемомъ фундаментѣ верховнаго идеала жизни.

„Русскій Голосъ“ будетъ возбуждать стремленія не къ условной правдѣ, а къ правдѣ вѣчной, порождающей великій нравственный энтузіазмъ въ сердцахъ и способствующей эстетическому расцвѣту въ литературѣ и искусствѣ.

Главная цѣль „Русскаго Голоса“—содѣйствовать стремленію къ обезпеченію правъ личности и къ развитію гражданскаго простора, распространенію просвѣщенія не только въ ширь, но и въ глубь и въ высь, улучшенію условій приложенія труда къ землѣ, равно подъему вершинъ публичной мысли и національной силы духа, способной творить все великое въ исторіи.

„Русскій Голосъ“ будетъ, по преимуществу, органомъ практическимъ, образующимъ изъ себя посредника общественной мысли между центробѣжною силою, исходящею изъ столицы, и центростремительною—изъ всѣхъ мѣстъ необъятной Россіи, такъ что ежедневная лѣтопись политической, общественной и экономической жизни во внутреннихъ областяхъ и окраинахъ имперіи получитъ въ нашей новой газетѣ самое широкое, небывалое развитіе.

Наступившая пора серьезнаго обновленія характера нашей политической повседневной печати обязываетъ „Русскій Голосъ“ противопоставить господствующему тону памфлетовъ, личнаго задора и буффонадъ съ порнографическими оттѣнками—знаніе, опытъ, право, приличіе, спокойное и трезвое обсужденіе, соотвѣтствующее серьезности переживаемаго нами времени.

„Русскій Голосъ“ будетъ выходить съ 1-го вниваря 1902 года въ Петербургѣ ежедневно, не исключая праздничныхъ дней, одновременно въ двухъ изданіяхъ: 1) въ **большомъ** объемѣ съ особыми вечерними прибавленіями, съ рисунками въ текстѣ и съ безплатными иллюстрированными приложеніями и 2) въ **маломъ** объемѣ съ рисунками въ текстѣ и съ воскресными иллюстрированными выпусками.

Условія подписки на „Русскій Голосъ“.

Подписная цѣна на первое (большое) изданіе газеты „Русскій Голосъ“ съ вечерними прибавленіями и иллюстрированными приложеніями:

	На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки.	14 —	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8 —	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Съ доставой по город. почтѣ.	16 —	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —	9 —	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ пер. иногор.	17 —	15 50	14 50	16 50	12 50	11 30	10 —	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу . .	26 —	24 50	23 —	21 —	18 50	16 —	14 —	12 —	10 —	8 —	6 —	3 —

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны перваго (большого) изданія допускается для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ — по соглашенію съ главною конторою.

Подписная цѣна на второе (малое) изданіе газеты „Русскій Голосъ“ съ воскресными иллюстрированными выпусками—съ доставкою на домъ или пересылк. иногороднимъ:

На годъ	4 руб.	За границу: на годъ	8 руб.
„ полгода	2 „	„ „ „ полгода . . .	4 „
„ 3 мѣсяца	1 „	„ „ „ 3 мѣсяца . . .	2 „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Русскій Голосъ“: Фонтанка, домъ № 54.

Редакторъ и издатель газеты „Русскій Голосъ“ *Кон. Вас. Трубниковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

ЖИЗНЬ и ШКОЛА

(г. XVI). съ приложеніемъ „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. XVI).

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ навстрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни“ и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы“: шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше попрежнему будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

При газетѣ издается въ видѣ приложенія особый сборникъ, подъ заглав. „Школьное Обозрѣніе“, въ которомъ помѣщаются статьи по объему, неудобныя для еженедѣльной газеты, будутъ размѣщаться по слѣдующимъ отдѣламъ, съ особою нумераціею страницъ въ каждомъ: I. **беллетристическій**: а) стихотворенія (оряг. и перевод.); б) разсказы, очерки, воспоминанія и проч. II. **Научно-популярный**: а) статьи по педагогіи, природо-и обществовѣдѣнію и б) научная хроника. III. **Критико-библіографическій**: а) статьи и б) обзоръ новыхъ книгъ. Такимъ образомъ въ теченіе года подписчики получатъ: **52 №№** газеты „Жизнь и Школа“ и „Школьное Обозрѣніе“ въ видѣ особаго приложенія.

Подписная цѣна съ дост. и перес. 5 руб., для начальныхъ школъ и учителей—4 руб., за границу 6 руб. на годъ. Доставившему подписку на 5 экз.—шестой безплатно. Кромѣ того, подписавшимся на годъ предоставляются слѣдующія льготы: а) подписавшимся до января 1902 г. получаютъ всѣ номера газеты съ приложеніемъ за ноябрь и декабрь текущаго года; б) только годовые подписчики пользуются правомъ безплатнаго помѣщенія объявленій на послѣдней страницѣ газеты и в) иногородные подписчики имѣютъ скидку до 20% съ продажной цѣны всѣхъ книгъ, брошюръ и т. д., выписываемыхъ черезъ посредства конторы газеты „Жизнь и Школа“.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893—96 гг. можно получать за **два руб.**, 1898—1901 гг.—по **три руб.** за годъ. Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, пріобрѣтающіе за всѣ года, пользуются, сверхъ того, уступкой—50%. Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Школа“ текущаго года, по требованію высылаются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34. Редакторъ-издатель ***М. Е. Виноградовъ.***

15-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ

на политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ **гор. Севастополѣ** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ.

Условія подписки:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	на годъ
Съ доставкой и пересылкой..	1.25 р.к.	2.— р.к.	3.— р.к.	4.— р.к.	4.50 р.к.	5.— р.к.	5.50 р.к.	6.— р.к.	6.60 р.к.	7.— р.к.	7.70 р.к.	8.— р.к.
Безъ доставки.	1.—	1.75	2.50	3.—	3.50	4.—	4.50	5.—	5.50	6.—	6.50	7.—

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—3 руб., къ 1-му апрѣля—3 руб. и къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

Иногородніе адресуютъ: въ Севастополь, въ контору редакціи „Крымскаго Вѣстника“, Екатерининская, соб. домъ.

Подписка и объявленія также принимаются: въ г. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы „Крымскаго Вѣстника“, Екатерининская ул., домъ Спиро, въ г. Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы „Крымскаго Вѣстника“, городской домъ, противъ бульвара, въ г. Ялтѣ—въ книжномъ магазинѣ г. Синани, въ г. Мелитополѣ—въ конторѣ типографіи г. Либермана, соб. домъ, Курманъ-Кемельчи—у М. Гуревича, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Таврической губерніи.

Годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА **XII.**

на 1902 годъ

на издающуюся въ Ростовѣ-на-Дону большую ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

XII годъ изданія.

Давая ежедневно обширную хронику явленій и событій общей русской и заграничной жизни, „Приазовскій Край“ преслѣдуетъ разъ намѣченную цѣль—самую широкую разработку мѣстныхъ краевыхъ вопросовъ и нуждъ по всѣмъ отраслямъ общественной, экономической и торгово-промышленной жизни. Всѣ факты, отмѣченные общественнымъ интересомъ, находятъ мѣсто и надлежащее освѣщеніе на страницахъ газеты.

Собственные корреспонденты въ крупнѣйшихъ европейскихъ центрахъ, во внутренней Россіи и во всѣхъ мѣстностяхъ Донской области, Приазовья и Сѣвернаго Кавказа. Собственныя и агентскія телеграммы—политическія, общественныя и биржевыя. Въ еженедѣльныхъ „приложеніяхъ“—иллюстраціи, беллетристика, новости науки, литературы и промышленности, смѣсь.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ:		Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ:	
На годъ	9 руб. — к.	На годъ	8 руб. — к.
6 мѣсяцевъ	5 „ — „	6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „
5 „	4 „ 25 „	5 „	3 „ 75 „
4 „	8 „ 50 „	4 „	3 „ — „
3 „	2 „ 75 „	3 „	2 „ 25 „
2 „	2 „ — „	2 „	1 „ 50 „
1 „	1 „ — „	1 „	— „ 80 „

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны добавоч. 60 к. ежемѣсячно. За перемѣну адреса взимается: съ иногородн. или городскихъ на иногородніе 25 коп.

Подписка принимается: въ Ростовѣ на Дону, въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“.

Разсрчка подписной платы допускается только для лицъ, подписавшихся съ 1-го января на годъ (о чемъ должно быть заявлено при уплатѣ перваго взноса), и только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ—5 р. и къ 1-му іюля—4 р. и 2) въ три срока: при подпискѣ—4 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му сентября—2 руб.

Редакторъ и отвѣтственный издатель **С. Х. Арутюновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1902** ГОДЪ НА

1) ежедневную газету

ЦНОБИСЪ-ПУРЦЕЛИ

и 2) ежемѣсячный журналъ

МОАМБЭ

съ иллюстрированнымъ къ нимъ еженедѣльнымъ приложеніемъ (на грузинск. языкѣ).

Цѣна газеты: съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 1 мѣс.—75 к.

Цѣна журнала: съ доставкой и пересылкой на годъ—10 р., на полгода—6 р., на 3 мѣс.—3 руб.

Разсрочка для подписывающихся на всѣ три изданія: при подпискѣ—6 руб., къ 1-му марта—3 руб. и къ 1-му августа—2 руб.

Адресъ: Тифлисъ, редакція ***Цнобисъ-Пурцели*** и ***Моамбэ.***

XXI годъ изданія. **Открыта подписка на 1902 годъ** XXI годъ изданія.

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издающуюся въ г. Таганрогѣ.

Редакція, приступая къ ежедневному изданію газеты при новомъ составѣ сотрудниковъ и по новой, значительно расширенной программѣ, ставитъ своею задачей неослабно слѣдить за всѣми проявленіями областной, общерусской и заграничной жизни и детально разрабатывать и освѣщать мѣстные, городскіе и краевые вопросы.

Отдѣленія редакціи: въ Ростовѣ-на-Дону—Б. Садовая, газетное агентво бр. Трояновскихъ, Маріуполѣ—библіотека А. В. Петрова, Юзовкѣ—у П. Браиловскаго и Екатеринославѣ—бюро И. І. Ясинскаго.

Программа: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Иностранный отдѣлъ: Хроника событій иностранныхъ государ. 3) Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства. 4) Мѣстная хроника и жизнь. Дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи. Хроника городовъ, станицъ, селъ и хуторовъ области Войска Донского и Пріазовскаго края. 5) По Россіи. Корреспонденціи изъ столицъ, городовъ, селъ и разныхъ мѣстностей Россійской имперіи, доставленныя собственными корреспондентами и почерпнутыя изъ другихъ газетъ. 6) Среди газетъ и журналовъ. Обзоръ періодической печати. Библіографія. 7) Маленькій фельетонъ. Мѣстныя злобы дня. 8) Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. беллетристическія произведенія, оригинальныя и переводныя. 9) Театръ и музыка. Театральныя и музыкальныя рецензіи и статьи, касающіяся изящныхъ искусствъ. 10) Судебный отдѣлъ. Сообщенія о выдающихся процессахъ. 11) Смѣсь. Мелочи, анекдоты, остроты, курьезы и пр. 12) Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія. 13) Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Безъ дост.	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	— 75
Безъ дост. и перес.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 85	1 —

Подписка принимается въ Таганрогѣ, въ конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 5. и въ отдѣленіяхъ.

Редакторъ *М. И. Красновъ.* Редакторъ-издатель *К. Д. Чумаченко.*

Годъ VIII.

Открыта подписка на 1902 г. на издающуюся въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

(съ октября 1901 г. форматъ газеты увеличенъ),

выходящую **три** раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ—и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носитъ.

Въ промежуточные дни—среду, пятницу и воскресенье выходятъ ТЕЛЕГРАММЫ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
На годъ	5 р. 50 к.	На годъ	4 р. 50 к.
„ полгода	3 „ — „	„ полгода	2 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	1 „ 75 „	„ 3 мѣсяца	1 „ 50 „
„ 1 „	— „ 60 „	„ 1 „	— „ 50 „

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Адресъ: Ставропольскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа“. Телеф. № 36.

Пріемъ объявленій: Въ Ставроп.-Кавк. въ ред. и тип. „Сѣв. Кавк.“; въ Москвѣ и Петербургѣ въ конт. Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К°.

Издатель В. В. Беркъ. Редакторъ **Д. И. Евсѣевъ.**

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

Это книга очень не интересная.

И не советую не кому ее
читать.

П. Анофріева

Какие глупости!
вовсе интересная
книга и интерес-
но знать тут и пони-
мать ровно ничего
таким советую
читать сказочки
К. Ф. 6/VI-21.

Anaspida

16/II

Библиотека 16/VI

22/V

16/V

8/VIII

5/V

6/VI

читали Н. Г.

27/VI

М. В. Черкасова

10/VII

15/VII

16/VIII

22/VII

29/III

13/III

5/IX

7/VI

7/X

27/V

11/XII

19/VI

17174/с

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045775878